

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИР ПСИХОЛОГИИ

Научно-методический журнал

№ 3 (99)

Июль — сентябрь

Москва
2019

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Свидетельство ПИ № ФС77-62454 от 27 июля 2015 г.

*Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России*

Главный редактор

Э. В. Сайко

Заместитель главного редактора

С. К. Бондырева

Члены редакционной коллегии:

*Ш. А. Амонашвили, О. С. Анисимов, А. Г. Асмолов, А. А. Деркач,
Ю. П. Зинченко, В. А. Пономаренко, В. М. Розин,
В. В. Рубцов, В. М. Тиктинский-Шкловский,
С. Д. Максименко (Украина, Киев),
Michael Cole (Майкл Коул) (USA, San Diego La Jolla),
Serena Veggetti (Серена Веджетти) (Italy, Roma)*

От редколлегии

**Культура как неорганическая система, создаваемая человеком,
и как механизм воспроизводства
системной целостности — Человек**

Тема *культуры* не обойдена вниманием в научном пространстве. Количество работ, посвященных проблеме культуры, неизмеримо (особенно если говорить не только о феномене культуры как определенной целостности, но и о различных формах, уровнях, сферах ее проявления и т. д.), а количество ее определений, разных по емкости, глубине смысловой нагрузки, называется исследователями от трехсот и более. Культура стала предметом направленного исследования в философии, истории, социологии и других науках достаточно рано, но особенно активно со второй половины XVIII в. при постоянном углублении ее понимания, расширении познаваемых сфер, выделении своего рода этапов в ее познании, акцентировании внимания на разных ее аспектах и принципах подхода к ней в целом. Культура характеризуется как совокупность материальных и духовных ценностей, создаваемых человеком, как среда, как условие жизни человека, как результат и средство деятельности человека, «как универсальное свойство общественной жизни людей» [9. С. 33]. Приведение даже ограниченного числа самых полных и значимых ее определений потребовало бы десятки страниц, а общая проблематика культуры в ее сложной структурно-содержательной, многоплановой представленности полагает дифференцированный подход. Поэтому сосредоточим внимание на определениях и подходах к культуре в рамках конкретных задач данного текста, в частности соотношения Человека и Культуры как взаимосвязанных и взаимообуславливающих явлений в контексте их *системных связей* и смысловой нагрузки [18].

В Новой философской энциклопедии культура рассматривается как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [12. С. 341]. Определение Культуры как надбиологического явления — особой системы и фиксация ее *исторического развития* (развертывания, изменения) в рамках качественно новой во всеобщей эволюции — эволюции социальной — представляются главными исходными в ее определении и исследовании. Именно появление культуры как явления надбиологического, создаваемого человеком в качестве условия организации своей жизнедеятельности, стало решающим в становлении и развитии человека. Своим появлением человек отбил принципиально новый уровень в развертывании всеобщей эволюции, обозначил скачок в развитии Вселенной, когда «Вселенная в све-

те новых знаний и нового опыта предстает перед нами в качестве единой системы, которая эволюционирует как одно целое. В этой системе человек возникает как неотделимая составляющая. Во Вселенной рождается новый тип эволюции, когда в ее отдельных частях возникают составляющие, способные оказывать на ее развитие определенное целенаправленное влияние» [10. С. 11]. Появление человека как принципиально нового во Вселенной, конкретно в рамках «*Органической биологической системы*», явления — *особой системной целостности* — новой «*Органической системы — Человек*» изначально объективно полагало формирование соответствующих условий, в которых он только и мог существовать в силу новых физиологических и психофизических свойств, возникающих в процессе антропогенеза. Это требовало создания *особой* среды, отличной от природной, становление которой объективно обуславливало появление надприродных конструкций и новых связей ставящегося человека не только с природой, но и с *создаваемым им предметным миром*, обеспечивающим возможность и условия и его существования, и *поступательного развития*. Но такую среду и соответствующие условия мог создать и объективно создавал *только сам ставящийся* в качестве нового феномена в мире живого человек — в процессе (и как процесс) своего осуществления. А это полагало создание уже ставящимся человеком, его развивающейся мыслью не просто *особой* среды, отличной, в частности, от природной, но среды, многопланово представленной, сложно структурируемой, — *среды действенной*, которая, по существу, и выступала условием формирования и воспроизводства *особой системной целостности* — «*Органической системы — Человек*». И в качестве такого условия выступала формируемая в самом процессе становления и как условие становления человека — *культура*, представляемая поэтапно расширяющимися границами и углубляющимися уровнями развития *человеческой активности и мысли* самого человека, но одновременно являющаяся реально своего рода «механизмом» становления новых неорганических программ в процессе антропогенеза, рождения нового уровня бытия.

«Культуру мы обязаны рассматривать не только как среду, внешнее условие или обстановку, не как один из рядоположных факторов становления социотехнического мира, а как важнейший источник, составную часть и движущую силу, определяющие направление и формы его развития. Не среда, а средство и цель развития», — пишут в своей монографии В. П. Зинченко и Е. Б. Моргунов [5. С. 27]. Выступая реально в качестве движущей силы и заключая новые цели — формирования надбиологических программ организации жизни ставящегося человека (уже в силу формирования принципиально новых в мире живого его психофизиологических, психологических и физических характеристик), *культура* объективно полагает новые особые «средства», условия, а поэтому *способы действия* последнего, отличные от *поведения животных, действий мотивированных, полагающих особую цель — цель действия* (см.: [4]). Но такая особая цель действия полагала изменение принципа его осуществления, когда поведение должно быть превращено в *действие-деятельность*. Такое превращение происходило не случайно, а лишь в результате расширения сферы действия. Необходим был и реально осуществлялся сложный процесс превращений в становлении нового уровня и условий развития и

существования живого — *человека*. Это был процесс антропогенеза, в котором одновременно были задействованы объективно возникающие в нем в сложном взаимодействии и взаимообусловленности изменения, полагающие становление и развитие человека, его психологической и психофизиологической сферы и одновременно формирование новых, надприродных, конструкторов, обеспечивающих становление нового уровня бытия — бытия человеческого. Это был процесс, в котором формировалась особая, новая в мире живого сложно структурируемая *целостность* надприродных «произведений», создаваемых человеком в процессе его (и как процесс) становления, — *культура*.

В этом плане трудовая теория антропогенеза полагает углубление за счет усложнения процессуальных характеристик его, отражающих более глубокие многоплановые превращения в процессе его осуществления при сложном взаимодействии и взаимообусловленности многих новых элементов, формирующихся в результате объективно произошедшего своего рода скачка, ломки многих прежних форм существования живого («животного мира»).

В сложном, поэтапном становлении человека, полагающем перестройку в его физических, психофизиологических и психологических характеристиках, он осуществлял все более сложные, все более осмысленные действия по созданию новых структур — произведений неприродного мира, формируя новую среду своего существования и объективно условия своего саморазвития.

Создание новой среды, отличной от природной, и принципиально новых условий функционирования ставящегося человека объективно полагало появление нового типа *активности*, отличной от активности всего другого живого, как важнейшего свойства его и необходимого условия существования — активности, снимающей все виды активности, свойственные живому, однако, в отличие от последних, обеспечивающей, в частности, не только приспособление к реально задаваемой ситуации, но и способность подняться над ней, реализуя активность надситуативную. «Если принять, что ситуативная необходимость — это обязательность совершения действий, обеспечивающих адаптацию, то, соответственно, “надситуативность” — это совершение действий, избыточных с точки зрения функций приспособления...» [15. С. 64]. В этом плане надситуативная активность выступает как «особая энергия», объективно значимая в становлении человека, реализующая его усилия в достижении потребного и расширяющая его возможности в развертывании преобразовательной деятельности. «Культура, — пишет А. И. Пигалев, — может быть охарактеризована как *специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, радикально отличающийся от биологических форм жизни, но вместе с ними протвоящий и биологической смерти. И ее специфическому корреляту — культурной энтропии. Следовательно, культура — это не бытие, а усилие...*» [16. С. 14]. Новый тип активности, противостоящий поведению животного, полагает *реальные направленные усилия* и не только «ситуативную» цель (не только как выполнение сиюминутной потребности), но и способность формировать мотивированную цель и направленность определенного действия, полагающего изменение ситуации. Но формирование такой способности предполагает объективно *отношение* к действию, прежде всего к действию по изготовлению искусственного предмета, и к самому предмету действия, к действию им,

к другому. Такое отношение к действию, в частности и прежде всего по получению искусственно создаваемого предмета, полагает, в свою очередь, реальный *смысл и значение* его, когда объективно *поведение превращается в действительность, а значение последней приобретает смысл* в развертывании деятельности, смысл для всех и его идеальное представление. **Смысл** же мог родиться только при противопоставлении себя предмету, а значит, при *открытии себя* в мире, *отделении себя* от внешнего мира и другого (т. е. при соответствующем усложняющемся видении другого, других), новом видении мира, отношении к нему, а значит, видении себя, а поэтому при зарождении *самости* в ее первоначальной форме, открытии Я (но еще не окончательно выстроенного Я, четко противопоставленного Ты) как результате «вспыхнувшей рефлексии» [2]. И в этом плане новая активность, активность осмысленная, полагает *смысл* для меня, для другого, включенного в отношения со мной.

«Возникновение в ходе развития общественных отношений сознания “Я” и есть возникновение сознательного смысла. Первичное отношение раздваивается: появляется отношение “смысл-значение”. Смысл и есть для меня значение. Так возникает Мы — общественное сознание, возникает общественный предмет, предмет моего общественного сознания» [9. С. 96]. И далее: само «значение есть категория общественного сознания... отражая отношение предмета не к индивиду, но к коллективу» [Там же. С. 94].

Ставлящийся человек уже в процесс своего *становления* и как условие последнего формировал в силу своих новых, *ставящихся* в антропогенезе способностей и возможностей новые средства, не существующие в Природе, выстраивал новые действия не по присвоению, а для решения своих постепенно, но все более четко формулируемых задач, выстраивал свой осмысливаемый им мир уже в древнейших фиксируемых формах — формах отношения к нему (ритуалы, мифы). И действия, реализующие новую активность живого в качестве развертываемой смыслодержательной деятельности разного уровня и характера (от практических по изготовлению произведений — орудий труда до мифоритуальных), выступают важным основанием и условием осмысливаемого коллективного производства и воспроизводства человеком нового, неприродного, мира — мира Культуры. Именно Культура заключает характеристики реального бытия его, в целом выстраиваемые им самим со смыслом и перспективой. И поэтому смысл, рождаемый мыслью сознательно действующего человека, реализующего себя в осмысливаемой *деятельности* (как новом типе активности), *выстраивающей* новый, сложный, разноуровневый и разнохарактерный неприродный мир как условие своего существования — мир Культуры, становится одной из важнейших характеристик в определении специфики и культуры, и самого человека. Смысл в качестве характеристики сущности Культуры закладывают в ее определение А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко [13].

«Человек живет в пространстве смыслов. Все и всяческие сущности при всех их разнообразнейших различениях едины в том, что являются продуктами смыслополагания. А то, что находится за пределами смыслополагания, не может быть даже предметом мышления, не говоря уже о дискурсивном анализе. Поэтому и культура, в сколь угодно широком ее понимании, есть результат действия законов смыслообразования. <...> ...Законы смыслообразования, оформления,

закрепления и трансляции смыслов есть первичное основание всех бесчисленных феноменов, совокупно образующих культурный универсум», — пишут А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко [13. С. 8—9]. Культура названными авторами определяется как *«система всеобщих принципов смыслообразования и самих феноменологических продуктов этого смыслообразования, в совокупности определяющих иноприродный характер человеческого бытия»* [Там же. С. 10]. В этом определении выделяются не только сущностные характеристики феномена Культуры как особой неприродной системы и ее способность к историческому развитию, но и значимые *принципы ее действия как механизма* воспроизводства и исторического развития Человека и Общества. Проблема характера *системной взаимосвязи и взаимообусловленности «Органической системы — Человек»* и Культуры как особого системного образования в ее рамках, объективно заложенных в антропогенезе, не только сложная, но и чрезвычайно актуальная и важная. Решение ее значимо как в раскрытии особенностей характера становления Человека как особого явления, так и в понимании самой *культуры* как рождающейся в этом процессе в качестве новой *неорганической системной целостности*, выступающей не только условием и своего рода *механизмом* становления и формирования в рамках «Органической биологической системы» новой во всеобщем бытие «*Органической системы — Человек*», но и действенным фактором развития человека и общества на протяжении всего культурно-исторического выполнения социальной эволюции. Однако раскрытие смысла и сущности культуры полагает обращение к началу ее зарождения как особого феномена человеческого бытия, а поэтому к началу становления человеческого бытия, к антропогенезу.

Антропогенез в свете вышеизложенного предстает как сложный, многопланово представленный процесс формирования во взаимосвязи и *взаимообусловленности* (и закольцованности) принципиально новых конструктов, возникших в рамках «Органической биологической системы» в экстраординарной ситуации. Это был своего рода скачок, объективно обусловленный очевидно сложными изменениями, в частности, в экосреде (в том числе катаклизмами, которыми богата история Земли, см. ниже), вызвавший цепную реакцию взаимообусловленных изменений, породивших новую ситуацию в развертываемой эволюции живого. При этом происходило отрицание важнейших характеристик животной жизни и выстраивание на базе кардинальной перестройки в рамках «Органической биологической системы» конструктов новой, *особой системной целостности — «Органической системы — Человек»*, но функционирующей и развивающейся на новых принципах, обеспечиваемых формируемой в *ее рамках* «Неорганической системой — Культурой».

В качестве особой неорганической системы, выстраиваемой ставящимся человеком как условие его индивидуального и общественного бытия, Культура предстает изначально как сложно структурируемое и усложняющееся в своем развитии образование (включаящее в *развитом* виде многопланово представленный физический мир — многоуровневую и разнохарактерную техническую сферу, мир искусства и науки, сложных систем отношений и т. д.).

В познании же человеческого бытия Человек и Культура выступают, как отмечалось, в плотном четком единстве и взаимообусловленности в их особой *системной целостности* и *системной разделенности*, заложенных в антропогенезе.

Проблема антропогенеза предстает как чрезвычайно сложная, во многом дискуссионная и не является в данном случае темой специального направленного рассмотрения в качестве самостоятельной (в последнем случае можно ориентировать, в частности, на работы В. П. Алексеева, Н. В. Клягина, Б. Ф. Поршнева, С. А. Семенова, Ю. И. Семенова [1; 6; 7; 8; 17; 19; 20 и др.]), а лишь в контексте *системного взаимодействия* Культуры и Человека.

Глобально значимый скачок в эволюционном движении связан с осуществлением процесса становления человека (процесса антропогенеза), многопланово обусловлен сочетанием действия многих факторов, и прежде всего природных. Известны, в частности, глобальные преобразования космического характера, периодически «встряхивающие» Землю [6; 8]. Такие своего рода кризисы создавали, естественно, острые ситуации в развитии биологического мира, приводящие к вымиранию одних особей и изменению условий функционирования других (см.: [8. С. 28—38]), когда, в частности, создавались ситуации, преодоление которых в борьбе за выживание вызывало огромные напряжения, срывы, новые уровни поведения, перестройки в организме, в том числе в мозговых структурах, а возможно, как предполагает А. П. Назаретян, экзистенциальный кризис был преодолен в такой ситуации за счет возникновения патопсихологии, «предохранившей Homo Habilis» [11. С. 104]. «Надстраивание условно-рефлекторных режимов поведения над генетически наследуемыми инстинктами у наших далеких предков стало также усложнением поведенческой системы на критическом уровне, предопределяющим ее трансформацию, и предпосылкой, обусловившей саму возможность такой трансформации. Ибо усложнение условно-рефлекторного поведения — это недвусмысленный шаг в сторону высвобождения психической жизни от власти инстинкта и, по сути, пролог “выпадения”. А движение направлено было на достижение *надситуативной психической активности* — более высокой степени автономности, в перспективе обеспечивающей максимальную эмансипацию сознания от природы с последующим его (сознания) замыканием на себя. Но уже и самые ранние проявления надситуативной психической активности указывают на разрыв с императивностью природных программ с их инстинктивными и рефлекторными регуляциями, на выход в качественно иное состояние» [14. С. 105].

Конкретные условия и особенности формирования такой надситуативной активности, особенности и характер развития трудовых навыков, условий появления древнейших орудий труда, динамики их совершенствования и т. д. при всех имеющихся достижениях еще требуют специальных дополнительных исследований, в том числе на предмет определения характера роста уровня осмысления производимых действий, степени развитости *целеполагания* и *мотивации* человека, их производящего, на древнейших этапах его становления. В то же время имеющийся материал и существующие исследования не только позволяют проследить характер и этапы развития человеческой деятельности по изготовлению орудий труда, выявлять реальное совершенствование приемов (в частности, на основе трасологических исследований, см., например, работы С. А. Семенова [19]), но и выстраивать рубежи значимых преобразований в технике, фиксирующих своего рода технологические революции. Прослеживаются феномены, сопровождающие последние в процессе станов-

ления и развития человека. Так, устанавливается связь технических прогрессов с демографическими своего рода взрывами (объективно фиксирующими в определенной степени усложнение социальной организации). Например, «первый из них произошел в Восточной Африке около 2,6 млн лет назад, вызвал *олдудейскую* технологическую революцию, т. е. переход кениантропов от употребления только камней и палок к производству каменных орудий археологической культуры типичного олдувея...» «Второй демографический взрыв у человека-мастера 1,835 млн лет назад в Восточной Африке повлек за собой *ашельскую* технологическую революцию 1,55 млн лет назад. Третий демографический взрыв на Ближнем Востоке у человека современного типа 115—50 тыс. лет назад вызвал *верхнепалеолитическую (ориньякскую)* технологическую революцию (50 тыс. лет назад). Четвертый демографический взрыв на Ближнем Востоке 16 тыс. лет назад привел к *неолитической* технологической революции производящего хозяйства (12,17 тыс. лет назад)» [8. С. 539].

Но на исторической вертикали становления и развития человека одновременно фиксируется постоянное наращивание феноменов духовного мира (символы, ритуалы, мифы, представленные, в частности, мифическими рисунками пещерных святилищ, 50 тыс. лет назад [Там же. С. 37] и т. д.)¹. Этапным моментом стало появление речи, а позже (уже в эпоху древнейшей цивилизации) — письменности.

Сложный путь становления и развития человека от первых гоминидов до *Homo Sapiens* — современного человека и позже в контексте раскрытия нарастания его возможностей, способностей, *культурного потенциала* на длительной исторической дистанции нашел отражение в двух сравнительно недавно изданных монографиях авторов, применивших в своих исследованиях новый в археологии мультидисциплинарный подход и информационно-кибернетическое моделирование, позволившие выстроить и предложить объективную в плане математической доказательности схему взаимосвязи этапов становления человека от австралопитека до *Homo Habilis* и затем до *Homo Sapiens* и появления *социокультурных и культурных феноменов*, — Ю. Л. Щаповой, С. Н. Гринченко, Ю. Г. Кокориной [21; 22]. В них подробно и дифференцированно представлены основные характеристики этапов становления человека при, что важно, прослеживании связи их с развитием феноменов материальной культуры (прежде всего, развитием технических средств) и показателей духовного и психофизиологического и психического развития его. Приводится, в частности, схема «информационных переворотов» «в сфере Человечества. Это время сигнальных звуков/поз (приблизительно 28,23 млн лет назад), мимики/жестов (приблизительно 1,86 млн лет назад), речи, языка — 121 тыс. лет до н. э.², письменности — 6,1 тыс. лет до н. э. (реально в настоящее время пока обнаружены письменные памятники с IV тыс. до н. э., но, очевид-

¹ Датировка периодов в определенной мере различается у разных авторов. Однако характер последовательной развертки достижений сохраняется.

² Проблема происхождения речи решается неоднозначно. Фиксация зон Вернике и Брока у кениантропа с озера Рудольфа позволяет, по мнению некоторых исследователей, опускать хронологическую планку ее появления, поскольку полагается, например, что кениантроп с озера Рудольфа (2,6 млн лет назад) «уже владел навыками по меньшей мере языка жестов, но, может быть, и навыками устной речи» [8. С. 199], хотя возникновение условий и соответствующих потенциалов может намного предшествовать развитому явлению.

но, сюда можно включить условно и первоначальные символы, во-первых, и возможность более ранних находок простейшей письменности, во-вторых. — Э. С.), книгопечатания (приблизительно 144 г. н. э.), компьютера (приблизительно 1946 г.)» и т. д. [22. С. 84—85].

При всей определенной сложности (в плане четкости существующих датировок древнейших этапов антропогенеза, в частности, в археологии) характеристики поэтапного развития культурного поля в математической обработке представляют чрезвычайный интерес в контексте раскрытия характера взаимосвязи развития Человека и Культуры. Интерес в этом плане представляет таблица «Сопоставление уровней информационной сложности и разнообразия вариантов хода антропо-, техно- и социо-, идеогенеза» [Там же. С. 134], фиксирующая четкую взаимосвязь поэтапного развития человека и культуры. Одним словом, с древнейших времен появления и развития человека феномены Культуры выполняли важную роль в преобразовании организации жизнедеятельности человека, играя на этапе антропогенеза роль активно конструирующую.

Итак, повторим, становление человека и конструкторов культурного пространства происходило в неразрывной связи в процессе антропогенеза, процессе формирования в рамках «Органической биологической системы» новой «Органической системы — Человек», необходимым условием становления, функционирования и развития которой, однако, выступали принципиально новые, не существующие в природе, но создаваемые в ее рамках человеком (в процессе своего становления и развития) феномены, образующие *особую системную целостность* — «Неорганическую систему — Культуру». Именно Культура служила мощно действующим фактором исторического движения Общества и развития Человека в их системной целостности. Сложно представленная и постоянно усложняющаяся в своей структурно-содержательной организации в историческом развитии, раскрывающаяся многими расширяющимися гранями на этапах последнего, Культура постоянно предстает в своей целостности как производимое человеком условие его бытия во всей сложности его определения. Подчеркивая фактическую данность культуры, В. С. Библер замечает, что «...культура — сфера деятельности человека, сфера его бытия, в которой осуществляется создание и восприятие *произведений*. Это форма общения людей, эпох, миров через (“по поводу”, “в форме”) произведения... То есть когда я говорю о “произведении”, чтобы понять, что есть культура, то неявно уже имеется в виду до идеи произведения — идея культуры; речь идет о “произведении культуры”» [3. С. 401]. И далее: «Думаю... что нелепо говорить раздельно о “материальной” и “духовной” культурах или сводить определение культуры к чистой духовности. Существенно как раз то, что культура — это все целостное бытие человека, понятное (поскольку реально возникающее...) *как феномен самоустремленности*, то есть в своем духовном острие» [Там же. С. 307].

«Произведения» культуры, как отмечалось, многообразны по смыслу, значению и назначению, содержанию и сфере действия, по емкости и функциональной нагрузке и т. д. Мы говорим о культуре этноса, культуре речи, культуре как произведениях искусства, духовной культуре и культуре поведения и т. д. Но одновременно Культура — это особая *целостность* в своей объективной представленности, особая — вторая — Природа. Но «Природа» эта имеет особый

смысл — смысл социальный, «навязанный» ей Человеком как активно действующим Субъектом, способным к целенаправленным активным преобразовательным действиям. И в этом созидании он открывает новый поток эволюционного движения — эволюции социальной, определяющим содержанием которой является культурно-исторический процесс. Но именно Культура собирает его творческий потенциал и одновременно превращает его в мощно действующую силу, обеспечивающую в этом процессе прогресс Человека и Общества, представленных в бытие всеобщем в качестве особого феномена — «*Органической системы — Человек*», возникшей в рамках «*Органической биологической системы*», но перешагнувшей ее границы и выведшей новый уровень развертывания всеобщей эволюции — эволюции социальной. Однако при глубоком раскрытии ее структурно-содержательных характеристик и функциональной нагрузки остро актуальным остается углубление познания и понимания ее структурно-содержательной, функциональной и субстанциональной сущности.

Литература

1. *Алексеев, В. П.* Становление человека / В. П. Алексеев. — М., 1984.
Alekseev, V. P. Stanovlenie cheloveka / V. P. Alekseev. — М., 1984.
2. *Арсеньев, А. С.* Мышление психолога и проблемы личности / А. С. Арсеньев // Мир психологии и психология в мире. — 1995. — № 2. — С. 90—108.
Arsen'ev, A. S. My'shlenie psixologa i problemy' lichnosti / A. S. Arsen'ev // Mir psixologii i psixologiya v mire. — 1995. — № 2. — С. 90—108.
3. *Библер, В. С.* От наукоучения — к логике науки : Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. — М. : Политиздат, 1990. — 413 с.
Bibler, V. S. Ot naukoucheniya — k logike nauki : Dva filosofskix vvedeniya v dvadcat' pervy'j vek / V. S. Bibler. — М. : Politizdat, 1990. — 413 s.
4. *Гальперин, П. Я.* Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение / П. Я. Гальперин // Психология как объективная наука : избр. психол. тр. — М. ; Воронеж, 1998. — С. 37—93.
Gal'perin, P. Ya. Psixologicheskoe razlichie orudij cheloveka i vspomogatel'ny'x sredstv u zhivotny'x i ego znachenie / P. Ya. Gal'perin // Psixologiya kak ob'ektivnaya nauka : izbr. psixol. tr. — М. ; Voronezh, 1998. — С. 37—93.
5. *Зинченко, В. П.* Человек развивающийся : Очерки российской психологии / В. П. Зинченко, Е. Б. Моргунов. — М., 1994.
Zinchenko, V. P. Chelovek razvivayushhijsya : Ocherki rossijskoj psixologii / V. P. Zinchenko, E. B. Morgunov. — М., 1994.
6. *Клягин, Н. В.* Homo sum / Н. В. Клягин // Мир психологии. — 2005. — № 4. — С. 88—102.
Klyagin, N. V. Homo sum / N. V. Klyagin // Mir psixologii. — 2005. — № 4. — С. 88—102.
7. *Клягин, Н. В.* Первозык мышления / Н. В. Клягин // Мир психологии. — 2009. — № 2. — С. 59—69.
Klyagin, N. V. Pervozayk my'shleniya / N. V. Klyagin // Mir psixologii. — 2009. — № 2. — С. 59—69.
8. *Клягин, Н. В.* Современная антропология / Н. В. Клягин. — М. : Логос, 2014.
Klyagin, N. V. Sovremennaya antropologiya / N. V. Klyagin. — М. : Logos, 2014.
9. *Леонтьев, А. Н.* Философия психологии : из научного наследия / А. Н. Леонтьев ; под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. — М., 1994.
Leont'ev, A. N. Filosofiya psixologii : iz nauchnogo naslediya / A. N. Leont'ev ; pod red. A. A. Leont'eva, D. A. Leont'eva. — М., 1994.
10. *Моисеев, Н. Н.* Универсальный эволюционизм (Позиция и следствия) / Н. Н. Моисеев // Вopr. философии. — 1991. — № 3. — С. 3—28.
Moiseev, N. N. Universal'ny'j e'volucionizm (Poziciya i sledstviya) / N. N. Moiseev // Vopr. filosofii. — 1991. — № 3. — С. 3—28.
11. *Назаретян, А. П.* «Голубь с ястребиным клювом»: об экзистенциальном кризисе антропогенеза и начале эволюции / А. П. Назаретян // Мир психологии. — 2005. — № 4. — С. 102—110.
Nazaretyan, A. P. «Golub' s yastrebinym klyuvom»: ob e'kzistencial'nom krizise antropogeneza i nachale e'volucii / A. P. Nazaretyan // Mir psixologii. — 2005. — № 4. — С. 102—110.

12. Новая философская энциклопедия : в 4 т. — М., 2010. — Т. 2.
Novaaya filosofskaya e'nciklopediya : v 4 t. — M., 2010. — T. 2.
13. *Пелипенко, А. А.* Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. — М., 1998.
Pelipenko, A. A. Kul'tura kak sistema / A. A. Pelipenko, I. G. Yakovenko. — M., 1998.
14. *Пелипенко, А. А.* Постигание культуры : в 2 ч. / А. А. Пелипенко. — М. : РОССПЭН, 2012. — Ч. 1 : Культура и смысл. — 607 с.
Pelipenko, A. A. Postizhenie kul'tury` : v 2 ch. / A. A. Pelipenko. — M. : ROSSPE'N, 2012. — Ch. 1 : Kul'tura i smy'sl. — 607 s.
15. *Петровский, В. А.* Человек над ситуацией / В. А. Петровский. — М. : Смысл, 2010.
Petrovskij, V. A. Chelovek nad situaciej / V. A. Petrovskij. — M. : Smy'sl, 2010.
16. *Пигалев, А. И.* Культура как бытие: истоки и границы парадигмы / А. И. Пигалев // Мир психологии. — 2000. — № 3. — С. 11—38.
Pigalev, A. I. Kul'tura kak by'tie: istoki i granicy paradigmy` / A. I. Pigalev // Mir psixologii. — 2000. — № 3. — S. 11—38.
17. *Поршнева, Б. Ф.* О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии / Б. Ф. Поршнева. — СПб. : Алетейя, 2000.
Porshnev, B. F. O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy` paleopsixologii / B. F. Porshnev. — SPb. : Aletejya, 2000.
18. *Сайко, Э. В.* Культура — пространство бытия человека и человек — условие бытия Культуры / Э. В. Сайко // Мир психологии. — 2000. — № 3. — С. 3—9.
Sajko, E. V. Kul'tura — prostranstvo by'tiya cheloveka i chelovek — uslovie by'tiya Kul'tury` / E. V. Sajko // Mir psixologii. — 2000. — № 3. — S. 3—9.
19. *Семенов, С. А.* Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работ) / С. А. Семенов. — М. ; Л., 1957.
Semenov, S. A. Pervobytnaya tehnika (opyt` izucheniya drevnejshix orudij i izdelij po sledam rabot) / S. A. Semenov. — M. ; L., 1957.
20. *Семенов, Ю. И.* Как возникло человечество / Ю. И. Семенов. — М. : Наука, 1966. — 576 с.
Semenov, Yu. I. Kak vozniklo chelovechestvo / Yu. I. Semenov. — M. : Nauka, 1966. — 576 s.
21. *Шапова, Ю. Л.* Введение в теорию археологической эпохи: числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат / Ю. Л. Шапова, С. Н. Гринченко. — М. : Ист. фак. Моск. ун-та : Федер. исслед. центр «Информатика и управление» РАН, 2017. — 236 с.
Shhapova, Yu. L. Vvedenie v teoriyu arheologicheskoj e'poxi: chislovoe modelirovanie i logarifmicheskie shkaly` prostranstvenno-vremenny`x koordinat / Yu. L. Shhapova, S. N. Grinchenko. — M. : Ist. fak. Mosk. un-ta : Feder. issled. centr «Informatika i upravlenie» RAN, 2017. — 236 s.
22. *Шапова, Ю. Л.* Информатико-кибернетическое моделирование археологической эпохи: логико-понятийный аппарат / Ю. Л. Шапова, С. Н. Гринченко, Ю. Г. Кокорина. — М. : Федер. Исслед. центр «Информатика и управление», 2019.
Shhapova, Yu. L. Informatiko-kiberneticheskoe modelirovanie arheologicheskoj e'poxi: logiko-ponyatijny`j apparat / Yu. L. Shhapova, S. N. Grinchenko, Yu. G. Kokorina. — M. : Feder. Issled. centr «Informatika i upravlenie», 2019.

Э. В. Сайко

Культура как условие и содержание социальной эволюции и механизм воспроизводства человека и общества

Понятие и понимание культуры

С. Н. Гринченко, Ю. Л. Шапова

Культура как вторая природа: кибернетический аспект¹

Культура рассмотрена авторами с позиций мультидисциплинарного модельного представления о Человечестве как о кибернетической самоуправляющейся иерархо-сетевой системе, образуемой тремя фундаментальными сущностями: поисковыми активностями («антропогенными деятельностями»), целевыми критериями иерархической поисковой оптимизации системной энергетики, системной памятью о результатах своего оптимизационного поведения («второй природой»). Базируясь на наиболее широких из множества существующих определениях понятия культуры, данных Ю. М. Лотманом и др., предлагается следующая его «кибернетическая» интерпретация: культура (как вторая природа) — совокупность результатов антропогенной деятельности, отраженных в расширенной системной памяти всех составляющих кибернетической самоуправляющейся системы Человечества. Отмечено также, что Человечество как целое развивается во времени гармонично, поскольку моменты начала основных этапов археологической эпохи с достаточной точностью моделируются обратным рядом Фибоначчи (с приданной ему размерностью «тысячелетий до н. э.», т. е. «золотым сечением»). При этом циклически повторяющиеся на каждом таком этапе тройки периодов с доминантами «материальная культура — социальная культура — духовная культура» образуют непрерывную последовательность, также гармоничную.

Ключевые слова: культура, система, самоуправляющаяся система, человек, антропогенная деятельность, информатико-кибернетическая модель системы Человечества, «Фибоначчиева» модель археологической эпохи, «золотое сечение», гармония.

Распространенный в культурологии взгляд на культуру как на систему при более детальном анализе этой проблемы инициирует необходимость привлечь для этого, помимо собственно культурологических соображений, также и сведения из области системных наук, в частности теории систем и кибернетики. Именно на такой основе и рассмотрим смысловое соотнесение понятий «культура» и «система».

1. Об определениях термина «культура»

Среди множества имеющихся на сегодняшний день определений понятия культуры обращает на себя внимание позиция Ю. М. Лотмана. Он пишет: «Культура — совокупность всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения... Однако культура — не склад информации. Это чрезвычайно сложно организованный механизм, который хранит информацию, постоянно вырабатывая для этого наиболее выгодные и компактные спосо-

---

¹ Приглашаем к обсуждению поднятой проблемы.

бы... Культура — гибкий и сложно организованный механизм познания» [11. С. 395]. И далее уточняет свою мысль: «С точки зрения семиотики, культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, то есть надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, то есть пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы» [Там же. С. 673].

Близки к этому позиции В. С. Степина: культура как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [14. С. 61], М. Веллера: «В широком смысле слова: культура — это совокупный продукт человеческой деятельности, отделенный как объект от создавшего его субъекта» [1. С. 266] и др.

В целом же столь большое разнообразие существующих определений термина «культура» (в литературе упоминаются цифры 300, 500 и более) говорит о недостаточной эффективности эмпирического способа его формирования и предложить изменить сам подход к этому процессу. В частности, использовать для этого модельный кибернетический подход, который может позволить — в потенци! — существенным образом упорядочить множество представлений о культуре. Для этого рассмотрим кибернетическую систему Человечества в ее историческом развитии, имея в виду выявление параллелей между определенными характеристиками этой системы и различными смыслами понятия «культура».

2. Культура как элемент системы Человечества: с кибернетических позиций

Исходя из предлагаемого мультидисциплинарного модельного представления о Человечестве как о кибернетической самоуправляющейся иерархической системе [3; 4; 5; 7; 9], ход социально-технологического развития Человечества определяется «тройкой» фундаментальных сущностей (рис. 1):

- поисковыми активностями («антропогенными деятельностями»);
- целевыми критериями иерархической поисковой оптимизации системной энергетики;
- системной памятью о результатах своего оптимизационного поведения («второй природой»).

Ведущим фактором в этом процессе является информационный (усложнение создаваемой и используемой эволюционирующим человеком базисной информационной технологии (БИТ) по этапам: «сигнальные позы/звуки/движения→мимика/жесты→артикулированная речь/язык→письменность→тиражирование текстов (в частности, книгопечатание)→компьютеры→телекоммуникации→...»), инициирующий «двойку» в составе социального фактора (формирования сообществ на все больших территориях с соответствующей инфраструктурой) и теснейшим образом связанного с ним производственного фактора (создания антропогенных технологий для оперирования со все более тонкими — малоразмерными — материальными структурами).

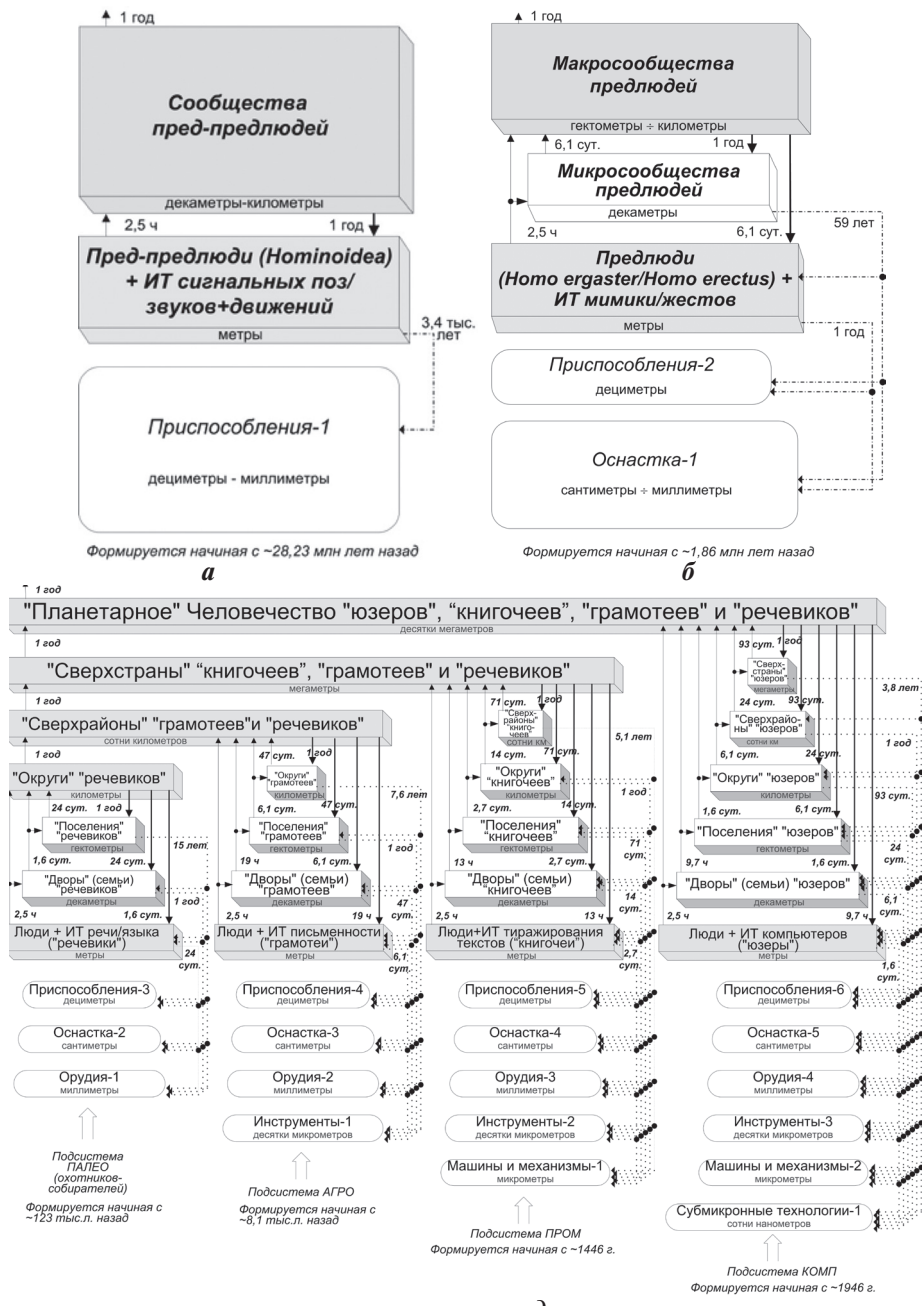

Рис. 1. Первые шесть этапов формирования системы Человечства: информатико-кибернетическая модель (ИКМ) [4]:

восходящие стрелки, имеющие структуру «многие — к одному», отражают поисковую активность представителей соответствующих ярусов в иерархии; нисходящие сплошные стрелки, имеющие структуру «один — ко многим», отражают целевые критерии поисковой оптимизации системной энергетики; нисходящие пунктирные стрелки, имеющие структуру «один — ко многим», отражают системную память лично-производственно-социального: результат адаптивных влияний представителей вышележащих иерархических ярусов на структуру и поведение вложенных в них нижележащих

На базе такого подхода обеспечивается интерпретирование приспособительного поведения не столько иерархо-сетевой системы Человечества как реального объекта, сколько типовых — если угодно, идеальных — структурных образований, его слагающих (отдельных иерархо-сетевых подсистем). Причем в этих последних «кибернетически» интерпретируется структура, которую можно трактовать как — если угодно, идеальный — каркас/скелет соответствующей подсистемы.

При этом именно системная память является претендентом на реализацию всех феноменов, которые принято относить к культуре. И тогда с предлагаемой модельной позиции КУЛЬТУРА — *это совокупность результатов антропогенной деятельности, отраженных в расширенной системной памяти всех составляющих кибернетической самоуправляющейся системы Человечества.*

Такое определение хорошо соответствует и распространенному представлению о культуре как о «второй природе». Согласно ему вполне можно говорить, например, и о «культуре возделывания земли», и о «культурах той или иной ископаемой керамики», и о «культуре данной местности», и о «культуре эпохи Возрождения», и о «культуре металлообработки на токарных станках», и о «культуре научной дискуссии», и о «культуре предпринимательства» (корпоративной), и о массовой, поп- и множестве других подобных культур. Находя при этом каждому такому понятию соответствующее место в компонентах расширенной системной памяти той или иной составляющей иерархо-сетевой системы Человечества!

Рассмотрим, какие содержательные аргументы можно выдвинуть в поддержку кибернетической интерпретации понятия культуры и, главное, что нового оно вносит (либо может внести) в культурологию. Прежде всего, проанализируем, когда вообще возникла культура.

С одной стороны, обычно считают, что культура появилась одновременно с речью и языком, т. е. с появлением *Homo sapiens*. В предлагаемой интерпретации это связывает момент ее появления с началом третьего этапа формирования системы Человечества (см. рис. 1в). Действительно, на этом этапе уже возникает и начинает развиваться расширенная системная память, закрепляемая на уровнях не только человека-субъекта, но и его минимального сообщества — семьи.

Но ранее, на втором этапе формирования Человечества (см. рис. 1б), расширенная системная память, закрепляемая на уровне пред-человека-субъекта (*Homo erectus*), уже возникла! С позиций предлагаемого подхода тут нет противоречия, вполне можно говорить о начале появления здесь зачатков некоторой *предкультуры*, которая впоследствии станет базисом для возникновения *собственно культуры*. Причем без представления о предкультуре нарушается преемственность этапов формирования культуры как таковая.

Более того, если обратиться к еще более раннему — первичному — этапу формирования системы Человечества (см. рис. 1а), то наличие там расширенной системной памяти, закрепляемой на уровне приспособлений-1 и создаваемой пред-предлюдьми (*Hominioidea*), также обуславливает возможность — и логическую необходимость — введения здесь представления о пред-предкультуре, элементы которой предвосхищают последовательность

дальнейших шагов развития предкультуры и культуры. Не будем забывать при этом о предельной вырожденности пред-предкультуры, которая имеет своим генератором отдельную особь, а отнюдь не сообщество. Последнее вроде бы не дает права именовать ее какой бы то ни было, даже начальной формой культуры, но нужно ли предлагать отличный от нее синтетический термин для предельного случая возможных упрощающих модификаций этого понятия?

Данный пример демонстрирует эвристическую силу предлагаемого кибернетического подхода, формально обосновывая необходимость введения ранее не вполне очевидных понятий с учетом их иерархического положения в системе и времени их появления. Кроме того, указанный подход позволяет очертить характерные ареалы и характерные времена изменения расширенной системной памяти, т. е. в рассматриваемой интерпретации — этапов развития «второй природы» = культуры в системе Человечества.

С другой же стороны, формальность процедуры введения и описания понятия «культура» (опирающаяся на информатико-кибернетические соображения и соответствующий аппарат) придает новому его «кибернетическому» определению весьма значительную интерпретирующую и прогностическую силу, а именно позволяет уточнить и детализировать имеющиеся представления о ней в следующих аспектах [4]:

- во временно-формирующем аспекте, привязывая возникновение и развитие соответствующих культурных феноменов к тем или иным моментам в метаэволюции¹ Человечества: в диапазоне от возникновения опирающейся на БИТ сигнальных поз/звуков/движений пред-предкультуры около 28 млн лет назад, опирающейся на БИТ мимики/жестов предкультуры около 1,9 млн лет назад и опирающейся на БИТ артикулированной речи/языка «первичной» культуры около 120 тыс. лет назад, вплоть до начала 80-х гг. XX в., момента формирования — в потенции! — всех остальных возможных для Человечества иерархо-сетевых подсистем и, следовательно, всех их культурных компонентов;
- в пространственно-экспансионистском аспекте, локализуя возникновение и развитие соответствующих культурных феноменов в тех или иных общественных пространственно протяженных образованиях (в диапазоне от семейного до общепланетарного и далее) — составляющих многомерной иерархо-сетевой системы Человечества;
- в пространственно-технологическом аспекте, определяя возможную точность материальной (производственной) реализации соответствующих культурных феноменов (в диапазоне от дециметров для пред-предкультуры, миллиметров для предкультуры и сотен микрометров для «первичной» культуры, вплоть до нанометров, пикометров и т. д. для ее перспективных форм);
- во временно-поведенческом аспекте, опираясь при изучении конкретных культурных феноменов на совокупность формально определенных временных информационных характеристик, отражающих наиболее вероятные темпы процессов их инициации, сохранения и забывания.

¹ Метаэволюция — процесс последовательного наращивания числа уровней/ярусов иерархической системы в ходе ее формирования [5].

Хотелось бы надеяться, что использование этого «кибернетического базиса», позволяющего исследователю-гуманитарию, быть может, несколько по-иному сориентироваться в проявлениях чрезвычайно сложного и многомерного понятия «человеческая культура», будет для него полезным и продуктивным.

3. О непрерывности развития культуры в истории Человечества: с позиции числовой «Фибоначчиевой» модели археологической эпохи

Для исследования хронологии и периодизации археологической эпохи (АЭ) в работах Ю. Л. Шаповой [15; 20] было предложено использовать числовой ряд Фибоначчи (РФиб), который формально задается рекуррентным соотношением: $F_1 = 1, F_2 = 1, F_{n+1} = F_n + F_{n-1}$. В результате возникает последовательность: 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144, 233, 377, 610, 987, 1597, 2584, 4181, 6765, ... Соотношение смежных членов в этой последовательности стремится к «золотому сечению», что эквивалентно утверждению о гармоничности процесса, моделируемого с ее помощью [10]. Выстроив РФиб в обратном порядке и введя размерность «тысяч лет до нашей эры», Ю. Л. Шапова [16; 17] смогла не только обозначить хронологические вехи традиционной археологической хронологии, но и связать их с развитием Человечества в АЭ.

При этом в ходе построения «Фибоначчиевой» модели АЭ (ФМАЭ) ею были введены такие новые понятия, как «период АЭ» — промежуток времени, заключенный между двумя соседними числами РФиб, используемого при моделировании, и «археологическая субэпоха» (АСЭ) — аналог отделам каменного века и собственно «векам» в «системе трех веков»: археолиту, нижнему, среднему и верхнему палеолитам, неолиту, бронзовому и железному векам. АСЭ в модельном представлении — это перекрывающиеся отрезки РФиб («лестница “внахлест” Шаповой»), которые в общем случае включают три фазы:

- скрытую фазу становления (в составе первых двух периодов АСЭ) с доминантами формирования человека-субъекта и создаваемого им материального производства;
- явную фазу эволюции (в составе последующих трех периодов АСЭ) с доминантами материальной, социальной и идеальной (духовной) культуры, создаваемой человеком-субъектом;
- скрытую фазу (в составе заключительного периода АСЭ) с доминантой инволюции человека-субъекта и созданных им материального производства и материальной, социальной, идеальной (духовной) культуры.

Отметим, что представление о социальной культуре расширяет широко распространенную двойку «материальная — духовная» культура.

Проведенное нами в дальнейшем объединение ФМАЭ и ИКМ [6; 8; 10; 18; 19; 21] позволило установить, помимо прочего, важный факт непрерывности развития культуры в истории Человечества безотносительно к ее конкретной доминанте (рис. 2).

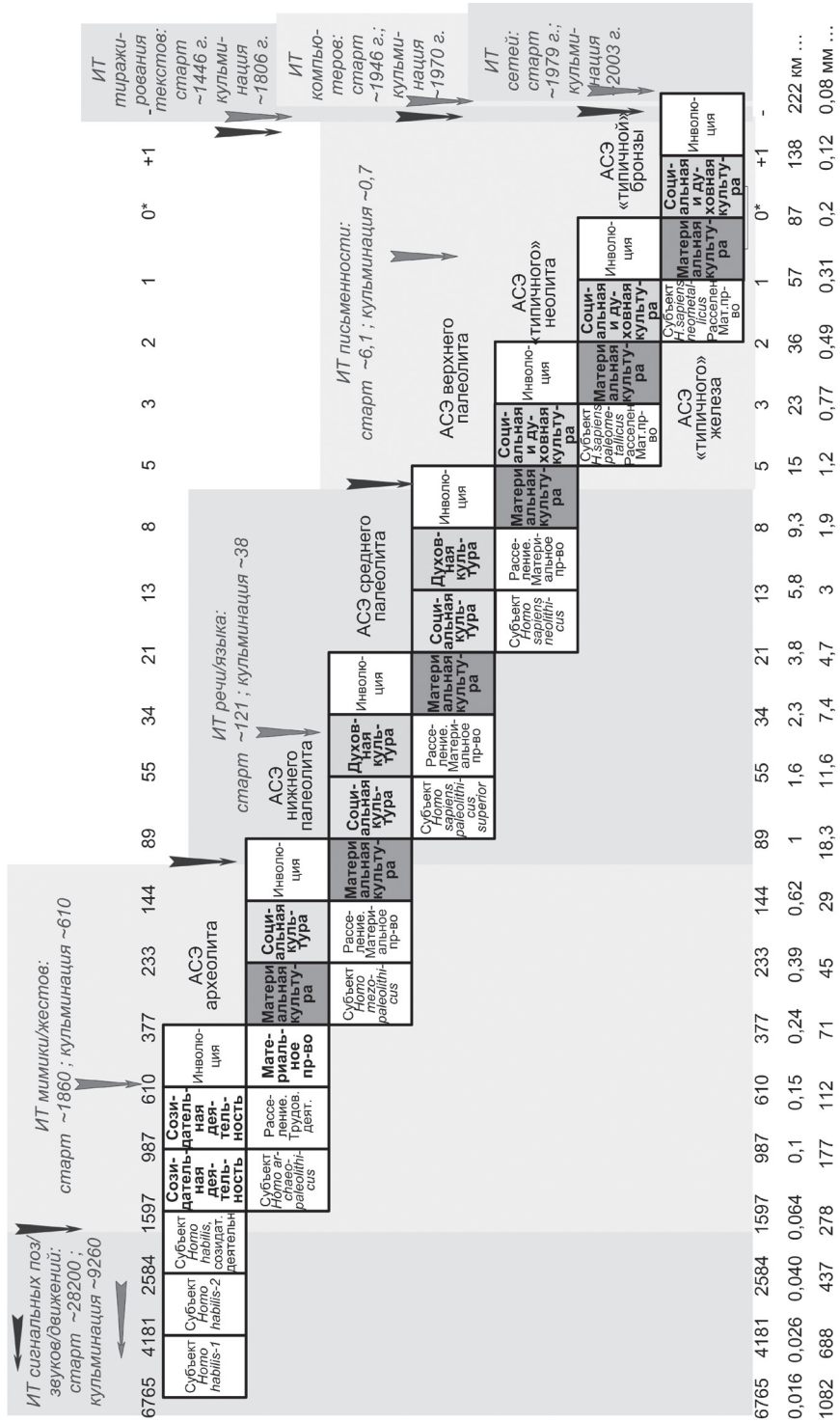

Рис. 2. Объединение «Фибоначчевой» модели хронологии и периодизации АЭ и ИКМ самоуправляющейся системы Человечества (хронологической и пространственной шкал последней) [18]: даты обозначают тысячелетия до н.э.; курсивом выделены даты, рассчитанные по ИКМ; конструктор «0*» указывает на момент смены «эра»; **полужирным шрифтом** показаны явные фазы АСЭ

Действительно, если в рамках «лестницы “внахлест” Шаповой» мы рассмотрим только явные фазы эволюции (в парах «предыдущая — последующая АСЭ»), то увидим, что заключительные периоды предыдущих согласуются («стыкуются») с начальными периодами последующих: наличие непрерывности в их преемственности на фоне явно проявляемой цикличности!

Отметим, наконец, что мы называем здесь соответствующие периоды АСЭ нижнего палеолита материальной и социальной культурами, а не пред-культурами лишь для общности представления и не имея в виду ничего сверх этой позиции.

4. Об определениях термина «система» и его соотношении с понятием «культура»

Исторически сложилось (от работ Л. Бераланфи и др.) следующее понимание понятия системы: «...множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенную целостность, единство» (см., напр., [13. С. 463]).

Позднее стало понятно, что данное определение этого понятия недостаточно: его стали расширять, включая новые важные свойства. В частности, в работе Д. А. Новикова читаем: «Система — множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство, подчиненных достижению цели. Основные особенности систем: целостность, относительная обособленность от окружающей среды, наличие связей со средой, наличие частей и связей между ними (структурированность), подчиненность всей организации системы некоторой цели» [12. С. 146].

Переход от узкой трактовки системы как «множества взаимодействующих элементов» к расширенной трактовке ее как «множества взаимодействующих элементов, направленных на достижение некоторой цели» нашел свое отражение и в межгосударственной системе стандартизации. Так, согласно ГОСТ Р МЭК 61850-5-2011, «система (system): группа взаимодействующих объектов, выполняющих общую функциональную задачу. В ее основе лежит некоторый механизм связи» [2].

Таким образом, ответ на вопрос: «Является ли культура системой?» — будет парадоксальным: и да, и нет! Если исходить из узкой трактовки системы, то «да», но если исходить из ее расширенной трактовки, то «нет». В этом последнем случае культура выступает в роли элемента подсистем в системе Человечества.

Заключение

Итак, можно констатировать, что:

- 1) предлагаемое «кибернетическое» определение понятия «культура» как совокупности результатов антропогенной деятельности, отраженных в расширенной системной памяти всех составляющих кибернетической

самоуправляющейся системы Человечества, т. е. «второй природы», по своему существу оказывается весьма близким к части эмпирических его трактовок (Ю. М. Лотман и др.) как сложного механизма оперирования с коллективной памятью Человечества;

- 2) повторяющиеся на каждой археологической субэпохе, которые образуют модельную «лестницу “ввахлест” Шаповой», тройки периодов с доминантами «материальная культура — социальная культура — духовная культура» в рамках АЭ как целого составляют непрерывную гармоничную (во времени) последовательность;
- 3) справедливость взгляда на культуру как на систему полностью зависит от того, что понимается под «системой»: только ли «группа взаимодействующих элементов» (тогда культура — это система) либо подобная группа, стремящаяся к достижению некоторой цели (тогда культура выступает в роли элемента подсистемы в целостной самоуправляющейся системе Человечества).

Culture was considered by the authors from the standpoint of a multidisciplinary model of humanity as a cybernetic self-controlling hierarchical-network system formed by three fundamental entities: search activities («anthropogenic activities»), target criteria of hierarchical search optimization of the system energy, system memory about the results of their optimization behavior («second nature»). Based on the broadest of the many existing definitions of the concept of culture, given by Yu. M. Lotman et al., his next «cybernetic» interpretation is suggested: culture (as «second nature») is the totality of the results of anthropogenic activity reflected in the expanded system memory of all components of the cybernetic self-controlling system of Humankind. It was also noted that Humanity as a whole develops harmoniously in time, since the moments of the beginning of the main stages of the archaeological epoch are modeled with sufficient accuracy by the reverse Fibonacci's series (with the dimension «millennia BC» given to it), i. e. «Golden section». At the same time, cyclically repeating at each such stage, triples of periods with dominants «material culture — social culture — spiritual culture» form a continuous sequence, also harmonious.

Keywords: culture, system, self-controlling system, human, anthropogenic activity, informatics-cybernetic model of the Humankind's system, «Fibonacci's» model of the archaeological epoch, «golden section», harmony.

Литература

1. Веллер, М. Кассандра / М. Веллер. — СПб. : Пароль, 2003. — 400 с.
Veller, M. Kassandra / M. Veller. — SPb. : Parol', 2003. — 400 s.
2. ГОСТ Р МЭК 61850-5-2011. Сети и системы связи на подстанциях. Ч. 5 : Требования к связи для функций и моделей устройств, подразд. 3.3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200093460>
GOST R MEK 61850-5-2011. Seti i sistemy' svyazi na podstanciyax. Ch. 5 : Trebovaniya k svyazi dlya funkcij i modelej ustrojstv, podrazd. 3.3 [E'lektronny'j resurs]. — Rezhim dostupa: <http://docs.cntd.ru/document/1200093460>
3. Гринченко, С. Н. Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры) / С. Н. Гринченко. — М. : ИПИ РАН : Мир, 2004. — 512 с.
Grinchenko, S. N. Sistemnaya pamyat' zhivogo (kak osnova ego metae'volyuicii i periodicheskoy struktury') / S. N. Grinchenko. — M. : IPI RAN : Mir, 2004. — 512 s.
4. Гринченко, С. Н. Культура как многомерная система: информатико-кибернетический аспект / С. Н. Гринченко // Грани познания: наука, философия, культура в 21-м веке. — М., 2007. — Кн. 2. — С. 367—395.

Grinchenko, S. N. Kul'tura kak mnogomernaya sistema: informatiko-kiberneticheskiy aspekt / S. N. Grinchenko // Grani poznaniya: nauka, filosofiya, kul'tura v 21-m veke. — M., 2007. — Kn. 2. — S. 367—395.

5. *Гринченко, С. Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы) / С. Н. Гринченко. — М. : ИПИ РАН, 2007. — 456 с.*

Grinchenko, S. N. Metae'voluciya (sistem nezhivoj, zhivoj i social'no-texnologicheskoy prirody) / S. N. Grinchenko. — M. : IPI RAN, 2007. — 456 s.

6. *Гринченко, С. Н. История Человечества: модели периодизации / С. Н. Гринченко, Ю. Л. Шапова // Вестн. РАН. — 2010. — № 12. — С. 1076—1084.*

Grinchenko, S. N. Istoriya Chelovechestva: modeli periodizacii / S. N. Grinchenko, Yu. L. Shhapova // Vestn. RAN. — 2010. — № 12. — S. 1076—1084.

7. *Гринченко, С. Н. Об эволюции психики как иерархической системы (кибернетическое представление) / С. Н. Гринченко // Историческая психология и социология истории. — 2012. — Т. 6, № 2. — С. 60—77.*

Grinchenko, S. N. Ob e'volucii psixiki kak ierarxicheskoy sistemy' (kiberneticheskoe predstavlenie) / S. N. Grinchenko // Istoricheskaya psixologiya i sociologiya istorii. — 2012. — T. 6, № 2. — S. 60—77.

8. *Гринченко, С. Н. Пространство и время в археологии. Ч. 3. Метрика базисной археологической структуры / С. Н. Гринченко, Ю. Л. Шапова // Пространство и время. — 2014. — № 1. — С. 78—89.*

Grinchenko, S. N. Prostranstvo i vremya v arxeologii. Ch. 3. Metrika bazisnoj arxeologicheskoy struktury' / S. N. Grinchenko, Yu. L. Shhapova // Prostranstvo i vremya. — 2014. — № 1. — S. 78—89.

9. *Гринченко, С. Н. Моделирование: индуктивное и дедуктивное / С. Н. Гринченко // Проблемы исторического познания. — М., 2015. — С. 95—101.*

Grinchenko, S. N. Modelirovanie: induktivnoe i deduktivnoe / S. N. Grinchenko // Problemy' istoricheskogo poznaniya. — M., 2015. — S. 95—101.

10. *Гринченко, С. Н. Гармония в процессах развития природы и общества: «безусловный» и «условный» аргументы / С. Н. Гринченко, Ю. Л. Шапова // Пространство и время. — 2018. — № 1-2. — С. 61—65.*

Grinchenko, S. N. Garmoniya v processax razvitiya prirody' i obshhestva: «bezuslovny'j» i «uslovny'j» argumenty' / S. N. Grinchenko, Yu. L. Shhapova // Prostranstvo i vremya. — 2018. — № 1-2. — S. 61—65.

11. *Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство-СПБ, 2000. — 704 с.*

Lotman, Yu. M. Semiosfera / Yu. M. Lotman. — SPb. : Iskusstvo-SPB, 2000. — 704 s.

12. *Новиков, Д. А. Кибернетика : Навигатор. История кибернетики, современное состояние, перспективы развития / Д. А. Новиков. — М. : ЛЕНАНД, 2015. — 160 с.*

Novikov, D. A. Kibernetika : Navigator. Istoriya kibernetiki, sovremennoe sostoyanie, perspektivy' razvitiya / D. A. Novikov. — M. : LENAND, 2015. — 160 s.

13. *Садовский, В. Н. Система / В. Н. Садовский // Больш. сов. энцикл. — М., 1976. — Т. 23. — С. 463—464.*

Sadovskij, V. N. Sistema / V. N. Sadovskij // Bol'sh. sov. e'ncikl. — M., 1976. — T. 23. — S. 463—464.

14. *Степин, В. С. Культура / В. С. Степин // Вопр. философии. — 1999. — № 8. — С. 61—71.*

Stepin, V. S. Kul'tura / V. S. Stepin // Vopr. filosofii. — 1999. — № 8. — S. 61—71.

15. *Шапова, Ю. Л. Хронология и периодизации древнейшей истории как числовая последовательность (ряд Фибоначчи) / Ю. Л. Шапова // Информ. бюл. Ассоциации «История и компьютер». — 2000. — № 25, март.*

Shhapova, Yu. L. Xronologiya i periodizacii drevnejshoj istorii kak chislovaya posledovatel'nost' (ryad Fibonachchi) / Yu. L. Shhapova // Inform. byul. Associacii «Istoriya i komp'yuter». — 2000. — № 25, mart.

16. *Шапова, Ю. Л. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель / Ю. Л. Шапова. — М. : КомКнига, 2005. — 192 с.*

Shhapova, Yu. L. Arхеologicheskaya e`poxa: xronologiya, periodizaciya, teoriya, model` / Yu. L. Shhapova. — М. : KomKniga, 2005. — 192 s.

17. *Щапова, Ю. Л.* Материальное производство в археологическую эпоху / Ю. Л. Щапова. — СПб. : Алетейя, 2011. — 244 с.

Shhapova, Yu. L. Material`noe proizvodstvo v arхеologicheskuyu e`poxu / Yu. L. Shhapova. — SPb. : Aletejya, 2011. — 244 s.

18. *Щапова, Ю. Л.* Введение в теорию археологической эпохи: числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат / Ю. Л. Щапова, С. Н. Гринченко. — М. : Ист. фак. Моск. ун-та : Федер. исслед. центр «Информатика и управление» РАН, 2017. — 236 с.

Shhapova, Yu. L. Vvedenie v teoriyu arхеologicheskoy e`poxi: chislovoe modelirovanie i logarifmicheskie shkaly` prostranstvenno-vremenny`x koordinat / Yu. L. Shhapova, S. N. Grinchenko. — М. : Ist. fak. Mosk. un-ta : Feder. issled. centr «Informatika i upravlenie» RAN, 2017. — 236 s.

19. *Щапова, Ю. Л.* Огонь и производственные технологии в археологическую эпоху: модельный подход / Ю. Л. Щапова, С. Н. Гринченко // Горизонты цивилизации. — 2019. — № 10. — С. 538—554.

Shhapova, Yu. L. Ogon` i proizvodstvenny`e tehnologii v arхеologicheskuyu e`poxu: model`ny`j podxod / Yu. L. Shhapova, S. N. Grinchenko // Gorizonty` civilizacii. — 2019. — № 10. — S. 538—554.

20. *Chhtchapova, J.* Chronologie générale et division en périodes des époques les plus anciennes / J. Chhtchapova // Actes du XIVème Congrès UISPP, Université de Liège, Belgique, 2—8 septembre 2001. Section 1. Théories et methods. Sessions Générales et Posters. BAR International Series 1145. — 2003. — P. 105—107.

21. *Grinchenko, S. N.* Human History Periodization Models / S. N. Grinchenko, Yu. L. Shchapova // Herald of the Russian Academy of Sciences. — 2010. — Vol. 80, № 6. — P. 498—506.

В. М. Розин

От традиционного понятия «культура» к различению понятий «культура модерна», «культура европейской цивилизации», «посткультура», «креативные культуры», «фьючекультура»

В статье анализируется происходящая в наше время трансформация представлений о культуре. Вводится категориальное пространство, в котором можно расположить современные понятия культуры. Характеризуется традиционное понятие культуры, включающее в себя представление о культурах модерна, в том числе восточных, и культурах европейской цивилизации. Обсуждается переход, который автор называет посткультурой, от культуры модерна к становлению культуры ближайшего будущего (фьючекультуры). Предлагаемые различения подкрепляются историческими соображениями и методологическим анализом.

Ключевые слова: культура, цивилизация, история, понятие, становление, развитие, будущее, прошлое.

Известно огромное число определений понятия «культура». Но понятий «культура» на порядок меньше, чем определений. Культурологические исследования автора показывают, что традиционное понятие культуры располагается в пространстве, заданном тремя основными координатами. Первая координата предполагает *противопоставление* одних культур другим. Например, новоевропейская культура сравнивается со средневековой и античной и противопоставляется им, Запад — Востоку, англосаксонские

культуры — французской и немецкой культурам и т. п. Вторая координата требует указания на *целостность и единство* культуры. Так, целостность средневековой культуры задавалась христианским мировоззрением, а целостность архаической культуры — убеждением в существовании душ (духов), полностью определяющих жизнь человека и окружающего его мира. Третья координата указывает на связь культур с теми или иным *практиками*. Например, характерное для XX столетия научное изучение разных культур (С. Неретина указывает, что переход к научному изучению культуры был обусловлен критикой европоцентризма и трактовкой культур как самобытных, замкнутых, противостоящих друг другу или ведущих диалог (см.: [11. С. 10—11])) было обусловлено такими практиками, как национальное самоопределение и самоутверждение, международная торговля, борьба национальных государств за рынки сбыта и влияние.

В так заданном пространстве культурологи фактически различают три основных класса культур. Во-первых, культуры в диахронном ряду (архаическая культура, культуры Древнего мира, античная культура, средневековая, Возрождения, культура Нового времени) — назовем их «культурами европейской цивилизации», ведь их выделение происходило в основном на материале истории Европы. Во-вторых, культуры в синхронном ряду Нового времени, но опять же сначала на европейском материале и лишь потом Америки, Африки, Индии, Китая. Будем называть их «культурами модерна». Как правило, в данном случае речь идет о культурах, для которых характерны национальные государства (например, культура Франции, Германии, России, Америки и др.). Здесь важны обе характеристики: и нация, и государство. Сделаю отступление и поясню.

В Европе нации складывались одновременно с государством в период формирования новоевропейской культуры. Короли, чтобы вести войны и образ жизни, достойный священных особ, начали создавать новые институты (сбор налогов, промышленность, наука и др.), поддерживать одни сообщества, например горожан и третье сословие, и блокировать активность других (аристократы, духовенство). При этом они вынуждены были вести переговоры с этими сообществами, способствуя их деградации или консолидации, т. е. начинают складываться общество и его «институции». Как я показываю в работе [14] на примере Франции, это были именно институции («королевский совет», «парламент», «генеральные штаты»), а не социальные институты, поскольку процедуры обсуждения и принятия решений еще были тесно связаны с людьми и сословиями. Эти институции по составу участвующих в них лиц были довольно многочисленными, включали в себя основные сословия и различных специалистов, в том числе представителей университетов. В кризисных ситуациях, которых в то время было немало, голос короля переставал играть решающее значение в принятии решений; король становился значимым, но все же лишь одним из участников обсуждения.

Стоит обратить внимание на еще три важных момента. Первый: становление государства и его институтов поддерживалось, с одной стороны, абсолютной королевской властью, с другой — этому процессу способствовали сложившиеся социальные и территориальные отношения проживающего в

городах и селах населения, с третьей стороны, на это же работали право и новые законы. Второй момент: несмотря на процессы секуляризации, роль христианства была еще очень сильна, и именно религиозное сознание выступало основанием как абсолютной власти королей и духовенства, так и сословной организации общества. Третий, как показывает в своих исследованиях Йозеф Шумпетер [18], большую роль в становлении новой социальности и ее функционировании играли сообщества, особенно те, которые входили во власть и создавали национальный продукт (например, буржуа, предприниматели).

Именно в таком социальном контексте складываются нация, государство и общество. Для нации конституирующими факторами выступали не только язык и территория, но и формирующиеся государство и общество, которые своими решениями, институтами и институциями создавали социальное поле, работающее на «сборку» нового социального коллектива. В свою очередь, для государства и общества в качестве подобной конституирующей силы выступала складывающаяся нация. Наконец, нация, государство и общество выступили необходимым условием становления национальных культур (культур модерна) [13]. Но вернемся к характеристике типов культур в рамках указанного категориального пространства.

Третий тип культур — это культуры Востока. Культуры Востока относятся к культурам модерна, но существенно отличаются от западных культур. Выделенные здесь три класса культур (европейская цивилизация, модерн и Восток) различаются в культурологии. Они достаточно удовлетворительно использовались в XX столетии в нескольких практиках: социологии, политологии, политике и дипломатии, туризме, международной торговле, образовании. Правда, и в этот период были трудные проблемы. Одну из них можно проиллюстрировать на примере проблемы «диалога западных культур с восточными».

В 2005 г. в издательстве «Наука» вышла интересная книга «Диалог культур в глобализирующемся мире: Мировоззренческие аспекты», написанная группой известных авторов Института философии РАН. Их общая установка четко выражена в предисловии — *от односторонних установок на властное доминирование необходимо перейти к диалогу культур* (см.: [6. С. 3]). Под этим углом зрения и написаны основные статьи, однако не все так просто. Перефразируя Хайдеггера, можно сказать, что помыслить российским философам диалог культур все еще очень трудно.

Действительно, в статье академика В. С. Степина «Типы цивилизационного развития», заявленной как концептуальная, с одной стороны, подчеркивается, что преодоление кризиса нашей техногенной цивилизации лежит на путях диалога и синтеза представлений Запада и Востока («это будет не западная и не восточная система ценностей, а нечто третье, синтезирующее достижения современной техногенной культуры и некоторые из идей традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание»), с другой, что более вероятно, «в ближайшее время процессы глобализации будут протекать не в форме равноправного диалога культур, а в форме активного одностороннего воздействия западных ценностей и идеалов потребительского общества на другие культуры» [16. С. 13, 18].

Возможно, этот прогноз и верен, но не способствует ли сам Вячеслав Семенович этой печальной тенденции, когда представляет восточные культуры

как «традиционалистские», а общее развитие социума как смягченный восточными этическими принципами, но все-таки управляемый техногенный процесс («Диалог культур — это условие поиска такой системы ценностей, которая изменит ныне действующую стратегию развития...» [16. С. 17]).

Возникает и более принципиальный вопрос: не являются ли сами идеи «диалога культур» и оппозиция «Запад — Восток» западными, не схватывающими сущность восточных культур. По сути, в книге только три статьи — М. Т. Степанянц «Поликультурность: глобальный и российский аспекты», В. И. Толстых «Будущее цивилизации в контексте диалога культур» и А. А. Гусейнова «О возможности глобального этноса» — выдержаны в духе культурологического, а не европоцентрического подхода.

Недостаточно заявлять о «диалоге культур», нужно суметь помыслить современную ситуацию как допускающую разные культуры и указать путь решения, не предполагающий их полного поглощения или призрачного существования в рамках «общечеловеческого государства». Безусловно, здесь я отстаиваю и свои ценности, поскольку являюсь не только философом, но и культурологом. Сравни: «Те, кто выступает за диалог культур и их плюрализм, противопоставляя его духовному монизму Запада, — пишет А. Гусейнов, — на самом деле тоже говорят на языке западной культуры. И идея диалога культур является скорее замаскированной и мягкой формой духовной агрессии Запада, чем внутренним убеждением... за диалог часто выступают те, у кого нет сил доминировать» [5. С. 183—184].

Я убежден, что современная философия обязана опираться на культурологические исследования (так же как и на другие гуманитарные науки), а не просто иметь их в виду. С точки же зрения современной культурологии «Восток» — это не тип культуры, а обобщенный образ-антипод, выставленный Западом для понимания себя и выработки политики в отношении странных людей Востока; соответственно и «диалог культур» — западная идея, предполагающая, что другие культуры устроены подобно западным и их можно не только колонизировать и модернизировать, но и склонять в «международном разговоре» к нужным для Запада решениям.

Естественным оппонентом В. Степина и ряда других авторов книги, на мой взгляд, является Мариэтта Тиграновна Степанянц. Пожалуй, она единственная ставит вопрос о том, как можно мыслить диалог между разными народами и культурами. Для этого М. Степанянц анализирует, с одной стороны, взгляды на современную коммуникацию трех крупных мыслителей Востока (Деби Прасада Чаттопадхья, Сейид Хоссейн Наср, Мухаммад Икбал), с другой — российских философов (М. Ю. Бородай, Э. Ю. Соловьев).

Как бы возражая авторам книги, Чаттопадхья пишет следующее: «Развитие детерминируется не неким “естественным законом”, а исключительно человеческим фактором, реализуемым через соответствующую культуру. <...> Справедливость не требует того, чтобы равное значение придавалось всем потребностям людей (здесь идет полемика с «Теорией справедливости» Дж. Ролза. — В. Р.)... Что требует справедливость — так это *равенство озабоченности*: нужды всех людей заслуживают серьезного и разумного *внимания* со стороны общества. <...> В развивающихся странах сам “институт равной свободы” в

большинстве случаев практически не существует, поскольку здесь сохраняется “широкий социально-экономический разрыв и конфликт между различными классами и группами”... Человек может *инициировать* действие и мыслительный процесс. Иными словами, он создает ценности, будучи одновременно *частью* природы и *участником* культурного процесса... Было бы не только неразумно, но также и опасно позволять кому-либо диктовать другим ценности без учета культуры последних, времени и потребностей... Бесполезно искать ценности, если они не укоренены в культуре» [15. С. 249, 250, 251, 252, 253].

В чем тут дело? Не в последнюю очередь в том, что рамкой для сопоставления разных культур в указанном выше категориальном пространстве выступает *идея культуры*, сложившаяся еще в XVIII столетии, когда под культурой, как правильно отмечает Вадим Межуев, понималась «европейская культура», которая мыслилась, с одной стороны, единой (хотя, конечно, это было не совсем так), с другой — высшей точкой цивилизационного развития (правда, что понимать под развитием?), с третьей стороны, европейская культура наделялась ее идеологами такими фундаментальными началами, как Разум и Свобода.

«Согласно Канту, — отмечает Эрнст Кассирер, — в корне всех проблем философии истории и философии культуры лежит идея свободы. Свобода означает автономию разума, отсюда всеобщая задача философии культуры заключается в решении вопроса: каким образом и с помощью каких средств возможно достижение этой автономии в процессе эволюции человеческого разума и воли» [8. С. 150].

Вадим Межуев, безусловно, прав, утверждая, что речь у неокантианцев идет не о разных культурах, а прежде всего о европейской культуре. «Культура для просветителей — синоним нравственного, эстетического, интеллектуального, в широком смысле — разумного — совершенствования человека в ходе его исторического развития. <...> Данная идея вносила в историческое познание представление о порядке, связанности и последовательности исторического процесса, усматривая их прежде всего в духовной сфере... она заключала в себе понимание особенностей существования и развития человека в границах прежде всего европейской истории» [10. С. 34—35]. Это было оценочное понятие культуры, позволявшее «постигнуть смысл и направленность человеческой истории в целом», исходя из убеждения в том, что именно европейская история и культура являются «высшим достижением духовного развития человечества» [Там же. С. 34, 36].

Так вот, именно эта рамка использовалась позднее культурологами в качестве основания в ходе идентификации разных типов культур, именно как культур, т. е. все они, помимо того, что сравнивались между собой по указанным выше параметрам, сопоставлялись на предмет идентификации также с европейской культурой. При этом отдельные культуры концептуализируются по-разному: в онтологии эволюционизма (тогда они трактуются как биологические организмы, ведущие борьбу за существование), персонализма (в этом случае это субъекты, проходящие цикл развития или ведущие диалог), в онтологии социальных наук (тогда это система социальных институтов и технологий, как, например, у Б. Малиновского). Стоит отметить, что первая и третья концептуализации были направлены на выявление законов, позволяющих

целенаправленно воздействовать на культуру, т. е. осуществлять социальную инженерию. Это хорошо видно у Б. Малиновского; он, без сомнения, сторонник естественно-научного подхода, который он понимает не просто как идеал науки Нового времени, но даже как универсальный механизм познания, характерный для любой эпохи.

«Если бы мы взяли, — пишет Малиновский, — проверить наши выводы о природе науки, сделанные в ходе анализа открытий, изобретений и теорий примитивного человека, сопоставив эти открытия с прогрессом в физике времен Коперника, Галилея, Ньютона или Фарадея, мы обнаружили бы те же самые признаки, ограничивающие науку от других видов мыслительной и поведенческой деятельности человека. И здесь и там мы находим вычленение реальных и релевантных факторов в некотором данном процессе. Реальность и релевантность этих факторов вскрывается в наблюдении и эксперименте, который устанавливает их устойчивое повторение. Постоянная проверка истинности опытом, а также оригинальное обоснование теории, очевидно, относятся к самой сути науки... минимальное определение науки неизменно подразумевает существование общих законов, поля эксперимента и наблюдения, а также не в последнюю очередь проверку академических рассуждений практическим применением...

Научный анализ культуры укажет нам и другую систему реалий, также подчиняющихся общим закономерностям и которую поэтому возможно использовать как руководство в полевых исследованиях, как средство для идентификации культурных реалий и как основу для социальной инженерии» [9. С. 21, 46].

Но естественно-научный подход, который здесь реализует Малиновский, — плоть от плоти европейской культуры. Получается, что при описании разных культур используется европейская рамка, но каждая культура в данном случае — это как бы самостоятельная «Европа», находящаяся во взаимоотношении и общении с другими «Европами». Культурологи нередко признают, что многие «Европы» не похожи на Европу, что это скорее другие формы социальной жизни. Однако описываются и осмысливаются они все же с помощью той же самой эпистемологической рамки. Не исключение и восточные культуры, поэтому-то не получается диалог культур.

Стоит сделать одно пояснение. Культуры европейской цивилизации и культуры модерна хотя и входят в одно категориальное пространство, заданное процедурами сопоставления и противопоставления культур, а также констатацией их целостности, но входят по-разному. Для культур модерна целостность и противопоставленность во многом задаются оптикой государства как социального института, а для культур европейской цивилизации — историческими событиями и различием мировоззрений (вера в души, богов, христианского Бога, природу и пр.). Характерное для культурологии традиционное понятие культуры слабо реагирует на указанное различие, что создает ряд проблем.

Но настоящему испытанию традиционное понятие культуры подверглось в конце XX столетия, когда, с одной стороны, все явственнее обозначился кризис техногенной цивилизации, а с другой — стал складываться новый тип культуры и социальности, который условно можно назвать «посткультурой».

Условно, поскольку речь идет не о сложившейся культуре, а о *переходном процессе* — от модерна к будущей культуре (назовем ее «фьючекультурой», от англ. *future* — будущее). Для посткультуры, имея в виду нашу тему, характерны несколько социальных процессов: нарастание в результате завершения и кризиса культуры модерна хаоса, сложности и неопределенности, становление новых социальных и культурных реалий (например, метакультур, сетевых сообществ), конвергенция социалистических форм социальности с капиталистическими, распад ряда национальных культур, формирование новых культур, адаптирующихся к происходящим изменениям (назовем их «креативными»).

Констатацией первого обстоятельства пронизана последняя книга Зигмунта Баумана «Ретротопия» [1], в которой он показывает, что экономический и социальный прогресс вкуче с либеральными проектами привел к обществу, для которого характерны страх и насилие, бессилие государства, проникновение новых «варваров» в лице беженцев и террористов в западные города, возобновление гоббсовской войны всех против всех, национальный и региональный сепаратизм, нарастающее неравенство на фоне властного нарциссизма. К этому можно добавить глубокий экологический кризис, периодически выходящие и лопающиеся экономические «пузыри», безудержное развитие технологий, паралич здравого смысла властей и общества. Пример последнего — «идеология политкорректности» [7]. «Сейчас в США, — пишет В. Буковский, — работодатель не смеет разговаривать со своей сотрудницей наедине — должен присутствовать хотя бы один свидетель, иначе того могут обвинить в сексуальных домогательствах, а это означает гибель карьеры и положения в обществе. Точно так же свои требования стали предъявлять и другие меньшинства: гомосексуалисты, темнокожие, сектанты и т. п.

Появились законы о “hate speech” — “языке ненависти”, нечто вроде 70 статьи советского Уголовного кодекса, по которой меня судили. “Языком ненависти” объявили любое упоминание о расовых различиях или сексуальных наклонностях. *Вы не имеете права признавать очевидные факты. Если вы их упоминаете публично, — это преступление.* В Англии в прошлом году отменили все рождественские общественные мероприятия: британский флаг содержит крест св. Георгия, а это якобы обидит мусульман, напомнив им о крестовых походах. При этом сами мусульмане ничего подобного не требуют. Мусульманин, который держит лавочку недалеко от моего дома, вывесил в витрине флаг с крестом, чтобы продемонстрировать, что он не согласен с этим крестинским запретом — но кто его услышит... Это привело к такой цензуре, что в наши дни Шекспир бы жить не мог. Да половину его пьес уже и не ставят: “Венецианский купец” — антисемитизм, “Отелло” — расизм, “Укрошение строптивой” — сексизм...

Одна учительница в Лондоне отказалась вести свой класс на “Ромео и Джульетту”, назвав спектакль “отвратительным гетеросексуальным зрелищем”. *Массовая цензура подкрепляется уголовным законодательством. За шутку о гомосексуалистах можно угодить в тюрьму. Обратите внимание, как быстро дело дошло до репрессий.*

Был такой философ — Герберт Маркузе, ревизионист-марксист. Он был не согласен с Марксом в одной точке: Маркс считал революционным классом

пролетариат (что очевидно не так), а Маркузе учил, что истинный революционный класс — разнообразные меньшинства. *Патологию нужно объявить нормой, а норму — патологией. “Только тогда, — пишет Маркузе, — мы, наконец, разрушим буржуазное общество”*. Активисты, которые якобы защищают права меньшинств — гомосексуальные и феминистические организации, — на самом деле о меньшинствах не заботятся. Они используют их как инструмент давления и контроля над обществом и приносят им больше вреда, чем всем остальным» [3].

«Нынешний беспорядок в мире, — пишет С. Сухова, — уже давно стал притчей во языцех: одни по простоте душевной ищут во всеобщей неустроенности конкретных виноватых и пытаются объяснить ее взятой на вооружение известными кругами теорией хаоса; другие исследуют глубинные процессы, запущенные распадом биполярной структуры, делая многозначительные выводы о большой игре; третьи пытаются подстроиться под стремительно меняющиеся обстоятельства, рассчитывая на островки стабильности и в ожидании времен, когда пыль уляжется.

У каждого, словом, свой путь, но проблему смело можно признать глобальной: существующий миропорядок пребывает в глубоком кризисе. А один из ключевых докладов, представленных на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2019 г., и вовсе был посвящен распаду традиционных структур социума и преодолению неясности: кто и по какому проекту станет собирать будущее. Фактически признано, что цивилизация вступила в эпоху деструкции, исход которой сильно тревожит, поскольку неочевиден: доминанты нет и поиска решения нет — диалог заморожен, его подменяют информационные и гибридные войны, которые усугубляют разлад и деструкцию» [17. С. 14].

Второе обстоятельство — становление новых форм социальности, в том числе культурных, я рассматривал в нескольких работах. Например, говорил о формировании метакультур, элементами которых становятся национальные культуры. Действительно, начиная со второй половины XX в. можно говорить о тенденции к становлению различных суперорганизмов социальной жизни — лагерей социализма и капитализма («политических метакультур»), экономических зон США, Общего рынка, Японии, Китая и Юго-Восточной Азии («регионально-хозяйственных метакультур»), буддийского, мусульманского, христианского мира («конфессиональных метакультур»), наконец, единого социального пространства Земли («планетарной метакультуры»). Для каждого из этих социальных суперорганизмов характерно (в прошлом или в настоящее время) постепенное формирование общих институтов, становление единых условий хозяйственной и экономической деятельности, сходных структур власти, принятие общих политических деклараций, создание союзов и других политических объединений. В некоторых случаях, как, например, для социалистического лагеря, речь шла даже о единой картине мира, хозяйстве и системе управления (власти). К этому же фактически движется и Общий рынок.

В чем отличие метакультур от обычных культур? Субстрат метакультур включает в себя не только людей, технологии и сети, но и отдельные культуры и национальные государства, прежде существовавшие самостоятельно. Подобно тому, как в свое время при становлении культуры древних царств формирова-

лись социальные институты и хозяйство, обеспечивающие базисные, а затем и производные потребности людей, сегодня метакультуры начинают обеспечивать потребности отдельных культур и государств, входящих в метакультуры. И обратно, отдельные культуры и государства как субстрат метакультуры начинают трансформироваться, приспосабливаясь к выполнению специализированных функций в суперорганизме метакультуры [12].

Но кто адаптируется к новому объемлющему целому, а кто нет. Многие национальные культуры перерождаются и прекращают свое существование. Чтобы приспособиться и остаться, так сказать, на плаву, как показывает Сейла Бенхабиб, национальная культура должна пересмотреть свои ценности и создать новые практики. Бенхабиб обсуждает эту проблему на примере миграционной политики. «Я буду, — пишет она, — проводить различие между условиями *въезда* в страну, такими как разрешение на посещение, обучение и приобретение собственности, и условиями *временного пребывания*, а затем между тем и другим — и *постоянным пребыванием* и *гражданским инкорпорированием*, финальной стадией которого является *политическое членство*... Политические изменения в данной сфере должны побудить нас к переосмыслению принятых нормативных категорий. Нам следует привести их в большее соответствие с новыми социологическими и институциональными реальностями гражданства в современном мире» [2. С. 184, 200].

На основе этих различий С. Бенхабиб выстраивает вполне разумную политику в области гражданства и миграции. Одновременно она отмечает, что «отношение к чужим гражданам, иностранцам и другим негражданам в нашей среде является решающим тестом состояния нравственного сознания и политического мышления либеральных демократий» [Там же. С. 211]. Но понимать это нужно не абстрактно, как принцип, реализуемый во что бы то ни стало, а конкретно — в рамках практик совещательной демократии. «Глобальную цивилизацию, в которой примут участие граждане мира, — разъясняет С. Бенхабиб, — нужно будет возвращать из местных привязанностей; из содержательных культурных споров; из переосмысления “нашей” идентичности; из привычки к демократическому экспериментированию с устройством и переустройством институтов» [Там же. С. 220]. Вполне можно согласиться и с последним предложением книги С. Бенхабиб: «...ведение комплексных культурных диалогов в условиях глобальной цивилизации — это теперь наша судьба» [Там же. С. 222].

Соображения Бенхабиб я бы прокомментировал так. С одной стороны, она показывает, что помыслить современную культуру очень трудно, ведь необходимыми условиями традиционного культурологического взгляда являются представление о *целостности* культуры и ее *противопоставленности* другим культуросообразным целостностям (варварам, другим культурам, современности), а также возможность занять *ясную аксиологическую позицию* (культура как европейская культура, как христианская культура, как отдельная национальная культура, как мировая либеральная культура и пр.). Но эти условия сегодня или выполняются только частично, или не выполняются вообще. «Мультикультурализм, — пишет С. Бенхабиб, — слишком часто увязает в бесплодных попытках выделить один нарратив как наиболее существенный... Мультикультуралист сопротивляется восприятию культур как внутренне расщепленных и оспарива-

емых...Трактовка культур как герметически запечатанных, подчиненных собственной внутренней логике данностей несостоятельна... Культурные оценки могут переходить от поколения к поколению только в результате творческого и живого участия и вновь обретаемой ими значимости» [2. С. 17, 19, 43, 122].

С другой стороны, Бенхабиб показывает, что правильная миграционная политика, во-первых, предполагает серьезный пересмотр представлений принимающей культуры о самой себе (что значит оставаться цивилизованной нацией и продолжать уважать себя, как относиться к мигрантам и что это такое, сохраняя ли смысл привычные представления о нации и культуре и др.). Во-вторых, что не менее важно, нужно создать ряд новых социальных практик, позволяющих решать миграционные проблемы и смягчать внутренние напряжения, возникшие в результате этих решений (выработка продуманной миграционной политики, отбор желательных или допустимых мигрантов, образование для отобранных популяций, создание условий для их последующей адаптации, адаптация к новым решениям собственного населения и др.). Получается, что национальная культура не может выжить, не рефлексировав себя, не обрстая новыми практиками. Именно такой тип культуры, отвечающей на вызовы времени, пересматривающей свои ценности, перестраивающей себя на основе новых практик, я и называю «креативной».

Для современной посткультуры характерен и такой процесс, как стремление к конвергенции социалистического и капиталистического способа производства и социальности. Возможность образования подобного, по сути, гибридного социального организма обсуждал еще в середине прошлого века И. Шумпетер [18]. С одной стороны, он старается показать, что социализм — одна из возможностей, созданных развитием капитализма (так сказать, это плата за ряд ее принципов, например, таких, как рационализация, свобода и права личности). Идеология классического социализма, отмечает Шумпетер, полностью разделяет рационалистическую и утилитарную подоплеку буржуазной идеологии, так же как и многие идеи, определившие классическую доктрину демократии. Социалисты легко присвоили себе эту часть буржуазного наследия. Те же элементы классической доктрины, которые социализм не смог воспринять, например касающиеся частной собственности, были объявлены противоречащими фундаментальным принципам социализма. Если социализм большевистского типа Шумпетер отрицает, то по отношению к демократическому социализму его оценка более оптимистическая: он считает, что, несмотря на недостатки социализма этого типа, он все же придет на смену капитализму. Точнее, утверждает Шумпетер, будущее за своего рода «гибридным социализмом», включившим в себя экономические достижения капитализма (как он пишет, социалисты уже сегодня вынуждены управлять капиталистическим хозяйством и экономикой, и в некоторых странах: Англии, Швеции — это получается неплохо).

К похожему выводу приходит Г. Водолазов. В его статье «Реальный гуманизм как идеология современности» рассматривается трактовка «российского капитализма», принадлежащая Ю. Буртину. «“Номенклатурный капитализм” (общественный строй, сложившийся в России в конце XX столетия), согласно Буртину, это один из вариантов “доконвергентного капитализма” (т. е. “об-

наженно классового общества, с резким разделением на богатых и бедных, с жестокой эксплуатацией меньшинством населения его огромного большинства, с полярной противоположностью “верхов” и “низов”, их взаимной подозрительностью и злобой” — в общем, капитализм, каким он был на ранних стадиях своего развития, например, в эпоху первоначального накопления или в эпоху, описанную в “Капитале” Маркса). Он пришел на смену доконвергентному (же) социализму — тому “реальному социализму”, который имел мало общего с социалистическим идеалом, начертанным основоположниками марксизма» [4. С. 18]. Можно согласиться с Г. Г. Водолазовым, что разрешение проблем современности, в том числе российских, видится на пути построения конвергентных моделей социальности, в которых органически и компромиссно соединяются принципы, принадлежащие вообще-то противоположным социальным доктринам. «Один из возможных вариантов, — пишет Водолазов, — встреча на теоретической “Эльбе” конвергентного либерализма и конвергентного социализма. Произойдет, скорее всего, не слияние их в одну идеологию, а дружеское соревнование (чередование во власти) — демократического конвергентного либерализма и демократического конвергентного социализма. Сложится биполярная идеологическая и социально-политическая система. И будет социальный корабль покачиваться между двух неантагонистических курсов. И такой, зигзагообразный, путь будет эффективней прямолинейно-одностороннего. И это будет важной составляющей пути к той идеологии (и основанной на ней социальной системе), которую я назвал “Реальным Гуманизмом”» [Там же. С. 20].

Стоит обратить внимание, что изменения, обусловленные посткультурой, относятся к двум разным планам. С одной стороны, трансформируются культуры модерна (национальные культуры), одни из них сходят со сцены истории, а другие, креативные, адаптируются к изменениям. С другой стороны, в диахронном ряду становится следующая культура европейской цивилизации — «фьючекультура». Напрашивается предположение, что конвергентный (гибридный) социализм (капитализм) будет образовывать одно из оснований социальности фьючекультуры. Если судить по существующим трендам, эта социальность будет включать в себя следующие составляющие: регулируемое государством рыночное хозяйство, распределение национального и мирового продукта, обеспечивающее населению достойный уровень жизни (независимо от того, какой вклад в производство делает отдельный человек или сообщество), вуалирование неравенства и эксплуатации (устранить их вообще, вероятно, невозможно), опору власти на электорат всеобщего избирательного права и интернет-сообщества, практики, которые позволяют, с одной стороны, сдерживать или даже блокировать развитие, грозящее негативными последствиями, с другой — способствовать сохранению жизни как в настоящем-будущем, так и в будущем-будущего.

Сакраментальный вопрос: на какие идеи и концепции нужно выйти, чтобы люди действительно стали отказываться от представлений существующей техногенной цивилизации и начали приобщаться к новым ценностям? Пока в истории самые эффективные когерентные концепции, заставляющие людей менять свой образ жизни, были связаны с религиозными представлениями,

а также с идеями использования природы. И то и другое в настоящее время отчасти себя исчерпало, отчасти обнаружили негативные стороны как веры в Бога, так и эксплуатации природы. Кроме того, постепенно становится понятным, что Бог и природа — продукты мышления и исторического развития человека. Не означает ли это, что на смену им должен прийти такой ресурс, как продуманные самоорганизация и самоуправление, включая ограничение многих желаний и вменностей, угрожающих жизни человека?

Почему я считаю, что перечисленные здесь тренды и характеристики должны привести к *новому типу культуры*? Во-первых, это только предположение, опирающееся на мое понимание культуры. Последняя во всех случаях на относительно длительный период определяет видение мира и человека, основной образ жизни, противопоставленность в диахронном или синхронном порядке другим мировидениям и образам жизни. А все эти моменты обусловлены, с одной стороны, *основным типом социальности*, с другой — *возможностью преодолеть глобальный кризис*, поразивший человечество (в противном случае вообще не будет ни мировидения, ни образа жизни). Во-вторых, много будет зависеть от изобретательности людей и новых социальных практик. Я уже писал в своих работах, что ответом на кризисы цивилизации являются изобретения людей, которые завершаются созданием социальных практик и новой культуры. С какой стати данный случай будет исключением? И не будет, если мы будем стараться изо всех сил, стараться, не поспешая, тщательно продумывая свои шаги.

Если правильны наши размышления и традиционное понятие культуры должно смениться концепциями «культуры модерна», «культуры европейской цивилизации», «посткультуры», «креативных культур», «фьючекультуры», то нетрудно предположить, что культурологию и другие гуманитарные науки, не исключая и психологию, в ближайшее время ожидает серьезная реформа. Предлагаемая читателю статья — один из первых шагов в этом направлении.

The article analyzes the current transformation of ideas about culture. A categorical space is introduced in which modern concepts of culture can be located. Characterized by the traditional concept of culture, which includes an idea of the cultures of modernity, including Eastern, and the cultures of European civilization. The transition, which the author calls the post-culture, from the culture of modernity to the formation of the culture of the near future (futures) is discussed. The proposed distinctions are supported by historical considerations and methodological analysis.

Keywords: culture, civilization, history, concept, formation, development, future, past.

Литература

1. Бауман, З. Ретротопия / З. Бауман. — М.: ВЦИОМ, 2019. — 160 с.
Bauman, Z. Retrotopiya / Z. Bauman. — М.: ВЦИОМ, 2019. — 160 с.
2. Бенхабиб, С. Притязания культуры / С. Бенхабиб. — М.: Логос, 2003. — 350 с.
Benhabib, S. Prityazaniya kul'tury' / S. Benhabib. — М.: Logos, 2003. — 350 с.
3. Букковский, В. Геи и феминистки пришли к власти. Запущена новая оруэлловская эпоха [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.arhsvoboda.ucoz.ru/blog/vladimir_bukovskij_gei_i_feministki_prishli_k_vlasti_zapushhena_novaya_oruehllovskaja_ehpokha/2011-08-06-63
Bukovskij, V. Gei i feministki prishli k vlasti. Zapushhena novaya orue'lovskaya e'poxa [E'lektronny'j resurs]. — Rezhim dostupa: www.arhsvoboda.ucoz.ru/blog/vladimir_bukovskij_gei_i_feministki_prishli_k_vlasti_zapushhena_novaya_oruehllovskaja_ehpokha/2011-08-06-63
4. Водолазов, Г. Г. Реальный гуманизм как идеология современности / Г. Г. Водолазов // Вестн. РГГУ. — 2015. — № 13. — С. 9—28.
Vodolazov, G. G. Real'ny'j gumanizm kak ideologiya sovremennosti / G. G. Vodolazov // Vestn. RGGU. — 2015. — № 13. — С. 9—28.

5. Гусейнов, А. А. О возможности глобального этноса / А. А. Гусейнов // Диалог культур в глобализирующемся мире : Мировоззренческие аспекты : сборник. — М., 2005. — С. 170—186.
Gusejnov, A. A. O vozmozhnosti global'nogo e'tnosa / A. A. Gusejnov // Dialog kul'tur v globaliziruyushhemsya mire : Mirovozzrencheskie aspekty' : sbornik. — M., 2005. — S. 170—186.
6. Диалог культур в глобализирующемся мире : Мировоззренческие аспекты : сборник. — М. : Наука, 2005. — 426 с.
Dialog kul'tur v globaliziruyushhemsya mire : Mirovozzrencheskie aspekty' : sbornik. — M. : Nauka, 2005. — 426 s.
7. Жежко-Браун, И. Политкорректность в контексте протестных движений / И. Жежко-Браун // Современная американская революция: современные технологии и динамика. — М., 2018. — С. 195—221.
Zhezhko-Braun, I. Politkorrektnost' v kontekste protestny'x dvizhenij / I. Zhezhko-Braun // Sovremennaya amerikanskaya revolyuciya: sovremennyy'e tehnologii i dinamika. — M., 2018. — S. 195—221.
8. Кассирер, Э. Лекции по философии и культуре / Э. Кассирер // Культурология. XX век : антология. — М., 1995. — С. 104—155.
Kassirer, E'. Lekcii po filosofii i kul'ture / E'. Kassirer // Kul'turologiya. XX vek : antologiya. — M., 1995. — S. 104—155.
9. Малиновский, Б. Научная теория культуры / Б. Малиновский. — М. : ОГИ, 1999. — 147 с.
Malinovskij, B. Nauchnaya teoriya kul'tury' / B. Malinovskij. — M. : OGI, 1999. — 147 s.
10. Межуев, В. М. Классическая модель культуры: проблема культуры в философии Нового времени / В. М. Межуев // Культура: теория и проблемы. — М., 1995. — С. 32—66.
Mezhuev, V. M. Klassicheskaya model' kul'tury' : problema kul'tury' v filosofii Novogo vremeni / V. M. Mezhuiev // Kul'tura: teoriya i problemy'. — M., 1995. — S. 32—66.
11. Неретина, С. С. Время культуры / С. С. Неретина, А. П. Огурцов. — СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2000. — 343 с.
Netetina, S. S. Vremya kul'tury' / S. S. Netetina, A. P. Ogurczov. — SPb. : Izd-vo Rus. xristian. gumanitar. in-ta, 2000. — 343 s.
12. Розин, В. М. Смерть культуры, да здравствует культура! / В. М. Розин // Полигнозис. — 2009. — № 4. — С. 60—76.
Rozin, V. M. Smert' kul'tury', da zdravstvuet kul'tura! / V. M. Rozin // Polignozis. — 2009. — № 4. — S. 60—76.
13. Розин, В. М. Подвиг и «грехопадение» Яниса Райниса (размышления, навеянные чтением романа Р. Добровенского «Райнис и его братья» и книги Й. Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия») / В. М. Розин // Культура и искусство. — 2018. — № 11. — С. 49—59.
Rozin, V. M. Podvig i «grexopadenie» Yanisa Rajnisa (razmyshleniya, naveyanny'e chteniem romana R. Dobrovenskogo «Rajnis i ego brat'ya» i knigi J. Shumpetera «Kapitalizm, socializm i demokratiya») / V. M. Rozin // Kul'tura i iskusstvo. — 2018. — № 11. — S. 49—59.
14. Розин, В. М. Прологомины к реконструкции социальности Средних веков / В. М. Розин // Культура и искусство. — 2018. — № 3. — С. 21—32.
Rozin, V. M. Prolegominy' k rekonstrukcii social'nosti Srednix vekov / V. M. Rozin // Kul'tura i iskusstvo. — 2018. — № 3. — S. 21—32.
15. Степаняц, М. Т. Поликультурность: глобальный и российский аспекты / М. Т. Степаняц // Диалог культур в глобализирующемся мире : Мировоззренческие аспекты : сборник. — М., 2005. — С. 241—293.
Stepanyancz, M. T. Polikul'turnost' : global'ny'j i rossijskij aspekty' / M. T. Stepanyancz // Dialog kul'tur v globaliziruyushhemsya mire : Mirovozzrencheskie aspekty' : sbornik. — M., 2005. — S. 241—293.
16. Степин, В. С. Типы цивилизационного развития / В. С. Степин // Диалог культур в глобализирующемся мире : Мировоззренческие аспекты : сборник. — М., 2005. — С. 5—18.
Stepin, V. S. Tipy civilizacionnogo razvitiya / V. S. Stepin // Dialog kul'tur v globaliziruyushhemsya mire : Mirovozzrencheskie aspekty' : sbornik. — M., 2005. — S. 5—18.
17. Сухова, С. «Отход от табу совершается в шесть шагов» : Разговор с ведущим специалистом России по изучению проблем информационного противодействия и борьбе с социальной деструкцией Игорем Сундиевым / С. Сухова // Огонек. — 2019. — № 15. — С. 14—16.
Suxova, S. «Otkhod ot tabu sovershaetsya v shest' shagov» : Razgovor s vedushhim specialistom Rossii po izucheniyu problem informacionnogo protivodejstviya i bor'be s social'noj destrukciej Igorem Sundievym / S. Suxova // Ogonek. — 2019. — № 15. — S. 14—16.
18. Шумпетер, Й. А. Капитализм, социализм и демократия : пер. с англ. / Й. А. Шумпетер ; предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. — М. : Экономика, 1995. — 540 с.
Shumpeter, J. A. Kapitalizm, socializm i demokratiya : per. s angl. / J. A. Shumpeter ; predisl. i obshh. red. V. S. Avtonomova. — M. : E'konomika, 1995. — 540 s.

И. Г. Михайлова

Культура и цивилизация: историко-философские и психологические аспекты

В статье обосновывается актуальность нового методологического подхода к осмыслению культуры и роли субъектов культурного процесса в ее воспроизводстве с позиций Синергетического Историзма. Исследование базируется на результатах анализа историко-философских и психологических аспектов формирования подходов к проблеме специфики взаимопереходов культуры в цивилизацию и цивилизации в культуру. Результаты исследования, основывающегося на методе дуальных оппозиций и законе самоорганизации социокультурных идеалов, показали, что развитие способности к воспроизводству креативной ментальной активности членов сообществ обусловлено динамизмом подхода к проблеме синтеза идеалов в условиях неизбежности цивилизационного выбора. Более того, специфика любой локальной цивилизации, как свидетельствовали результаты анализа, определяется спецификой социокультурных процессов, предполагающих динамические взаимопереходы между формами культуры, а специфика этих взаимопереходов, в свою очередь, определяется спецификой культур локальных цивилизаций. Автор базируется на гипотезе, что представители всех сообществ и цивилизаций, создающих и осваивающих производные социокультурного опыта, обладают жизненно важной способностью быть субъектами культурного процесса, наделенными даром креативности и, в качестве «культурных» и «идеологических» животных, задумывающимися над смыслом существования, определяемым ценностными ориентирами.

Ключевые слова: Культура, Цивилизация, Субъекты культурного процесса, «Культурные Животные», «Идеологические Животные», Социокультурная динамика, Дуальные оппозиции, Закон самоорганизации идеалов, Социокультурные идеалы.

1. Методологический подход к осмыслению культуры и роли субъекта культурного процесса с позиций Синергетической философии истории

Своим правом на существование в качестве субъекта человек обязан культуре как всеобщему понятию, трансформирующемуся в идею культуры, в которой объект представлен в аспекте его связи с субъектом. Субъект способен посредством воображения воспроизводить культурный процесс, этические и эстетические идеалы и культурные ценности. Базируясь на осмыслении субъекта культурного процесса с присущими ему идеалами и культурными ценностями, идея культуры наделяет человека не только способностью становиться автором культуры, но и способностью к самоопределению и саморазвитию (см.: [6. С. 534]).

Способ осмысления явлений и событий посредством воображения, предполагающего синтез желаемого и действительного, позволял человеку художественными средствами моделировать выход из кризисной, проблемной ситуации. Развивая в себе способности к выживанию и воспроизводству накопленного культурного опыта, субъект культуры тем самым обеспечивал становление более высокой формы креативного мышления, и поскольку идея культуры как производное накопленного культурного опыта постоянно подвергается ментальной обработке (см.: [9. С. 16]), успех осмысления динамики развития культуры всегда определяется степенью осознания необходимости развития способности субъекта культурного процесса к решению усложняющихся проблем, встающих перед обществом (см.: [2. С. 224]).

Развитие способности к воспроизводству креативной ментальной способности членов сообщества обусловлено динамизмом подхода к проблеме синтеза идеалов с позиций Синергетической философии истории в условиях неизбежности цивилизационного выбора (см.: [1. С. 39–40]), когда синтез

идеалов, согласно Закону самоорганизации социокультурных идеалов (см.: [6. С. 98—100]), приобретает новую актуальность и все возрастающее значение не только как культурный, но и как социальный процесс. Не прекращающееся ни на мгновение обогащение результатов синтеза служит наглядной демонстрацией сдвига культурных ценностей, способствуя трансформации культурной основы творческой деятельности, направленной на служение этическим, эстетическим и утилитарным идеалам. Эта культурная трансформация, вызванная ожесточенной борьбой разрушающихся и вновь формирующихся идеалов, обуславливает постоянные качественные сдвиги в субъекте культурного процесса, способствуя его самореализации и обеспечивая выбор им альтернативных путей самоопределения. Подтверждая развитие общества в качестве производного саморазвития субъекта, динамические изменения этических и эстетических идеалов культуры становятся производными креативных способностей субъектов культурного процесса (см.: [5. С. 156]).

Актуализация проблемы общества в качестве производного культурного опыта, накопленного человечеством, потребовала переосмысления представлений о субъекте культурного процесса как носителе этических и эстетических идеалов, ориентированном на поиск меры синтеза свободы и ответственности в социокультурной деятельности. Подход к субъекту общества как к креативному субъекту идеи культуры («социокультурному животному») (см.: [78. Р. 13—34]), а к креативной личности (*Homo Faber*) как к социокультурному субъекту позволяет продемонстрировать, что все локальные культуры служат производными реализации свободной воли субъектов самовыражения, способных к созданию произведений. Любое социокультурное сообщество может поэтому существовать лишь на основе достаточной способности его членов воспроизводить накопленную локальными цивилизациями культуру, обеспечивая ценностную стимуляцию творческой ментальной активности субъектов самовыражения (см.: [8. С. 158—160]). Производные этой конструктивной ментальной активности играют двойную роль, аккумулируя социокультурный и воспроизводственный опыт, с одной стороны, и неизбежно составляя логическое основание для его освоения каждым членом социокультурного сообщества — с другой. Подобный динамический процесс, присущий любому обществу и цивилизации, проявляется уже в доосевом обществе, обеспечивая фундамент дальнейшего исторического развития в целом и социокультурной эволюции в частности (см.: [3. С. 210—211; 92. Р. 142—204]).

2. Специфика самоорганизации воспроизводства культур локальных цивилизаций

Анализ органической связи культуры со спецификой каждой локальной цивилизации потребовал не только переосмысления содержания накапливаемой культуры, не только изучения специфики доосевой логики мышления *Homo Faber*, но и обращения к искусству как к специфической форме развития каждой локальной культуры с целью освещения динамического процесса развития культуры в целом. Примененные в ходе исследования метод дуаль-

ных оппозиций (см.: [7. С. 117]) и Закон самоорганизации социокультурных идеалов (см.: [6. С. 98—100]) позволили не только изучить логику протекания подобных процессов в межполюсном пространстве дуальных оппозиций, но и подтвердить актуальность метода для описания динамики и статики культуры и сдвига культурных ценностей на всех уровнях социокультурной эволюции. Так, любое явление, попадающее в смысловое поле межполюсного пространства дуальной оппозиции, обретает возможность переосмысления в качестве некоторой статичной и динамичной меры синтеза между полюсами (как производного синтеза культурных смыслов этих полюсов, в качестве нового элемента культуры), что, в свою очередь, требует формирования новой дуальной оппозиции. Новый смысловой фокус, возникающий в результате стремления к преодолению сложившейся дуальной оппозиции, неизбежно фиксирует этот узел противоречий, поскольку возникновение одного фокуса провоцирует формирование другого, свидетельствуя о непрерывности смысловых трансформаций в содержании дуальных оппозиций, межполюсное пространство которых занимают субъекты культурного процесса (см.: [5. С. 157—158]).

Данное исследование сфокусировано на производных социокультурной деятельности в качестве основы воспроизводственной деятельности, с одной стороны, и феноменов, служащих носителями потенциала конкретно-исторических культур соответствующего общества, локальной цивилизации — с другой. Автор базируется на гипотезе, что представители всех сообществ и цивилизаций, создающих и осваивающих производные социокультурного опыта, обладают жизненно важной способностью быть субъектами культурного процесса, наделенными качествами креативности («культурными животными») (см.: [92. Р. 3—32]), позволяющими придавать значимым явлениям ценностный социокультурный смысл. Реализация этой способности служит основой формирования механизма воздействия на возникновение поведенческих стереотипов других членов сообщества, на их деятельность, на уровень эффективности социокультурного воспроизводства. При этом сознательная или неосознанная трансформация первоначально заложенных культурных смыслов явлений превращает надситуативную и нададаптивную ментальную активность субъектов культурного процесса в динамический фактор изменения поведенческих стереотипов и определяемой ими деятельности под влиянием ценностных ориентиров. Если, однако, надситуативная ментальная активность реализуется в воспроизводстве накопленного культурного опыта, ориентированном на социокультурные контридеалы, конструктивные инновации и моделирование новых неуниверсальных законов цивилизационного развития, то нададаптивная ментальная активность характеризуется стремлением субъектов воспроизводственного процесса к прогрессу цивилизационной культуры (посредством нарушения универсальных законов цивилизационного развития), ориентированному не на достижение меры синтеза свободы в выборе путей самоопределения и ответственности за производные этого выбора, а на деструкцию накопленного социокультурного опыта посредством вторичного моделирования исторической канвы (см.: [8. С. 159—160]).

Исторически культура сложилась как упорядоченный, структурированный опыт человеческой деятельности, интерпретируемый субъектами культурного процесса в межполюсном пространстве дуальных оппозиций. Один полюс этих оппозиций фиксирует воспроизводство конструктивной ментальной активности субъектов самовыражения, ориентированных на социокультурные идеалы; а другой — воспроизводство деконструктивной ментальной активности субъектов самовыражения, ориентированных на антиидеалы. Таким образом, культуру отличает ее дуальная природа, обусловленная ее способностью быть имманентной личности как субъекту культурного процесса, являющемуся носителем социокультурного субъектного пространства и структурирующих его идеалов, определяющих поведенческие стереотипы. И поскольку культура обладает универсальной способностью манифестировать себя одновременно в трех ипостасях: как личностная культура, как глобальная культура человечества и как локальная культура цивилизаций, ее развитие характеризуется постоянными взаимопереходами (в межполюсном пространстве дуальных оппозиций, содержание которых она составляет). Тем самым специфика любой локальной цивилизации определяется спецификой социокультурных процессов, предполагающих динамические взаимопереходы между формами культуры, а специфика этих взаимопереходов, в свою очередь, определяется спецификой культур локальных цивилизаций. Именно таким образом реализуется взаимопереход культуры в цивилизацию (см.: [6. С. 538—539]).

3. Специфические закономерности формирования и воспроизводства культур локальных цивилизаций: историко-философские и психологические аспекты

Истоки латинского термина «Cultura/Κουλτούρα/культура» восходят к «Tusculanae Disputationes/Tusculanae Quaestiones/Тускулумские¹ Диспуты» (45 до н. э.) (см.: [23. II. 15]) Марка Туллия Цицерона (Marcus Tullius Cicero/106—43 до н. э.), древнеримского государственного деятеля, оратора и философа. Цицерон использовал термин «cultura» для определения понятия «философия» как «культивирование души/Ψυχῆς ὑεσουργία»: «Cultura autem animi philosophia est/Культивирование души есть философия» [23. Theses Ex Tusculana Secunda. II. XV. 186], рассматриваемое с позиций телеологии в качестве высшего идеала саморазвития человека («progressionem sui»²) [65. P. 53—54].

Определение Цицерона было модифицировано бароном Самюэлем фон Пуфендорфом (Freiherr Samuel von Pufendorf/1632—1694), германским философом, рассматривавшим культуру как единственный путь, ведущий человечество от «биологического животного/βιολογικο Ζωο» к «общественному/κοινοχρηστη Ζωο» и «культурному/πολιτιστικο Ζωο» животным (см.: [91. P. 11—30]): «Подобно тому, как поле не может дать обильный урожай, если не будет подвергнуто обработке, так и душа не может быть продуктивной, если ее не культивировать и не обучать, с тем чтобы, искоренив пороки, сделать душу пригодной для зачатия семени, которое, когда созреет, принесет свой лучший плод» [36. P. 88].

¹ Тускуланум (Tusculum/Tusculo) — разрушенный древнеримский город на Албанских Холмах в Лациуме (Tusculo Hill на северном краю кратера Албанского вулкана), основанный Телегоном (Τηλεγονος/Рожденный Вдали), сыном Цирцеи и Одиссея, или правителем Латиума Латинием Сильвием (пр. 1079—1028 до н. э.), потомком Энея и четвертым Царем Альба Лонги, согласно Дионисию Галикарнасскому (Διονύσιος Ἀλεξάνδρος Ἀλικαρνασσεύς/ок. 60—7 до н. э.) (см.: [84. I. 1.71]).

² Идея «Progressionem sui» (высшего уровня саморазвития) восходила к идее Аристотеля (Ἀριστοτέλης/384—322 до н. э.) о дуальной интеллектуально-этической природе добродетели, интеллектуальный пласт которой служил производным обучения («διδασκαλία»), требующего опыта («εμπειρία»), а этической (моральный) — производным обычая («εθος») (см.: [10. II. 1103A15]).

Базируясь на «*Scientia colendorum deorum/Знание об отправлении культа Богов*» Цицерона в его «*De Natura Deorum/О природе Богов*» (см.: [22. 2.8. 1. 117]), Эдвард Каси (Edward S. Casey/р. в 1939 г.), американский философ, возвел латинский термин «*cultura*» к «*cultus deorum/культ Богов*». Каси утверждал, что изначально понятие «быть культурным» означало «иметь культуру» (а именно «обладать пространством», которое можно было бы культивировать).

Ричард Велкли (Richard Velkleu/р. в 1949 г.), американский философ, выводил понятие «культура» из древнегреческого термина «*κοιλοτροφα*», под которым подразумевалось «культивирование души/*Λατρεία της Ψυχης*», заимствованное Цицероном для определения понятия «философия», но оппозиционное понятию «*πολιτισμος*» (в значении «цивилизация»), хотя и эквивалентное аристотелевскому понятию «*ἥθος*» (в значении «обычай») (см.: [10. II. 1103 A15]) с присущей ему идеологической ориентацией («*ἠθικός/проявляющий моральные качества*») (см.: [91. P. 11—30]). Тем самым Ричард Велкли стал первым философом, который концептуально обосновал кардинальную дуальную оппозицию «Культура — Цивилизация».

Дифференцированный подход к изучению динамичных и статичных культур был заложен в 1795 г. прусским философом и лингвистом Вильгельмом фон Хумбольдтом (Friedrich Wilhelm Christian Karl Ferdinand von Humboldt/1767—1835). Так, рассматривая культуру как «*Weltanschauung/мировоззрение*», Хумбольдт утверждал, что представители различных этнических групп отличаются специфическим мировоззрением, ориентированным на разделяемые ими религиозные и социокультурные идеалы (см.: [93. S. 117—119]).

Направление классической, или унитарной, социокультурной эволюции (Classical or Unilinear Social and Cultural Evolution) развивали Георг Эрнст Шталь, Огюст Конт, Сэр Чарльз Лайелл, Люис Хенри Морган, Сэр Эдвард Бернетт Тайлор, Херберт Спенсер, Мэтью Арнольд и Адольф Бастиан, рассматривавшие культуру как специфические, сформированные социальной группой поведенческие стереотипы, способные оказывать воздействие на каждого ее члена, образующие единое динамическое целое, охватывающее религиозные и социокультурные идеалы, мораль и законы, и позволяющие придавать смысл человеческому существованию (см.: [85. P. 88—89]).

Георг Эрнст Шталь (Georg Ernst Stahl/1659—1734), германский химик и философ, апологет Витализма, предложил анимистический подход к осмыслению культур локальных цивилизаций (см.: [42. P. 165]). Так, в своем труде «*Negotium Otiosum seu Σκιασμοι adversus positiones aliquas fundamentales Theoriae verae Medicae/Трудности отвлечения от бесплодной борьбы против позиций фундаментальной теории практической медицины*» (1720) Шталь выдвинул биологическую теорию анимизма, или доктрину активного контроля души над телом, провозгласившую, что душа служит витальным первопринципом социокультурной динамики и трансформации человека из «биологического» животного в «культурное» (см.: [81. P. 14—17: XVII—XXXII]).

Исидор Мария Огюст Франсуа Ксавье Комт (Isidor Marie Auguste François Xavier Comte/1798—1857), французский философ по прозвищу «Отец социологии», заложивший основы Позитивизма (Positivism), был первым философом науки, который рассмотрел культуру и общество в качестве единого организма, эволюционирующего от простых форм к сложным. Комт сформулировал закон трех стадий культурного развития человечества, обусловленных трансформацией уровня осмысления природных явлений (см.: [85. P. 88—89]):

- I. На первой, теологической, стадии человек осмыслял природу мифологически, объясняя природные явления вмешательством сверхъестественных сил.
- II. На второй, метафизической, стадии природа объяснялась как производное темных сил, вмешательством которых человек объяснял природные явления.
- III. На третьей, позитивной, стадии все темные силы были отброшены и природные явления получили соответствующее естественно-научное объяснение.

Комт утверждал, что прогресс культурного развития был достигнут за счет развития головного мозга субъекта сознания и роста ментального потенциала, позволявшего сформировать способность к саморефлексии.

Сэр Чарльз Лайелл (Sir Charles Lyell, Baronet/1797—1875), шотландский геолог, сторонник естественно-научного объяснения причин развития истории Земли и апологет концепции Униформитаризма¹, в своем трехтомном труде «*Principles of Geology: Being an Attempt by Reference to Causes Now in Operation/Принципы геологии: Попытка объяснения причин, действующих сегодня*» (1830—1833) отстаивал теорию постепенного (а не скачкообразного) геологического развития Земли Вильяма Уивелла (William Whewell/1794—1866), английского эрудита, философа и историка науки. Базируясь на теории Уивелла, опровергавшей концепцию Катастрофизма (Catastrophism)

¹ Доктрина Униформитаризма («Uniformitarianism/Доктрина о единообразии социокультурного развития») была разработана в 1785 г. Джеймсом Хаттоном (James Hutton/1726—1797), шотландским геологом, в качестве фундаментального принципа, позволяющего объяснить специфические закономерности трансформаций земной коры посредством естественно протекающих саморегулируемых процессов (не прибегая к Библии как к первоисточнику) (см.: [16. P. 57—62]).

(см.: [58. P. 1—2])¹, Сэр Лайелл утверждал, что постепенное развитие обществ и их культур обусловлено фундаментальным принципом постепенного геологического развития Земли (см.: [59. P. 384]).

Льюис Хенри Морган (Lewis Henry Morgan/1818—1881), американский антрополог, в своем труде «Ancient Societies or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization/Древние общества, или Исследование направлений человеческого прогресса от первобытного состояния через стадию Варварства к Цивилизации» (1877) дал наглядное обоснование взаимобусловленности социокультурного прогресса техническим прогрессом, служащим, по его мнению, движущей силой социокультурной динамики. Так, в зависимости от уровня технических достижений Морган делил развитие человечества на семь этнических стадий (см.: [64. P. 3—12]).

Базируясь на законе трех стадий Огюста Комта, Херберт Спенсер (Herbert Spencer/1820—1903), английский философ, антрополог и биолог, выдвинул теорию, согласно которой развитие человечества от «биологических» до «социокультурных» животных было обусловлено прогрессом культуры локальных цивилизаций, вершиной пирамиды которого служила западная культура. В своем труде «Principles of Biology/Принципы биологии» (1864) Спенсер утверждал, что выживание наиболее приспособленных («the survival of the fittest») было не чем иным, как «естественным отбором/natural selection» Чарльза Дарвина (Charles Robert Darwin/1809—1882) в качестве сохранения избранных человеческих рас в борьбе за существование (см.: [79. I. P. 441—445]).

Спенсер полагал, что общество, эволюционирующее в межполюсном пространстве кардинальных дуальных оппозиций «Свобода — Ответственность» и «Хаос — Порядок» от Хаоса к Порядку и расширению прав и свобод субъектов саморазвития, должно стремиться к минимизации вмешательства правительств в социокультурную и политическую жизнь граждан, препятствующего нормальному функционированию механизмов ее саморегулирования (см.: [80. P. 489—495, § 228—230]).

Мэтью Арнольд (Matthew Arnold/1822—1888), английский культурный критик, в своей работе «Culture and Anarchy: An Essay in Political and Social Criticism/Культура и Анархия: эссе о социополитическом критицизме» (1869) рассматривал культуру как идеал индивидуального совершенства каждого члена сообщества. Арнольд полагал, что подобно тому, как религия проповедует Царство Бога внутри нас, культура служит носителем совершенства субъекта саморазвития, отличающегося, в качестве «культурного животного», от «биологического животного» на ранней стадии человеческой эволюции. Понимая культуру как бесконечный путь человечества к Абсолютному Идеалу Мудрости и Духовной Красоты, Арнольд считал, что подобное совершенство будет недостижимо, если субъект саморазвития останется в изоляции, вне связи с представителями других локальных культур (как в культуре Иудаизма). Поэтому первоочередной задачей субъектов саморазвития Арнольд считал распространение культуры, ведущей человеческий род по пути совершенства и гармонии к Абсолютному Идеалу (см.: [11. P. 12—14]). Тем самым Арнольд противопоставлял культуру как полюс Конструктивного Порядка (дуальной оппозиции «Порядок — Хаос») Анархии как полюсу Деконструктивного Хаоса, препятствующего достижению субъектами саморазвития духовной гармонии и совершенства [Там же. P. 15—16].

Адольф Филипп Вильгельм Бастиан (Adolf Philipp Wilhelm Bastian/1826—1905), германский эрудит, сформулировавший теорию элементарных идей и концепцию психического единства представителей всех человеческих рас, отстаивал идею единого первоисточника ментальной активности человечества, на базе которого формировались локальные культуры различных этнических общностей. Согласно А. Бастиану, ментальная активность членов всех человеческих сообществ базировалась на единой для всего человечества первоначальной элементарной идее, составляющей основу формирования и воспроизводства всех локальных культур (см.: [45. P. 179—185]).

Сэр Эдвард Бернетт Тайлор (Sir Edward Burnett Tylor/1832—1917), английский антрополог, основоположник культурной антропологии, в своем двухтомном труде «Primitive Culture: Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Language, Art, and Custom/Примитивная Культура: Исследования развития мифологии, философии, религии, языка, искусства и обычаев» (1871) отождествил понятия культуры и цивилизации: «Культура, или Цивилизация, — утверждал Сэр Тайлор, — в широком этнографическом смысле составляют единое, неразрывное, сложное целое, включающее знания, верования, искусства, мораль, законы, традиции, обычаи и ментальные и поведенческие стереотипы, сформированные членами сообществ» [89. I. P. 1].

¹ Catastrophism (Катастрофизм) — концепция, утверждающая, что геологические эпохи завершались внезапными катастрофами, служившими причиной больших наводнений и быстрого образования горных хребтов. Сторонники Катастрофизма полагали, что именно о таком изменении идет речь в Ветхом Завете, а именно о Великом потопе, который пережили только Ной и его семья, по совету бога Иеговы построившие ковчег и погрузившиеся на него, когда вода начала прибывать («Бытие/Genesis 7—8»). Концепт получил широкое распространение благодаря усилиям Жана Леопольда Николя Фредерика, Барона Кювье (Jean Leopold Nicolas Frédéric, Baron Cuvier/1769—1832), известного как Жорж Кювье (Georges Cuvier), французского естествоиспытателя и зоолога, который выдвинул гипотезу о том, что зарождению новых форм жизни способствовала миграция живых организмов из регионов, пострадавших от наводнений (см.: [16. P. 57—62]).

Развивая идеи Моргана Льюиса, Сэр Тайлор разработал критерии категоризации культур с учетом специфических закономерностей их формирования и воспроизводства. Рассматривая культуру в целом, Сэр Тайлор основывал свой сравнительный анализ на трех предпосылках: 1) любое современное общество может рассматриваться как более примитивное или более цивилизованное по сравнению с другими; 2) существуют промежуточные стадии развития, отделяющие примитивные общества от цивилизованных; 3) все общества проходят одни и те же стадии в различной хронологической последовательности, обусловленной специфическими закономерностями их развития.

Развивая концепцию Градуализма (*Gradualism* от «gradus/шаг»), доктрины постепенных, а не скачкообразных трансформаций обществ и их культур (см.: [59. Р. 384]), в своем труде «*Anthropology: An Introduction to the Study of Man and Civilization/Антропология: Введение в исследование Человека и Цивилизации*» (1881) Сэр Тайлор базировался на теории Униформитаризма (*Uniformitarianism*) (см.: [88 Р. 1—34]). Сэр Тайлор утверждал, что развитие обществ, их культур и религий обусловлено функциональным базовым принципом, определяющим три основные стадии социокультурного воспроизводства: первобытную, варварскую и цивилизованную (см.: [89. I. Р. 26—69]).

Переосмыслив тождественность понятий «культура» и «цивилизация», Тайлор разработал два новых подхода к исследованию универсальных и специфических закономерностей воспроизводства цивилизаций и их культур (см.: [49. Р. 47]):

- «Эмический»¹, или субъективный, подход был ориентирован на изучение специфики конкретной локальной цивилизации и ее культуры (с позиций субъектов их воспроизводства) и фокусировался преимущественно на анализе ментальных и поведенческих стереотипов субъектов сознания, занятых воспроизводством культуры локальной цивилизации, представителями которой они являлись.
- «Этический»², или научно ориентированный (объективный), подход предполагал интерпретацию, анализ и синтез информации, полученной в ходе изучения специфики воспроизводства субъектами сознания их культуры.

Следуя биологической теории Анимизма³ Георга Эрнста Штала о душе как о первопринципе социокультурной эволюции человека (см.: [37. Р. 6]), Сэр Тайлор положил ее в основу классификации развития обществ и их культур. Так, он полагал, что технически и научно продвинутое общество, члены которых сумели абстрагироваться от анимистических представлений, в своей эволюции поднялись до индустриальных потребительских обществ, ориентированных на воспроизводство утилитарных идеалов и провозглашаемых ими полезностей (см.: [89. I. Р. 26—69]). Рассматривая Анимизм как фундаментальное заблуждение, служившее первоисточником формирования всех мировых религий, Сэр Тайлор в то же время отстаивал позицию, что вера в Индивидуальную Душу Всего Сущего и ее естественные манифестации составляет основу каждой локальной культуры, на различных этапах развития воспроизводимой представителями локальных цивилизаций [Там же. I. Р. 417—502].

Теорию этнической периодизации Моргана с позиций Исторического Материализма развивал Фридрих Энгельс (*Friedrich Engels/1820—1895*) в своей работе «*Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats: Im Anschluß an Lewis H. Morgans Forschungen/Происхождение семьи, частной собственности и государства*» (1891). Рассматривая теорию Моргана как прехисторию современной классовой борьбы (см.: [31. S. 22—68]), Энгельс подчеркивал, что именно воспроизводство социокультурных отношений и контроль над материальными ресурсами (а не технический прогресс) служили движущей силой социокультурной эволюции человечества [Там же. S. 152—173].

Направление Прогрессионизма (Ортогенетической, или Прогрессивной, эволюции) развили Жан-Батист Пьер Антуан де Монэ, шевалье де Ламарк (*Jean-Baptiste Pierre Antoine de Monet, chevalier de Lamarck/1744—1829*), французский естествоиспытатель; Пьер Теяр де Шарден (*Pierre Teilhard de Chardin/1881—1955*), французский философ-идеалист; Анри-Луи Бергсон (*Henri-Louis Bergson/1859—1941*), французский философ. Рассматривая Ортогенез⁴ как целенаправленный эволю-

¹ Термин «etic» происходит от древнегреческого термина «φωνήμα/фонема» и «φωνητική ετυμολογία/фонемическое, или озвученное, сознание» (от «φωνήμα/фонема»).

² Термин «etic» (не путать с «ethic») происходит от древнегреческого термина «φωνητικός/изреченный».

³ Концепция Анимизма (*Animismus-Concept*) как всеобщей доктрины души Сэра Тайлора (см.: [89. I. Р. 23]) кардинально отличалась от концепции Фетишизма Огюста Комта (см.: [50. Р. 85]).

⁴ Ортогенез («*Orthogenesis/Ортогенетическая, или Прогрессивная, эволюция*») — биологическая гипотеза, провозглашавшая, что живой организм имеет врожденную тенденцию к развитию в определенном направлении с определенной целью, обеспечиваемому действием внутреннего механизма, служащего движущей силой эволюции (см.: [73. Р. 268—278]). Абсолютной целью эволюции служит при этом биологическое усложнение в качестве производного глобального процесса эволюции [Там же. Р. 526—539].

Термин «*Orthogenesis/прямое наследование*» был введен в употребление в 1893 г. Иоханном Вильгельмом Хааке (*Johann Wilhelm Haacke/1855—1912*) и популяризован в 1898 г. Густавом Хайнрихом Теодором Аймером (*Goustav Heinrich Theodor Eimer/1843—1898*), германскими зоологами, которые рассматривали Ортогенез как всеобщий закон эволюционного развития (см.: [35. Р. 116—133]).

ционный процесс прямого наследования (см.: [16. Р. 268—270]), они отвергали теорию естественного отбора как действующего механизма эволюции (в качестве прямолинейной модели целенаправленной, или телеологической, эволюции) (см.: [90. Р. 124—132]).

Направление Мультилинейной социокультурной эволюции (Multilineal Social and Cultural Evolution) активно развивали Лестер Фрэнк Ворд, Фердинанд Тённис, Роберт Рэдфилд, Лесли Альвин Уайт, Джулиан Хэйнс Стюарт, Маршалл Дэвид Салинз и Элман Роджерс Сервис, отстаивавшие концепцию Неоэволюционизма (Neoevolutionism), а также Альфред Луи Крёбер, Руфь Фултон Бенедикт и Маргарет Мид, отстаивавшие концепцию Культурного Партикуляризма (Cultural Particularism).

Лестер Фрэнк Ворд (Lester Frank Ward/1841—1913), американский социолог и палеонтолог, отвергавший унитарную концепцию социокультурной эволюции Х. Спенсера, утверждал, что действие всеобщего закона эволюции в человеческих обществах на различных этапах их развития отличается от его действия в растительном и животном мирах, полагая, что естественный закон (природы) в социуме замещается ментальным (рациональным) законом (см.: [24. Р. 199]). Лестер Ворд подчеркивал, что человек под воздействием эмоций обычно выбирает путь инерционной ментальной активности, нацеленной на подчинение природы и трансформацию окружающей среды, в отличие от животного мира, ориентированного на адаптацию к изначально заданным условиям окружающей среды. Он указывал на то, что все человеческие традиции, законы и институты служили инструментом, порожденным человеческим умом.

Лестер Ворд выделял четыре стадии эволюционного культурного процесса:

- I. Стадию Космогенеза («Cosmogensis/Κοσμογενεση»), характеризующуюся творением и эволюцией материального мира.
- II. Стадию Биогенеза («Biogenesis/Βιογενεση»), характеризующуюся порождением новых форм живых организмов¹.
- III. Стадию Антропогенеза («Anthropogenesis/Ανθρωπογενεση»), или Хоминизации («Hominization/Ανθρωποποιηση»), характеризующуюся возникновением и развитием человечества.
- IV. Стадию Социогенеза («Sociogenesis/Κοινωνιογενεση»), или Социокультурной эволюции («Social and Cultural evolution/κοινωνικο-πολιτιστικη εξελιξη»), характеризующуюся воспроизводством эволюционного процесса с целью оптимизации социокультурного и технического прогресса, достижения меры синтеза Креативного Хаоса и Деконструктивного Порядка и самоактуализации субъектов саморазвития.

Осмывая возможные негативные последствия эволюционного прогресса, ведущие к потенциальной деградации локальных цивилизаций и их культур, Ворд заложил основы теории социальной дегенерации (см.: [89. I. Р. 23—62]) как составляющей идеологии Этнонационализма² (Ethnic nationalism) Морриса Баррэ (Maurice Barrés/1862—1923) и Шарля Морра (Charles-Marie-Photius Maurras/1868—1952) (см.: [40. Р. 205—215]) постулированием концепции деструкции локальных культур, инкорпорированных в глобализационные процессы.

Фердинанд Тённис (Ferdinand Tönnies/1855—1936), германский социолог и философ, ориентированный на Неоэволюционизм, в своих работах «Gemeinschaft und Gesellschaft: Abhandlung des Communismus und des Socialismus als empirischer Culturformen/Община и Общество: Трактат о Коммунизме и Социализме как эмпирических формах Культуры» (1887) и «Gemeinschaft und Gesellschaft: Grundbegriffe der reinen Soziologie/Общность и Общество: Основы чистой Социологии» (1920) различал два основных типа социальных групп, ориентированных на социокультурный прогресс: общину и общество — с присущими им различным характером социальных взаимодействий, идеалами, ценностями и стратегическими ориентирами (см.: [86. Р. 10—16]). Концепция Тённиса базировалась на дуальной оппозиции «Община — Общество», используемой для анализа социальных (исторических) трансформаций.

Тённис схематично описывал эволюцию как путь развития от неформального общества, характеризовавшегося большей свободой и меньшей ответственностью, до формальных (рациональных) обществ, управляемых на основе законов, ограничивающих ментальную активность их членов. Поддерживая концепцию социальной дегенерации Лестера Ворда, Тённис, усматривавший деконструктивную роль глобализации, доказывал, что эволюционный общественный процесс в действительности был не чем иным, как регрессом (см.: [87. Р. 7—68]).

В 1941 г. Роберт Рэдфилд (Robert Redfield/1897—1958), американский антрополог и этнолингвист, базируясь на теории культурной эволюции Гордона Чайлда (Vere Gordon Childe/1892—1957), разработал концепцию социокультурного сдвига от традиционного общества к урбанистическому (см.: [42. Р. 165]), которая была модифицирована в 1945 г. Лесли Альвином Уайтом (Leslie Alvin

¹ Стадия Биогенеза была концептуально обоснована Луи Пастером (Louis Pasteur/1822—1895), французским биологом и химиком, в качестве аксиомы «Omne vivum ex vivo/Вся жизнь порождена жизнью».

² Этнонационализм (Ethnic nationalism от древнегреческого термина «τα εθνη/необрезанные, не иудеи»), форма Национализма, в которой понятие нации определяется с точки зрения этнической принадлежности (общих предков, общего языка, общих религиозных идеалов, общих верований и общего культурного наследия).

White/1900—1975), американским антропологом, отстаивавшим теорию социокультурной эволюции и ориентированным на Неоэволюционизм. В своей работе «The Evolution of Culture: The Development of Civilization to the Fall of Rome/Эволюция Культуры: Развитие Цивилизации до падения Рима» (1959), базирувавшейся на концепции социальной эволюции Л. Моргана, Лесли Уайт выдвинул теорию, нацеленную на обоснование истории человечества, движущей силой которой, по его мнению, был технический прогресс, определяющий динамику темпов развития социокультурных систем (см.: [92. P. 142—204]).

Согласно сформулированной Уайтом энергетической теории культурной эволюции критерием социокультурного прогресса любого общества служило количество потребляемой им энергии в соответствии с формулой $C = E \cdot T$, где C — уровень культурной эволюции, E — количество потребляемой энергии, а T — мера эффективности технических факторов утилизации энергии. Уайт определял культуру как экстрасоматический временной континуум событий и явлений, зависящих от уровня метафорического мышления членов сообщества. Он полагал, что трансформация первобытного человека (в качестве «биологического» животного) в субъекта сознания (в качестве «социокультурного» животного) произошла с развитием метафорического (образного) мышления и способности к самовыражению на вербальном уровне [Там же. 92. P. 3].

В зависимости от энергетического потенциала общества, служащего критерием его прогресса, Уайт делил развитие человеческого рода на пять стадий:

- I. Первая стадия развития характеризовалась использованием мускульной энергии человеческих существ.
- II. Вторая стадия развития характеризовалась использованием энергии домашних животных.
- III. Третья стадия развития характеризовалась использованием энергии культивируемых злаков (в период аграрной революции).
- IV. Четвертая стадия развития характеризовалась использованием энергии природных ресурсов (вода, уголь, нефть, газ).
- V. Пятая стадия развития характеризовалась использованием ядерной энергии.

Джулиан Хэйнс Стюард (Julian Haynes Steward/1902—1972), американский антрополог, разработавший концепцию культурной экологии и научную теорию культурных трансформаций, в своей работе «Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution/Теория Культурных Трансформаций: Методология Мультилинейной Эволюции» (1955) развивал теорию мультилинейной культурной эволюции, ориентированной на выявление путей адаптации обществ к заданным условиям окружающей среды. Стюард утверждал, что трансформациям (в силу их внутренней логики) подвержены не сами локальные культуры, но присущие им отношения взаимопроникновения — взаимоотталкивания с окружающей средой. Поэтому локальные культуры не могут в своем развитии проходить одни и те же стадии в одно и то же время в одной и той же последовательности (см.: [83. P. 30—42]).

Маршалл Дэвид Саллинз (Marshall David Sahlins/p. в 1930 г.) в своей работе «Evolution and Culture/Эволюция и Культура» (1960) выделил два основных типа культурной эволюции обществ (см.: [75. P. 38]):

- I. Общую эволюцию, характеризующуюся тенденцией социокультурных систем к усложнению и выбору путей адаптации к заданным условиям окружающей среды.
- II. Специфическую эволюцию, обусловленную тем, что культуры являются открытыми системами, обменивающимися энергией и информацией с окружающей средой, а производным этого взаимобмена становятся культурные и технические инновации, обуславливающие специфический путь развития каждой локальной культуры (см.: [63. P. 365—385]).

Элман Роджерс Сервис (Elman Rogers Service/1915—1996), отстаивавший концепцию культурной экологии и научную теорию культурных трансформаций, утверждал, что мультилинейная культурная эволюция (в отличие от унитарной) не имела фиксированных стадий культурного развития. Э. Сервис полагал, что, поскольку культуры обладали различным энергетическим потенциалом, общества с большим потенциалом неизбежно достигали более высокого уровня развития, чем общества, имевшие меньший потенциал (см.: [75. P. 33—57]). Отвергая принцип разделения современных и примитивных обществ, Сервис утверждал, что любая локальная культура в своем развитии вынуждена была приспособиться к изначально заданным условиям окружающей среды, определяющим темпы и уровень ее трансформаций [Там же. P. 69—100]. Развивая теорию Прогрессивной эволюции, Сервис переосмыслил локальные культуры как открытые системы, обменивающиеся энергией и информацией с окружающей средой (включая взаимобмен с культурами других локальных цивилизаций) [Там же. P. 90—100].

Альфред Луи Крёбер (Alfred Louis Kröber/1876—1960), Рут Фултон Бенедикт (Ruth Fulton Benedict/1887—1948) и Маргарет Мид (Margaret Mead/1901—1978), апологеты Культурного Партикуляризма (Cultural Particularism), фокусировались на влиянии, оказываемом индивидуальной культурой каждого члена сообщества на доминирующую культуру локальных цивилизаций и ее борьбу с контркультурами, ориентированными на контридеалы, оппозиционные доминирующим в обществе (см.: [62. P. 33—46]).

Герхард Эмманюэль «Джерри» Ленски (Gerard Emmanuel «Gerry» Lenski/1924—2015), американский социолог, в своей работе «Human Societies: An Introduction to Macrosociology/Человеческие Общества: Введение в Макросоциологию» (1974) [53] развивал синтетический подход к осмыслению культуры, базировавшийся на синтезе принципов унитарной и мультилинейной социокультурной эволюции,

с позиций разработанной им эколого-эволюционной теории. Согласно этой теории социокультурное выживание человеческих сообществ было обусловлено преимущественно фактором технического прогресса. Опровергая энергетическую теорию культурной эволюции Лесли Уайта и утверждая, что чем больший массив информации использует общество с целью трансформации изначально заданных условий окружающей среды, тем выше темпы и уровень его технического и культурного прогресса, Ленски тем самым отрицал идею энергетического потенциала в качестве фактора, обуславливающего темпы технического и культурного прогресса.

Ленски выделял четыре стадии человеческого прогресса (см.: [52. P. 163—171]):

- I. Первую стадию, характеризующуюся передачей наследуемой информации посредством генетического кода.
- II. Вторую стадию, характеризующуюся развитием образного мышления.
- III. Третью стадию, характеризующуюся развитием инерционного мышления.
- IV. Четвертую стадию, характеризующуюся развитием медиационного мышления.

Разработанная Ленски модель культуры эволюции базировалась на дуальной оппозиции идеала и его материального воплощения в обществе и двух главных факторах социальной стратификации: власти и ее привилегиях и качестве производных, обуславливающих материальную базу для социокультурного воспроизводства (см.: [51. P. 43—44]). Эта материальная база, в свою очередь, воспроизводилась на основе отношений взаимоприятия — взаимоотношения технологий и идеологии как двух неотъемлемых составляющих информационной базы индустриального общества (см.: [20. P. 195; 53. P. 78]). Эволюционная модель Ленски позволила продемонстрировать макросоциальную панораму борьбы членов сообществ за выживание и воспроизводство социокультурных идеалов на основе действующих культурных механизмов передачи общезначимой идеологической информации последующим поколениям [20. P. 199; 53. P. 361].

Направление Культурного Эволюционизма (Cultural Evolutionism), эволюционной теории социальных трансформаций, развивали Давид Эмиль Дюркейм, Франц Ури Боас, Роберт Хайнрих Лёве, Раймонд Хенри Вильямс, Роберт Тернер Бойд, Петер Джеймс Ричерсон и Клинтон Ричард Докинз, ориентированные на систематический подход к осмыслению культуры (см.: [61. P. 329—347]).

Давид Эмиль Дюркейм (David Emile Durkheim/1858—1917), французский социолог, в своей работе «De la division du travail social/O разделении общественного труда» (1893) переосмыслил социокультурный прогресс с позиций концепции социальной солидарности (общие идеалы, ценности, интересы и цели членов сообщества), подразумевавшей социальную эволюцию, прогресс которой рассматривался в качестве меры синтеза механического (*La Solidarité mécanique*) и органического (*La Solidarité due à la division du travail, ou organique*) типов солидарности. Согласно Дюркейму, оба типа социальной солидарности соответствовали двум типам общества: механическому и органическому. Так, в традиционных обществах с доминирующей механической солидарностью интеграция обеспечивалась за счет гомогенности его членов, связанных кровными узами и объединенных общими религиозными и социокультурными идеалами (см.: [30. P. 39—43]). Формирование органической солидарности служило производным разделения общественного труда в больших потребительских сообществах, и поскольку переход от механического типа солидарности к органическому был обусловлен ростом населения, развитием его социальной активности и дифференциацией труда, Дюркейм считал фактор разделения труда одним из основных факторов социокультурного прогресса [Там же. P. 68—70].

Франц Ури Боас (Franz Uri Boas/1858—1942), американский антрополог германского происхождения по прозвищу «Отец американской антропологии», поборник идеологии научного расизма¹, утверждал, что различия в человеческом поведении не определяются врожденными биологическими качествами субъектов сознания, но служат производными их социокультурного развития. Тем самым Боас переосмыслил культуру как основополагающий концепт, на котором базировался анализ различий в поведении представителей различных социальных групп, с одной стороны, и как аналитический концептуальный фокус антропологии — с другой. При этом Боас отвергал популярный в 1890-е гг. эволюционный подход к осмыслению культуры, ориентированный на рассмотрение всех обществ, в своем развитии проходящих различные технологические и культурные стадии, с западно-европейской культурой в качестве вершины эволюционной иерархической пирамиды (см.: [62. P. 33—46]). Боас объяснял, что, поскольку исторические культуры локальных цивилизаций развивались не в полной изоляции друг от друга, в процессе воспроизводства вступая в отношения взаимопроникновения — взаимоотношения, это исключало стабильность позиции одной отдельно взятой локальной (в частности, западно-европейской) культуры на вершине иерархической пирамиды. Тем самым своей декларацией взаимообусловленности личностной культуры членов сообществ ориентацией не на доминирующие в обществе социокультурные идеалы, а на оппозиционные им контридеалы (способствующие трансформации личностной культуры субъектов саморазвития в контркультуру, вступающую в борьбу с куль-

¹ Научный расизм (расовая биология) — псевдонаучная теория о том, что расовая дискриминация обусловлена эмпирическим опытом, подтверждающим существование биологически низших и высших рас, что дает основание рассматривать расу как биологический критерий оценки человеческого поведения с позиций типологии биологических характеристик.

турой, доминирующей в обществе) Боас заложил основы идеологии Культурного Релятивизма (*Cultural Relativism*)¹. Полагая, что социокультурная динамика не позволяет говорить о взаимообусловленности культуры и расы, Боас рассматривал цивилизацию («πολιτισμος») не в качестве чего-то абсолютно неизменного, но как нечто относительное, мутабельное, подверженное трансформациям, что позволяло признавать истинность любых идей только по отношению к одной отдельно взятой цивилизации, производному социокультурного развития которой они являлись (см.: [14. P. 589]).

Роберт Хайнрих Лёве (*Robert Heinrich Löwe*/1883—1953), американский антрополог австрийского происхождения, известный также как Роберт Харри Лоуи (*Robert Harry Lowie*), апологет Культурного Релятивизма, в своем труде «*Culture and Ethnology/Культура и Этнология*» (1917) [56] переосмыслил культуру с позиций Экстремального Культурного Релятивизма в качестве уникального феномена, объяснение природы которого следовало только из нее самой, согласно принципу Сэра Тайлора: «*Omnis cultura ex cultura/Каждая культура происходит из культуры*» [89. I. P. 53], означавшему, что любой культурный феномен может быть объяснен либо спецификой воспроизводства культуры членами расовой группы, либо синтезом заимствуемых из чужих локальных культур элементов с элементами базовой культуры этой расовой группы. И более того, именно механизм трансмиссии и синтеза различных культурных смыслов Лёве считал движущей силой культурного прогресса рас (см.: [56. P. 67]).

В своей работе «*Culture and Society 1780—1950/Культура и Общество 1780—1950-х гг.*» (1958) Раймонд Хенри Вильямс (*Raymond Henry Williams*/1921—1988), уэльский теоретик Марксизма, разработал культурную модель наследования, ориентированную на делегирование функции культивирования персоны двум субъектам саморазвития, не находящимся с ним в генетическом родстве и называемым «Культурными родителями/Πολιτιστικοί γονείς» (см.: [94. P. XVI—XVIII]).

Роберт Тернер Бойд (*Robert Turner Boyd*/р. в 1948 г.), американский антрополог, и Петер Джеймс Ричерсон (*Peter James Richerson*/р. в 1943 г.), американский биолог, в своих работах, посвященных проблемам культуры и эволюционных процессов, трансформировали модель Вильямса в модель культурной трансмиссии (негенетического воспроизводства социокультурных отношений) посредством передачи культурного кода негенетического наследования накопленного социокультурного опыта от поколения к поколению. Эта модель культурной трансмиссии базировалась на постулате, что каждое человеческое сообщество распределяет роли своих членов между субъектами воспроизводства культуры независимо от их генетического родства (см.: [17. P. 77—93]). Модель была ориентирована на активацию процесса культивирования ментальности индивидов с момента их рождения до достижения ментальной зрелости и реализации ее производных (см.: [18. P. 125—143]) посредством формирования культурного фенотипа («πολιτιστικός φαινότυπος»), под которым подразумевался комплекс наблюдаемых индивидуальных качеств, культивируемых посредством взаимодействия генотипа с окружающей средой (см.: [71. P. 7—8]).

Основными факторами, управляющими этим процессом, служили (см.: [94. P. 9—10]):

- произвольные вариации формируемых характеристик;
- аналоги генетического течения;
- ценностные ориентиры;
- идеологически обоснованная трансмиссия культурной информации;
- отбор подлежащей передаче культурной информации посредством Идеологического Селектора.

Базируясь на модели культурной трансмиссии Р. Бойда и П. Ричерсона (см.: [39. P. 87—112]),

Клинтон Ричард Докинз (*Clinton Richard Dawkins*/р. в 1941 г.), английский этолог, в своем труде «*The Selfish Gene/Эгоистичный Ген*» (1976) разработал Эволюционную Модель передачи Культурной Информации (*The Evolutionary Model of Cultural Information Transmission*) (см.: [27. P. 192]), на базе которой, с позиций Синергетического Историзма, была не только разработана Эмоциональная Модель Социокультурной Самоорганизации (см.: [4. С. 204—205]), она превзошла концепцию идеологического Кода негенетического наследования, сформулированную с позиций Синергетической философии Истории (см.: [6. С. 118—121]). Основу этой модели Докинза составляла концепция «*Memes*», рассматриваемых в качестве единиц информации, обитающих в человеческом мозге и служащих саморепликаторами, подверженными воздействию селективного отбора в ходе культурной эволюции (см.: [34. P. 38—48]). Докинз назвал этот новый репликатор, воплощающий идею единицы передаваемой культурной информации, «*Мете/Мэм*» (см.: [26. P. 45—64]). С одной стороны, его название служило производным древнегреческого термина «μυμνησις/производное, имитация, имитатор» [28. P. 192], а с другой — восходило к термину «*Mneme*»², введенному в употребление в 1904 г. Рихардом Вольф-

¹ Культурный Релятивизм (*Cultural Relativism*) — концепция о взаимообусловленности идеалов, верований и практик субъектов сознания воспроизводимой ими культурой, провозглашенная как аксиоматический концепт (в качестве аксиомы, не требующей доказательств).

² В своей работе «*Die mnemischen Empfindungen in ihren Beziehungen zu den Originalempfindungen/Мнемонические ощущения в их отношении к подлинным ощущениям*» (1921) Рихард Вольфганг Земон развивал концепцию энграммы (*Engram-Concept*) как единицы памяти, подверженной биофизическим и биохимическим трансформациям в мозге и других нейротканях в ответ на внешние раздражители (см.: [55. P. 381—385]).

гангом Земоном (*Richard Wolfgang Semon/1859—1918*), германским эволюционным биологом (см.: [74. P. 1007—1013]). Докинз трактовал понятие «Мете» как идею, передаваемую от человека к человеку посредством культурного кода. Мете, таким образом, служил средством передачи культурных идей от одного субъекта культурного процесса к другому и от поколения к поколению с целью их материального воплощения. Докинз и его последователи рассматривали «метес/мэмы» в качестве культурного аналога генов, самовоспроизводимых, мутабельных и подверженных селективному отбору¹ (см.: [13. P. 288; 27. P. 196; 34. P. 82—90]).

Полагая, что именно «метес» служат носителями культурной (и человеческой) эволюции, Докинз называл большие группы мэмов, генерируемых и передаваемых от мозга к мозгу, комплексами приспособляющихся мэмов, или мэмами-приспособленцами (*meteplexes*), под которыми подразумевались группы мэмов, локализующихся в мозге одного субъекта культурного процесса (см.: [28. P. 352]).

Последователь Структурного Функционализма (*Structural Functionalism*) Талькотт Парсонс (*Talcott Parsons/1902—1979*), американский социолог, в своей работе «*The System of Modern Societies/ Система Современных Обществ*» (1971) выявил четыре составляющих процесса культурной эволюции человечества (см.: [66. P. 4—8]):

- I. Субпроцесс дифференциации, характеризующийся формированием функциональных субсистем в результате распада базовой системы.
- II. Субпроцесс адаптации, характеризующийся приспособлением этих вновь сформированных субсистем к усложняющимся условиям окружающей среды.
- III. Субпроцесс заимствования элементов из других систем.
- IV. Субпроцесс интеграции и синтеза элементов в борьбе вновь образованных субсистем за утверждение и легитимизацию в обществе.

Парсонс рассматривал протекание этих субпроцессов в качестве взаимопереходов в межполюсном пространстве дуальной оппозиции «Культурные Потребности — Материальные Потребности». Так, сфокусированные на одном полюсе Культурные Потребности были обусловлены духовными идеалами, ориентированными на воспроизводство духовных ценностей, а сфокусированные на другом полюсе Материальные Потребности — утилитарными идеалами, ориентированными на воспроизводство полезностей. Парсонс подчеркивал тем самым, что динамика взаимопереходов между полюсами этой дуальной оппозиции определялась культурным императивом, в качестве культурного кода передаваемым из поколения к поколению (см.: [66. P. 4—8]).

Подход к осмыслению культуры с позиций Теории Управления Страхом (*The Terror Management Theory*) развивали американские социопсихологи Джефф Л. Гринберг (*Jeff L. Greenberg/p. в 1961 г.*), Шелдон Соломон (*Sheldon Solomon/p. в 1965 г.*) и Том Пищински (*Tom Pyszczynski/p. в 1963 г.*) в работе «*The Cultural Animal: Twenty Years of Terror Management. Theory and Research/Культурное Животное: Двадцать лет управления страхом. Теория и исследования*» (2004) (см.: [78. P. 13—34]) и Джон Томас Джост (*John Thomas Jost/p. в 1968 г.*) в работе «*The Ideological Animal: A System Justification View/Идеологическое Животное: Системный подход к обоснованию концепции*» (2004) (см.: [43. P. 263—286]). Так, культура была переосмыслена ими как ментальная активность субъектов саморазвития в качестве идеологических животовых, сформировавших в себе способность к рефлексии и саморефлексии и задумывающихся над смыслом жизни и ее ценностной ориентацией (см.: [69. P. 14—19]).

Основу подхода к культуре как совокупности информационных ресурсов, доступных субъектам саморазвития, разработанного Рэном Родом (*Rain Raud/p. в 1961 г.*), эстонским когнитивистом, составлял метод текстуального анализа древних первоисточников, ориентированный на выявление изначально заложенных в тексты оригинальных культурных смыслов и причин их последующих трансформаций (см.: [70. P. 18—20]).

Подход к осмыслению культуры как производного «символических коммуникаций» представителем различных локальных цивилизаций развивали Георг Зиммель, Джордж Херберт Мид и Чарльз Хортон Кули.

Георг Зиммель (*Georg Simmel/1858—1918*), германский философ и социолог, заложивший основы теории Символического Интеракционизма (*Symbolic Interactionism*)², переосмыслил культуру как процесс культивирования («*каллерегия*») субъектами саморазвития внешних форм окружающей среды

¹ Развивавший идеи Докинза Николас Кейн Хамфри (*Nicholas Keynes Humphrey/p. в 1943 г.*), английский нейробиолог, рассматривал «метес» как живые идеологические структуры, обитающие в человеческом мозге и передаваемые от одного мозга другому (см.: [27. P. 109]).

² Символический Интеракционизм (*Symbolic Interactionism*) — социологическая теория, ориентированная на изучение специфики «символических коммуникаций» как одного из аспектов социокультурного взаимодействия, основывающегося на интерпретации человеческого поведения, характеризующегося считываемыми значимыми символами в качестве носителей социокультурной информации, подлежащей передаче от субъекта к субъекту в пределах одного поколения.

Основы Символического Интеракционизма были заложены Георгом Зиммелем и развиты Джорджем Мидом и Чарльзом Кули (см.: [19. P. 479—484]).

с целью их адаптации к потребностям «культурных животных» (см.: [77. Р. XIX]). При этом Зиммель делил культуру, рассматриваемую в социологическом аспекте, на два типа:

- нематериальную культуру, охватывающую идеи, формируемые субъектами саморазвития, об их локальной культуре, включая идеалы, провозглашаемые ими ценности, верования, моральные нормы и язык;
- материальную культуру, предполагающую физические (материализованные) свидетельства ее существования в ее производных (объектах искусства, архитектуры и литературы).

Джордж Херберт Мид (George Herbert Mead/1863—1931), американский философ, социолог и психолог, развивавший социокультурную теорию Символического Интеракционизма, базируясь на классификации культуры Г. Зиммеля (см.: [95. Р. 193—201]), переосмыслил культуру как производное «символических коммуникаций» представителей различных локальных цивилизаций, уровень развития Самости которых рассматривался в качестве меры социокультурного прогресса человеческих рас (см.: [19. Р. 479—484]).

Чарльз Хортон Кули (Charles Horton Cooley/1864—1929), американский социолог, в 1902 г. сформулировавший концепт зеркальной природы Самости (Looking-Glass Self-Concept), в своем труде «Human Nature and the Social Order/Человеческая Природа и Социальный Порядок» (1902) (см.: [25. Р. 14—44]) инкорпорировал определение культуры Мида в концепцию Самости как производного «символических коммуникаций» субъектов сознания, занятых воспроизводством локальных культур и рассматриваемых в качестве движущей силы социокультурного прогресса человечества вследствие их осмысленного выбора путей взаимодействия друг с другом и окружающей средой (см.: [76. Р. 47—65]).

Подход, ориентированный на осмысление идеологических аспектов культуры как производного конструктивной ментальной активности представителей локальных цивилизаций, обусловленной стратегическими ориентирами, определяющими смысл их существования, развивали Густав Коссинна и Вир Гордон Чайлд.

Густав Коссинна (Gustav Kossinna/1858—1931), германский лингвист, профессор германской археологии Берлинского университета, развивавший националистическую теорию происхождения германских народов и оказавший значительное влияние на формирование и утверждение идеала Национал-социализма, сформировал концепцию, базировавшуюся на переосмыслении понятия «цивилизация/civilization» в качестве «духа полиса/πνευμα της πόλης κρατος», понимая под «полисом/της πόλης κρατος» город-государство с самоуправлением, а понятия «культура/cultura» — в качестве единой для всех граждан полиса «κοιλοπορα», понимаемой как «εθνοτητα/принадлежность к одной этнической группе, члены которой объединены общностью разделяемых ими идеалов и национальных и культурных традиций» (см.: [12. Р. 142]). Согласно провозглашенному Коссинной социокультурному закону мерой культуры («μετροτης του πολιτισμου»)¹ служил признак единой этнической принадлежности («εθνοτητα») (см.: [48. С. 394]), позволявший значительное влияние социокультурного и технического развития представителей локальных цивилизаций по производным их материальной культуры².

Коссинна разработал базовую модель Эволюционистского Диффузионизма (der Diffusionsmodel), позволяющую не только выявить интер- и транскультурную диффузию, но и подвергнуть категоризации действующие диффузионные механизмы. Коссинна выявил пять типов диффузионных моделей (см.: [47. С. 3]):

- экспансивный тип, ориентированный на распространение инновационных идей культуры не только на территории их зарождения, но и за ее пределы;
- релокационный тип, ориентированный на миграцию инновационных идей культуры в новые регионы;
- иерархический тип, ориентированный на трансмиссию инновационных идей культуры из больших регионов в малые;
- «инфекционный» тип, ориентированный на трансмиссию инновационных идей культуры от харизматического первоисточника к субъектам-реципиентам в пределах одной социальной общности;
- стимулирующий тип, ориентированный на распространение инновационных идей культуры посредством их ассоциативных связей с другими популярными концептами.

¹ Коссинна осмыслял культуру в трех аспектах (см.: [46. С. 394]): как ценности и обычаи («κοιλοπορα»; «ταραδοση»); как интеллектуальные производные креативной ментальной активности субъектов саморазвития («πολιτισμος»); как уровень эстетического сознания субъектов саморазвития («καλλιερεια»).

² Густав Коссинна утверждал, что германские народы обрели национальную идентичность с историческим правом на исконно занимаемые ими земли, и по этой причине земли, где были обнаружены производные материальной культуры, идентифицированные как «Germanic», должны быть признаны территорией германских народов. На этом основании высшая (по отношению ко всем другим, низшим, расам) Арийская раса должна быть безоговорочно отождествлена с Древними германцами, а история Германии должна быть переписана с учетом ключевой роли германских народов в Истории Древнего Мира [Там же. С. 1—5].

- Коссина также выявил три типа действующих диффузионных механизмов (см.: [38. Р. 992—996]): механизм непосредственной, или прямой, диффузии, действующий, когда культуры пограничных локальных цивилизаций воспроизводятся в режиме отношений взаимопроникновения — взаимоотталкивания;
- механизм насильственной, или агрессивной, диффузии, действующий, когда одна локальная культура подчиняет другую, навязывая ей собственные идеалы, обычаи и традиции с последующим искоренением присущих подчиняемой культуре исконных качеств;
- механизм опосредованной, или мягкой, диффузии, действующий, когда элементы одной локальной культуры постепенно инкорпорируются в другую локальную культуру носителями инкорпорирующей культуры.

Коссина выделял четыре типа моделей интеркультурной диффузии [Там же. Р. 997—1013]:

- миграционный тип, ориентированный на распространение инновационных идей локальной культуры представителями локальных цивилизаций, мигрирующими в другие регионы;
- концентррический тип, ориентированный на возведение идеи культуры к производным синтеза элементов нескольких базовых локальных культур;
- шаровой тип, ориентированный на внедрение инновационных идей чуждой локальной культуры посредством вторжения, провоцирующего последующие лингвистические трансформации в собственной культуре, служившей объектом вторжения, не затрагивающего производных материальной культуры;
- гипердиффузионный тип, ориентированный на осмысление всех локальных культур в качестве производных одной первоначальной базовой (монологичной) культуры, утратившей свою изначальную целостность и расколовшейся на составляющие ее элементы, начавшие самостоятельное развитие как локальные культуры, что позволяло полностью исключить возможность параллельной культурной эволюции и возникновения независимых инновационных идей культуры и культурных смыслов.

Вир Гордон Чайлд (*Vere Gordon Childe/1892—1957*), австралийский археолог марксистской ориентации, специализировавшийся на изучении европейского доисторического развития, рассматривал культуру как многофункциональную понятийную структуру, неотъемлемой составляющей которой было понятие «цивилизация/civilisation» от латинского термина «civis», означавшее не просто тех, кто жил в городах, но тех, кто мог считаться цивилизованным, или обладающим мудростью, умениями и знаниями, служившими производными человеческого (социокультурного и технического) прогресса (см.: [57. Р. 24—46]). Тем самым Чайлд рассматривал цивилизацию как прогрессивную стадию воспроизводства социокультурных и человеческих отношений. При этом каждой локальной цивилизации были присущи единый язык и единая ориентация на разделяемый ее представителями доминирующий религиозный идеал (см.: [60. Р. 47—48]). Отвергая технический прогресс как движущую силу человеческого развития, Чайлд разработал культурно-историческую модель, базировавшуюся на подходе к осмыслению культуры как совокупности специфических особенностей, зафиксированных в производных материальной культуры (керамические изделия, украшения, оружие, жилища) и составляющих археологический эквивалент понятий «культурная группа/πολιτιστική ομάδα» (или собственно «локальная культура/τοπική κοινότητα») в различные этнические периоды ее развития (см.: [21. Р. V—VI]).

Отвергая теорию параллельной культурной эволюции Херберта Спенсера, с одной стороны, и базирываясь на дуальной оппозиции «Неолитическая Революция¹ — Урбанистическая Революция» (позволяющей подойти к осмыслению глобальной культуры не как к производному технического прогресса, но как к социальному конструкту) — с другой, Чайлд пришел к выводу, что синтез элементов локальных культур в результате их взаимопроникновения — взаимоотталкивания служит одним из ключевых факторов социокультурного прогресса человечества (см.: [15. Р. 560—561]).

Подход к осмыслению культуры в качестве производного конструктивной и деконструктивной ментальной активности представителей локальных цивилизаций, ориентированных на религиозные и социокультурные идеалы и провозглашаемые ими ценности, определяющие смысл существования, развил Джулиан Джейнс и Поль Мишель Фуко.

Джулиан Джейнс (*Julian Jaynes/1920—1997*), американский психолог, в своей работе «*The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind/Расстройство двухкамерного мозга как первопричина формирования сознания*» (1976) [41] переосмыслил истоки социокультурной эволюции

¹ Под Неолитической Революцией (Neolithic Revolution) Чайлд понимал неолитический Демографический переходный период, называемый Первой Агркультурной Революцией (The First Agricultural Revolution), — трансформацию обществ, ориентированных на охоту и собирательство, в общества, ориентированные на занятия сельским хозяйством (10000—2000 до н. э.), а под Урбанистической Революцией (Urban Revolution) — процесс трансформации небольших обществ с кровно-родственными отношениями (поселений, ориентированных на занятия сельским хозяйством) в большие общества с городским самоуправлением (города-государства) (см.: [33. Р. 3—17]).

человечества как доисторическую панораму развития примитивного головного мозга представителей древнейших локальных цивилизаций. Джейнс предположил, что изначально человеческий мозг действовал в режиме дифференциации когнитивных функций, обеспечивавших ответственность одной части мозга за речь, а другой — за ее восприятие на слуховом («аудиал/ωτικος») уровне и исполнение воспринимаемой информации инструктивного характера. Подобный режим функционирования Джейнс называл «Управляемым Бикамеризмом/Governmental Bicaeralism», понимаемым как состояние ментальности, в котором производные эмпирического опыта и памяти, сфокусированные в правом полушарии, передавались в левое в виде слуховых галлюцинаций («auditory hallucinations/ακουστικες ψευδαισθησεις») при помощи «corpus callosum»¹ (калосальное тело) и «callosal commissure»² (калосальная спайка).

Теория Джейнса, базировавшаяся на концепции односторонней оперативности головного мозга (см.: [72. P. 118—121]), рассматривала функционирование двухкамерного мозга в качестве не управляемого сознанием самоорганизованного механизма ментальной активности, передающего волеизъявления из правой части мозга в левую посредством лингвистической структуры, провоцирующей в правой части слуховые галлюцинации, транслируемые в левую часть и воспринимаемые в качестве приказов, подлежащих беспрекословному исполнению (см.: [68. P. 162—163]), освобождая тем самым субъекта ментальной активности от какой бы то ни было ответственности за ее производные и перекладывая эту ответственность на управляющие действиями субъекта «Голоса Богов/φωνες των Θεων» (см.: [41. P. 84—148]). Разработанная Джейнсом модель восходила к концепции Клеандра из Ассиоса (Κλεανδρος ο Ασσιος/ок. 330—230 до н. э.), древнегреческого философа-стоика, о внедрении идеи направляющей роли Богов в правое (недоминантное) полушарие головного мозга субъектов культурного процесса (см.: [29. II. P. 245—246]).

Джейнс утверждал, что симптомы функционального сбоя механизма двухкамерной ментальности, служившие производными нарушения социокультурного равновесия в результате необратимых трансформаций окружающей среды, потребовали от человеческого мозга большей изобретательности и креативности с целью выживания в новых усложнившихся условиях, а именно формирования и развития самосознания субъектов культурного процесса. Таким образом, начавшее формироваться самосознание, пришедшее на смену двухкамерной модели ментальности, служило производным нейрологической адаптации субъекта саморазвития к социальным трансформациям.

Поль-Мишель Фуко (Paul-Michel Foucault/1926—1984), французский философ, отвергал концепцию человека как «культурного животного/πολιτιστικό Ζωο» (см.: [32. P. 13—34]) вследствие ее схематизма и некритического отношения к осмыслению субъекта саморазвития как «псевдокультурного животного», не несущего ответственности за производные своей ментальной активности, а также вследствие оправдания этой «животной» природой деконструктивных социокультурных инноваций, ориентированных на воспроизводство антиценностей и провозглашающих их антиидеалов (см.: [54. P. 444—453]). Фуко утверждал, что функционирующие механизмы, позволяющие базовым биологическим качествам человеческих особей становиться объектом политической стратегии, служат наглядной демонстрацией того, что человеческие существа имеют полное право рассматриваться как «антибиологические животные/αντιβιολογική Ζωα», не подпадающие ни под одну из категорий «культурных/πολιτιστική Ζωα» или «идеологических/ιδεολογική Ζωα» животных (см.: [32. P. 54—104]).

Заключение

Результаты предпринятого нами анализа специфических закономерностей формирования и воспроизводства культуры в исторической панораме подходов и ее осмысления позволили сделать выводы, имеющие, как представляется, немаловажное методологическое значение для исследователей социокультурной динамики:

¹ «Corpus callosum» (калосальное, или мозолистое, тело) — самое объемное из «fibrae commissurales» (спаечных волокон), соединяющих кору больших полушарий головного мозга. Это самый большой тракт (tractus) белого вещества в мозге, состоящий приблизительно из двухсот-трехсот миллионов аксонов («αξων»), соединяющих два полушария головного мозга. «Corpus callosum» обеспечивает связь между двумя полушариями, отвечая за решение сложных стратегических задач (см.: [44. P. 78—91]).

² «Commissura» (спайка, комиссура) — сплетение спаечных волокон (fibrae commissurales). Существует пять видов комиссур: передняя комиссура (предкоммиссура); задняя (эпиталамическая) комиссура; corpus callosum (калосальное, или мозолистое, тело); комиссура свода (гиппокампальная комиссура); габулеарная комиссура, состоящая из волоконистых трактов, соединяющих два больших полушария головного мозга в виде моста через срединную продольную (внутриполшарную) трещину (confirmantes fissuram longitudinalem) (см.: [82. P. 411]).

1. К началу XXI столетия сформировалось десять основных методологических подходов к осмыслению культуры. Так, один из них был ориентирован на осмысление культуры как общего процесса интеллектуального, духовного и эстетического развития человечества, нацеленного на социокультурные и религиозные идеалы. Другой — на осмысление культуры как особого пути, реализуемого нацией, народом или этнической общностью в соответствии с разделяемыми ими социокультурными и религиозными идеалами. Третий был направлен на осмысление культуры как совокупности производных креативной ментальной активности субъектов саморазвития. Четвертый рассматривал культуру как процесс культивирования субъектами саморазвития внешних форм окружающей среды с целью их адаптации к потребностям субъектов в качестве «культурных животных». Пятый был ориентирован на осмысление культуры как социального домена, охватывавшего дискурсы и их материальные производные, служившие отражением сдвига культурных смыслов на пути эволюции человека от «биологического» к «культурному», «социальному» и «идеологическому» животным. Шестой предполагал рассматривать культуру как производное «символических коммуникаций» представителей различных локальных цивилизаций. Седьмой предлагал осмыслять культуру как производное конструктивной ментальной активности представителей локальных цивилизаций, ориентированных на социокультурные и религиозные идеалы и провозглашаемые ими ценности, определяющие смысл существования. Восьмой переосмыслил культуру как массив информации, способной оказывать воздействие на поведенческие и ментальные стереотипы субъектов саморазвития (формируемые ими в процессе их взаимодействия с представителями других локальных цивилизаций посредством социальной трансмиссии), ведущее к необратимым качественным трансформациям человечества. Девятый переосмыслил культуру как совокупность информационных ресурсов, доступных субъектам саморазвития в ходе их взаимодействия с окружающей средой. И наконец, десятый подход с позиций Синергетического Историзма переосмыслил культуру как открытую диссипативную систему, а субъектов культуры — в качестве носителей импульса самодеструкции, ведущей человечество к стадии Суперменеза на потенциально бесконечном пути к Абсолютному Идеалу (в качестве глобального предела самоорганизации и постижения абсолютного общечеловеческого смысла жизни).
2. Культура может быть переосмыслена в качестве определения субъекта саморазвития, рассматриваемого с позиций человеческой истории и охватывающего концентрированный организованный опыт человечества, обеспечивающий стабильное воспроизводство социокультурного опыта и человеческих отношений согласно Закону самоорганизации социальных идеалов.
3. Специфику культуры составляют качества ее интегративности, интегрированности и иерархичности, способствующие стабилизации процессов воспроизводства накопленного социокультурного опыта и человеческих отношений.

4. Мерой культуры служит кардинальная дуальная оппозиция «Критика исторического опыта — Инерция исторического опыта», в межполюсном пространстве которой реализуются взаимопереходы от полюса инверсионного мышления (ориентированного на изменения, сохраняющие инерцию истории) к полюсу медиационного мышления (ориентированного на преодоление инерции истории и поиск новых альтернативных путей развития).
5. Социокультурная динамика обусловлена способностью культуры служить носителем вызова истории, провоцирующего членов сообществ к формированию контридеалов, оппозиционных доминирующим в обществе, и борьбе за их утверждение.
6. Специфической особенностью культуры служит ее незавершенность, обусловленная тем, что накопленный ею опыт не является достаточным для каждого отдельно взятого действия в конкретных пространственно-временных условиях воспроизводства человеческих отношений. И хотя культура не столь богата возможностями, как чувственно воспринимаемая действительность, она, тем не менее, способна предоставить неизмеримо большее количество потенциальных полифуркаций для формирования социальных отношений и обеспечения стабильности воспроизводства прогрессивных моделей государственности.

Телеологичная по своей природе и всегда ориентированная на идеалы, согласно Закону самоорганизации идеалов, культура обладает уникальной способностью открывать безграничные возможности для реализации конструктивной творческой ментальности субъектов саморазвития, становясь подлинным воплощением их Свободы.

The article, Culture and Civilization: Historical, Philosophical, and Psychological Aspects, is focused on discussing the new methodological approach, from the terms of Synergetic Historicism, to the study on specifics of culture and the role of subjects of self-development in social and cultural reproduction. The investigation in question is based on the results of analysing historical, philosophical, and psychological aspects of the problem which some approaches to attempt to find a solution to by investigating specifics of intertransitions between culture and civilization. The results of the investigation in question demonstrated that the development of creative mental activity of society members is determined by the approach to solving the problem of obtaining by society members the measure of synthesis between Freedom and Responsibility. The Method of Dual Oppositions and the Law of Self-Organizing Social and Cultural Ideals applied to the investigation allowed not only to show that the specific of any local civilization is determined by that of social and cultural reproduction, characterized by intertransitions between different cultural forms, but also to demonstrate that the specific of such intertransitions is, in turn, determined by that of cultures of local civilizations, what assisted in revealing a specific nature of intertransitions between culture and civilization. The author is based on a hypothesis that members of all societies and proponents of all civilizations which create and assimilate cultural products, are capable of being transformed from «biological animals» into «cultural» and «ideological» animals who are thinking of their meaning-of-life aimed at social, cultural, and religious ideals shared by them.

Keywords: Culture, Civilization, Subjects of Culture Reproduction, Cultural Animals, Ideological Animals, Social and Cultural Dynamics, Dual Oppositions, Law of Self-Organizing Ideals, Social and Cultural Ideals.

Литература

1. Ахиезер, А. С. Возможен ли диалог цивилизаций / А. С. Ахиезер // Цивилизации. — М., 2005. — Вып. 7 : Диалог цивилизаций. — С. 38—63.
- Axiezzer, A. S. Vozmozhnen li dialog civilizacij / A. S. Axiezzer // Civilizacii. — M., 2005. — Vy'p. 7 : Dialog civilizacij. — S. 38—63.

2. Ахиезер, А. С. Логика культуры и глобализация на рубеже тысячелетий / А. С. Ахиезер // Культура на рубеже веков: глобализационные процессы. — М., 2005. — С. 210—236.
Axiezzer, A. S. Logika kul'tury' i globalizaciya na rubezhe ty'syacheletij / A. S. Axiezzer // Kul'tura na rubezhe vekov: globalizaciianny'e processy'. — M., 2005. — S. 210—236.
3. Ахиезер, А. С. Специфика цивилизации и искусства / А. С. Ахиезер, И. Г. Михайлова // Искусство в контексте цивилизационной идентичности : в 2 т. — М., 2005. — Т. 1. — С. 210—229.
Axiezzer, A. S. Specifika civilizacii i iskusstva / A. S. Axiezzer, I. G. Mikajlova // Iskusstvo v kontekste civilizaciiionnoj identichnosti : v 2 t. — M., 2005. — T. 1. — S. 210—229.
4. Бранский, В. П. Субъекты самоопределения и их роль в динамике глобализационного процесса / В. П. Бранский, И. Г. Михайлова // Мир психологии. — 2018. — № 1. — С. 203—217.
Branskij, V. P. Sub'ekty samoopredeleniya i ix rol' v dinamike globalizaciiionnogo processa / V. P. Branskij, I. G. Mikajlova // Mir psixologii. — 2018. — № 1. — S. 203—217.
5. Михайлова, И. Г. Идеалы и их роль в социокультурном воспроизводстве цивилизаций с позиций синергетической философии истории / И. Г. Михайлова. — СПб.: Алетейя, 2015.
Mikajlova, I. G. Idealy' i ix rol' v sociokul'turnom vosproizvodstve civilizacij s pozicij sinergeticheskoj filosofii istorii / I. G. Mikajlova. — SPb.: Aletejya, 2015.
6. Михайлова, И. Г. Социокультурные идеалы и глобальная художественная культура / И. Г. Михайлова. — Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2016. — Т. 1 : Социокультурные и религиозные идеалы в динамике глобального воспроизводства человеческой цивилизации.
Mikajlova, I. G. Sociokul'turnye idealy' i global'naya xudozhestvennaya kul'tura / I. G. Mikajlova. — Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2016. — T. 1 : Sociokul'turnye i religiozny'e idealy' v dinamike global'nogo vosproizvodstva chelovecheskoj civilizacii.
7. Михайлова, И. Г. Субъект самовыражения в динамике сдвига культурных смыслов / И. Г. Михайлова // Мир психологии. — 2008. — № 2. — С. 116—127.
Mikajlova, I. G. Sub'ekt samovyrazheniya v dinamike sdviga kul'turnyx smysl'ov / I. G. Mikajlova // Mir psixologii. — 2008. — № 2. — S. 116—127.
8. Михайлова, И. Г. Ценностные ориентиры человечества. Их роль в динамике воспроизводства Российской цивилизации и ее культуры с позиций Синергетического Историзма / И. Г. Михайлова. — Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2017.
Mikajlova, I. G. Cennostny'e orientiry' chelovechestva. Ix rol' v dinamike vosproizvodstva Rossijskoj civilizacii i ee kul'tury' s pozicij Sinergeticheskogo Istorizma / I. G. Mikajlova. — Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2017.
9. Михайлова, И. Г. Эда как учение о пра-идеалах / И. Г. Михайлова. — М.: Новый Центр, 2006.
Mikajlova, I. G. E'dda kak uchenie o pra-idealax / I. G. Mikajlova. — M.: Novy'j Centr, 2006.
10. Aristotle. Nicomachean Ethics / Aristotle // Loeb Classical Library. — London : Harvard University Press, 1981. — Vol. XIX, Book II.
11. Arnold, M. Culture and Anarchy : An Essay on Political and Social Criticism / M. Arnold. — London : Smith, Elder and Company, 1869.
12. Arvidsson, S. Aryan Idols / S. Arvidsson. — Chicago : University of Chicago Press, 2006.
13. Blackmore, S. The Meme Machine / S. Blackmore. — Oxford : Oxford University Press, 1999.
14. Boas, F. Museums of Ethnology and Their Classification / F. Boas, W. H. Dall // Science. — 1887. — Vol. 9, is. 228. — P. 587—589.
15. Bocquet-Appel, J.-P. When the World's Population Took Off : The Springboard of the Neolithic Demographic Transition / J.-P. Bocquet-Appel // Science. — 2011. — Vol. 333, is. 6042. — P. 560—561.
16. Bowler, P. Evolution : The History of an Idea / P. Bowler. — Oakland : University of California Press, 1989.
17. Boyd, R. Why Culture is Common, but Cultural Evolution is Rare / R. Boyd, P. Richerson // Proceedings of the British Academy. — 1996. — Vol. 88. — P. 77—93.
18. Boyd, R. Why does Culture Increase Human Adaptability / R. Boyd, P. Richerson // Ethology and Sociobiology. — 1995. — Vol. 16, is. 2. — P. 125—143.
19. Caglar, S. The Impact of Symbolic Interactionism on Research Studies about Communication Science / S. Caglar, F. Alver // International J. of Arc and Science. — 2015. — Vol. 8, is. 7. — P. 479—484.
20. Calhoun, C. Gerhard Lenski, Some False Oppositions, and the Religious Factor / C. Calhoun // Sociological Theory. — 2004. — Vol. 22, is. 2. — P. 194—204.
21. Childe, W. G. The Danube in Prehistory / W. C. Childe. — Oxford : The Clarendon Press, 1929.
22. Cicero, M. T. De Natura Deorum / M. T. Cicero. — London : Methuen and Company, 1896.
23. Cicero, M. T. Tusculanes Quaestiones / M. T. Cicero. — Nismes : J. Claude, 1812.
24. Commager, H. S. The American Mind: An Interpretation of American Thought and Character since the 1880s / H. S. Commager. — New Haven : Yale University Press, 1950.
25. Cooley, Ch. H. Human Nature and the Social Order / Ch. H. Cooley. — N. Y. : C. Scribner's Sons, 1902.
26. Dawkins, R. Replicators and Vehicles / R. Dawkins // Current Problems in Sociobiology. — Cambridge, MA, 1982. — P. 45—64.

27. *Dawkins, R.* The Extended Phenotype / R. Dawkins. — Oxford : Oxford University Press, 1982.
28. *Dawkins, R.* The Selfish Gene / R. Dawkins. — Oxford : Oxford University Press, 1989.
29. *Dunlop, J.* History of Roman Literature from the Its Earliest Period to the Augustian Ago : in 2 vols / J. Dunlop. — N. Y. : E. Littell, 1827.
30. *Durkheim, E.* De la division du travail social / E. Durkheim. — Paris : Les Presses universitaires de France, 1967.
31. *Engels, F.* Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats : Im Anschluß an Lewis Morgans Forschungen / F. Engels. — Göttingen-Zürich : Verlag der Schweizerischen Volksbuchhandlung, 1884.
32. *Foucault, M.* Security, Territory, Population : Lectures at the College de France, 1977—1978 / M. Foucault. — N. Y. : St. Martin's Press, 2007.
33. *Gordon, Ch.* The Urban Evolution / Ch. Gordon // Town Planning Review. — 1950. — Vol. 21, is. 1. — P. 3—17.
34. *Gordon, G.* Genes: a Philosophical Inquiry / G. Gordon. — N. Y. : Routledge, 2002.
35. *Guyer, M. F.* Orthogenesis and Sociological Phenomena / M. F. Guyer // The American Naturalist. — 1922. — Vol. 56, is. 643. — P. 116—133.
36. *Harvey, B.* Accounting for Difference. Dietrich Bonhoeffer's Contribution to Ideological Critique of Culture / B. Harvey // Mysteries in the Theology of Dietrich Bonhoeffer. A Copenhagen Bonhoeffer Symposium. — Göttingen, 2007. — P. 81—110.
37. *Harvey, G.* Animism : Respecting the Living World / G. Harvey. — London : Hurst and Co., 2005.
38. *Heinrich, J.* Cultural Transmission and the Diffusion of Innovations' Adoption Dynamics Indicate that Biased Cultural Transmission is the Predominate Force in Behavioural Change and Much of Sociocultural Evolution / J. Heinrich // American Anthropologist. — 2001. — Vol. 103, is. 4. — P. 992—1013.
39. *Heinrich, J.* On Modelling Cognition and Culture : Why Replicators are not Necessary for Cultural Evolution? / J. Heinrich, R. Boyd // J. of Cognition and Culture. — 2002. — Vol. 2. — P. 87—112.
40. *Huneker, J.* The Evolution of an Egotist : Maurice Barrés / J. Huneker // The Atlantic Monthly. — 1907. — Vol. C. — P. 205—215.
41. *Jaynes, J.* The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind / J. Jaynes. — N. Y. : Houghton Mifflin Company, 2000.
42. *Joralemon, D.* Exploring Medical Anthropology / D. Joralemon. — Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 2010.
43. *Jost, J. T.* The Ideological Animal : A System Justification View / J. T. Jost, G. Fitzimons, A. Kay // Handbook of Experimental Existential Psychology. — N. Y., 2004. — P. 263—286.
44. *Killias, S.* Insights into the Connectivity of the Human Brain Using DTI / S. Killias // Nepalese J. of Radiology. — 2012. — Vol. 1, is. 1. — P. 78—91.
45. *Köpping, K. P.* Adolf Bastian and the Psychic Unity of Mankind : The Foundations of Anthropology in Nineteenth Century Germany / K. P. Köpping. — Münster : Lit Verlag, 2005.
46. *Kossinna, G.* Die deutsche Vorgeschichte: eine hervorragende nationale Wissenschaft / G. Kossinna. — Leipzig : Verlag von Curt Kabitzsch, 1934.
47. *Kossinna, G.* The Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie / G. Kossinna. — Würzburg : Verlag von Curt Kabitzsch, 1911.
48. *Kossinna, G.* Über verzierte Eisenlanzenspitzen als Kennzeichen der Ostgermanen / G. Kossinna // Zeitschrift für Ethnologie. — 1905. — Bd. 35, Heft 2/3. — S. 373—480.
49. *Kottac, C.* Mirror for Humanity / C. Kottac. — N. Y. : McGraw-Hill, 2006.
50. *Kuper, A.* Reinvention of Primitive Society : Transformations of a Myth / A. Kuper. — London : Routledge and Kegan Paul, 2005.
51. *Lenski, G.* Power and Privilege. A Theory of Social Stratification / G. Lenski. — Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1984.
52. *Lenski, G.* Rethinking Macrosociological Theory / G. Lenski // American Sociological Review. — 1988. — Vol. 53, is. 2. — P. 163—171.
53. *Lenski, G.* Human Societies : An Introduction to Macrosociology / G. Lenski, J. Lenski. — N. Y. : McGraw-Hill, 1978.
54. *Linquish, St.* Exploring the Folkbiological Conception of Human Nature / St. Linquish [et al.] // Philosophical Transactions of the Royal Society. B : Biological Sciences. — 2011. — Vol. 366, is. 1563. — P. 444—453.
55. *Liu, X.* Orthogenetic Stimulation of a Hippocampal Engram Activates Fear Memory Recall / X. Liu [et al.] // Nature. — 2012. — Vol. 484, is. 7394. — P. 381—385.
56. *Lowie, H. R.* Culture and Ethnology / H. R. Lowie. — N. Y. : Douglas C. McMurtrie, 1917.
57. *Magolda, P.* The Campus Tour : Ritual and Community in Higher Education / P. Magolda // Anthropology and Education Quarterly. — 2000. — Vol. 31, is. 1. — P. 24—46.
58. *McElreath, R.* Modelling Cultural Evolution. Oxford Handbook of Evolutionary Psychology / R. McElreath, J. Heinrich. — Oxford : Oxford University Press, 2006.

59. *McGowran, B.* Biostratigraphy : Microfossils and Geological Time / B. McGowran. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008.
60. *McNairn, B.* The Method and Theory of V. Gordon Childe / B. McNairn. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 1980.
61. *Mesoudi, A.* Towards a United Science of Cultural Evolution / A. Mesoudi, A. Whiten, K. Laland // The Behavioural and Brain Sciences. — 2006. — Vol. 29, is. 4. — P. 329—383.
62. *Moore, J.* Franz Boas : Culture in Context / J. Moore // Visions of Culture : An Introduction to Anthropological Theories and Theorists. — Walnut Creek, 2009. — P. 33—46.
63. *Moore, J.* Marshall Sahlins : Culture Matters / J. Moore // Visions of Culture : An Introduction to Anthropological Theories and Theorists. — Walnut Creek, 2009. — P. 365—385.
64. *Morgan, H. L.* Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization / H. L. Morgan. — Chicago : Charles H. Kerr and Company, 1877.
65. *Novara, A.* Culture : Cicéron et l'origine de la métaphore latine / M. Novara // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. — 1986. — Vol. 1. — P. 51—66.
66. *Parsons, T.* The System of Modern Societies / T. Parsons. — Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1971.
67. *Pietz, W.* The Problem of the Fetish. The Origin of the Fetish / W. Pietz // RES : Anthropology and Aesthetics. — 1987. — Vol. 13. — P. 23—45.
68. *Proscursin, P. J.* Der Begriff «Ethos» bei Homer : Beitrag zu einer philosophischen Interpretation / P. J. Proscursin. — Heidelberg : Winter, 2013.
69. *Pyszczynski, T.* Thirty Years of Terror Management Theory / T. Pyszczynski, S. Solomon, J. Greenberg // Advances in Experimental Social Psychology. — Cambridge, MA, 2015. — Vol. 52. — P. 1—70.
70. *Raud, R.* Meaning in Action : Outline of an Integral Theory of Culture / R. Raud. — Cambridge : Polity Press, 2016.
71. *Richerson, P. J.* Not by Genes Alone : How Culture Transformed Human Evolution / P. J. Richerson, P. Boyd. — Chicago : University of Chicago Press, 1985.
72. *Ries, S.* Choosing Words : Left Hemisphere, Right Hemisphere, or Both? : Perspective on the Laterization of Word Retrieval / S. Ries, N. Dronkers, R. Knight // Annals of the New York Academy of Sciences. — 2016. — Vol. 1369, is. 1. — P. 111—131.
73. *Ruse, M.* Monad to Man : The Concept of Progress in Evolutionary Biology / M. Ruse. — London : Harvard University Press, 1996.
74. *Ryan, T. Y.* Engram Cells Retain Memory Under Retrograde Amnesia / T. Y. Ryan [et al // Science. — 2015. — Vol. 348, is. 6238. — P. 1007—1013.
75. *Sahlins, M. D.* Evolution and Culture / M. D. Sahlins, E. D. Service. — Ann Arbor : University of Michigan Press, 1960.
76. *Shaffer, L. S.* From Mirror Self-Recognition to the Looking-Glass Self : Exploring the Justification Hypothesis / L. S. Shaffer // J. of Clinical Psychology. — 2005. — Vol. 61, is. 1. — P. 47—65.
77. *Simmel, G.* Georg Simmel on Individuality and Social Forms : Selected Writings / G. Simmel. — Chicago : University of Chicago Press, 1971.
78. *Solomon, S.* The Cultural Animal : Twenty Years of Terror Management. Theory and Research / S. Solomon, J. Greenberg, T. Pyszczynski // Handbook of Experimental Existential Psychology. — N. Y., 2004. — P. 13—34.
79. *Spencer, H.* Principles of Biology : in 2 vols / H. Spencer. — London : Williams and Norgate, 1864.
80. *Spencer, H.* The Principles of Sociology : in 2 vols / H. Spencer. — London : Williams and Norgate, 1877.
81. *Stahlil, C. E.* Negotium otiosum, seu ΣΚΙΑΜΑΧΙΑ adversus positiones aliquas fundamentales Theoriae verae Medicae a Viro quodam celeberrimo intentata Adversis Armis Conversis enervate / G. E. Stahlil. — Halae : Litteris et Impensis Orphanotropei, 1720.
82. *Standring, S.* Gray's Anatomy : The Anatomical Basis of Clinical Practice / S. Standring. — London : Churchill Livingstone, 2005.
83. *Steward, J.* Theory of Culture Change : The Methodology of Multilinear Evolution / J. Steward. — Urbana : University of Illinois Press, 1955.
84. The Roman Antiquities of Dionysius of Halicarnassus : in 7 vols / With an English Translation by G. Earnest. — London : William Heinemann, 1960.
85. *Tivel, D.* Evolution : The Universe, Life, Cultures, Ethnicity, Religion Science, and Technology / D. Tivel. — Pittsburg Dorrance Publishing Co., 2012.
86. *Tönnies, F.* Gemeinschaft und Gesellschaft: Abhandlung des Communismus und des Socialismus als empirischen Culturformen / F. Tönnies. — Leipzig : Fues, 1887.
87. *Tönnies, H.* Cemeinschaft und Gesellschaft: Grundbegriffe der reinen Soziologie / F. Tönnies. — Berlin : Karl Curtius, 1920.
88. *Tylor, E. B., Sir.* Anthropology : An Introduction to the Study of Man and Civilization / Sir E. B. Tylor. — N. Y. : D. Appleton and Company, 1881.

89. *Tylor, E. B., Sir. Primitive Culture : Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Language, Art, and Custom : in 7 vols / Sir E. B. Tylor. — London : John Murray, 1871.*

90. *Ulett, M. Making the Case for Orthogenesis : The Popularization of Definitely Directed Evolution (1890—1926) / M. Ulett // Studies on History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. — 2014. — Vol. 45. — P. 124—132.*

91. *Velkley, R. L. The Tension in the Beautiful : On Culture and Civilization in Rousseau and German Philosophy. Being after Rousseau : Philosophy and Culture in Question / R. L. Velkley. — Chicago : University of Chicago Press, 2007.*

92. *White, L. The Evolution of Culture : The Development of Civilization to the Fall of Rome / L. White. — N. Y. : McGraw-Hill Book, 1959.*

93. *Wilhelm von Humboldts. Gesammelte Schriften. Bd. II. Erste Abteilung. Werke II. — Berlin : B. Behr's Verlag, 1904.*

94. *Williams, H. R. Culture and Society 1780—1950 / H. R. Williams. — N. Y. : Columbia University Press, 1958.*

95. *Wissler, C. Psychological and Historical Interpretation for Culture / C. Wissler // Science. — 1916. — Vol. 43. — P. 193—201.*

В. Н. Марков

От культуры фейков к культурному резонансу

Единица — вздор,
                        единица — ноль,
один —
                        даже если
                        очень важный —
не подымет
                        простое
                        пятивершковое бревно,
тем более
                        дом пятиэтажный
                        В. Маяковский

В работе делается попытка определить культуру фейков, сформировавшуюся исходя из ускорения развития общества, управляемого преимущественно бюрократией и находящегося в состоянии глобализации. В качестве условия индивидуального выживания в таком обществе, ориентированном на «постправду», рассматривается развитая интуиция, опирающаяся на процесс культурного резонанса. Культурный резонанс определяется по аналогии с его физическим и ставит вопрос о направлениях, в которых он может протекать. В качестве таковых рассмотрены оппозиции «мужское — женское» и «материальное — идеальное», что заведомо не исчерпывает их перечня. Основным психологическим механизмом резонанса считается подпороговое восприятие, получающее дополнительные впечатления в рамках возникающего общества ощущений. Культурный резонанс рассматривается как вариант полевого описания культуры как системы, дополненный к структурно-функциональному ее описанию.

Ключевые слова: культура, фейк, симулякр, глобализация, бюрократия, информационная модель, письменность, постправда, интуиция, архетип, «мужское — женское», «материальное — идеальное», система, резонанс.

Фейк (подделка, фальшивка) все больше определяет информационную повестку современной жизни. Нельзя сказать, что это совсем уж новый феномен: «ложь во благо» известна давно и, возможно, исторически первыми фейками были религиозные объяснения смысла жизни. Сейчас, за давностью лет, судить об этом трудно, однако ценность хоть какого-то объяснения вполне объяснима — человек не может жить без понимания общей цели своего существования. Собственно, стремление к объяснению двигает вперед не только религию, но и науку. Интересно, что в науке естественным образом, в виде научных революций, происходит изменение познавательных парадигм, когда

старые объяснения оказываются отчасти ложными, и, следовательно, история науки полна фейков, однако не злонамеренных, а доброкачественных заблуждений. Так было с вроде бы самоочевидным и идущим от Платона утверждением, что тяжелые предметы падают быстрее легких. Лишь опыты Г. Галилея положили конец этой иллюзии и составили фундамент последующего развития как астрономии, так и физики (в виде законов Ньютона). Принятие этой парадигмы превратило предшествующую теорию в заблуждение, фейк и одновременно обеспечило более высокую точность практических инженерных и астрономических вычислений. Совсем другой тип заблуждения традиционно использовала политика, с самого возникновения государства применявшая идеологии как правдоподобные объяснения и оправдания существующих режимов. Тут уже обойтись без фейков изначально было решительно невозможно, поскольку именно они являются основным инструментом любой идеологии. И сегодня политика полна фейков по той же самой причине. Еще больше фейков в сфере внешней политики, связанной с дипломатией, поскольку в ней, по известному выражению тогдашнего министра иностранных дел Франции Ш. де Талейрана, «язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли»¹. Поэтому попытка любого законодательного ограничения на использование фейков в политике выглядит как «выстрел себе в ногу». Еще больше фейков, причем во вполне современном понимании, всегда рождалось в быту «сарафанным радио», причудливо преобразующим действительные факты жизни в слухи в соответствии с испорченностью своих участников. Следовательно, фейки, или заблуждения и слухи различного толка, сопровождали всю историю человека и были существенной частью любой культуры, выступая важным инструментом социального влияния, обеспечивающего общественную организацию. Однако при этом все используемые заблуждения и умолчания находились скорее на периферии культуры и не определяли ее существа, поэтому говорить об истории культуры как культуры фейков было бы неверно.

Возникает вопрос: что изменилось в наше время? Только ли возникшая буквально мгновенно по историческим масштабам интенсификация межличностного взаимодействия с помощью современных телекоммуникационных технологий? Конечно, Интернет и смартфоны как массовое явление способствуют серьезной трансформации культуры, однако, представляется, что фундамент культуры фейков как качественно нового явления, в котором доля фейков начинает доминировать, был заложен несколько раньше, а сейчас ее особенности просто проявились во всей красе. В этом отношении, возможно, ключевой является все более глубокая бюрократизация процессов управления в современном мире. Во времена М. Вебера, создателя основ современной теории бюрократии, ее вполне оправданно считали позитивной силой, способствующей рационализации социальных действий. Однако уже тогда, в XIX в., была понятна опасность «отрыва» бюрократии от реальных интересов и задач общества и «противоядие» видели в противовесе в лице демократической организации процесса. Сейчас такой отрыв стал уже свершившимся фактом, который в конце XX в. был зафиксирован французскими социальными философами, в частности Ж. Бодрийяром [3], Ж. Батаем и Ж. Делезом, в

¹ См.: <https://greatwords.ru/quote/3394/>

виде понятия «симулякр», подразумевающего изображение, знаковую копию, не имеющее оригинала. Связь с бюрократической деятельностью тут самая непосредственная: любая бюрократия в основном работает не с реальными явлениями жизни, а с документами, их отражающими (недаром первыми бюрократами были «писцы», появившиеся в эпоху Первых царств и впервые широко ставшие фиксировать в виде документов происходящие события, в основном хозяйственные). Работа с «виртуальной моделью» действительности, пока еще в виде документов, была большим шагом вперед в плане удобства и относительно низкой энергоемкости манипулирования таким «виртуальным» объектом и составления различных планов. Однако степень, насколько точно такие документы отражают реальность, может быть различной. Пока бюрократия только завоевывала системы управления различных государств и фирм, документов было относительно немного, что определялось общим невысоким уровнем грамотности населения. Однако с конца XIX в. в развитых странах Европы среднее образование стало всеобщим и обязательным (этого требовали сложное машинное производство и не менее изощренное армейское вооружение), что способствовало не только росту грамотности, но и увеличению объема различной документации и в дальнейшем не лучшим образом отразилось на ее качестве. Более того, осмысление опыта распада СССР позволяет понять, что в иерархических управленческих системах происходит целенаправленное (но не всегда преднамеренное) искажение информации, идущей в них снизу вверх, направленное на приукрашивание действительности в угоду высокому руководству. Существуют и другие дисфункции бюрократии, отцом изучения которых является социолог Р. Мертон, и они тоже приносят свой вклад в возникающие информационные искажения. Все это приводит к тому, что информационная модель, с которой работают управленцы, все больше отрывается от действительности и в конечном счете действительно превращается в тот самый симулякр. При этом самое точное следование правилам и нормативам бюрократической деятельности с этим фактом ничего поделать не может, поэтому многие планы (еще со времен первых пятилеток советской власти) выполняются в основном на бумаге, а не в действительности. Следовательно, важнейшая проблема современного управления состоит в широком использовании фейков в качестве основы принятия решений.

Другой важной основой возникновения культуры фейков на базе национальных культур представляется неостановимый процесс глобализации. Это совершенно объективный процесс, связанный с развитием транспорта (воздушного и морского), средств коммуникации и опирающийся на функционирование гигантских транснациональных корпораций. Чем больше управляемая система, тем сложнее процесс управления ею и больше роль в нем бюрократии. Это хорошо заметно на примере Европейского союза, усложнение системы управления которым во времена экономических кризисов и активных миграционных процессов вызывает все больше нареканий, что уже привело к инициации выхода Великобритании из ЕС. Принятие оперативных решений в таких сверхбольших системах становится проблематичным, плюс возникают сугубо культурные проблемы. Например, большой «головной болью» для многих стран мира стало засилье в кинотеатрах голливудских фильмов, с бюджете-

тами которых сравниться, конечно, никто не может. Зрители охотно голосуют рублем или евро за яркое зрелище, что приводит к увяданию национального кинопроизводства. В итоге, несмотря на все усилия по защите национальной культуры (есть тут и положительные примеры Франции и Индии), происходит унификация культуры, отражающая процессы глобализации. Однако такая унификация, помимо удобства, интересных и познавательных моментов, несет в себе угрозу возникновения фейков просто потому, что условия жизни и ментальность населения в разных странах оказываются слишком уникальными и не подпадают ни под какие унифицированные стандарты. Например, нормы политкорректности, принятые в США, вряд ли могут сейчас быть правильно восприняты в России, они скорее вызывают раздражение и даже насмешку. При этом такие нормы, важный элемент унифицированной культуры (которую транслирует голливудская продукция), для многих других стран оказываются именно фейком. Скажем, поскольку в нашей стране не было рабства (его вполне заменяло крепостное право), особое отношение к афро-американцам, свойственное современной американской культуре, у нас не находит понимания. Отсюда возникают шутки по поводу современной версии «Белоснежки и семи гномов», где Белоснежка должна обязательно быть чернокожей, а среди гномов непременно будет присутствовать гей. Таким образом, формирование массовой унифицированной культуры, сопровождающее объективный процесс глобализации, приводит к возникновению многочисленных фейков на уровне локальных привычек и норм поведения во многих странах.

И наконец, возможно, самый важный «третий кит», служащий основанием культуры фейков, тесно связан с ускорением технологического и социального развития, характерным для современности. Думаю, что обосновывать сам факт такого ускорения особой нужды нет, а вот связь его с фейками обсудить полезно. На мой взгляд, возникновение фейков становится все более вероятным из-за быстрого изменения контекстов наших достаточно длительных планов и проектов. Возьмем какой-нибудь инженерный проект, например, смартфона. Его старт связан с наличием на рынке определенных комплектующих и технологий. Проблема в том, что эти комплектующие и технологии развиваются исключительно быстро, зачастую быстрее, чем проект смартфона доходит до своей реализации «в железе». В результате на рынке возникает еще один смартфон, чьи характеристики заведомо ниже актуально возможных, и для того, чтобы его продать, маркетологам, специалистам по рекламе и продавцам приходится изобретать фейки, иными словами, рассказывать потенциальным покупателям красивые сказки о своем товаре. Другой пример — из социальной области. Очень часто политики «покупают» внимание и поддержку населения с помощью красивых посулов, которые из-за изменения общей атмосферы (внутри- и внешнеполитической) так и остаются неисполненными в назначенный срок. Являются ли такие политические обещания фейками? Всего сказанного вполне достаточно для предположения, что культура фейков возникает там, где работа с объективной реальностью (неважно какая: в производстве, политике или образовании) все более подменяется манипуляциями с информационными моделями этой реальности (бумажными или компьютерными), причем адекватность таких моделей вызывает сильные сомнения (именно она,

эта неадекватность, и порождает фейки). Все это усугубляется лавинообразным ростом обрушивающейся на людей информации, значительная часть которой не соответствует действительности. Такая ситуация имеет печальные практические последствия, главным из которых становится риск роста неопределенности. Например, можно ли быть уверенным, что обычное молоко, купленное в ближайшей точке крупной торговой сети, является молоком и хотя бы безвредно для здоровья? И что делать коренному горожанину, задавшемуся подобным вопросом? Заводить собственную корову? Понятно, что в масштабе всего общества «планов громадье», построенное на песчаном фундаменте, создает совершенно новую ситуацию, приводящую к появлению «общества рисков», производящего риски точно так же, как классический капитализм производит товары. Первым об этом новом типе развития общества заговорил социолог У. Бек [1], свои аспекты в этой проблематике обнаружили Э. Гидденс [4] и Н. Луман [5]. Для дальнейшего обсуждения важно, что в прекрасном новом мире, опирающемся на унифицированную культуру фейков, риски приобретают новое качество. В частности, снижение роли национального государства в современной жизни (особенно заметное в ЕС) означает, что результаты рисков теперь уже не будут ограничиваться рамками отдельной страны, они будут больно бить по всему союзу или даже миру. Однако не все столь мрачно и однозначно. Справедливости ради надо отметить, что фейки, как и любые фантазии, в частности научная фантастика и фэнтези (этот жанр сейчас, похоже, переживает расцвет), способствуют расширению диапазона рассматриваемых возможностей, что в перспективе может привести к ускорению эволюции человеческой культуры как системы смыслов (см.: [8. С. 15—27]).

Помимо социальных последствий широкого распространения культуры фейков существуют не менее важные ее результаты на индивидуальном уровне, связанные с культурой отдельного человека. Все дело в том, что, как уже отмечалось выше, каждый член общества по ходу дела должен делать многочисленные выборы: отдохнуть или поработать еще, пойти учиться или начать зарабатывать, перекусить сникерсом или пойти и нормально пообедать и т. д. Для осуществления выбора всегда важно иметь максимально полную и качественную исходную информацию, иначе выбор окажется ложным. И вот с этой-то информацией в культуре фейков не все благополучно и, скажем, далеко не все, что рекламируется по телевизору как панацея от заболеваний, действительно полезно (или хотя бы безвредно!). Следовательно, фейки только «загрязняют» информационную (и не только, сколько известно подделок под известные бренды) среду и существенно усложняют индивидуальный выбор. Однако обозначенные проблемы с выбором не отменяют необходимость выбора, поэтому приходится вырабатывать стратегии компенсации, которые коротко можно охарактеризовать следующим образом.

Первая и, наверное, самая массовая *стратегия* связана, прежде всего, с опорой на авторитеты. Это значит, что, встретив на просторах Сети какую-то интересную и необычную информацию, прежде чем ее использовать, требуется определиться с реальным источником этой информации. Например, если человек привык доверять достаточно сервильному новостному интегратору Lenta.ru (или, например, Первому каналу телевидения), то это доверие фор-

мирует у него вполне конкретные взгляды на происходящие в мире и стране события. Обычно интересные новости в Интернете воспроизводятся путем «перепоста», поэтому определить реальный источник информации не так-то просто, однако если провести небольшое дополнительное изыскание, это вполне возможно, хотя и требует затрат драгоценного времени. Несколько другая ситуация складывается, если информация поступает от лица, которому в обществе просто принято доверять. Более того, сложности выбора подталкивают отдельных людей к перекалыванию ответственности за эту процедуру на других. Именно поэтому в наше время столь значительную роль играют «звезды» политики, эстрады, литературы, журналистики, чьи действия и рекомендации составляют основу «*массовой культуры*». И вот если исходный источник информации вызывает персональное доверие, то ей можно попытаться воспользоваться. Проблема в том, что эту простейшую технологию используют далеко не все и, кроме того, в случае целенаправленной волны дезинформации она помогает слабо. Организаторы таких акций хорошо знают, кому доверяют их потенциальные реципиенты, — недаром во многих социологических исследованиях вопрос о доверии к различным источникам информации повторяется с завидной регулярностью. Возникает закономерный вопрос: сколько раз можно безнаказанно обманывать простого человека, подсовывая ему фейк? Практика показывает, что практически до бесконечности, благо память человеческая коротка и живет он исключительно сегодняшним днем и текущими проблемами, соответствуя тому, что Д. А. Леонтьев назвал «пунктирным человеком». Достаточно вспомнить историю «МММ» и С. Мавроди (осужденного за мошенничество в особо крупных размерах), который возрождал свою финансовую пирамиду в разных видах несколько раз к неизменному восторгу своих поклонников. К этой истории, а она не единственная и многократно повторялась во всем мире (уголовное дело того же Б. Мейдофа, арестованного в США по схожему обвинению), тесно примыкает практика сетевого маркетинга — тот же гербалайф, косметика, биодобавки... В итоге ситуация для конкретного потребителя информации и товаров становится все более запутанной, усложняется осуществление выбора, что естественно вызывает рост недоверия и негативизма. Интересно, что апелляция к авторитетам характерна для сознания, развитого на теологическом уровне, что по классификации О. Конта свидетельствует о значительной деградации от актуального для современности позитивного уровня. С одной стороны, культура весь XX в. играла роль, стабилизирующую и сдерживающую наиболее экстремальные технологические порывы, что зафиксировано в виде представлений о культурном лаге У. Ф. Огборна. Однако при возникновении и доминировании культуры фейков происходит уже не стабилизация, а откат значительной части общества в достаточно отдаленное прошлое, прямо в Средние века или дальше.

Вторая стратегия требует определенной изошренности в работе с информацией, поэтому к ней тяготеют журналисты, аналитики, научные работники и иные представители элитарной культуры. Для них характерен ретроспективный логический анализ, позволяющий выявить новости, практически не имеющие никакой внятной подоплеки и не порождающие более-менее значимых отдаленных последствий. Некоторые на этой основе еще различают новости

и события (у событий как раз имеются значимые последствия). Такой анализ требует не рассмотрения изолированного фейка (или не фейка, тут сразу не поймешь), а сопоставления его и предшествующих событий, что требует достаточно профессиональной памяти на них, ведь помнить абсолютно все невозможно. В итоге по прошествии некоторого времени требуется повторно оценить новость с точки зрения ее влияния на ситуацию, что тоже требует вполне профессиональных усилий. Самый же редкий вариант такого своеобразного исследования предполагает изучение окружающего мира на предмет проявления результатов потенциального фейка: если реклама товара приводит к росту его популярности и продаж, это еще ничего не значит, требуется продумать, какие результаты будет давать потребление этого товара. С точки зрения классификации О. Конта это позитивный уровень развития общества и его членов. В частности, использование героина в качестве средства от кашля, а именно в этой цели он рекламировался и продавался известной фирмой «Байер» в XIX в., оказалось весьма приятным, но не столь уж полезным, поскольку приводило к быстрому привыканию и последующей деградации пациента. Героин к свободной продаже был запрещен в 1910 г. Причем нельзя назвать эту ситуацию уникальной. 2019 год, и снова лекарства от кашля: «Эреспал» и «Эпистат», содержащие фенспирид (его лечебная эффективность недостаточно обоснована, и есть данные, что он вызывает нарушения сердечного ритма), были запрещены сначала во Франции, а затем и в России. Понятно, что, не обладая специальной подготовкой и оборудованием, провести самому такое исследование невозможно, однако знакомство с подобными фактами лишь убеждает в справедливости древнего научного девиза «сомневайся во всем». Кроме того, такая «подозрительность» уместна исключительно в профессиональной области и невозможно применять ее везде в повседневной жизни, это уже профессиональная деформация. Таким образом, широкое распространение культуры фейков способствует искажению и нарушению обратных связей в обществе и культуре и во многих случаях делает сложным да и практически невозможным индивидуальный выбор, что рано или поздно делает подобную ситуацию нетерпимой. Признаки этого хорошо заметны в недавно принятом в России «Законе Клишаса» о фейках. В Законе № 31-ФЗ под запретом оказалась недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений и создающая угрозу:

- причинения вреда жизни и здоровью граждан, имуществу;
- массового нарушения общественного порядка и/или общественной безопасности;
- создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной и социальной инфраструктуры, банков, объектов энергетики, промышленности и связи.

Нарушение этого запрета влечет за собой денежный штраф, налагаемый в административном порядке.

Представляется, что рассмотренная выше *культура фейков* выступает переходной ступенью к следующему уровню культуры, связанному с преимущественным развитием *чутья, интуиции*. Именно «чуйка» позволяет делать выбор в условиях нехватки или искажения исходной информации и при

жестких временных ограничениях. Традиционно *интуицией* называется наша способность к прямому знанию, немедленному озарению, без предварительных наблюдений и рассуждений. При этом как раз отсутствие длительных предварительных целенаправленных наблюдений позволяет избежать зловредного влияния фейков. Причем можно выделить как минимум два подхода к определению интуиции. Первый из них (условно узкий) связывает этот феномен с работой подсознания конкретного индивида [6], что позволяет использовать накопленный в нем опыт для решения текущих проблем. Проблема в том, что, если таких знаний недостаточно, интуиция работать не будет или будет подталкивать к стереотипным решениям. Несколько иной взгляд характерен для К. Юнга. В аналитической психологии К. Юнга выделяются эктопсихические функции, которые связывают человека с реалиями окружающего мира. Важнейшая из них — интуиция, которой противостоит сенсорный тип, ориентирующийся на свои органы чувств и конкретные факты. В широко известном тесте Д. Кейрси, построенном на базе теории К. Юнга, интуиция интерпретируется как взгляд на мир, тяготеющий не столько к конкретным фактам, сколько к восприятию ситуации в целом, причем предпочтение отдается чувству перспективы, которую эта целостная ситуация открывает для индивида. Также предполагается приоритет идей и возможностей, способных улучшить текущее положение дел. Важнейшими личными качествами оказываются воображение, изобретательность и любовь к новациям на фоне игнорирования инструкций, импульсивности и избирательного восприятия деталей [11]. Если же сказать коротко и словами К. Юнга [16], то *интуиция — это предвосхищение, которое открывает нам, что происходит «за углом»*. Такое предвосхищение тоже идет от бессознательного, однако содержательно оно может быть шире, чем доступная когда-либо человеку информация. Хорошим примером такой интуиции является процесс формулирования научной гипотезы. Гипотезы обычно создаются для еще непознанных ситуаций, позволяя тем самым хоть как-то, однако не на сугубо логической основе структурировать процесс научного поиска. И вот эта широта интуиции попахивает мистикой, если, конечно, не предложить механизм, позволяющий ее объяснить. В качестве такого механизма предлагается использовать *явление резонанса индивидуальной культуры* и более широкого *культурного контекста*. Широкое использование такого резонанса предлагается называть *культурным резонансом*, и именно он может оказаться панацеей от культуры фейков.

Обсуждение *культурного резонанса* вполне уместно начать с широко употребляемых словосочетаний. Достаточно часто можно услышать «резонансное уголовное дело» или «резонансный фильм, книга, спектакль, новость». Говоря так, обычно имеют в виду, что преступление, фильм, книга или спектакль как-то затрагивают всех основных носителей культуры, не безразличны для них. При этом смысл слова «затрагивают» можно выразить иначе — они задевают какие-то струны в душе у каждого. Отсюда уже недалеко до аналогии, основанной на процессе настройки музыкальных инструментов с использованием камертона, физически опирающегося на резонанс. Однако резонанс используется не только в акустике, это весьма широко распространенный физический процесс. Он состоит в избирательном отклике колебательной системы на пери-

одическое внешнее воздействие, проявляющееся в резком увеличении амплитуды стационарных колебаний при совпадении частоты внешнего воздействия с определенными значениями, характерными для данной системы (см.: [13. С. 308]). Удачным примером резонанса, известным практически всем, являются качели. Раскачивание на качелях является периодическим процессом, для поддержания и должного развития которого требуется в нужный момент и в определенном направлении приложить совсем небольшие усилия, доступные даже маленьким детям. Отметим, что для качелей периодическое колебание происходит благодаря переходу потенциальной энергии в кинетическую и наоборот. Максимальная потенциальная энергия качелей соответствует верхним мертвым точкам, когда раскачивающийся поднимается максимально высоко вверх и замирает на мгновение, прежде чем обрушиться вниз. В самой нижней точке качелей скорость движения и соответственно кинетическая энергия системы будет максимальной, а потенциальная энергия — минимальной. Процесс циклического перехода потенциальной энергии качелей в кинетическую можно легко подтолкнуть путем легкого воздействия на них в нужный момент. Для качелей это приводит к увеличению амплитуды раскачивания и росту восторгов раскачивающегося, что обычно происходит без особых происшествий, однако для моста через реку согласованные толчки солдатских сапог подразделения, идущего в ногу, могут приводить даже к разрушению конструкции. Поэтому на мосту уставом запрещено идти в ногу.

Для того чтобы использование термина «резонанс» применительно к культуре перестало быть метафорой, необходимо разобраться как минимум, какие периодические процессы в психике выступают основанием культурного резонанса. Исходя из представлений о многомерности человеческого внутреннего мира и сознания [12] таких психологических процессов может быть несколько, а их изучение находится в самом начале. Наибольший интерес представляют сочетания мужского и женского, а также взаимодействие материального и идеального.

Мужское и женское. В широкой практике культур Востока это концепция «инь — ян» (см.: [9. С. 29—36]), противопоставляющая инь как негативное, холодное, темное женское ян — позитивному, светлому, теплему мужскому началу. При этом в философской трактовке самое важное не столько противопоставление именно мужского и женского, а понимание, что природа постоянно находится в процессе изменения, причем противоположности при этом взаимно дополняют друг друга. Задача человека — соблюсти баланс и гармонию этих противоположностей. Более явно мужское и женское выделяются в концепции К. Юнга об архетипах Анимуса и Анимы. Анима рассматривалась как женское начало психики мужчины, источник его чувств и настроений, берущий свое начало в его бессознательном и определяющий такие психические тенденции, как туманность и расплывчатость чувств, пророческие наития, восприимчивость к иррациональному и способность к индивидуальной любви. Соответственно Анимус — мужская часть психики женщины, ответственная за формирование ее мнения, опирающегося на глубины бессознательного. Традиционной «трудной» проблемой в понимании юнговских архетипов является их локализация. Тут существует значительный разброс мнений — от хра-

нения архетипов в молекулах ДНК (М. Фордхам, Л. Стейн и Э. Стивенс), их размещения в полушариях головного мозга, в частности, Анима и Анимус локализовались в правом полушарии (Э. Росси) или даже в самой древней части мозга — рептильном мозге (Д. Генри). Использование идеи культурного резонанса позволяет предположить необычный механизм и место индивидуального хранения архетипов. Вполне возможно, что архетипы выступают в качестве резонансных частот взаимодействия между индивидом и культурой, ведь индивид становится человеком разумным только после его включения путем социализации в более широкую человеческую культуру, которая и выступает как своеобразная резервная копия (если говорить в компьютерных терминах) или всеобщий резонатор.

Учитывая незавершенность теории архетипов и ее постоянное развитие К. Юнгом, в современных пособиях Анима и Анимус локализируются в каждой личности вне зависимости от пола. И это разумно, поскольку, исходя из представлений о мультисубъектности внутреннего мира человека (см.: [7. С. 78—92]) и учитывая важность фигур матери и отца в развитии любого ребенка, естественно выглядит их внутренняя репрезентация в виде архетипов, которая также соответствует идеям автора известного полоролевого опросника С. Бем [2] о феминности и маскулинности. С. Бем исследовала мужскую и женскую полоролевою идентификацию и пришла к выводу, что для полноценного функционирования и адаптации человека в обществе желательны слияние маскулинных и феминных черт и возникновение андрогинного типа. Отметим, что кроме сугубо психологических оснований периодичность перехода из маскулинного в феминное и наоборот в значительной мере связана с закономерным возрастным изменением гормонального фона человека, т. е. имеет очевидные биологические предпосылки. В более широком культурном контексте также можно говорить об определенных колебаниях, в частности, от первобытного матриархата (отраженного в легендах о Великой Матери [18]) к более современному патернализму западного общества и снова, через развитие феминистского движения, к возможному в перспективе «новому матриархату». Таким образом, представления о мужском и женском поведении являются важным элементом любой культуры, иногда поднимаясь при этом до глобальных философских обобщений, и одновременно выступают в качестве значимых для личности ориентиров, регулирующих индивидуальное поведение и тесно связанных с социальной адаптацией. Налицо наличие процессов непрерывного взаимного перехода рассматриваемых противоположностей как в культуре, так и в личностном развитии, что позволяет рассматривать их как *одну из основ культурного резонанса*, весомость которого определяется сугубо индивидуально.

Материальное и идеальное. О соотношении материализма и идеализма написано немало, как-никак это основной вопрос философии, начиная с древнегреческой философии. Поэтому будем считать установленной значимость такой оппозиции для широкой человеческой культуры. Единственное, что необходимо подчеркнуть, что такое разделение и интерес к нему характерны только для человека, но не для животных, что принципиально отличает эту оппозицию от пары «мужское — женское». Поэтому пару «материальное — иде-

альное» можно считать специфически человеческой, что и обуславливает особое отношение к ней. На индивидуальном уровне соотношение материального и идеального обычно рассматривается в форме пары материи и сознания (или духа). В отечественной психологии, начиная с культурно-исторической теории (Л. С. Выготский), особое внимание обращается на знаковую функцию языка как основного инструмента преобразования человеком самого себя — чем не разновидность резонанса? Однако более показательны в этом отношении взгляды А. Н. Леонтьева. Напомню, что в его теории деятельности проводится четкое разделение внутреннего и внешнего плана деятельности, что позволяет говорить о реализации в ее ходе постоянного перехода от одного плана к другому, т. е. *от материальных действий к сознанию и наоборот*. Если несколько упростить описание деятельности, то ее старт дается возникновением потребности (материальное), далее следуют ее осознание (идеальное) и поиск в окружающем мире предметов (материальное), способных удовлетворить исходную потребность (идеальное в виде ориентировочной основы деятельности). После этого начинается этап планирования получения предметов удовлетворения потребности (внутренний план деятельности, идеальное) и реализации плана в конкретных условиях (материальные действия и операции). Дальше план либо приводит к удовлетворению исходной потребности (и человек, наконец, получает зарплату), либо нет (зарплата слишком мала для достойной жизни и удовлетворения исходной потребности), и тогда начинается новый виток деятельности, опять включающий в себя постоянные колебания между материальным и идеальным. Следовательно, пока философы с переменным успехом ведут баталии, что первично, материя или сознание, обычные люди просто удовлетворяют свои потребности (однако среди них могут быть и высшие потребности, например, в саморазвитии), совершая последовательные переходы между идеальным (изучение, продумывание и планирование) и материальным (конкретные действия, составляющие собой деятельность). На первый взгляд простым людям нет никакого дела до споров философов, однако, если вспомнить, что вся современная наука и инженерные дисциплины выделились из философии в процессе ее развития, становится понятно, что образцы продуманных планов все мы черпаем все в той же философии (ну, или науке как непосредственной производительной силе нашего времени). Так что связь есть, и она-то и определяет интересующий нас в контексте настоящей статьи *культурный резонанс между индивидуальной, материальной и нематериальной культурой*.

Конечно, разобранные выше пары «мужское — женское», «материальное — идеальное» не исчерпывают всех направлений культурного резонанса. Если говорить о культуре как социальном явлении, то источником идей для наращивания и уточнения направлений культурного резонанса могут быть культурные универсалии, т. е. те черты культуры, которые встречаются во всех известных сообществах как прошлого, так и современности. Работа американского антрополога Д. Мердока (см.: [10. С. 49—57]) из всех фундаментальных характеристик культуры позволила выделить всего два правила, которые входят в культуру всех проанализированных им сообществ: правило «не убий» и запрет на кровосмешение. Существует предположение, что эти культурные универсалии связаны с важнейшими биологическими потребностями челове-

ка: сохранением жизни, продолжением рода, здоровым потомством. Однако обычно человек воспринимает себя несколько шире, чем как биологическое существо, поэтому важным подспорьем при определении направлений культурного резонанса могут стать религиозные материалы, в частности известные Десять заповедей (Втор. 5:6-21). Часть заповедей касается религиозной практики (1—4), остальные вполне можно принять за некоторую основу дальнейших исследований резонанса:

- Почитай отца твоего и мать твою.
- Не убивай.
- Не прелюбодействуй.
- Не кради.
- Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.
- Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего.

Кстати, сразу видно, что 5-я заповедь четко соотносится с рассмотренной выше координатой «мужское — женское».

Если задаться вопросом, как практически осуществляется процесс резонирования в случае культуры, то очевидным ответом является *взаимодействие социализации и индивидуализации индивида*, в разных пропорциях происходящее в течение всей жизни. Другим интересным кандидатом для рассмотрения является подпороговое восприятие, хорошо вписывающееся в рамки резонансных явлений, когда очень слабое воздействие приводит к вполне заметным результатам. В этом отношении подходящей представляется метафора скрипки (кстати, этот музыкальный инструмент использует акустический резонанс): каждый человек подобен отдельной струне скрипки (это его индивидуальная культура), однако для получения прекрасной музыки, кроме струны, требуется еще и резонатор (корпус скрипки), в нашей аналогии выполняющий роль большой культуры. Само возникновение *культурного резонанса* позволяет объяснить не только вклад личности в культуру (тут все вполне понятно), но и то, как гигантская по объему культура «вмещается» в отдельного человека, т. е. как большое помещается в малом. Вся хитрость тут в том, что на основе формирования у каждого человека внутренних координат, адекватных окружающей его культуре, некоторого культурного базиса, он может и не знать деталей всего того, что она накопила, однако, опираясь на резонанс, ощущать, правильно ли что-то новое или нет, соответствует ли оно воспитавшей его культуре. Именно такое чувство позволит относительно безболезненно противостоять культуре фейков на индивидуальном уровне. Наверное, неспроста сейчас заговорили о возникновении «общества впечатлений (или переживаний)», идея которого была предложена Г. Шульце [17]. Она состоит в констатации того, что современное потребительское поведение, особенно в молодежной среде, все больше ориентируется не на демонстрацию статуса (и демонстративное потребление), а на получение нового эмоционального опыта, необычных впечатлений или переживаний. Человек, соответствующий этой культурной установке, скорее поедет отдыхать дикарем в какой-то экзотический уголок мира, а не купит себе пафосный «ролекс». С точки зрения культурного резонанса такое поведение соответствует стремлению не только понять и изучить другую культуру, расширяя свои внутренние горизонты, но и интуитивно почувствовать ее, войти с ней в резонанс. Кроме того, весьма многозначительно выглядит рост в профессиональной

среде и среди любителей интереса к эмоциональному и социальному интеллекту, который отчасти заместил собой предшествующую абсолютизацию интеллектуального тестирования IQ. Все это значит, что в ближайшей перспективе нас ждет переход от культуры, в которой все знают (я бы ее назвал «культурой знатоков»), к совсем другой культуре, где все интуитивно чувствуют («культуре сочувствия»). В ситуации массовой «постправды» такой дрейф выглядит вполне оправданным. Следовательно, интуиция выступает как все более важное свойство личности, реализующее по крайней мере две важные функции. Во-первых, она обеспечивает на основе культурного резонанса тотальную селекцию фактов (не всегда достоверных) и впечатлений (иногда лукавых), захлестывающих современного человека. Во-вторых, как уже отмечалось выше, такая интуиция служит основой возможности предвидения, антиципации.

Важным следствием выполненного обсуждения культурного резонанса представляется *переход к иному пониманию культуры как системы*. Напомню, что традиционное представление о системе исходит из того что она представляет собой множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенную целостность, единство (см.: [14. С. 1437]) и предназначено для реализации системной (эмерджентной) функции. С этой точки зрения культура может рассматриваться самыми разными способами, например, как совокупность материальной, нормативной и идейной сфер (см.: [15. С. 251—253]), ориентированных на организацию общественной жизни. Это классический структурно-функциональный подход, однако в условиях быстрых социальных и технологических изменений он уже не всегда успевает за жизнью. Требуются более динамичные описания не столько структуры культуры, сколько ее **становления** (П. Штомпка), которые можно получить, используя событийный (или **полевой подход**) [Там же. С. 24—29], однако не напрямую, а через ключевое качество поля, обеспечивающее его системную целостность. Резонанс как раз и рассматривается как такое качество, однако это, конечно, не единственный вариант. Кроме того, основанная на культурном резонансе интуиция выступает в качестве одного из перспективных кандидатов на пополнение списка характеристик культурного человека Нового времени, характеризующих европейскую цивилизацию. Традиционно в них включают индивидуализм, секуляризацию и развитие индивидуального критического мышления.

Таким образом, возникновение современной культуры фейков, ориентированной на доминирование в динамичной организации общественной жизни симулякров, порождает потребность в более адекватной системе социальных обратных связей, которая увязывается с возникновением и широким развитием *процессов культурного резонанса*, возникающего на базе общества впечатлений. Основой описания культурных резонансов полагаются наработки в области культурных универсалий и архетипов аналитической психологии. Такой резонанс дополняет сложившееся к настоящему времени общество знаний большей индивидуальной ориентацией на интуитивные ощущения и чувства, позволяющие преодолеть засилье «постправды». Кроме того, резонанс рассматривается как *системное описание становления культуры с помощью полевого подхода, а интуиция — как одно из важных личных свойств современного культурного человека*.

In the work is made an attempt to determine the culture of fakes, formed on the basis of accelerating the development of a society that is governed mainly by bureaucracy and is in a state of globalization. As a condition for individual survival in such a society focused on «post-truth», we consider a developed intuition based on the process of cultural resonance. Cultural resonance is determined by analogy with its physical counterpart and raises the question of the directions in which it can flow. As such, the opposition considered male-female and material-ideal, which certainly does not exhaust their list. The main psychological mechanism of resonance is considered to be a subliminal perception, which receives additional impressions within the framework of the emerging society of senses. Cultural resonance is considered as a variant of the field description of culture as a system, complementary to its structural and functional description.

Keywords: culture, fake, simulacrum, globalization, bureaucracy, information model, writing, post-truth, intuition, archetype, «male — female», «material — ideal», system, resonance.

Литература

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.
Bek, U. Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu / U. Bek. — M.: Progress-Tradicija, 2000.
2. Бем, С. Линзы гендера : Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Бем. — М.: Рос. полит. энцикл., 2004.
Bem, S. Linzy` gendera : Transformaciya vzglyadov na problemu neravenstva polov / S. Bem. — M.: Ros. polit. e`ncikl., 2004.
3. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. — М.: Рипол-классик, 2015.
Bodriyjar, Zh. Simulyakry` i simulyaciya / Zh. Bodriyjar. — M.: Ripol-klassik, 2015.
4. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. — М.: Весь мир, 2004.
Giddens, E`. Uskol`zayushhij mir: kak globalizaciya menyaet nashu zhizn` / E`. Giddens. — M.: Ves` mir, 2004.
5. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман. — М.: Логос, 2004.
Luman, N. Obshhestvo kak social`naya sistema / N. Luman. — M.: Logos, 2004.
6. Майерс, Д. Интуиция. Возможности и опасности / Д. Майерс. — СПб.: Питер, 2013.
Majers, D. Intuiciya. Vozmozhnosti i opasnosti / D. Majers. — SPb.: Piter, 2013.
7. Марков, В. Н. Внутренний мир как мультисубъектность / В. Н. Марков // Мир психологии. — 2017. — № 2. — С. 78–92.
Markov, V. N. Vnutrennij mir kak mul'tisub`ektnost` / V. N. Markov // Mir psixologii. — 2017. — № 2. — S. 78–92.
8. Марков, В. Н. Внутренняя эволюция смыслов / В. Н. Марков // Мир психологии. — 2017. — № 3. — С. 15–27.
Markov, V. N. Vnutrennyaya e`voluciya smy`slov / V. N. Markov // Mir psixologii. — 2017. — № 3. — S. 15–27.
9. Маслов, А. А. Китай : Укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз / А. А. Маслов. — М.: Алетейя, 2003.
Maslov, A. A. Kitaj : Ukroshhenie drakonov. Duxovny`e poiski i sakral`nyj e`kstaz / A. A. Maslov. — M.: Aletejya, 2003.
10. Мердок, Д. П. Фундаментальные характеристики культуры / Д. П. Мердок // Антология исследований культуры. — СПб., 1997. — Т. 1 : Интерпретация культуры. — С. 49–57.
Merdok, D. P. Fundamental`ny`e karakteristiki kul`tury` / D. P. Merdok // Antologiya issledovanij kul`tury`. — SPb., 1997. — T. 1 : Interpretaciya kul`tury`. — S. 49–57.
11. Овчинников, Б. В. Ваш психологический тип / Б. В. Овчинников, К. В. Павлов, И. М. Владимирова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1994.
Ovchinnikov, B. V. Vash psixologicheskij tip / B. V. Ovchinnikov, K. V. Pavlov, I. M. Vladimirova. — SPb.: Andreev i sy`nov`ya, 1994.
12. Петренко, В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В. Ф. Петренко. — М.: Новый хронограф, 2010.
Petrenko, V. F. Mnogomernoe soznanie: psixosemanticheskaya paradigma / V. F. Petrenko. — M.: Novy`j khronograf, 2010.
13. Резонанс // Физ. энцикл. : в 5 т. — М., 1994. — Т. 4. — С. 308.
Rezonans // Fiz. e`ncikl. : v 5 t. — M., 1994. — T. 4. — S. 308.
14. Система // Больш. рос. энцикл. словарь. — М., 2003. — С. 1437.
Sistema // Bol`sh. ros. e`ncikl. slovar`. — M., 2003. — S. 1437.
15. Штомпка, П. Социология / П. Штомпка. — М.: Логос, 2013.
Shtompka, P. Sociologiya / P. Shtompka. — M.: Logos, 2013.
16. Юнг, К. Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика / К. Г. Юнг. — М.: АСТ, 2009.

Yung, K. G. Te'vistokskie lekcii. Analiticheskaya psixologiya: ee teoriya i praktika / K. G. Yung. — M. : AST, 2009.

17. FAQ: Общество переживаний [Электронный ресурс] // Постнаука. — Режим доступа: postnauka.ru/faq/6214

FAQ: Obshhestvo perezhivaniy [E'lektronny'j resurs] // Postnauka. — Rezhim dostupa: postnauka.ru/faq/6214

18. Neumann, E. The Great Mother : An analysis of the archetype / E. Neumann. — N. Y. : Pantheon Books, 1955.

Д. В. Реут

О культурных единицах и совокупностях, создаваемых ими и самовоспроизводящихся

Поставлен вопрос о выборе первичной единицы анализа проблем культуры как условия и способа бытия человека. На эту роль предложена «культурная единица», выделяемая на культурном фоне средствами культурологии или иных наук. Полагание культурной единицы крупномасштабной системой позволяет специфицировать ее в неограниченном ряду культурных систем. В русле развития культурологического дискурса предложена концепция культуры как совокупности культурных единиц — встроенных одна в другую или рядоположных и практикующих культурную политику. Классификатор типов методологии В. М. Розина дополнен «методологией устойчивого воспроизводства культурной единицы». Применительно к культуре обсуждена категориальная пара «экология — гигиена». Сегодня главный вопрос повестки дня состоит не в том, чтобы объяснить мир, как полагали философы древности, не в том, чтобы изменить его, к чему призывал Маркс, а в том, чтобы вернуть мир в пределы эволюционного коридора и удерживать его там.

Ключевые слова: структура, иерархия, исторический процесс, нестационарность, эволюционный коридор, методология, гигиена культуры.

Преамбула

Под культурой в широком смысле, следуя М. Кагану, мы понимаем «совокупность всех надбиологических форм жизнедеятельности человека и их результатов» [6. С. 29].

Наряду с вышеприведенным существует множество определений культуры, которые мы не беремся здесь сопоставлять. По их поводу Э. А. Орлова утверждает следующее:

«В любом определении культура трактуется:

- как производная социальной жизни;
- искусственное окружение человека — вещественное, социально-организационное, символическое;
- как совокупность информации, транслируемой от одних групп людей к другим;
- как контекст совместного существования людей» [12. С. 11].

Мы полагаем, что содержание настоящей статьи приложимо к очерченному спектру определений культуры, трактующих ее как в узком, так и в широком смысле.

Мы находимся внутри культуры, являемся в значительной степени ее порождениями, не можем выйти за ее рамки, даже совершая «бескультурные» поступки. Мы пытаемся проводить сопоставления внутри обозначенной М. Каганом «совокупности форм», проектировать, методологически программировать, выращивать или/и, возможно, реализовывать иными способами

культурные артефакты, приобщаться к их совокупности, все более становясь производными культуры. В культуре существуют виды активности разной направленности и степени обобщенности. Например, науки, общественные, гуманитарные, естественные, технические (существуют и иные классификации), индивидуальные и общественные практики, а также методологии.

В контексте нашего анализа лежит также категория *цивилизации* [25]. Не вдаваясь в данной работе в обсуждение степени зрелости той или иной культуры и исчерпанности потенциала ее развития, мы не будем проводить границы между культурной, социокультурной и цивилизационно-культурной общностью.

Что же в такой многозначной ситуации принять за первичную единицу исследования или, иначе говоря, единицу анализа — «минимальную часть целого, сохраняющую все его основные свойства»? [4]. При выборе необходимо помнить, что «выделяемые в ходе анализа объекта единицы не следует абсолютизировать, поскольку их характер определяется конкретными задачами исследования. Постановка вопроса о поиске универсальной единицы анализа, не зависящей от характера исследовательской задачи, не имеет под собой оснований. Обоснованный и удачный выбор единицы анализа дает возможность существенно продвинуться в изучении...» [4]. Между прочим, в приведенной цитате зашифровано утверждение, что даже системный анализ не является панацеей. Но можно ли тогда покусаться на указание единицы анализа в такой широкой исследовательской задаче, как изыскания в области культуры или в какой-то более или менее обширной области изучения *культурных феноменов*?

Такой анализ «...традиционно противопоставляется расчленению целого на элементы, которые не обладают основными свойствами целого и, напротив, проявляя свойства, которые в исходном целом не могут быть обнаружены» [4]. Подобное расчленение остается за рамками настоящей работы.

Мы полагаем, что вопрос о единице анализа актуален для всей совокупности более чем двух десятков реперных точек проблемного поля, обозначенных на теоретико-методологическом семинаре при Президиуме РАО (№ 55), даже таких, как «самоорганизация культуры как особого целого, субъект культуры, культурные универсалии в изменяющемся мире, трансцендентное и континуальное культуры» и др.

Покрывает ли нижеследующее предложение все обозначенное Э. В. Сайко проблемное поле или только часть его — судить читателю. Возможно, авторами журнала будут предложены иные единицы анализа. Интересно будет их сопоставить.

Культурная единица как единица анализа

Рассматривая культуру в континуальном залоге, исследователи обнаруживают тончайшие взаимные влияния далеко отстоящих культурных трендов. Однако прочно укорененное в научном дискурсе понятие *культурного явления* говорит о широком использовании также и дискретного залога. Культурные феномены выделяются культурологами относительно культурного фона средствами своей дисциплины или иных наук. Здесь уместным оказывается новый научный предмет — *лимология*, озабоченный обоснованием демаркации любого рода границ в пространстве и времени.

Такова, например, современность — грань между прошлым и будущим. Она представляет собой «сокрушительную силу» [2. С. 4], ведь в ней разворачиваются разнонаправленные процессы, приводящие в движение массы людей и наличные ресурсы планеты. Под современностью Гидденс понимает «способы социальной жизни или организации, возникшие в Европе начиная с XVII столетия и впоследствии оказавшие влияние на весь остальной мир» [Там же. С. 12]. Социальность у Гидденса привязана к определенному культурному ареалу. Это наводит на мысли о полузабытом термине «культурная единица».

Сегодня он живет в таких автономных и самодостаточных дисциплинах, как антропология и менеджмент культурных учреждений.

В антропологии, для того чтобы описать культуру как целое или диагностировать ее состояние, «...используется понятие “культурная единица”, обозначающее любую социальную целостность, о которой можно говорить как об отдельной культуре. Речь идет о том, что для нее характерны устойчивые совокупности черт, категорий, паттернов и тем, воспроизводящихся от поколения к поколению в определенных соотношениях, или культурных конфигурациях. (В отечественной литературе принято употреблять понятие “культурная система” без специального описания ее строения.)» [12. С. 83].

Последнее замечание Э. А. Орловой (приведенное ею в скобках) указывает на возможную точку роста, обсуждение которой составляет содержание настоящей статьи. Если просто зафиксировать эквивалентность терминов «культурная единица» и «культурная система», то мы останемся на уровне тривиальной рекомендации использования системного анализа в культурологии. Если же мы предпримем шаги к раскрытию исторически сложившейся структуры цивилизационно-культурной общности, например увидев в ней крупномасштабную систему [15], это, возможно, позволит нам увидеть в новом свете ранее не замечавшиеся особенности интересующего нас объекта исследования.

Конкретизируя термин «социальная целостность» (эквивалентный, по замечанию Э. А. Орловой, термину «культурная единица»; кстати, эту «эквивалентность» тоже стоило бы обсудить), мы не будем в данной работе отличать его от *культурно-цивилизационной общности* [8]. Отметим также родство этого понятия с *локальной цивилизацией* в смысле А. Дж. Тойнби, под которой он подразумевает «замкнутое общество, характеризующееся при помощи двух основных критериев: религия и форма ее организации; территориальный признак, степень удаленности от того места, где данное общество первоначально возникло» [22. С. 203]. На материале истории человечества А. Дж. Тойнби выделяет от 21 до 26 локальных цивилизаций. Каждая культурная единица (культурно-цивилизационная общность, локальная цивилизация, монада истории), в том числе наша, имеет начало и конец во времени.

Культурная единица как крупномасштабная система

Итак, мы полагаем культурную единицу крупномасштабной системой в смысле работы [15]. Поясним эту квалификацию. На основании анализа эмпирического материала в развитие упомянутой работы мы предлагаем различать — в порядке нарастания масштаба протекающих процессов — пять классов

систем, соответствующих следующим пространствам: 1) хозяйственно-экономической деятельности; 2) социальной деятельности; 3) прокреационно-демографическому пространству (или пространству истории); 4) пространству культурной интеграции; 5) планетарному пространству.

Под *прокреацией* мы понимаем воспроизводство жизни, воспроизводство коренного населения культурных единиц как пространственных образований в составе глобальной системы [14].

Критерием отнесения системы деятельности и осуществляющего ее субъекта к тому или другому классу (масштабу!) служат последовательные ответы на ряд вопросов: входит ли в цели рассматриваемого субъекта достижение и/или поддержание: 1) хозяйственно-экономической состоятельности; 2) также (в дополнение к предыдущему) и социальной состоятельности; 3) также и состоятельности прокреационной; 4) также и состоятельности культурной интеграции; 5) также и состоятельности экологической?

Под *состоятельностью* мы понимаем способность обеспечивать в течение неограниченного времени протекание базовых процессов подсистемы и поддерживать существование обеспечивающих структур, соответствующих рассматриваемому аспекту совокупной крупномасштабной системы.

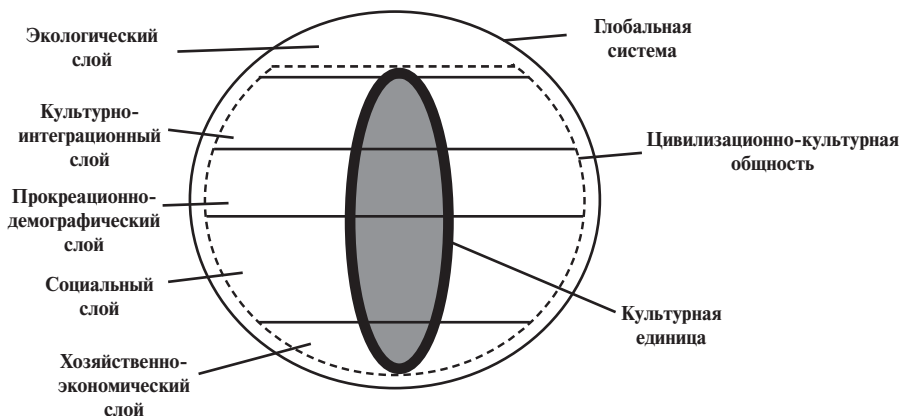
Поскольку в пространственном аспекте мы отталкиваемся от рассмотрения глобальной системы, выделяя в ней подсистемы различных масштабов, естественно предпринять аналогичный «ход» по отношению ко времени. Будем различать два временных масштаба: «длинное», или эволюционное, время, являющееся «ареной» естественного обора, и «короткое» время, в пределах которого человек осуществляет согласно своему ограниченному разумению искусственный отбор. Актуально существуя в «коротком» времени, человек «понимает» его «неограниченность» в техническом смысле, т. е. заботится о собственной состоятельности лишь в пределах горизонта тактического или стратегического планирования субъекта развития. Этот горизонт может быть brutally узким. Так, советник нескольких президентов США З. Бжезинский называл своим рабочим стратегическим горизонтом длительность срока президентского правления — 4 года (см.: [1. С. 27]). Мы, в отличие от З. Бжезинского, полагаем, что если говорить об управлении страной, то стратегический горизонт руководителя не может быть меньше цикла основного процесса, протекающего в прокреационно-демографическом (третьем) слое *глобальной системы*, т. е. цикла воспроизводства поколений — около 25 лет.

Крупномасштабная система в нашей концепции [15] представляет собой совокупность двух и более «нарисованных друг на друге» (термин В. А. Лефевра) подсистем, принадлежащих различным классам предложенного классификатора.

Глобальная система, безусловно являющаяся крупномасштабной, охватывает все пять названных классов, «слоев» или пространств. Цивилизационно-культурная общность — до четырех, поскольку взять на себя ответственность за сохранность экологического окружения человечеству пока не удастся.

Структура *культурной единицы* может прорасти, помимо хозяйственно-экономического, также в один или несколько слоев глобальной системы: *социальный, прокреационно-демографический, культурно-интеграционный* (ри-

сунок). Таким образом, мы имеем дело с совокупностью взаимодействующих разноуровневых культурных единиц.

Локация культурной единицы в теле культуры

Культурные единицы, достигшие культурно-интеграционного слоя и укоренившиеся в нем, способны оказывать активное влияние на культурно-цивилизационную общность в целом, т. е. оказываются субъектами культурной политики. Прочие культурные единицы оказываются для них объектами (ресурсом). Возможны ли в этой политике какие-то цели, кроме эгоистических? В прошлом считалось, что «у человечества как такового нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, так же как нет цели у вида бабочек или орхидей» [24. Т. 1. С. 137]. Сегодня становится очевидным, что это — путь к скорому исчерпанию ресурсов планеты с очевидным финалом.

Совокупность четырех перечисленных слоев обозначена на рисунке как культура в целом. Анализ позволяет различить на этом фоне культурные единицы, актуализированные на данном этапе развития общества. Это могут быть не только локальные цивилизации в смысле Тойнби, но и более мелкие единицы, включая субкультуры, в том числе молодежные. Мы специально проводим терминологическую множественность с целью разворачивания трансдисциплинарного диалога. Культурные единицы могут взаимодействовать на каждом из приведенных на схеме уровней в любом сочетании. В построении конфигураций этих взаимодействий различных уровней комплементарности мы видим инструмент эффективного взаимодействия культурно-цивилизационных общностей, т. е. культурной политики, цели которой мы обсудим ниже.

О минимальной функциональности культурной единицы

Может ли отдельно взятый человек достичь равномогущества с культурной единицей и провозгласить себя ею обоснованно, не уподобляясь комедийному актеру Е. Леонову в фильме «Ехали в трамвае Ильф и Петров»? [5].

Для этого человек (или группа) должен обладать экстремальной интеллектуальной и материальной оснащенностью.

Проблема необходимой интеллектуальной оснащенности связана с уровнем сложности крупномасштабной системы. Современные европейские классификаторы насчитывают до 70 тыс. самостоятельных научных дисциплин, изучающих различные аспекты реальности. Но, даже владея достаточными знаниями в основной их части, нужно еще обладать достаточной квалификацией в их трансдисциплинарной компоновке. На способность к исполнению такой функции претендует методологическое знание.

Проблема материальной оснащенности связана с необходимостью реализовывать организационные и технические изменения, диктуемые этим знанием в текущей ситуации.

Методология культурной единицы

Мы полагаем, что одно из первых представлений о методологии дал Конфуций, хотя в китайском языке не было обозначающего ее иероглифа. Вот что он писал: «Учитель сказал: “Обладаю ли я знанием? Нет, но когда низкий человек спросит меня [о чем-либо], то [даже если я] не буду ничего знать, я смогу рассмотреть этот вопрос с двух сторон и обо всем рассказать [ему]”» [7. С. 157]. Мы полагаем, что здесь подразумевается владение методологией — инструментом, позволяющим генерировать знания по мере надобности.

Сегодня распространены представления о том, что методология есть:

- учение о методе [3];
- учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности [19];
- система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе [20];
- технология [18];
- «стратегия управления мышлением и деятельностью, стратегия их трансформации и развития» [17. С. 83];
- «учение об организации деятельности» [11. С. 20, 127; 13. С. 67; 25. С. 229].

Мы придерживаемся концепции методологии в широком смысле, согласно которой *методология* относится к структурной, номотетической области знаний, предполагающей высокую степень обобщения по отношению к исследуемому материалу и исследующим этот материал конкретным наукам.

Под *номотетикой* мы понимаем обобщение и установление законов, в том числе границ классов, на которые подразделяются единицы исследования (см.: [23. С. 441]).

Российский философ и методолог В. М. Розин различает в современном методологическом дискурсе следующие типы методологии:

- «панметодологию», претендующую (как следует из названия) на всеобщность; это к настоящему моменту частично реализованная «программа перестройки и исследования деятельности (включая мышление как частный случай деятельности), стоя в самой деятельности» [16. С. 298];
- частные методологии, обслуживающие различные дисциплины и практики;
- «методологии с ограниченной ответственностью» [Там же. С. 300].

Последний тип, впервые заявленный В. М. Розиним, требует отдельного пояснения. Предполагается, что эта методология претендует на то, чтобы задавать сущность мышления, но лишь в пределах, определяемых закономерностями той или иной культуры, того или иного типа мыслящей личности, т. е. ее рамки дрейфуют под действием культурно-исторических перемен. Ограниченность же ответственности понимается в том смысле, что методология «не должна брать на себя задачу полностью определять человеческое бытие и жизнь, понимая, что это невозможно. Однако она не отказывается вносить мощный вклад (наряду с философией, наукой, искусством, идеологией, религией, эзотерикой и т. д.) в структурирование, конструирование жизни, бытия и, конечно, мышления» [16. С. 304].

Ниже мы предлагаем дополнить классификатор В. М. Розина еще одним — четвертым — пунктом: *методологией культурной единицы*, или, что то же самое, *методологией с полной ответственностью*.

Методология культурной единицы претендует не на тотальную поддержку существования этой единицы, а только на обеспечение ее воспроизводства. Термин можно уточнить: методология устойчивого воспроизводства культурной единицы. Поэтому она достаточно далека от «панметодологии».

Любая из ныне существующих научных и практических дисциплин, которые номинально представлены в культурной единице, может направить в методологическую надстройку запрос на нормировочное обеспечение, так что методологию культурной единицы нельзя считать частной методологией.

Гигиена культуры проявляет в своей методологической составляющей не только черты, сходные с «методологией с ограниченной ответственностью», но и существенное различие с ней. *Методология культурной единицы* формируется с целью предотвратить распад этой единицы, сохранить ее функционирование. Это — ее главная аксиологическая нагрузка, а не возможный «мощный вклад». Поэтому методологию культурной единицы можно охарактеризовать как «методологию с полной ответственностью», т. е. *методологию четвертого типа* — по отношению к содержанию классификации В. М. Розина, представленной выше. Этот тип методологии заявляется нами впервые.

Для регулярного воспроизводства культурной единицы необходимо предпринимать практические действия. Они финансируются конкретными разработками гуманитарных, общественных, точных наук. Ввиду ограниченности материальных и людских ресурсов, а также наличия регулярных и нерегулярных деструктивных процессов необходима координация усилий, направленных на воспроизводство каждой культурной единицы в отдельности и системообразующих параметров их совокупности. Мы полагаем, что *непрерывное комплексное конфигурирование совокупности культурных единиц есть задача заявленной методологии четвертого типа*. Цель «внутренней составляющей» культурной политики состоит в поддержании целостности культурной единицы и адекватности ее содержания внешним условиям, а цель «внешней составляющей» культурной политики — в следовании аксиологическому императиву — действием или бездействием «не дать миру уничтожить себя» (А. Камю).

Сегодня главный вопрос повестки дня состоит не в том, чтобы объяснить мир, как полагали философы древности, не в том, чтобы изменить его, к чему

призывал Маркс, а в том, чтобы вернуть мир в пределы эволюционного коридора и удерживать его там. Ставка XXI в. лежит не в экономической (как в XX в.), а в экзистенциальной плоскости. «Культурная проекция системы превентивных защитных реакций осознающего себя социума» структурировалась в «гигиену культуры» [10. С. 10]. Она составляет категориальную пару с заявленной академиком Д. С. Лихачевым [9] темой экологии культуры как противопоставление активной и пассивной позиции человека в отношении культуры.

Гигиена культуры принципиально отличается от идеологии тем, что не указывает никакой истины в последней инстанции, а дает методы поиска путей сохранения культурной единицы и методы нормировки этой деятельности.

Замечания о структуре совокупностей культурных единиц

Социальное тело — «совокупность связей и отношений между людьми, непосредственно участвующих или имеющих отношение к совместной жизни и деятельности» [21. С. 144]. Глобальная система есть некоторым образом структурированная совокупность социальных тел. Поскольку мы не ограничиваемся социальным аспектом ее бытия, то полагаем, что в социальное тело должны быть включены не только связи и отношения между людьми, но и сами эти люди как потенциальные единицы культуры. Варьирующаяся степень связности пространства глобальной человеческой общности в живом культурном контексте позволяет дополнить актуальные социальные тела до единиц культуры.

Каждый из нас может идентифицировать себя в качестве элемента некоторой совокупности единиц культуры, вложенных друг в друга либо рядоположных друг с другом. Существенно, что эта совокупность не обладает дискретностью матрешки, в которой всегда очевидно присутствует некоторое ядро. Скорее обсуждаемую совокупность можно сопоставить с луковицей, у которой ядро в процедуре «раздевания луковицы» так и не обнаруживается. Ведь до сих пор ни Философу, ни Социологу, ни Психологу не удается исчерпывающе ответить на вопрос: что есть «я» и каковы его границы?

В этом слое облака мы предлагаем читателю вместе с нами двигаться, осуществляя скользкую либо дискретную самоидентификацию, и, исходя из нее, примерять на себя возможные типы отношений между назначаемой в соответствии с текущим итогом этой самоидентификации внутренней частью облака и внешней.

Человеческие сообщества — «облачные» структуры (в зависимости от ориентации исследователя) могут быть причисляемы либо к актерам, которым исследователь, идентифицируясь с каким-либо сообществом, приписывает некоторые цели и возможности в отношении среды, либо к пассивной среде, с которой актеры что-то делают в своих целях и в силу своих возможностей.

Таким образом, мы предлагаем подвергнуть уточнению тип отношений актора (как «облачной» структуры того или иного типа и уровня) с остальными слоями этой же структуры (воспринимаемой в качестве среды). При взгляде

«наружу» и акцентировании неодоушевленного аспекта наружных слоев «облачной» структуры обсуждаемые отношения имеют *экологический* (пассивный) характер. При взгляде с внешних обводов «облачной» структуры социума «внутри» и/или признании живого, активного начала социума в целом эти отношения приобретают качественно иной характер, который мы называем *гигиеническим*. Проведенное рассуждение может быть повторено в терминах категориальной пары «естественное — искусственное».

Вместо резюме

Наличие в глобальной системе экологической и гигиенической функциональных подсистем является необходимым условием устойчивого воспроизводства культурно-цивилизационной общности.

Возвращаемся к исходному вопросу: является ли культурная единица перспективной первичной единицей анализа для исследования проблемного поля культуры как условия и способа бытия человека?

What is the primary unit of the analysis of culturological problems? For this role the «cultural unit» allocated on a cultural background by means of cultural science or other sciences is offered. We believe that cultural unit is a large-scale system. It allows to specify it in an unlimited number of cultural systems. The concept of culture as set of cultural units is offered. They exist inside one another or are located side by side and they practice cultural policy. The qualifier of methodology types by V. M. Rozin is supplemented with «methodology of cultural unit steady reproduction». In the context of culturological researches category pair ecology-hygiene is discussed. Today the main issue of the agenda consists not in explaining the world as philosophers of antiquity believed, not in changing it what Marx called for, but in returning the world to limits of an evolutionary corridor and in keeping it there.

Keywords: structure, hierarchy, historical process, not stationarity, evolutionary corridor, methodology, hygiene of culture.

Литература

1. *Бжезинский, З.* Еще один шанс / З. Бжезинский. — М. : Международные отношения, 2007. — 240 с.
Bzhezinskij, Z. Eshhe odin shans / Z. Bzhezinskij. — М. : Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2007. — 240 s.
2. *Гидденс, Э.* Последствия современности / Э. Гидденс. — М. : Праксис, 2011. — 352 с.
Giddens, E. Posledstviya sovremennosti / E. Giddens. — М. : Praksis, 2011. — 352 s.
3. *Декарт, Р.* Избранные произведения / Р. Декарт. — М. : Гос. изд-во полит. лит., 1950. — 712 с.
Dekart, R. Izbranny'e proizvedeniya / R. Dekart. — М. : Gos. izd-vo polit. lit., 1950. — 712 s.
4. Единица анализа [Электронный ресурс] // Энцикл. словарь по психологии и педагогике. — Режим доступа: https://psychology_pedagogy.academic.ru/6176/ЕДИНИЦА_АНАЛИЗА
Edinicza analiza [E'lektronny'j resurs] // E'ncikl. slovar' po psixologii i pedagogike. — Rezhim dostupa: https://psychology_pedagogy.academic.ru/6176/ЕДИНИЦА_АНАЛИЗА
5. Ехали в трамвае... [Электронный ресурс] : Культурная единица (Леонов). — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=yMQsdO7kvHg>
Exali v tramvae... [E'lektronny'j resurs] : Kul'turnaya edinicza (Leonov). — Rezhim dostupa: <https://www.youtube.com/watch?v=yMQsdO7kvHg>
6. *Каган, М.* Философия культуры / М. Каган. — СПб., 1966. — 415 с.
Kagan, M. Filosofiya kul'tury' / M. Kagan. — SPb., 1966. — 415 s.
7. *Конфуций.* Лунь-Юй (Беседы и высказывания) / Конфуций // Древнекитайская философия : собрание текстов : в 2 т. — М., 1972. — Т. 1. — С. 139—200.
Konfucij. Lun'-Yuj (Besedy i vy'skazyvaniya) / Konfucij // Drevnekitajskaya filosofiya : sobranie tekstov : v 2 t. — М., 1972. — Т. 1. — С. 139—200.
8. *Левяш, И. Я.* Глобальный мир и геополитика. Культурно-цивилизационное измерение : в 2 кн. / И. Я. Левяш. — Минск : Беларуская навука, 2012. — Кн. 2. — 409 с.
Levyash, I. Ya. Global'ny'j mir i geopolitika. Kul'turno-civilizacionnoe izmerenie : v 2 kn. / I. Ya. Levyash. — Minsk : Belaruskaya navuka, 2012. — Кн. 2. — 409 с.

9. Лихачев, Д. С. Экология культуры [Электронный ресурс] / Д. С. Лихачев. — Режим доступа: http://svitk.ru/004_book_book/16b/3564_lihachev-ekologiya_kulturi.php
Lixachev, D. S. E'kologiya kul'tury [E'lektronnyj resurs] / D. S. Lixachev. — Rezhim dostupa: http://svitk.ru/004_book_book/16b/3564_lihachev-ekologiya_kulturi.php
10. *Мадьяри-Бек, И.* Гигиена культуры как «сильная» версия ее экологии / И. Мадьяри-Бек, О. Сюч, Д. В. Реут // *Междунар. журн. исследований культуры*. — 2015. — № 1. — С. 5—12.
Mad'yari-Bek, I. Gigena kul'tury' kak «sil'naya» versiya ee e'kologii / I. Mad'yari-Bek, O. Syuch, D. V. Reut // *Mezhdunar. zhurn. issledovaniy kul'tury*. — 2015. — № 1. — С. 5—12.
11. *Новиков, А. М.* *Методология* / А. М. Новиков, Д. А. Новиков. — М.: Синтег, 2007. — 668 с.
Novikov, A. M. Metodologiya / A. M. Novikov, D. A. Novikov. — M.: Sinteg, 2007. — 668 s.
12. *Орлова, Э. А.* *История антропологических учений* / Э. А. Орлова. — М.: Альма-матер: Акад. проект, 2010. — 621 с.
Orlova, E. A. Istoriya antropologicheskix uchenij / E. A. Orlova. — M.: Al'ma-mater : Akad. proekt, 2010. — 621 s.
13. Педагогика и логика / Г. П. Щедровицкий [и др.]. — М.: Касталь, 1993. — 416 с.
Pedagogika i logika / G. P. Shhedroviczkiy [i dr.]. — M.: Kastal', 1993. — 416 s.
14. *Реут, Д. В.* *Здоровье в аспектах управления, контроллинга, экономики, прокреации* / Д. В. Реут. — Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. — 336 с.
Reut, D. V. Zdorov'e v aspektax upravleniya, kontrollinga, e'konomiki, prokreacii / D. V. Reut. — Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. — 336 s.
15. *Реут, Д. В.* *Крупномасштабные системы: управление, методология, контроллинг* / Д. В. Реут. — М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2013. — 182 с.
Reut, D. V. Krupnomasshtabny'e sistemy: upravlenie, metodologiya, kontrolling / D. V. Reut. — M.: Izd-vo MG TU im. N. E'. Baumana, 2013. — 182 s.
16. *Розин, В. М.* *Методология: становление и современное состояние* / В. М. Розин. — М.: Моск. психол.-социал. ин-т, 2005. — 414 с.
Rozin, V. M. Metodologiya: stanovlenie i sovremennoe sostoyanie / V. M. Rozin. — M.: Mosk. psixol.-social. in-t, 2005. — 414 s.
17. *Розин, В. М.* *Управление в мировом и российском трендах* / В. М. Розин, Л. Г. Голубкова. — М.: URSS, 2013. — 112 с.
Rozin, V. M. Upravlenie v mirovom i rossijskom trendax / V. M. Rozin, L. G. Golubkova. — M.: URSS, 2013. — 112 s.
18. *Сазонов, Б. В.* *Методология как технология* / Б. В. Сазонов // *Матер. чтений памяти Г. П. Щедровицкого, 2004—2005 гг.* — М., 2005. — С. 267—304.
Sazonov, B. V. Metodologiya kak tehnologiya / B. V. Sazonov // *Mater. chtenij pamyati G. P. Shhedroviczko, 2004—2005 gg.* — M., 2005. — S. 267—304.
19. *Советский энциклопедический словарь*. — М.: Сов. энцикл., 1985. — 1599 с.
Sovetskij e'nciklopedicheskij slovar'. — M.: Sov. e'ncikl., 1985. — 1599 s.
20. *Спиркин, А. Г.* *Методология* / А. Г. Спиркин, Э. Г. Юдин, М. Г. Ярошевский // *Филос. энцикл. словарь* / ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. — М., 1983.
Spirkin, A. G. Metodologiya / A. G. Spirkin, E'. G. Yudin, M. G. Yaroshevskij // *Filos. e'ncikl. slovar'* / red. L. F. Il'ichev [i dr.]. — M., 1983.
21. *Тихонов, А. В.* *Социология управления* / А. В. Тихонов. — М.: КАНОН+, 2007. — 472 с.
Tixonov, A. V. Sociologiya upravleniya / A. V. Tixonov. — M.: KANON+, 2007. — 472 s.
22. *Тойнби, А. Дж.* *Постижение истории: сборник* / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. — М.: Рольф, 2001. — 640 с.
Tojnbj, A. Dzh. Postizhenie istorii: sbornik / A. Dzh. Tojnbj; per. s angl. E. D. Zharkova. — M.: Rol'f, 2001. — 640 s.
23. *Философский энциклопедический словарь* / ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. — М.: Сов. энцикл., 1983. — 840 с.
Filosofskij e'nciklopedicheskij slovar' / red. L. F. Il'ichev [i dr.]. — M.: Sov. e'ncikl., 1983. — 840 s.
24. *Шпенглер, О.* *Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории* / О. Шпенглер. — М.: Мысль, 1993. — Т. 1: Гештальт и действительность. — 664 с.; 1998. — Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. — 606 с.
Shpengler, O. Zakat Evropy: Oчерki morfologii mirovoj istorii / O. Shpengler. — M.: My'sl', 1993. — T. 1: Geshtal't i dejstvitel'nost'. — 664 s.; 1998. — T. 2: Vsemirno-istoricheskie perspektivy'. — 606 s.
25. *Щедровицкий, Г. П.* *Избранные труды* / Г. П. Щедровицкий. — М.: Школа культурной политики, 1995. — 800 с.
Shhedroviczkiy, G. P. Izbranny'e trudy / G. P. Shhedroviczkiy. — M.: Shkola kul'turnoj politiki, 1995. — 800 s.

О. С. Анисимов

Проблемы трансляции культуры мышления и развития теоретической психологии

В статье обсуждается роль мыслительной культуры в теоретическом звене психологии, акцентируется внимание на моментах сопряжения содержательности конструирования теорий и формы мышления. Она выделяется в ходе дискуссий между теоретиками, стремящимися к высокой определенности конструктов. Определенность необходима и в конструировании учебных предметов по психологии, и особо подчеркивается роль диалектической логики как диалектической дедукции.

Ключевые слова: мышление, культура, культура мышления, рефлексия, критерии, ресурсы, субъективность, абстрактное, конкретное.

Общеизвестно, что знание приносит пользу практике через перевод знания в функциональное место нормы действий различного типа, через порождение технологических оснований для решения задач и проблем, через ресурсное обеспечение реализации норм. Резкое увеличение рефлексивных и общемыслительных разработок ведет к потребности в «мыслетехнике» и наличии подготовленных мыслетехников. Следует заметить, что именно отстраненность от культуры мышления тормозит развитие теоретической и всей психологии, что выявляется в дискуссиях с введением позиции «арбитра» [2; 3]. Поэтому необходимо создать приоритет трансляции культуры мышления в психологии. Но уровни мышления и мыслетехники могут быть «докультурными» и в зоне культуры. Мыслетехника как прикладное звено сферы культуры мышления выделяется в методологических разработках и совершенствуется именно в России, подхватившей логические и логико-семиотические результаты мысли в Европе (от А. А. Зиновьева и Э. В. Ильенкова до Г. П. Щедровицкого с его «командой» [5; 6; 7]). Однако мыслительный потенциал существующих исследований в сфере мыслетехники еще не был реализован в соответствующей «разумной парадигме» Гегеля при преобладании рассудочности. Разработки в Московском методолого-педагогическом кружке (ММПК), альтернативной части методологического сообщества, восполнили потенциал разумной мыслетехники и совместили его с потребностями стратегических форм принятия решения, включая создание национального и мирового проектов [4]. Условиями продвижения стали гармонизированные формы совмещения технологий «схемотехники», текстуальной и «объектной» (в применении схематических изображений), «логической» и «онтической», в рамках гегелевского «абсолютного метода». Интегральным выражением этой технологической «машины мысли» выступает созданный в середине 70-х гг. универсальный «Метод работы с текстами» (МРТ) [1]. Благодаря использованию МРТ были созданы парадигмы стратегического, цивилизационного и онтологического мышления, создана единая парадигма, «катехизис» методологического, культурно-мыслительного средства для обслуживания рефлексивных потребностей любого масштаба. Именно это «изделие» выступает инструментарным условием высшей аналитики.

В рамках ММПК есть и проект «Универсального аналитического центра», совмещающего потенциалы разного уровня мыслительности [2; 3]. Но понимание его перспективности, как и всего потенциала ММПК, ограничивается субъективной неготовностью совершенствоваться и развиваться под

требования культуры мышления. Это пока главная причина «замороженности» творческого потенциала России и его неиспользования и даже торможения со стороны определенных кругов политической элиты, сохраняющей («западнической» частью ее) дезориентации, навязанные адептам в 80—90-е гг. Но стереотипы неадекватной мысли держат сознание и «патриотической» части элиты, при интуитивном напряжении активного населения, критикующей часто поверхностную и поэтому неперспективную политику «либералов», сводящуюся к «мелким» шагам вне публичной доказательности их нужности по высоким критериям, сущности и нравственности, культуры мышления. Проблема совершенствования мыслетехники, роста *культуры мышления* выходит на передний план.

Остановимся на раскрытии вышесказанного.

Конструкты и сферы формирования культуры стратегического мышления

Цивилизационное состояние

Чтобы обсуждать состояние цивилизации неслучайным образом, необходимо уйти от преобладания эмпирических форм мышления, рассмотрев сумму сведений как материал мышления со всей его рыхлостью и разнородностью, начать мыслить стратегически, используя «априорные» (по Канту) средства мышления в рамках объектной парадигмы. Опираясь на понятие «цивилизация» и применяя типологический принцип, мы должны различать типы цивилизации и особенности «западного» и «восточного» типов, тип собственно России и США. Разница типов состоит в различии исходного онтологического основания в критериальном обеспечении принятия решений элитой и подчинении народа этим основаниям через образование. В США опорой выступает акцент на преобладании части над целым, а в России в настоящее время осторожно, полупринципиально — приоритет целого над частью. Такой акцент предопределял путь России всегда, в разной степени соответствуя культурно-духовному коду (КДК), даже при «поглощении» западных подсказок. Акценты разные, и следствия очевидные. Капитализм из Европы «переехал» в США при налаженности циклического механизма полных оборотов капитала с участием индустрии и развитой спекулятивной торговли. Спекулятивный капитал, наиболее активный и агрессивный в финансовом блоке онтологии капитала (частного и корпоративного), превратил все иные блоки и общество в целом в своих заложников, создав мировой механизм «пылесоса» капиталов и прибылей. Он надежно обеспечил себе силовую защиту под свободу печатания «денег», создав авианосные и иные единицы агрессивности, подчинения спекулятивной экономике. Все продемонстрировано и в создании агентуры, сообщества террористов и разных адептов в ментально-психологических войнах. Удержать от атомных бомбардировок СССР удалось за счет мобилизации сил Сталиным и действенного потенциала ученых, успевших реализовать атомный и ракетный проекты за счет максимального напряжения страны. Сейчас сдерживание осуществляется быстрым восстановлением ВПК и качества оружия. Не в борьбе идей, а в соревновании по оружию решается судьба цивилизации. Но это лишь предпосылка к борьбе идей, которая пока лишь «тлеет».

Стратегия

Для разработки стратегии нужно видеть страну, цивилизацию типологически определенными, как целое, для начала системно, а потом метасистемно (онтологически), т. е. сущностно и конструктивно по мысли, с понятиями и категориями, с логической формой. Стратегов не обучают профессиональной стороне мышления в моно- и групповом вариантах. Нужны инкубаторы нового типа, формирующие соответствующую культуру мышления, включающего способность к стратегическому мышлению и действию. В рамках ММПК в этом плане были уже апробированы прототипы двух ветвей методологии, «разумной» и «рассудочной», адекватной и неадекватной стратегической позиции и стратегическим притязаниям. Путь, пройденный ММПК с 1999 г., был интенсивным в разработке понятий и технологий стратегического мышления, моделей на материале в том числе и истории России (есть план тренингов для стратегов по истории объемом более 100 тысяч лет, т. к. без знания исторической динамики стратегические проекты лишены надежных подсказок положительного и отрицательного типов). Особенно важны модели иерархического типа в условиях больших управленческих иерархий, как формальных, так и неформальных, похожих на «большие сетевые» комплексы народной стратегической активности. Именно в иерархиях не раскрываются, но указываются недостатки мыслительных взаимодействий из-за неучета сетевых положительных и отрицательных моментов. Именно в реальных иерархиях не соблюдается онтологический принцип гармонизации акцентов на иерархичности и сетевом, идут подмены, синкретизм, своеволие и т. п., спекуляция на ошибках прошлого и настоящего. Нужен надежный «очиститель» (и «выпрямитель»), и он дан самим «методом» Гегеля, названным им как «абсолютный», как действие «абсолютного духа».

Нужен соответствующий новый университет, который мог бы снабдить не только универсальной ориентацией, но и универсальным языком, универсальной онтологией и парадигмой средств взаимопонимания всех специалистов, как необходимое условие разработки определенной стратегии действия, полагающей соответствующий уровень *культуры мышления*. Именно такая парадигма устранил проблему объема информации и даст модели универсальных информационных технологий, моделирования сюжетов и решений с применением высших понятий и категорий. Материалы работы ММПК, полученные за длительный срок, высветили особую остроту проблемы *культуры стратегического мышления* в управленческой системе и значимость научной обоснованности *стратегии действия*. Важно подчеркнуть, что задел уже есть и он достаточен для начала «большого наступления» в рамках макропроектов, для цивилизационных «ударов» таинственных «русских». Мы синтезируем достоинства положительной мысли Востока и Запада.

Наука, технологии и экономика

Значимость науки и техники остается риторически высокой. Производится концентрация инженерных и технологических разработок. Но реализуется принцип «рассыпанности», случайности локализации в учете локальных и иных условий, т. к. нет единой картины трансформации наследия хаоса лет либеральной революции в то, что характерно для единого образа индустрии, ее состояния, смен состояний в пользу внутреннего роста индустрии в рам-

ках роста страны в целом. Беспорядочности «помогает» дисгармонизированность совмещения технико-технологического акцента и экономического, в его капиталистическом проявлении, с принципами поиска возможной и максимальной прибыли, победы в конкуренции. Что хорошо для индивидуально реагирующего на спрос, то плохо для реагирующего от имени общества в целом, как это было в СССР. Сама картина спроса и его динамики достаточно случайна, статистика слаба и остается малозначимой, подстраивающейся под заказ манипуляторов. Служба в целом при таком подходе не дает картины неслучайной динамики, без которой нельзя перейти к расчетам от «структурного» типа, обладающим безответственностью, к расчетам «системного» типа с их неизбежной ответственностью. Картина потенциала реагирования на спрос такова же, особенно в динамике и под избранные цели, притязания. Принцип остается простой: «что-нибудь» подобрать из реального набора ресурсов. Нет понимания обязательности «соответствия» ресурса норме (требованию), технологической или плановой, которое постулировал еще Платон. При случайности или необоснованности норм и случайности ресурсного обеспечения не может быть регулярной и изменяющейся, но налаженности производств и социокультурной жизни в целом, тем более в индустрии. Манипуляции с финансовыми ресурсами в субъектной логике и содержаниями нормативного характера в объектной логике совместно ведут к плохой результативности и очень плохой эффективности, разрушают движение целостности в желаемом направлении, тем более в стратегически значимом направлении. Некоторое улучшение в ВПК связано с приданием большей жесткости в управлении, хотя соблазны капиталистического подхода снижают эффективность технологического успеха. Прибыль остается фактором, легко ведущим не только к иллюзиям «нормальности» союза индустриальной технологичности с экономической адекватностью в рамках либеральной парадигмы в экономике, но и к смещениям в сторону разрушения технологических систем. Все ошибки и иллюзии происходят из-за слабости мышления, его «дообъектных», эмпирических форм. Такое мышление не дает сущностных, неслучайных картин в любой профессии. Инженерно-технологическое образование не включает фактор *культуры мышления* и чаще сводится к интенсификации и увеличению объема знаний, не гарантирующих качество принятия инженерных решений, завися лишь от талантливости наших людей. Таланты дают предпосылку к успеху, а гарантии возникают лишь в ходе особого обучения, особенно того, что демонстрируют в обучении «спецназа» (военного, спортивного, методологического и т. п.). Практически не вычищаются представители спекулятивного «спецназа», оправдывая принцип «свободы» в либеральной экономике или щадя его с оглядкой на Запад во вред всей индустриальной и иной жизни в стране. В целом гармония инженерии, технологизма и экономической неслучайности не налажена, что срезает достигаемые успехи в частностях и локализациях.

Наука и философия

Наука помогает получать неслучайные представления о реальности, но только с той или иной «стороны», изучаемой сначала в эмпирической форме уподобления познающего познаваемому в ходе воздействия на познающего со

всей случайностью состава воздействия, а затем в теоретической схематизации, обобщении, конструировании того, что называют «идеальным объектом». Конструктор, теоретик творчески «свободен», поэтому субъективно случаен в творении и для преодоления случайности конструкта для познания налаживает экспериментальные проверки содержания на их выраженность неслучайного, «глубокого», невидимого, «сущностного» через посредство создания моделей, конструктов видимого плана. Однако при всей полученной неслучайности образов реальности теоретик в науке ответствен лишь за отражение стороны реальности и этим не гарантирует полноту ориентировки практика, в том числе инженера и технолога. Практик вынужден совмещать многие картины реальности и осуществляет это случайно, субъективно, ситуационно. Для придания синтезу односторонних отражений вовлекается философия, конструируя «единое» многих теорий, онтологические образы. Случайное в теоретической работе сопряжено с применением в качестве принципа идеи «структурирования» разнообразного, а при преодолении случайности меняется принцип и возникает идея «системности», что и ведет к появлению требования «объектности» конструируемого образа. Если объектность необходима как условие непротиворечивости синтетической конструкции и в теоретическом звене науки, то в философии она приобретает масштабы мировоззренческие, универсальные, особенно если учесть неизбежность резкого увеличения уровня абстрактности конструкции, ее «всеобщности». А это сопровождается требованиями к особому мышлению, качествам мышления конструктора, требованиями языкового типа, использования абстрактной семантики. Поэтому при совмещении мышления теоретика и философа возникают разногласия, которые начинаются в коммуникации с введением позиции «арбитра» в теоретическом слое и «метаарбитра» в философском слое. Реальная практика согласования в рассматриваемой сфере крайне драматична, насыщена противоречиями в мыслительной ткани, взаимными претензиями. Их тяжесть предопределяется недостаточностью владения культурой соответствующего мышления, чаще полной стихийностью отношений. Теоретики в этом плане остаются чаще «структурными» по их мыслительным технологиям, а позиции философов в этой сфере не доводятся до уровня «системности», тем более «онтологичности» («метасистемности»). Всем этим гарантируются «дообъектность» как онтологий, так и теорий, дезориентация практиков, искаженность содержания подсказок практике. Это особенно присуще стратегическому мышлению, которое функционально опирается на совмещение и гармонизацию объектности уровней системы и метасистемы. Непонимание этого и консервация иллюзий в мышлении стратегов гарантируют отсутствие активного действия. Нет идеальных объектов «страна», «регион», «отрасль» и т. п. как содержательных инструментов в руках стратегов и иных руководителей, т. к. их не учат мыслительному «ремеслу» и *стратегии мыслительного действия* профессионально, оставляя их в плену дилетантизма. Не учат и самих теоретиков, и философов, и аналитиков. Не дают разобраться в устройстве языков «объектного» типа, а не формального, математического типа в применении языкового потенциала в мировоззренческом акценте. Язык с его семантикой сохраняет лишь эмпирический слой и оставляет мыслителей не ведающими всей глубины и поля возможностей для получения сущностных результатов.

Профессиональный язык и логика

Если теоретик построил идеальный объект или приближение к нему, то он предполагает «правильное» прочтение этой конструкции, опираясь на один и тот же язык с потребителем. Но эмпирик основное внимание уделяет «житейскому» языку, который в научной коммуникации имеет многие недостатки, как семантические, так и иные, в том числе и недостаточность грамматической адекватности. При движении в чтении в горизонтали текста грамматические стандарты необходимо регулировать в зависимости от содержания образа, которое удобнее выражать в схематическом изображении, несущем благо конструктивности. При наличии идеального объекта отношение к текстуальному выражению меняется и появляется технология введения вопросов и порождения ответов. Самоорганизация читающего начинает идти к «логичности». Вопрос предполагает опору на часть абстрактного содержания, а не на индивидуальные смыслы, несущие случайность. Последовательность вопросов также должна быть неслучайной в силу особенностей идеального объекта, которому подчинена мысль. Следовательно, передавая свою конструкцию, теоретик, выступающий арбитром для эмпирика или ведущего эксперимент, требует «логичности» в реконструкции воззрения теоретика. Это требование становится принципиальным при прочтении онтологических конструкций, и принципиальность стимулирует вопросы собственно логического типа, всеобщие правила движения мысли, перехода от суждения к суждению. В суждении оформляются единица мысли, соотнесение материала и средства мысли, «субъекта» и «предиката», а логическое правило требует «всеобщего» ответа на переход к иному суждению. В логической реконструкции заданного образа по его содержанию начальным уровнем требований выступает принцип «дополнительности» и он порождает структурную зависимость суждений, которая характерна для дообъектных конструкций. Если такая форма в работе теоретика и потребителя теории в науке еще допустима в начале отношений теоретика и эмпирика, то в философии она недопустима в принципе. Абстрактность онтологий требует конкретизации до уровня теоретического выражения полноты онтологии и полноты ориентировки потребителей, в том числе технологов, инженеров, управленцев и т. п. При господстве принципа дополнительности и структурности исходных оснований онтологии не обеспечивается продвижение к «истине», а происходит отвод от нее к искажениям и иллюзиям. Поэтому формальная логика для философа и для теоретика является негативным источником мысли. При наличии объектного образа учет реальности эмпирии и практики происходит за счет акцентировок и появления «типологических» вариантов идеального объекта в процедуре содержательной дедукции, выведения. Ее форму раскрыл именно Гегель в своем «методе», отраженном, в частности, Марксом в «Капитале». Но драма в философском и теоретическом мышлении состоит в несоблюдении указанных требований. Даже принцип дополнительности чаще остается неконтролируемым в реальной мысли ученых и философов. Поэтому реальное стратегическое проектирование остается логически неадекватным, не налаженным в соответствующих сферах управления, и сама подготовка управленцев часто способствует инерции формализма, в том числе логичности, дедуктивности, не подготавливается возможность «пра-

вильности» построения мысли в тексте коммуникантов на стадии индуктивного обобщения. Вместо логической компетентности и ее предпосылки в семиотической компетентности мы имеем практику субъективной «уверенности» и вытеснения процедур «доказательности». Достаточно внимательно присмотреться к процедурам защиты государственных и иных значимых программ. В них «теряется» технология доказательства, сводимая к субъективной и случайной «убеждаемости» в зависимости от ранга автора. В этом фактор «опыта», его объема не играет серьезной роли, как и факторы активности и «инновационности». Конечные результаты трактуются вне логических критериев. Типологический слой анализа не имеет регулярности и оформленности, тогда как от выявления типа явления и типа объекта зависит содержательный успех в мышлении и в его доказательном предъявлении. При принятии решений для «особенной» страны, региона, отрасли и т. п. типологическая нечувствительность и случайность осуществления ведут к ошибкам и неактуализированности потенциала объекта, к иллюзиям успешности на незначительном материале событий.

Логика и диалектика

Объектная направленность, использующая системный принцип, а затем и метасистемный, опирается на введение абстрактного основания бытия частей системы, равнозначимого для всех частей, которые должны «подстраиваться» под общий критерий. Это очевидно при сравнении «союза» и «федерации», релялизующей структурный принцип. Тем самым в системном объекте возникает не «сетевое», а «иерархическое» сопряжение, где действуют преимущество не «согласования», а «предопределения» полноты властвования. Но объектная парадигма успешна лишь при гармонизации обоих принципов и преимуществ и ситуационной адекватности в выработке пропорций инициатив. *Именно онтологическая «правильность» предопределяет мыслительный успех, а затем и успех в плане действий.* Не случайно в философии искали исходное основание и Аристотель заимствовал у онтологов диалектику, борьбу и согласованность в отождествлении противоположностей. Однако это исходное основание должно было пройти два тысячелетия, пока Гегель не показал форму конкретизации при опоре на «клеточку». Его дедукция стала диалектической, и все философы, теоретики, стратеги в своем мышлении должны были стать приверженцами логики с диалектикой. Однако инерция практицизма и эмпиризма воплощается повседневно, маскируясь озабоченностью ситуациями, чаще сложными и непредсказуемыми. Профессионализм в мышлении управленцев порой съезживается и реально снижается, а время реализации значимых проектов резко удлиняется, с чем регулярно мирятся. Не опознается потенциал диалектической мысли, которая начинается с рассмотрения отношений противоположных начал в принципе, а затем в реальных сюжетах, но опираясь на характерную типичность объекта управления. Такие модели и технологии остаются вне рассмотрения, в то время как они резко сокращают время разработки решений и усиливают доказательный потенциал. Модели и технологии, вносимые в учебный процесс, заимствуемые у «развитого Запада», не выдерживают конкуренции с теми моделями и технологиями, которые реально опираются на культуру мышления, и это показано в методологическом пространстве игромоделирования.

Логика, диалектика и история

В цикле принятия стратегических решений важную роль играет *историческая ориентированность*, т. к. образ будущего должен создаваться не только и не столько «по желанию», сколько в «вычислении» возможного в онтологическом и цивилизационном мировидении и в соотношении с динамикой реального объекта управления, подчиненной тем же «законам» бытия, полагающего этапы «прошлого», «настоящего» и «будущего». Чем более длительный период истории учитывается стратегом с его сюжетами и состояниями объекта управления и средой бытия в глобальном цивилизационном сообществе, тем более реалистичны создаваемые образы будущего и стратегии их воплощения. Но неслучайность исторического анализа, реконструкции и прогнозирования предопределяется неслучайностью мышления историка, его оформленностью в семиотизации, логизации и онтологизации, в преодолении иллюзий эмпиризма, обладающего высокой инерциальностью, и ведущих к бесперспективности «учета уникальности событий и состояний объекта» вне сущностного взгляда на случайное. Неслучайность опирается на использование идеальных объектов и неслучайность мыслетехники при работе с материалом истории. Нужны понятия «бытие», «цивилизация», типология объектов и отношений между ними, диалектические атрибуты объектов, формы выведения образов исторических сюжетов и сюжетов возможного будущего и т. п.

Стратеги в реальном управлении должны компетентно соучаствовать (что, как правило, не соблюдается) в историческом слое аналитики, в формах игромоделирования, предшествующих принятию решений, и рассматривать негативные и позитивные решения в сценическом пространстве. Игромоделирование остается вне культурно-критериальной «оболочки» в управлении, в том числе и стратегическом, и цивилизационном, и глобальном, и региональном. Приоритетом остается взаимовлияние мнений в парадигме досократовского периода. Бесперспективность такой практики не осознается.

Некоторые принципы управления

Диалектика и соотношение развития и безопасности в управлении

Бытие объекта предполагает наличие в нем механизма самосохранения, включая и «безопасность» как в функционировании, так и в совершенствовании и развитии, а также в редукации объекта. В динамике бытия акцентированное воздействие начал на разных стадиях циклов приводит к колебаниям положительных и отрицательных последствий. Но стабильность этих воздействий зависит от динамики развития исторических событий.

Страна как цивилизационная единица может иметь качественно разные состояния при одном и том же качественном типе. И Россия, несмотря на изменения ее подтипов состояний (Русь, царство, империя, СССР и т. п.), остается приверженицей того типа цивилизации, в которой предпочитается целое над частью, уважение партнеров, соблюдение правил макроцелостностей, ненасилие над частями, кроме «корректировочных» эпизодов во имя блага целого. Именно этот тип цивилизации стимулировал активность противоположного типа, его агрессивность, внесение неприемлемого и т. п., что пред-

ставлено и в настоящем цивилизационном противостоянии. Это показано, в частности, в исследованиях ММПК с применением понятийного арсенала методологии в нашей «разумной» парадигматике. Но развитие не тождественно совершенствованию и изменениям, т. к. функционально-онтологические рамки в функционировании и совершенствовании не изменяются, меняя состояния как соотношенность противоположностей, а в развитии рамки меняются в пределах допустимого исходному основанию, потенциальности, «самости» объекта. Самосохранность самости допускает моменты несохранности в более конкретных проявлениях, например при заимствовании морфологии неприемлемого типа «со стороны». Это продемонстрировано в либеральной революции в России и переходе к своей специфичности в «возрождении», начавшемся сейчас. Важно подчеркнуть, что мыслительные реконструкции и расчеты эмпирического и стихийного типа не дают желаемых и надежных результатов. Однако именно это и происходит в поиске «удачных» проектов и прогнозов в огромном массиве малополезной интеллектуальной работы в ситуационных центрах, т. к. нет налаженного арбитража процессов и результатов, а также сохраняется инерция оценок «на интеллектуальный глазок», на мнение того, кто считается более опытным, т. е. представителем досократовской мысли. То же самое можно сказать о мыслительных расчетах по линии безопасности, оценки угроз, сопоставления и иерархизации угроз.

Цивилизационная безопасность

Цивилизационная безопасность «вообще» ориентирует аналитика на сущностное в бытии цивилизации и помогает выйти на типологию, учитывающую типы цивилизации. Безопасность для США как самоназванного гегемона мирового бытия с общим спекулятивно-финансовым глобальным механизмом по содержанию иное, чем безопасность Китая с его социалистической парадигмой либо безопасность СССР в период лидерства в социалистическом лагере. Но это в приложении к типологии цивилизаций. В древние времена функционал цивилизации включал три силы: «социум» (народ, этнос в его исходном выражении, в подчинении принципу природности и т. п.), «правителей» и «жречество» (волхвы, носители высших знаний, критериев, КДК, учителя народа). Триада составляла систему «рода», в котором онтологически представлены и «форма» (жрецы), и «морфология» (социум), и «организатор» (правители) как совместитель противоположного, динамизатор, реагирующий на внешние и внутренние факторы бытия. Частично семья воспроизводила род, но с увеличением момента согласованности, структурности, в отличие от увеличенности момента системности и даже метасистемности за счет высших критериев. Федерации родов составляли «сетевую» целостность с моментами «иерархичности» целого. В периоды опасностей как природного, так и иного, военного и тому подобного типов момент иерархичности и системности возрастал, например в Греции путем избрания «стратегов» для войны. Онтологическая основа устройства рода трансформировалась в государства и империи при возрастании роли управления, а семья больше реализовывалась в форме федеральных «союзов» городских единиц с их окрестностями. Неслучайность реагирования на сюжеты бытия единиц в целом обеспечивалась в ситуационном измерении прагматически в управлении, а надпрагматически, «по сути», в общении со жрецами, например, при

поиске ответов на вопросы к оракулам. Угасание роли жрецов и деградация жрецов вели к приоритету «власти» как таковой, к тенденции признания и утверждения случайных решений «власти» и ее абсолютизации. Такие формы деградации объяснимы в диалектической парадигме в рамках цикличности динамики бытия. Но в зависимости от типов цивилизации акценты на «правильности» и существенности и на «неправильности» и ситуационном самовыражении имели разную представленность и пропорцию в едином. А глобальная целостность диалектически должна совмещать эти акценты в их допустимой по сути гармонизации за счет адаптации типовых единиц к интересам глобального целого. Тем самым если опасность «вообще» связана с переходом от состояния структурной неуравновешенности различных сил, вытесняющей воспроизводство бытия, а безопасность — с возвращением к системности и повышенной системности, метасистемности, подчиненности законам универсума, то внутренние и внешние факторы влияния на смещение акцентов становятся выделяемыми для аналитики безопасности. Степень влияния двух направлений определяется устройством того или иного блока целого. Прагматический блок может менять направления влияния в зависимости от мотивационных установок и сюжетов, а надпрагматический блок твердо держит тип влияния, например определенного исходными основаниями, КДК в рамках типа цивилизации. Поэтому сила влияния учитывается в согласовании трех типов сил в создании или модифицировании, смены типа цивилизации, согласовании ведущих предложений. Но согласование зависит от внутреннего потенциала реальных образцов сил, в частности этногенетического потенциала, потенциала управления, культурно-духовного потенциала, складывающихся в динамике истории. Так как все варианты зависят от наличия имеющегося разнородного потенциала и меняющихся внешних, например, природных условий или силы воздействия «пришельцев», от ноосферных условий, то требуется полноценная аналитика с привлечением арсенала культуры мышления. Высшую эффективность аналитика приобретает в совмещении онтологического, логического и семиотического слоев технологий при высшем уровне развитости субъективности, мотивационности и рефлексивной гибкости, корректности. Только при этих условиях функция безопасности в цивилизации, как и функция развития или совершенствования, будет обеспечена в реализации при подчинении получаемым результатам практической деятельности и наличии достаточных ресурсов. Однако такая установка корректируется в зависимости от того, что имеет реальная цивилизационная единица. Следовательно, общий принцип требует конкретизации и модификации в реальных условиях и более сложной, «тонкой» технологизации нормирования. Без достаточного уровня мыслительного потенциала, мастерства и следования требованиям культуры мышления желаемое останется в зоне пожеланий. Требуется налаженность и совершенствование службы цивилизационной безопасности в соотношении с цивилизационным развитием при сохранении этого приоритета как ведущего в управлении. Такой направленности мы не видим, отмечая инерцию подходов вне данной установки от имени сути дела. Нет специальной подготовки профессионалов в линии цивилизационной рефлексии, консультирования, корректирования, организационного оформления и т. п. Даже кризисные явления в цивилизации сводятся ко многим сопровождающим, непредопределяющим материалам для мысли. Например, глобальный кризис трактуется как «экономический» или «финансово-экономический», как

«нравственный» и т. п., разделяя составляющие моменты единого цивилизационного кризиса. Подобная практика мысли, в частности, господствует, например, в западной медицинской диагностике и терапии, в отличие от восточной.

Идеи и идеалы, идеология

Цивилизация соединяет природную единичность с культурно-духовной всеобщностью через посредство прагматики управления. В рамках деятельностного мира единицей предстает гармонизированное единство «действия», «рефлексии» и «критериальных средств». Однако чаще критериальное обеспечение «отстраняется» от связки действий и их рефлексии, а в рутинных формах действий сокращается участие рефлексии. Этим снижаются потенциал деятельности и возможность актуализации инновационной динамики. Но актуализация зависит от общих условий вовлечения деятельности в системы и макросистемы бытия в стране и мире. Развитие индустрии и крупных социокультурных систем далеко не всегда подчиняется законам цивилизации и может создавать кризисы при таком игнорировании. Базисной причиной в порождении кризиса может быть дисгармонизация отношений общества, ее лидеров с эгоистической нравственностью в акцентировке на ведущей роли управленческого самовыражения вне подчинения законам универсума, вне корректного учета миропонимания, в рамках искаженного мировоззрения и мироотношения. Следовательно, управленческая «идея» как всеобщий ориентир, выделяемый из мировоззрения, заменялся прагматическим целеполаганием, а наилучшим типом содержания цели, «идеалом» служило то, что соответствует не бытию, а устремлению конкретных лидеров. Мотивация к нему оформляла содержание «ценности». При такой прагматизации сущность цивилизации «выветривается». Не случайно противники развитой цивилизации стремятся обеспечить через адептов снижение роли культуры и духовности, исказить их содержательность и маскировать эти усилия всеми средствами, в том числе СМИ и образованием, корректируя их основания и актуализацию, внося дезинформацию. Борьба переносится в план коррекции сознания и самосознания, «самости» активной части общества, что продемонстрировано в XX в. в ходе «холодной войны» и продолжается в настоящее время. Только интуиция и здравый «инстинкт» населения и его осознающих вредность инерции «безыдейности» и отсутствия идеалов лидеров частично нейтрализуют опасности для будущего существования страны. Попытки стихийно, на уровне «здравого разума», внести идеи и идеалы дают крайне слабые результаты в воспитательном процессе и чаще продолжают линию дезориентации. Идеи и идеалы являются результатами особого содержательного мыслительного конструирования и становятся предпосылкой «сценария» ответственного, неслучайного бытия, стимулирующими идентификацию с базисными персонажами. Для их усвоения нужны театральные инкубаторы воспитательного типа и наличие необходимого корпуса воспитателей, методистов и т. п., наличие соответствующих учебных комплексов. Кроме того, необходима вся инфраструктура воспитательного механизма в стране, поддерживающая рост мотивационной самоорганизации. Этим занимаются партийные системы и в меньшей степени общественные организации. Но именно государственное управление должно заботиться о функциониро-

вании и совершенствовании воспитательной системы, осознавая потенциал опасностей в случае ослабления такой системы. Заимствуя «западные ценности» и иллюзорные «подсказки» конкурентов в цивилизационной динамике, Россия резко уменьшила потенциал мотивационной защищенности и продолжает либо не замечать опасности, либо уходить от их вытеснения под разными предложениями и «обоснованиями», ссылаясь на универсальные ценности «свободы» самовыражения. В то же время особенностью идеала, в отличие от целей, является его недостижимость, и его роль в основном сосредоточена в ориентации при постановке целей, в том числе и *стратегических*. Содержание идеала может быть более конкретно выражено в моделировании, как это осуществляется в сценарном конструировании. Идеалы интенсифицируют устремленность к «лучшему» будущему, влияют на совершенствование мотивационно-ценностной базы личности, сближают личность с идеологически ориентированным сообществом через посредство уподобления и идентификации, стимулируют обобщение имеющихся мотивов. Однако содержание идеала извлекается из содержания идеи, мировоззрения в целом, переакцентируя модальность отражения реальности на требовательность к самоорганизации и воплощению в конкретных условиях. Они помогают прогнозировать будущее и стремиться к нему.

Трансляция культуры мышления и роль «катехизиса»

Трансляция как образовательный процесс опирается на специальную организацию отношений «ученика» и «учителя», которой ученик самоопределен к новому уровню способностей, соответствующему новому уровню сложности решаемых типовых задач в той или иной области. Эти задачи должны быть сконструированы на материале практики и обеспечивать, при их решении, устойчивый успех. Повышение уровня способностей рассматривается как диалектический переход с двумя основными этапами, «отрицаниями»: отрицанием прежнего уровня и отрицанием отрицания в прикреплении к новому уровню. Внутренний мир ученика имеет инерцию прежнего состояния развитости и этим создает сопротивление устремленности к новому состоянию. Это осознает ученик и создает попытки приведения прежнего состояния к соответствию новым требованиям, которые еще необходимо «понять» и «принять», что не исключает драматизма торможения от имени актуального состояния. Поэтому нужны «приемы», «уловки», терпение в повторениях, рефлексия хода трансформации, выявление в ней моментов продвижения, затруднений, их причин, поиски маневров преодоления и т. п. Роль учителя состоит в организации неизбежных фрагментов процесса в цикле первого и второго отрицаний, в фиксации форм, уже имеющихся в проявлениях поведения ученика, и во внесении предложений, «подсказок», если учитель считает, что ученик готов подхватить подсказку. У каждого ученика свои потенциал и опыт, готовность идти в указанном цикле. Учитель изучает, диагностирует состояние и динамику ученика, используя результаты в рефлексивном управлении. Однако образование имеет функцию неслучайного успеха и в ограниченное время, что касается и учителя, и ученика. Кроме того, гарантированность содержательного успеха касается всего объема усваиваемого, определяемого конструктором учебно-воспита-

тельного плана, программы и т. п., т. к. ученик готовится к успешному бытию в обществе. Учитывая разнообразие видов бытия, многообразие знаний, технологических единиц в каждой сфере целого, страны, цивилизации, конструирование типовых задач становится центральной проблемой как создание типового набора сценариев ученического постижения. Источником набора типов выступает мировоззренческая картина в разной степени абстрактности, начиная от высшей, онтологической. Она позволяет маневрировать в локализациях и акцентировках, в типологических секторах. Именно это осуществлял Лютер, учитывая потребности стереотипизации, идеализации, схематизации смыслов, вкладов со стороны понятий и категорий, но в формах теологичности. Лютер конструировал «катехизис» для погружения новых адептов христианства в духовное бытие. Аналогичное осуществлялось в методологии, реализуемой в ММПК, создавая своего рода словарь, современную мыслетехническую парадигму. Она должна быть достаточной для реализации идеи формирования универсальной способности к решению любых мыслительных, рефлексивных задач и для постановки, решения проблем. Для повышения потенциала мыслительности в наиболее значимых звеньях управленческого сообщества были осуществлены пилотные проекты подготовки управленцев к принятию стратегических решений на основе требований культуры мышления. Мы осознаем потребность в этом и для аналитического пространства, и для разрешения мирового и национального кризисов.

Роль культуры мышления более очевидна в теоретических разработках в силу их конструктивности, «априорности» по Канту и «спекулятивности» по Гегелю. Но эта роль еще более важна в конструировании учебных предметов в слое понятийной базы для привлечения учебных образцов сюжетов субъективной жизни, а также в организации теоретических и сюжетных дискуссий на учебных занятиях, тренингах. Так, до сих пор соотношение категорий «субъект» и «личность» остается недоопределенным и зависит от особенностей акцентов в научной школе. Остается неоконченной дискуссия о различии категорий «жизнедеятельность» и «деятельность», о присущности животным сознания, о внутреннем разделении сознания и самосознания и т. п. Преодоление разногласий возможно лишь с опорой на участие в арбитражном критерии культуры мышления. Мы использовали для этого критерий «метода Гегеля».

The article discusses the role of mental culture on the theoretical level of psychology, focusing on the conjugations between the content of the theories construction and forms of thinking. The mental culture appears in the course of discussions between theorists who strive for high certainty of constructs. While the certainty is necessary in the construction of educational subjects in psychology and emphasizes the role of dialectical logic as a dialectical deduction.

Keywords: thinking, culture, culture of thinking, reflection, criteria, resources, subjectivity, abstract, concrete.

Литература

1. *Анисимов, О. С.* Метод работы с текстами и интеллектуальное развитие / О. С. Анисимов. — М., 2001.
Anisimov, O. S. Metod raboty s tekstami i intellektual'noe razvitie / O. S. Anisimov. — М., 2001.
2. *Анисимов, О. С.* Культура принятия решений: диалоговые модели : в 2 т. / О. С. Анисимов. — М., 2002.
Anisimov, O. S. Kul'tura prinyatiya reshenij: dialogovy'e modeli : v 2 t. / O. S. Anisimov. — М., 2002.

3. Анисимов, О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. — М., 2016. — Вып. 44 : Логика Гегеля в контексте трех уровней мыслительных технологических укладов.
Anisimov, O. S. My'shlenie stratega: model'ny'e syuzhety'. — M., 2016. — Vy'p. 44 : Logika Gegelya v kontekste trex urovnej my'slitel'ny'x technologicheskix ukладov.
4. Анисимов, О. С. На пути к мировому цивилизационному проекту и России в нем (версия СЭВ и ММПК) / О. С. Анисимов. — М., 2018.
Anisimov, O. S. Na puti k mirovomu civilizacionnomu proektu i Rossii v nem (versiya SE'V i MМPK) / O. S. Anisimov. — M., 2018.
5. Зиновьев, А. А. Очерки комплексной логики / А. А. Зиновьев. — М., 2000.
Zinov'ev, A. A. Oчерki kompleksnoj logiki / A. A. Zinov'ev. — M., 2000.
6. Ильенков, Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении / Э. В. Ильенков. — М., 1997.
Il'enkov, E'. V. Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom my'shlenii / E'. V. Il'enkov. — M., 1997.
7. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. — М., 1995.
Shhedroviczkiy, G. P. Izbranny'e trudy' / G. P. Shhedroviczkiy. — M., 1995.

С. К. Бондырева

Культура этноса и проблемы культуры межэтнических отношений в современном мире

В статье рассматривается проблема определения характера взаимодействия этносов в современной ситуации. Ставится вопрос о необходимости выработки понятий, отвечающих современным требованиям построения отношений этносов не только на базе толерантности, но и на основе активного взаимодействия.

Ключевые слова: толерантность, этнос, отношения, взаимодействие.

Проблемы этноса, культуры и условий его функционирования в современном мире — из числа наиболее актуальных и одновременно сложных. Это проблема специфики культуры этноса, его определяющей, соотношения этноса и нации, взаимосвязи этноса и государства; проблема развития этноса в рамках социокультурных и политических общностей, например отношений в рамках европейской культуры и культуры Востока и внутри них (Германия и Франция или Китай и Иран и др.); проблема соотношения традиционной этнической культуры и присваиваемых этносом общечеловеческих достижений культуры и техники и, наконец, проблема развития этноса в современной сложной ситуации функционирования человеческого Сообщества [1; 2]. В мире возникает все больше и больше общечеловеческих проблем, связанных со многими и разными надвигающимися кризисами (экологическим, экономическим, демографическим и т. д.) и осложнением общей ситуации (политической, социальной) развития Общества. Увеличились частота и количество передвижений населения, резко возросли миграционные потоки, и возникли, с одной стороны, проблемы адаптации мигрантов и с другой — соответствующие проблемы стран, в которых в наибольшей степени оседают мигранты. В какой степени и как вписываются мигранты в *культурную среду* другого этноса, национального государства, на территории которого они оседают?¹. С одной стороны, эмигранты активно (но вынужденно) принимают многие нормы и осваивают новые правила организации жизнедеятельности общества страны, в которой они очутились, с другой — пытаются максимально следовать тради-

¹ Так, «каждое современное европейское государство стоит перед необходимостью выработки решений, касающихся определения понятия гражданства, включающего принадлежность к определенному набору ценностей, с одной стороны, и культурной идентичности — с другой» [15. С. 57].

циям своей национальной культуры и проявляют свой национальный характер в пространстве организации своей жизнедеятельности. И «француз, араб, русский, киргиз, эстонец, американец поведут себя по-разному в одинаковых жизненных ситуациях, по-разному обустраивают свои жилища (несмотря на тенденцию к унификации), организуют свой бизнес, досуг и т. д.» [11. С. 34]. Возникает проблема специфики миграции в многонациональном человеческом сообществе *сегодня*, когда резко усилились потоки передвижения людей в целом. Формируются сложные и многохарактерные (экономические, культурные, политические и др.) отношения между разными странами (примером может служить создание Европейского экономического сообщества). Расширяются информационные сети и пространства, включающие человека в сложные межкультурные связи. Возникает потребность в освоении этносами многих значимых, в частности технических, достижений как важного условия сохранения этносом необходимого потенциала в системе межкультурных, экономических, политических связей и т. д. Происходит своего рода унификация многих феноменов организации жизнедеятельности, становящихся общекультурными, общечеловеческими. И в то же время все более четко фиксируется тенденция к усилению и углублению самоидентификации этносов [13; 14; 15; 16; 17].

«Начиная с 60—70 гг. нашего столетия в мировом масштабе наметились, — пишет Т. Г. Стефаненко, — процессы, характеризующиеся стремлением народов сохранить свою самобытность, подчеркнуть уникальность бытовой культуры и психологического склада, всплеском у многих миллионов людей осознания своей принадлежности к определенному этносу — национального самосознания или этнической идентичности...» [14. С. 20]. В наши дни ситуация усложнилась за счет углубления всех вышеназванных тенденций и обострилась — в познании и решении проблем этноса в новой исторической действительности. Актуализировались, в частности, проблемы толерантности, межкультурной коммуникации как феноменов культуры отношений, ставшей условием сохранения культуры человечества и самого человека.

Как сохранить *культурное разнообразие* и *многообразие* человеческого сообщества (а по разным критериям и демографическим показателям в мире насчитывается от 3 000 до 5 000 тысяч этносов (см.: [8. С. 249])), фиксирующие объективно культурный потенциал единого человечества во всей сложности его представленности в культуре? Не случайно проблемы этноса стали предметом активного исследования в философии, социологии, истории, археологии, этнографии, где в качестве самостоятельной вычленилась этническая психология [9]. И не случайно растет количество исследований, посвященных разным проблемам и аспектам познания этноса¹: времени и условиям происхождения², определению, характеристикам, которые четко различаются — одеждой, кухней, хозяйственной деятельностью, проблемами языка (в котором особенно ярко проявляется этническое своеобразие), уровню самосознания и самоидентификации этносов, проблемам *этнической культуры* (как особой в культур-

¹ Проблемам психологии этноса были, в частности, посвящены два выпуска журнала «Мир психологии» — № 2 за 1997 г. и № 3 за 2009 г.

² Время появления этноса относят в одних случаях к нижнему палеолиту, в других — к верхнему палеолиту — мезолиту.

ном пространстве), истории этносов и другим показателям, формирующим их устойчивость как *особого культурно-исторического явления*.

В то же время этносы исторически развиваются, во все большей степени вливаясь на новом уровне своего исторического осуществления в общеисторический поток развития Общества, усваивая культурные нормы, характерные для *исторически* определенного состояния сообщества. При этом некоторые этносы прошли сложный путь от первобытной общины до индустриальных обществ, сохраняя свою специфику на всей дистанции своего исторического движения [4; 7]. В этом плане и в целом важно учитывать специфику условий функционирования и происхождения этносов, в частности природное окружение, в котором формировался и развивался этнос, складывалась его культура. Достаточно сравнить мелодии, хозяйственную деятельность и традиции, например, казахов (живущих на равнинных просторах) и таджиков (живущих в изломанных пространствах гор). «И наборы музыкальных инструментов разнятся в разных историко-культурных регионах мира. Струнные и духовые инструменты характерны для Европы и значительной части Азии, издавна задают здесь тон... Северная Азия, большая часть Африки и Юго-Восточной Азии выдвигают на первое место инструменты ударные: бубны, барабаны, гонги, силофоны; гитары разошлись по всему миру из Латинской Америки» [3. С. 8].

Большое значение приобретают *окружение*, в котором формировался и развивался с другими этносами конкретный этнос, и характер и степень развитости его связей.

Одним словом, проблемы этноса и культуры этноса как *главного маркера его специфики* выступают многопланово обусловленными.

Притом именно специфическая культура этноса, особенно значимая в его устойчивости, в его историческом развитии, с одной стороны, а с другой — вписывание этноса в общеисторический процесс и присвоение им необходимых культурных достижений, общих человеческих норм и форм необходимого поведения создают сложность в познании проблемы культурного развития конкретного этноса, функционирующего в двух культурных пространствах. Но именно двойственная позиция этноса приобретает особую значимость в его осмыслении. И значимым становится, во-первых, осмысление функциональной нагрузки конкретного этноса в современных преобразованиях и, во-вторых, углубление познания этноса как *особого культурно-исторического явления* на современном этапе развития и в исторически новой среде. В этом плане возникает много проблем, главной из которых является, что отмечалось выше, как сохранить многообразие этнических культур при расширении их связей и исторически новых нормах и условиях функционирования Общества.

Существует множество определений этноса, разных по своим акцентам, обобщенности, глубине и т. д. Достаточно полное определение последнего приводит М. Б. Ешич, который определяет этнос следующим образом. Этнос — «это *компактная или дисперсная исторически сложившаяся группа (множество) людей, живущих в определенных (также исторически меняющихся) сообществах, группа людей, обладающих сознанием, знанием своей исторически существующей общности, хранящих и использующих в своей актуальной жизнедеятельности определенный общий для них*

естественный язык, те или иные комплексы культуры, а также традиции и поведения и образа жизни, сформированные в их сообществах в прошлом. Короче говоря, этнос как *реалия в жизни человека* — это некоторое множество людей, обладающих неким набором общих для них характеристик, обособляющих их среди других групп людских индивидов и других групп людей, чьи характеристики того же типа отличаются по своим конкретным параметрам» [8. С. 255]. Однако в этом определении не актуализирована культура как общий показатель этнической специфики и основания этнической идентификации и самоидентификации. Последний момент подчеркивается во многих других определениях, например в этнопсихологических исследованиях Т. Г. Стефаненко, Л. Г. Почебута, Д. Мацумото и др. Так, согласно Д. Мацумото, «культура — это динамическая система правил, эксплицитных и имплицитных, установленных группами с целью обеспечить свое выживание, включая установки, ценности, предвзвешивания, нормы и модели поведения, общие для группы, но реализуемые различным образом каждым специфическим объединением внутри группы, передаваемые из поколения в поколение, относительно устойчивые, но способные изменяться во времени» (курсив мой. — С. Б.) [10. С. 12—13]. Именно сохранение такой устойчивости, полагающей глубокую степень *этнической идентификации*, обеспечивает сохранение и развитие этноса как особой социокультурной группы и способность ее к культурно-историческому развитию.

Но во все большей степени актуализируется включение этносов в сложные процессы культурно-исторических преобразований в современном обществе практически как условие выживания в новом сложном мире. При этом более жестко выступает задача их сохранения при вписывании в общее историческое движение общества и активнее вырисовывается проблема *отношений* этносов в быстро исторически изменяющемся мире с учетом сохранения связей и в сотрудничестве с другими этносами. *Культура отношений* как необходимый момент взаимодействия этносов выходит на первый план и одновременно требует тщательного и глубокого осмысления их как отношений специфических.

Еще в 1995 г., 16 ноября в Париже, 185 государствами, включая Россию, была подписана декларация, согласно которой «толерантность означает принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности» [16. С. 6]. Декларация предусматривала «терпимое отношение к иным национальностям, расам, языку, религии» [Там же. С. 60]. Проблема толерантности в современных условиях становится еще более актуальной в контексте усложнения общей исторической ситуации развития современного общества, проблем экономического, социального, политического развития его, а поэтому усложнения проблем национальных. Не случайно эта проблема актуализировалась в рамках этнической психологии, где тема толерантности стала одной из основных как важный момент сохранения культурного разнообразия населения планеты.

«Этническая толерантность — установка на терпимое, уважительное, дружелюбное отношение к людям, принадлежащим к чужим этническим группам, воспитанным на образцах и ценностях иной культуры!» — отмечается в работе Л. Г. Почебута «Кросс-культурная и этническая психология». И далее:

«Этническая толерантность исключает этноцентризм, экстремизм, национализм» [12. С. 37—38, 134].

Но проблема формирования межэтнических отношений в современном мире, в условиях глобализации, значительно усложняется. И объективно сформированная ситуация исторического развития современного общества предъявляет реально новые требования к формированию *культуры межэтнических отношений* нового уровня, которая полагает не только терпимое и дружелюбное отношение к другим этническим группам, но и заинтересованность *в общем*, в сохранении общезначимых моментов, форм, типов и уровней *культурных достижений* разных этносов и общекультурных достижений в историческом развитии общества. При этом не просто в силу жесткой необходимости, а при *понимании значимости совместных действий* в осуществлении дальнейшего исторического движения общества по пути общего (для всех) прогресса, обеспечивающего новые возможности развития как для всего Общества, так и для каждого этноса, в том числе, что важно, *для его национальной культуры, во-первых, и присвоения им общих культурных достижений человека, во-вторых*. А это полагает и уважительные, и *действенные* отношения между всеми субъектами развития современного общества — этносами, нациями, государствами, когда главным становится не просто уважительное, дружелюбное отношение к другому этносу, что является важным не только политическим, общесоциальным, общекультурным достижением. Значимой становится активная *действенность* в сохранении взаимодействия этносов как условия существования в мире. Условием не только существования в мире, но и сохранения культурного потенциала всего этнического многообразия как важного основания развития человечества, его культурных достижений, *во-первых*. *Во-вторых*, важно понимание того, что этнос, вписанный в современный мир, при объективной сложной втянутости в общие процессы развития Сообщества, приобретает новые значимые для своего функционирования и развития достижения (в том числе трансформированные в рамках национальной культуры). Культура этноса не остается неподвижной при всей силе действия традиций — появляются новые национальные культурные произведения, музыкальные, литературные и др., в том числе общезначимые научные и технические. Этнос при всей устойчивости традиций выступает как активно развивающийся субъект истории. Именно поэтому современное развитие многоэтнического, многоязычного общества полагает необходимость не только терпимости и уважения к культуре других этносов, но и *активной действенности* всех этносов в решении общих проблем, определяющей их общее развитие, с одной стороны, и обеспечивающей условия активного саморазвития каждого этноса в новой среде, в новых условиях — с другой. Именно такая *действенность во взаимодействии* этносов становится важным условием сохранения этноса и роста культурного потенциала каждого этноса, *во-первых*, и поэтому культурного потенциала всего Общества, *во-вторых*. Но такая *действенность* полагает особую *культуру отношений и взаимоотношений*, взаимопонимания этносов, *понимания* ими сути таких отношений.

А. В. Гордон, опираясь на работу А. В. Михайлова «Гете и поэзия Востока» [5], приводит, в частности, цитату, характеризующую следующую значимую в этом плане позицию Гете: «Особенности каждой нации нужно знать — чтобы

оставить их ей, чтобы именно благодаря им сообщаться с ней...» И главное во взаимодействии, «когда оставляешь в покое все особенное, что присуще отдельным людям и народностям, крепко придерживаясь того, однако, убеждения, что подлинно ценное отмечено одним — оно принадлежит всему человечеству» (цит. по: [б. С. 124]).

Это полагает новое понимание культуры межэтнических отношений, понимание углубления смысла *действенности межэтнических отношений* в общем развитии современного общества и его Культуры, во-первых, и *действенности* собственной культуры каждого этноса как субъекта таких отношений, сохраняющих свою специфику (при реальном саморазвитии их в новых условиях), во-вторых. А это, в свою очередь, полагает не только толерантность (в ее современном понимании), но и формирование соответствующего нового уровня и характера особой, более сложной *культуры межэтнических отношений в современном обществе*. Возникает проблема выработки специального (наряду с толерантностью) *особого понятия*, отражающего новый уровень культуры отношений и взаимодействия этносов, полагающих необходимость и уважать культуру другого этноса, и владеть особым *уровнем и характером культуры построения новых межэтнических отношений*. Речь идет о построении отношений, *действенных* в углублении межэтнических связей (взаимосвязей), в выстраивании нового пространства существования этносов в новом пространстве функционирования *современного Общества и как условия не только (объективно обусловленного) сохранения, но и развития каждого этноса в новом современном мире*.

The article deals with the problem of determining the nature of the interaction of ethnic groups in the modern situation. The question is raised about the need to develop concepts that meet the modern requirements of building ethnic relations, not only on the basis of tolerance, but also on the basis of active interaction.

Keywords: tolerance, ethnoscience, relations, interaction.

Литература

1. *Бондырева, С. К.* Миграция (сущность и явление) / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. — 2-е изд., стер. — М.: Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2007.
Bondy'reva, S. K. Migraciya (sushhnost' i yavlenie) / S. K. Bondy'reva, D. V. Kolesov. — 2-e izd., ster. — M.: Izd-vo Mosk. psixol.-social. in-ta; Voronezh: MODE'K, 2007.
2. *Бондырева, С. К.* Этносфера как составляющая воспроизводства Социума / С. К. Бондырева, Э. В. Сайко // Мир психологии. — 2009. — № 3. — С. 8—11.
Bondy'reva, S. K. E'tnosfera kak sostavlyayushhaya vosproizvodstva Sociuma / S. K. Bondy'reva, E'. V. Sajko // Mir psixologii. — 2009. — № 3. — S. 8—11.
3. *Бромлей, Ю. В.* Культура народов мира глазами этнографов / Ю. В. Бромлей, Р. Г. Подольный. — М.: Наука, 1982.
Bromlej, Yu. V. Kul'tura narodov mira glazami e'tnografov / Yu. V. Bromlej, R. G. Podol'ny'. — M.: Nauka, 1982.
4. *Бромлей, Ю. В.* Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. — М., 1983.
Bromlej, Yu. V. Ocherki teorii e'tnosa / Yu. V. Bromlej. — M., 1983.
5. Восток-Запад: исследования. Переводы. Публикации. — М., 1985. — 272 с.
Vostok-Zapad: issledovaniya. Perevody'. Publikacii. — M., 1985. — 272 s.
6. *Гордон, А. В.* Цивилизация нового времени между мир-культурой и культурным ареалом (Европа и Азия в XVII—XX вв.): науч.-аналит. обзор / А. В. Гордон. — М., 1998.
Gordon, A. V. Civilizaciya novogo vremeni mezhdru mir-kul'turoj i kul'turny'm arealom (Evropa i Aziya v XVII—XX vv.): nauch.-analit. obzor / A. V. Gordon. — M., 1998.
7. *Гумилев, Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. — Л., 1990.
Gumilev, L. N. E'tnogenez i biosfera Zemli / L. N. Gumilev. — L., 1990.

8. *Ешич, М. В.* Этносы — субъекты исторического процесса и проблема этничности / М. В. Ешич // Человек как субъект культуры / отв. ред. Э. В. Сайко. — М., 2002. — С. 249—299.
Eshich, M. V. E'tnosy' — sub'ekty' istoricheskogo processa i problema e'tnichnosti / M. V. Eshich // Chelovek kak sub'ekt kul'tury' / otv. red. E. V. Sajko. — М., 2002. — С. 249—299.
9. *Крысько, В. Г.* Союз наук в развитии этнической психологии / В. Г. Крысько // Мир психологии. — 1997. — № 2. — С. 6—13.
Kry's'ko, V. G. Soyuz nauk v razvitiy e'tnicheskoy psixologii / V. G. Kry's'ko // Mir psixologii. — 1997. — № 2. — С. 6—13.
10. *Мацумото, Д.* Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия / Д. Мацумото. — СПб. : Прайм-Еврознак, 2008.
Maczumoto, D. Chelovek, kul'tura, psixologiya. Udivitel'ny'e zagadki, issledovaniya i otkry'tiya / D. Maczumoto. — SPb. : Prajm- Evroznaк, 2008.
11. *Мосейко, А. Н.* К проблеме национального характера / А. Н. Мосейко // Мир психологии. — 1997. — № 2. — С. 33—45.
Mosejko, A. N. K probleme nacional'nogo haraktera / A. N. Mosejko // Mir psixologii. — 1997. — № 2. — С. 33—45.
12. *Почебут, Л. Г.* Кросс-культурная и этническая психология : учеб. пособие / Л. Г. Почебут. — СПб. : Питер, 2012. — 336 с.
Pochebut, L. G. Kross-kul'turnaya i e'tnicheskaya psixologiya : ucheb. posobie / L. G. Pochebut. — SPb. : Piter, 2012. — 336 s.
13. *Ставропольский, Ю. В.* Модели этнокультурной идентичности в современной американской психологии / Ю. В. Ставропольский // Вопр. психологии. — 2003. — № 6. — С. 112—118.
Stavropol'skij, Yu. V. Modeli e'tnokul'turnoj identichnosti v sovremennoj amerikanskoj psixologii / Yu. V. Stavropol'skij // Vopr. psixologii. — 2003. — № 6. — С. 112—118.
14. *Стефаненко, Т. Г.* Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. — М. : Ин-т психологии РАН : Акад. проект, 1999. — 320 с.
Stefanenکو, T. G. E'tnopsixologiya / T. G. Stefanenko. — М. : In-t psixologii RAN : Akad. proekt, 1999. — 320 s.
15. *Телегин, Д. В.* Национальная идентичность как вид социокультурной идентичности и модель языковой общности в европейской перспективе / Д. В. Телегин, Г. В. Телегина // Мир психологии. — 2009. — № 3. — С. 45—58.
Telegin, D. V. Nacional'naya identichnost' kak vid sociokul'turnoj identichnosti i model' yazykovoj obshhnosti v evropejskoj perspektive / D. V. Telegin, G. V. Telegina // Mir psixologii. — 2009. — № 3. — С. 45—58.
16. Толерантность личности: характеристики, закономерности, механизмы формирования : монография / А. А. Деркач [и др.]. — М. : Изд-во РАГС, 2003. — 197 с.
Tolerantnost' lichnosti: karakteristiki, zakonovernosti, mexanizmy formirovaniya : monografiya / A. A. Derkach [i dr.]. — М. : Izd-vo RAGS, 2003. — 197 s.
17. Этнические процессы в современном мире / отв. ред. Ю. В. Бромлей ; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М., 1987.
E'tnicheskie processy' v sovremennom mire / otv. red. Yu. V. Bromlej ; AN SSSR, In-t e'tnografiim. N. N. Mikluho-Maklaya. — М., 1987.

Н. А. Хренов

Русский символизм и идея альтернативной культуры: философские и культурологические аспекты

По-настоящему изучение символизма как культурного феномена в отечественном искусствоведении началось лишь во второй половине XX в. Существовало много причин (идеологических, политических, эстетических и т. д.), противодействующих такому изучению. Но символизм не ушел в прошлое. Во-первых, эстетика символизма стала традицией и до сих пор продолжает влиять на художественные процессы, а во-вторых, сам символизм тесно связан с предшествующими художественными эпохами и направлениями, например с романтизмом. Романтизм же — это то направление, которое сопровождается систематическое возрождение в истории той культуры, которую П. Сорокин называет культурой идеационального типа. Смысловым ядром этой культуры является сверхчувственная стихия, о которой грезил символисты. Вот почему символизму присущ ретроспективизм, т. е. реабилитация некоторых элементов уже угаснувших культур и сопровождающих их стилей. Чтобы замышляемый символистами проект новой культуры определился, необходимо было заново перетряхнуть устоявшиеся в истории искусства представления и дать им культурологическую и философскую интерпретацию. Не случайно многие художники и поэты,

представляющие символизм, проявляют интерес к философии. Это обстоятельство объясняет ретроспективный потенциал символизма.

Ключевые слова: символизм, романтизм, альтернативная культура, надлом империи, Серебряный век, славянский Ренессанс, переходность, преемственность, позитивизм, антропоморфизм, дезантропоморфизм, западный рационализм, мистицизм, гностицизм, персонализм, ретроспективизм, сверхчувственное, миф, теургическая эстетика, хилиазм, новое религиозное сознание, пассеизм.

Символизм как художественное направление конца XIX — начала XX в. не стал достоянием прошлого. И явление это имеет продолжение. Но оно и не появилось именно в это время, истоки его возникли раньше. То, что получило выражение в символизме, можно обнаружить и в предшествующий период. Так, А. Ф. Лосев находил романтизм в Античности, а ведь символизм — это во многом продолжение романтизма. Д. Мережковский прочитывал историю искусства так, что в этой истории символизм уже имел место на протяжении всего XIX в.

Мы знаем, что был значительный период, когда о символизме и вообще о Серебряном веке не размышляли или размышляли достаточно поверхностно, когда господствовало функциональное отношение к искусству. Более или менее глубокое осмысление символизма у нас началось в период второй половины 50-х гг. Но, может быть, по-настоящему глубокое проникновение в смысл символизма началось ближе к концу XX в. Возникшая в это время смута как следствие надлома в организации жизни российского общества напомнила смуту, что имела место в конце XIX — начале XX в. Имея в виду эту созвучность, П. Гайденко пишет: «Русская смута, начавшаяся, вероятно, еще до первой революции, где-то в последнее десятилетие XIX столетия, судя по всему, еще не закончилась, и конец XX в. в России возвращается к его началу» [7. С. 8]. Приходится констатировать: мы не так далеко ушли от времени символизма и сталкиваемся все с теми же проблемами.

Действительно, и тогда, и позднее происходило то, что можно назвать надломом, а затем и распадом империи. В последний раз речь идет о распаде Советского Союза. В 1903 г. А. Блок ощущал не только приближение свободы, но и появление «народного усмирителя», который на развалинах старой империи построит новую. «Кто же поставлен у власти? / Власти не хочет народ. / Дремлют гражданские страсти: / Слышно, что кто-то идет. / Кто ж он, народный смиритель? / Темен, и зол, и свиреп: / Инок у входа в обитель / Видел его и ослеп» [4. Т. 1. С. 269]. Странный образ, ведь усмирители обычно приходят с улыбкой и массе нравятся.

Проведенная параллель между эпохой символизма и некоторыми удаленными эпохами позволяет вспомнить мысль Ж.-Ж. Руссо о том, что искусство не расцветает в благополучные и стабильные эпохи, что его подъему сопутствует усложнение положения государств. Ж.-Ж. Руссо напомнил: как только в Египте родились философия и изящные искусства, он был завоеван греками, римлянами и арабами и т. д. Та же судьба, по мнению Руссо, постигла и Грецию. Этого не избежал и Рим: «...эта столица мира, поработившая столько народов, сама впадает в порабощение и погибает накануне дня, когда один из ее граждан был признан законодателем изящного вкуса» [12. С. 48].

Эту мысль символисты могли обнаружить у своего кумира Ф. Ницше. Именно Ф. Ницше формулировал: «Культура обязана высшими своими плода-

ми политически ослабленным эпохам» (цит. по: [18. С. 363]). Но именно такой и была эпоха «цветущей сложности» русской культуры рубежа веков. *Культура Серебряного века* цвела в ситуации надлома и разложения империи.

Период реабилитации символизма развертывался в эпоху «оттепели» как признака надлома уже советского государства. Как известно, эта эпоха началась с середины 50-х гг. Любопытно, что время символизма тоже воспринималось «оттепелью». Д. Мережковский в статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» писал: «Мы живем в странное время, похожее на оттепель» [11. С. 137]. Удивительное совпадение в восприятии эпох.

Время и первой, и второй оттепели — это время того, что можно даже называть «ренессансом» искусства. Применительно к началу русского XX в. это утверждение справедливо. П. Гайденок пишет: в культуре русского Серебряного века многое напоминает происходящее в европейском XV и XVII вв. (см.: [7. С. 325]). Но, может быть, это только нам сегодня так кажется? Нет, «ренессансом» начало XX в. воспринималось в том числе и самими символистами, например В. Брюсовым и Д. Мережковским. Правда, для них славянский Ренессанс — это не просто повторение западного Ренессанса. Н. Бердяев пишет: «Если эпоха Возрождения была возвратом к жизни земной, то наша эпоха есть начало возрождения религиозного смысла жизни, соединения правды язычества с правдой христианства, начало новой эры, связанной с динамическим переворотом в мистической основе мира» [5. С. 38]. Действительно, славянский Ренессанс, началом и выражением которого Д. Мережковский считал символизм, был в то же время и религиозным Ренессансом.

Немаловажный момент, связанный с символизмом, — переходность эпохи. Надлом империи способствовал нарушению преемственности культуры. Это проявилось в том, что символизм отрицает непосредственно предшествующую культуру и реабилитирует ту, что составляла ее подпочву, то, что было вытеснено из культуры, пребывая на положении маргинальных явлений. Жесткая просветительская традиция многое вытесняла в подсознание. Символизм радикально переосмысляет такую установку. Например, он проявлял интерес к архаике, к религиозному подполью, о чем превосходно пишет А. Эттинг в исследовании «Хлыст» (см.: [17. С. 156]).

Символизм иллюстрирует известное положение представителей русской «формальной» школы о том, что в истории литературы постоянно происходит чередование официальных и неофициальных пластов. Символизм демонстрирует отрицание официальных, а точнее, уже ставших традиционными пластов и прорыв бессознательного в культуру в сознание. Наверное, именно это обстоятельство и позволяет видеть в символизме истоки искусства XX в., что не удивительно, ведь сам символизм — продолжение традиции романтизма. А по поводу значения романтизма для искусства XX в. Х. Зедльмайр говорит так: «...многие течения современного искусства XX века оказываются последними и самыми решительными отпрысками романтического рода» [9. С. 163].

Что нового внесли символисты в историю искусства? Какие аспекты их творчества свидетельствуют о новых эстетических открытиях? В чем состоит смысл этих открытий и являются ли они действительно открытиями? И вообще, что сегодня из их наследия продолжает быть актуальным? Попробуем это прояснить.

1. Раз оттепель всегда означает активность молодых, то дух молодости не мог не проявиться и в символизме. В эстетике символизма ощущается болезненное переживание и разрыва межпоколенной преемственности, и необходимости в таком разрыве, что на предыдущих этапах истории не имело такого значения. Распад империи означает распад связей между поколениями вплоть до противопоставления. Новое поколение подчеркивает свою непохожесть на предшествующее. В России так было в 60-е гг. XX в. Так было и в 60-е гг. XIX в.

Но в еще большей степени это расхождение между поколениями бросается в глаза на рубеже XIX—XX вв. В 1914 г. В. Хлебников пишет статью, в которой выводит «закон» о смене поколений (см.: [15. С. 648]). Его смысл — в циклической схеме расхождений между поколениями в истории. То, что предыдущее поколение оценивало плюсом, новое поколение начинает воспринимать со знаком минус. У А. Белого проблематика смены поколений подается как решающая в возникновении символизма. У него символисты — новое поколение, отважившееся сказать XIX в. решительное «нет». Этот век он отождествляет с «отцами». Он пишет: «...наше “нет” брошено на рубеже двух столетий — отцам» [2. С. 35].

Первоначально солидарность тех, кого будут называть «символистами», потенциальна. Они еще находятся в подполье. («В начале столетия выползаем на свет; завязываются знакомства, общение с подпольщиками, о которых вчера еще и не подзревали мы, что таились они где-то рядом» [Там же. С. 36].) Будущая общность — еще в катакомбах. Слово «катакомбы» употребляет А. Белый. В статье «Крушение гуманизма» А. Блок тоже пользуется этим словом. Он пишет: «В наше катастрофическое время всякое культурное начинание приходится мыслить как катакомбу, в которой первые христиане спасали свое духовное наследие» [4. Т. 1. С. 111].

Еще немного, и символистов будут называть сектой. Однако В. Ходасевич найдет для них другое, знакомое по нигилистам XIX в., последователям Ш. Фурье, понятие. Это фаланга. Как и фаланга нигилистов, фаланга символистов требовала организации. Как известно, ее жестким организатором был В. Брюсов. «Он (Брюсов. — *Н. Х.*) основал “Скорпион” и “Весы” и самодержавно в них правил; он вел полемику, заключал союзы, объявлял войны, соединял и разъединял, мирил и ссорил» [16. С. 56].

Определиться в своем противостоянии старшему поколению символистов помогал Ф. Ницше, оценивающий свою эпоху как переходную, когда «значение всех вещей должно быть определено заново» (цит. по: [18. С. 387]). В своем исследовании о Ф. Ницше К. Ясперс пишет: «Молодости свойственно требовать, чтобы все до основания изменилось; не замечая необходимого в реальной жизни тяжелого труда, покидая историческую основу, доверяясь абсолютному, она полагает, что нужно, воодушевившись необъятными далями созерцаемого и должного, коренным образом заново создать свое бытие» [Там же. С. 395]. Но именно эту цель — заново создать бытие — и преследовали символисты.

Символисты-подпольщики, они — из катакомб. Они — разрушители старого и строители нового. В статье 1906 г. А. Блок вспоминает М. Бакунина и его знаменитый тезис: страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть (см.: [4. Т. 1. С. 35]). Если этот тезис во всем своем радикализме, может быть, и нельзя приложить к деятельности символистов, зато без него едва ли удастся осмыслить опыт разбуженных символистами авангардистов.

А. Белый ощущает себя борцом со старым бытом. Старый быт ассоциируется с мешанством. Но задуманная А. Белым революция быта превращается в программу разрушения, как он выражается, «тысячелетней культуры, выветрившейся в тысячелетний склероз» [2. С. 436]. Разрыв между поколениями болезненно ощущает А. Блок, о чем свидетельствует его поэма «Возмездие». Эпиграф к ней «Юность — это возмездие» поэт берет из драмы Г. Ибсена «Строитель Сольнес». Его поэма навеяна смертью отца. Но семейная тема у поэта перерастает в универсальную тему смены поколений.

Распад и возрождение — две стороны одного противоречивого процесса. С возрождением ассоциируется дух молодости, устремленной в будущее. Символисты отдавали отчет в том, что их творчество — начало тех значительных процессов, которые могут получить развитие в будущем. В. Брюсов писал: «В человеке сегодняшнего дня есть проблески тех алканий и утолений, которые диким вихрем наполняют души наших грядущих братьев» [6. Т. 7. С. 375].

2. Рождение символизма можно рассматривать в контексте активизации гуманитарной стихии как сопротивления позитивистским устремлениям XIX в. с его культом естественных наук. При этом гуманитарное начало одновременно проявилось и в философии, и в искусстве, и в поэзии, и в религии. Бурное развитие наук о природе, что получило выражение в дезантропоморфизме раннего модерна, спровоцировало осознание отчуждения от науки, способствующей скорее прогрессу цивилизации, но не человека. Можно утверждать, что символизм возникает в контексте компенсаторного механизма культуры.

Идея разрыва между поколениями переросла в идею разрыва в научных предпочтениях. Отцы боготворили Спенсера и Милля. Сыновья отвергли этих кумиров, обращаясь к Шопенгауэру и Ницше, к средневековым мистикам, к Упанишадам. Своего кумира они видели, прежде всего, в В. Соловьеве, а тот, как известно, отталкивался от Ф. Шеллинга. Интересна судьба А. Белого, который закончил математический факультет, ибо так требовал отец, а потом пришел к мистике. «К мистике, а затем к символизму он, — пишет В. Ходасевич, — пришел трудным путем примирения позитивистских тенденций XIX века с философией Владимира Соловьева» [16. С. 37].

В наиболее проявленном виде дезантропоморфная тенденция проявилась на Западе и отождествилась с Западом. Поэтому символизм в его русском выражении осознавал себя, в том числе и в своей антизападной направленности. Русская национальная стихийность, вышедшая на поверхность и получившая выражение в символизме, оказалась оппозицией западному рационализму. Несмотря на свою зависимость от западного символизма, что особенно ощущается в творчестве В. Брюсова, русский символизм был глубоко самобытным и национальным явлением, возвращающим к столь близкой сердцу русского человека романтической традиции. Ведь не случайно в России славянофильство получает такой колоссальный резонанс. Это эхо именно романтизма. В этой среде обретает определенность и самостоятельная русская философия.

Вместе с интересом символистов к В. Соловьеву проявился их интерес к философии Шеллинга как критика рационализма на Западе, сторонника синтеза знания и веры и реабилитации религии, статус которой в раннем модерне явно понизился. Философия Шеллинга выражает дух романтизма, а не модер-

на. Как считал сам Шеллинг, его предшественниками были такие мистики, как Парацельс, Беме и Сведенборг, которых в эпоху символизма стали читать вновь. Еще до символистов Шеллинг в России успел затмить Гегеля. Философская доктрина Гегеля — доктрина имперсональная, ведь индивидуальная воля у него для истории не имеет значения. По мысли Гегеля, человек — «исчезающе малая пылинка в грандиозном движении мирового духа, использующего в качестве средства намерения и поступка индивида» (цит. по: [7. С. 104]).

Что касается В. Соловьева, то он привлекал еще и тем (в том числе и символистам), что именно у него имеет место критика имперсонализма Гегеля. Но с В. Соловьевым связано также возрождение столь популярной в эпоху символизма гностической традиции. Давая характеристику гностикам, А. Лосев пишет, что для них определяющим было напряженное и обостренное чувство личности (см.: [10. С. 257]). Конечно, религиозный Ренессанс, на фоне которого разворачивается символизм, означал возвращение прежде всего к христианскому персонализму с присущей ему обращенностью к личности. Не случайно еще романтики ощущали в христианстве романтическое начало. Это, кстати, повлияло на философию искусства Гегеля. Так, давая характеристику «Речам о религии» Шлейермахера, Р. Гайм пишет, что в христианстве есть романтическая сторона. «Ведь оно (христианство. — *Н. Х.*) повсюду, — пишет он, — проникло и везде стало господствовать только благодаря тому, что протестовало против римского просвещения, против внешней стороны иудейской религии, против всего мирского и конечного» [8. С. 412].

Возвращение к персоналистскому ядру религии ставило мыслителей этой эпохи в конфликтное положение по отношению к официальной церкви. Официальное православие успело об этом персонализме забыть. Но это возрождение разворачивалось в неприемлемых для существующей церкви формах, т. е. в формах сект. Фигура В. Соловьева казалась чересчур свободомыслящей. Религиозный Ренессанс эпохи возвращает к личности, в том числе и в религиозных формах, даже если эти формы выводят за пределы официальной церкви.

Если согласиться с тем, что «цветущая сложность» культуры Серебряного века напоминает западный Ренессанс, то этот славянский Ренессанс оказался реакцией на распространяющийся дезантропоморфизм, о чем свидетельствовали успехи естественных наук, осваивающих мир без человека и вне человека. Дезантропоморфизм дополняет те формы социального отчуждения человека, о которых писал не только Маркс, но и «философы жизни», экзистенциалисты и т. д. Поэтому понятно, что нарушенное равновесие потребовало возвращения к человеку. Символизм оказался следующей после романтизма формой сопротивления рационалистической тенденции, ставшей с эпохи раннего модерна доминантной.

Первый раз это произошло столетие назад и проявилось в романтизме. С этим связан интерес символистов к мифу, который уже был предметом внимания романтиков и будет актуальной проблемой на протяжении всего XX в. С символистами связана реабилитация мифа, а также символических форм сознания и мышления, столь значимых для культур прошлого. Символизм не существует без активного ретроспективизма, ведь, проявляя интерес к разным существовавшим в истории культурам, в особенности к Средневековью, он пытается восстановить в правах сверхчувственную реальность, которая в

эпоху секуляризации, казалось, уже не существует. Философская мысль Просвещения, как и возникшая на этой основе классическая эстетика, имеет дело исключительно с чувственной реальностью. По сути, символисты вызывают к жизни новую эстетику. Но в этой новой эстетике есть архаические элементы.

3. В период разложения империи разворачивается возвращение к формам, казалось бы ушедшим в прошлое. П. Сакулин утверждал, что у русских символистов бросается в глаза их близость не столько к западному символизму (Бодлер, Верлен, Метерлинк и т. д.), сколько у западному романтизму начала XIX в. (например, Новалису) (см.: [13. С. 152]).

Когда А. Блок пытается обнаружить корни символизма, он исходит из родства русского символизма с немецким романтизмом (см.: [4. Т. 6. С. 363]). Каким же образом спустя столетие образы и идеи немецкого романтизма проявились на русской почве? По мнению А. Блока, традиции немецкого романтизма не прервались и вновь активизировались в России благодаря М. Метерлинку. Этот драматург в эпоху символизма в России был весьма популярен. У Метерлинка проявилась традиция, рождение которой произошло в Средние века, а вспышка интереса к ней имела место в эпоху немецкого романтизма. Эта традиция подхвачена Метерлинком, переведившим Новалиса. А. Блок упрекает филологов, которые свели романтизм к узко понимаемому литературному течению.

Может быть, именно А. Блоку удается дать широкое истолкование романтизма. В этом улавливается понимание поэтом того, что такое символизм. В том, как понимает поэт романтизм, есть уже и генеалогия символизма. Определяя романтизм как то, что взрывает застывшие формы и представляет стихию жизни (такое представление о романтизме соответствует «философии жизни»), А. Блок указывает на восточные культы и мистерии, на разрушившее твердьны Рима христианство, на учения греческих философов, и в частности на Платона. Дух романтизма поэт улавливает и в стремлении Средних веков подточить коснеющие формы того же христианства, и в духе великих открытий, подготовивших Ренессанс, и в произведениях Шекспира и Сервантеса [Там же. С. 367]. Это как раз та мысль, согласно которой символизм в истории искусства уже имел место.

В границах символизма улавливается тяготение к реабилитации гностических архетипов. А. Лосев, имея в виду гностика Валентина, утверждает, что его учение — пророчество новоевропейского романтизма (см.: [10. С. 288]). Если это утверждение верно, то на рубеже XIX—XX вв. возвращение романтизма сопровождалось обращением к более древней, ассоциирующейся с романтизмом традиции, а именно к гностицизму.

Наверное, с этим связано открытие демонического начала в человеке. Вот как звучит этот мотив у А. Блока: «Боюсь души моей двуликой / И осторожно хороню / Свой образ дьявольский и дикий / В сию священную броню» [4. Т. 1. С. 187]. Известно тяготение романтизма к демоническому. Ведь восстающий против Бога Сатана — первообраз утверждающей исключительность личности, претендующей занять в мироздании то место, которое до этого занимал Бог.

Гностицизм — утверждение враждебности созданного Богом мира человеку. Создавая мир, Бог в процессе творения совершает ошибку. Согласно гностикам, причина существования зла в мире не связана с человеком, как это известно по христианству, которое на протяжении всей истории стремилось преодолеть со-

провожающее его историю учение гностиков. Не случайно в XX в. экзистенциализм почти приблизился (если его не возродил) к этому чувству враждебности мира человеку, выброшенности отчужденного человека в мир.

Раз, создавая этот мир, Бог совершил ошибку, то почему бы с ним не вступить в полемику и об этой ошибке ему не сказать? Кто же способен отважиться на такую дерзость, бросить в лицо самому Богу истину, в соответствии с которой зло в мире — это следствие его, Бога, ошибки. Так особое значение в мифологии символистов приобретает Сатана.

Сатанинское начало — порождение развертывающейся в начале XX в. великой антропологической революции, смысл которой заключается в попытках обретения личного начала, в антропоморфизации истории, а точнее, в потребности утвердить в ней личное начало. Эта потребность в утверждении рождает не только добро, но и зло. Подобная диалектика в последствиях утверждения личного начала осмыслена Н. Бердяевым. С его точки зрения, личность ощутила свою самоценность, но одновременно она ощутила небывалую еще в истории оторванность от мира, отъединение и тоску, ужас небытия и смерти. И вот данный философом диагноз эпохи: «Личное начало восстало из глубины мирового бытия с небывалой мощью, оно рождает небывалое зло, но и небывалое добро должно от него родиться» [5. С. 25].

Это обстоятельство сделало для символистов популярной философию А. Шопенгауэра, провозгласившего в качестве средства для преодоления индивидуализма восточные религиозные и философские системы. Так, А. Белый увлекается чтением Упанишад. Поворот к Востоку, а вместе с этим и антизападный комплекс ярко выражены в творчестве В. Хлебникова.

4. Антропоморфная стихия проникает не только в религию и искусство, но и в науку. Более того, активизация этой стихии свидетельствует о более общих процессах изменения в культуре. Понять до конца смысл символизма невозможно, если его расцвет не ввести в еще один, столь существенный для рубежа XIX—XX вв. контекст.

Речь должна идти уже не о надломе империи, а о надломе той *системы культуры*, что развертывалась на протяжении всего Нового времени. Ее можно было бы обозначить, в соответствии с Ю. Хабермасом, *культурой модерна в философском, а не в искусствоведческом смысле этого слова*, культурой модерна, во многом обязанной рационалистической и просветительской философской мысли. Эту культуру, оказывающуюся на рубеже XIX—XX вв. в фазе «заката», П. Сорокин в своей книге по социодинамике культуры называет культурой чувственного типа. Что же касается культуры, приходящей ей на смену, то он называет ее *культурой идеационального типа* (см.: [14. С. 408]). Главное в этой приходящей культуре — реабилитация сверхчувственной стихии. Пожалуй, творчество символистов и можно по-настоящему оценить лишь в соотносении и со сверхчувственной стихией, и с новой *альтернативной культурой*.

Для культуры модерна сверхчувственного не существует. Рационализм связан исключительно с чувственной реальностью, что и пытается реабилитировать возникающая в XVIII в. эстетика как наука в ее классической форме, стремящаяся преодолеть средневековые формы выражения. Напомним, что буквальный перевод слова «эстетика» — это чувственное познание. Что же касается сверхчувственного, то это удел средневековой, а также архаической

культуры. Реабилитация Средних веков романтиками связана с природой их творчества, т. е. со значимостью сверхчувственного.

Именно реабилитация сверхчувственного свидетельствует о том, что *новая культура далеко не новая*. В истории искусства она уже имела место. В связи с осознанием знания, выходящего за пределы модерна, интересен опыт В. Брюсова с созданием романа «Огненный ангел» о Средних веках, в котором говорится о возможности объединения знания, добытого с помощью разума, с древним откровением. Да и миф, который так интересовал романтиков и продолжает интересовать символистов, — это именно сверхчувственная стихия. Реабилитируя миф, а следовательно, сверхчувственное, символисты продолжают начатую романтиками линию в истории искусства.

Свое творчество символисты осознали в более широком контексте, т. е. как *строительство новой культуры*. У А. Белого есть определение символизма как «строимого мирозерцания новой культуры» [1. С. 189]. Смысл новой культуры для него заключается в формировании «нового человека в нас». Подобные высказывания есть и у А. Блока. В статье об А. Стриндберге Новое время А. Блок называет временем экспериментов. По его мнению, в переходной ситуации культура демонстрирует разные переходные типы личности. «Культура как бы изготовила много “проб”, — пишет поэт, — сотни образцов — и ждет результата, когда можно будет сделать средний вывод, то есть создать нового человека, приспособленного для новой, изменившейся жизни» [4. Т. 5. С. 464].

А. Блок, как и Ф. Ницше, ощущает высыхание и отвержение западной культуры, которая существует благодаря возвращению к природе. Западный цивилизованный человек-индивидуалист утратил дух музыки, утратил жизненную витальность. Но этот дух музыки можно вернуть в дряхлеющую и изнемогающую под грузом рационализма цивилизацию и ее оживить. Это возрождение духа музыки, а следовательно, и преодоление опасности умирания культуры поэт решительно связывает с массами, т. е. варварами. Дух музыки убила цивилизация. Но цивилизация разрушила и культуру в целом. Цивилизация оказалась неспособной приобщить массу к культуре. В этом случае прежняя культура должна погибнуть, как в Средние века погибла отвергнутая античная культура.

5. Раз в центре символизма — реабилитация сверхчувственного, то нельзя не задаться вопросом о связи символизма с религией. Как и романтики, символисты проявляют интерес к религии. Рубеж XIX—XX вв. в России — это эпоха религиозного Ренессанса, вызвавшего к жизни теургическую философию и эстетику. В данном случае в символизме проявляется влияние философии В. Соловьева, утверждавшего, что преодоление кризиса искусства возможно лишь в результате устранения разрыва между искусством, стремящимся в культуре модерна к обособлению, и религией.

Правда, применительно к символистам речь идет не о приверженности к традиционной религии, а о так называемом «новом религиозном сознании». Вот почему символисты проявили интерес к мистико-экстатическим сектам. Через секты в символизм вошел древнейший пласт культуры. Возникла мода на хлыстовские радения. Этим увлекались Вяч. Иванов, Д. Мережковский, А. Белый, А. Блок. Ссылаясь на М. Пришвина, А. Эткинд обращает внимание на то, что петербургские хлысты приглашали А. Блока стать их вождем (см.: [17.

С. 480]). Интерес к сектам характерен для А. Белого, о чем свидетельствует его роман «Серебряный голубь».

К. Бальмонт пытается воссоздать песни хлыстов в своем сборнике «Зеленый вертоград». Мистико-экстатические секты были охвачены ожиданием конца света и наступления Царства Божия, т. е. земного царства. Это характерно для хилиастического мировосприятия, смысл которого заключается в идее тотального разрушения всего созданного в истории и в мире. Лишь в результате этого разрушения возникает новый преображенный мир. Хилиастические настроения характерны и для символистов. Их больше привлекает даже не религиозное, а мистическое состояние мира. Символисты уже ощущали новую эпоху и новые миры. Некоторые из них ощущали себя пророками иных миров. Речь не идет о революции. Но футуристы, противопоставившие себя символистам, уже смыкались в своем видении нового мира с представителями политического авангарда.

В качестве иллюстрации к мистическим настроениям приведем строчки из книги А. Блока «Стихи о Прекрасной даме»: «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо — / Все в облике одном предчувствую Тебя. / Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо, / И молча жду, — тоскуя и любя. / Весь горизонт в огне — и близко появленье, / Но страшно мне: изменишь облик Ты» [4. Т. 1. С. 94]. Это именно мистическое предчувствие преображения мира и человека.

А. Блок и А. Белый были убеждены в том, что приблизился «конец всемирной истории», что скоро должен свершиться радикально изменяющий жизнь человечества великий вселенский переворот. «Их возбужденному воображению, — пишет В. Брюсов, — везде виделись явные предвестия грядущего. Все события, все происходящее вокруг эти юноши воспринимали как таинственные символы, как прообразы чего-то высшего, и во всех явлениях повседневной жизни старались разгадать их мистический смысл» [6. Т. 6. С. 431]. Всею, что попадает в поле внимания А. Блока, придается смысл иносказания.

Однако «новое религиозное сознание» выходило за пределы христианского мирозерцания. В этом символисты тоже демонстрировали преемственность. К такой же возможности иной, не христианской религии подходили и романтики. Так, Шлейермахер допускал возможность появления новых религий, которые могли бы существовать параллельно с христианством. Он писал: «К религии мы должны относиться не слегка, а как можно серьезнее, так как уже пора основать новую религию. Это есть цель всех целей и их средоточие. Я даже вижу, как выступает на свет это величайшее произведение Нового времени; оно выступает на свет так же скромно, как первобытное христианство, от которого никак не ожидали, чтобы оно могло поглотить Римскую империю точно так же, как эта великая катастрофа поглотит в своих дальнейших кризисах Французскую революцию» (цит. по: [8. С. 458]).

Идея *альтернативной культуры*, которую пророчили символисты, предполагала и новую сверхчувственную основу. Поскольку понятие «культура» происходит от слова «культ», то, следовательно, в основе всякой культуры оказывается сверхчувственное начало. Поэтому смысл символизма во многом заключается в реабилитации сверхчувственного, а следовательно, в возрождении религиозного чувства, не важно, было ли оно связано с традиционными религиями или уже пророчило возникновение новой религии.

6. Следующий значимый момент в поэтике символизма можно было бы сформулировать так: от прорыва в настоящее к прорыву в мифологическое время. Оппозиция модерну, т. е. Просвещению, была характерна уже для романтизма. С точки зрения романтиков, «золотой век» находится не в будущем, как это казалось просветителям, а в прошлом. Они перечеркнули футуристическое мировосприятие, представ пассаистами. Символисты решительно повернули от футуризма раннего модерна к пассаизму романтиков. Этот мотив отразился в мемуарах А. Белого. Когда он пишет, что младшее поколение разрушило казавшийся таким стабильным быт отцов, он пользуется словом «пассаизм». «Волей к переоценке и убежденностью в правоте нашей критики были сильны мы в то время; и эта критика наша быта отцов начертала нам схемы иных форм быта, она же продиктовала интерес к тем образам прошлого, которые были заштампованы прохожею визую поколения семидесятников и восьмидесятников; они не учли Фета, Тютчева, Боратынского; мы их открыли в пику отцам; в нашем тогдашнем футуризме надо искать корней к нашим пассаистским экскурсам и к всевозможным реставрациям» [2. С. 37].

Авангард, а до этого символизм открывали восточное и африканское искусство, славянскую мифологию, русский фольклор, древнерусскую иконопись, первобытное искусство, древнюю скифскую скульптуру, каменных баб южнорусских степей, полинезийское искусство и искусство мексиканских индейцев, лубок и народный орнамент. Но вся эта получившаяся в футуризме и вообще в авангарде тенденция началась именно в символизме.

Открытие чувства настоящего времени в русской культуре происходит еще до символизма. Если иметь в виду Запад, то этот процесс происходит в импрессионизме. Для него значимой становится фиксация каждого мгновения вечно изменчивого бытия. Естественно, что импрессионизм последних десятилетий XIX в. переходит в символизм. Так, К. Бальмонт стремится отразить в каждом миге всю полноту бытия. Не случайно В. Брюсов считал его импрессионистом. «Для него, — писал В. Брюсов, — жить — значит быть в мгновениях, отдаваться им... Истинно то, что сказалось сейчас. Что было пред этим, уже не существует. Будущего, быть может, не будет вовсе. Подлинно лишь одно настоящее, только этот миг, только мое сейчас» [6. Т. 6. С. 250].

Однако гипноз настоящего времени далеко не исчерпывает смысла символизма. Недаром они все философствуют о мифе. Скорее его характеризует связь мгновения с надындивидуальным временем. В символизме, кроме линейности истории, улавливается циклическая логика. А. Белый — поклонник идеи Ф. Ницше «вечного возвращения». У него происходит осознание цикличности исторического времени. То, что в истории воспринимается новым, оказывается лишь повторением некогда существовавшего. Выясняется, что мгновение является выходом из себя, из заданных границ личности, выходом из времени. Один из персонажей «Симфонии» А. Белого говорит: «Быть может, все возвращается. Или все изменяется. Или все возвращается видоизмененным... И мы живем одновременно и в отдаленном прошедшем, и в настоящем, и в будущем. И нет ни времени, ни пространства» [3. С. 232]. Но ведь отсутствие времени — это и есть миф.

Пассаизм символистов стимулировал их прорывы к иным мирам и культурам, что нарушало преемственность в художественном процессе. Пассаизм

символизма — выражение необходимости *познать себя с помощью приобщения к другим культурам*. В творческих экспериментах символизма получила выражение идея, в соответствии с которой угаснувшие эпохи окончательно не исчезают. История постоянно возвращается к уже, казалось бы, исчерпанному и угаснувшему. Она подхватывает это, развивает и делает актуальным.

Если символисты продолжали традицию романтизма, и потому их пассеизм логично вытекал из этой традиции, то сменяющее его следующее художественное направление — футуризм был пронизан мировосприятием модерна, т. е. безудержной жадной инновации, отрицанием и прошлого, и всякой традиции вообще. В этом футуризме, не порывая окончательно связи с символизмом, возвращался к просветительской традиции, а точнее, к традиции раннего модерна.

Высказывая некоторые касающиеся эстетики символизма суждения, мы стремились продемонстрировать «геологические» сдвиги, что происходили в искусстве начала XX в. как особой сфере культуры. Пытаясь эти сдвиги осмыслить, мы обнаружили и нечто большее, а именно то, что символизм оказывается духовным ядром возникающей и проходящей начальный этап альтернативной культуры, становление которой развертывается на всем протяжении XX в. Этот процесс продолжается и в наше время. Вот почему эстетика символизма продолжает оставаться актуальной.

The real study of symbolism as a cultural phenomenon in the domestic art history began only in the second half of the twentieth century. There were many reasons (ideological, political, aesthetic, etc.), opposing such a study. But symbolism is not a thing of the past. Firstly, the aesthetics of symbolism has become a tradition and still continues to influence artistic processes, and secondly, symbolism itself is closely related to previous artistic eras and trends, for example, with romanticism. Romanticism is the direction that accompanies the systematic revival in the history of the culture that P. Sorokin calls the culture of the ideational type. The semantic core of this culture is the supersensible element of which the symbolists dreamed. That is why symbolism is characterized by retrospectivism, i.e. the rehabilitation of some elements of already extinct cultures and their accompanying styles. In order for the project of the new culture conceived by the symbolists to be determined, it was necessary to shake up the ideas established in the history of art anew and give them a cultural and philosophical interpretation. It is no accident that many artists and poets representing symbolism show an interest in philosophy. This circumstance explains the retrospective potential of symbolism.

Keywords: symbolism, romanticism, alternative culture, Empire fracture, Silver age, Slavic Renaissance, transitivity, continuity, positivism, anthropomorphism, desanthropomorphism, Western rationalism, mysticism, Gnosticism, personalism, retrospectivism, supersensible, myth, theurgic aesthetics, chiliasm, new religious consciousness, passeism.

Литература

1. *Белый, А.* На рубеже двух столетий / А. Белый. — М., 1989.
Belyj, A. Na rubezhe dvux stoletij / A. Belyj. — М., 1989.
2. *Белый, А.* Между двух революций / А. Белый. — М., 1990.
Belyj, A. Mezhdv dvux revolyucij / A. Belyj. — М., 1990.
3. *Белый, А.* Симфонии / А. Белый. — Л., 1991.
Belyj, A. Simfonii / A. Belyj. — Л., 1991.
4. *Блок, А.* Собрание сочинений : в 8 т. / А. Блок. — М. ; Л., 1960—1963.
Blok, A. Sbranie sochinenij : v 8 t. / A. Blok. — М. ; Л., 1960—1963.
5. *Бердяев, Н.* Новое религиозное сознание и общественность / Н. Бердяев. — М., 1999.
Berdyayev, N. Novoe religioznoe soznanie i obshhestvennost' / N. Berdyayev. — М., 1999.
6. *Брюсов, В.* Собрание сочинений : в 7 т. / В. Брюсов. — М., 1975.
Bryusov, V. Sbranie sochinenij : v 7 t. / V. Bryusov. — М., 1975.
7. *Гайденко, П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века / П. Гайденко. — М., 2001.
Gajdenko, P. Vladimir Solov'ev i filosofiya Serebryanogo veka / P. Gajdenko. — М., 2001.
8. *Гайм, Р.* Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума / Р. Гайм. — СПб., 2006.
Gajm, R. Romanticheskaya shkola. Vklad v istoriyu nemeckzogo uma / R. Gajm. — SPb., 2006.

9. *Зедльмайр, Х.* Искусство и истина. О теории и методе истории искусства / Х. Зедльмайр. — М., 1999.
Zedl'majr, X. Iskusstvo i istina. O teorii i metode istorii iskusstva / X. Zedl'majr. — М., 1999.
10. *Лосев, А.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития : в 2 кн. / А. Лосев. — М., 1992. — Кн. 1.
Losev, A. Istorija antichnoj e'stetiki. Itogi ty'syacheletnego razvitiya : v 2 kn. / A. Losev. — М., 1992. — Кн. 1.
11. *Мережковский, Д.* Эстетика и критика : в 2 т. / Д. Мережковский. — М. ; Харьков, 1994. — Т. 1.
Merezhkovskij, D. E'stetyka i kritika : v 2 t. / D. Merezhkovskij. — М. ; Har'kov, 1994. — Т. 1.
12. *Руссо, Ж.-Ж.* Избранные сочинения : в 3 т. / Ж.-Ж. Руссо. — М., 1961. — Т. 1.
Russo, Zh.-Zh. Izbranny'e sochineniya : v 3 t. / Zh.-Zh. Russo. — М., 1961. — Т. 1.
13. *Сакулин, П.* Романтизм и неоромантизм / П. Сакулин // Вестн. Европы. — Пг., 1915. — № 3.
Sakulin, P. Romantizm i neoromantizm / P. Sakulin // Vestn. Evropy'. — Pg., 1915. — № 3.
14. *Сорокин, П.* Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. Сорокин. — СПб., 2000.
Sorokin, P. Social'naya i kul'turnaya dinamika. Issledovanie izmenenij v bol'shix sistemax iskusstva, istiny', e'tiki, prava i obshhestvenny'x otnoshenij / P. Sorokin. — SPb., 2000.
15. *Хлебников, В.* Творения / В. Хлебников. — М., 1986.
Xlebnikov, V. Tvorenija / V. Xlebnikov. — М., 1986.
16. *Ходасевич, В.* Некрополь / В. Ходасевич. — СПб., 2008.
Xodasevich, V. Nekropol' / V. Xodasevich. — SPb., 2008.
17. *Эткинд, А.* Хлыст. Секты, литература и революция / А. Эткинд. — М., 1998.
E'tkind, A. Khly'st. Sekty', literatura i revolyuciya / A. E'tkind. — М., 1998.
18. *Ясперс, К.* Ницше. Введение в понимание его философствования / К. Ясперс. — СПб., 2004.
Yaspers, K. Niczsche. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya / K. Yaspers. — SPb., 2004.

В. И. Колесов

Сущность массовой культуры и субкультуры в современном социуме: специфика соотношения¹

В статье рассматривается субкультура как особая система духовных ценностей в современном социуме. Субкультура в третьем тысячелетии — это особый образ жизни, который разделяют в основном живущие им непосредственно или сочувствующие. В работе автором дается понятие, что такое субкультура, это не что иное, как форма самовыражения и самовысказывания личностей. Какие цели ставит перед собой человек в жизни: изменить мир, сделать свою жизнь другой, сбросить с себя ярмо стереотипов, отказаться от социальных канонов, утвердить жизненную альтернативную позицию по отношению к ранее существующей и закрепить ее в различных социальных догмах. Субкультура — это особая форма жизненного поиска, это обычное временное явление, разделяемое в современном мире, она носит, как правило, автономный характер.

Ключевые слова: современная культура, массовая культура, субкультура, мультикультурализм, мультикультурная субъектность, культурные гетерогенность и гомогенность.

В современном социуме одна из основных характеристик социально-культурного пространства современной российской цивилизации — его многослойность, восходящая к соответствующей многослойности социума. Коль скоро само общество состоит из людей с разным уровнем образования, интересами и ценностями, из этой гетерогенности закономерным образом рождаются всевозможные субкультуры, чье многообразие и составляет конструкт, называемый *культурой* в целом. Современная культура, особенно ее массовая ипостась, — это архипелаг сообществ, взаимосвязанных друг с другом или индифферентных по отношению друг к другу, часто просто не воспринимающих, не видящих друг друга, а иногда и враждующих между собой.

¹ Редколлегия приглашает к обсуждению вопросов, поднятых в статье.

В конце XX в. и в начале третьего тысячелетия в России происходит усложнение социальной организации, что обусловлено интенсификацией культурных связей и обменов и ростом культурного (а следовательно, субкультурного) многообразия. Возникают новые тенденции и явления, которые не вытесняют и не замещают предшествующие, а находят место рядом с ними, тем самым углубляя и усложняя социально-культурную комплексность, но вместе с тем привнося в нее темпоральную рассогласованность, что, в частности, становится источником потенциального общественного напряжения. Исследование этого феномена в контексте социально-философского, культурологического и социологического знания становится весьма актуальным.

Мультикультурализм как состояние общества

Вынесение в подзаголовок категории «мультикультурализм», безусловно, требует оговорить диапазон ее использования (см.: [2]). Тем более что вследствие различий истолкования данного термина его смысл представляется довольно размытым. Обычно под *мультикультурализмом в широком смысле* понимают парадигму межкультурной бесконфликтности, высшим принципом которой выступают сохранение и поддержание этнокультурного, лингвистического, конфессионального и другого своеобразия меньшинств в доминирующей среде.

В узком значении *мультикультурализм* — государственная политика, посредством которой полиэтничные общества реализуют стратегию социального согласия и стабильности на принципе равноправного сосуществования различных этнокультурных моделей. Такая политика, по идее, должна способствовать формированию культуры толерантности, которая, впрочем, довольно часто навязывается обществу столь агрессивно, что в пору говорить о культе интолерантности.

Поскольку оба приведенных определения акцентируют преимущественно этнический (национальный) аспект культурного своеобразия, важно указать на их контекстуальную узость в понятийной репрезентации мультикультурализма, ведь культура бывает не только национальной, но и профессиональной, традиционной, народной, массовой и т. д. Впрочем, нет смысла перечислять здесь, по каким началам происходит типологизация культур. Отмечу только, что этническое своеобразие — это всего лишь одно из таковых. Поэтому под понятием «мультикультурализм» *рассматривается далее не политика и не идеология, а общественное состояние, предполагающее одновременное сосуществование различных культур, субкультур и идеологических позиций, лишенное острых конфликтов и тенденций к культурному нивелированию путем поглощения одного субкультурного комплекса другим* (см.: [1. С.148]).

О. В. Сышук считает, что многообразие субкультур указывает на гетерогенность и неоднозначность социально-культурного пространства современной России. Это состояние реальной мультикультурности предоставляет людям определенный выбор. И чем богаче культура, тем выше и уровень рассогласованности в культуре. «Мультикультурализм, являясь сложной многокомпонентной социальной системой, представляет собой культурное полицентрическое образование — матрицу субкультур, каждая из которых не является центральным ядром системы» [3. С. 44].

Благодаря своей принципиальной децентрированности мультикультурализм предполагает отсутствие авторитарного внутреннего начала, которое могло бы занять роль доминанты и тем самым потянуть «культурное одеяло» на себя. Впрочем, внутри любого мультиобразования, внутри любой плюральной системы все-таки существуют более сильные и более слабые элементы. Одни из них в потенциальном смысле могут претендовать на роль центра или лидера, а другие — на роль периферии или маргинала: в принципе любая система идей, идеология, культурная традиция претендуют на привилегированный статус общественной доминанты, поэтому вполне могут существовать внутренне плюральные системы ценностей.

Но едва ли найдется возможность присутствия внешне плюральных систем: практически любая из них воспринимает наличествующего оппонента именно как оппонента. Здесь уместно небольшое отступление. Основное свойство любой идеологии (в том числе субкультуры) — стремление ее носителей распространять свои концепты за пределы той системы, которую данная идеология уже охватывает.

Под категорией «идеология» в данном случае понимается не только внутреннее содержание какого-либо культурного, субкультурного явления, но и любого светского или духовного учения, религиозного или политического (хотя довольно часто они выступают в нераздельном единстве). Если рассмотреть в таком ракурсе историю любой из мировых религий, то с неизбежностью последует вывод о ее глобализационной направленности. Буддизм, ислам и христианство пытались занять как можно больший территориальный ареал и соответственно завладеть умами максимального числа людей. Зачастую для этой цели использовались военные средства.

По мере развития каждой из этих религий происходила консолидация не только отдельных групп людей, но и целых этносов. А если учение как совокупность совершенно различных идей и ценностей — религиозных, нравственных и моральных — в потенциальном смысле хранит в себе стремление к расширению, то оно может стать мощным консолидирующим инструментом, а значит, фактором искусственной культурной глобализации.

Если рассматривать современное пространство масскульты как глобальное и плюральное, то нельзя не видеть в некоторых навязываемых культурой потребления явлениях китча — в манипулировании модой и рекламой, в массовой тотализирующей политике, исходящей из властного центра, формирующего «очаги сопротивления» ценностям свободы слова, выбора и т. д. В то же время плюрализм достигается и за счет сопротивления этим тотализирующим тенденциям.

Иначе говоря, мультикультурализм состоит из множества ядер. Что самое примечательное: практически каждое из них пытается навязать свою систему идеалов и ценностей как можно большему количеству людей, организаций и других культурных ядер. Весь этот процесс напоминает фукианский взгляд на власть, которая исходит отовсюду, а не из единого строго локализованного центра.

Такая конкуренция в конечном счете может привести или к появлению центра, статус которого обретает наиболее сильное ядро, или же к некоей ассимиляции и стиранию принципиальных различий. Плюрализм как совокупность различных точек флуктуации в системе иногда приводит к реорганизации системы, а значит, к самоисчезновению, т. к. он не может

характеризоваться полным равновесием и равносилием по отношению друг к другу всех элементов.

Энтропия культуры растет, и сосуществование различий предполагает разнообразные конфигурации реальности. Наличие множества субкультур указывает на как бы плюральность, но здесь «как бы» означает не эквивалент «псевдо», а скорее эквивалент слова «относительный». Плюрализм не столько мифологема, сколько крайне неустойчивая система, в чем и заключается его недостаток. Плюрализм может сменить новый монизм, как демократию — тоталитаризм. И такая ситуация возможна не только внутри одной страны, но и на мировом уровне.

По исследованиям А. В. Костиной, массовая культура должна стать механизмом, элиминирующим напряженность и рассогласованность социума, осуществить циркуляцию смыслов между различными субкультурами, защитить общество от распада и сформировать основные каналы коммуникации (см.: [1. С. 28]). Однако здесь возникает диалектическое противоречие. Если массовая культура действительно должна осуществить названные функции, не придет ли она тогда в состояние однообразия?

Ведь примирить между собой многие субкультурные явления не представляется возможным, кроме расширения одних за счет уничтожения других. Не приведет ли это к господству какой-либо одной субкультуры, которая тогда займет место доминирующей идеологии? Если согласиться с упомянутой точкой зрения, придется принять позицию, согласно которой массовая культура — не широкое явление, а всего лишь культурная область, занимающая место «золотой» середины и посредством этого примиряющая различные субкультуры между собой.

Такое понимание массовой культуры близко к трактовке понятия мидкультуры, упрощающей наследие высокой культуры — арта для его максимально доступного восприятия и осмысления массами, но и вместе с тем не ввергающей себя в пучину примитивного (в эстетическо-интеллектуальном смысле) и безнравственного (в аксиологическом смысле) китча. Как мне представляется, в действительности массовая культура в силу ее неоднородности и гетерогенности, а также иерархичности своей структуры не может быть (по крайней мере, сейчас) знаковой системой, равно доступной всем членам общества независимо от их социального статуса, профессиональной принадлежности, специфики вкусов и пристрастий и степени развития интеллекта.

Мы считаем, что, вбирая в себя различные явления, она осуществляет взаимообмен смыслами и ценностями между ними, создавая тем самым состояние взаимопонимания между представителями разных субкультур. Но этот процесс затрагивает далеко не все субкультурные явления в равной мере. Некоторые из них занимают маргинальное положение, будучи почти забытыми и мало востребованными, а некоторые — снова можно утверждать этот факт — находятся в диалектическом противоречии, что говорит о практической невозможности их примирения и выработки общности картины мира.

Здесь уместен вопрос: существует ли вообще необходимость примирять и унифицировать культурное богатство? На это трудно ответить однозначно, поскольку как предельная гетерогенность, так и тотальная гомогенность негативно сказываются на общественном субъекте. В первом случае богатство культуры создает противоречивость и разорванность бытия для субъекта и вы-

ливається в конкуренцію різних наслідій і традицій, а значить, і в определенное протистояння між їх носителями.

По нашому мненню, кожна група культурологічно протиставляє себе іншій, починаючи використовувати свій власний мовний понятій, якщо в кожній соціально-професійній сфері з'явиться свій код (або система кодів), зникне навіть можливість застосування лінгвістичної норми з метою розділення явлень на нормальні і ненормальні.

Во другому випадку настає культурна, а разом з нею і ідеологічна тоталізація, т. к. ступінь культурної свободи безпосереднім чином пов'язана зі ступенем ідеологічної свободи. Важко згадати якусь-либ історичну епоху, коли культура відрізнялася особливим багатством, широтою і изобилієм, але ідеологія була тотальною в своїй узості і єдина для всіх, рівно як складно реставрувати в пам'яті зворотню ситуацію культурно-ідеологічного стану.

В цьому сенсі глобалізація в її негативній формі — не як природний процес, а як мистецтвенне явлення, стимульоване, наприклад, мальтузіанськими ідеями о необхідності скорочення населення планети (теорія «золотої мільярда») або етатистської політикою транснаціональних корпорацій, — спрощує культурне насліддя різних етносів в спробі нівелювання відповідного простору шляхом приведення всіх існуючих культур до загальної нормативу-знаменателю. Це повлечет за собою определенну інтелектуально-культурну варварізацію суспільства, відірвання індивідів від своїх соціокультурних коренів і перетворення їх в людей, забувши свою історію і громадянство, номадических індивідів.

Звернемо увагу, що з глобального переходу контекста в російський контекст, коли мова йде про сферу вітчизняної масової культури, звичайно вносяться аналогії з поп-культурою США. Там виникла як раз завдяки різноманітності культурних традицій і необхідності пошуку загального для них мови, спроможного подолати соціальне «розривання» етносів. Росія теж етно- і професійно гетерогенна країна; за критерієм різноманітності традицій вона близька до Америки.

Але в даному випадку не варто змішувати поняття «популярна» і «масова культура»: перша — частинне проявлення другої, щось дійсно усереднює, якийсь умовний центр, локалізований строго посередині загальнокультурного матеріалу і спробуючий притягнути до себе всі культурні різноманітності периферії. Поп-культура частинно можна отождествити з мідкультурой (середньопрофесійний рівень), але масова культура виступає все-таки як більш широке явлення, включає в себе вказаний центр.

В наше час в сучасній російській культурі тільки-ли можливо прослідкувати якусь-либ одну домінуючу гілку, найбільш виділяючуся серед інших, що говорить про ризоморфність культурного простору нашої країни. Ці субкультурні явлення можна уподібити так званому дискурсивним практикам, і определенне число індивідів, відносяться до цієї або іншої культурної традиції, визначають свою належність через об'єднання одного і того ж корпусу дискурсів.

Вони визнають і приймають єдиний комплекс норм, правил і смаків, властивий даному дискурсивному пласту культури. Будь-яка дискурсивна практика не тільки фактор формування культурної зв'язі між інди-

видами, но и основание для их культурной идентификации. «Мы — реальные пацаны, — говорят, например, носители околोकриминальной субкультуры, — так как мы уважаем шансон и живем по понятиям». В этом утверждении как раз прослеживается приверженность к некоему дискурсивному пласту культуры, где обобщение «Мы» означает коллективную принадлежность к чему-то одному. В нем также может быть заключено противопоставление по отношению к некоему «Они», под которыми могут подразумеваться представители других субкультур, имеющих мало общего с данной: интеллектуалы, эстеты и др.

Имеет смысл поставить вопрос о сопричастности и соотнесенности дискурсивных пластов, о том, как они могут сосуществовать рядом друг с другом. Подобно фукианскому рассмотрению дискурсов как прерывных практик — перекрещивающихся, соседствующих друг с другом и вместе с тем включающих один другого — поле существования субкультур также характеризуется процессами пересечения и исключения. Так, трудно провести четкую грань между культурой битников и хиппи, поскольку их идеи очень близки. Однако панки противопоставляют себя всем возможным культурам (и всей массовой культуре в целом), тем самым проявляя попытки их исключения. Также в кардинальном противопоставлении и взаимоисключении находятся идеи глобализма и антиглобализма, национализма и интернационализма.

Подчеркнем, что любому человеку присуща потребность в принадлежности к какой-либо общности, которая чем-то отлична от других общностей. Если раньше реализация чувства групповой идентичности осуществлялась по этническому (национализм) или расовому (расизм) критерию, то сейчас, в информационном обществе, по нашему мнению, виртуальные субкультуры, заменяя собой феодальные деревенские общины и капиталистические национальные общности, приводят в определенном плане как к исчезновению государственных границ, так и к установлению новых границ между различными сообществами.

Собственно, появление новых сообществ знаменует собой появление новых границ. Но я не могу согласиться с цитируемыми авторами, что государственные границы исчезают, а национализм не имеет будущего. Такое утверждение, особенно принимая его футурологический аспект, весьма спорно. Скорее наоборот, если говорить не о географических реальностях, порожденных глобализацией, а о ментальной самоидентификации индивидов с какими-либо сообществами, прежние границы, в том числе государственные, национальные и расовые, остаются (о чем говорит, например, существование в наше время неонацистов/неорасистов), но к ним добавляются новые за счет появления иных сообществ и соответственно субкультур.

Так что вполне возможно, что в глобальном обществе будущего останутся очаги национализма или национального традиционализма, сопротивляющиеся культурно-национальной унификации. Известно, что в современном обществе, наполненном множеством практик социального поведения, формируется *мозаичное сознание индивидов*, что приводит к отсутствию целостного представления субъекта о самом себе. Этот гиперплюрализм, с одной стороны, дает субъекту многообразие вариантов для самоидентификации, с другой же — затрудняет возможность обрести субъектную целостность — единую и непротиворечивую картину мира.

Примеряя множество масок, ролевых моделей поведения, субъект успешно адаптируется в социальном пространстве, становится многофункциональным, но вместе с тем его расщепленное Это более похоже на набор субличностей, которые взаимодействуют друг с другом согласно принципам сосуществования, так и конкуренции. То есть субъектность расширяется по горизонтали, охватывая все больше и больше идеологием и поведенческих норм, но вместе с тем уничтожается как целостное явление.

Маскульт и субкультурная ризоморфность в современном социуме

В этой связи, скорее всего, из-за неопределенности сущности культуры вообще, из-за столь ризоморфного ее характера и возникают различные субкультурные явления, ни одно из которых не имеет права на привилегированное существование по сравнению с другими. Так, в классическом понимании массовая культура противопоставляется элитарной, но индивид, уставший от всяких противопоставлений постмодернизма, стирает демаркационную линию между ними, объявляя массовой культурой одновременно *все* и *ничего*. Это *все* стало эстетично, политично и даже сексуально, в то время как эстетика, политика и сексуальность как отдельные области уже не существуют: они перетекают друг в друга и сливаются одно в другое в ситуации «после оргии».

Точно так же и массовое становится элитарным, а элитарное — массовым. Сложно прочертить грань между уровнями массовой культуры, а если ее высший уровень — арт и воспринимается как высокое (искусство, наука, образование и т. д.), то тогда вообще снимается противоречие между культурой массовой и элитарной. Ныне маскульт плавно переходит в элитарность, и даже если точкой их соприкосновения и сопричастности и выступает арт, то при этом возникает закономерный вопрос о принципиальном его отличии как уровня маскульта от подлинно элитарной культуры.

Или же, глядя на эту тенденцию, можно смело констатировать отсутствие между ними каких-либо отличий, что снимает вопрос об их соотношении и постмодернизирует данную позицию. Представляется, что выделять бинарность оппозиции «массовое — элитарное» возможно лишь в том обществе, которое действительно разделено на два соответствующих класса. Причем это деление может производиться как согласно социальному критерию (престиж, материальное состояние, общественный статус и т. д.), так и собственно культурологическому (уровень культурного, интеллектуального, нравственного и тому подобного развития). Но поскольку современное российское общество не поддается такому четкому делению, нет смысла вводить бинарность при рассмотрении вопроса о культуре.

По нашему мнению, *все нынешнее культурное пространство в современной России целесообразнее представить не в виде традиционной оппозиции «массовое — элитарное», а как совокупность субкультурных явлений, сосуществующих друг с другом*. Конечно, деление культуры на три уровня (китч — низкое, мид — среднее и арт — высшее) остается, но в таком случае необходимо определиться с критерием, согласно которому данное членение производится. Выдвигая в качестве такового **субъектность** как основную психологическую характеристику человека, объединяющую в себе такие качества, как осознанность (рефлек-

сия), целостность (четкость и устойчивость мировоззрения) и самодетерминированность (способность управлять собой, вместо того чтобы отдаваться во власть внешних обстоятельств).

Таким образом, *низкий уровень культуры* — та область, которая поработает субъекта и разрушает эти его качества; *средний* — его сохраняющая и дающая возможность потенциального развития; *высокий* — создающая условия для его развития. *Каждая субкультура представляет собой определенный социальный элемент, отличающийся от других элементов своими ценностями и нормами.* И соответственно, трудно выделить какие-нибудь общие для всего современного социума нормы и эталоны, которым не было бы отказано в доступе при проникновении в любые субкультурные явления и которые равнозначно принимались бы их носителями. Если ранее кто-то или что-то выступало в качестве эталона и этот эталон навязывался непосредственно массовому обществу, то сегодня происходит тщательный анализ (обработка) самого эталона, он модифицируется в массу «вторичных эталонов», предназначенных для разных групп общества. И тиражирование этих эталонов в дальнейшем осуществляется уже в каждой определенной группе, а не во всем обществе. Таким образом, массовая культура на новом этапе массовизации создает не один, а *множество* эталонов, но это не просто множество, а множество разноуровневых (имея в виду уровни массовой культуры) эталонов.

Таким образом, многообразие субкультур говорит о *высокой степени гетерогенности российского общества*, утверждающей сегодня специфику массовой культуры. Такое многообразие определяет процессы демассификации, дестандартизации и персонализации. Однако всегда ли это так? Конечно, общество в целом теперь не подчинено строгим правилам и запретам, характерным для тоталитарных режимов, но вместе с тем эта тотализация субъектности может иметь место на локальном уровне — внутри не массовой культуры как таковой, а какой-либо субкультуры в отдельности.

Так, широкое распространение тоталитарных сект вряд ли можно связать с культурной демократизацией и персонализацией. Скорее наоборот: сектантство связано с *неопределенностью самоидентичности* современных людей, с размытостью их идеалов и ценностей, с характерным для современной России процессом отчуждения всех и вся и, конечно же, с социальной напряженностью, порожденной многими причинами — от бедственной экономики или действий правительства, нарушающего узаконенные в Конституции человеческие права и свободы, до терактов или предельно напряженного и ускоренного темпа жизни, отличающего нынешнее постиндустриальное общество.

Все эти явления несут определенный негатив, субъективно переживая который индивид, разочаровавшийся в системе управления и многих официальных общественных институтах, пытается найти себя «по ту сторону» — в сектантстве, молодежных неформальных движениях и т. д. Кроме того, человеку всегда есть куда пойти и к кому примкнуть, поскольку в плюральной (лучше сказать, околоплюральной) культуре для этого существует неплохой выбор растущих как грибы после дождя культурно-идеологических сообществ.

Раньше у нас была одна культура — советская, а теперь их много. И конечно, далеко не всем существующим в настоящее время субкультурам присущ

деструктивный характер, но для некоторых из них он имманентен. Да и сам гиперплюрализм оборачивается отчужденностью: человек может вступить в любую группу или общину, но она — ввиду наличия огромного количества идеологических сообществ — вряд ли будет включать его близких или знакомых, как это было во времена, когда подобной многовариантности не существовало. В сущности, гиперплюрализм способен не только предоставлять людям выбор, но и отчуждать их друг от друга. В недавние времена к идеологиям относились почтительнее, нежели сейчас: чем их больше и чем менее проявляется привилегированное положение одной по отношению к другим, тем несерьезнее к ним относятся. Легко можно принять ту или иную «веру» и с не меньшей легкостью отказаться от нее. Идеология как система ценностей, десакрализируясь, превращается в предмет обыденного потребления.

Благодаря субкультурам, в которые мы — осознанно или нет — входим, формируются наши индивидуальности. Однако эта мысль представляется весьма спорной, т. к. можно утверждать и обратное: благодаря субкультурам наши индивидуальности уничтожаются.

Нельзя сказать, что какое-то из этих утверждений верно, а какое-то нет; скорее они взаимодополняют друг друга, тем самым подразумевая наличие как положительных для индивидуальности субкультур, так и отрицательных. В принципе все разнообразие субкультур, в которые каждый из нас входит, целесообразно разделять по степени и характеру их влияния на индивидуальность, т. е. субъектные качества.

Это утверждение касается всех типов субкультур. Так повелось, что в основном данный термин относят к политико-идеологическим молодежным течениям, таким как хиппи, панки, рэперы, скинхеды, готы, эмо. Но на самом деле понятие «субкультура» охватывает более широкий круг отношений. Выделяются же субкультуры, отражающие профессиональную принадлежность их носителей (полицейская, врачебная, научная и т. д.) или связанные с интересами в области литературы: любители фантастики, детективов, классики, фэнтези, толкиенисты (сообщество последних связано не просто чтением любимого автора — содержание его книг определяет весь их образ жизни).

Религиозные организации тоже можно считать субкультурами, т. к. они имеют свои, отличные от других, традиции и ценности и стремятся к объединению людей. В общем, учитывая классическое разделение культуры на такие элементы, как религия, искусство и наука, внутри каждого из них можно найти наличие специфических субкультурных явлений. К этим элементам следует добавить еще и быт как наиболее широкую область, включающую в себя сферу труда и досуга — повседневность.

Важно заметить, что в рамках данного текста нецелесообразно фокусироваться на каком-то конкретном субкультурном течении, свойственном современному российскому обществу, и вскрывать специфику механизма его влияния на субъектные свойства человека, вовлеченного в подобную среду. Тем более этот актуальный вопрос в своих конкретных проявлениях был неоднократно исследован в работах, посвященных изучению воздействия на человека и его психические качества различных сект и религиозных организаций несектантского типа, молодежных движений и сообществ.

Здесь же уместнее рассмотреть интересующую проблематику не на уровне микрофизики воздействий на человека тех или иных идеологических явлений, а в более общем формате — описать специфику современного мультикультурализма и рассмотреть проблему соотношения массовой культуры и субкультур. В этом смысле попытки отделить зерна от плевел — провести четкую демаркационную линию между различными субкультурами, сказав, что одни влияют положительно на субъектность, а другие, наоборот, отрицательно, — будут представляться как минимум редукцией, а как максимум ошибкой.

Так, негативизм как предельная форма противопоставления себя всему обществу в целом может иметь место внутри почти любой субкультуры (а не только панков, как это в основном считают). Равно как одновременно с этим человек может проявлять абсолютный конформизм по отношению к той культурной традиции, внутрь которой он попал. То есть в рамках субкультурного комплекса, с одной стороны, может существовать негативизм (по отношению к «Они»), а с другой — конформизм (по отношению к «Мы»): два взаимосвязанных явления, не оставляющих места для субъектности.

Но в таком случае имеет значение то, с какой целью человек вступает в некое сообщество. Если он это делает ради слияния с ним, убегая от гнетущей действительности, то такая эскапистская мотивация не может быть названа конструктивной. Иначе говоря, не все субкультурные явления сами по себе поддаются четкому делению относительно их влияния на субъекта — одни и те же субкультуры могут воздействовать как положительно, так и отрицательно, в зависимости от целей индивида.

Так, при описанной неконструктивной мотивации, которая сама по себе характеризует недостаток развития субъектных качеств, они имеют меньше шансов развиться. При конструктивной мотивации субъектные качества, будучи достаточно развитыми до этой конструктивности, получают стимул к дальнейшему развитию через стремления самого человека и влияние на него субкультурных традиций.

Но, тем не менее, несмотря на тезис о неадекватности разделения самих субкультур без учета целей вступающих в них людей, по степени их влияния на субъекта, все-таки можно с уверенностью сказать, что некоторые из подобных ценностных систем воздействуют на человека однозначно негативно или позитивно. Наиболее яркий пример — криминальная субкультура, которая приводит практически к полному регрессу субъектных качеств, изменению ценностных ориентаций, на место которых встают асоциальные установки.

Культивирование такого рода представлений и традиций через искусство — музыку, литературу, телевидение и кино — ведет к культурной и интеллектуальной деградации населения, не говоря уже о росте преступности. Положительное же влияние могут оказывать форумы представителей профессиональных субкультур (ученых, врачей, деятелей искусства, благотворителей и т. д.), где люди, общаясь, делятся знаниями и опытом, тем самым обогащая свой интеллектуальный потенциал и квалификацию, открывая для себя что-то полезное для дальнейшего развития как личности. Однако профессиональные слеты (и конференции) иногда трансформируются в обычные «тусовки», не несущие в себе никакого информационного заряда, а действующие на уров-

не лишь рекреационно-досугового времяпрепровождения, тем самым умаляя свое положительное воздействие на субъекта.

Таким образом, ныне, в эпоху глобализации с ее тенденциями к нивелированию национальных культур, ризоморфность культуры, или мультикультурализм, уже не столько феномен, сколько общественное состояние, некая данность. В таком аспекте *мультикультурализм как совокупность субкультурных явлений*, так же как и ранее культуру в ее относительной гомогенности, следует понимать в виде предельно широкого явления, *не ограниченного национальными, этническими или какими-либо другими рамками*.

Поскольку культура включает не только этносамосознание, но и свойственные определенной временной эпохе модные тенденции и социально-политические идеологии, научные ориентиры и религиозные верования и многое-многое другое, мультикультурализм как плюральная система вмещает все это, практически ничего не вытесняя на периферию, в область маргинализма. Представляя собой предельно богатое культурными практиками явление, *он дает множество идентификационных ориентиров для единичного субъекта, но вместе с тем это мо- заичное богатство оказывает давление на субъектную целостность*.

Гипертрофированная плюральность культуры, выраженная во множестве как бы равноценных и равнозначных субкультур, оборачивается для индивида отчужденностью, немислимой во времена отсутствия многовариантности и существования жестких культурологических нормативов. Излишне простой выбор удобной культурной ниши и легкость ее смены оборачиваются тенденцией к деперсонификации.

Говоря о мультикультурализме как об общественном состоянии, следует все же помнить о его *лабильной природе*, т. к. сам по себе он нестабилен и раздраем внутренними противоречиями. Не имея какой-либо метакультурной парадигмы, притягивающей к себе все возможные культурные ценности, он обрекает свое существование на хрупкость. Но если эта парадигмальная централизующая область проявила бы себя внутри мультикультуральности, то, обретя целостность и стабильность, потеряла бы свою плюральность, т. е. исконную сущность.

Заключение

Любая идеология, существующая в плюральном культурном пространстве, стремится получить парадигмальный статус и доминирование в нем. Если в недавнем прошлом было типично отделять массовую культуру от элитарной, то сегодня, в информационную (постмодернистскую) эпоху, наблюдается их сращение. Можно с определенным допущением сказать, что вся культура стала массовой. Последняя, конечно, поддается внутреннему структурированию по уровням (низший, средний и высший), но внешнее разделение исчезло, т. к. масскульт просто не с чем сравнивать.

Современную массовую культуру из-за ее мультикультуральной гетерогенности целесообразно представлять как совокупность различных субкультур. Именно они, выступая в качестве объективного фактора, могут оказывать разное влияние на субъекта, как положительное, так и отрицательное. Но при этом следует помнить не только о семантическом содержании субкультурных явлений — их

нормах, ценностях и традициях, но и о целях, которые преследует человек, ассоциируя себя с теми или иными комплексами культуры (индивидуальный фактор). *От степени конструктивности целей по отношению к самому себе и своему развитию и зависит характер влияния субкультурного потенциала на субъектность.*

The article considers subculture as a special system of spiritual values in modern society. Subculture in the third millennium is a special way of life mainly shared by its direct adherers or sympathizers. The author defines the concept of subculture in this work as nothing more than a form of self-expression and self-utterance of personality. What goals a person sets for himself in life: to change the world, to alter his life into another one, to cast off the yoke of stereotypes, to abandon social canons, to assert alternative position in life towards the previous one and to confirm it in various social dogmas. Subculture is a special form of life identification; it is a common temporary phenomenon, mostly autonomous, shared in the modern world.

Keywords: modern culture, mass culture, subculture, multiculturalism, multicultural subjectivity, cultural heterogeneity and homogeneity.

Литература

1. *Костина, А. В.* Массовая культура: аспекты понимания [Электронный ресурс] / А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение. — 2006. — № 1. — Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2006_1/Kostina/4.pdf

Kostina, A. V. Massovayakul'tura: aspekty` ponimaniya [E'lektronny`j resurs] / A. V. Kostina // Znanie. Poniwanie. Umenie. — 2006. — № 1. — Rezhim dostupa: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2006_1/Kostina/4.pdf

2. *Скоробогатых, Н. С.* Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или к расколу общества? / Н. С. Скоробогатых // Общественные науки и современность. — 2004. — № 1. — С. 135—146.

*Skorobogaty`x, N. S.* Avstralijskijmul'tikul'turalizm: put' k grazhdanskomu soglasiyu ili k raskolu obshhestva? / N. S. Skorobogaty`x // Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'. — 2004. — № 1. — S. 135—146.

3. *Сыщук, О. В.* Формирование мультикультурной модели социосистемы с точки зрения синергетического принципа (на примере США) / О. В. Сыщук // Вопр. культурологии. — 2009. — № 12. — С. 43—45.

Sy'shhuk, O. V. Formirovanie mul'tikul'turnoj modeli sociosistemy` s tochki zreniya sinergeticheskogo principa (na primere SShA) / O. V. Sy'shhuk // Vopr. kul'turologii. — 2009. — № 12. — S. 43—45.

Е. В. Селезнева

Культура как высший уровень социального управления: возможности и проблемы

В статье рассматривается сущностная характеристика культуры как регулятора жизнедеятельности социума. Раскрыта роль культуры в формировании групповой психологии и культурной ориентации социума. Рассмотрены инструментальные и символические средства, обеспечивающие реализацию функций культуры как высшего уровня социального управления. Показана обусловленность культуры величиной и характером носителя культурных программ, а также соотношением в системе культурных программ рациональных и иррациональных элементов. Анализируется взаимосвязь между содержанием культурных программ, характером средств реализации этих программ, целевым назначением культурных алгоритмов и статусом и типом порождающей и использующей их в своих интересах социальной группы. Описаны социокультурные механизмы, лежащие в основе процессов социального управления, и социальные проблемы, возникающие при дезинтеграции этих механизмов. Рассмотрена роль элиты в интеграции — дезинтеграции культуры.

Ключевые слова: культура, социальное управление, ценности, нормы, элита, общество.

Вступая, в соответствии со своей изначально общественной природой, в разнообразные, специфически социальные связи и взаимоотношения, отдельные индивиды оказываются объединены в многообразные социальные системы, каждая из которых, сама по себе являясь сложноорганизованным, упорядоченным целым, включается в социальную систему более высокого

уровня, составляя в пределе человечество как суперсистему. При этом в качестве социальных систем выступают не только большие и малые социальные общности и группы и не только социальные институты как подсистемы общества, но и каждый человек как индивид, который обладает совокупностью социально значимых черт, характеризующих его как члена той или иной общности [3].

Необходимым, существенным, неотъемлемым свойством любой высокоорганизованной системы, которое возникает из ее потребностей упорядочить свою структуру и обеспечить эффективное функционирование в соответствии с целями и закономерностями своего существования и развития, является *управление*.

В биологических системах, к которым человечество относится как биологический вид, управление осуществляется на двух уровнях: *организменный уровень* ориентирован на самосохранение вида или экосистемы и воспроизводится наследственно; *поведенческий уровень* обеспечивает удовлетворение потребностей системы во взаимодействии с внешней средой, сам формируясь в этом взаимодействии (см.: [5. С. 1043—1044; 10. С. 144]).

В социальных системах сохранение их целостности, качественной специфики, устойчивости, нормальное функционирование, совершенствование и развитие, успешное движение к заданной цели обеспечивает такое их свойство, как *социальное управление* [15].

Несмотря на то что общая схема управления в социальных системах похожа на схемы управления в биологических и технических системах, социальное управление имеет принципиальные отличия от этих классов управления.

Эти принципиальные отличия связаны с природой и особенностями управляющей системы и объекта управления.

Субъектами социального управления которого могут быть:

- организационно-управленческая часть общества, которая осуществляет управляющие воздействия через правовые нормы (законы) и социальное регулирование;
- социальные организации и институты, которые планируют и оптимизируют деятельность социума, опираясь на существующую нормативную базу;
- человек (группа людей), который ставит и реализует свои жизненные цели исходя, с одной стороны, из существующих социальных норм, а с другой стороны, из своих внутренних оснований (личностных или групповых потребностей и ценностей, степени их расхождения с ценностями, действующими в социуме, реального состояния и самооценки своих внутренних ресурсов и т. д.).

Будучи субъектом управления, человек (группа, организация, общество и т. п.) одновременно является и его объектом.

Однако по своей природе человек — биопсихосоциальное существо. С позиций системного подхода это означает, что человека (и вместе с ним социум) следует рассматривать как:

- сложную систему (во внутренней организации человека выделяют три уровня: индивидуальный, личностный, субъектный; на каждом из этих уровней можно выделить ряд подсистем, любая из которых включает множество компонентов);

- открытую систему (человек «обменивается» с внешним миром энергией, информацией, творчеством);
- мягкую систему (обладающий сознанием человек рассматривает мир как проблематичный, слабоструктурированный, допускающий для объективного исследования множество интерпретаций, а себя — как важнейший компонент социальной системы, структурирующий ее своей деятельностью) (см.: [13. С. 30]);
- самоорганизующуюся систему (при изменении внешних или внутренних условий своей жизнедеятельности человек способен сохранять или совершенствовать свою организацию с учетом прошлого опыта) (см.: [18. С. 550]).

Мягкая, самоорганизующаяся система, учитывая законы объективного мира, действует прежде всего в соответствии с собственными целями, имеет возможность изменять свою структуру в зависимости от изменения внешних и внутренних условий; по характеру поведения и возможностям выборов вариантов решения является вероятностной.

В результате при попытке оптимизировать подобную систему жесткий подход оказывается неадекватным из-за того, что «в “мягких” системах актеры могут иметь различные взгляды и соответственно выдвигать множество различных задач, которые, по их мнению, следует решить в данной ситуации» [12. С. 37].

Так как, являясь мягкими, «...социальные системы в качестве активных элементов включают в себя индивидов и группы, которые имеют собственные цели, взгляды, установки, определяющие выбор решений и действий» [Там же], социальное управление как их компонент, оставаясь в своей основе информационным явлением, становится в первую очередь явлением социокультурным и психологическим и осуществляется на принципах самоорганизации и саморегуляции.

Реализация этих принципов в рамках социального управления обеспечивается тем, что в его структуре к организменному и поведенческому уровням добавляется *уровень культуры* (см.: [10. С. 144]).

Как справедливо замечает Дж. Масионис, «для человечества не существует “естественного” образа жизни, пусть даже большинство людей во всем мире именно таким видят свое собственное поведение. Естественное для нас — создание культуры. <...> ...Большинство живых существ направляется *инстинктом*, биологической программой, которую животное не контролирует. Некоторые представители фауны — особенно шимпанзе и родственные приматы — способны создавать ограниченную культуру. <...> Но креативная мощь людей намного превосходит все это. Иными словами, *только люди гарантируют выживание своего вида, опираясь не на инстинкт, а на культуру*» [7. С. 103—104].

В качестве высшего уровня управления жизнедеятельностью отдельного человека, группы, всего социума культура предстает как система исторически развивающихся надбиологических программ деятельности, поведения и общения, для создания которых используется целая система инструментальных и символических средств и которые (см.: [9. С. 341]):

- являются общими для какой-либо группы людей;
- служат упорядочению опыта и регулированию поведения членов группы;

- обеспечивают воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях;
- в совокупности и динамике образуют исторически накапливаемый социальный опыт, который хранится и транслируется последующим поколениям.

Инструментальные средства (духовные, социально-политические, материальные ценности; моральные, религиозные, правовые, корпоративные нормы; идеи, гипотезы, идеалы, цели; традиции, нравы и обычаи, образцы деятельности и поведения, навыки; элементы материальной культуры, обеспечивающие реализацию целей индивида или группы) нормативно регулируют собственно социальное поведение человека и составляют *культуру культурного человека* как «совокупность его личных образцов поведения, его методов деятельности, продуктов этой деятельности, его идей и мыслей, часто неизвестных другим людям» [21. С. 43], а символические средства (язык как знаки и значения, мифы и герои, ритуалы и обряды) психологически обеспечивают, манифестируют, стимулируют, демонстрируют правильное социальное поведение, составляя *культуру символической деятельности* (см.: [19. С. 60]).

В системах инструментальных и символических средств фиксируется групповой опыт, который, в свою очередь, играет доминирующую роль в формировании психологии группы, и прежде всего:

- особенностей организации деятельности и взаимодействия людей в ней;
- способов воздействия группы на личность;
- психологических механизмов, обеспечивающих включение личности в группу.

Таким образом, с социально-психологической точки зрения культура — это то, что:

- разделяется всеми или почти всеми членами некоторой социальной группы;
- выражается в явных (осознаваемых) и неявных (неосознаваемых) устойчивых, повторяющихся способах поведения;
- формирует принципы поведения (мораль, законы, обычаи) и картину мира;
- передается от одних членов группы к другим (и не только от старших к младшим, но и наоборот, а также внутри одного поколения);
- обеспечивает существование и развитие группы.

В то же время любая социальная группа (и общество в целом) может быть охарактеризована с точки зрения:

- культурных ценностей и норм как относительно общих убеждений, которые устанавливают коллективные предпочтения, определяют, что правильно и что неправильно, разделяются большинством членов группы и обуславливают их поведение и особенности деятельности;
- отношений как позиций, которые обеспечивают проявление культурных ценностей и норм и склоняют людей действовать или реагировать определенным способом;
- поведения членов группы (общества) как формы человеческой активности.

Сложное взаимодействие ценностей (норм), отношений и поведения в пространстве культуры приводит к формированию определенной культурной

ориентации общества и/или группы, динамику формирования которой можно описать следующим образом:

- *культура* и ее нормативные свойства выражаются через *ценности* и *нормы*, которые влияют на *отношения* между людьми и группами;
- *отношения* между людьми и группами влияют на их *поведение* в конкретных ситуациях;
- непрерывное изменение способов индивидуального и группового *поведения* влияет на *культуру* личности, группы и общества.

Программы, т. е. последовательности, алгоритмы, которые фиксируются культурой (см.: [6. С. 183—184]):

- с одной стороны, подчеркивают единообразие в деятельности, поведении и общении определенного числа людей, тем самым объединяя их (и для них самих, и для сторонних наблюдателей) в единую группу;
- с другой стороны, организуют разнообразие в деятельности, поведении и общении для разных групп, тем самым разделяя их.

Рассматривая культуру как основной регулятор жизнедеятельности социума, мы должны, однако, учитывать следующее.

Во-первых, культура меняется не только со временем: в каждый момент жизни социума культура не является чем-то «однородным», единым для всех представителей человечества. Она различается прежде всего по величине и характеру носителя культурных программ и существует одновременно в общечеловеческой, религиозной, политической, национальной, профессиональной, региональной, организационной, групповой, индивидуальной формах [16]. Все эти типы культуры взаимосвязаны между собой, но характер этой взаимосвязи может быть самым разным — от взаимодополняющего и взаимоусиливающего до взаиморазъединяющего и взаимоослабляющего. На индивидуальном уровне можно говорить также о разных формах (видах) психологической культуры (нравственной, эмоциональной, интеллектуальной, рефлексивной и др.), системное взаимодействие которых позволяет человеку как субъекту, личности и индивидуальности успешно адаптироваться к социуму, эффективно самоопределяться и самореализовываться в жизни. Как определенное качество внутренней психической жизни человека психологическая культура выступает как внутренний план, контур его общей культуры [11]. Культура общества и культура личности взаимосвязаны: личностный уровень культуры зависит от культуры социума, который, в свою очередь, определяется культурой составляющих его человеческих индивидов.

Во-вторых, в системе средств культуры и соответственно в системе самих культурных программ сосуществуют рациональные и иррациональные элементы. Рациональные элементы возникают как результат сознательной рефлексии и целенаправленного осмысления группового опыта и закрепляются в специфически упорядоченных, организованных, логичных формах. Иррациональные элементы возникают как результат внесознательного, интуитивного постижения мира и фиксируются в зачастую не поддающихся логическому упорядочению и организации эмоционально нагруженных формах. Исторически сложившийся приоритет рациональности не превращает рациональные культурные средства и программы в единственно правильный инструмент

поддержания стабильности и развития общества. Более того, «философы все чаще начинают подчеркивать ограниченность разума и его неспособность быть ориентиром поведения в ситуации вселенского вздора» [1. С. 16], отмечая одновременно, что «...погружение в пучины бессознательного постоянно вооружает нас новыми смыслами, идеями, озарениями» [Там же. С. 17]. В то же время и рациональные, и иррациональные элементы могут быть подлинными или мнимыми, реальными или иллюзорными, т. е. могут способствовать или препятствовать функционированию, совершенствованию и развитию социума.

В-третьих, содержание культурных программ, характер инструментальных и символических средств, с помощью которых эти программы реализуются, и, главное, целевое назначение культурных алгоритмов обусловлены тем, какое место в социальной иерархии занимает порождающая и использующая их в своих интересах группа, к какому типу групп она относится и соответственно каковы потребности и цели этой группы. В любом случае, даже если потребности и цели одной социальной группы противоречат (или, в пределе, являются враждебными) потребностям и целям других социальных групп, а иногда и социума в целом, в ее культуре на инструментальном уровне вырабатываются, вначале в виде ценностей и норм, а затем в виде образцов поведения, методы удовлетворения групповых потребностей и достижения групповых целей, а на символическом уровне выстраивается ценностная картина мира, которая, с одной стороны, обеспечивает ориентировку членов группы в их активности, а с другой стороны, «оправдывает» групповые потребности и цели.

Однако вне зависимости от принадлежности той или иной группе, культура выполняет по отношению к ней ряд социальных по своей природе функций (адаптационную, стабилизационную, программирующую и формирующую [4]), с одной стороны, обеспечивая *коллективный характер жизнедеятельности людей*, а с другой — регулируя почти все формы *индивидуальной активности человека*.

Именно выполняя свои функции, культура и выполняет свое назначение как высшего уровня социального управления.

С этой точки зрения можно выделить два вектора действия культуры: первый из них направлен к обществу, второй — к человеку [4]. Так как культура общества и культура личности взаимосвязаны, существование и развитие социума возможно, только если в соответствующем направлении развивается человек. Л. Н. Коган, подчеркивая диалектическую взаимосвязь, взаимообусловленность между субъектами — носителями культуры, видит в этой взаимосвязи механизм самодвижения общества и замечает, что «кризис культуры начинается там и тогда, где и когда общие нормы культуры подавляют и ограничивают развитие индивидуальности, превращают человека в “стадного” индивида, в конформиста» [2. С. 177].

На уровне общества выделяют *четыре направления культурного развития*, различающихся по способам и модели формирования человека (см.: [4]):

- культура наделяет человека теми или иными свойствами в полном соответствии с задачами, которые стоят перед обществом; общество эффективно решает возникающие перед ним внутренние и внешние проблемы;
- культура работает в соответствии с целями и задачами общества, но сами эти цели и задачи определены неправильно;

- цели развития общества определены правильно, но культура работает в ином направлении, и цели не достигаются;
- цели общества не определены достаточно четко, пути развития его культуры не осмыслены, что приводит к вялотекущему распаду, гниению и в конечном счете краху социума и страданиям людей.

Эти же тенденции развития могут быть зафиксированы и на уровне средних и малых социальных групп, составляющих данное общество.

При этом поддержание стабильности в обществе (социальной группе) связано с сохранением и воспроизводством уже существующих программ деятельности, поведения и общения, а возможность реальных изменений в жизни общества (социальной группы) предполагает генерацию новых культурных программ, реализующихся в соответствующих видах и формах человеческой активности.

- Если мы будем рассматривать культуру как систему, то обнаружим следующее:
- каждый элемент культуры по-разному влияет на деятельность, поведение и общение на уровне человека, группы и социума в целом, выступая как специализированное средство воздействия;
  - все элементы культуры взаимосвязаны и целенаправленно взаимодействуют между собой, обеспечивая максимально полную реализацию функций и достижение целей культуры.

- При этом тот или иной элемент культуры может воздействовать (см.: [20]):
- на внешне наблюдаемые формы и способы деятельности, поведения и общения (поступки);
  - внутренне осознаваемые ценности и нормы;
  - подсознательные, представляющиеся чем-то самоочевидным ценности и нормы как первичный источник поступков.

Таким образом, рациональное и иррациональное, сознательное и бессознательное начала в культуре, а следовательно, в процессах социального управления связаны неразрывно.

На *сознательном уровне* задачами субъектов социального управления, которые вместе образуют *организационно-управленческую подсистему* общества, являются:

- выработка управленческих решений, которая предполагает прогнозирование общественных потребностей, формирование целей развития, выявление проблем и задач, которые следует решить для достижения этих целей, анализ альтернативных путей их решения, принятие управленческого решения;
- организация осуществления принятого решения, регулирование и корректировка этого процесса;
- учет и контроль получаемых результатов, анализ степени достижения поставленных целей.

Эти задачи требуют согласования противоречивых интересов отдельных людей и социальных групп с общегосударственными и общенародными интересами.

Неэффективное социальное управление приводит к углублению этих противоречий и социальным конфликтам. Так как социальное управление является управлением с обратной связью, то его эффективность во многом определяется качеством обратной связи. Это предполагает высокую степень открытости процесса выработки управленческих решений, возможность обсуждения проектов решений на разных уровнях социума, учет предложений, полученных в ходе обсуждения, при выработке окончательного варианта решения, и т. п.

В качестве *бессознательного начала* в процессах социального управления выступают действующие в обществе культурные ценности и нормы.

Следует отметить, что именно огромный размер общества определяет силу его влияния на человека, возможность направлять его мысли и действия, способность формировать определенный тип характера. «Общество, будучи созданным людьми, начинает жить собственной жизнью и требует определенной меры повиновения от своих творцов» [7. С. 162].

Культурные ценности и нормы создаются в результате обобщения опыта социального взаимодействия на уровне отдельных малых и больших групп и общества в целом, фиксируются в различных формах (начиная с пословиц и поговорок и заканчивая кодексами и конституциями) и в результате превращаются по отношению к отдельному человеку во внешние регуляторы его активности.

Чтобы культурные ценности и нормы стали личностными, человек с момента своего рождения должен быть включен в процессы межличностного общения в малых группах. Это позволит ему, сначала через игру и учение, а затем через труд осваивать различные формы социальной активности, расширять свой жизненный опыт и тем самым присваивать внешние регуляторы, превращая их во внутренние. Действуя уже как внутренние регуляторы, культурные ценности и нормы определяют особенности поведения и деятельности человека, регулируя его посредством моральной дисциплины, и в итоге формируют личность.

Культурные ценности как явные или неявные концепции должного или желаемого выступают как критерии оценки предметов или явлений социальной действительности. Опираясь на ценностные критерии, индивид или группа оправдывает и защищает сделанный поведенческий выбор.

Культурные нормы как правила поведения в определенной социальной группе регулируют индивидуальные и групповые взаимодействия в данной социальной группе или обществе, требуя от человека в каждой ситуации действий определенного типа.

Культурные ценности и нормы исторически конкретны и связаны с этапами и формами социального управления, а также между собой:

- ценности являются представлениями о должном или желаемом, которые связывают отдельных людей в единую социальную группу, и одновременно — критериями должного или желаемого;
- нормы как требования (императивы) «правильного» поведения обеспечивают сохранение ценностей и тем самым поддерживают и укрепляют социальную целостность.

Можно говорить о том, что культурные ценности и нормы образуют *ценностно-нормативную подсистему социального управления*.

На этом уровне социальное управление чаще всего осуществляется как управление без обратной связи: принятые нормы (законы, кодексы, уставы, инструкции, наставления и т. п.) исходят в своих требованиях из заданных условий и не учитывают возможные изменения и особенности конкретной ситуации. Поэтому перед участниками процесса социального управления встает проблема выбора: следовать «букве закона» или его духу либо вообще выбирать между «законом» и «совестью».

Организационно-управленческая и ценностно-нормативная подсистемы социального управления, взаимодействуя между собой, организуют социальную жизнь. В идеале совместное воздействие этих двух подсистем должно гармонизировать стремления и действия членов общности, устанавливать допустимые способы удовлетворения их потребностей, минимизируя возможные противоречия, разрешать проблемы и конфликты между разными социальными группами, возникающие в ходе взаимодействия, и в итоге обеспечивать устойчивое поступательное развитие социума. Только в этом случае можно будет говорить о здоровом обществе.

Однако в действительности внутри каждой из этих подсистем и между ними существуют противоречия, которые приводят к нарушению социального порядка и в результате к болезни общества. Это могут быть противоречия:

- между культурными ценностями, которые отражают «определенные культурой цели, намерения и интересы, выступающие как требуемые законные цели для всех членов общества либо некоторых его членов» [8. С. 245], и культурными нормами, которые определяют, регулируют и контролируют приемлемые способы достижения этих целей [Там же] (так, в настоящее время и в деловой, и в личной сфере ценность честности находится в противоречии с нормой, в соответствии с которой ложь и обман в отношениях допустимы);
- культурными ценностями и нормами разных социальных групп внутри общества (это противоречие зафиксировано в крылатом латинском выражении: «*Quod licet Jovi, non licet bovi*», т. е. «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку»);
- реальными и декларируемыми культурными ценностями и нормами (например, в рамках организационной культуры декларируемая ценность самостоятельности и творческого подхода к решению задач со стороны всех сотрудников вступает в противоречие с реально действующими принципами: «ты — начальник, я — дурак» и «инициатива наказуема»);
- регулирующими культурными нормами и техническими нормами, или нормами эффективности («Многие процедуры, которые с точки зрения отдельных индивидов эффективнее всего обеспечивали бы обретение желаемых ценностей — применение силы, обмана, власти, — выведены за пределы институциональной сферы разрешенного поведения» [Там же]);
- реальными культурными ценностями и нормами и формально действующими на уровне организационно-управленческой подсистемы правовыми нормами (это противоречие, в частности, отражается в известном афоризме: «Строгость закона компенсируется необязательностью его выполнения»);
- правовыми нормами, действующими на разных уровнях организационно-управленческой подсистемы.

Усиление этих противоречий говорит о том, что культура общества как высший уровень социального управления, т. е. основной регулятор его жизнедеятельности, плохо интегрирована.

Р. Мертон описывает два типа плохо интегрированной культуры.

Для *первого типа* характерно рациональное и эмоциональное сосредоточение на необходимости достижения главных в культурной иерархии ценностей-целей. В результате нормы как средства достижения этих целей оцениваются только с точки зрения их технической целесообразности (т. е. в этом типе культуры работает принцип «цель оправдывает средства»). «Наиболее эффективной в техническом плане процедуре — вне зависимости от того, узаконена она культурой или нет, — как правило, начинают отдавать предпочтение перед институционально предписанным поведением» [Там же. С. 248].

Постепенно институциональные нормы размываются, для достижения значимых целей начинают использовать исключительно технические нормы, общество становится нестабильным, перестает заботиться о моральном облике своих членов. Результатом становится состояние *аномии* — дезинтеграции

устоявшейся в обществе системы культурных ценностей и норм, что проявляется в усилении тенденций к отклоняющемуся поведению на уровне отдельных членов общества и различных социальных групп.

- Отклоняющееся поведение при этом может принимать самые разные формы:*
- *на личностном уровне — от разочарования, апатии и депрессии до алкоголизма, наркомании, преступности и самоубийства;*
  - *на уровне социальных групп — от профессиональной халатности до массовой коррупции и организованной преступности.*

Особенностью *второго типа* плохо интегрированной культуры является превращение средств достижения целей в «самодостаточные практики, не преследующие никаких последующих целей» [8. С. 246—247]. Сосредоточившись на институциональных средствах, общество отбрасывает первоначально сформулированные цели как недостижимые, но одобряет и использует необходимые институциональные средства (порядок, система и т. д.). Результатом становится состояние *ритуализма*. «Первоначальные цели забываются, и непоколебимая верность институционально предписанному поведению становится предметом ритуала. Главной ценностью становится полная конформность. На какое-то время это гарантирует социальную стабильность — но ценой потери гибкости» [Там же].

Во многих случаях в обществе, которое находится в кризисном состоянии, можно зафиксировать одновременно признаки и аномии, и ритуализма (когда, в частности, внешнее следование социальным ритуалам сочетается с неприкрытым нарушением законов).

Таким образом, конфликты между организационно-управленческой и ценностно-нормативной подсистемами социального управления и внутри этих подсистем приводят к негативным изменениям в различных сферах общества и социальных институтах, т. е. к деформации социальной структуры и возникновению социального напряжения. Преодолеть кризисное состояние общество может, только перестроив систему социального управления и согласовав иерархию культурных ценностей-целей и иерархию официально установленных культурных норм как социально структурированных средств реализации ценностей-целей.

И здесь необходимо вспомнить, что культурные ценности и нормы как инструментальные средства реализации культурных программ рождаются из потребностей и целей социальных групп.

При этом, с одной стороны, чем более высокое место в социальной иерархии занимает та или иная группа, тем большими возможностями по «распространению» собственных культурных ценностей и норм на другие группы и формированию определенной ценностной картины мира, в которой именно эти ценности и нормы являются единственно правильными и ведущими к единственно правильным целям, она обладает. С другой стороны, чем более антисоциальной по своему типу является данная группа, т. е. чем больше она ориентирована на удовлетворение собственных интересов за чужой счет, тем больше ее ценности и нормы расходятся с ценностями и нормами иных социальных групп и начинают разрушать общество.

С этой точки зрения наибольшее влияние на формирование и действие культурных ценностей и норм оказывают так называемые элиты, т. е. высшие слои социальной структуры общества, а среди элит — политическая элита как верхний слой официальных руководителей государственной власти, контро-

лирующий основные ресурсы власти и процессы принятия решений в области политического, экономического и социального развития страны.

Как известно, основными функциями политической элиты являются разработка стратегических целей развития общества, создание программы достижения этих целей при конструктивном взаимодействии с обществом [14]. При этом объективным ценностным критерием социальной эффективности политической элиты является сохранение и приумножение ресурсов оптимального развития данного общества в его целостности, а субъективным — удовлетворенность большинства членов общества качеством жизни.

Эффективно реализовать свои функции политическая элита может только в том случае, если ее реальной, а не декларируемой целью будет создание благоприятных условий для развития общества как целого и одновременно повышение уровня материального, социального и психологического благополучия всех его членов, а в структуре ее реальных, а не декларируемых культурных ценностей ведущими будут просоциальные ценности, в первую очередь ценности служения обществу и социальной ответственности.

Однако в настоящее время в большинстве стран политическая элита, слившись, с одной стороны, с бюрократической элитой, а с другой стороны, с экономической элитой (высшим менеджментом финансовых и коммерческих структур), превратилась в замкнутую и при этом сплоченную социальную группу, которая, занимая привилегированное положение в обществе, противопоставляет себя этому обществу и использует свои властные возможности для реализации прежде всего и исключительно своих интересов. По существу, ее цели и задачи находятся в противоречии с общесоциальными целями развития.

Это определяет выбор способов взаимодействия политической элиты с обществом и воздействия на него:

- с помощью различных манипулятивных практик внутригрупповые культурные ценности элиты преподносятся обществу как его собственные (так, ссылки на научные авторитеты и одновременно массированное внушающее воздействие через электронные СМИ обеспечивают формирование в обществе представления о главенстве в структуре человеческих ценностей ценности богатства и власти);
- путем публичного воспроизведения образцов поведения культурные нормы, выгодные для элиты, навязываются обществу как должные (в частности, нормы потребительского поведения);
- с использованием разнообразных властных ресурсов общество принуждается к следованию удобным и выгодным для элиты социальным и правовым нормам.

Во все эти процессы активно включается и реализует их, демонстрируя свою сервильность и корыстность и, по существу, способствуя все большему расколу в обществе, научная и образовательная, а также культурная и духовная элита [17].

И если в социокультурном плане в обществе происходят все большее расслоение культуры и все больший сдвиг к ее дезинтеграции, то в социально-психологическом плане это сопровождается, со стороны элит, все большими деформациями группового мышления, которые приводят, вследствие неспособности анализировать варианты и просчитывать все возможные по-

следствия, к принятию явно ущербных, а иногда абсурдных и катастрофических и для общества в целом, и для самой элиты решений, а со стороны рядовых членов общества — одновременным усилением депрессивных, конформных и агрессивных тенденций. Все это, вместе взятое, приводит к тому, что и социокультурные, и социально-психологические регуляторы, вместо того чтобы объединять членов общества, способствовать взаимовыгодному взаимодействию между государством и обществом и согласованию их интересов и целей, тем самым обеспечивая социальное развитие, начинают действовать как деструктивные механизмы, разрушая связи между социальными группами, составляющими общество, и в итоге ослабляя это общество и замедляя (или, в пределе, останавливая) его развитие.

Адекватно определить долгосрочные цели развития общества, создать результативную программу по их достижению и обеспечить их реализацию способна только элита, внутригрупповые культурные ценности которой в наибольшей степени соответствуют общесоциальным ценностям. При этом критерием оценки деятельности элиты должна быть не ее технологическая эффективность, а основанные на культурных ценностях установки, поддерживаемые большинством членов элиты и общества.

Все сказанное выше приводит к следующим **выводам**.

Культура любой социальной группы и общества в целом формируется в процессе их внутренней интеграции и адаптации к внешней среде и включает систему ценностей, норм, представлений и убеждений, которые разделяются большинством членов группы (общества), проявляются в их поведении, взаимодействии и деятельности, а также отражают особенности их картины мира. Таким образом, *культуру можно понимать как систему программ и технологий взаимодействия членов социума, в основе которой лежат разделяемые большинством ценности и которая обеспечивает как социальную стабильность, так и социальное развитие.*

С внутренней, смыслообразующей точки зрения *целями культуры любой социальной группы и социума в целом являются: создание и формулировка идей и на этой базе — выражение и представление других элементов культуры (философия, ритуалы, традиции и т. д.) для реализации их в системе социального управления; «перевод» смыслового содержания элементов культуры с внешнего, коллективного уровня на внутренний, индивидуальный; формирование элементов социальной психологии (различного рода отношений, взглядов, настроений и т. д.); самопрезентация группы во внешней среде (по отношению к другим социальным группам и обществу в целом).*

Следует учитывать, что культура возникает из многообразия человеческого опыта, т. е. изначально является неоднородным, многообразным и зачастую внутренне противоречивым образованием, а процессы формирования культуры в социуме и реализации ее функций связаны с активностью социальных групп и социальных индивидов как субъектов и объектов социального управления и с возникновением в рамках человеческой культуры в целом множества культур отдельных социальных групп. Однако именно *неоднородность, многообразие и противоречивость культуры и участие в процессах ее формирования и реализации функций разнородных социальных групп и обеспечивают динамические процессы в социуме.*

Наращение противоречий между социальными группами, составляющими общество, как в отношении их интересов и целей, так и в отношении реаль-

ных возможностей по их реализации и достижению приводит к дезинтеграции культуры как объективного регулятора жизнедеятельности социума, что, в свою очередь, выражается в снижении продуктивности и эффективности социального управления и в итоге в снижении темпов социального развития. Преодолеть дезинтеграцию культуры на современном этапе развития общества возможно *путем организации постоянно действующего динамически структурированного общественного диалога как общественного дискурса, позволяющего постепенно создавать и вводить новые, разделяемые большинством членов общества, вне зависимости от их групповой принадлежности, общесоциальные культурные ценности и релевантные им нормы, образцы деятельности и поведения, а также разрабатывать новые модели социальных институтов, в рамках которых станет возможным реальное повышение эффективности социального управления в интересах всего общества.*

In article intrinsic characteristic of culture as the highest level of social management. Culture role in formation of group psychology and cultural orientation of society is opened. The tool and symbolical means providing realization of functions of culture as the highest level of social management are considered. The conditionality of culture by the size and the nature of the carrier of cultural programs and also a ratio is shown in the system of cultural programs of rational and irrational elements. The interrelation between contents of cultural programs, the nature of implementers of these programs, purpose of cultural algorithms and the status and type of the social group generating and exploiting them is analyzed. The sociocultural mechanisms which are the cornerstone of processes of social management and the social problems arising at disintegration of these mechanisms are described. The role of elite in integration — disintegration of culture is considered.

Keywords: culture, social management, values, norms, elite, society.

Литература

1. Гуревич, П. Рациональное и иррациональное в культуре / П. Гуревич // Филос. антропология. — 2016. — Т. 2, № 2. — С. 7—21.
Gurevich, P. Racional'noe i irracional'noe v kul'ture / P. Gurevich // Filos. antropologiya. — 2016. — T. 2, № 2. — S. 7—21.
2. Коган, Л. Н. Цель и смысл жизни человека / Л. Н. Коган. — М.: Мысль, 1984. — 252 с.
Kogan, L. N. Cel' i smysl zhizni cheloveka / L. N. Kogan. — M.: My'sl', 1984. — 252 s.
3. Кон, И. С. Личность [Электронный ресурс] / И. С. Кон // Больш. сов. энцикл. — Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article070928.html>
Kon, I. S. Lichnost' [E'lektronny'j resurs] / I. S. Kon // Bol'sh. sov. e'ncikl. — Rezhim dostupa: http://bse.sci-lib.com/article070928.html
4. Круглова, Л. К. Жизнеобеспечивающие функции культуры / Л. К. Круглова // Фундаментальные проблемы культурологии : в 4 т. — СПб., 2008. — Т. 1 : Теория культуры. — С. 330—344.
Kruglova, L. K. Zhizneobespechivayushhie funktsii kul'tury' / L. K. Kruglova // Fundamental'ny'e problemy' kul'turologii : v 4 t. — SPb., 2008. — T. 1 : Teoriya kul'tury'. — S. 330—344.
5. Культурология : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. и автор проекта С. Я. Левит. — М.: Рос. полит. энцикл., 2007. — Т. 1. — 1392 с.
Kul'turologiya : e'nciklopediya : v 2 t. / gl. red. i avtor proekta S. Ya. Levit. — M.: Ros. polit. e'ncikl., 2007. — T. 1. — 1392 s.
6. Лурье, С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы : учеб. пособие для вузов / С. В. Лурье. — 2-е изд. — М.: Акад. проект : Альма-матер, 2005. — 624 с.
Lur'e, S. V. Psixologicheskaya antropologiya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy' : ucheb. posobie dlya vuzov / S. V. Lur'e. — 2-e izd. — M.: Akad. proekt : Al'ma-mater, 2005. — 624 s.
7. Мационис, Дж. Социология / Дж. Мационис. — 9-е изд. — СПб.: Питер, 2004. — 752 с.
Masionis, Dzh. Sociologiya / Dzh. Masionis. — 9-e izd. — SPb.: Piter, 2004. — 752 s.
8. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. — М.: АСТ [и др.], 2006. — 873 с.
Merton, R. Social'naya teoriya i social'naya struktura / R. Merton. — M.: AST [i dr.], 2006. — 873 s.
9. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд ; Науч.-ред. совет. — М.: Мысль, 2001. — Т. 2. — 634 с.
Novaya filosofskaya e'nciklopediya : v 4 t. / In-t filosofii RAN, Nacz. obshh.-nauch. fond ; Nauch.-red. sovet. — M.: My'sl', 2001. — T. 2. — 634 s.

10. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд ; Науч.-ред. совет. — М. : Мысль, 2010. — Т. 4. — 736 с.
Novaya filosofskaya e'nciklopediya : v 4 t. / In-t filosofii RAN, Nacz. obshh.-nauch. fond ; Nauch.-red. sovet. — M. : My'sl', 2010. — T. 4. — 736 s.
11. *Нургалеев, В. С.* Психологические факторы развития воображения в процессе когнитивной деятельности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / В. С. Нургалеев. — Новосибирск, 1999. — 35 с.
Nurgaleev, V. S. Psixologicheskie faktory' razvitiya voobrazheniya v processe kognitivnoj deyatel'nosti : avtoref. dis. ... d-ra psixol. nauk / V. S. Nurgaleev. — Novosibirsk, 1999. — 35 s.
12. *Плотинский, Ю. М.* Модели социальных процессов : учеб. пособие для высш. учеб. заведений / Ю. М. Плотинский. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : Логос, 2001. — 296 с.
Plotinskij, Yu. M. Modeli social'ny'x processov : ucheb. posobie dlya vyssh. ucheb. zavedenij / Yu. M. Plotinskij. — Izd. 2-e, pererab. i dop. — M. : Logos, 2001. — 296 s.
13. *Селезнева, Е. В.* Развитие акмеологической культуры личности / Е. В. Селезнева ; под ред. А. А. Деркача. — М. : Изд-во РАГС, 2004. — 260 с.
Selezneva, E. V. Razvitie akmeologicheskoy kul'tury' lichnosti / E. V. Selezneva ; pod red. A. A. Derkacha. — M. : Izd-vo RAGS, 2004. — 260 s.
14. *Смирнов, Д. С.* Ценностные ориентации политической элиты как фактор ее эффективности : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Д. С. Смирнов. — Екатеринбург, 2007. — 16 с.
Smirnov, D. S. Cennostny'e orientacii politicheskoy e'lity' kak faktor ee e'ffektivnosti : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk / D. S. Smirnov. — Ekaterinburg, 2007. — 16 s.
15. Социологический словарь проекта Socium [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.socium.info/dict.html>
Sociologicheskij slovar' proekta Socium [Elektronny'j resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.socium.info/dict.html>
16. *Спивак, В. А.* Организационная культура / В. А. Спивак. — СПб. : Нева, 2004. — 224 с.
Spivak, V. A. Organizacionnaya kul'tura / V. A. Spivak. — SPb. : Neva, 2004. — 224 s.
17. *Федотова, В. Г.* Роль и ответственность элиты в общественных преобразованиях / В. Г. Федотова // Знание. Понимание. Умение. — 2011. — № 4. — С. 9—19.
Fedotova, V. G. Rol' i otvetstvennost' e'lity' v obshhestvenny'x preobrazovaniyah / V. G. Fedotova // Znanie. Ponimanie. Umenie. — 2011. — № 4. — S. 9—19.
18. Философская энциклопедия / гл. ред. Ф. В. Константинов. — М. : Сов. энцикл., 1967. — 592 с.
Filosofskaya e'nciklopediya / gl. red. F. V. Konstantinov. — M. : Sov. e'ncikl., 1967. — 592 s.
19. *Флиер, А. Я.* Культура как социальная система / А. Я. Флиер // Вестн. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. — 2013. — № 3. — С. 60—68.
Flier, A. Ya. Kul'tura kak social'naya sistema / A. Ya. Flier // Vestn. Chelyabin. gos. akad. kul'tury' i iskusstv. — 2013. — № 3. — S. 60—68.
20. *Шейн, Э. Г.* Организационная культура и лидерство / Э. Г. Шейн ; пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. — 3-е изд. — СПб. : Питер, 2012. — 336 с.
Shejn, E. G. Organizacionnaya kul'tura i liderstvo / E. G. Shejn ; per. s angl. pod red. V. A. Spivaka. — 3-e izd. — SPb. : Piter, 2012. — 336 s.
21. *Щепанский, Я.* Элементарные понятия социологии / Я. Щепанский ; под общ. ред. А. М. Румянцев. — М. : Прогресс, 1969. — 240 с.
Shhepan'skij, Ya. E'lementarny'e ponyatiya sociologii / Ya. Shhepan'skij ; pod obshh. red. A. M. Rumyanцева. — M. : Progress, 1969. — 240 s.

Культура в действии и действенность культуры

Педагогические аспекты

С. В. Дмитриев, С. Д. Неверкович

Эстетотерапия, арт-пластика, методы здоровьесотворчества, психолингвистики и межличностного взаимодействия в сфере физической культуры и адаптивной педагогики: ситуационный анализ проблемы

Для того чтобы образование в сфере физической культуры (ФК) и адаптивной педагогики (АП) реально выполняло роль социокультурного регулятора, оно должно быть обращено к лич-

ности, формировать культуру человеческой телесности (где «здоровый дух» выступает духовным фундаментом телесного здоровья), систему ценностных ориентаций и нравственных принципов. Без поворота технологий адаптивной педагогики «лицом к человеку» не может идти и речи об оптимизации развивающего обучения, методов сбережения здоровья и восстановления утраченных функций. Необходимо научить человека рефлексивно-творчески работать с собственным сознанием и механизмами телопсихики, личностного и межличностного здоровья.

Ключевые слова: методология адаптивной физической культуры, межличностное взаимодействие субъектов образования.

Поскольку культура, искусство и образование философски и структурно многомерны, в них можно найти массу вопросов и ответов, связанных с Творением.
М. Казиник

Я вызван русским языком
для встречи с Божьим Духом.
Фазиль Искандер

Когнитивные, телесно ориентированные, регулятивные методы развивающего обучения в сфере физической культуры и адаптивной педагогики

В данной статье здоровьесберегающие технологии рассматриваются нами в трех аспектах: духовном (расширении деятельностно организованного сознания), физическом (реализации функционально-деятельностного потенциала) и социальном (активное жизнестроительство и многофакторная адаптация). Это не только знание о своих потенциальных возможностях, но и умение пользоваться данными резервами и нераскрытыми потенциями в самом себе. В данном определении зафиксированы три составляющие структуры личности: *когнитивная, эмоционально-мотивная и поведенческая*. Мы считаем необходимым обсуждать не «активность» функциональных систем организма (это биологический процесс), а деятельность человека в условиях меняющейся предметной среды. Ограничимся здесь кратким изложением лишь некоторых изменений *духовно-культурных и психосоматических функций адаптивной педагогики*, которые необходимо учитывать в профессиональном образовании студентов-реабилитологов, психотерапевтов, специалистов по работе с телопсихикой. Наиболее важные тезисы изложены в рамках.

Обучающие технологии в адаптивной педагогике (АП) должны, на наш взгляд, включать в себя программы трех типов образовательных ситуаций: *предметно ориентированные, телесно ориентированные и эстетически ориентированные*. *Эстетическое развитие личности* — это развитие способности и потребности отражать и творить в соответствии с предметными параметрами двигательного действия (морфология, биомеханика) и человеческой меры (культурологические координаты — ценности, смыслы, самоорганизация психических механизмов). Творческие способности в сфере арт-пластики движений, имаготерапии (от лат. *imago* — образ) и эстетотерапии требуют серьезной работы педагога и человека с инвалидностью над предметным содержанием двигательных действий (творческого выражения мысли на «языке тела» — ментально-двигательных эвристик) и формой (художественно-эстетическое оформление «текста движений» — зрительно-двигательные коннотации; ментально-двигательная моторика — жест, мимика, пантомимика).

Эстетотерапевтические технологии должны обеспечивать конструктивные преобразования (дающие облегчающий, лечащий, адаптивно-коррекционный, эстетически развивающий и тому подобный эффект) и межличностные взаимодействия: безоценочное позитивное принятие другого человека, активное «эмпатийно-двигательное понимание» (совместное «художественное переживание» экспрессивно-пластических образов) и конгруэнтное (т. е. адекватное, подлинное и искреннее) самовыражение в общении с ним (в том числе на языке «семантики движений»). Таким образом, арт-терапевтические технологии отражают «метаиндивидуальное существование» человека — «отраженность» его в другой личности, креативно-двигательный «семантический диалог» двух и более суверенных субъектов ситуации образовательно-обучающего процесса. Данные технологии не только отражают «универсум общения», но и способны конструировать, совершенствовать кататимно-эмоциональную сферу личности (экспрессивный отклик в душе — эстетический катарсис), интеллектуальную сферу человека (творческие способности), телопсихическую сферу субъекта двигательного действия («ментально-телесное сознание»). Здесь важна *смысловая конгруэнтность* — совпадение того, что понимается человеком вербально, с языком тела («образ тела», «телесное Я») и структурами (механизмами) телосознания (метафоризация сознания, семантическая идеомоторика, имаготерапия). По сути телесно-смысловая конгруэнтность — это вторжение «художественно-эстетических переживаний» в понятийно-двигательную сферу; средств «чувствознания» — в сферу смысловой организации действия; эмоций и творческого воображения — в сферу интеллекта [1; 3; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 11]. Антропные технологии нуждаются в разработке механизмов так называемого янусианского мышления [2] — способности человека обдумывать одновременно две противоположные точки зрения (Янус — древнеримское божество с двумя ликами, обращенными в разные стороны [8]).

Можно говорить о «взаимодействии» различно организованных по содержанию и форме мыслей (мыследействий, мыслезнаний), «бьющих в точку» воздействия на объект/предмет мысли. Так, ребенок-инвалид, «играя, учится» (доминирует направленность деятельности на процесс) и «учится, играя» (доминирует направленность деятельности на результат). В театрализованных программах обучения процесс творчества должен преобладать над результатом. *Достигнутый результат — это только инструмент, способ совершенствования*, одно из необходимых средств аутотерапии (гр. *autos* означает «сам»). Необходимо найти нужные точки опоры в себе самом для развития и совершенствования. В мотивационной сфере человека должно доминировать не желание быть «как все», а *полное самораскрытие (самоактуализация) способностей*, составляющих ментально-двигательный потенциал индивидуальности. К сожалению, проблема соотношения игрового (в широком смысле слова), аутотерапевтического и образовательного развития в АП пока еще не получила научно-методологического анализа.

Современное литературоведение рассматривает отношение читателя к автору как диалог, собеседование, встречу [8]. Так, *месседж* (от англ. *message* — мысль, которую автор хочет передать читателю, определенная «программа воздействия» автора на «воображаемого читателя») оказывается продуктом различных социокультурных дискурсов: *интенцией адресанта* (экспрессивный

текст), *творческим опытом адресата* (импрессивный текст), *контекстом восприятия* (коды, действующие в данной культуре, социокультурные установки, языковые референции, ценностно-смысловые системы личности, эмоционально-экспрессивные трансакции). Например, при восприятии «текста движений» важны эйдетические способности человека «видеть в воображении» семантику двигательных действий («чтение образами, а не словами»). С помощью механизмов психомоторной идентификации создается «живой образ» двигательных действий, обладающий множеством оттенков, каждый из которых не всегда может быть обозначен словом (механизм восприятия психосемантики движений балерины, инструктора по аэробике, дирижера оркестра во многом похож на дзенский способ «понимания вне слов»).

В смысловой организации «живых текстов» происходит сложная состыковка биологических программ, характеризующих индивидуальную наследственность (биокод), и надбиологических программ поведения, общения и деятельности, составляющих своего рода «социокультурную наследственность» (социокод). Отметим, что в диалоге человека с миром посредством «живого текста» мир приоткрывается в тексте в задаваемой дискурсивности, а также осмысливается и переосмысливается в нем. Часто возникает своего рода «смысловая лессировка» объекта, когда один слой смысла просвечивает сквозь другой, на него наложенный («смысловая суперпозиция»). Известно, что постижение смысла того или иного объекта не есть самый глубокий уровень его понимания. Будущие исследователи, как правило, понимают литературный источник лучше, чем его создатели и современники («парадокс Ф. Шлейермахера», немецкого философа, основателя ранней герменевтики). Это связано с тем, что в процесс смыслопостижения включаются не только текст и его автор (всякий автор — сын своей эпохи), но и связи содержания текста с тенденциями общественного развития, которые могут и не быть известны автору (футурологический контекст).

Известно, что предметность двигательных действий не обязательно материальна, тем более вещественна, она может иметь и духовный характер. Мы разводим понятия *субъектности* (внутреннего мира сознания) и *субъективности* (точки зрения исследователя, часто не совпадающей с точками зрения других экспертов или противоречащей результатам науки). Предмет деятельности (предмет познания, оценки и преобразования) у разных субъектов науки или образования может быть один, ракурсы его видения взаимодополнительны, а пути личного восхождения к нему различны и индивидуальны. В ситуации решения ментальных, художественных и креативно-двигательных задач человек, как известно, творит себя — не только «образовывается» (т. е. приобретает знания, умения и компетенции), но и сам преобразует свой ценностно-смысловой мир: свое понимание, свое видение, свое отношение к ситуации задачи и интерпретации деятельности. В образовательных ситуациях весьма важны методы предметной рефлексии, с помощью которых исследователи и технологи действуют сообразно «логике объекта», а также в соответствии с «логикой понятий»: здесь, по выражению французского математика, физика и философа А. Пуанкаре, интуиция творит, а логика доказывает. При этом осуществляется «вживание», вовлеченность (engagement) человека в процесс продуктивной деятельности. Это — экстатический процесс, «захватывающий» эмоции, мысли и действия мыслителя или ис-

полнителя деятельности. Так, музыкант «погружается» в музыку, находится во власти музыки; стихи «овладевают» поэтом или читателем; спортсмен испытывает «мышечную радость движений», начинает «мыслить всем своим телом» (возникает феномен «мыслительной ткани из смешанной пряжи» — язык гибридного, полимодального мышления) [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

Известно, что **смыслоинтерпретация** представляет собой переработку усвоенных человеком смыслов в соответствии с его концептуально-ценностной системой. Если «понимание» человеком действительности предполагает, прежде всего, процедуру формирования и выявления общезначимого смысла («погружение» в смысловую структуру знания и прослеживание «внутренней» логики его развития), то «интерпретация» ориентирована на процедуры толкования текстов, явлений и фактов науки, культуры и деятельности людей (опосредованных личностными ожиданиями и интенциями «интерпретанта»). Интерпретант извлекает релевантную информацию в соответствии со своими потребностями и ценностно-смысловыми установками. Например, театральный зритель в «диалоге восприятия и интерпретации» видит мизансцену монолога Хлопуши в спектакле Театра на Таганке «Пугачев» глазами В. Высоцкого. Интерпретируя иные миры, «входя» в пространство социума, культуры и собственного мировоззрения, действующая личность производит себя, конструирует свою индивидуальность.

Участие в «Пугачеве» было больше, нежели просто актерское исполнение одной роли, больше, чем один созданный актером художественный образ. На самом деле это, конечно, не монолог, а скорее диалог: голос автора, создателя — куда ж ему деться? — всегда звучит в тексте. Сам С. Есенин очень любил читать монолог Хлопуши. Впервые он читал поэму 6 августа 1921 г. в знаменитом Литературном особняке на Арбате. В выступлениях С. Есенина звучал прежде всего голос героя — и поэт не перебивает его, отходит в тень, а его присутствие ощущается в интонации, мелодии. Впрочем, и в речи персонажа тоже: кто, как не поэт, помогает герою выговорить то, что наболело, передать написанный поэтом стихотворный текст.

Слушая Хлопушу-Высоцкого, словно видишь за ним взвихренную народную массу, вспененную могучую лаву взбунтовавшихся людей, неудержимый поток, разлившийся по царской России. Своеобразный голос артиста способствует силе впечатления, его оттенки как нельзя больше соответствуют характеру Хлопуши, воплощенному в строках есенинских стихов, — сложной человеческой судьбе, надорванному, но несломленному человеческому духу.

Надрывному тембру голоса В. Высоцкого верили. Казалось, что художественное восприятие должно быть именно таким: неприглаженным, хриплым, мятежным! Поэтичность и огневой темперамент актера создают своеобразный характер Хлопуши в исполнении В. Высоцкого. Уральский каторжник, стремящийся к Пугачеву, передает в спектакле неистовый взлет стихийных сил, характерный для размаха пугачевщины, взлет, сделавший крестьянское восстание таким устрашающим для самодержавия.

Не последнее действующее лицо поэмы — русская тоска, степной пейзаж, плачущие ивы, бесконечные пески, солончаки, версты, ветлы... С этой Россией никаким одиночкам ничего не поделать. Гибнет Хлопуша, гибнет Пугачев, в дальнейшем гибнет В. Высоцкий — «под душой так же падаешь, как под ношей». «Мы понимаем не сделанное, а слеланным» (парадокс грузинского философа М. К. Мамардашвили).

В «Пугачева» вступил актер-поэт, его уникальная, многогранная творческая природа обогатила восприятие и интерпретацию спектакля, его сценарную партитуру, а поэт пошел дальше своей дорогой... Это был больше чем один созданный актером образ.

Отметим, что в театрально-художественной системе К. С. Станиславского актеру для идентификации предлагается войти во внутренний мир своего персонажа, представить себя в его теле, преодолеть, как утверждают современные ученые, «границу Я-чувства» (В. А. Подорога), «энергетическую границу» (Л. Марчел), «контактную границу» (Ф. Перлз), «границу Я» (А. Ш. Тхостов). В результате происходит диверсификация как внешнего

предметного поля действия, так и внутреннего пространства личности, *развитие способности к аутентичному самовыражению и усвоению социокультурных программ*. Любое креативно-двигательное действие человека «объято» духом творца, и последний имеет возможность наслаждаться самим «процессом объятия» — он счастлив от ощущения своей аутентичности. Можно полагать, что в методике АП важны методы «глубинной экологии личности» (А. Нейсс), «мышечной радости» (И. М. Сеченов, И. П. Павлов), «телесно-двигательного счастья» человека, которые определяются не только механизмами интериоризации (П. Жане, Ж. Пиаже, А. Валлон, П. Я. Гальперин). Известно, что никакие внешние факторы сами по себе не могут гарантировать подлинное счастье человеку. Необходимы методы соучастия, причастия, приобщения к другим людям, механизмы кататимно-двигательного катарсиса, «вживания», «вовлеченности» (engagement) в ситуацию творческой деятельности (М. Csikszentmihalyi). Кататимно-двигательная «телесность, восчувствованная изнутри», «эмоционально-ментальные модели личности», к сожалению, еще не вошли в арсенал образовательных технологий в сфере ФК и АП.

Как подчеркивал австро-английский философ и логик Л. Витгенштейн, *«границы моего языка означают границы моего мира»*, переживаемого и преобразуемого в той или иной — личностно ориентированной — ситуации предметной деятельности. Так, в АП посредством «языка движений» хореографы, спортсмены художественных видов спорта, модераторы образования обеспечивают включение в процесс повышения квалификации, организованный в форме «обучающего исследования», субъектов образования и используют научные исследования в качестве методики обучения и «исследующего обучения», где научные знания производятся, а не транслируются [11]. При этом субъекты образования стремятся раскрыть внутренние глубины своей «психосферы» — они «воспевают мир» и одновременно «воспевают себя» в своих инновационно-творческих действиях.

Танцор-модератор, например, чувствует «музыку в теле», мыслит на языке движений, открывает новые возможности своего «живого тела». Культура телесности, культура движений и культура человеческого духа образуют своего рода семантико-двигательный континуум — в зависимости от ситуации решаемых задач и стратегий деятельности. Так, М. Плисецкая по-разному «танцевала музыку» (а не «танцевала под музыку»), в частности, при исполнении партии «Умиравший лебедь». Если в оркестре доминировали скрипки, движения балерины были более «трагическими», чем в ситуации, когда аккомпанировал Ю. Башмет. В композиции, исполняемой совместно с оперной певицей М. Кабалье, «доминировала песня» умирающего лебедя, голос певицы «вел за собой» танец.

Известно, что художественно-смысловое восприятие «социокультурного произведения» зависит не только от «самой картины», но и от того, как именно мы смотрим на нее. Периферийный тип зрения основан на сканирующем (панорамном) восприятии, механизмы центрального зрения воспринимают детали (локально-шаговые ресерт). Например, если смотреть в глаза Моны Лизы (картина Леонардо да Винчи «Джоконда») или на ее фон за плечами, «включается» периферийное зрение. Улыбка женщины кажется более выраженной, потому что данный тип зрения распознает игру светотеней и красок. Если смотреть прямо на губы Джоконды, знаменитая улыбка почти не видна, т. к. мозг занят рассматриванием деталей, но совершенно не распознает оттенки и нюансы. И наконец, улыбка исчезнет совсем, если рассматривать Джоконду в упор. Проблема образования заключается в том, как используются антропные технологии, каким образом функционируют в системе обучения дидактические механизмы. Ясно, что пока мы лишь приступили к разработке сложной междисциплинарной области, лежащей на границе между языком, деятельностью, значением, сознанием и социальными структурами.

Отметим, что в традиционной методологии различаются образование в узком смысле слова и обучение — передача и усвоение некоторого объема знаний и умений в избранной области. Развитие — расширение спектра (структурного взаимодействия) интеллектуальных и психофизических возможностей человека. Следует иметь в виду, что рост, увеличение потенциала не есть развитие. Подлинное развитие — это процесс выращивания способностей (окультуривания способностей) путем совершения социокультурных действий (других не бывает), использования методов и способов профессиональной деятельности, определяющих уровень всестороннего (разностороннего) функционирования в обществе человека-деятели. В АП-технологиях формируется не столько обученный (адаптированный к среде) инвалид, сколько обучающаяся личность, делающая акцент на формировании телесно-организованной умелости (как свойства личности) и личностного развития (потребностей, способностей, самосознания, мировоззрения).

Существуют разные точки зрения на ситуацию социокультурного развития личности: 1) обучение и есть развитие (Д. Уотсон); 2) «обучение идет в хвосте развития» (В. Штерн); 3) развитие не зависит от обучения (Ж. Пиаже); 4) обучение идет впереди развития (Л. С. Выготский). Мы полагаем, что обучение, опережая развитие, стимулирует его и должно опираться на механизмы актуального развития, а не на развертывание того, что «задано в генетических программах». Известно, что в ФК и АП термин «обученность» соотносится с понятием «обучаемость». Обученность — это результат предыдущего обучения. Обучаемость — это способность человека к дальнейшему развитию.

В настоящее время в реабилитационной биомеханике и кинезотерапии (устраняющих соматопсихические дисфункции) начинают разрабатываться телесно-пластические методы профилактики, формирования и коррекции осанки и травм опорно-двигательного аппарата (костный туберкулез, рахит, детский церебральный паралич), используются приемы глубокого дыхания в специальных позициях. Разработанные нами теоретические и практические подходы могут быть применены для формирования и коррекции различных поз не только в координатах (топографической ориентации) тела (лежа, сидя, стоя, в различных висах), но и в координатах телесно-пластических движений в предметной среде деятельности и экстраперсональном пространстве личности. Так, в детском саду воспитатель должен, образно говоря, общаться с детьми «стоя на коленях» (играть вместе с ними на полу). Здесь осуществляется не столько «передача знаний-умений-компетенций», сколько «встреча сознаний», не коррекция телесно-психических функций и не лечение души, а процесс «лечения душой». Здесь приобретают особый статус психотерапия взаимообогащающего общения, телесно ориентированная терапия, деятельность-смысловой катарсис и другие антропные технологии, «работающие» на границе психического — ментального и духовного.

Споры психологов о феномене сознания и его «встроенности» в физическую картину мира не вылились в консенсус ни в отношении атрибутов сознания, ни в отношении языка объяснения, ни в установлении причин трудностей, ни в обозначении стратегий дальнейших исследований. В педагогической онтодидактике нужны новые парадигмы, позволяющие исследовать и проектировать единство души, тела, интеллекта и деятельностного сознания не по принципу альтернативности, а по принципу дополнительности (в соответствии с воззрениями Н. Бора). Это позволит соединить в онтодидактике два плана бытия человека — Материю и Дух, «телесную плоть» и «Я-сознание» (рис. 1).

Мировоззренческие принципы ученого-исследователя, конструктора и образовательного технолога

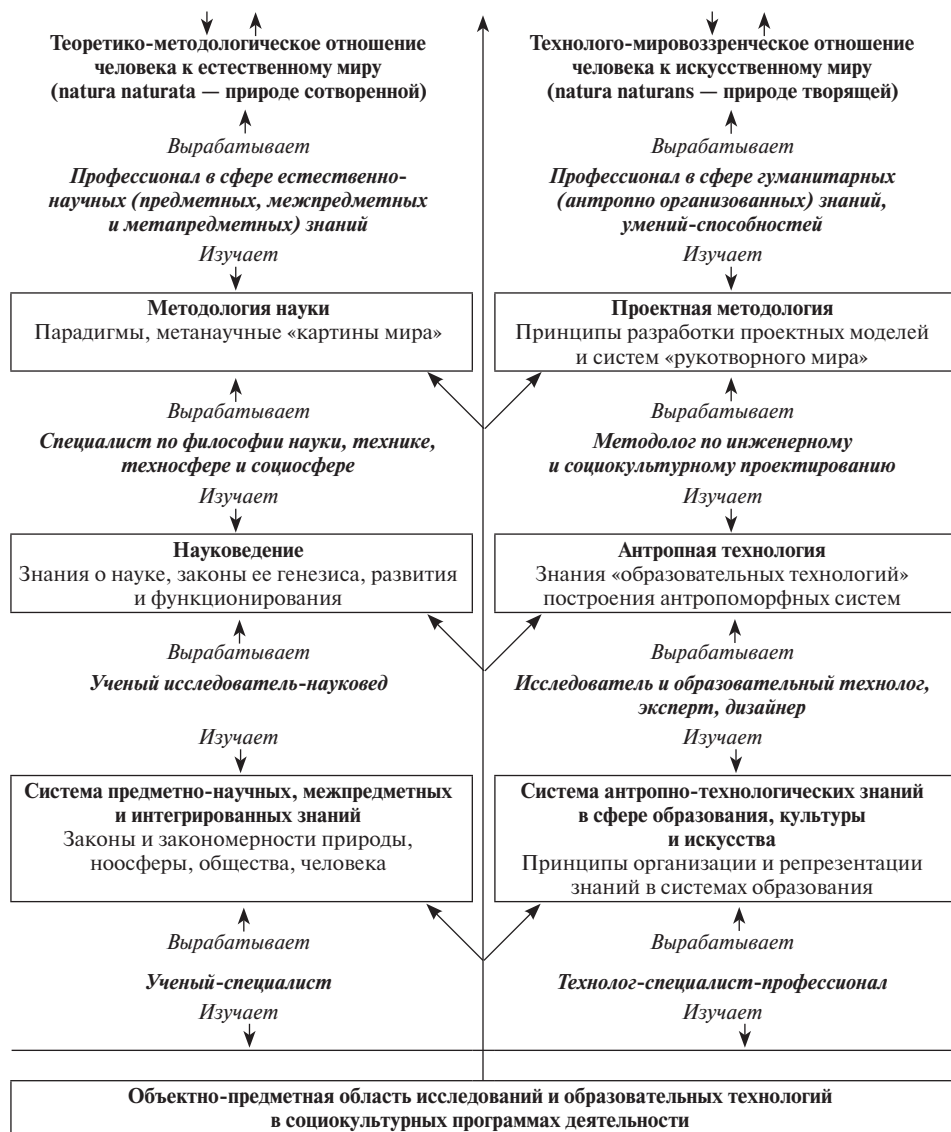

Рис. 1. Социокультурное проектирование образовательного пространства и обучающей среды высшего учебного заведения (читать снизу)

Нормативные стандарты образования представляют собой не системы фактологической информации (факты есть вид эмпирического знания), а *модели фактов*, научно-образовательные парадигмы, задающие формально-логическую меру предметно-дисциплинарного материала. Преподаватель вуза должен осуществить дидактическое моделирование предметной сферы профессиональ-

ной деятельности. Дидактические (обучающие) модели создаются с учетом *меры объекта* (законосообразность) и *меры субъекта* (целесообразность, смыслоорганизованность, ценностная ориентация). Глубинной целью образовательных технологий является совершенствование внутреннего предметного мира (самосознания) субъекта как творческого деятеля — «формирование личности», «формирование деятельности», «формирование компетентности» студента.

В традиционной педагогике система обучения начинается, как правило, с вопроса «как делать?», в то время как необходимо начинать ситуационный поисковый процесс с вопроса «что делать?». Диагностические и регуляторные цели предполагают анализ и выявление связей и взаимосвязей в предметной среде деятельности. Логика поиска методов и средств должна соответствовать логике (закономерностям) объекта. Этот выбор детерминирован, с одной стороны, свойствами объективной реальности, с другой — стоящей перед студентом целью. С углублением в исследуемый объект проявляется тенденция использования все более тонких, более совершенных и более специфических методов. Когда поиск на основе логики объекта затруднен, тогда имеет смысл перейти к когнитивному поиску на основе логики сходства, аналогии, смежности, контраста, с помощью переноса координат, мысленного зеркального вращения и других используемых методов и средств обучения. Именно разнонаправленность (многопредметность) поиска часто оказывается гарантом достижения результата. Благодаря ширококонтекстному поиску исследователь/технолог/методист/студент осуществляет выход в другие сферы знания, на другие направления «анализа через синтез».

У педагога-инструктора на каждого инвалида должен быть разработан план-схема (проект, программа, сценарий) психолого-биомеханической реабилитации по каждому курсу коррекции и адаптации движений и опорно-двигательного аппарата (см. рис. 1). Отдельные компоненты системы коррекции креативно-двигательных действий реализуются нами с использованием методов когнитивного контроля (под разным углом «рассекающих» арт-пластику движений), контроля перцептивно-моторных процессов (*sui generis*), способов художественно-эстетических действий и их результатов, эмоционально-лингвистического контроля.

Научный потенциал «дивергентной психологии» (функционирующей одновременно во многих ситуациях решения образовательной задачи — и в ретроспективных, и в футурологических, и в «боковых», «околопроблемных») гораздо богаче проявляемых ею возможностей. Здесь трансверсальная (сложнопересекающаяся по архитектонике и многофункциональная по целям и смыслам) научная или образовательная программа не имеет фиксированных, неизменных маршрутов, проторенных магистралей. Скорее она напоминает «топологическую сеть», которая постоянно изменяет свою «логистическую конфигурацию» и «тензор цели» — «зарастают» одни пути, открываются более широкие стороны человеческого существования — души, интеллекта, Космоса. Творческие трансгрессии человека осуществляются на основе губристических потребностей (*hubris* означает по-гречески стремление возвыситься; в настоящее время это понятие утратило свое первостепенное значение и стало описывать стремление к самоутверждению). *Креативно организованное сознание/самосознание является автогенеративной (саморазвивающейся) системой* (рис. 2).

Рис. 2. Образовательно-обучающие системы, многоярусные по структуре, полифункциональные по целям

Отметим, что в современной теории спортивной техники доминирует механизм технологического воспроизводства рационально-технических способов двигательных действий. В работах современных ученых психика человека, ее формирование рассматриваются преимущественно как усвоение человеком «родового опыта», заключенного в орудиях и способах деятельности, абстрагированных от личности деятеля. Генезис (рождение, становление, возникновение,

преобразование) двигательного действия здесь рассматривается как *социальный* (конструктивный) процесс, а его функции (законы организации, управления и регулирования) преимущественно как *предметно-орудийные феномены* (представляющие психонейрофизиологические и телесно-двигательные механизмы). Из сказанного понятно, что формирование и совершенствование двигательного действия имеет в себе две составляющие: 1) *эволюционный смысл*, связанный с появлением и изменением системы, переходом ее в процессе развития из одного состояния, свойства или качества в другое (в том числе инволюционный — обратное развитие), и 2) *конструктивно-созидательный смысл*, связанный с процессами системосозидания и ее дальнейшего переконструирования. Без генетической и конструктивной основы системы взаимосвязей нельзя овладеть способами (технологией) предметного действия. Но и обобщенная логика построения того или иного объекта (теория спортивной техники) позволяет более успешно овладеть действием, адекватным данному понятию.

Для того чтобы выработать «рецепты» технологического уровня знаний, необходимо понимать как *закономерности строения* двигательных действий (теоретико-методологический уровень), так и *принципы и методы их построения* (дидактический уровень, объединяющий теорию, технику и технологию). Данная методология исследования основана на биомеханических («нормативно-детерминированных») моделях, в которых характеристики и параметры двигательных действий могут быть представлены различным образом — операционально (в виде «абсолютно жестких» алгоритмов или «мягких алгоритмов с выбором шагов»), формально-логически (на языке формул, символов, знаков, графиков), конвенционально (на основе правил интерпретации) или компьютерно-визуально.

Отметим еще раз, что **культура человеческой телесности** (телесно-двигательный канон, соматэстетическое средство гармонизации взгляда на облик человека) — это не только предпосылка здорового образа жизни и деятельности — в ней проявляется этико-эстетический, а следовательно, и *духовный смысл* телодвижений (выразительность пластики человеческого тела и одухотворенность его движений). О таких двигательных действиях А. Пушкин писал: «Душой исполненный полет». Нами показано, что «эстетический взгляд» (поэтическое мировидение) всегда предшествует художественному изображению/отображению «животворящей пластики» телодвижений человека — artplastics и средств соматэстетики. Так, поэтический образ выходит за «граничные рамки» чувственно-образных ассоциаций в мир «творческого инобытия», на «вершины деятельности мысли» (по М. Г. Ярошевскому). Возникает так называемая «третья реальность» (по М. Я. Полякову) — *индивидуальный художественный мир человека*. Отражение и преобразование этой реальности происходит в сфере творящего сознания человека. Обращенное на себя, это творящее (творящееся) сознание преображает человека, обеспечивает становление индивидуальности, восхождение к совершенству. В результате расширяется и углубляется внутренний предметный мир человека как духовно освоенное социальное пространство, определяющее бытие индивидуальности/личности, способы ее мышления и деятельности. Вместе с тем вполне понятно, что не может быть Духа Творящего без существования Духа Воспринимающего. Данные смысловые диспозиции (по сути дела, категориальные рамки творящего сознания/самосознания) могут воплощаться в одном человеке (по-ла-

тыни *dispositio* означает «расположение, распорядок, установление», включая альтернативные и дихотомические составляющие).

Общенаучная и биомеханическая методология позволяет перейти от технологии обучения к методам учения и преобразования личности студента. Монтажное сопоставление-сравнение объектов часто используется в обучении двигательным действиям студента/спортсмена. Методы компаративно-семантического мышления выполняют четыре основные функции в построении деятельности студента (спортсмена) — когнитивную, преобразующую, регулирующую и эвристическую. Существуют два вида когнитивно-деятельностного понимания объекта познания и преобразования: 1) «мы понимаем что-либо в данном объекте» («знания что»); 2) «мы понимаем, как данный объект можно преобразовать в соответствии с нашими целями» («знания как»). Преобразующая функция заключается в способности человека к ментальной репрезентации и семантическому преобразованию в образах (mental rotations). Психика отображает процессы в предметном мире деятельности, а не в головном мозге. В результате «ситуационное отражение» видоизменяется, что способствует выдвиганию вероятностных гипотез в решении креативно-двигательных задач. Смысл ситуации структурирует по-новому ментальное и конструктивное отражение/преобразование предметной среды. Регулирующая функция, обеспечивая адекватное отражение действительности, дает возможность на основе анализа «дерева целей, методов и способов их решений» («слева направо», «сверху вниз» и на основе «ветвящихся микроциклов») определять вектор поисковой рефлексии, отбрасывать одни гипотезы и принимать другие. Действие совершается в плане образного мышления еще до его реального осуществления. Эвристическая функция позволяет осуществлять поиск новых, более рациональных способов, формировать новые смыслы (в том числе художественно-эстетические) вырабатываемого двигательного решения. Это не игра отвлеченного «ratio», а игра разумом воображения («imagination») — в социокультурном самосознании.

Появление новых «индикаторов смысла» на основе диагностических алгоритмов является результатом увеличения количества альтернативных «схем действия», включения данного объекта в разные системы связей для обнаружения различных его свойств и сторон, выявления сходства и различия с другими объектами. Мышление только тогда возможно, когда имеется его направленность на определенную предметную область. Системный анализ, как известно, связан преимущественно со структурированием объекта, синтез — с его конструированием, самооценка деятеля и его действий — с созданием Self-conception (Я-концепции). Возникает психический механизм (единство восприятия, мышления, оценки и действия), который обеспечивает конструирование представления (понятия) о реальности, обеспечивает связь субъекта и объекта мышления, регулирует их ментальное взаимодействие. Таким образом, совершенствуются перцептивная семантика (рефлексия «над действием»), конструктивная семантика (рефлексия для технологии «построения действия») и оценочная семантика (идентификация «Я») в системе всех представлений спортсмена о себе и своих действиях, сопряженных с анализом и оценкой объекта и субъекта.

Язык концептуального анализа связан с требованиями дескриптивной грамматики, суть которых заключается в конвенциональных установках на речевое понимание. В педагогической действительности весьма актуальна проблема перевода смыслов с одного языка на другой. Речь идет именно о переводе, а не о смешении или упрощении языков. Главным критерием качества перевода является сохранение смысла.

По сути дела, художник не столько отражает действительность, сколько делает ее видимой. Игра может найти отражение-преобразование и в мотивах, и в ценностях, и в cogito (в интерпретациях Сократа, св. Августина, Декарта и Канта), и в инстанциях «Оно — Я — Сверх-Я» (по З. Фрейду). Данные феномены не получили исчерпывающего объяснения в современной педагогике. С нашей точки зрения, человек в своей творческой деятельности не просто решает ту или иную задачу (руководствуясь принципами прагматизма и рационализма) — он *играет ради игры* (подчиняясь «процессу творения» — создает новые смысловые и лингвистические измерения, не теряя при этом прежних). Смысл творения зовет не только к его пониманию, но и к интерпретации.

Здесь осуществляется поворот от идеальности смысла/метасмысла к реальности вещи. В этом — суть (и тайна) «игрового языка»: для чего существует двусмысленность? Что хочет сказать двусмысленность дискурса? Какую роль играет контекст восприятия? Что воспринимает и понимает интерпретатор? Отметим, что «словесная игра» в стихосложении (анаграмма, каламбур и дру-

гие стилистические фигуры («есть образ мира, в слове явленный»), аллегория», «игра образами» (в том числе невербальными — несловесными, экстралингвистическими — внеязыковыми) являются по сути дела игрой творчески мыслящего человека. Человек расшифровывает (присваивает) смысл и одновременно расширяет его объем за счет расшифрованных значений. Понять — значит определить генезис, отыскать предшествующую форму, истоки, смысл эволюции, модальность и полифункциональность объекта.

Это не игра отвлеченного «*ratio*», а, как отмечалось, игра разумом воображения («*imagination*») — **разумом культуры**. Если природе объекта дано существование, то культура создает со-бытие, она его со-творяет в самом процессе создания: «Вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему» (О. Мандельштам). **Произведение культуры** всегда лично и лицетворяще. Про-из-ведение личности транскультурно своей само-бытностью. Вместе с тем игра — это поиск Другого человека и встреча с ним, освоение Иного мира и нового социокультурного пространства. Освоенный мир, как отмечают психологи, становится для человека «своим-иным» (субъектифицируется). «Личностное Я-сознание» расширяет собственные границы благодаря другим людям. В системе образования другой человек (друг, педагог, наставник) требует от ученика изменения, преобразования своего «Я». Необходимо, однако, заметить, что в аксиологически ориентированной педагогике преобразование человека должно осуществляться *по мере субъекта* — на основе *именно его* потребностей, способностей и целей. Только так могут совершаться *самопостижение, самопревосхождение* (экзистенциальное трансцендирование).

Известно, что внутренний мир личности включает как *Социальный мир* — сферу совместного существования индивидуального и коллективного опыта (социальные нормы и экспектации), так и *Экзистенциальный мир* — сферу индивидуального существования людей (самость, метасознание). Последнее принадлежит скорее не индивидуальному, а трансличностному (по В. В. Налимову) сознанию, позволяющему субъекту выходить за пределы своих видовых и социокультурных потребностей и становиться человеком Вселенной.

Экстремальные игровые ситуации — это своего рода ис-**пытание** предела возможного в человеке и природе («испытать судьбу», «играть с судьбой»).

По сути дела, в *социокультурных действиях*, в игровых ситуациях осуществляется дискурс-анализ всего того, что в виде правил, предписаний и требований — от семейной ячейки до государства — регламентирует нашу жизнь. В игре человек по-настоящему *осваивает* правила и нормы деятельности, которые он может усовершенствовать, *овладевает* ими. В противном случае правила и нормы, социальные роли и функции овладевают человеком, подчиняют его себе, дегуманизируют его сознание. Вместо живых людей появляются и действуют «социальные агенты»; подлинная культура замещается социальными технологиями; человеческие отношения — психотехническими манипуляциями. *С помощью подлинных культуротворческих действий мы уходим от манипулирования социальными функциями (своими и других людей) и приходим к искусству взаимо-со-действия и со-творчества.*

Следует подчеркнуть, что при разработке методов эстетотерапии и арт-пластики весьма важен эмоциональный интеллект, проявляющийся в восприятии,

контроле, понимании и оценке чувств и эмоций. Человек с инвалидностью очень ярко воспринимает эмоционально значимые факторы (жесты, мимика, «контакт глазами», прикосновение к партнеру) и эмоционально нагруженные результаты как индивидуальной, так и совместной деятельности. Отметим, что ребенок-инвалид, «ориентированный изнутри» (inner-directed), действует в соответствии со «смысловым гироскопом», лежащим внутри его операционной персониферы. Ребенок, «ориентирующийся на других» (other-directed), как бы имеет внутри своего сознания «смысловой радар», чутко реагирующий на ценности и требования общества в ситуации решения той или иной задачи-проблемы.

Заключение

Методология ситуационного анализа понимается автором данной статьи как совокупность моделей описания, конструирования и реконструкции предметно-деятельностной среды и оценки возможных изменений в деятельности человека с учетом влияния действующих внешних факторов, т. е. факторов, на которые данный человек повлиять практически не может. Чаще всего субъект обучения должен осуществить какие-либо процедуры, связанные с аналитической деятельностью, — систематизировать проблемы, ранжировать их, произвести расчеты, осуществить сравнительные действия и т. д. — и только затем принимать решение. Ситуация, лежащая в основе решения подобных задач, может предполагать множество решений, более или менее близких к оптимальному. Многообразие вариантов возможных решений, принятых субъектами образования, используется в дискуссии для анализа и оценки различных подходов к решению. Встречаются ситуации задач, у которых вообще нет решения, снимающего проблему, тогда решением считается установление противоречий, определение направленности необходимых действий в сложившейся обстановке. Здесь студенты «учатся учиться» — самостоятельно отыскивать необходимые знания для решения ситуационной проблемы, усваивать алгоритмы управленческих решений. Уже давно замечено, что если проблема сформулирована, то она уже наполовину решена.

Можно выделить следующие образовательно-обучающие ситуации. *Базовой ситуацией* называется обобщенное описание совокупности подобных конкретных ситуаций, которые необходимо отнести к одному классу. *Стандартная ситуация* в определенной мере типична, часто повторяется при одних и тех же обстоятельствах; имеет одни и те же источники, причины; может иметь как отрицательный, так и положительный характер. *Экстремальная ситуация* (или чрезвычайное происшествие) уникальна, не имеет в прошлом опыта аналогов; приводит к негативным, а порой и разрушительным изменениям каких-либо объектов, процессов, взглядов, отношений; влечет за собой материальные, физические и нравственные потери; требует привлечения незапланированных и непредусмотренных материальных и человеческих ресурсов; побуждает к радикальным действиям, нетрадиционным решениям.

Задача студентов — принять рациональное решение, действуя сначала индивидуально, а затем в рамках коллективного обсуждения возможных решений, т. е. в процессе интерактивного взаимодействия. В учебной ситуационной задаче могут содержаться различные предпосылки для анализа: оптимальное реше-

ние у преподавателя уже имеется, участникам анализа остается самим найти его и обосновать, показать, каким образом они его нашли (например, при аналитических расчетах) и как его реализовать; обучающийся должен проанализировать готовый вариант решения (ответа), предложенный автором-разработчиком ситуационной задачи; предлагается несколько вариантов правомерных решений; имеется многоальтернативное решение. Анализ конкретных ситуаций, как правило, связан с творческим подходом к разрешению практической ситуации. Задача преподавателя — помочь найти и принять эффективное решение исходя из сложности анализируемой ситуации и имеющегося времени для ее разрешения.

In order for education in the field of adaptive physical culture (AFC) to really fulfill the role of a socio-cultural regulator, it must be addressed to the individual, to form a culture of human corporeality (where the «healthy spirit» is the spiritual foundation of bodily health), a system of value orientations and moral principles. Without turning the technologies of adaptive pedagogy «face to person» there can be no question of optimizing developmental learning, methods of saving health and restoring lost functions. It is necessary to teach a person to work in reflective-creative way with his own consciousness and the mechanisms of telopsychics, personal and interpersonal health.

Keywords: methodology of adaptive physical culture, interpersonal interaction of subjects of education.

Литература

1. Антропоконструкты самосознания, мышления и деятельности человека в сфере образовательных технологий / С. В. Дмитриев [и др.] // Мир психологии. — 2012. — № 2. — С. 209—222.
Antropokonstrukty' samosoznaniya, myshleniya i deyatel'nosti cheloveka v sfere obrazovatel'ny'x tehnologij / S. V. Dmitriev [i dr.] // Mir psixologii. — 2012. — № 2. — S. 209—222.
2. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. — М.: Академия, 1998. — 472 с.
Delez, Zh. Logika smy'sla / Zh. Delez. — M.: Akademiya, 1998. — 472 s.
3. Дмитриев, С. В. Обучение двигательным действиям студентов факультета физической культуры: теория, технология, инновационное педагогическое моделирование: учеб. пособие для преподавателей, аспирантов и студентов / С. В. Дмитриев, Д. И. Воронин, А. А. Кузнецов. — Н. Новгород: НГПУ, 2009. — 243 с.
Dmitriev, S. V. Obuchenie dvigatel'ny'm dejstviyam studentov fakul'teta fizicheskoy kul'tury': teoriya, tehnologiya, innovacionnoe pedagogicheskoe modelirovanie: ucheb. posobie dlya prepodavatelej, aspirantov i studentov / S. V. Dmitriev, D. I. Voronin, A. A. Kuznecov. — N. Novgorod: NGPU, 2009. — 243 s.
4. Дмитриев, С. В. Диалог и сотворчество в образовательном процессе / С. В. Дмитриев, С. Д. Неверкович, Е. В. Быстрицкая // Мир психологии. — 2011. — № 2. — С. 175—181.
Dmitriev, S. V. Dialog i sotvorchestvo v obrazovatel'nom processe / S. V. Dmitriev, S. D. Neverkovich, E. V. By'strickaya // Mir psixologii. — 2011. — № 2. — S. 175—181.
5. Дмитриев, С. В. Образовательная технология становления субъекта профессиональной деятельности / С. В. Дмитриев, С. Д. Неверкович, Е. В. Быстрицкая // Спортивный психолог. — 2011. — № 3. — С. 14—22.
Dmitriev, S. V. Obrazovatel'naya tehnologiya stanovleniya sub'ekta professional'noj deyatel'nosti / S. V. Dmitriev, S. D. Neverkovich, E. V. By'strickaya // Sportivny'j psixolog. — 2011. — № 3. — S. 14—22.
6. Дмитриев, С. В. Формирование сознания и самосознания студентов на основе предметно-смыслового содержания образовательных технологий / С. В. Дмитриев, Е. В. Быстрицкая. — Н. Новгород: НГПУ, 2012. — 286 с.
Dmitriev, S. V. Formirovanie soznaniya i samosoznaniya studentov na osnove predmetno-smy'slovogo soderzhaniya obrazovatel'ny'x tehnologij / S. V. Dmitriev, E. V. By'strickaya. — N. Novgorod: NGPU, 2012. — 286 s.
7. Дмитриев, С. В. Школа восприятия, конструктивного мышления и продуктивного действия спортсмена в методике психолого-педагогического обучения / С. В. Дмитриев, С. Д. Неверкович, Е. В. Быстрицкая // Теория и практика физической культуры. — 2013. — № 5. — С. 96—102.
Dmitriev, S. V. Shkola vospriyatiya, konstruktivnogo myshleniya i produktivnogo dejstviya sportsmena v metodike psixologo-pedagogicheskogo obucheniya / S. V. Dmitriev, S. D. Neverkovich, E. V. By'strickaya // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury'. — 2013. — № 5. — S. 96—102.

8. *Дмитриев, С. В.* Онтодидактика образовательных технологий на основе социокультурной теории двигательных действий человека: спорт, искусство, личностное развитие субъектов образования : монография / С. В. Дмитриев. — М. : Прометей, 2019. — 445 с.

Dmitriev, S. V. Ontodidaktika obrazovatel'ny'x tehnologij na osnove sociokul'turnoj teorii dvigatel'ny'x dejstvij cheloveka: sport, iskusstvo, lichnostnoe razvitie sub'ektov obrazovaniya : monografiya / S. V. Dmitriev. — М. : Prometej, 2019. — 445 s.

9. *Евсеев, С. П.* Теория и организация адаптивной физической культуры : учебник : в 2 т. / С. П. Евсеев ; под общ. ред. С. П. Евсеева. — М. : Сов. спорт, 2003. — 448 с.

Evseev, S. P. Teoriya i organizaciya adaptivnoj fizicheskoj kul'tury : uchebnik : v 2 t. / S. P. Evseev ; pod obshh. red. S. P. Evseeva. — М. : Sov. sport, 2003. — 448 s.

10. Семантическое пространство «живых движений» в сфере языкового сознания и самосознания человека как творческого деятеля / С. В. Дмитриев [и др.] // Мир психологии. — 2014. — № 3. — С. 173—186.

Semanticheskoe prostranstvo «zhivy'x dvizhenij» v sfere yazykovogo soznaniya i samosoznaniya cheloveka kak tvorcheskogo deyatelya / S. V. Dmitriev [i dr.] // Mir psixologii. — 2014. — № 3. — S. 173—186.

11. Трансверсальные программы для системы образования магистрантов в сфере физической культуры / С. В. Дмитриев [и др.]. — Ч. 1 : Docendo discimus (Обучая других, мы учимся сами) // Спортивный психолог. — 2014. — № 3. — С. 15—19; Ч. 2 : Презумпция культуры в антропных технологиях образования. — 2014. — № 4. — С. 17—22.

Transversal'ny'e programmy' dlya sistemy' obrazovaniya magistrantov v sfere fizicheskoj kul'tury' / S. V. Dmitriev [i dr.]. — Ch. 1 : Docendo discimus (Obuchaya drugix, my' uchimsya sami) // Sportivny'j psixolog. — 2014. — № 3. — S. 15—19; Ch. 2 : Prezumpciya kul'tury' v antropny'x tehnologiyax obrazovaniya. — 2014. — № 4. — S. 17—22.

С. В. Кузнецова, Е. В. Быстрицкая

Художественно-эстетическая культура учителя в координатах педагогического знания

В статье раскрывается роль формирования художественно-эстетической культуры учителя как субъекта образовательного пространства. Отмечено ее влияние на мировоззрение учителя посредством творческих актов и работы с образом как индивидуальным, подвижным отражением действительности, обладающим эстетической ценностью. Авторы рассматривают особенности театральной педагогики и ее развитие в контексте эволюции педагогических идей, а также отмечают ее взаимосвязь с ведущими образовательными технологиями, традиционными и развивающими. Предложены наиболее эффективные пути формирования аспектов художественно-эстетической культуры учителя с помощью технологии К. С. Станиславского, «биомеханики» В. Э. Мейерхольда, а также технологии поэтапного формирования образа учителя М. Чехова — П. Я. Гальперина.

Ключевые слова: театральная педагогика, образ, индивидуальный стиль деятельности, педагогическое мировоззрение.

Актуальность данной статьи заключается в том, что общепринятым убеждением является системная взаимосвязь культуры и мировоззрения учителя как субъекта социокультурного пространства. Представленные антропоконструкты обладают персонологическими и социально-цивилизационными свойствами (М. С. Каган) (см.: [6. С. 127]). При формировании мировоззрения личности в различных его аспектах значимыми являются различные культурно-исторические объекты, процессы и ценности. В связи с этим культура представляется субъекту неунитарным образованием в совокупности своих подсистем, среди которых художественная культура выступает как связь субъекта с объектом искусства и его отношение к нему, а эстетическая культура — как окрашивание и гармонизация творческого акта этого субъекта и его смысла (А. А. Пелипенко) (см.: [9. С. 312—313]) в художественных образах. Соответственно логичным является рассмотреть художественно-эстетическую культуру (как системообразующее начало), воспроизводящую сущность и целостность человека в координатах мирового наследия искусства, взятого в совокупности художественных образов и творческих актов.

В этом смысле важно отметить, что для решения задачи формирования художественно-эстетической культуры как основы образного мышления, индивидуального творчества и эстетического восприятия мира необходима интеграция образовательного процесса с науками, изучающими наследие мировой художественной культуры и отрасли искусства. Если рассматривать педагогическое мировоззрение и формирование культуры учителя, то в решении указанной задачи значимой выступает «*Театральная педагогика*» — наука и учебная дисциплина, которая, с одной стороны, имеет педагогическое теоретико-методологическое основание, а с другой — включает в себя в качестве содержания деятельности синтетическое искусство театра, которое основано на владении определенными творческими актами и работе с образами.

В самом общем смысле образ — это чувственное представление определенной идеи. Например, Платон под образом понимал не только внешнюю форму, но и внутренний способ бытия объекта. Аристотель в трактате «О душе» писал, что «образы — посредники между чувствами и разумом, мост между внутренним миром сознания и внешней материальной реальностью» (см.: [1. С. 69]). Разнообразие образов поистине велико: зрительные (картины природы) и слуховые (шум ветра, шелест камышей), обонятельные (запахи духов, ароматы трав) и вкусовые (вкус молока, печенья), осязательные (прикосновения) и кинетические (имеющие отношение к движению). Помимо этого с помощью образов писатели обозначают в произведениях картину мира и человека; обнаруживают движение, динамику действия и многое другое.

Изучение механизмов создания образов, особенностей «манипулирования» в уме их сложными системами имеет профессиональное и личностное значение для любого учителя, поскольку умственный образ составляет основное содержание профессионально-педагогической деятельности. В этом ключе интересна точка зрения С. Л. Рубинштейна: «Мир образов — существенный компонент внутреннего мира человека, результат его индивидуального опыта принятия и преобразования информации» [11. С. 232]. Этим подчеркивается значимость образов не только в формировании содержательного контента педагогической деятельности, но и в формировании мировоззрения учителя. При этом культура выступает как универсальная неорганическая структура, гармонизирующая в том числе органическую систему — человека. Подтверждает и продолжает эту мысль И. С. Якиманская, определяя мышление в образах как существенный компонент всех без исключения видов человеческой деятельности, какими бы развитыми и отвлеченными они ни были (см.: [14. С. 11]). Она же приходит к выводу, что обучение через образы необходимо, поскольку на их базе формируются новые образы и понятия, а именно это представляет собой основную целевую направленность педагогической деятельности.

Ведущие психологи также отмечают, что особая роль в механизме регуляции деятельности человека принадлежит способности субъекта к сличению образов, возникающих в процессе ее выполнения, ведомых образом-целью как высшей мерой успешности творческого процесса. Способность учителя к сопоставлению образов позволяет ему находить новое в отживших формах и применять нестандартные подходы к обучению посредством развитого образного мышления и творческого подхода, реализуя их в индивидуальном стиле педа-

гогической деятельности. Именно способность субъектов к обобщению понятий стала «культурной основой революции в умах», первым шагом к включению субъекта в глобальное культурное пространство [2. С. 317].

Художественно-эстетическая культура наполняется и оперирует в большей степени художественными образами, однако художественным становится не всякий образ. Художественность образа заключается в его особом — эстетическом — предназначении, такому образу присущи эстетические категориальные свойства: комическое и трагическое, возвышенное и низменное, прекрасное и безобразное. В художественном образе присутствует установка на единство объективного и субъективного, индивидуального и типического. Он являет собой воплощение общественного или личного бытия. Иначе говоря, художественный образ — это обобщенная картина человеческой жизни, преображенная в свете эстетического идеала художника; квинтэссенция творчески познаваемой действительности. Ценностную же ориентацию придают художественному образу мировоззрение автора и целевая функция произведения, которая реализуется в творческих действиях (актах). С. П. Иванов отмечает, что «художественное действие — это духовно-практический акт, стоящий у истоков целеполагания субъекта, а также задает целостный образ цели в системе человеческой деятельности и последующих взаимосвязанных глубоко интимных духовных актов субъектов» [5. С. 343].

Процесс формирования художественно-эстетической культуры учителя как субъекта социокультурного пространства бытия посредством художественных действий происходит за счет разных видов искусства, в структуре различных образовательных систем, при этом видом искусства и образования, сублимирующим основы педагогического знания и аккумулирующим художественные образы и акты творения из разных искусств, является система театрального образования. Рассмотрим формирование художественно-эстетической культуры в структуре технологий театральной педагогики, отражающих основы различных систем обучения, специфика которой уже имманентно содержит необходимый ресурс для понимания ценностей образной картины мира. В этом плане если педагогика — это наука о воспитании, а высшая форма театрального творчества — это образ, то осмелимся заключить, что **театральная педагогика есть наука о воспитании и обучении посредством образов и творческих актов.**

Механизм развития взаимодействия культуры личности с культурой общества справедлив для всех типов культуры, характеризующих субъект. Это в высшей степени справедливо для педагога, задающего ориентиры такого диалога культур своим ученикам. **Цель** данной статьи — показать, что именно художественно-эстетическая культура учителя как субъекта социокультурного пространства наиболее эффективно контактирует с другими типами культуры и обогащает все типы культуры, его характеризующие, на основе технологии театральной педагогики.

Художественно-эстетической культуре учителя присущи и ценностно-ориентирующие свойства, и гармонизирующее и аналитическое начала, а также создание новой образности посредством обработки предметов и явлений окружающей действительности в его сознании как субъекта. В историческом аспекте культура понимается как особое пространство жизни человека и как непосредственно включенная в социум. Именно так она осмысливалась в

мировой истории, начиная от магического понимания природы и культуры первобытных обществ, монотеизма Средних веков, гуманизма эпохи Возрождения, торжества идей Просвещения в XVII в. и заканчивая господством капитализма с конца XIX в. и до сегодняшнего дня.

Культура реализуется в структуре двух основных процессов, способствующих формированию мировоззренческих аспектов ее субъектов: 1) вхождения субъекта в культуру и ее транскрипции для самого себя; 2) возникновения новой целевой основы жизнедеятельности при образовании культуры внутри субъекта. Основная цель организации такого соотношения — актуализация способностей и воли человека к продуктивной деятельности, к культуротворчеству, а творчество — к самоатрибуции, «построению себя изнутри» (С. В. Дмитриев) (см.: [4. С. 86—87]), к утверждению, реализации себя в социуме и культуре. Синтезирующую роль в этом процессе выполняет именно культура, объединяющая науку, технологию и образование, а также диалог культур студента/студентов и преподавателя.

В антропных образовательных технологиях объединяются три «культуротворческие ипостаси»:

- «идея культуры как куклы (следование социокультурным образцам);
- идея культуры как способа экзистенции (целостного существования) человека;
- идея культуры как взаимообогащающего общения и диалога (адресованности своих идей, замыслов, индивидуально-личностных интенций другому человеку)» [Там же. С. 127].

Все обозначенные нами процессы идут одновременно в трех измерениях: и в сфере природы (что подтверждается различными работами по синергетике), и в социуме, и в индивидуальном сознании человека. Другими словами, субъект культуры, попадая в культурную атмосферу, сформированную другими субъектами, отбирает и адаптирует для себя часть ценностей и образов, часть отбрасывает, творя, таким образом, собственные культурные ценности, которые, в свою очередь, также станут образующими для культуры других субъектов. Процесс преобразования культурных образов невозможен без художественного акта (творчества).

Таким образом, мы можем утверждать, что реализуется культура субъекта в двух типах культуротворчества:

- 1) в возделывании собственной культуры через акт творчества или художественное действие и образ;
- 2) «себя из себя построении» (С. В. Дмитриев) через механизмы театральной педагогики [Там же. С. 16].

Теория и практика образования актера и теория общего образования в своей эволюции проходили аналогичные точки бифуркации.

Русский психологический театр под руководством К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко возник в эпоху, которую мы называем Серебряным веком, именно это время характеризуется вспышкой духовности, творческой активности и поиска. В настоящее время общество переживает ту же ситуацию, что и на рубеже прошлого столетия. Именно в этот период появляется плеяда выдающихся педагогов, а сам период характеризуется как наиболее активный в развитии технологий обучения. Традиционная форма обучения уступает место авторским концепци-

ям и идеям, центрированным на развитии личности. К. С. Станиславский отказался от традиционных методов обучения актеров, потому что, для того чтобы показать на сцене «жизнь человеческого духа» [12. С. 74], подлинное искусство переживания и перевоплощения, избежать штампов и шаблонов, необходимо **найти** собственное верное самочувствие, как и в работе педагога. Студийная работа Константина Сергеевича — это всегда мастерская, экспериментальная лаборатория воспитания и обучения высокодуховного актера, способного к импровизации и самоанализу собственного творчества. «Артист должен смотреть (и не только смотреть, но и уметь видеть) прекрасное во всех областях своего и чужого искусства и жизни. Ему нужны впечатления от хороших спектаклей и артистов, концертов, музеев, путешествий, хороших картин всех направлений, от самых левых до самых правых, так как никто не знает, что взволнует его душу и вскроет творческие тайники» [Там же. С. 111]. Также и учителю, столь сильно подверженному штампам и профессиональному выгоранию, в некотором смысле необходимо находиться в постоянном поиске.

Пассивность актера на сцене, как и ученика в классе, бездумное принятие на веру видения педагога может стать причиной ошибки, которая чревата искажением мировосприятия и миропонимания обучающегося. С этим боролся великий педагог и режиссер, с этим же столкнулись создатели теории проблемного обучения В. Оконь и М. И. Махмутов в 1970-х гг. Сегодня под *проблемным обучением* понимается такая организация учебных занятий, которая предполагает создание под руководством учителя проблемных ситуаций и активную самостоятельную деятельность учащихся по их разрешению. Его задачей является развитие управленческих функций субъекта по отношению к базису знаний, с тем чтобы, имея небольшой информационный массив, набор образов и действий, максимально полно использовать их в процессе образования и самообразования.

В логике развития театральной педагогики на смену проблемному обучению актера пришло традиционное, поскольку постоянный творческий поиск затруднял вычленение конкретных технических постулатов в педагогической методологии и технике. *Традиционное обучение* включает в себя накопление базиса знаний, операциональных и технических умений, прямое влияние педагога на ученика, режиссера на актера. В театральном образовании эта технология стала основой для теории «биомеханики» В. Э. Мейерхольда, который считал, что непрерывный поиск творческого самочувствия утомляет актера, приводит его к преждевременному профессиональному выгоранию и истощает его познавательный интерес (см.: [8. С. 6]).

Дабы избежать этого, режиссер предложил **выключить эмоциональную сферу**, не тратить столько сил для ее развития, потому что актеру необходимо экономить свои силы и уметь распределять их в пространстве и времени всего спектакля, что зачастую актерам того времени не удавалось. Да и сам Мейерхольд, имея за спиной внушительный актерский опыт, считал это одним из ключевых моментов своей новой методики. Если усвоить принципы «биомеханики» без излишнего анализа, то, выйдя на сцену, актер сможет выполнить любую задачу режиссера, импровизировать.

Нельзя забывать, что Мейерхольд все-таки действующий режиссер и, занимаясь постановками, был недоволен физическими данными своих подопечных и искренне удивлялся, что, например, сама Вера Федоровна Комиссаржевская

не владеет собственным голосовым диапазоном. Однако только высокодуховная личность может «жить» внутри «биомеханики», т. к. она невольно осознает высшую цель своей деятельности — реализацию режиссерского замысла в ходе постановок, поэтому доверяет своему режиссеру. «Изучение примитивов является единственно верным путем постичь значение сценического рисунка» [8. С. 8].

Сам режиссер определял **цель биомеханики** в том, чтобы найти с ее помощью выразительные средства для воплощения эстетических принципов царящего тогда символизма в условиях сценического действия. Ключевой в технологии Мейерхольда является **техника создания образа**. Квалификация актера всегда пропорциональна числу комбинаций имеющихся у него в запасе приемов (см.: [7. С. 12]). **Для учителя это утверждение не менее актуально. Количество приемов и техник, которыми владеет учитель, существенно влияет на эффективность его деятельности.** Таким образом, для решения необходимых задач обучения учителю также необходим разноплановый и богатый материал. Учитель и сам является таковым «материалом собственного замысла» [8. С. 129]. Подобно тому как Мейерхольд предлагал актеру овладеть механофизиологическими процессами собственного тела, т. е. «познать себя в пространстве», так и учителю следует держать свой инструмент (тело) в постоянном тонусе, используя собственный запас технического материала для решения учебно-воспитательных задач.

Гиперболизация любой из систем, как показала практика, приводит к дефицитарности результатов по формированию сознания и культуры субъекта, мировоззрения. При беспрестанном накоплении базиса массив знаний может начать устаревать, а в случае отсутствия должного управления им окажется нераскрытым весь их потенциал, поэтому главная беда эрудитов — неполная востребованность их знаний, она сокращает их диалог с обществом, а не расширяет его. При преувеличении значения проблемного обучения развитые управленческие функции по отношению к массиву знаний, не находя среди образов и творческих актов соответствующие им объекты управления, могут привести к сужению деятельности (по А. Н. Леонтьеву). Если в данном случае в качестве субъекта выступает учитель, то в первом случае в его работе и во взаимодействии с обучающимися будет наблюдаться дефицит творческих актов вообще, а во втором случае — тех актов, которые пригодны для построения и реализации индивидуального стиля деятельности.

Интересно, что образовательная технология, включающая в себя принципы традиционного и постулаты развивающего обучения и театральные технологии, неаддитивно интегрирующая в себе достижения предыдущих театральных школ, появилась как итог рефлексии потенциала предыдущих театральных технологий — технологии поэтапного формирования образа учителя М. Чехова — П. Я. Гальперина.

Для формирования эффективных действий учителя рассмотрим *технология поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина* (1966) [3]. Основополагающая идея этой теории — **действие**, творческий акт как единица деятельности учения, как единица любой человеческой деятельности. Теория Гальперина опирается на учение об интериоризации. *Интериоризация — это процесс преобразования внешней предметной деятельности во внутреннюю, психическую деятельность, формирование внутренних интеллектуальных структур психики посредством усвоения внешней, социальной действительности.*

Отражением этой технологии в театральном мире является технология формирования действий и навыков Михаила Чехова (1931) [13], которая предлагает поэтапное формирование действий с опорой не только на физическую, но и на психологическую основу действия с помощью творческой импровизации. Интересно, что в педагогическом мире эти идеи изложил П. Я. Гальперин уже после кончины великого мастера сцены. Важно отметить, что для учителя импровизация — это не только высшая точка владения мастерством, но и его собственное творчество, повышающее эффективность его деятельности.

Учитель должен непременно несколько абстрагироваться от себя в своей деятельности, а именно на уроке, поскольку это не бытовая деятельность, которая поэтому требует проявления надситуативной активности. Следовательно, необходима эстетизация этой деятельности, т. к. бытовое сознание идет вразрез с творческим [Там же. С. 34].

Основа теории М. Чехова — психофизическое действие как единица любой творческой деятельности. Чехов выделяет шесть способов репетирования, которые для нас подобны этапам формирования работы с образом, отражающей аспекты художественно-эстетической культуры творца. Это необходимо как педагогам, так и обучающимся, поэтому технология Михаила Чехова сродни технологиям развивающего обучения. И если сопоставить между собой теорию поэтапного формирования действий П. Я. Гальперина и теорию формирования психофизических действий М. Чехова, то можно сделать вывод, что учитель может научиться владеть импровизацией, которая становится качеством личности и способствует формированию творческой субъектности педагога.

Так, согласно феноменологической теории личности К. Роджерса: «Человек — это текущий процесс, а не застывшая, статичная сущность; это текущая река изменений, а не кусок твердого металла; это постоянно изменяющееся соцветие возможностей, а не застывшая сумма характеристик» [10. С. 93]. Можно предположить, что учитель как субъект социокультурного пространства всегда находится в процессе преобразований между «Я-идеальным» и «Я-реальным», воспринимая и интерпретируя образы окружающей действительности («Я-зеркальное»), способствующие его приближению к «Я-идеальному» здесь и сейчас, а вектор движения от «Я-реального» к «Я-идеальному» создает мировоззрение человека на основании внутренней культуры как мерила ценностей и универсального критерия оценки действительности. Соответственно возникает потребность в образах разных форм и видов отражения.

Образ в данном контексте следует понимать как индивидуализированное, подвижное эстетическое отражение в сознании субъекта объектов и процессов действительности. Исходя из подобного понимания образа можно сделать вывод, что у каждого субъекта будет индивидуальное понимание образа слова, действия, художественного акта. Важнейшим здесь является момент эстетизации индивидуализированных образов, чему в полной мере способствуют механизмы театральной педагогики.

В работе субъекта с образом можно различить три основные стадии:

Считывание и запоминание

На первой стадии происходит первичная реакция субъекта на образ в окружающем его пространстве, эмоциональная и интеллектуальная. Далее субъект предпринимает попытку механического повторения при выключении эмоциональной сферы, дабы присвоить образ через физику (механику). Однако запоминание происходит за счет освоения и присвоения свойств образа (биомеханики).

Технология «биомеханики» В. Э. Мейерхольда в большей степени способствует этой стадии работы с образами, т. к., в отличие от технологии К. С. Станиславского, ставит во главу угла работу над техникой, нежели над содержанием («Не образ, а запас технического материала» [8. С. 34]).

Сохранение

На второй стадии необходимо проверить утилитарность присвоенного образа, проверить все его свойства в деятельности. Субъекту необходимо ответить на ряд вопросов: что передо мной? В каких условиях это работает? С какой целью? В чем моя личная мотивация при использовании? В случае ответа на все эти вопросы субъект сохраняет или удаляет тот или иной образ.

Согласно технологии К. С. Станиславского предлагаемые обстоятельства и адаптация к ним и будут являться проблемой, которую необходимо преодолеть. В ходе решения противоречия возникает проверка подлинности образа.

Накопление и формирование иерархии

На финальной стадии субъект способен работать с уже отобранными полноценными образами: может комбинировать их между собой, переделывать по своему усмотрению исходя из личных потребностей — импровизировать, творя индивидуальный стиль педагогической деятельности.

Таким образом, технология поэтапного формирования образа М. Чехова — П. Я. Гальперина наиболее эффективна при формировании иерархии образов и ценностей, которые они вызывают к жизни. Главный результат данной технологии не только конструирование образа, но и развитие способности учителя к импровизации.

Соответственно задача учителя — научить своих подопечных обрабатывать образы окружающего мира.

Теоретические основы влияния театральных технологий на художественно-эстетическую культуру будущих учителей были апробированы в ходе реализации учебной дисциплины «Театральное мастерство педагога», входящей в учебный модуль «Театральная педагогика» на факультете физической культуры и спорта на базе Мининского университета и получили самые неожиданные положительные результаты. Студентам были продемонстрированы способы применения театральных технологий в развитии собственных когнитивных способностей, а также в сценарном и режиссерском аспектах. Студенты очень быстро включились в специфику психофизического тренинга и почувствовали его утилитарное значение для формирования коллектива, освоения способов самоорганизации и коррекции художественно-эстетического вкуса в профессиональной деятельности (см.: [7. С. 56]).

Критериями формирования художественно-эстетической культуры учителя как субъекта социокультурного пространства будут являться следующие аспекты, которые проявляются в структуре всех видов педагогической деятельности:

- способность к саморазвитию и самообразованию, позволяющая учителю преодолеть неготовность к саморазвитию;
- способность диагностировать культуру других личностей в общении, взаимодействии и деятельности, позволяющая проводить анализ собственной деятельности, деятельности других личностей и оценивающая формы и содержание ее компонентов деятельности;
- образное мышление, стимулирующее учителя к проявлению воображения, позволяющее искать творческий подход к своей деятельности, осуществлять творческую рефлексию;
- эмоциональный отклик (эмпатия), создающий на базе апеллирования к образам позитивный фон педагогического общения.

Таким образом, художественно-эстетическая культура учителя представляет собой габитус, способствующий формированию индивидуального стиля дея-

тельности, и задает координаты творческой деятельности учащихся. Театральная педагогика как учебный предмет включает в себя теоретические и практические аспекты формирования художественно-эстетической культуры обучающихся посредством образов, взятых из окружающей действительности. Технологии театральной педагогики являются механизмами формирования художественно-эстетической культуры учителя, которая, в свою очередь, выступает мировоззренчески организующим типом культуры, определяющим индивидуальный стиль педагогической деятельности, выбор методов и средств обучения, позволяющим педагогу творить комфортную среду учебно-воспитательного процесса.

This article reveals the role of the formation of the teacher's artistic and aesthetic culture as a subject of sociocultural space. Its influence on the teacher's world outlook by means of creative acts and work with the images as an individual, moving reflections of reality with aesthetic value is noted. The authors consider the features of theatrical pedagogy and its development in the context of the evolution of pedagogical ideas, and also note its connection with the leading educational technologies, traditional and developmental. The most effective ways of forming the aspects of the teacher's artistic and aesthetic culture are proposed. The authors offer the following technologies: K. S. Stanislavsky's technology in the context of problem-based learning; V. E. Meyerhold's biomechanics as a technology of traditional training; the technology of stage-by-stage (phased) formation of an image of M. Chekhov — P. Y. Galperin.

Keywords: theater pedagogy, image, individual style of activity, pedagogical world outlook.

Литература

1. *Аристотель. О душе / Аристотель ; предисловие В. К. Сerezникова ; пер. и примеч. П. С. Попова. — М. : Гос. социал.-экон. изд-во, 1937. — 179 с.*
Aristotel'. O dushe / Aristotel' ; predislovie V. K. Serezhnikova ; per. i primech. P. S. Popova. — M. : Gos. social.-e'kon. izd-vo, 1937. — 179 s.
2. *Ахиезер, А. С. Субъекты российской истории / А. С. Ахиезер // Человек как субъект культуры. — М., 2002. — С. 311—328.*
Achiezer, A. S. Sub`ekty` rossijskoj istorii / A. S. Achiezer // Chelovek kak sub`ekt kul'tury`. — M., 2002. — S. 311—328.
3. *Гальперин, П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий / П. Я. Гальперин // Исследования мышления в советской психологии. — М., 1966. — С. 74—79.*
Gal'perin, P. Ya. Psixologiya my'shleniya i uchenie o poe'tapnom formirovanii umstvenny'x dejstvij / P. Ya. Gal'perin // Issledovaniya my'shleniya v sovetskoj psixologii. — M., 1966. — S. 74—79.
4. *Дмитриев, С. В. Социокультурная теория двигательных действий человека: спорт, искусство, дидактика / С. В. Дмитриев. — Н. Новгород : Нижегород. гос. ун-т, 2011. — 359 с.*
Dmitriev, S. V. Sociokul'turnaya teoriya dvigatel'ny'x dejstvij cheloveka: sport, iskusstvo, didaktika / S. V. Dmitriev. — N. Novgorod : Nizhegorod. gos. ped. un-t, 2011. — 359 s.
5. *Иванов, С. П. Субъект художественного действия в построении и развитии культурных сфер / С. П. Иванов // Человек как субъект культуры. — М., 2002. — С. 331—365.*
Ivanov, S. P. Sub`ekt xudozhestvennogo dejstviya v postroenii i razvitii kul'turny'x sfer / S. P. Ivanov // Chelovek kak sub`ekt kul'tury`. — M., 2002. — S. 331—365.
6. *Каган, М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган. — СПб. : Петрополис, 1997. — 205 с.*
Kagan, M. S. Filosofskaya teoriya cennosti / M. S. Kagan. — SPb. : Petropolis, 1997. — 205 s.
7. *Кузнецова, С. В. Театральная педагогика для учителя / С. В. Кузнецова, Е. В. Быстрицкая. — Н. Новгород, 2017. — 82 с.*
Kuznecova, S. V. Teatral'naya pedagogika dlya uchitelya / S. V. Kuznecova, E. V. By'striczka. — N. Novgorod, 2017. — 82 s.
8. *Мейерхольд, В. Э. К истории творческого метода / В. Э. Мейерхольд. — СПб., 1998. — 247 с.*
Mejerhol'd, V. E'. K istorii tvorcheskogo metoda / V. E'. Mejerhol'd. — SPb., 1998. — 247 s.
9. *Пелипенко, А. А. Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. — М. : Языки русской культуры, 1998. — 366 с.*
Pelipenko, A. A. Kul'tura kak sistema / A. A. Pelipenko, I. G. Yakovenko. — M. : Yazyki russoj kul'tury`, 1998. — 366 s.
10. *Роджерс, К. О становлении личности. Психотерапия глазами психотерапевта / К. Роджерс. — Boston, 1961. — 314 с.*

- Rodzhers, K. O stanovlenii lichnosti. Psixoterapiya glazami psixoterapevta / K. Rodzhers. — Boston, 1961. — 314 s.
11. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб. : Питер Ком, 1998. — 688 с.
- Rubinshtejn, S. L. Osnovy obshhej psixologii / S. L. Rubinshtejn. — SPb. : Piter Kom, 1998. — 688 s.
12. Станиславский, К. С. Работа актера над собой / К. С. Станиславский. — М. : Искусство, 1951. — 669 с.
- Stanislavskij, K. S. Rabota aktera nad soboj / K. S. Stanislavskij. — M. : Iskusstvo, 1951. — 669 s.
13. Чехов, М. Н. Путь актера: жизнь и встречи / М. Н. Чехов. — М. : АСТ [и др.], 2007. — 554 с.
- Chexov, M. N. Put` aktera: zhizn` i vstrechi / M. N. Chexov. — M. : AST [i dr.], 2007. — 554 s.
14. Якиманская, И. С. Основные направления исследований образного мышления / И. С. Якиманская // Вопр. психологии. — 1985. — № 5. — С. 5—17.
- Yakimanskaya, I. S. Osnovny`e napravleniya issledovaniy obraznogo my`shleniya / I. S. Yakimanskaya // Vopr. psixologii. — 1985. — № 5. — S. 5—17.

Ю. Н. Казаков

Концептуальные аспекты историко-логических тенденций исследования развития физической культуры личности

В статье обсуждаются историко-логические условия создания системы физической культуры и спорта, которые сложились в нашей стране и за рубежом. Представлена роль врача-специалиста по лечебной физкультуре. Показаны предпосылки, этапы и факторы формирования лечебной физкультуры как педагогической дисциплины. Описано моделирование медико-педагогической составляющей лечебной физкультуры и учебного предмета «Лечебная физкультура». Представлены концептуальные и методологические основы системы физической культуры и спорта в системе образования.

Ключевые слова: физическая культура, физкультура, лечебная физкультура, спорт.

Актуальность совершенствования системы развития физической культуры россиян определена концептуальным переходом страны на увеличение сроков выхода работающих на пенсию и вытекающими из этого новыми задачами мероприятий, мотивирующих продолжительность жизни. А это потребовало, в частности, пересмотра всех форм и методов организации психолого-физического воспитания и руководства физкультурным движением, спортом, которые создавались в предшествующие годы [6].

К примеру, в процессе построения системы *лечебной физической культуры* (ЛФК) все ее звенья были соединены в единую цепь [3]. С одной стороны, научно-исследовательские структуры — институты, кафедры физкультуры, отделения ЛФК [9]. С другой стороны, разрабатывающие и совершенствующие теоретические и практические основы ЛФК учебные заведения (институты, курсы, техникумы). Они обеспечивали подготовку высококвалифицированных кадров и создание учебников, методических разработок и других материалов для проведения процесса обучения; внедрение научных разработок в клиническую практику ЛФК [16].

Особое место в решении обозначенной проблемы в историческом плане было уделено подготовке врачей по физкультуре. На мединституты была возложена обязанность подготовки врачей по физкультуре и врачебному контролю, соответствующих научных работников (путем аспирантуры и интернатуры). Поставлена задача усовершенствования врачей по ЛФК. Кроме того, в связи с тем, что физическая культура является лечебно-профилактическим методом, при институтах физкультуры было развернуто лечебно-профилактическое отделение, на котором студенты углубленно изучали физические методы оздоровления и лечения организма и коррекции функций психики, способы

активизации самоотношения к самостимуляции — самости личности. Историческая динамика развертывания государственности в этом направлении кратко и условно может быть представлена следующим образом.

Институты физической культуры стали научно-исследовательскими учреждениями, разрабатывающими научные и научно-практические вопросы по физической культуре, и высшими учебными заведениями, подготавливающими: 1) преподавателей физкультуры (специалистов высшей квалификации для вузов и техникумов); 2) инспекторов и организаторов физкультуры; 3) врачей по физкультуре и врачебно-педагогическому контролю. Подготовка кадров шла параллельно с *внедрением физкультуры в систему медицинского образования* [17]. Необходимо было наряду с переброской на преподавательскую работу немногочисленных кадров (аспирантов — врачей институтов физкультуры) ускоренными темпами заниматься более широкой подготовкой преподавательского состава по физкультуре для самих мединститутов. Решался основной вопрос, полагающий, каким должен быть *врач — специалист по физкультуре* [20]. Новая врачебно-физкультурная специальность еще недостаточно выкристаллизовалась и продолжала изменяться в процессе развития и *перестройки физкультурного движения* [3].

В специальности врача по физкультуре наметилась дальнейшая дифференциация на организатора-массовика, врача кабинета врачебного контроля, санитарного врача по физкультуре — профилактика и, наконец, лечебного врача по физкультуре (лечебной физкультуре). Однако само проведение занятий ЛФК *потребовало от преподавателя соблюдения определенных правил*. Главными из которых явились: наличие четко сформулированных конкретных психических и физических задач для каждого занятия и соответственно плана его проведения; полное соответствие применяемых физических упражнений поставленным целям развития физической индивидуальности каждого обучаемого или больного (с демонстрацией больному всех предлагаемых им упражнений и объяснением правильности и последовательности их выполнения); умение дать физические упражнения в количестве, необходимом для благотворного влияния на организм человека и дающем хороший лечебный эффект больному, и наконец, четко продуманная, логически обусловленная (последовательная) связь содержания занятия с предыдущими занятиями и перспективно с последующими занятиями физическими упражнениями; психолого-педагогически правильное руководство занятиями и правильный подбор элементов урока физкультуры.

Известный французский специалист в области физического образования профессор Ж. Демени сформировал позицию, согласно которой *воспитатель физкультуры*, подобно художнику, который хорошо усвоил свои «рабочие» краски, должен уметь соединить отдельные элементы работы и предвидеть результат их сочетания. В то же время гарантией того, что каждое занятие физическими упражнениями будет приносить человеку только пользу, является, прежде всего, *психолого-педагогическая квалификация* врача или преподавателя физкультуры, складывающаяся из органического сочетания практического опыта с разносторонними теоретическими знаниями, в первую очередь знаниями в области педагогических и биологических основ физического воспитания [4].

Однако успех физической культуры зависит не только от квалификации врача или педагога. Чрезвычайно важным является *активное участие самого*

человека, его сознательное отношение к применению средств физической культуры или ЛФК, что играет большую роль в достижении положительного конечного результата — сохранения и развития здоровья. И этим ЛФК существенно отличается от других средств в лечении и реабилитации расстройств или болезни. Воспитание в процессе обучения физическим упражнениям у больного сознательного и активного отношения к занятиям еще одна важная задача, стоящая перед педагогом или врачом, требующая от него достаточно основательных знаний в области психологии здоровья [5].

И наконец, принцип оздоровительной направленности системы физического воспитания требует тесного и межпредметного, творческого сотрудничества в деятельности врача и педагога (или тренера) [7]. Такое сотрудничество еще более важно в ЛФК, поскольку речь идет о состоянии здорового или больного человека. Врач и психолог совместно составляют комплексы упражнений и схемы занятий, осуществляют как периодический врачебно-педагогический контроль, так и непосредственный в ходе занятий, следят за соблюдением гигиенических условий проведения занятий, анализируют и оценивают эффективность занятий и соответственно эффективность лечения. Безусловно, в области физической культуры психолог и врач — специалист по физкультуре должны знать теорию, методику и практику физической культуры, учитывая не только ее биологическую (оздоровительную) сторону, но и общественно-политическую и воспитательную. Кроме того, врач — специалист по физкультуре должен быть организатором массового врачебного контроля над физкультурниками, в совершенстве владеть методикой и техникой врачебных исследований физкультурников, уметь провести углубленное исследование и обеспечить компетентную консультацию для других специальностей по вопросам углубленного исследования, показаний и противопоказаний к занятиям физкультурой, дозировки средств физкультуры, оценки влияния физических упражнений на организм человека [1; 8; 10].

Важно отметить, что в современных условиях развития в педагогических и медицинских вузах и техникумах физическая культура приобретает новое значение как дисциплина, необходимая в будущей профессиональной деятельности оканчивающих эти учебные заведения. К примеру, курс «Теория физкультуры» был введен на всех факультетах мединститутов: лечебно-профилактическом, санитарно-профилактическом и факультете организации здравоохранения с учетом целевых установок каждого факультета: I курс — «Вводный. Задачи и цели физкультуры». II курс — «Теория и методика физкультуры с оценкой систем». III курс — «Врачебный контроль». IV курс — «Лечебная физкультура». Кроме того, рациональное проведение физической культуры, и в частности физического воспитания студентов любого вуза, возможно лишь при наличии соответствующих кадров квалифицированных специалистов по физкультуре: врачей, инспекторов, преподавателей и руководителей (инструкторов). При этом основными типами физкультурных работников, которых выпускали институты, были: 1) врач — специалист по физкультуре; 2) преподаватель физкультуры высшей квалификации; 3) преподаватель (инструктор) физкультуры средней квалификации.

Большой и вполне самостоятельный раздел концепции физического воспитания культуры, специфичность его методов и учебных средств потребовали

увеличения количества преподавателей физического воспитания с особой организацией планирования учебной работы, а следовательно, и необходимости в образовании специальных кафедр — *кафедр физического воспитания и спорта* [12]. Поэтому важным этапом в решении проблемы подготовки научно-педагогических кадров явилось создание *факультетов физического воспитания (ФФВ) при педагогических вузах, которые стали готовить учителей физической культуры для общеобразовательных школ*. Первая попытка создания ФФВ была предпринята осенью 1940 г. Тогда в Москве собрали около 80 учителей физической культуры, имевших большой практический опыт работы в школах и других физкультурных учебных заведениях. Обучение успешно шло до весны 1941 г. Начавшаяся война заставила прервать занятия. За годы Отечественной войны ЛФК подтвердила свою роль как фактора крупнейшего лечебно-профилактического значения, без применения которого немыслимо было лечение травм, заболеваний и сохранение физической устойчивости в сложной фронтовой ситуации. В целом изучение опыта применения ЛФК в лечении раненых и больных в годы войны и сделанные из него выводы в значительной мере способствовали дальнейшему ее совершенствованию, в том числе и как педагогической дисциплины [13].

После войны в конце 40-х — начале 50-х гг. широкое распространение получили техникумы физической культуры. Целевой установкой техникума являлась подготовка работников по физкультуре для всех типов школ. Наступил послевоенный (по В. Н. Мошкову) период развития ЛФК в России. И следует отметить, что в этот период принципиальных изменений в ее концептуальных построениях, в том числе в построении и реализации ее как педагогической дисциплины, вплоть до начала XXI в., в изученных и проанализированных работах нами установлено не было [14].

Путь осмысления роли физической культуры в историческом движении был достаточно долгим и сложным. На его протяжении можно выделить несколько этапов.

На *первом этапе* (Древний Китай, Древняя Индия) осуществлялось философское осмысление (конфуцианство, брахманизм) значения двигательной активности, физических упражнений в жизни человека. *Второй этап* (Древняя Греция и Рим) связан с именами Геродика, Гиппократ, Цельза, Галена. В это время появились новые термины, например «врачебная и лечебная гимнастика», использование врачами, преподавателями гимнастики специальных упражнений для физического развития организма, профилактики и лечения некоторых заболеваний. *Третий этап* (XVI—XVIII вв.) характеризуется возникновением некоторых педагогических теорий (естественно-свободного воспитания Ж.-Ж. Руссо, элементарного физического образования И. Г. Песталоцци) и принципов (дидактика, природосообразность и др.), послуживших в дальнейшем развитию ЛФК как психолого-педагогической дисциплины. На *четвертом этапе* (XIX — начало XX в.) утвердилась *лечебная гимнастика* — составная часть различных систем физического воспитания (шведской — П. Линг, немецкой — Ф. Ян, французской — Ф. Аморос). Было положено начало преподаванию ЛФК.

Первым учебным заведением, осуществлявшим подготовку специалистов по врачебной, педагогической и военной гимнастике, стал Центральный королевский институт гимнастики (Стокгольм), основанный в 1813 г. П. Лин-

гом. Здесь впервые был определен круг предметов, составляющих дисциплину «**Врачебная гимнастика**», разработана система ее преподавания. В России становление ЛФК как учебной дисциплины происходило несколько позднее, чем в Европе (в самом конце XIX и в начале XX в.), и связано с именами Е. Залесовой, Н. Гагмана, П. Лесгафта и др. *Пятый этап* — начало советского периода в России. В этот период (20—40-е гг. XX в.) заложено начало научного понимания сущности процессов оздоровительного и лечебного действия физических упражнений. *В целом исторически был осуществлен системный подход к построению учебной дисциплины «Лечебная физическая культура»* [20]. Была создана достаточно четкая государственная система организации ЛФК, в том числе и как учебной дисциплины. Эта система включала в себя курсы и учебные институты для подготовки и переподготовки кадров, научно-исследовательские институты и кафедры для разработки теоретических основ и методологических проблем, издание различных учебников, учебных пособий и ряд других моментов. В этот же период появился термин «лечебная физическая культура», который заменил все ранее использовавшиеся в этой дисциплине термины. В разных источниках такая кафедра фигурирует под разными названиями: кафедра лечебной физкультуры, врачебного контроля и спортивного массажа, кафедра лечебной физической культуры [5; 11; 15; 18; 19].

Изучение и анализ различных психолого-педагогических теорий и принципов организации физической культуры положили начало практике преподавания и подготовки *педагогов по лечебной гимнастике*, практического применения *лечебной гимнастики в оздоровительных и лечебных целях, в различных системах физического воспитания* [21]. Это позволило основоположникам советской системы ЛФК (В. В. Гориневский, В. Е. Игнатьев, И. М. Саркизов-Серазини и др.) создать эффективную медико-педагогическую дисциплину, выполняющую оздоровительную и лечебную функции, являющуюся самостоятельной педагогической дисциплиной, важной *составной частью процессов физического воспитания и образования*.

В целом результаты и анализ исследования процесса становления и развития ЛФК как педагогической дисциплины стали основой для построения *модели педагогического процесса* (системы) данной дисциплины, которая определяется как множество взаимосвязанных структурных и функциональных компонентов, подчиненных целям образования, воспитания и обучения подрастающего поколения и взрослых людей, культуры сохранения физического здоровья.

В лечебной физкультуре как педагогической дисциплине, педагогической системе автором педагогический процесс определяется как структура, включающая в себя *пять основополагающих компонентов: цель; содержание; методы, средства коммуникации; преподавателя; учащегося*. Цель определяет тот конечный результат психолого-педагогического взаимодействия, к которому стремятся врач-психолог-педагог и учащийся. Цель — развитие человеческих потребностей в сохранении своего здоровья и *интереса к сфере физической культуры*, в частности к ЛФК, в осознании человеком необходимости ее, в том числе как культуры отношения к себе. Это функция и ориентир практической деятельности участников образовательного процесса, способствующие его успеху, разумности и целесообразности. В целом же *физическая культура как базовая часть*

общей культуры человека преследует ряд взаимозависимых целей, таких как здоровье, образование, развитие, рекреация, долголетие индивидов. Именно они являются основными детерминантами цели предмета «Лечебная физкультура». Они определяются как педагогически адаптированное представление о социально обусловленных конечных, этапных и промежуточных результатах учебно-воспитательного процесса по данной дисциплине; формируют педагогическую систему, способствуют достижению цели высшего уровня — формированию национальной системы физического воспитания, регулируют содержание и работу по физическому воспитанию подрастающего поколения.

В результате проведенного историко-логического исследования *генезиса лечебной и физической культуры* как педагогической дисциплины установлено, что на различных этапах становления и развития лечебной и физической культуры конкретные цели определялись как уровнем развития общественных отношений и запросами общества и человека, так и уровнем развития самой дисциплины «Лечебная физкультура». Ретроспективное моделирование педагогической составляющей ЛФК позволяет сделать вывод о том, что она прошла путь от чисто лечебной, оздоровительной дисциплины (с соответствующими целями и задачами) до полноценной педагогической дисциплины (с присущими педагогическому процессу педагогической системой структурных элементов и соответствующими такой системе целями).

Концептуальная основа лечебной и физической культуры как медико-психолого-педагогической дисциплины заключается в том, что здесь взаимодействие врача-психолога-педагога и учащегося можно рассматривать в двух аспектах. Прежде всего, в *педагогическом*, где педагог передает определенную сумму психологических и педагогических знаний учащемуся, который должен их усвоить и использовать на практике. В *медико-психологическом* аспекте врач и педагог выступают в роли обучающего ученика (или пациента) определенными методами, набору физических упражнений с оздоровительной или лечебной целью, выполняя при этом и *воспитательную задачу* [22]. И только при грамотном взаимодействии врача, педагога и учащегося может быть получен положительный результат в достижении главной цели как в педагогическом, так и в медико-психологическом аспектах дисциплины «*Лечебная физическая культура*».

В свете реформирования системы образования особую значимость приобретает конкретно сформулированная и общепризнанная концептуальная основа преподавания ЛФК. Она определяет параметры ожидаемого результата, обуславливает формирование соответствующего содержания образования и совместно с последним продуцирует такие дидактические процессы, которые гарантируют перевод содержания образования в реальное присвоение знаний обучающихся как элемента формирования структуры личности и достижения результатов преподавания лечебной или физической культуры.

Исходя из цели, отражающей потребности общества и запросы личности в сфере физического воспитания, оздоровления, лечения и выступающей как механизм реализации социального заказа, формируется следующий элемент педагогического процесса (системы) — *содержание дисциплины «Лечебная и физическая культура»*. Это часть образования, отражающая соответствующую совокупность знаний — двигательных и инструктивных умений, норм и тре-

бований подготовленности к определенным видам деятельности, системное усвоение которых обуславливает достижение цели данной дисциплины.

Документами, регламентирующими содержание педагогического процесса образования по дисциплине «Лечебная и физическая культура», выступают базисный учебный план и обязательный минимум определенного содержания образования по дисциплине, примерная учебная программа, рабочая учебная программа, учебник по ЛФК, развивающие феномен ЛФК как определенного естественно-научного и философско-педагогического знания, составляющего основу этой дисциплины и изучаемого в физкультурных и медицинских вузах.

Исследования автора показали, что в процессе становления и развития лечебной и физической культуры как педагогической дисциплины происходили определенные трансформации в содержании педагогического процесса. Они были связаны в первую очередь с возникновением новых знаний, определяющих естественно-научные и педагогические основы физической культуры. Если говорить о педагогических основах, то это появление и осмысление таких понятий, как «природосообразность», «культуросообразность», «педагогическая антропология», внесших кардинальные изменения в практику воспитания и образования, в педагогический процесс в целом и в частности в педагогическую систему физического воспитания.

В последнем случае особое значение приобретает выработка *методов и средств коммуникации*. Эти элементы призваны обеспечить перевод содержания образования, педагогического процесса в опыт личности учащегося в форме знаний, двигательных и инструктивных навыков и умений, физических и морально-волевых качеств, активного присоединения видов физкультурной деятельности, здорового образа и стиля жизни.

В силу специфики педагогического процесса в физическом воспитании, в ЛФК *основным средством является упражнение*. Именно благодаря упражнениям происходят все основные процессы обучения и воспитания, в том числе физического, интеллектуального, нравственного. Это необходимо учитывать на всех уровнях образовательного процесса.

Методы — это действия педагога и учащегося, посредством которых передается и принимается содержание. В лечебной физкультуре как педагогической дисциплине процесс преподавания и обучения подчиняется тем же законам педагогики, что и при обучении другим наукам, а как медицинской дисциплине — этот процесс строится на обучении и использовании средств ЛФК, прежде всего физических упражнений, для решения определенных оздоровительных или лечебных задач.

Вся методика ЛФК, обучение и проведение занятий базируются на физиологически обоснованных общепедагогических дидактических принципах: сознательности и активности; наглядности; доступности; системности; прочности усвоения; индивидуализации подхода. Соответственно и процесс обучения строится на общепедагогических методах: объяснения, разучивания, повторения, анализа и оценки успешности процесса.

Что касается двух важнейших компонентов *модели педагогической дисциплины «Лечебная физкультура»* — педагога и учащегося, — здесь значение имеют предъявляемые к ним требования. На успех обучения можно рассчитывать

лишь в том случае, когда педагог соблюдает все дидактические принципы в правильном их сочетании и в определенной системе. Преподаватель и занимающийся не могут *руководствоваться в одних случаях только физиологическими принципами, в других — психологическими, в третьих — педагогическими*. На основе закономерностей, действующих в ЛФК, для преподавателя и учащегося (занимающегося) должны быть определены только общепедагогические (дидактические) принципы. Уровень развития науки на разных этапах дисциплины «Лечебная физкультура» дает основания для принятия в качестве педагогических принципов ряда других научно-методических положений, а в некоторых случаях иной формулировки ранее установленных педагогических принципов. К ним можно отнести: единство обучения и развития; структурность занятий; учет особенностей и состояния занимающихся; постепенное повышение нагрузок и ее варьирование и т. д.

Важным фактором учебно-воспитательного процесса при этом являются *педагогические технологии* — система взаимоотношений педагога и конкретного контингента обучающихся, которая построена на основе кибернетических принципов и приемов работы. Основой деятельности педагога, залогом практических успехов является актуальное состояние уровня развития его общей культуры.

Психолого-педагогическая культура — это сложное смысловое образование, широкая и специфическая по своему содержанию категория осмысления человеком, включающая в себя такие понятия, как «специальные способности и свойства личности педагога»; «нравственные качества педагога»; «профессионально-этическое поведение педагога»; «профессионально-педагогическое мастерство».

В лечебной и физической культуре учащийся или больной должен быть *активным участником* психолого-педагогического процесса, что нашло отражение, в частности, в учебно-методическом комплексе «Лечебная физкультура и массаж», в котором четко были определены цели и задачи формирования физической культуры. Цель дисциплины — приобретение студентами теоретических знаний и практических навыков проведения занятий по ЛФК и массажу. Однако общие задачи значительно шире: повысить уровень знания теории создания комплекса лечебной и физической культуры при различных нарушениях состояния здоровья и реабилитации после травм; привить навыки практической деятельности использования ЛФК и массажа для первичной профилактики заболеваний и травм и для реабилитации; привить потребность в повышении своей физической культуры.

В этом же учебно-методическом комплексе сформулированы требования к знаниям и умениям студента или будущего педагога по лечебной и физической культуре. Последний должен знать: методику оздоровительных физкультурно-спортивных занятий с различными группами населения; методы и организацию комплексного физиологического и психопедагогического контроля состояния организма при нагрузках ЛФК; методы организации научно-исследовательской работы по ЛФК. Должен уметь: формулировать конкретные задачи ЛФК в физическом воспитании различных групп населения; применять практические приемы проведения ЛФК.

Необходимо заметить, что формирование дисциплины «Лечебная и физическая культура» явилось большим достижением, в частности, в нашей стране, где физическая культура человека стала важной задачей государства. Именно

поэтому в решении задач развития современной физической культуры важно учитывать опыт и действенность концепции, заложенной в компоненте «Лечебная физкультура», которая в современных условиях нуждается в переосмыслении, выработке новых парадигм физической культуры и обосновании современных педагогических технологий, поскольку в традиционной системе физического воспитания не происходит главного — обращения личности к пониманию и принятию *физической культуры как жизненно важной ценности*.

Анализ работ создателей (В. В. Гориневский, Б. А. Ивановский, В. Е. Игнатьев, И. М. Саркизов-Серазини и др.) современной системы физической культуры показывает, что, несомненно, они были хорошо осведомлены об основных направлениях в становлении и развитии ЛФК, история развития которой неразрывно связана с историей развития физического воспитания. Самое большое внимание было уделено изучению и использованию педагогических и естественно-научных положений, изложенных в работах русских врачей, философов, педагогов, просветителей XIX в. (Н. А. Добролюбов, П. Ф. Лесгафт, Н. И. Пирогов, И. М. Сеченов, Н. Г. Чернышевский и др.).

Одним словом, *поиск предпосылок формирования концепции физической культуры личности* потребовал исследования большого числа различных литературных источников, и их анализ позволил сделать основной вывод о том, что стимуляция развития культуры физического здоровья связана с развитием ЛФК.

В настоящее время выявлены определенные предпосылки и частично созданы некоторые элементы будущей ЛФК *как медико-психолого-педагогической дисциплины, как особого педагогического знания*. Выявлено также значение государственной политики в сфере развития ЛФК как структурообразующего фактора образования, учитывающего социально-педагогические условия, закладывающего концептуальные основы и определяющего всю цепочку построения новой педагогической дисциплины «Лечебная физическая культура». *Определены и изучены отдельные элементы педагогической системы «лечебная физическая культура»*, смоделирована логика их последовательного возникновения, их взаимосвязь, взаимозависимость и направленность развития.

Разработка концепции коснулась *истории становления советской системы физического воспитания* на всех этапах ее развития. Одной из коренных ее особенностей оставалась оздоровительная направленность, полностью созвучная профилактическим задачам здравоохранения. Насущнейшим вопросом нового государства был вопрос об оздоровлении широких народных масс.

Впервые все вопросы развития физической культуры, физического воспитания и образования, в том числе лечебной и физической культуры, стали важнейшей частью отечественной истории развития государственной политики этого направления.

Этому способствовало наличие целого ряда предпосылок, возникновение и *развитие лечебной гимнастики*, как и всякой другой области человеческих знаний и человеческой деятельности, которые находятся в неразрывной связи с развитием и сменой общественно-экономических формаций, общей историей культуры народов. При этом было важно то, что *признание физических упражнений* в качестве лечебного средства находится в зависимости от общественного строя, от тех или иных исторических процессов, от приобретаемых

человеческих знаний, а также от тех или иных философских представлений, мировоззрений, определяющих понятия о болезни и здоровье [19]. Применительно к современной ситуации установки на повышение уровня и сроков продолжительности жизни необходимость проведения *соответствующей государственной политики в сфере лечебной и физической культуры* диктуется наличием целого ряда предпосылок, определивших основные направления этой политики. Среди них:

- 1) значительный уровень заболеваемости и смертности, производственного травматизма и высокий уровень инвалидности, соприкасавшиеся с различными слоями населения, и очевидный низкий уровень физического развития всего населения. Это слабое развитие, выражающееся, однако, в скудных и недостаточно точных цифровых данных, было отмечено в виде различных аномалий телосложения, физической слабости, необычной податливости болезням и факта очень малой им сопротивляемости, в результате чего процент заболеваемости и смертности был неимоверно велик. Особенно велика была детская смертность;
- 2) недостаточный уровень физического развития всего населения, в первую очередь молодежи;
- 3) практически полное отсутствие специализированных учреждений для подготовки высококвалифицированных психологических, медицинских и педагогических кадров по физической культуре, и в частности по ЛФК. И как следствие, невозможность осуществления в должной мере работы в школах, вузах, на производстве по физическому воспитанию и обучению ЛФК;
- 4) состояние межпредметной организации здравоохранения, медицинской и психологической науки в профилактике и освоении навыков физической культуры личности;
- 5) понимание и признание возможной роли практического применения физической культуры и ЛФК в решении проблем здравоохранения, физического развития и физического воспитания молодежи.

Необходимо предпринять целый ряд шагов, направленных на создание полноценной и эффективной концепции и системы физкультурного, психологического и педагогического образования и воспитания физической культуры. Естественно, что для решения вопросов оздоровления и развития физической культуры человека, профилактики и лечения заболеваний на одно из первых мест выходят задачи широкого использования физической культуры, и в частности ЛФК. Изменяется и цель создания полноценной самостоятельной системы физической культуры и спорта, включающей в себя научно-организационные, методические, методологические, медико-психолого-педагогические структуры.

О глубококом понимании этого свидетельствуют некоторые исторические документы нашей страны, которые определяли всю работу по физической культуре, и в частности по созданию системы ЛФК. Эти декреты и постановления ставили перед государственными институтами, общественными организациями конкретные цели и задачи, сроки их достижения, указывали основные направления деятельности, главными среди них были:

- государственная политика в сфере ЛФК как структурообразующий фактор;
- оздоровительная и профилактическая направленность здравоохранения;

- массовое вовлечение населения в занятия физкультурой и спортом;
- создание учебных заведений (институты, техникумы, курсы) для подготовки квалифицированных специалистов;
- возможность привлечения к работе в учебных заведениях специалистов, занимавшихся проблемами ЛФК еще до увеличения пенсионного возраста и сроков продолжительности жизни.

Анализ исторических предпосылок и документов государства в сфере формирования физической культуры, физического воспитания позволяет сделать вывод о том, что именно целенаправленная и соответствующая политика в сфере физической культуры позволила сформировать концепцию на основе отдельных элементов комплексной системы лечебной и физической культуры как единой медико-психолого-педагогической дисциплины.

Теоретической основой обновленной концепции такой дисциплины являются:

- описанный исторический опыт, накопленный за многие годы практического развития и применения лечебной и физической культуры и становления отдельных ее психолого-педагогических элементов;
- некоторые важнейшие педагогические подходы и принципы, в частности культурологический и антропологический подходы, принцип природосообразности развития физической культуры;
- понимание значения физической культуры как одного из важнейших факторов, определяющих рост и развитие организма человека, состояние его здоровья;
- оздоровительная и профилактическая направленность медицины и психологии, в которой лечебная и физическая культура занимают важное место в оздоровлении, лечении и реабилитации человека.

Разработка новой концепции обусловлена необходимостью реализации цели развития физической культуры и спорта как важного условия сохранения здоровья человека, его активности. Это является и частью общей концепции развития национальных проектов здравоохранения и образования, направленных на гарантированное оказание населению качественной и доступной медицинской помощи, профилактику заболеваемости населения и сохранение его здоровья, массовое вовлечение населения в занятия физкультурой и спортом, популяризацию здорового образа жизни.

Предусматривается включение ЛФК в программу физического воспитания в школах и вузах, применение ЛФК на курортах для оздоровления, на производстве в качестве профилактической меры и предупреждения травматизма. Как лечебный метод ЛФК впервые, как никогда ранее, стала широко применяться для лечения различных заболеваний в поликлиниках, больницах и других медицинских учреждениях.

Важное значение в современной концепции физической культуры придается научным исследованиям механизма действия физических упражнений на организм здорового и больного человека, расширению практической деятельности медицинских и физкультурных учреждений различного типа, созданию системы медицинской реабилитации, врачебного контроля, подготовке высококвалифицированных кадров. В частности, необходимо разработать вопрос о

подготовке и переподготовке педагогов и врачей по физической культуре, о включении физического воспитания в программу медицинских вузов и медицинских техникумов, о подготовке кадров для проведения научных исследований по ЛФК.

Проведенное историко-логическое исследование и анализ существующих данных позволили определить и сформулировать основные цели и задачи *современной физической культуры личности*: оздоровительные; профилактические и корригирующие; лечебные; реабилитационные; научно-исследовательские; врачебно-педагогического контроля; подготовки высококвалифицированных кадров (медицинских, психологических и педагогических); воспитательно-образовательные. Они направлены на воспитание таких качеств, как быстрота реакции, координация, выносливость, ловкость и др., необходимых каждому человеку для его общественно-трудовой деятельности, чрезвычайно важных в развитии и воспитании растущих поколений.

В заключение можно сделать вывод, что **физическая культура** может определяться как научно-практическое, медико-психолого-педагогическое направление, изучающее теоретические основы, принципы и методы использования и совершенствования средств физкультуры для развития физического здоровья россиян и их общей культуры отношения к себе.

Анализ большого массива литературных, документальных и других источников в ходе изучения состояния разработки феномена культуры здоровья показал, что данные о медицинском компоненте этой дисциплины в исследовании физкультуры представлены значительно полнее, чем о ее психологической и педагогической составляющих.

В то же время ЛФК как педагогическая дисциплина — особая отрасль научного знания, учебный предмет имеет свою длительную историю становления и развития в развитии физического здоровья.

Результаты изучения физкультуры как предмета историко-психолого-педагогического исследования, как новой дисциплины «самооздоровления» и сделанные на их основе выводы могут способствовать расширению научных исследований в направлении стимуляции физического здоровья, модернизации педагогического процесса ЛФК и спортивной медицины, а также совершенствованию системы физического воспитания и образования, существенной частью которой является физкультура — физическая культура, необходимая и значимая в развитии и саморазвитии каждого человека.

The article discusses the historical and logical conditions for the creation of a system of physical culture and sports in the country and abroad, the role of a doctor-specialist in physical therapy. Prerequisites, stages and factors of formation of medical physical culture as pedagogical discipline are shown. The modeling of medical and pedagogical component of physical therapy and educational subject «Physical therapy» is described. The conceptual and methodological foundations of the system of physical culture and sports in the education system are presented.

Keywords: physical culture, physical culture, medical physical culture.

Литература

1. *Базарный, В. Ф.* Зрение у детей: проблемы развития в условиях НТР / В. Ф. Базарный. — Новосибирск, 1991. — 140 с.
Bazarny'j, V. F. Zrenie u detej: problemy` razvitiya v usloviyax NTR / V. F. Bazarny'j. — Novosibirsk, 1991. — 140 s.

2. *Бирюков, А. А.* К 125-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки, доктора медицинских наук, профессора Ивана Михайловича Саркизова-Серазини / А. А. Бирюков // *Лечебная физкультура и спортивная медицина*. — 2012. — № 5. — С. 4.

Biryukov, A. A. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya zasluzhennogo deyatelya nauki, doktora medicinskih nauk, professora Ivana Mixajlovicha Sarkizova-Serazini / A. A. Biryukov // *Lechebnaya fizkul'tura i sportivnaya medicina*. — 2012. — № 5. — С. 4.

3. *Бутовский, А. Д.* Из чтений по истории и методике телесных упражнений : [в 2 т.] / А. Д. Бутовский. — СПб., 1910. — 1 : Телесные упражнения как предмет преподавания. — 20 с.

Butovskij, A. D. Iz chtenij po istorii i metodike telesny'x uprazhnenij : [v 2 t.] / A. D. Butovskij. — SPb., 1910. — 1 : Telesny'e uprazhneniya kak predmet преподаvaniya. — 20 s.

4. *Бутовский, А. Д.* Из чтений по истории и методике телесных упражнений / А. Д. Бутовский. — СПб., 1910. — Т. 2 : Физическое образование в древние и средние века. — 45 с.

Butovskij, A. D. Iz chtenij po istorii i metodike telesny'x uprazhnenij / A. D. Butovskij. — SPb., 1910. — T. 2 : Fizicheskoe obrazovanie v drevnie i srednie veka. — 45 s.

5. *Вишневская, Е. Л.* Возрастная динамика состояния здоровья детей школьного возраста : дис. ... канд. мед. наук / Е. Л. Вишневская. — М., 1982. — 198 с.

Vishnevskaya, E. L. Vozrastnaya dinamika sostoyaniya zdorov'ya detej shkol'nogo vozrasta : dis. ... kand. med. nauk / E. L. Vishnevskaya. — M., 1982. — 198 s.

6. *Голощапов, Б. Р.* История физической культуры и спорта / Б. Р. Голощапов. — М. : Академия, 2009. — 312 с.

Goloshchapov, B. R. Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta / B. R. Goloshchapov. — M. : Akademiya, 2009. — 312 s.

7. *Гуров, В. А.* Влияние учебных занятий в режиме динамических поз на процесс психофизиологического развития младших школьников : автореф. дис. ... канд. биол. наук / В. А. Гуров. — Новосибирск, 1995. — 25 с.

Gurov, V. A. Vliyaniye uchebny'x zanyatij v rezhime dinamicheskix poz na process psixofiziologicheskogo razvitiya mladshix shkol'nikov : avtoref. dis. ... kand. biol. nauk / V. A. Gurov. — Novosibirsk, 1995. — 25 s.

8. *Дьяченко, В. К.* Коллективно-групповые способы обучения / В. К. Дьяченко // *Педагогика*. — 1998. — № 2. — С. 45—50.

D'yachenko, V. K. Kollektivno-gruppyv'e sposoby' obucheniya / V. K. D'yachenko // *Pedagogika*. — 1998. — № 2. — S. 45—50.

9. *Епифанов, В. А.* Роль и место лечебной физкультуры в медицинской реабилитации / В. А. Епифанов, Т. Г. Кузбашева // *Физиотерапия, бальнеология и реабилитация*. — 2004. — № 6. — С. 3—7.

Epifanov, V. A. Rol' i mesto lechebnoj fizkul'tury v medicinskoj rehabilitacii / V. A. Epifanov, T. G. Kuzbasheva // *Fizioterapiya, bal'neologiya i rehabilitaciya*. — 2004. — № 6. — S. 3—7.

10. *Жданова, Л. А.* Диагностика и прогнозирование клинико-функциональных отклонений у детей на первом году обучения в школе : автореф. дис. ... канд. мед. наук / Л. А. Жданова. — Иваново, 1984. — 23 с.

Zhdanova, L. A. Diagnostika i prognozirovanie kliniko-funkcional'ny'x otklonenij u detej na pervom godu obucheniya v shkole : avtoref. dis. ... kand. med. nauk / L. A. Zhdanova. — Ivanovo, 1984. — 23 s.

11. *Журавлева, А. И.* Лечебная физкультура и спортивная медицина вчера и сегодня / А. И. Журавлева // *Лечебная физкультура и спортивная медицина*. — 2012. — № 4. — С. 5—12.

Zhuravleva, A. I. Lechebnaya fizkul'tura i sportivnaya medicina vchera i segodnya / A. I. Zhuravleva // *Lechebnaya fizkul'tura i sportivnaya medicina*. — 2012. — № 4. — S. 5—12.

12. *Зуев, В. Н.* Эволюция органов государственной власти в сфере управления физической культурой и спортом в начале XX века и в советский период / В. Н. Зуев // *Теория и практика физической культуры*. — 2004. — № 3. — С. 2—7.

Zuev, V. N. Evolyuciya organov gosudarstvennoj vlasti v sfere upravleniya fizicheskoy kul'turoj i sportom v nachale XX veka i v sovetskij period / V. N. Zuev // *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. — 2004. — № 3. — S. 2—7.

13. *История образования и педагогической мысли за рубежом и в России : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. З. И. Васильевой. — М. : Академия, 2006. — 432 с.*

Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoy my'sli za rubezhom i v Rossii : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij / pod red. Z. I. Vasil'evoj. — M. : Akademiya, 2006. — 432 s.

14. *Лубышева, Л. И.* Структура и содержание спортивной культуры личности / Л. И. Лубышева, А. И. Загревская // *Теория и практика физической культуры*. — 2013. — № 3. — С. 7—16.

Luby'sheva, L. I. Struktura i soderzhanie sportivnoj kul'tury lichnosti / L. I. Luby'sheva, A. I. Zagrevskaya // *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. — 2013. — № 3. — S. 7—16.

15. *Мельникова, Н. Ю.* История физической культуры и спорта : учебник / Н. Ю. Мельникова, А. В. Трескин ; под ред. Н. Ю. Мельниковой. — М. : Сов. спорт, 2013. — 392 с.

Mel'nikova, N. Yu. Istoriya fizicheskoy kul'tury' i sporta : uchebnik / N. Yu. Mel'nikova, A. V. Treskin ; pod red. N. Yu. Mel'nikovoj. — M. : Sov. sport, 2013. — 392 s.

16. *Поликарпова, Г. М.* Образование и развитие национальных систем физического воспитания в Новое время : учеб.-метод. реком. к курсу Истории физической культуры и спорта / Г. М. Поликарпова. — М., 2008. — 236 с.

Polikarpova, G. M. Obrazovanie i razvitie nacional'ny'x sistem fizicheskogo vospitaniya v Novoe vremya : ucheb.-metod. rekom. k kursu Istории fizicheskoy kul'tury' i sporta / G. M. Polikarpova. — M., 2008. — 236 s.

17. *Попов, С. Н.* Становление и развитие лечебной физической культуры в нашей стране / С. Н. Попов // ЛФК и массаж. — 2002. — № 1. — С. 5—7.

Popov, S. N. Stanovlenie i razvitie lechebnoj fizicheskoy kul'tury' v nashej strane / S. N. Popov // LFK i massazh. — 2002. — № 1. — S. 5—7.

18. *Попов, С. Н.* К 75-летию кафедры ЛФК, массажа и реабилитации РГУФК / С. Н. Попов, Н. Л. Иванова // Физкультура в профилактике, лечении и реабилитации. — 2003. — № 3. — С. 5—7.

Popov, S. N. K 75-letiyu kafedry' LFK, massazha i reabilitacii RГУFK / S. N. Popov, N. L. Ivanova // Fizkul'tura v profilaktike, lechenii i reabilitacii. — 2003. — № 3. — S. 5—7.

19. *Саркизов-Серазини, И. М.* Лечебная физкультура / И. М. Саркизов-Серазини. — М. : Физкультура и туризм, 1937. — 237 с.

Sarkizov-Serazini, I. M. Lechebnaya fizkul'tura / I. M. Sarkizov-Serazini. — M. : Fizkul'tura i turizm, 1937. — 237 s.

20. *Сорокина, Т. С.* История медицины / Т. С. Сорокина. — М. : Академия, 2005. — 560 с.

Sorokina, T. S. Istoriya mediciny' / T. S. Sorokina. — M. : Akademiya, 2005. — 560 s.

21. *Столбов, В. В.* История физической культуры / В. В. Столбов, Л. А. Финогенова, Н. Ю. Мельникова ; под ред. В. В. Столбова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Физкультура и спорт, 2000. — 423 с.

Stolbov, V. V. Istoriya fizicheskoy kul'tury' / V. V. Stolbov, L. A. Finogenova, N. Yu. Mel'nikova ; pod. red. V. V. Stolbova. — 3-e izd., pererab. i dop. — M. : Fizkul'tura i sport, 2000. — 423 s.

22. *Уфимцева, Л. П.* Функциональное состояние зрительного анализатора у детей в связи с началом школьного обучения : автореф. дис. .... канд. биол. наук / Л. П. Уфимцева. — М., 1986. — 17 с.

Ufimceva, L. P. Funkcional'noe sostoyanie zritel'nogo analizatora u detej v svyazi s nachalom shkol'nogo obucheniya : avtoref. dis. .... kand. biol. nauk / L. P. Ufimceva. — M., 1986. — 17 s.

Культурно-исторические аспекты

М. В. Ермолаева, Д. В. Лубовский

Историческая эволюция катарсиса как феномена культуры

В статье проанализированы происхождение, функции и психологическая структура катарсиса как культурного средства смыслопорождения. На основе эвдемонистического понимания катарсиса показано его смыслопорождающее действие. В структуре катарсиса выделены фазы возбуждения (пафоса), сосредоточения (слияния с героем произведения) и выхода за пределы себя (трансцендирования), который за счет личностной рефлексии завершается возвращением человека к себе, изменившемуся в результате встречи с произведением искусства. Рассматривая катарсис в историческом контексте, авторы анализируют особенности катарсиса античной трагедии и в произведениях Рембрандта и Вермеера. Выявлена культурно-историческая обусловленность функций катарсиса, показаны перспективы исследования катарсиса как культурного средства порождения смысла.

Ключевые слова: катарсис, эвдемонистическая трактовка, культурно-историческая обусловленность, произведения искусства.

Феномен катарсиса, имея историческую обусловленность, видоизменялся с течением времени, приобретая качественно своеобразные черты *в зависимости от культурно-исторического контекста эпох*. Трансформация многих психологических явлений на протяжении эпох имеет культурно-историческую обусловленность, это же верно и по отношению к катарсису. Необходи-

мость анализа катарсиса обусловлена, с одной стороны, экзистенциальными жизненными вызовами, характерными для нашего времени: ростом неопределенности и снижением роли внешних детерминант жизни при увеличении роли внутренней детерминации [8]. Вызовы неопределенности [3; 13; 22; 24] ведут к тому, что современный человек переживает состояние нестабильности, неопределенности, катастрофичности перед лицом настоящего и будущего, что вызывает дефицит или потерю идентичности и проблемы автономии во взаимоотношениях с социумом [3; 24]. В транзитивности для человека особое значение приобретают культурные средства, позволяющие преобразовать хаос в упорядоченность [20]. Искусство дает возможность воссоздать связь времен и в то же время отрефлексировать изменение ценностей, поскольку человек осмысляет через призму искусства важнейшие смысложизненные проблемы [9; 10; 11; 12; 20; 21]. *Катарсис можно назвать одним из культурных средств преодоления безысходности и порождения смысловой инициативы*, говоря словами М. М. Бахтина [2]. С другой стороны, в различных социальных практиках (арт-терапия, библиотерапия, психологическое консультирование с использованием их техник, арт-педагогика, преподавание дисциплин художественного цикла в общем образовании и т. д.) широко применяются техники и приемы, использующие катарсические переживания. Феномен катарсиса известен со времен Аристотеля, однако его структура и функции, которые он выполняет для современного человека, нуждаются в уточнении. *Целью нашего исследования выступает культурно-исторический психологический анализ катарсиса, его психологической структуры и психотехнического значения в современной социальной ситуации развития.*

Для понимания психологической природы и психотехнических эффектов катарсиса необходимо обратиться к его культурным истокам. Начиная с Аристотеля катарсис рассматривался как эмоциональное состояние, наступающее у зрителя древнегреческой трагедии в ее финале вследствие сопереживания главному герою, чей путь чаще всего заканчивался гибелью. Классический катарсис, возникающий благодаря обращению к судьбам исключительных личностей в особых обстоятельствах, ориентировал зрителя на веру в гармонию и смысл человеческой жизни. Не случайно многие исследователи анализировали механизм катарсиса на материале драм Софокла «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне». П. Волкова [5] описывает классический катарсис как осознание себя. По ее мнению, переживание катарсиса было для древних греков размышлением о себе, о своей природе и судьбе. Она рассматривает самоослепление Эдипа, который постиг, что именно он является причиной всех бед, как «отвержение очей души и совести», поступок, которым он восстанавливает нравственную гармонию и справедливость. В этом финале экзистенциализм античной драматургии достигает своей вершины.

Классический катарсис выступает как культурное средство принятия противоречивого бытия и необходимости делать ответственный выбор, для чего необходима рефлексия. У древних греков была необходимость в таком психотехническом средстве, поскольку, как подчеркивала Х. Арендт [1], *политическое* для свободного жителя античного города было сферой свободного поступка в плоскости социальных отношений. Трагедия вела человека

не только к принятию ответственности, но и к готовности претерпеть собственные личностные метаморфозы подобно главному герою, с которым зритель отождествляет себя. Требуя метаморфозы от личности зрителя, трагедия внушает страх. Происхождение трагедии из дионисийских мистерий открывает смысл этой эмоции.

Возникшие задолго до античной драматургии, мистерии были призваны облегчить страх перед смертью Диониса, пусть даже временной, ибо он, подобно виноградной лозе, весной возрождался. Страстное переживание смерти Диониса, сопровождающееся пафосом (душевым возбуждением), переключалось у античных зрителей со страхом собственной смерти и впоследствии распространилось на отношение к метаморфозам собственной сущности, поскольку для того, чтобы возродиться для собственной жизни, нужно осмелиться умереть для жизни прежней. Эстетический катарсис более позднего времени был призван обеспечить выход за пределы себя и нахождение себя обновленным. Так переживание поступательной трансформации собственной сущности становилось одним из механизмов преодоления страха смерти.

Среди многочисленных трактовок катарсиса можно выделить гедонистическую и эвдемонистическую [12]. В первом случае *под катарсисом понимается очищение души от страстей и связанных с ними страданий, благодаря чему достигаются нравственное равновесие и покой*. Во втором случае он понимается как *само-совершенствование, «движение души вверх» в русле эвдемонистического понимания счастья как раскрытия себя и реализации своего потенциала* (Сократ, Аристотель). Согласно этому подходу катарсис активизирует нравственные чувства зрителя или читателя, пробуждает устремленность к свободе, взрывное и мучительное освобождение от хаотического, деструктивного, фанатического, агрессивного, от абстрактного должностования и неотъемлемой от него безответственности [12]. В таком понимании катарсис представляет собой нахождение себя подлинного, усложнение собственного внутреннего мира, второе рождение.

Катарсис переживается субъектом как кульминация в сопереживании чувствам других, неотделимом от чувства ответственности за них. Принятие личной ответственности за других как расширение ответственности за себя и составляет сущность эвдемонистического понимания катарсиса трагедии. Катарсис побуждает поступок, который, по мнению В. П. Зинченко [13], поднимает человека на новый уровень духовного развития и выступает средством саморазвития личности. К эвдемонистическому пониманию катарсиса тяготеют его психологические трактовки. Одной из первых была предложенная Л. С. Выготским [6] интерпретация, более значительная, чем открытие им механизма «короткого замыкания» разнонаправленных эмоций. В понимании Л. С. Выготского [6] катарсис формирует чувство ответственности за счет того, что обобщенный опыт присваивается и переживается как интимно-личностный, а непосредственная эмоциональная реакция опосредуется культурно-историческим опытом, содержащимся в произведениях искусства. Иначе говоря, искусство предоставляет средства и пространство для эмоциональных переживаний через соотнесение их содержания с общечеловеческими смыслами [9; 11; 21].

Особое значение для эвдемонистической трактовки катарсиса имеют труды М. М. Бахтина [2], который рассматривал культуру как основу диалога чело-

века с самим собой, с другими людьми, с миром в целом. В основе его взглядов лежит понимание психики как диалогической структуры, в которой содержатся различные формы интериоризированных внешних социальных диалогов. В его трактовке катарсис представляет собой ответ на чужую духовную активность и выступает избавлением от страха, лжи и наивной надежды. Подлинное искусство, по М. М. Бахтину [2], выводит образы за пределы любой смысловой обусловленности индивидуального бытия в сферу просветленного всепрощающего эстетического чувства. В его трудах экзистенциальная природа катарсиса выступает на первый план. Он писал, что воспринять, созерцать эстетически означает осуществить себя в форме художественного произведения, найти свою продуктивную ценность, оформляющую активность, прочувствовать свое созидающее предметное движение. Подобной точки зрения на экзистенциальную природу катарсиса придерживался и В. П. Зинченко [15], который утверждал, что недосказанность характеризует любое произведение искусства и составляет его тайну, оставляя воспринимающему пространство и степень свободы для восполнения собственным переживанием, в котором рождается смысл [14]. Тем самым, по мнению В. П. Зинченко [16], художественные произведения становятся духовной субъективацией мира, а окрашенная переживанием (вплоть до катарсиса) работа над восприятием произведения искусства, а значит, и работа над собой есть важнейшая часть духовной практики.

Важной проблемой является психологическая структура катарсиса как события встречи человека с произведением искусства. Первые попытки анализа психологической структуры катарсиса были предприняты историками искусств и философами. Так, Вяч. Иванов [17] считал, что катарсису должен предшествовать пафос (душевное возбуждение), а собственно катарсис является его успокоительным разрешением. По его мнению, пафос подобен страху и состраданию, которые выводят зрителя из равнодушного состояния и без которых не может быть катарсиса.

А. Ф. Лосев понимал психологическую структуру катарсиса как более сложную и иерархически организованную. На первом этапе зритель должен выйти из состояния равнодушия, испытать пафос, экзистенциальный смысл которого А. Ф. Лосев [19] видел в страхе перед жизнью и смертью, в сострадании к тем, кто находится в трудноразрешимых жизненных обстоятельствах. По его мнению, данный этап неразрывно связан с пафосом древнегреческой трагедии, ее сущностью и страстным восприятием жизни. В этом пафосе проявляются противостояние различных начал человеческой сущности и их сосуществование. Пафос (накал страстей) достигается невозможностью для главного героя сделать выбор одной из этих сущностей и одновременно необходимостью сделать его. Вторым этапом, по мнению А. Ф. Лосева, является сосредоточение: оно заставляет зрителя забыть обо всем, став нераздельным субъектом наблюдаемого действия. Это фаза соприкосновения души с художественным произведением. И третий этап — собственно катарсис — момент выхода за пределы себя, момент трансцендирования, слияния с Другим, который завершается возвращением к себе, когда человек смотрит на все другими глазами. А. Ф. Лосев [19] подчеркивает, что если бы выход из себя оставался конечным пунктом переживания, то оно было бы экстазом; катарсис — это обнаружение себя другого.

Итак, по мнению Вяч. Иванова и А. Ф. Лосева, *катарсис представляет собой сложный, эмоционально насыщенный процесс нахождения себя подлинного, усложнение собственного внутреннего мира, второе рождение*. При этом катарсис дает не только новый опыт, но и переживается как кульминация в солидарном сопереживании чувствам других, сопряженном с чувством собственной личной ответственности за них [12]. Помимо культурно-исторической психологии, структура катарсиса изучалась в психоанализе и тоже на материале древнегреческой драматургии, прежде всего трагедий Софокла. Э. Эдингер [25] утверждал, что в драматургии Софокла прослеживается последовательность четырех стадий древнегреческой трагедии:

- 1) Агон — борьба (герой, отождествляемый с Дионисом, вступает в конфликт со злом);
- 2) Пафос — страсти (он терпит поражение и страдает);
- 3) Тренос — оплакивание (погребальная церемония, на которой пораженный герой проходит церемонию);
- 4) Теофания — богоявление (возрождение к жизни на другом уровне, сопровождающееся сменой эмоциональной окраски с горя на радость).

В последовательности этих стадий Э. Эдингер видел закономерность развития и преобразования Эго, которое составляет сущность любой драматургии — от трагедий Эсхила и Софокла до драм Шекспира и Шиллера. С точки зрения психологии это можно рассматривать и как модель развития личности в зрелости, когда человек благодаря самосознанию, воле и рефлексии обретает способность к ответственному выбору судьбы. Э. Эдингер [25] отмечал, что эти четыре фазы достаточно точно передают происходящее при каждом значимом увеличении осознанности и при этом каждый раз страдания должны предшествовать явлению Самости.

Помимо Л. С. Выготского и Э. Эдингера, психологи почти не анализировали структуру катарсиса, в связи с чем она остается недостаточно изученной. Психологический анализ структуры катарсиса отвечает на вопрос о том, за счет чего возможен переход от полного слияния с другим, с Абсолютом в процессе катарсического переживания к обретению новой, усложненной собственной сущности. Катарсическое переживание включает событие в сложный контекст, порождающий множественность смысловых интерпретаций, и определяет смену вектора ценностной ориентации с каузальной на телеологическую. Утверждение телеологической ценностной и смысловой интерпретации собственного аффективного опыта («Во имя чего мне это?») невозможно без рефлексии.

Современные представления о природе катарсиса позволяют предположить, что именно рефлексия конституирует природу этого сложного явления. Человеку как существу рефлексивному присуща не только обращенность к основам своего бытия, но и стремление к их аксиологической оценке [8]. По мнению С. Л. Рубинштейна [23], рефлексия предполагает выход человека «за пределы жизни» для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, ее философское осмысление, обретение смысла жизни и осознание своего бытия для обретения свободы.

Рефлексия в структуре катарсиса, будучи направленной на осмысляющую подсистему сознания (решение задачи на смысл) и на внутренний мир

(ценностно-ориентационную деятельность), не всегда осознается, но, тем не менее, успешно решает задачу смысловой регуляции выбора [22]. Отмечая, что рефлексия предполагает выход за пределы понимаемой сущности, М. М. Бахтин [2] писал, что изнутри переживаемая жизнь не трагична и не комична, но загорается трагическим светом лишь постольку, поскольку человек выступает за пределы жизни, занимает твердую позицию вне ее. *Катарсис — это переживание обращенности произведения искусства лично к человеку, переживание порождения его новой сущности в результате такого обращения, принятия нового бытия в свой человеческий мир и усложнение за счет этого внутреннего мира.*

Таким образом, катарсис, обладая свойствами аксиологичности, ответственности и событийности [12], побуждает поступок как акт духовного перерождения и создает для него пространство. *Психологическая природа катарсиса связана с возможностью выхода за пределы себя на уровень общечеловеческих ценностей и смыслов.* Внутреннее действие предполагает наличие определенного пространства-времени, в котором возможна иерархизация ценностей и рефлексия важнейших жизненных отношений. Ф. Е. Василюк [4] отмечал, что для рефлексии жизненных отношений субъект должен разотождествиться с этими отношениями, превратив их из поглощающей стихии в предмет внутренней деятельности. Это рефлексивный акт не может быть рассудочной деятельностью, поскольку ценно переживание как рождающееся изнутри, а встреча с ценностью требует постоянно возобновляющегося усилия. В связи с этим возникает проблема пространственно-временных условий, в которых осуществима встреча субъекта художественного восприятия и героя.

Таким пространством может стать театр, который Ф. Ницше и Вяч. Иванов считали идеальным местом встречи героя и зрителя, а также пространство литературного произведения или картины. Эти условия позволяют зрителю в трагедии жизни героя увидеть собственный внутренний конфликт важнейших жизненных отношений и подвергнуть его смысловой и ценностной рефлексии. В этом проявляется диалогическая природа катарсиса. По сути, произведение искусства мотивирует зрителя (читателя) расширить свое духовное пространство за счет проникновения во внутреннее пространство произведения искусства для встречи с героем-автором, подключения к его ресурсам, перспективе, идентичности и тем самым расширения, углубления и рефлексии своего Я.

Анализ природы катарсиса позволяет заключить, что он может рассматриваться как духовная практика. Экзистенциальному содержанию катарсиса отвечает его психологическая структура. Катарсическому переживанию предшествует душевное возбуждение (пафос или экстазис), заставляющее зрителя отрешиться от будничных забот. Это лишь начало встречи. Далее происходит сосредоточение, которое заставляет войти во внутреннюю форму произведения, что подготавливает открытие или даже построение своей собственной внутренней формы. И только на третьем этапе наступает собственно катарсис, кульминация «встречи»: момент выхода за пределы себя, слияния с другим, который завершается возвращением к себе и осознанием обновления своей духовной сущности, что не может осуществляться без активного участия рефлексии.

В данной работе предпринята попытка описать структуру катарсического переживания встречи с выдающимися произведениями Рембрандта Хар-

менса ван Рейна и Яна Вермеера ван Делфта. Великому *Рембрандту Харменсу ван Рейну* (1606—1669), как никому другому до него, удалось выразить в своих произведениях сложнейшую гамму человеческих чувств. В контексте данного исследования наиболее важны метаморфозы, которые мастер совершал с художественным сознанием зрителя. Смысловые метаморфозы сознания зрителя имела в виду Н. А. Дмитриева [7], когда писала, что Рембрандт неустанно подстерегал и ловил своей кистью многообразную и изменчивую скрытую жизнь души. *Его лицо было для него источником художественных открытий, запечатленных в автопортретах* (вспомним, что известен всего один автопортрет Караваджо). Очевидно проявление склонности художника к рефлексии, которая помогала ему открывать все богатство духовных возможностей человека, постигать его внутреннюю сущность. Глубочайшая духовная жизнь мастера вызывает ответные духовные прозрения у зрителей: «Так же, как, рождаясь из мрака, нетленно светятся золотые рембрандтовские тона, так светят миру великодушные, сострадание, любовь» [Там же. С. 216].

Картины Рембрандта не натуралистичны, мастер изображает не столько сам объект, сколько каскад чувств и смыслов, которые он вызывает. При этом чувства возникают в нас самих, на полотнах (особенно поздних) они не изображены. Рембрандту не свойственна аффектация, на его картинах самая сильная эмоция не выражает себя мимикой и переживается молча. Его герои не обнаруживают сильных чувств — отец лишь прикасается к плечам блудного сына, жених в «Еврейской невесте» лишь трогает свою любимую кончиками пальцев. Отрешенный взгляд героев направлен внутрь, в глубину своих переживаний. В этом взгляде видна сопричастность мастера всему человечеству, боль за каждого в мире, принятие личности другого как ценности [18]. Самоуглубление героев произведения становится для зрителя побуждением к рефлексивному подъему над содержанием, непосредственно изображенным на картине.

Самое сильное и неповторимое из средств его живописи — светотень, сияние во мраке. *Светотень Рембрандта* — это жизненная квинтэссенция, которая содержит в себе и горечь, и счастье, и любовь в неразрывном единстве [18]; из марева прошлого выступает настоящее, над которым всплывает будущее. Встреча героя-автора и зрителя в пространстве полотен Рембрандта порождает внутреннее созерцание зрителя, в то время как глаза большинства героев Рембрандта смотрят мимо нас — в вечность. Эта внутренняя череда времен — прошедшее, настоящее, будущее — охватывает многие картины мастера. В «Еврейской невесте» мы видим счастливого жениха, трепетно обнимающего свою суженую. Но что-то в их лицах позволяет угадать будущее, когда старый мужчина будет оберегать заботливым жестом свою немолодую спутницу жизни и в его взгляде будет видна та же нежность.

В работах другого великого нидерландского мастера — *Яна Вермеера Делфтского* (1632—1675) катарсис достигается иным путем, а именно за счет открытого им художественного приема, который может быть назван *хиазмом света*. Напомним, искусствоведение называет хиазмом позу человека в античной скульптуре, где перенос тяжести тела на правую ногу влечет за собой определенные соотношения: правому поднятому бедру соответствует левое поднятое плечо, а левому опущенному бедру — правое опущенное плечо и возникает

крестообразная симметрия: напряжение концентрируется справа снизу и слева сверху, покой — наоборот (скульптуры Праксителя, Лаокоон).

Подобное перекрестие мы можем видеть в полотнах Яна Вермеера, где часто изображено одно и то же помещение и свет льется из окна, расположенного слева, лучи солнца нисходят по диагонали книзу, при этом освещенные детали изображения образуют восходящую диагональ вправо вверх. По нашему предположению, именно этот прием и позволял мастеру высвечивать смысл жизни в потоке повседневности всех тех, кто населяет камерный жизненный мир его произведений. При помощи этого приема мастер поэтизировал обыденность, амплифицируя присутствие зрителя в настоящем, за счет чего оно становится таким прекрасным, что неумолимое течение времени словно останавливается.

Что именно высвечивал открытый Вермеером хиазм света? Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить историю Нидерландов. Завоевание у моря земель, строительство дамб, откачка воды и подсыпка грунта, благодаря которым земля могла стать плодородной спустя несколько десятилетий, так что плодами труда могли воспользоваться в лучшем случае дети, а то и внуки тех, кто отвоевывал сушу у моря, — вот тот образ жизни, который проходил через историю народа из века в век. Известно, например, что первая дамба в устье реки Амстел, т. е. на месте современного Амстердама, существовала уже на рубеже XII—XIII вв. При таком образе жизни, когда достижение результата деятельности локализовано в отдаленном будущем, субъективная ценность актуальности может быть невысокой, а настоящее в сознании человека становится изнурительно тяжелым трудом ради отдаленного будущего. Хиазм как психотехническое средство насыщения смыслом настоящего появляется в работах Вермеера именно в таком культурно-историческом контексте. В нем распространенной психологической проблемой множества людей становится их низкая вовлеченность в настоящее в сочетании со склонностью жить мечтами о будущем либо держаться за прошлый опыт.

В этих условиях хиазм света у Вермеера становится художественным средством, при помощи которого мастер амплифицирует присутствие зрителя в настоящем, и за счет этого средства оно расцветает красками и поэтизируется, становясь среди потока обыденности таким прекрасным, что изображенный на картине момент длился бы и длился. Если у Рембрандта в изображенном на картине моменте жизни человека просматривается вся его жизнь, то у Вермеера хиазм света высвечивает насыщенный спектр красок. Правомерно предположить, что открытый великим голландцем художественный прием выступает для него метафорой сосредоточения на настоящем, которое на полотне расцветает сочностью красок, а в аффективно-смысловом плане зрителя отзывается эмоциональной и смысловой насыщенностью, которая может открыться лишь в момент максимально полного присутствия человека в настоящем.

Таким образом, проведенный нами анализ катарсиса показывает его культурно-историческую обусловленность и позволяет понять, каким образом он давал возможность решать различные смысловые проблемы, как те, что можно назвать вечными, так и те, что возникали в определенном культурном контексте. К вечным проблемам относятся страх ухода из жизни, а также необходимость отразиться весь свой жизненный путь. К про-

блемам, имеющим непреходящее значение, но связанным с определенным культурно-историческим контекстом, следует отнести необходимость принятия ответственности за политическое действие как свободный поступок или потребность в насыщении смыслом настоящего момента на фоне монотонного течения обыденной жизни. Исследование разных видов катарсиса в связи с культурно-историческими характеристиками прошлых эпох может не только внести заметный вклад в психологию искусства и найти применение в практиках арт-терапии, арт-педагогике и психологическом консультировании, но и способствовать развитию исторической психологии для понимания существенных свойств душевной жизни людей прошлого.

The article analyzes the origin, functions and psychological structure of catharsis as a cultural means of meaning generation. Basing on eudemonistic understanding of catharsis authors show his sense-generating action. In the structure of catharsis authors were distinguished the phases of excitation (pathos), concentration (merging with the hero of the work) and going beyond oneself (transcendence) which, due to personal reflection, ends with the return of a person to himself changed as a result of a meeting with an artwork. Considering the catharsis in the historical context, the authors analyze the characteristics of the catharsis in ancient tragedy and in the artworks of Rembrandt and Vermeer. Cultural-historical conditionality of functions of catharsis is identified, the prospects of the study of catharsis as a cultural means of sense generation are discussed.

Keywords: catharsis, eudemonistic interpretation, cultural and historical causation, artworks.

Литература

1. *Арендт, Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Х. Арендт ; пер. с нем. и англ. В. В. Би-
бихина под ред. Д. М. Носова. — СПб. : Алетейя, 2000. — 437 с.*
*Arendt, X. Vita activa, ili O deyatel'noj zhizni / X. Arendt ; per. s nem. i angl. V. V. Bibixina pod
red. D. M. Nosova. — SPb. : Aleteya, 2000. — 437 s.*
2. *Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин. — М. : Языки славянских
культур : Русские словари, 2003. — Т. 1 : Философская эстетика 1920-х гг. — 960 с.*
*Baxtin, M. M. Sobranie sochinenij : v 7 t. / M. M. Baxtin. — M. : Yazy'ki slavjanskix kul'tur :
Russkie slovari, 2003. — T. 1 : Filosofskaya e'stetyka 1920-x gg. — 960 s.*
3. *Бугарчева, Е. А. Катарсис как категория и феномен современной жизни : монография /
Е. А. Бугарчева. — Казань : КГТУ, 2011. — 121 с.*
*Bugarcheva, E. A. Katarsis kak kategoriya i fenomen sovremennoj zhizni : monografiya /
E. A. Bugarcheva. — Kazan' : KGTU, 2011. — 121 s.*
4. *Василюк, Ф. Е. Психотехника выбора / Ф. Е. Василюк // Психология с человеческим
лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. — М., 1997. — С. 284—314.*
*Vasilyuk, F. E. Psixotexnika vy'bora / F. E. Vasilyuk // Psixologiya s chelovecheskim liczom:
gumanisticheskaya perspektiva v postsovetskoj psixologii. — M., 1997. — S. 284—314.*
5. *Волкова, П. Мост через бездну : в 5 кн. / П. Волкова. — М. : Зебра Е, 2013. — Кн. 1. — 255 с.*
Volkova, P. Most cherez bezdnu : v 5 kn. / P. Volkova. — M. : Zebra E, 2013. — Kn. 1. — 255 s.
6. *Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — М. : Искусство, 1968. — 568 с.*
Vy'gotskij, L. S. Psixologiya iskusstva / L. S. Vy'gotskij. — M. : Iskusstvo, 1968. — 568 s.
7. *Дмитриева, Н. А. Краткая история искусств / Н. А. Дмитриева. — М. : Искусство, 1991. —
Вып. 2. — 318 с.*
*Dmitrieva, N. A. Kratkaya istoriya iskusstv / N. A. Dmitrieva. — M. : Iskusstvo, 1991. —
Vy'p. 2. — 318 s.*
8. *Ермолаева, М. В. Субъектный подход в психологии развития взрослого человека /
М. В. Ермолаева. — М. : Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2006. — 200 с.*
*Ermolaeva, M. V. Sub'ektny'j podhod v psixologii razvitiya vzroslogo cheloveka /
M. V. Ermolaeva. — M. : Izd-vo Mosk. psixol.-social. in-ta ; Voronezh : MODE'K, 2006. — 200 s.*
9. *Ермолаева, М. В. О значении искусства в контексте развития взрослого человека /
М. В. Ермолаева, Д. В. Лубовский // Культурно-историческая психология. — 2013. — № 3. —
С. 38—46.*
*Ermolaeva, M. V. O znachenii iskusstva v kontekste razvitiya vzroslogo cheloveka /
M. V. Ermolaeva, D. V. Lubovskij // Kul'turno-istoricheskaya psixologiya. — 2013. — № 3. —
S. 38—46.*

10. *Ермолаева, М. В.* Понятие встречи в психотерапии и психологии развития / М. В. Ермолаева, Д. В. Лубовский // Консультативная психология и психотерапия. — 2015. — № 3. — С. 105—116. — doi:10.17759/cpp.2015230308
- Ermolaeva, M. V.* Ponyatie vstrechi v psixoterapii i psixologii razvitiya / M. V. Ermolaeva, D. V. Lubovskij // Konsul'tativnaya psixologiya i psixoterapiya. — 2015. — № 3. — S. 105—116. — doi:10.17759/cpp.2015230308
11. *Ермолаева, М. В.* Культурно-психологические модели переживания личностью встречи с произведением искусства / М. В. Ермолаева, Д. В. Лубовский // Консультативная психология и психотерапия. — 2017. — № 2. — С. 159—174. — doi:10.17759/cpp.2017250210
- Ermolaeva, M. V.* Kul'turno-psixologicheskie modeli perezhivaniya lichnost'yu vstrechi s proizvedeniem iskusstva / M. V. Ermolaeva, D. V. Lubovskij // Konsul'tativnaya psixologiya i psixoterapiya. — 2017. — № 2. — S. 159—174. — doi:10.17759/cpp.2017250210
12. *Ермолаева, М. В.* Психотерапевтическое значение катарсиса трагического / М. В. Ермолаева, Д. В. Лубовский // Консультативная психология и психотерапия. — 2018. — Т. 26. — С. 29—44. — doi:10.17759/cpp.2018260103
- Ermolaeva, M. V.* Psixoterapevticheskoe znachenie katarsisa tragicicheskogo / M. V. Ermolaeva, D. V. Lubovskij // Konsul'tativnaya psixologiya i psixoterapiya. — 2018. — T. 26. — S. 29—44. — doi:10.17759/cpp.2018260103
13. *Зинченко, В. П.* Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? / В. П. Зинченко // Человек в ситуации неопределенности : сб. матер. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. К. Болотовой. — М., 2007. — С. 9—33.
- Zinchenko, V. P.* Tolerantnost' k neopredelemnosti: novost' ili psixologicheskaya tradiciya? / V. P. Zinchenko // Chelovek v situacii neopredelemnosti : sb. mater. nauch.-prakt. konf. / pod obshh. red. A. K. Bolotovoj. — M., 2007. — S. 9—33.
14. *Зинченко, В. П.* Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст / В. П. Зинченко, Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина. — М. : Рос. полит. энцикл., 2010. — 415 с.
- Zinchenko, V. P.* Istoki kul'turno-istoricheskogo psixologii: filosofsko-gumanitarnyj kontekst / V. P. Zinchenko, B. I. Pruzhinin, T. G. Shhedrina. — M. : Ros. polit. e'ncikl., 2010. — 415 s.
15. *Зинченко, В. П.* Сознание и творческий акт / В. П. Зинченко. — М. : Языки славянских культур, 2010. — 592 с.
- Zinchenko, V. P.* Soznanie i tvorcheskij akt / V. P. Zinchenko. — M. : Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2010. — 592 s.
16. *Зинченко, В. П.* Восприятие и визуальная культура / В. П. Зинченко. — М. : СПб., 2017. — 599 с.
- Zinchenko, V. P.* Vospriyatie i vizual'naya kul'tura / V. P. Zinchenko. — M. ; SPb., 2017. — 599 s.
17. *Иванов, Вяч.* Дионис и прадонисийство : фрагменты книги / Вяч. Иванов // Трагедии / Эсхил. — М., 1989. — С. 351—452.
- Ivanov, Vyach.* Dionis i pradionisijstvo : fragmenty` knigi / Vyach. Ivanov // Tragedii / E'sxil. — M., 1989. — S. 351—452.
18. *Кантор, М. К.* Чертополох. Философия живописи / М. К. Кантор. — М. : АСТ, 2016. — 480 с.
- Kantor, M. K.* Chertopoloх. Filosofiya zhivopisi / M. K. Kantor. — M. : AST, 2016. — 480 s.
19. *Лосев, А. Ф.* История античной эстетики / А. Ф. Лосев. — М. : Искусство, 1975. — Т. 4 : Аристотель и поздняя классика. — 672 с.
- Losev, A. F.* Istoriya antichnoj e'stetiki / A. F. Losev. — M. : Iskusstvo, 1975. — T. 4 : Aristotel' i pozdnyaya klassika. — 672 s.
20. *Марцинковская, Т. Д.* Эстетическая парадигма в современной психологии: гармонизация переживаний времени и пространства / Т. Д. Марцинковская // Вопр. психологии. — 2015. — № 6. — С. 47—57.
- Marcinkovskaya, T. D.* E'steticheskaya paradigma v sovremennoj psixologii: garmonizaciya perezhivaniy vremeni i prostranstva / T. D. Marcinkovskaya // Voпр. psixologii. — 2015. — № 6. — S. 47—57.
21. *Переяслова, М. О.* Катарсическое начало в русской прозе конца XIX—XX веков: на материале произведений А. П. Чехова и Г. Газданова : дис. ... канд. филол. наук / М. О. Переяслова. — М., 2012. — 195 с.
- Pereyaslova, M. O.* Katarsicheskoe nachalo v russkoj proze koncza XIX—XX vekov: na materiale proizvedenij A. P. Chexova i G. Gazdanova : dis. ... kand. filol. nauk / M. O. Pereyaslova. — M., 2012. — 195 s.
22. Психология выбора / Д. А. Леонтьев [и др.]. — М. : Смысл, 2015. — 464 с.
- Psixologiya vy'bora / D. A. Leont'ev [i dr.]. — M. : Smy'sl, 2015. — 464 s.*
23. *Рубинштейн, С. Л.* Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. — СПб. : Питер, 2012. — 224 с.
- Rubinshtejn, S. L.* Chelovek i mir / S. L. Rubinshtejn. — SPb. : Piter, 2012. — 224 s.
24. *Соколова, Е. Т.* Клиническая психология утраты Я / Е. Т. Соколова. — М. : Смысл, 2015. — 895 с.
- Sokolova, E. T.* Klinicheskaya psixologiya utraty` Ya / E. T. Sokolova. — M. : Smy'sl, 2015. — 895 s.

25. Эддингер, Э. Ф. Эго и архетип : Индивидуация и религиозная функция психического / Э. Ф. Эддингер. — М. : Пента График, 2000. — 264 с.
E'dinger, E. F. E'go i arhetip : Individuaciya i religioznaya funkciya psixicheskogo / E'. F. E'dinger. — М. : Пента График, 2000. — 264 с.

В. Ф. Петренко Благая весть о дхарме¹

В статье рассматриваются особенности подхода В. В. Козлова к осмыслению принципов буддизма, дающего психологическую интерпретацию сознания и трактовку духовного развития в буддизме.

Ключевые слова: сознание, духовное развитие, ментальность.

Психология — наука, не только описывающая содержание, структуру и функционирование психических процессов, но и конструирующая и создающая новые ментальные миры, новые правила поведения, новые этические системы. Осуществляется это, в частности, путем рефлексии обыденного сознания, ведущей к созданию новых понятий (таких как «бессознательное», «самореализация», «конформизм» и т. п.), где усложнение категориальных структур обуславливает и более многомерное видение, интерпретацию и конструирование реальности.

Одним из наиболее ярких и отважных первопроходцев малоизвестных и малоизученных областей ментального пространства является российский ученый Владимир Васильевич Козлов, специалист в области измененных состояний сознания, трансперсональной психологии, психологии религий и шаманизма [10; 11]. Количество обучающих тренингов, проведенных им в отрогах Гималаев в Индии, на Байкале и Телецком озере, в России и Китае, степях Монголии и Казахстана, тропиках Шри-Ланки и в Таиланде, насчитывает около 850, а количество книг, где и описывались проводимые им психопрактики и психотехники, перевалило за сотню. Важно подчеркнуть, что это не просто книжное знание, вычитанное в библиотеках (хотя и работа с переводами первоисточников — отличительная черта Козлова как ученого), а напряженная работа с собственными измененными состояниями сознания, психопрактиками исихазма, индуистскими и буддийскими медитациями и шаманскими камланиями, его отличительный стиль как испытателя и визионера. Знание, которое он излагает, пропущено им через собственный духовный опыт и интерпретировано в рамках современной психологии.

Новая книга В. В. Козлова «Психология буддизма: четвертое колесо дхармы» [10] представляет собой оригинальное и многогранное описание не только биографии Будды из клана Шакьев, она включает *психологическую интерпретацию сознания и трактовку духовного развития в буддизме*. Традиционно российская школа буддизма — сильнейшая во внебуддийском мире и включает такие блестящие имена, как Е. Е. Обермиллер, С. Ф. Ольденбург, А. М. Пятигорский, В. И. Рудой, В. Н. Топоров, Е. А. Торчинов, Ф. И. Щербатский [1; 5; 9; 13; 15; 16; 18; 19; 21; 23].

Козлов — психолог, а не профессиональный буддолог, чьими титаническими усилиями осуществлены переводы сакральных текстов с древних языков пали

¹ Работа выполнена при поддержке РНФ, грант № 17-18-01610.

и санскрита, на которых написаны основные канонические буддийские тексты. Он справедливо пишет о непреодолимых трудностях погружения в менталитет людей, живших более 2 тыс. лет тому назад, говоривших на языке с иными понятиями и принадлежащих к совсем иной (не европейской) культуре. В этом плане книга Козлова не является сугубо научным трудом по буддийской философии, но в ней присутствует иная ценность. Она родилась в ходе многочисленных ретритов автора, проводимых в странах буддийской культуры (Таиланд, Лаос, Бирма, Малайзия, Индонезия, Шри-Ланка, Непал). И решающим фактором написания книги, подводящей итог многочисленных открытий в ходе буддийских психопрактик, стал ретрит в Лумбини на территории современного Непала, где 25 столетий назад родился принц Сиддхартха, ставший в дальнейшем Буддой и основателем буддизма [4; 13; 20]. Книга Козлова не справочник или путеводитель по буддизму, хотя и дает читателю первоначальные знания. Это скорее руководство к следованию по пути дхармы, основанное на собственном опыте проведенных ретритов, пережитых изменений состояний сознания и медитаций. Это своего рода, если так можно выразиться, буддийское евангелие от Козлова (напомним, что перевод с греческого слова «евангелие» — благая весть). В этом плане книга Козлова — это еще и экзистенциальное произведение, описывающее его путь дхармы, и пособие по этике, рожденное через внутренний опыт выполнения буддийских практик и медитаций. В силу специфики изложения, связанного с личностной интерпретацией текстов, Козлов, представляя фрагменты буддийских источников, не использует кавычки. По этой причине, излагая содержание книги Козлова, не буду использовать их и я. Для изложения принципов буддизма Козлов сгруппировал многочисленные тексты и еще большее количество их интерпретаций и комментариев в *три больших блока, в которых Будда представлен: как Бог, как Великий учитель и как человек, ищущий истину*. Такое трехчастное изложение канонического учения буддизма подразумевает и наличие трех типов языка изложения.

«Это, во-первых, язык мифа и сказки, поучительных историй и притч, где Будда выступает в качестве высшей добродетели, проявляет свое божественное происхождение и обладает сверхвозможностями как Бог на Земле. Это язык образов и символов, которыми насыщены тексты Малой Колесницы — Хинаяны и некоторые сутры Махаяны. Сегодня, как и два с половиной тысячелетия назад, огромное количество людей Востока и Запада, где популярен буддизм, в большей степени мыслит на языке образов и эмоций; им присущ мифологический способ мышления и выраженная потребность скорее молиться Богам, чем следовать по стопам человека, уже открывшего истину» [10. С. 20].

Второй блок содержит тексты из историй жизни Будды и его диалогов с учениками, в которых проявляется личность Будды как гуру, Учителя и образца для подражания для миллионов монахов. Это предписания и истории, имеющие нравственное содержание, и заповеди для тех, кто встал на путь пробуждения — садхану.

Третий блок существует на языке философии и психологии буддизма, где Будда выступает провидцем, указавшим путь (дхарму), позволяющий вырвать корень страдания и достичь просветления. Это язык Тантраяны, Мантраяны, Ваджраяны и Алмазной сутры. Это путь, указанный Буддой, по которому шел Козлов в своих духовных исканиях и который отражен в настоящей книге.

Обычно трактуют историю принца Сиддхартха из рода Гаутама, клана Шакьев (еще не ставшего Буддой), что он был выбит из привычной колеи жизни молодого царевича встречей с большим человеком, старым человеком и, наконец, с похоронной процессией, несущей мертвого человека. Так, по преданию, молодой человек — принц Сиддхартха впервые столкнулся со страданием. Причем страдание сводилось к физическим страданиям и немощи.

Козлов, на мой взгляд, дает более глубокую и психологически тонкую трактовку страдания. С одной стороны, как пишет он, страдание ассоциировано с телом. Это может быть немощность, физическая боль, упадок сил, неудовлетворенность телесных нужд (голод, секс, жажда, лишение воздуха). Это также перенапряжение (переедание, сексуальное истощение, перенапряжение от избытка энергии и гиперактивность). Признаками телесного страдания являются рождение, старость и смерть. Представление о страдании, так же как и искреннее переживание такого страдания, присуще, подчеркивает Козлов, примитивным формам сознания — животным, неразвитым человеческим существам с низким интеллектом и упрощенной психикой.

С другой стороны, отмечает Козлов, человек может переживать ментальные страдания: невоплощенные мечты, нереализованные ожидания, несоответствие наших иллюзий действительности. Мы можем испытывать угрызения совести «за бесцельно прожитые годы», разочарование в жизни, непризнание нашей значимости, невозможность удовлетворить желание, тоску по смыслу жизни, отсутствии крепких опор, тошноту пресыщения и т. д. Козлов отмечает, что такому виду страдания подвержен обычный человек, вовлеченный в социальную жизнь.

Наконец, страдание также может быть всеохватывающим. Оно неотъемлемо от окружающего бытия: мы принимаем участие в страдании других, не расценивая свою индивидуальность (ограниченную временем и делами) как наивысшую ценность, так что привязанность к ней становится препятствием, путами, признаком нашей ограниченности и несовершенства. Это страдание, подчеркивает Козлов, более утонченно; оно присуще людям высокой духовности, стремящимся к просветлению.

Эти формы страдания, как пишет Козлов, не исключают друг друга и могут быть частью одной личности, но они являются определенными ступенями развития человека, и в рамках конкретной личности мы можем говорить о преобладании одной из этих форм. Однако при этом стоит понимать, что даже самая тонкая форма понимания страдания ограничена в своей трактовке. И истинное понимание страдания несет онтологический, космический, холотропный, всеобъемлющий характер и выходит за пределы интеллектуально или эмоционального переживания.

Отсюда, чтобы преодолеть страдание, полагает учение Будды, надо отсечь его корень — влечение в его любой форме, обусловленное иллюзией самости, ограниченности и уникальности своего «я», и, интегрируясь со всем сущим, достичь состояния нирваны.

Тхеравада (одна из ветвей буддизма) считает, что успокоение дхармы находится вне жизненного процесса, за «Колесом Жизни». Эти дхармы неподвижны, их невозможно описать. Поэтому при характеристике нирваны тхеравада прибегает к терминам отрицания: «нерожденная», «не имеющая происхожде-

ния», «не имеющая структуру», «нетленная», «неумирающая», «свободная от болезней, горя и нечистот».

Школа мадхьямиков считает дхарму порождением больного сознания непросветленного человека. А раз так, то нет никакой разницы между существующим миром и нирваной. Эту истину всякий просветленный осознает внутри себя, и она является для него единственной реальностью или нирваной, а все остальное — лишь иллюзия.

Как бы ни были различны толкования нирваны, все школы буддизма считают, что нирвана — не самоуничтожение, а состояние освобождения от своего «я», полное угасание эмоциональной активности человека, высшее возможное благо — блаженное состояние единства, тождественности, неизменяемости и согласия.

Как говорил сам Будда, описывая состояние нирваны: «...истлели радость и страдание, достигнута ступень прозрачной ясности, невозмутимости сознания. Но даже то блаженство, что во мне возникло, сковать не в силах было разум мой» [7].

В понимании влечения как корня и источника страдания, в трактовке иллюзорности «эго» (личности и самости) буддизм, а вслед за ним и автор книги Козлов существенно расходятся с европейской традицией, рассматривающей «личность» как высшее достижение человеческой эволюции, как любимый и лелеемый цветок самореализации. Чем более уникальным и неповторимым в своем индивидуальном творчестве является человек, тем выше оценивается его пребывание на Земле. По-иному Запад оценивает и место страстей и эмоций в жизни человека. В буддизме корень страдания лежит во влечениях и страстях. Но, реализуя призыв отсечь этот корень, чтобы избежать страданий, не отсекаем ли мы человеческую культуру, где все пронизано страстями, будь то творчество Вильяма Шекспира или Иоганна Вольфганга фон Гете; Александра Сергеевича Пушкина или Федора Михайловича Достоевского; Людвиг ван Бетховена или Игоря Федоровича Стравинского; Харменса ван Рейна Рембрандта или Михаила Александровича Врубеля. Если в восточных культурах (даосизм, буддизм, индуизм, джайнизм) главной ценностью выступает гармония, то в современной западной культуре наивысшая ценность — личное творчество, которое может быть и вредоносным, и разрушительным. Если присутствует дихотомия добра и зла как в авраамических культурах и если есть эстетика добра, то и зло может быть эстетичным и притягательным. В этом, на мой взгляд, одно из основных различий культур Востока и Запада.

Другая линия противопоставления связана с отсечением влечений и, как следствие, достижением состояния надеяния и созерцательности (отметим, что состояние созерцательности присуще и христианскому исихазму) (см.: [2; 14]). Философия надеяния и созерцательности в оппозиции активности и самореализации — иная форма противопоставления восточной и западной ментальности.

Можно выделить еще одну линию противопоставления условно восточной и западной ментальности: идею атомарности (идушую еще от Демокрита) и идею целостности, холизма. Козлов излагает знаменитый философский памятник «Вопросы Милинды», где буддийский монах Нагасена беседует с греко-индийским царем Милиндой о несводимости целого к его элементам. Нагасена спрашивает царя, являются ли колеса, кузов, оглобли или еще ка-

кие детали самой колесницы, и, получая отрицательный ответ, подводит царя к мысли, что совокупность элементов не есть целое, а только основа его наименования. Точно так же и личность — с точки зрения буддизма — суть только имя, обозначающее определенным образом упорядоченное единство элементов опыта — скандх (слово «скандх» дословно обозначает «куча»). Само же понятие «личность» пусто. Здесь важно подчеркнуть саму идею буддизма о несводимости целого к его элементам. Современная психологическая трактовка целостности включает наличие целевой функции объекта наблюдения у познающего субъекта и подразумевает субъектность восприятия («красоту в глазах смотрящего» (Оскар Уайльд)). Понятие колесницы, обсуждаемое монахом Нагасеной, с точки зрения теории деятельности (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн [12; 17]) включает осознание ее функции для человеческой деятельности (служить средством перевозки). А личность, с точки зрения современной психологии, сводится не к совокупности «скандх» в пространстве индивидуального опыта, она (в отличие от индивидуальности) определяется местом (функцией) человека в пространстве общения и деятельности всего общества.

Но вернемся к тексту книги В. В. Козлова. Будда не только открыл благородные истины о происхождении страдания, но и указал «благородный восьмеричный путь» его преодоления. Этот путь освобождения от страдания и кармических пут состоит из правильного воззрения, правильного намерения, правильной речи, правильного поведения, правильного образа жизни, правильного усилия, правильного отношения, правильного сосредоточения.

В основе Восьмеричного Пути лежат три фундаментальных принципа: Мудрость (праджня), Нравственность (шила) и Сосредоточение (самадхи). Правильное Воззрение и Правильная Решимость составляют основу Мудрости, принцип Логоса. Правильная Речь, Правильное Поведение и Правильный Образ Жизни представляют принцип Нравственности, этику. Правильное Усилие, Правильное Памятование и Правильное Сосредоточение представляют принцип Сосредоточения.

Козлов проводит тонкий психологический анализ того, в чем заключаются формы правильного воззрения, намерения и т. п. Человек, успешно реализовавший «благородный восьмеричный путь», достигает состояния архатства. Архат — это человек, достигший состояния просветления (самадхи), но не ушедший полностью в нирвану, а преисполненный сострадания ко всем страждущим живым существам, оставшийся в этом мире, чтобы нести учение. Самадхи, как пишет Козлов (во многом исходя из собственного опыта), выражается во внутренней тишине и чистоте сознания, снятии противоречий между внутренним и внешним миром, слиянии индивидуального сознания с сознанием универсума (Дхармакайей). Классическое произведение буддизма «Дхаммапада» так характеризует архата: «...у него уничтожены желания, и он не привязан к пище: его удел — освобождение, свободное от желаний и условий. Его стезя, как у птицы в небе, трудна для понимания. Чувства у него спокойны, как кони, обузданные возницей. Он отказался от гордости и лишен желаний. Такому даже Боги завидуют» [9] (см. строфы 93—94).

Маленькое отступление. Уж если боги завидуют человеку, достигшему самадхи, то я, глядя на вечно улыбающееся лицо Козлова, на его фигуру, полную

энергии, и зная его насыщенный график проведения коллективных ретритов в самых экзотичных или религиозно одухотворенных местах планеты (местах силы), то я не то что завидую, но удивляюсь и восхищаюсь тому, как внутренняя сосредоточенность и включенность в поток трансцендентального одаривают его неиссякаемой энергией и благожелательной жизнерадостностью. Снятие двойственности и интеграция со всем сущим (столь любимая Козловым тема и в научном плане), видимо, подпитывают его космической энергией.

Чем дальше Козлов ведет повествование, тем больше классический буддизм, возникший 2,5 тысячелетия тому назад, постепенно завещается духовным опытом самого Козлова, с которым можно спорить и дискутировать. Он пишет о состоянии «Равноственности», присущей просветленному архату. В Равноственности нет разницы между людьми независимо от пола, возраста, расовой, кастовой или этнической принадлежности, достатка, образования, родственных отношений.

Из точки Равноственности нет различия между негром и русским, японцем и чеченцем, евреем и татаринном, моей женой и матерью, моим сыном Вадимом и эвенком, сидящим в чуме, миллиардером и нищим, между Христом и Буддой Шакьямуни, Мохаммедом (Мухаммедом) и Ошо, Обамой и бомжом. Достигнутая Равноственность как осознанно принятое психическое состояние становится Родиной.

Позволю себе не согласиться с позицией Козлова. Ибо он, безусловно, человек глубоко просветленный и является духовным Учителем для своих многочисленных последователей, но в им же представленной буддийской социальной классификации: архаты; бхикшу (монахи); упасака (миряне) — является мирянином (как и подавляющее большинство нас с вами). Мирянин может и не чувствовать разницу между женой и матерью (переноса, согласно психоанализу, на жену образ заботливой матери). Но исходя из чувства Равноственности не чувствовать разницу между своей женой и посторонней женщиной — это уже перебор, который вряд ли простит любая женщина. То же относится и к сыновней любви. То же относится и к чувству Родины, включающему «любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу». Без этих переживаний (в том числе образующих корень страданий) человек становится похожим на безэмоционального робота или андроида со вложенным в его искусственный интеллект набором неких этических алгоритмов. Эмоции же подразумевают пристрастность субъекта и как источники творческих мутаций его менталитета обеспечивают гибкость поведения. Еще более спорным является утверждение об отсутствии различий между Христом и Буддой, Шакьямуни и Мохаммедом...

Пророки в своих прорывах в трансцендентальное создавали базовые метафоры жизни, задавали смыслы существования, на основе которых создавались Великие культуры. В основе Великих культур, как правило, лежит духовный образ основателя религии, ибо религии являлись этическим основанием культуры.

Образ Христа, изгоняющего торговцев из храма, вряд ли безэмоционален и преисполнен чувством Равноственности. Он пристрастен и исполнен праведным гневом. Да и смог ли архат, исполненный чувства Равноственности, сохранить это чувство, наблюдая, как гонят людей в газовые камеры Освенцима.

По ходу написания книги ее автор, В. В. Козлов, все в большей степени переходит от роли ученого, излагающего некую концепцию (в нашем случае буддийское учение), к роли учителя — проповедника, описывающего, как жить достойно. И здесь уже сам Козлов входит в противоречие с идеей беспристрастности и отрешенности с необходимостью земного существования.

На наш взгляд, как пишет он, мнение о том, что при завершении сосредоточения нирваной ум медитирующего становится свободным от мирских желаний и всех отождествлений, которые больше не возникают, глубоко ошибочно. Нирвана не является сознанием, не является чистотой, не является желанием и вообще находится за пределами двойственных определений и описаний.

«Ясно, что мы видим **смерть Эго и всего человеческого, существование-пребывание в невыразимом.**

Кого, чего, когда, где — эти вопросы некорректны.

Пребывание сознания в нирване — **глупость, ибо сознания нет.**

Назвать нирвану блаженством тоже глупость, ибо нет страдания как бинарности и возможности различения.

И глупостью все это не назовешь, ибо ума-то нет.

Вот невыразимая пустота, и все тут.

И всегда непонятно, что делать Чапаеву с пустотой.

И Козлову тоже.

И даже Петренко.

И даже великому Грофу.

Выразить словами невозможно, но можно пережить. **Я не уверен, что можно оттуда жить.** И вроде бы надо просто все прекратить и не думать о каком-то росте и развитии личности своей и тем более чужой, другой...

Но прекращать-то не хочется, ибо книга еще не завершена.

И если книгу завершу, тоже не хочется прекращать, ибо жизнь моя связана с идеей становления и реализации [10. С. 195].

И далее, словно рассердившись или обидевшись на неразрешимый коан о том, что же делать с обретенным состоянием Равности, Пустоты и Нирваны при наличии желания жить и потребности в самореализации, Козлов берет в диалоге смысловую паузу, придумав ей эlegantный семиотический аналог. Он оставляет следующую 197 страницу книги пустой, дав себе и читателю передохнуть от слишком близкого приближения к Абсолюту. По-детски честно и искренне.

Борхес дал представление о культуре «как о саде расходящихся тропок». О духовных вершинах Великих культур можно, конечно, говорить как о равновеликих, но все же разных, и культуры, основанные на базовых этических аксиомах, различны. Медитативность и философия «недеяния», где важно настроиться на гармонию мира, акцент на коллективном в ущерб личностному свойственны индуизму, даосизму, конфуцианству и выступают семантически конструктами, образующими ткань восточного менталитета. Страстность личностного начала, обращенность к Богу как к личности, к субъекту поклонения и мольбы в авраамических религиях иудаизма, христианства, ислама, где и сам человек создан по подобию Творца, созидающего мир, определили специфику менталитета людей этих культур. В каждом из этих типов менталитетов заложена несколько иная этика, определяющая стиль жизни. И в различные

периоды истории оказывалась лидирующей та или иная ментальность. В период экстенсивного развития производственных сил эффективной оказалась этика протестантизма как одной из ветвей христианства. Как полагал Макс Вебер [6], именно она «мостила дорогу капитализму». Ныне экономика теснит идеологию, и, например, одна из традиционно буддийских стран — Южная Корея стала наполовину протестантской — как формой идеологии более адекватной для индивидуального предпринимательства. Но на наших глазах происходит и обратный процесс, и, пресытившись обществом потребления, многие жители западного мира становятся адептами восточных религий, трансперсональной психологии, движения Нью Эйдж и т. п. (Я и сам вспоминаю как одно из лучших своих переживаний те несколько дней, которые провел в медитации в горном буддийском монастыре в Южной Корее.)

Последняя глава книги Козлова является практическим приложением к теоретическим рассуждениям, приведенным к предыдущим разделам книги. Данные методы и практики ориентированы на европейского читателя, точнее, читателя с европейской эгоцентрированностью. Эти практики никоим образом не направлены на уничтожение личностных конструктов или стирание личной истории.

Эти методы ориентированы на самопознание, развитие воли, управление чувствами, культивирование доброты, открытости, сострадания, любви к ближнему, гуманизму; расширение осознанности, развитие внимательности, выработку внутренней тишины и покоя на самом глубинном уровне.

Аскетические подвиги не обязательны, пишет Козлов. Смысл срединного пути подразумевает избегание крайностей как привязанности к чувственным объектам, так и самоумерщвления плоти. В конце концов, полагает Козлов, чтобы принять буддизм как форму духовного «бодрствования» и сознательно-го самопреобразования, не обязательно жить в монастыре и с утра до вечера медитировать на Будду, читать мантры и заниматься утонченной випассаной.

По словам Будды, монастырь должен быть внутри человека и не жизнь, богатство и власть порабащают людей, а привязанность к жизни, богатству и власти. Правильное дыхание, правильная поза, различные практики сосредоточения и т. д. в буддийской практике являются не способами достижения физического здоровья, а способами трансформации сознания.

В конце книги Козлов все же пытается разрешить коан о возможности совместить безмятежность духа и пристрастность самореализации, указав своим ученикам путь компромисса, сославшись на творчество немецкого мистика Майстера Экхарта, христианского мыслителя близкого по духу буддизму. Экхарт пишет: «...где кончается тварь, там начинается Бог, и Бог не желает от тебя ничего большего, чем чтобы ты вышел из себя самого, поскольку ты тварь, и дал бы Богу быть в тебе Богом...» [22].

В конце концов, Козлов для себя решает этот коан и проповедует ученикам: «Я не очень уверен в возможности “вечно погружаться из бытия”. Я уверен в том, что человек должен страстно погружаться в бытие и реализоваться в бытии. Человек предназначен для самореализации, и это возможно только в плотности бытия в мире. Цель — не стирание личной истории или малейших проявлений Эго. Сознание человека трансперсонально, но это не означает, что

нужно уничтожать Эго и презрительно относиться к личности с ее неудовлетворенностью, непостоянством и бессамостью» [10. С. 269].

(Как говорится: вот и приехали! «Сжег, чему поклонялся, и поклонился тому, что сжигал.») Великий буддийский учитель Нагарджуна (см.: [3]) выразил эту мысль, сказав, что «Сансара и Нирвана — это одно и то же». Совершив круг в своих рассуждениях, Козлов приходит к заключению, высказанному еще Нагарджуной. Но для понимания идеи единства Сансары и Нирваны необходимо было проделать огромную духовную работу, подняться до высот трансцендентального сознания и лицеизреть Мир в его целостном единстве.

На этом кульминационном моменте я, пожалуй, прекращу изложение новой книги Козлова «Психология буддизма: четвертое колесо дхармы». Книги, безусловно талантливой и правдивой. Книги, в которой буквально пульсирует напряженный этический пульс автора. Книги, в которой Козлов не боится ставить острые вопросы этики духа и не создает иллюзий их однозначного решения. Книги чрезвычайно диалогичной, где автор не изливает на читателя поток безусловных истин, а призывает его к поиску собственной дхармы. Книги, приглашающей к обсуждению того, как жить достойно и осмысленно. Книги очень нужной в наш прагматичный век общества потребления для тех, кто ищет свой личный путь к обретению духа.

The article considers the peculiarities of V. V. Kozlov's approach to understanding the principles of Buddhism, which gives psychological interpretation of consciousness and interpretation of spiritual development in Buddhism.

Keywords: consciousness, spiritual development, mentality.

Литература

1. *Абаев, Н. В.* Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае / Н. В. Абаев. — Новосибирск : Наука, 1989.
Abaev, N. V. Chan'-buddizm i kul'turno-psixologicheskie tradicii v srednevekovom Kitae / N. V. Abaev. — Novosibirsk : Nauka, 1989.
2. *Акопов, Г. В.* Созерцание как дополнительная к деятельности категория психологии : лекция по курсу «Общая психология» / Г. В. Акопов, Т. В. Семенова. — Самара, 2014.
Akopov, G. V. Sozerczanie kak dopolnitel'naya k deyatel'nosti kategoriya psixologii : lekciya po kursu «Obshhaya psixologiya» / G. V. Akopov, T. V. Semenova. — Samara, 2014.
3. *Андросов, В. П.* Буддизм Нагарджуны : Религиозно-философские трактаты / В. П. Андросов. — М. : Вост. лит., 2000.
Androsov, V. P. Buddizm Nagardzhuny' : Religiozno-filosofskie traktaty' / V. P. Androsov. — M. : Vost. lit., 2000.
4. *Ашвагхаша.* Жизнь Будды / Ашвагхаша ; пер. К. Бальмонта. — М., 1990.
Ashvagxasha. Zhizn' Buddy' / Ashvagxasha ; per. K. Bal'monta. — M., 1990.
5. Введение в буддизм / сост. В. И. Рудой. — СПб. : Лань, 1999.
Vvedenie v buddizm / sost. V. I. Rudoj. — SPb. : Lan', 1999.
6. *Вебер, М.* Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. — М. : Ист-Вью, 2002.
Veber, M. Protestantskaya e'tika i dux kapitalizma / M. Veber. — M. : Ist-V'yu, 2002.
7. *Говинда, А.* (лама) Психологическая установка. Философии раннего буддизма / А. Говинда (лама). — СПб. : Андреев и его сыновья, 1993.
Govinda, A. (lama) Psixologicheskaya ustanovka. Filosofii rannego buddizma / A. Govinda (lama). — SPb. : Andreev i ego sy'nov'ya, 1993.
8. *Дандарон, Б. Д.* Письма о буддийской этике / Б. Д. Дандарон. — СПб. : Алетейя, 1997.
Dandaron, B. D. Pis'ma o buddijskoj e'tike / B. D. Dandaron. — SPb. : Aletejya, 1997.
9. Дхаммапада / под ред. Ю. Н. Рериха ; пер. с пали В. Н. Топорова. — М. : Наука, 1960.
Dhammapada / pod red. Yu. N. Rerixa ; per. s pali V. N. Toporova. — M. : Nauka, 1960.
10. *Козлов, В. В.* Психология буддизма : четвертое колесо дхармы / В. В. Козлов. — 2-е изд., испр. и доп. — Вологда : Древности Севера, 2016.

Kozlov, V. V. Psixologiya buddizma : chetvertoe koleso dxarmy' / V. V. Kozlov. — 2-e izd., ispr. i dop. — Vologda : Drevnosti Severa, 2016.

11. *Козлов, В. В. Движение за развитие человеческого потенциала / В. В. Козлов. — Ярославль, 2017.*

Kozlov, V. V. Dvizhenie za razvitie chelovecheskogo potentsiala / V. V. Kozlov. — Yaroslavl', 2017.

12. *Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — М., 1975.*

Leont'ev, A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' / A. N. Leont'ev. — M., 1975.

13. *Ольденбург, С. Ф. Жизнь Будды / С. Ф. Ольденбург. — Новосибирск, 1994.*

Ol'denburg, S. F. Zhizn' Buddy' / S. F. Ol'denburg. — Novosibirsk, 1994.

14. *Петренко, В. Ф. Медитация как непосредственное познание / В. Ф. Петренко, В. В. Кучеренко // Методология и история психологии. — 2007. — № 1. — С. 164—189.*

Petrenko, V. F. Meditaciya kak neoposredstvovannoe poznanie / V. F. Petrenko, V. V. Kucherenko // Metodologiya i istoriya psixologii. — 2007. — № 1. — S. 164—189.

15. *Пятигорский, А. М. Пять лекций по психологии буддизма : рукопись лекции / А. М. Пятигорский. — М., 1979.*

Pyatigorskij, A. M. Pyat' lekcij po psixologii buddizma : rukopis' lekcii / A. M. Pyatigorskij. — M., 1979.

16. *Пятигорский, А. М. Непрерывающийся разговор / А. М. Пятигорский. — СПб. : Азбука-классика, 2004.*

Pyatigorskij, A. M. Nепrekrashhayushhij razgovor / A. M. Pyatigorskij. — SPb. : Azbuka-klassika, 2004.

17. *Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. — СПб. : Питер, 2003.*

Rubinshtejn, S. L. By'tie i soznanie. Chelovek i mir / S. L. Rubinshtejn. — SPb. : Piter, 2003.

18. *Торчинов, Е. А. Введение в буддизм / Е. А. Торчинов. — СПб. : Амфора, 2005.*

Torchinov, E. A. Vvedenie v buddizm / E. A. Torchinov. — SPb. : Amfora, 2005.

19. *Торчинов, Е. А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния / Е. А. Торчинов. — СПб. : Азбука-классика : Петербургское востоковедение, 2005.*

Torchinov, E. A. Religii mira: opy't zapredel' nogo. Psixotexnika i transpersonal'ny'e sostoyaniya / E. A. Torchinov. — SPb. : Azbuka-klassika : Peterburgskoe vostokovedenie, 2005.

20. *Чопра, Дипак. Будда : история просветления / Дипак Чопра. — М. ; СПб., 2008.*

Chopra, Dipak. Buddha : istoriya prosvetleniya / Dipak Chopra. — M. ; SPb., 2008.

21. *Щербатской, Ф. И. Буддийская логика : Введение / Ф. И. Щербатской // Избр. тр. по буддизму. — М., 1988.*

Shherbatskoj, F. I. Buddijskaya logika : Vvedenie / F. I. Shherbatskoj // Izbr. tr. po buddizmu. — M., 1988.

22. *Экхарт, М. Трактаты. Проповеди / М. Экхарт. — М. : Наука, 2010.*

E'kxart, M. Traktaty'. Propovedi / M. E'kxart. — M. : Nauka, 2010.

23. *Obermiller, E. E. History of Buddhism in India and Tibet by Buston : Translated from Tibetan / E. E. Obermiller. — Heidelberg, 1932.*

Т. А. Прыгунова, И. Н. Семенов

Рефлексия герменевтики-психологических аспектов позднего художественного творчества У. Шекспира и его персонологии на закате культуры Возрождения

Статья освещает филолого-психологические аспекты позднего художественного творчества великого поэта-драматурга У. Шекспира на закате эпохи Возрождения и посвящена 455-й годовщине со дня его рождения. В социокультурном контексте английского Возрождения рубежа XVI—XVII вв. выделяются основные периоды развития драматургии У. Шекспира и характеризуется ее последний этап, озаменованный созданием философских трагикомедий. На материале последней из них — «Бури» с позиций современного шекспироведения и рефлексивной психологии художественного творчества впервые эксплицируются его герменевтико-психологические особенности и показано эстетико-философское значение для целостной характеристики поэтики У. Шекспира.

Ключевые слова: Уильям Шекспир, психология, филология, философия, эстетика, поэтика, герменевтика, художественное творчество, драматургия, театр, шекспироведение, трагикомедия, «Буря».

1. Герменевтико-психологический подход к рефлексии художественного творчества У. Шекспира

В развитие мировой культуры огромный философско-художественный вклад внес великий поэт-драматург эпохи Возрождения Уильям Шекспир (1564—1616). Он изучал и изображал в своих произведениях, пьесах и сонетах [39], *психологическую природу внутреннего мира и внешнего поведения человека* в «театре жизни». В связи с этим актуально обращение к анализу и пониманию психологии его творчества в герменевтическом контексте [7; 9; 34] современного гуманизма [13]. Это предполагает обобщение достижений классического шекспироведения [1; 9; 11; 16; 18; 21; 35; 36; 38; 46; 47; 49; 50; 51 и др.] и инновационное переосмысление традиционных трактовок произведений Шекспира посредством социокультурной и *психолого-поэтической рефлексии* [29; 32; 34] его персоналогии и драматургии. Подобная рефлексия осуществляется здесь на материале *филолого-психологического анализа социокультурных условий* создания итогового произведения Шекспира — трагикомедии «Буря» и ее поэтико-эстетических особенностей и философско-мировоззренческого подтекста герменевтики его творчества.

В российской гуманитаристике эта традиция восходит к филологии А. Н. Веселовского, Д. Н. Овсяннико-Куликовского [19], А. А. Потебни, Г. Г. Шпета [9; 41] и развивается в современной науке М. М. Бахтиным [5], Вяч. Вс. Ивановым, А. Н. Леонтьевым [15], А. Ф. Лосевым, Ю. М. Лотманом, Б. С. Мейлахом [17], К. Г. Юнгом [42] и другими эстетиками и психологами [1; 3; 5; 7; 14; 20; 22; 23; 43; 44; 46; 47; 48; 49; 50; 51 и др.]. Так, система концептуально-методологических положений эстетики Л. С. Выготского [8] была реализована им на материале *филолого-психологического анализа вершинной трагедии Шекспира «Гамлет»* (и рассказа И. А. Бунина «Легкое дыхание»). Этот анализ вызвал в человекознании второй половины XX в. целый бум комментариев среди психологов, филологов, семиотиков, структуралистов (В. П. Зинченко, Вяч. Вс. Иванов, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, В. Ф. Петренко, В. С. Собкин, М. Г. Ярошевский и др.). Творчество У. Шекспира интересовало также с герменевтических позиций крупнейшего философа-психолога начала XX в. Г. Г. Шпета [9; 41] в русле его феноменологии искусствознания и театроведения.

Тем самым Г. Г. Шпетом и Л. С. Выготским была заложена современная *филолого-психологическая традиция изучения психологии искусства*, чему посвящено множество трудов в отечественной гуманитаристике. В развитие этой традиции с позиций рефлексивной психологии художественного творчества [28; 29; 30; 31; 32; 34] и отталкиваясь от психолингвистических прецедентов Л. С. Выготского и Г. Г. Шпета в шекспироведении, обратимся к рефлексии позднего — пока недостаточно изученного — драматургического творчества У. Шекспира на материале *герменевтико-психологического анализа его итоговой философской трагикомедии «Буря»*.

2. Этапы, направления и формы художественного творчества У. Шекспира

Хронологически драматургическое творчество Шекспира [39] традиционно делится на три периода: 1) ранний (1590—1599); 2) вершинный (1600—1608);

3) поздний (1609—1613). Каждый из них характеризуется не только преимущественным вниманием Шекспира к определенным драматическим жанрам, но и глубокими изменениями в развитии его творческой индивидуальности и в ее отношении к окружающей действительности.

К раннему периоду (1590—1599) относят написание драматических хроник (кроме «Генриха VIII»), создание основного ряда живописных веселых комедий («Комедия ошибок», «Укрощение строптивой», «Два веронца», «Бесплодные усилия любви», «Сон в летнюю ночь», «Венецианский купец», «Много шума из ничего», «Виндзорские насмешницы», «Как вам это понравится», «Двенадцатая ночь») и двух выдающихся лирических трагедий («Ромео и Джульетта», «Юлий Цезарь»). Эти пьесы отмечены обилием светлых, жизнерадостных тонов его произведений, чем насыщены также поэмы и знаменитые «Сонеты» [39], воспевające любовь, дружбу и радость бытия.

Вершинный период (1600—1608) — время расцвета творчества гения в знаменитых трагедиях («Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Макбет»), в том числе античных («Антоний и Клеопатра», «Кориолан», «Тимон Афинский»). Однако здесь в тоне драматурга появляются, по А. А. Смирнову [35], пессимизм, привкус горечи «мрачных комедий» или «проблемных драм» («Троил и Крессида», «Все хорошо, что хорошо кончается», «Мера за меру») [39].

В поздний период (1609—1613) Шекспиром создаются пьесы типа трагикомедий [39], полные мечтательности. Здесь, считают ряд критиков ([1; 18; 35; 46], а также Эдмунд Чамберс и др.), дают о себе знать примирительное отношение к жизни, усталость, упорные мысли о неизбежном конце, но все же и вера в победу добра над злом. Все это выражено в словах главного героя «Бури» Просперо: «Мой замысел уж близок к завершению... // И колесница времени как должно // Везет свой груз...» (V, 1); «А там — сломаю свой волшебный жезл // И схороню его в земле...» (V, 1); «От жизни больше нечего мне ждать...» (III, 3); «А пока // Отдайтесь радости, вкушайте счастье» (V, 1).

Шекспироведы связывают смену этих трех периодов не столько с внутренним созреванием мысли Шекспира и углублением взгляда на жизнь, сколько со сдвигами, происходившими в окружающей его социально-политической действительности к концу царствования королевы Елизаветы I Тюдор и в начале правления Иакова I Стюарта. В изучении поэтики Шекспира существуют несколько научных направлений: а) сравнительно-историческое, предполагающее исследование языка и словесных поэтических образов в связи с историей английского языка и культуры; б) герменевтико-психоаналитическое, анализирующее поэтическое мышление творчества драматурга и понимание им жизни; в) структурно-типологическое, изучающее общие закономерности текстов пьес и стихов; 4) феноменологически-типологическое, анализирующее сходство языковых явлений. Поэтическое и драматургическое творчество Шекспира стало предметом многовекового изучения легиона критиков как в России, так и за рубежом. Он творил в различных литературных жанрах, в каждом создав шедевры: «Шекспир — Загадка-Сфинкс во всем: // Как внял власть хроник, страсть трагедий, // Свободу юмора комедий, // И кто в сонетах вознесен // На пьедестал звончее меди?» [34. С. 43]. В гуманитаристике изучение Шекспирова наследия ведется четыре века в ряде основных направлений.

Общий обзор его творчества дан в трудах [5; 18; 21; 35; 36; 37; 46] и Г. Брандеса [6], Дж. Уилсона, Дж. Мура и др. Его наиболее полный обзор во всех аспектах дан у А. А. Анискста [1]. Он поздние пьесы толкует исходя из веры автора в торжество гуманизма, победы добра над злом. «Буря» трактуется как поэтическое завещание Шекспира и самое его символическое произведение. При сравнении с другими финальными пьесами подчеркивается, что «Буря» — это уже не эксперимент, а наиболее совершенное воплощение художественных принципов, определяющих природу и характер жанра в целом.

Жанровые аспекты шекспировской драматургии выделены в трудах [26; 47; 49], а также У. Лоуренса, К. Стилла, Е. Тильярда, В. П. Узина, Х. Филиппса, М. Херрика. Для герменевтико-психологического анализа позднего творчества Шекспира — на материале понимания «Бури» — важны выводы И. Рацкого [25; 26] о том, что источник противоречивых суждений кроется в многосложности, многослойности, внутренней противоречивости и в существовании самой драмы, т. е. в уникальном своеобразии итогового творения Шекспира.

Его трагедии специально изучались в трудах [10; 11; 21; 38] и А. Бредли, К. Мьюира и др. Так, Ю. Ф. Шведов [38] рассматривает отношения, сложившиеся между Шекспиром и театром его времени, показывает, что социальной проблематика стала основой «Бури», а оптимизм некоторых ранних трагедий кроется в изображении событий, имевших место в прошлом. В трагедиях последнего периода полнее и резче, чем где бы то ни было у Шекспира, отразился глубокий идейно-нравственный и художественно-творческий кризис, пережитый поэтом на рубеже XVI—XVII вв. на закате Возрождения.

Поводом для начала этого духовно-личностного кризиса послужил неудачный разговор фаворита Елизаветы I графа Эссекса, где участвовал меценат-покровитель Шекспира граф Саутгемптон, которому посвящено издание «сладозвучных сонетов» [39]. Эссекс был казнен, а Саутгемптон приговорен к смерти, но вскоре помилован и вновь блистал при дворе Иакова I. Причиной же кризиса явилась

экзистенциально-социокультурная рефлексия Шекспиром глубоких противоречий между властью и творчеством в конце правления Елизаветы I. Первоначальные надежды общества на их смячение при воцарении Иакова I в дальнейшем так и не оправдались. Потом это послужило, помимо личных обстоятельств, одной из причин отхода Шекспира от активных театральных дел и его отъезда из Лондона домой в Стратфорд-на-Эйвоне, как резюмировал Просперо: «А после возвращаюсь домой // Чтоб на досуге размышлять о смерти» (V, I). Пристальный интерес Шекспира к проблеме того, какое же влияние оказывает окружающее его общество, руководствующееся принципами жестокого своекорыстия и индивидуализма, на человеческую личность, закономерен. Это, по Ю. Ф. Шведову [38], привело драматурга к созданию трагедий, где главными героями выступают носители сил зла. Ибо Шекспир острее и отчетливее своих современников ощутил враждебность окружающего его общества высоким идеалам гуманизма — и в этом состоит основа историзма его трагедий. А глубокая вера в конечное тождество этих идеалов отражает народность его творчества. С учетом этого Л. Е. Пинский [21] делает вывод, что объективность Шекспира-трагика состоит в изображении противоречий наражающей буржуазной культуры с гуманизмом передовой мысли эпохи Возрождения. Начатая в «Сонетах» поэзия свободного поведения, расцвета человеческой природы, обаяния человеческих устремлений и чувств, став на рубеже XVI—XVII вв. предметом экзистенциальной рефлексии, герменевтически трансформировалась в Шекспировом творчестве в понимание гибельности их проявлений в наступивших при Иакове I социальных условиях, что и составило герменевтику «внутренней формы» [9] содержания пьесы «Буря».

Однако если первые два периода творчества Шекспира изучены достаточно глубоко и всесторонне, то пьесам последнего этапа ни в России, ни в мире не было уделено должного внимания вплоть до начала XX в. А ведь именно эти пьесы («Перикл», «Цимбелин», «Зимняя сказка», «Буря» [39]) считаются едва ли не самыми противоречивыми и сложными явлениями. При их анализе критиками в лучшем случае признавались поэтические достоинства «Бури», в целом же в этих поздних пьесах видели лишь каприз воображения стареющего Шекспира, усталого и желающего позабыться сочинением развлекательных историй. Но со временем герменевтика жанровой трактовки «Бури» существенно меняется в литературной критике. Если А. А. Аникст [2] упорно именует «Бурю» и остальные финальные пьесы «романтическими драмами», в чем ему вторит и М. М. Морозов [18], то А. А. Смирнов [35] называет ее и трагикомедией, и комедией. Бытует множество версий относительно прочтения самой «Бури», интерпретации ее идей, сюжетостроения и системы образов как в отечественном, так и в зарубежном шекспироведении. При этом совершенно недостаточно исследована сфера поэтического языка «Бури», демонстрирующего философскую и художественную зрелость Шекспира-поэта. С позиций метафоричности в его языке создан синтез культуры, науки и искусства этой переходной (от Средневековья через Возрождение к Новому времени) эпохи, а именно герменевтический синтез, обогащенный оригинальным творчеством гения. Язык Шекспира — явление уникальное, ничего подобного не знает история мировой культуры.

Наиболее плодотворными, на наш взгляд, ныне являются классическое сравнительно-историческое [19] и современное герменевтическое [7; 9; 41] направления в шекспироведении. Первый из этих подходов к изучению тропов в языке Шекспира предполагает, что исследователь учитывает социокультурные особенности поэтики Возрождения, национальные и европейские традиции в их эстетико-психологическом и культурно-смысловом развитии, что уже изучалось в том числе нами на другом материале литературно-художественного творчества поэзии и прозы [29; 30; 32; 34]. В этом же плане относительно пьес Шекспира ценность представляют труды [18; 35; 37] и Г. Л. Брука, М. Джозефа, А. Ф. Лосева, Р. Т. Дж. Спенсера, Э. Холмса и др.

В русском дореволюционном шекспироведении изучение стиля Шекспира начато Н. Тихомировым в развитие учения А. А. Потебни о поэтическом мышлении. Последний проследил возникновение тропов, их сущность, варианты образа, доказав, что смысл узнается только по контексту, в зависимости от содержания. Метафора не может восприниматься вне контекста, вне связи с традициями и характером творчества автора, что специально изучается [1; 5; 7; 9; 18; 21; 26; 29; 30; 36; 38] и А. Ф. Лосевым, Ю. М. Лотманом, В. Узиным в герменевтике.

3. Экзистенциально-социокультурный контекст творческого создания У. Шекспиром философской трагикомедии «Буря»

В шекспироведении ни одна из его пьес не вызывала такой критической разногласности, как «Буря». Мнения критиков на протяжении веков расходятся в оценке содержания и символизма этой итоговой пьесы. Что же это? Каприз воображения, прихоть фантазии гения, игра его утомленного ума, волшебная сказочка, написанная на скорую руку для придворных празднеств?! Долгое время на Западе увлекались анализом философских и прочих проблем «Бури», почти игнорируя или вовсе отрицая ее драматическую сторону. Согласно же М. В. Урнову [37], в «Буре» есть критика и полемика, переоценка ценностей и пафос утверждения гуманистического идеала. Критики XIX в. вольно трактовали это произведение, пользуясь таким пониманием. В шекспироведении давно уже утвердилось мнение, что

«Буря» является поэтическим завещанием Шекспира: в ней он итожит свои наблюдения над жизнью. При этом «лебединую» пьесу [11] считают загадочной, полной тревог и предвидений.

В итоге было признано, что мудрость «Бури» не уступает ее поэтичности. По А. А. Аниксту [1] «Буря» — наиболее значительная пьеса позднего периода. Он проводит параллель между «Бурей» и комедией «Сон в летнюю ночь» [39] в плане присутствия в обеих пьесах сильных элементов фантастики, где наряду с реальными людьми действуют духи, совершается колдовство и т. п. Сочетание реальности и фантастики вносит в произведение оттенок символики [27; 42]. Согласно благостной, внеконфликтной оценке одного из крупнейших шекспироведов А. А. Смирнова [35], «Буря» — это живописное и развлекательное зрелище, где отсутствуют большие гуманистические проблемы и героическая борьба за лучшие идеалы, уступая место мягкой гуманности и духу всепрощения. Получается, что, согласно традиционной литературоведческой оценке, в «Буре» — в этом поэтическом завещании! — Шекспир изменил изображению и рефлексии противоречивости «театра жизни» как философско-психологической сущности всего своего художественного творчества?! Исследуем далее эту проблему рефлексивно-герменевтическим методом, применявшимся в психологии творчества на базе анализа поэзии и прозы [29; 30; 31; 32; 33; 34], а пока вернемся к палитре трактовок «Бури».

Все же более распространен в мировом шекспироведении другой взгляд на художественное своеобразие «Бури». Его сторонники объясняют фантастичность сюжета и обстановки тем, что в этой пьесе Шекспир отходит от реализма и создает отвлеченную аллегорию. Ибо здесь вместо людей с живыми характерами в роли действующих лиц выступают условные символические фигуры: «В этом представлень // Актерами, сказал я, были духи» (IV, 1). Герменевтика символизма стала особенно популярна с начала XX в. [27; 32; 34; 42 и др.]. Дискуссии о художественном методе Шекспира выливаются в обсуждение кардинального вопроса герменевтики о том, что же он хотел сказать своим последним произведением как «лебединой песнью»? Фантастический сюжет этой пьесы-сказки разветвляется мечтаниями драматурга об идеальном обществе и новом человеке. Конечно же, в ней нет теоретической программы или стройной системы практических указаний, а скорее теплится утопия оптимистической надежды: «Устроил бы я в этом государстве // Иначе все, чем принято у нас... // И я своим правлением затмил бы // Век золотой» (II, 1).

Зато с поэтической непосредственностью раскрывается в «Буре» умонастроение Шекспира, подводящего итоги своим наблюдениям над общественной жизнью, над драматическим развитием гуманистических представлений о «Богородном человеке» и своим раздумьям о будущем человечества. В связи с этим Г. Найт [46] акцентирует не символику действующих лиц, а символическую интерпретацию общей атмосферы и отдельных сцен. «Буря» — это символическое изображение внутренней жизни человека, рефлексивный прогресс собственной души. В первой сцене пьесы автор символически изображает тонущие в житейском море человеческие души. В развитии этого понимания «Бури» Д. Траверси [50] распространил символическую трактовку на все последние пьесы. При этом «Бурю» считают синтезом всех предыдущих тем драматургии Шекспира, видят в ней его итоговое произведение. Но есть мнение, что «Буря» — это не только продолжение, но и развитие творчества Шекспира, а именно новый его этап: новый и в сравнении с другими пьесами («Перикл», «Цимбелин», «Зимняя сказка» [39]) последнего периода.

Обычно в пьесе зритель видит лишь развязку конфликта многолетней давности. В этом отношении «Буря» отличается от предшествующих финальных драм с присущей им эпической широтой действия. С позиции поэтики «Буря» — единственная у Шекспира драма, где соблюдены все «три классических единства»: места, времени, действия. Хотя И. Рацкий [26] отмечает бесспорность лишь двух единств: времени и места, подчеркивая, что конфликт Калибана и Просперо формально с основным сюжетом не связан, и, таким образом, подвергает сомнению единство действия. Согласно А. А. Аниксту [1], философская идея пьесы заключается в том, что волшебник Просперо, олицетворяющий разум и науку, подчиняет Калибана (как символ телесного, животного начала) и освобождает Ариэля — символ духовного начала. Просперо, побеждающий зло и силой своей магии счастливо устранивающий судьбы всех окружающих людей, обращает злых из них в добрых, уничтожает вражду и злобу, утверждает любовь, дружбу и согласие между людьми. Поэтому «Буря» — первая и единственная у Шекспира пьеса, в которой не зло, а добро является решающей активной силой.

В связи с этим И. Рацкий [26] отмечает, что стойкость и душевная невозмутимость героев последних драм вовсе не так уж бесспорны в Просперо, а благополучие, которое отличает концовки этих произведений, в финале «Бури» является чистой видимостью и поэтому данная пьеса действительно представляет собой новое качество шекспировской драматургии. Ибо и взаимоотношения человека и обстоятельств, и духовный склад главного героя, и принципы характеристики действующих лиц, и композиция, и характер конфликта, хода событий и развязки — все говорит о коренном отличии «Бури» от других последних пьес. Это отличие можно объяснить тем, что в ней Шекспир не просто обобщает и синтезирует все, что волновало его и прежде, а здесь он обращается к новой для себя, ранее не ставившейся в чистом виде важнейшей экзистенциально-философской проблеме — проблеме свободы воли. Поэтому действие драмы перенесено на сказочный остров, ибо на материале реальной действительности поставить и всесторонне рассмотреть вопрос свободы в то время — первого 10-летия правления Иакова I — было невозможно. Рефлексируя это, И. Рацкий [26] резюмирует, что проблема свободы, по существу, один из кардинальнейших вопросов всего гуманистического движения. Гуманисты не ставили вопрос о политической свободе, вся их

борьба велась за раскрепощение человеческой личности, ее освобождение от уз средневековой идеологии, против принуждения и насилия, за свободное — без ограничений — развитие индивидуальности. Отсюда И. Рацкий [26] подчеркивает, что, пожалуй, ни в одной из пьес Шекспира, кроме «Бури», не звучат столь часто и не привлекают к себе такого внимания слова, связанные со свободой (*free, freedom, liberty, to set free, to release* и т. д.), и даже последнее слово в пьесе — *free* [39].

В начале XVII в., за треть веком до бурь Английской революции, Шекспир побуждает современников и потомков задуматься о том, как же сложатся отношения свободных людей в свободном обществе. Он приходит к этой проблеме в конце жизни, обогащенный тем представлением о человеке, которого о нем не было у ранних гуманистов. Он может уже задуматься: как будет вести себя, если окажется свободным, реальным человеком, природу которого он познал достаточно глубоко, со всеми противоречиями его натуры. Однако действительность, наталкиваясь на подобные рассуждения, еще не позволяла представить себе конкретные условия таких отношений. Изобразить их можно было только на зачарованном острове. Этим необычным сочетанием: суровой, жестокой реальностью возможных человеческих отношений и утопичностью условий, в которых они осуществляются, можно объяснить «загадочность» трагикомедии «Буря» и то исключительное место, которое она занимает в мировой литературе.

В связи с этим И. Рацкий [25] считает, что Шекспир каждый раз воистину творчески совершает новое открытие мира и людей, ибо каждая его трагедия — это напряженное и образное раздумье над жизнью, новое ее постижение, хотя иногда и в пределах все той же вечной ситуации. В этом, на наш взгляд, выражается рефлексивная сущность гениального творчества Шекспира. Поэтому И. Рацкий предлагает рассмотреть эти ситуации пьесы через призму связи свободы человека с человеческой природой и со свободой и счастьем других людей. За привычной схемой в «Буре» стоят вопросы о том: что такое внутренняя свобода и независимость человеческой личности, может ли человек пользоваться свободой, не обращая ее во вред другим и не притесняя их? Свобода Ариэля напрямую зависит от несвободы Просперо, и наоборот. Свобода Просперо невозможна, если на свободе Ариэль. Ариэль получает свободу лишь тогда, когда ее лишается Просперо. Свобода одного человека зависит от принуждения другого. Взаимная же свобода объективно невозможна.

Ариэль из всех действующих лиц — самая символическая фигура. Его отношения с Просперо приобретают характер всеобщности, становятся символом определенных человеческих отношений, связанных с проблемой свободы и общества и существованием свободных волей. Большинство критиков образ Ариэля признается воплощением чистой духовности человеческой натуры, а его стремление к свободе — стремлением к духовной свободе человека. Но полная свобода духа, лишенная материальности, лишь индивидуалистичное требование. Ариэль требует не просто свободу, а «мою свободу» — «*my liberty*». Он безразличен к чьему-либо, кроме своей свободы. На добрые дела его нужно понуждать, его свобода не гуманна, хотя и безвредна. Конфликт Просперо и Ариэля — это столкновение добра и добра в контексте индивидуализма.

Более напряженным, непримиримым предстает конфликт Просперо и Калибана. О Калибана фантазировали особенно много: он — это сам народ, рассудок без воображения, первобытный человек, недостающее звено между человеком и животным. Во второй половине XIX в. ряд критиков посчитали Калибана главной фигурой «Бури». Французский историк и философ Э. Ренан увидел в Калибана олицетворение народа, яростного бунтаря, полыхающего угрюмой и откровенной ненавистью, не примирившегося, не сложенного. Так, Калибан оказался главным положительным героем. Согласно английскому критику Х. Филипсу, персонаж «Бури» Калибан — это сердце пьесы («*the heart of the play*») для современной аудитории, видящей в нем символ людей, окруженных прекрасным миром, но не могущих им пользоваться и наслаждаться, потому что им даны лишь те знания, которые нужны для услужения. Но в неуклюжем существе Калибана заложено и чувство прекрасного, ибо он протестует против волшебника, обучившего его только в той степени, чтобы сделать рабом, но не в той, чтобы изменить жизнь, и тем самым сделал его уязвимым, чтобы наказывать за малейшее непослушание своему могуществу. Обратимся к анализу взаимодействия и характеристики персонажей «Бури» как драмы, обобщающей поэтику творчества Шекспира, ибо в ней видны отголоски (намек и даже цитаты) многих важных его произведений — от хроник через поэмы и сонеты до комедий и трагедий («Сон в летнюю ночь», «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Отелло», «Макбет», «Ричард III», «Король Лир», «Зимняя сказка» и др.).

4. Рефлексивно-герменевтический анализ «Бури»:

психология ее персонажей и филология их художественной характеристики

Одной из форм визуально-герменевтической рефлексии в искусстве является специфика изображения художниками внешности литературных персонажей. Так, художники XVII—XIX вв. изображали Калибана человеком, но со зверским выражением лица, искаженным злобной гримасой. Его внешний облик — смешение форм животных с человеческими — изображался тогда для передачи и восприятия противоречивости человеческой натуры, в которой гротескно совмещаются животное и человеческое начало.

Рефлексируя творчество У. Шекспира в связи с его 400-летним юбилеем, наши критики [4; 18; 22; 23; 25; 39 и др.] 1970—1980-х гг. считали, что символическое [27] в Калибана — это, прежде всего, внеш-

ность, выражающая представления Шекспира о противоречивости природы человека. Далее, они развивали мысль о том, что для ранних гуманистов эта противоречивость была лишь источником колического. У Шекспира же трагизм пронизывает весь образ Калибана. Ибо он — «презренный», «гнусный раб, в “Пороках законсеивший”», «отробе ведьмы», «прирожденный дьявол, порождение тьмы» (III, 2. 1151).

В этом И. Рацкий [26] видит сходство Калибана с Ариэлем как своим антиподом. Поэтичность, внезапно исчезающая в темной натуре Калибана, — чисто человеческое качество, которое в его характер элементы одухотворенности, полным символом которой является Ариэль. Это придает всему его облику трагический колорит. Но проблема человеческой природы приходит в столкновение с проблемой свободы воли человека. Обе эти проблемы у Шекспира и сами по себе осмыслены трагически, но их пересечение еще более трагично, ведь Калибан не сразу был поработчен Просперо. Сначала он был равноправным товарищем Просперо и был свободен. Но вдохнув однажды свободы, Калибан попадает под власть кровожадного воображения. Он предвкушает расправу над Просперо, рисуя ее картины в своей фантазии: жаждет мести, но жестокой и бесчеловечной (III, 2. 1150), собираясь использовать свою свободу во зло другому. В этом — трагическое и гротескное противоречие: существо, изведавшее гнет рабства, чуть вкусив свободу, уже готово отнять ее у другого.

В Калибана слишком сильны животные инстинкты, и предоставить ему свободу — значит дать ее варварству, насилию, бесчеловечности. Как совместить гуманность к обществу с гуманностью в отношении к Калибану, как обуздать животные инстинкты и освободить человеческую одухотворенность? На закате Возрождения все эти трагически неразрешимые для поздних гуманистов и для Шекспира вопросы связаны с проблемами природы человека и его свободы воли. Поиск решения этих вопросов стоит у истоков трагедии центрального героя «Бури» — Просперо, гуманиста, умудренного жестоким опытом. Он не полагается на одну очистительную силу суровой востряски, резкой перемены в жизненной судьбе. Буря производит неравное действие на потерпевших кораблекрушение. Она не сдерживает в узурпаторе Антонио закоренелой страсти к политическому и нравственному преступлению. Просперо не отдает дело преобразования человека на произвол стихии бури, но не подчиняет его и лично прозволу [37]. Просперо высок в помыслах, добр сердцем, но не сентиментален, а чужд наивной доверчивости и патриархального простодушия. Его действия разумны, решительны и последовательны: осуществляя свой замысел создания идеального общества и нового человека, он опирается на мощь обретенных знаний и пресекает инерцию диких склонностей и привычек.

Вдохновенные и дерзкие мысли Просперо устремлены к земному, реальному человеку, на которого он смотрит непредубежденным взглядом. Он верит в человека, зная его силу и его слабости. Об этом — два знаменитых монолога Просперо: первый (прощание с магией) (V, I. 1156) и заключительный монолог, обращенный к зрителям (Epilogue, 1159). В первом из них — гордое сознание своей мощи, во втором — горькое ощущение слабости, почти бессилия. Там — он хозяин могучих сил природы, здесь — в полной зависимости от людей. В сравнении этих монологов наиболее четко обозначается одна из главных антиномий всего позднего Возрождения на закате его гуманистической культуры.

Возрождение — это эпоха ярких примеров того, на какие великие дела способен человек, но и время кровавых казней и жестоких зрелищ, процессов над ведьмами и костров инквизиции, убийств и предательства (вспомним «Варфоломеевскую ночь»), эпидемий и голода, нищеты и дикости, грязи и мракобесия. Как считает И. Рацкий [26], трагический контраст этих двух монологов Просперо передает не только его горький опыт, но и всего гуманистического движения, ибо путь Просперо — это путь гуманистического сознания, а его трагедия — трагедия всех гуманистов. Шекспир мастерски запечатлел весь крестный путь гуманистической мысли. Трагедия разочарования и познания началась для Просперо задолго до начала действия.

Общепризнано, что в «Буре» — пьесе-развязке — прошлое действующих лиц играет огромную роль, определяя во многом их поведение в самом произведении. Ни в ком другом в Шекспировом произведении из героев пьесы прошлое не слетается так тесно с настоящим, не оживает с такой впечатляющей силой, как в Просперо. Его поражает то, что безграничное добро, оказывается, может породить безграничное зло. Тема обманутого доверия, поруганной любви, преданного добра, которое дало возможность развиться злу, оскорбленной человечности, поправного чувства справедливости (в противовес тому, что звучало в трагедиях «Гамлет», «Отелло», «Король Лир») вновь слышится здесь, прорывается в репликах, полных яростного негодования (1137).

Буря, ревшая в начале пьесы, бушует и в душе Просперо, а ее отголоски слышны в последующих сценах с Ариэлем и Калибаном. Могущество, обретенное Просперо на острове, дало ему свободу действий, поступков, покорило его воле стихии, но оно оказалось не в состоянии обеспечить сосуществование свободных личностей, он должен был лишить свободы Ариэля и поработить Калибана. Ибо даже Ариэлю нужно раз в месяц напоминать о совершенном для него благе, заставляя его быть благодарным.

Просперо мечтает, чтобы чувство благодарности стало естественным, содеянное добро породило стремление ответить добром удетеренным, служение человека человеку стало свободным и бескорыстным, без принуждения. Просперо мучает осознание всеобщей неблагодарности. Критики полагают, что Просперо вплоть до IV акта внутренне уравновешен, уверен в себе, в нем присутствует ясность духа и цели, ибо он полон достоинства и величавой мудрости, властно распоряжается судьбами людей, осуществляет все, что задумал. И вдруг в середине IV акта сомнения и душевная тревога (которые до сих пор прасачивались

сквозь его умение владеть собой лишь отдельными репликами и интонациями) вырываются бурным потоком, что начинает стремительно размывать видимость его спокойствия. К началу V акта от его спокойствия не остается и следа. На фоне наслаждения счастьем дочери с Фердинандом и полного спокойствия души он вспоминает о жестокой и грубой реальности (IV, 1. 1154), чреватой сюрпризами и переживаниями.

Отношения с Калибаном — первое и острое переживание Просперо на острове. Могущество, способное затмевать солнце, оказалось бессильным совладать с природой человека. Для ранних гуманистов и просветителей могучая сила знания и учения абсолютна. Для гуманистов же Шекспирова поколения заката Возрождения знание может дать власть над природой, но уже не в состоянии уничтожить власть зла в человеке (I, 2. 1140). Просперо признает тщетность своих попыток очеловечить Калибана. Опять злая воля пересекается с волей Просперо. Это — напоминание Просперо об ограниченности его могущества, что в финале особенно болезненно, ведь до сих пор все шло по его предначертаниям, но вот заговор Калибана вдруг нарушает его планы. Просперо задумывается: а чего же он, собственно, добился? И вот он с душевной мукой осознает, что его усилия искоренить зло в Калибане, оказываются, были тщетны. В словах Просперо слышится отчаяние (IV, 1. 1154). Польский критик Я. Котт квалифицирует эту фразу как ключевую, считая, что в ней отразилась вся трагедия и Просперо, и гуманизма. Нельзя не признать, что здесь речь действительно идет о трагедии «потерянной человечности» — человечности, бессильной истребить зло. Этими горькими мыслями омрачен и взволнован Просперо. Рушится одна за другой иллюзии и ощущение тщетности усилий добра, ума и воли, что выливается в грустное размышление о призрачности всей человеческой жизни (IV, 1. 1154).

Печальные раздумья Просперо вызваны не только бунтом Калибана, но и приближением к концу замысла Просперо. Он должен произнести окончательный приговор своим врагам. Не жажда мести побудила Просперо пленить своих недругов. Он еще надеется на всемогущество свободной человеческой воли. Он ею пытается воспользоваться, чтобы пробудить человеческое в тех, кто лишь во внешнем облике являются людьми. Просперо надеется, что перед лицом смерти, разгудая грандиозных стихий отступят человеческая порочность и злоба, восторжествует добро начало в человеке. Именно для этой надежды первым испытанием и стала вызванная Просперо буря. Так, на Алонзо буря действительно оказала свое воздействие: он молча страдает, переживая гибель (мнимую) сына, и он отрешен, а совесть его совершает безмолвную работу. Те несколько реплик, которые он произносит во всей сцене II акта, подчеркивают его отрешенность и внутреннюю борьбу мысли. А вот Антонио и Себастьян почти без перерыва легкомысленно зубоскалят, и ничто не свидетельствует об их душевном потрясении. Теперь Просперо решает испытать их свободой. Он надеется увидеть человеческое начало и искреннее раскаяние в переживших ужас неминуемой гибели преступниках. Волшебник предполагает, что свобода воли вернет им благородство. Алонзо и его спутники усыплены. Антонио и Себастьян — хозяева положения, но они пытаются использовать предоставленную им свободу во зло ради власти. Законы злой природы человека продолжают действовать, как и в реальном мире (II, 1. 1144).

Антонио называет совесть мольбой, помогая Себастьяну справиться со слабими ее всплесками (II, 1. 1145). Тогда Просперо насылает на гостей острова безумие в надежде, что оно обманит сокровенное и лучшее в их человеческой природе. Безумие в «Буре» не только наказание, это еще и последняя попытка Просперо высечь из своих героев искры раскаяния и добра. Безумие обнажает сокровенное и лучшее в человеческой природе, поэтому безумие в «Буре» не только наказание, но и путь к раскаянию. Безумие Алонзо приводит его к просветлению, раскаянию: он искренен и почти трагичен в нем. Бурные эмоции кипят в душе правителя (III, 3. 1152). Слезы печали и страдания безудержно льются из глаз Гонзаго (V, 1. 1155). Но Антонио и Себастьян ничем не вызывают своего раскаяния: они не изменили своей сущности. Замысел Просперо — пробудить раскаяние в его врагах (как признак человечности) — потерпел неудачу. Поэтому в разговоре с Ариэлем в начале V акта всплывают сомнения Просперо, его неуверенность. Он вовсе не спокоен, ибо не знает, что же делать с побежденными. Просперо мучается выбором: дать ли волю гневу или милосердию? Лишь после повествования Ариэля о страданиях пленников, лишенных разума магией Просперо, тот убеждает себя (V, 1. 1156) простить их.

Прощение врагов — это или акт христианского милосердия, или проявление гуманизма Просперо. Однако И. Рацкий [26] считает, что это ни то, ни другое, а лишь вынужденный компромисс. Ни магия, ни воля Просперо не дали результатов в его попытках переделать человеческую натуру и привести людей к гармонии счастья, свободы, добра. Просперо убеждает себя в том, что враги раскаялись, а он сам избавился от недовольства. Но он суров в обращении к «раскаявшимся» (V, 1. 1156). Отсюда И. Рацкий [26] трактует и компромисс, и самообман как следствие трагического для Просперо осознания бессилия человеческой свободной воли в борьбе с человеческой злой волей. Человек может противостоять злу, но не в силах искоренить его. Теряет смысл магическая сила Просперо, если невозможно добиться того, чтобы один человек не причинил зло другому и свобода одного не шла в ущерб свободе и счастью многих. Тем самым теряют смысл власть над природой, возможность распоряжаться собой. Отсюда — глубокая трагичность в отказе Просперо от магии после упоения мощью человеческого гения, обуздавшего стихии, а также трагично ощущение ограниченности этой мощи в человеческих отношениях. Пожалуй, прав И. Рацкий [25] в том, что развязка пьесы глубоко трагична, несмотря на внешне благополучное разрешение конфликта, ибо ведь последние слова Просперо: «And my ending is despair» (Epilogue, 1159) — полны горечи и печали, а он признается в своей слабости (Epilogue, 1159).

В образе же Сикораксы (матери Калибана) ряд критиков [27; 42] склонны видеть аллегорический символ власти невежественной грубой силы, порождающей политические и религиозные преследования, угнетающие разум, фантазию, искусство. Помимо герменевтики дискурсивных и визуальных художественных средств, в «Буре» впервые Шекспиром новаторски выстраивается целая система музыкальной символики: «Откуда эта музыка? С небес // Или с земли?.. // То, верно, гимны здешиим божествам» (I, 2); «...остров полон звуков — // И шелеста, и шепота, и пеня; // Они приятны...» (III, 2). Эпизоды «Бури» частенько завершает «Торжественная музыка».

5. Герменевтическая роль музыки и эстетика гармонии в творчестве У. Шекспира

Еще в раннем периоде творчества читатели называли его сонеты «сладостными» [2]. Присущая «Сонетам» [39] музыкальность (особенно в сонетах № 8, 16, 100—102) и чувство высокой гармонии [34] характерны и для его пьес («Ромео и Джульетта», «Сон в летнюю ночь», «Буря» и др.). Так, в «Буре» повторяются устойчивые образные противопоставления, выражающие разную степень и разлада, и слаженности общественных и душевных сил. К таким настойчиво повторяющимся противопоставлениям относятся образы бури и музыки. По мнению Дж. У. Найта [46], они составляют ось шекспировского мира, которая суть гармония музыки, ибо все в этой пьесе вращается на противопоставлении «буря — музыка». Лейтмотив силы «Бури» появляется еще в «Сонетах» (№ 116, 117 и др.): «Так пусть же ненависть является твоя... // Ты на меня тогда не напади тайком // И туч не нагоня, — след за дождливый день // Настигнув бурею неожиданно ночью» (№ 117, перевод Т. Шепкиной-Куперник). В противовес этому важно: «Зло превращать в добро волшебной силой знания» (№ 114, перевод В. Мазуркевича), чем и озабочен Просперо в «Буре», где музыка играет свою благостную роль, как и в сонетах: «Но как нам сохранить бесценные черты // В зарницах истины и звучной красоты?» (№ 101, перевод Э. Ухтомского).

Символически [42] фигуры ненависти и любви пронизывают все творчество Шекспира и образуют гармонию именно в «Буре» [37], где музыка звучит неоднократно и в сложном звуковом комплексе: «Ко мне подкрались сладостные звуки, // Умерив ярость волн и скорбь мою» (I, 2). Здесь, как и в других пьесах Шекспира, с музыкой сочетается представление о гармонии, красоте, человечности, гуманистическом идеале. Музыка в этой фантазии не только магический знак с их стороны, чарующее свидетельство, но и деятельная сила в драматической борьбе: она возникает и звучит неоднократно, активно участвует в динамике ритма действия и развитии темы, а не связана только с каким-либо ее моментом или с завершением всей этой темы. Ритмология искусства активно изучается в современном человековедении [10; 17; 24; 34; 40; 44 и др.], в том числе на материале герменевтики философской лирики [29; 34] и психологической прозы [30].

Музыка в «Буре» — истинный ключ к пониманию этого «венца» всех последних пьес Шекспира, его «лебединых песен» [11; 35]: «С великолепным зрелищем в согласье // Чарующая музыка...» (IV, 1); «Торжественная музыка врачует // Рассудок, отуманенный безумьем» (V, 1); «Хочу лишь музыку небес призвать» (V, 1). Титанические масштабы и мощь творчества, значительность конфликтов и характеров, отражающих переломную эпоху заката Возрождения, глубина их раскрытия, поэтичность образов и атмосферы, гуманистический пафос заставляли звучать имя Шекспира век за веком и в мировой литературе, и в европейской музыке (Л. Бетховена к «Кориолану», П. И. Чайковского к «Буре» и «Ромео и Джульетте», Д. Д. Шостаковича к «Гамлету», Нино Роты к «Ромео и Джульетте» и др.). В этом влиянии не могли быть нейтральными направленность музыкального интереса Шекспира и пронизывающее его творчество чувство ритма и гармонии. Музыка настойчиво звучит в его «Сонетах» (№ 8 и др.) и пьесах: у него герои говорят о ней много и без принуждения как о чем-то близком душе и милом сердцу. Склонность Шекспира к музыке нельзя объяснить простой данью времени и театральным вкусам. Ни один писатель эпохи Возрождения не обращался в своих произведениях так часто к музыке, как Шекспир. Ибо, как считал Т. Манн, через музыку и музыкальную тему открывается еще один путь в шекспировский «драматический космос».

Музыка включается в драматическую концепцию Шекспира и в замыслы его пьес, вносит заметные оттенки в их поэтическую атмосферу, используется им для решения идейно-эстетических задач. Язык музыки не соперничает в пьесах с речью персонажей, но дополняет ее и порой выражает нечто, о чем молчит слово, то ли не решаясь досказать все до конца, то ли не чувствуя в себе необходимой силы и полагаясь более на непосредственность музыкального выражения: «Их музыка, их жесты, их движенья // Красноречивей, чем потоки слов» (III, 3). Ныне психологию «пауз» как «внутреннюю форму» [9; 41] «молчащего слова» изучал В. П. Зинченко (см. об этом: [31]), что является одним из проявлений феноменологии рефлексии [45] в психических процессах мышления и личности.

Музыка как элемент самой драматургии — подлинно ренессансная ее черта. Драма эпохи Возрождения — все еще театр, а на его закате в стихию театра уже входит и музыка. В театре Возрождения музыка — организующая основа всего хода представления: она управляет не только речью актеров, но и их движением, их игрой. Шекспир перенял и развил это свойство ренессансной драмы — вот почему прежде всего возникает ощущение органичности музыкальности его драматургии. Но у Шекспира музыка становится и чем-то внешним по отношению к структуре драмы. Музыка

как иллюстрирующий элемент и разговоры о музыке — это уже свидетельство того, что конец ренессансной драматургии наступил, что проявилось в XVII в. в оскудении театра.

Разносторонняя увлеченность Шекспира музыкой связана [37] с характером его мироощущения и творческого опыта, с его натурфилософскими представлениями и гуманистическим убеждением. Музыка как повторяющийся структурный элемент в «Сонетах» и пьесах Шекспира выражает эволюцию его мысли, развития личности, перемены ее состояний, движение во времени. Что же касается разбушевавшихся стихий в венеце всех последних пьес Шекспира, то они не стихийны, а целенаправленны. Буря здесь ревет и бушует по воле и замыслу человека. Она крушит и сотрясает не для того, чтобы сокрушить и уничтожить, а для того, чтобы люди избавились от сокрушений. В этой яростной Вселенской Буре, которой нет дела до королей, Б. Шоу увидел символ крушения королевской власти. И действительно, через треть века после «Бури» будет казнен английский король Карл I.

Просперо сеет ветер, чтобы пожать бурю, рассыпает музыку, чтобы утих ветер. Буря и музыка исходят здесь из одного источника и направлены к одной цели. Ариэль, дух воздуха, повинувшись Просперо, вызывает стихии и музыкой смиряет их. Музыка в «Буре» — это инструмент исцеления душ. Покой и просветление нисходят на Фердинанда (I, 2. 1140; IV, 1. 1153). Музыка усыпляет и пробуждает действующих лиц: Ариэль поет над спящим Гонзало (II, 1. 1146), а для снятия чар Просперо «насыплет» «some heavenly music» (V, 1. 1157; V, 1. 1156).

В музыке передается ощущение победы над жизнью как символический мотив [37] всеобъемлющей силы. Остров, на котором утвердился Просперо и где он производит свой опыт общественного преобразования, полон звуков. Буря и музыка образуют здесь не только контраст, но и определенное единство, сливаются в целостный и развивающийся образ. Слышны раскаты грома при появлении Калибана во второй сцене II акта перед тем, как его увидят Стефано и Тринкуло. Эти раскаты сродни злым мыслям, кипящим в воспаленном мозгу «the very ancient fish — smell monster» (II, 2. 1146). В «Буре» мир звуков отражает и резкие противоречия, и устремленность к гармонии, и ее утверждение, как бы вещая о предстоящих победах.

Внутреннему взору Просперо мир представляется проникнутым гармонией, и он возводит к ней человека, овладевая силами природы [37]. Гармония, ощущаемая Мирандой и Фердинандом, не соотносится ни с «естественным» состоянием дикаря Калибана, ни с временами «старой доброй Англии», а уже — с будущим. Волшебник Просперо, центральное лицо драмы, призывает «heavenly music», передает авторское мироощущение (V, 1. 1156). Этот монолог Просперо критики связывают с настроением самого Шекспира на закате жизни при его уходе из театра и прощании с творческим поприщем. Просперо, а вместе с ним и покидающий театр Шекспир заново обращают надежды к человеку. Просперо представляется носителем высшего, сознающего свои силы и возможность человеческого разума. Этот образ — гениальное обобщение черт лучших представителей эпохи Возрождения, и в нем с наибольшей силой выразилось представление Шекспира о человеке как о владыке Вселенной. Мудрость Просперо — это рефлексивное средство самопознания и воспитания, определяющее в грядущем (в начавшемся XVII столетии) наступление века разума (Бэкон, Декарт, Спиноза, Локк, Юм, Лейбниц, Ньютон) и зарождение «самости» человека [33], ведущее к торжеству жизни. В противовес всему этому Калибан — олицетворение антиразума. В его образе с особой силой в «Буре» выявилась диалектика, свойственная пониманию и изображению реальной — порой неразумной — действительности творческим гением Шекспира.

6. Рефлексия значения «Бури» в смысловой герменевтике творчества У. Шекспира

Философско-психологическая пьеса Шекспира «Буря» была одним из первых произведений, развивших особенно жестокою схватку Разума и Антиразума, уже развертывавшуюся в трагическом мире, как на исходе его творческой жизни, так и в целом на закате гуманизма Возрождения. Творческий метод Шекспира здесь изменился, расширился, выявились его новые качества, уже накопившиеся в прежних пьесах, которые были подходом к «Буре». В ней же проявились в полной мере те новые художественные средства, в которые воплощен философский замысел «лебединой» пьесы, остающийся также и просто «маской», вызвавшей восторг публики своей затейливой и радующей душу выдумкой, занимательностью сюжета, музыкой и гармонией его развития.

Удаленность во времени и пространстве, условность географических названий, необычность событий, произвольное их сочетание, отсутствие логической связи между ними, большая роль случая, резкая перемена места действия, эпизодичность сюжета, усилившаяся роль фантастического, сказочного и чудесного, идеализированные герои — все это создает впечатление неправдоподобности и нереальности происходящего. Однако в «Буре» поставлены глубокие и разнообразные философско-психологические вопросы. Тем самым, как и «Сонеты», Шекспирова трагикомедия «Буря» [39] во многом превосходит (за 200 лет!) антропологическую проблематику мирового бытия в «Фаусте» Гете и музыкальность философской лирики вселенской поэзии Ф. И. Тютчева (см.: [29]).

«Буря» — одна из пьес последнего периода творчества Шекспира, не получившего еще должного внимания со стороны критики, литературной, философской, психологической. Среди моря 400-летнего шекспироведения теряется немногочисленный ряд специальных трудов о «Буре» [11; 12; 25; 28; 39; 48; 49; 50 и др.]. До сих пор в оценке финальных драм Шекспира существуют разночтения. Многие исследователи воспринимают драму-сказку «Буря» как поэтическое завещание Шекспира, как его рефлексивное размышление о воздействии искусства и науки на жизнь людей, как произведение, где он выразил свои взгляды на преобразование общества, идеи о государственном устройстве, о проблематике природы: человека, науки, власти, свободы воли и их взаимосвязи между собой.

Противоречивые суждения об итоговом произведении Шекспира кроются в его внутренней противоречивости, в самом его рефлексивно-диалектическом существе, в философско-психологическом своеобразии творчества. В пьесе отношения человека и природы имеют особый характер. «Буря» — единственная пьеса Шекспира, где человек овладевает силами природы. Но противоположные естественные начала, символизирующие в этой трагикомедии силы добра и зла и персонафицированные в образах Ариэля и Калибана, рвутся к независимости. Характеры героев пьесы автономны от внешней среды, от ситуаций, в которые они попадают. Диалектически субъективное здесь может видеться объективным, а объективное — субъективным. Кризис идеологии, вызванный кризисом социальным, становится причиной доминирования трагикомического мироощущения. Все явления, характеризующие духовную атмосферу переломных моментов в истории общества, являются благодатной почвой для возникновения и творческого развития эвристического жанра трагикомедии.

Трагикомедия [25] ощущает мир в дисгармонической отчужденности его составляющих или как механистический конгломерат безразличных или враждебных элементов. В трагикомедии слабеют нити, связывающие человека, общество и природу в единую цепь бытия. Каждое звено триады «человек — природа — общество» начинает становиться все более автономным. У Шекспира этот процесс автономизации только начинается. Все это заметнее проявляется во взаимоотношениях человека и природы, которые в «Буре» имеют особый характер. «Буря» — единственная пьеса, где герой овладевает силами природы, подчиняет их своей воле. Это является своеобразным художественным выражением известного афоризма современника У. Шекспира философа-канцлера Ф. Бэкона: «Знание — сила». Так, эстетик Серебряного века (см.: [32]) русской культуры М. И. Розанов видит в «Буре» гимн во славу науки, находя у Шекспира «бэконовское мирозерцание»: силы природы для него тождественны творческим силам человека. К этой мысли, зародившейся еще в «Сонетах», он возвращается именно в конце жизни, но уже экзистенциально рефлексивная ее итоги в контексте приближающегося финала. Так, уходя на покой, «гениальная самость» [33] личности Шекспира сетует, словами Просперо (перевод М. Донского), на оскудение сил и творческого вдохновения, сознавая, что «Я слабый, грешный человек, // Не служат духи мне, как прежде» (Эпилог), что ему уже нет нужды и в научном знании: «Но ныне собираюсь я // Отречься от... науки. //...А книги // Я утоплю...» (V, 1). Вопреки этой негативной саморефлексии, Шекспир-философ остается в жизни оптимистом: «Итак, я полон упования, // Что добрые рукоплесканья // Моей лады ускорят без» (Эпилог), объемля своей мыслью бытие воистину вселенского масштаба: «И даже весь, — о да, весь шар земной» (IV, 1), завершив тем самым в «Буре» начатый еще в «Сонетах» возрожденческий лейтмотив.

В трагикомедии «Буря» сплавлены такие противоречивые тенденции, как свойственное трагикомической фазе ощущение разобщенности мира и отчужденности отдельных его частей, а также стремление собрать распадающийся мир воедино, постичь и передать какой-то общий смысл бытия, поколебавшееся, но не утраченное чувство органичной взаимосвязи разрозненных элементов действительности. Действие «Бури» разбито на многочисленные эпизоды и расчленено на несколько самостоятельных линий. Отсюда рефлексивный зритель знает то, что неизвестно персонажам, действующим по ходу пьесы.

Этим подчеркивается условность действия [12]. В пьесе присутствуют прочие элементы чудесного, свойственные жанру трагикомедии, такие как переодевание, подслушивание, подглядывание, элементы сказочности и фантастики, трагического и комического, схематичность изображения характеров героев, преобладание одной определенной черты характера, отсутствие тяжелых или глубоких переживаний, господство случая, счастливый конец. В этом — феноменологическая герменевтика образного языка «Бури».

7. Философско-психологическое и социокультурное значение художественного языка драматургии У. Шекспира

Итак, авторы существенное внимание уделяют рассмотрению Шекспиром социокультурных и философско-психологических вопросов, связанных с проблемой власти, соотношения власти и науки в управлении государством, свободы и воли человека, взаимосвязи и зависимости свободы одной личности от несвободы другой, влияния искусства на гуманистическое преобразование общества,

особенной роли музыки в этом преобразовании, природы и разума, соотношения добра и зла, поиска средств для победы одного над другим, прощения с точки зрения его философского значения. При этом подчеркивается прямая зависимость свободы любой личности от несвободы другой и акцентируется реконструируемая нами предположительная мысль Шекспира о невозможности искоренения зла, полного его подчинения силам света, хотя отмечается надежда на поиски средств для достижения этой цели. Значение «Бури» в творчестве Шекспира в том, что она представлена как *философско-психологическая пьеса*, которая *одной из первых в мировой литературе зафиксировала жестокую схватку Разума и Антиразума*.

Нами показано, что пьеса характеризуется особенным поэтическим языком и многообразием тропов и стилистических фигур речи. При этом выделяются отдельные группы художественных средств, применяемых Шекспиром для красочной передачи душевного состояния героев, постановки акцента на риторичности и выразительности речи персонажей. Отмечается особенность их речи, где присутствует огромное количество образных средств языка. При этом подчеркнуто, что метафоры в «Буре» систематизированы по принципу олицетворения, овеществления и отвлечения. Большинство метафор в пьесе связано с олицетворением сил природы и выражением эмоциональных состояний или чувств героев. Кроме метафор и метафорических выражений, в пьесе присутствуют эпитеты, сравнения, а также такие стилистические фигуры, как риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение.

Оказалось, что каждому персонажу «Бури» присущи определенные эпитеты, подчеркивающие его *индивидуальность* и выделяющие его *особенные свойства и психологические качества*. Риторические вопросы в пьесе несут функцию усиления эмоциональности и выразительности художественного высказывания. Риторические восклицания встречаются в основном в речи персонажей при проявлении чувства восхищения, недоумения, преклонения. Риторическое обращение присуще в основном главному персонажу драмы — Просперо, используется для передачи пафосности, торжественности или сердечности его речи. В «Буре» есть примеры образования неологизмов, в частности использования существительного в значении глагола. В целом все образные средства, представленные в пьесе, являются средствами усиления ее дидактической направленности, вычленения поставленных в ней проблем, отображения психологического состояния героев, создания сказочной и чудесной атмосферы, ведущей к мирному разрешению конфликтов. Этому способствует также выраженная Шекспиром ритмичность музыки (что изучается современной наукой, см.: [10; 24; 41]), пронизывающей действо «Бури» как его творческого завещания.

Творчество великого английского драматурга многогранно и неисчерпаемо — его философско-художественное и социокультурное значение трудно переоценить. Очевидно, настало время и для более детального изучения пьес последнего периода его творчества. Финальная трагикомедия Шекспира «Буря», бесспорно, является шедевром его творчества как в плане *экзистенциально-социокультурных вопросов жизни людей* и *философско-психологических проблем бытия*, поставленных в пьесе, так и в плане многогранности, красочности и музыкальности шекспировского языка как герменевтического трансферта — от легендарной эпохи Возрождения к современности Миллениума.

The article deals with philological and psychological aspects of late art works of the great poet and playwright William Shakespeare and is dedicated to the 455 th anniversary of his birth-day. In the social-cultural context of English Renaissance the main periods of development of dramatic art of W. Shakespeare are allocated and its last stage marked by creation of philosophical tragicomedies is characterized. On a material of the last of them, «The Tempest» from the standpoint of modern Shakespearean and reflexive psychology of art his philological and psychological characteristics are firstly explicated and the aesthetic and philosophical importance to holistic characteristics of Shakespeare's poetics is shown.

Keywords: William Shakespeare, psychology, philology, philosophy, aesthetics, poetics, hermeneutics, artistic creativity, dramatic art, theater, study of Shakespeare, tragicomedy, «The Tempest».

Литература

1. *Аникст, А. А.* Шекспир. Ремесло драматурга / А. А. Аникст. — М.: Сов. писатель, 1974. — 607 с.
Anikst, A. A. Shekspir. Remeslo dramaturga / A. A. Anikst. — М.: Sov. pisatel', 1974. — 607 с.
2. *Аникст, А. А.* Эволюция стиля поэзии Шекспира / А. А. Аникст // Шекспировские чтения. — М., 1993.
Anikst, A. A. Evolyuciya stilya poe'zii Shekspira / A. A. Anikst // Shekspirovskie chteniya. — М., 1993.
3. *Арнаутов, М.* Психология литературного творчества / М. Арнаутов. — М., 1970. — 654 с.
Arnaudov, M. Psixologiya literaturnogo tvorchestva / M. Arnaudov. — М., 1970. — 654 с.
4. *Бартошевич, А.* Мирообъемлющий гений: к 420-летию со дня рождения В. Шекспира / А. Бартошевич // Современная культура. — 1984. — 21 апр. — С. 5.
Bartoshevich, A. Miroob'emlyushhij genij : k 420-letiyu so dnya rozhdeniya V. Shekspira / A. Bartoshevich // Sovremennaya kul'tura. — 1984. — 21 apr. — S. 5.
5. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1979. — 423 с.
Baxtin, M. M. E'stetyka slovesnogo tvorchestva / M. M. Baxtin. — М.: Iskusstvo, 1979. — 423 с.
6. *Брандес, Г.* Шекспир: Жизнь и произведения / Г. Брандес. — М.: Алгоритм, 1997.
Brandes, G. Shekspir : Zhizn' i proizvedeniya / G. Brandes. — М.: Algoritm, 1997.
7. *Брудный, А. А.* Психологическая герменевтика / А. А. Брудный. — М.: Лабиринт, 1998. — 336 с.
Brudnyj, A. A. Psixologicheskaya germenevtika / A. A. Brudnyj. — М.: Labirint, 1998. — 336 с.
8. *Выготский, Л. С.* Трагедия о Гамлете, принце датском / Л. С. Выготский // Психология искусства / вступ. ст. А. Н. Леонтьева; общ. ред. и коммент. В. В. Иванова. — М., 1965. — С. 213—255.
Vy'gotskij, L. S. Tragediya o Gamlete, prince datskom / L. S. Vy'gotskij // Psixologiya iskusstva / vstup. st. A. N. Leont'eva ; obshh. red. i komment. V. V. Ivanova. — М., 1965. — S. 213—255.
9. Густав Шпет и шекспировский круг: Письма, документы, переводы / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. — СПб.: Петроглиф, 2013. — 760 с.
Gustav Shpet i shekspirovskij krug : Pis'ma, dokumenty', perevody' / отв. red.-sost. T. G. Shhedrina. — SPb. : Petroglif, 2013. — 760 s.
10. *Деркач, А. А.* Рефлексивная акмеология творческой индивидуальности / А. А. Деркач, И. Н. Семенов, А. В. Балаева. — М.: РАГС, 2005. — 196 с.
Derkach, A. A. Refleksivnaya akmeologiya tvorcheskoj individual'nosti / A. A. Derkach, I. N. Semenov, A. V. Balaeva. — М.: RAGS, 2005. — 196 с.
11. *Иванов, И.* Лебединые песни Шекспира / И. Иванов // Рус. мысль. — М., 1987. — С. 196—209.
Ivanov, I. Lebediny'e pesni Shekspira / I. Ivanov // Rus. my'sl'. — М., 1987. — S. 196—209.
12. *Ильин, М. В.* Художественная условность последних пьес Шекспира в контексте постренессансного развития английской литературы / М. В. Ильин // Изв. АН СССР. Серия: Литература и язык. — 1985. — Т. 44, № 3. — С. 237—256.
Il'in, M. V. Xudozhestvennaya uslovnost' poslednix p'es Shekspira v kontekste postrenessansnogo razvitiya anglijskoj literatury' / M. V. Il'in // Izv. AN SSSR. Seriya: Literatura i yazyk. — 1985. — T. 44, № 3. — S. 237—256.
13. *Кларин, М. В.* Гуманистические тенденции в непрерывном образовании взрослых в России и США / М. В. Кларин, И. Н. Семенов, Н. Б. Ковалева. — М.: Ин-т педагогики РАО, 1994.
Klarin, M. V. Gumanisticheskie tendencii v nepreryvnom obrazovanii vzrosly'x v Rossii i SShA / M. V. Klarin, I. N. Semenov, N. B. Kovaleva. — М.: In-t pedagogiki RAO, 1994.
14. *Комарова, В. П.* Метафоры и аллегории в произведениях Шекспира / В. П. Комарова. — Л.: ЛГУ, 1989. — 200 с.
Komarova, V. P. Metafory i allegorii v proizvedeniyax Shekspira / V. P. Komarova. — L.: LGU, 1989. — 200 с.
15. *Леонтьев, А. Н.* Некоторые вопросы психологии искусства. О психической функции искусства / А. Н. Леонтьев // Художественное творчество и психология / отв. ред. А. Я. Зись, М. Г. Ярошевский. — М., 1991. — С. 183—187.

Leont'ev, A. N. Nekotory'e voprosy' psixologii iskusstva. O psixicheskoi funktsii iskusstva / A. N. Leont'ev // Xudozhestvennoe tvorchestvo i psixologiya / otv. red. A. Ya. Zis', M. G. Yaroshevskij. — M., 1991. — S.183—187.

16. *Мезенин, С. М. Образные средства языка (на материале произведений Шекспира) : учеб. пособие / С. М. Мезенин. — М. : МГПИ, 1984. — 100 с.*

Mezenin, S. M. Obrazny'e sredstva yazy'ka (na materiale proizvedenij Shekspira) : ucheb. posobie / S. M. Mezenin. — M. : MGPI, 1984. — 100 s.

17. *Мейлах, Б. С. Психология творчества / Б. С. Мейлах // Кр. лит. энцикл. — М., 1971. — С. 67—71.*

Mejlah, B. S. Psixologiya tvorchestva / B. S. Mejlah // Kr. lit. e'ncikl. — M., 1971. — S. 67—71.

18. *Морозов, М. М. Статьи о Шекспире / М. М. Морозов. — М. : Худож. лит., 1964. — 311 с.*

Morozov, M. M. Stat'i o Shekspire / M. M. Morozov. — M. : Xudozh. lit., 1964. — 311 s.

19. *Овсянко-Куликовский, Д. Н. Теория поэзии и прозы (Теория словесности) / Д. Н. Овсянко-Куликовский. — 5-е изд. — М. : Пг., 1923.*

Ovsyaniko-Kulikovskij, D. N. Teoriya poe'zii i prozy' (Teoriya slovesnosti) / D. N. Ovsyaniko-Kulikovskij. — 5-e izd. — M. : Pg., 1923.

20. *Петренко, В. Ф. Художественные конструкты как форма семантической организации художественного текста / В. Ф. Петренко, А. Е. Пронин // Оптимизация речевого воздействия. — М., 1990. — С. 31—34.*

Petrenko, V. F. Xudozhestvenny'e konstrukt'y kak forma semanticheskoi organizatsii xudozhestvennogo teksta / V. F. Petrenko, A. E. Pronin // Optimizatsiya rechevogo vozdejstviya. — M., 1990. — S. 31—34.

21. *Пинский, Л. Е. Шекспир. Основные начала драматургии / Л. Е. Пинский. — М. : Худож. лит., 1971. — 606 с.*

Pinskij, L. E. Shekspir. Osnovny'e nachala dramaturgii / L. E. Pinskij. — M. : Xudozh. lit., 1971. — 606 s.

22. *Пономарев, Я. А. Психология в системе комплексных исследований творчества / Я. А. Пономарев // Психология процессов художественного творчества. — Л., 1980. — С. 24—32.*

Ponomarev, Ya. A. Psixologiya v sisteme kompleksny'x issledovanij tvorchestva / Ya. A. Ponomarev // Psixologiya processov xudozhestvennogo tvorchestva. — L., 1980. — S. 24—32.

23. *Пономарев, Я. А. Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная / Я. А. Пономарев, И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов. — М. : Наука, 1990.*

Ponomarev, Ya. A. Psixologiya tvorchestva: obshhaya, differentsial'naya, prikladnaya / Ya. A. Ponomarev, I. N. Semenov, S. Yu. Stepanov. — M. : Nauka, 1990.

24. *Пэрна, Н. Ритм жизни и творчество / Н. Пэрна. — М. : Пг., 1925.*

Pe'rna, N. Ritm zhizni i tvorchestvo / N. Pe'rna. — M. : Pg., 1925.

25. *Рацкий, И. Проблемы трагикомедии и последние пьесы Шекспира / И. Рацкий // Театр. — 1971. — № 2. — С. 105—113.*

Rackij, I. Problemy' tragikomedii i poslednie p'esy' Shekspira / I. Rackij // Teatr. — 1971. — № 2. — S. 105—113.

26. *Рацкий, И. «Буря» Шекспира / И. Рацкий // Классическое искусство Запада. — М., 1973. — С. 123—148.*

Rackij, I. «Burya» Shekspira / I. Rackij // Klassicheskoe iskusstvo Zapada. — M., 1973. — S. 123—148.

27. *Рубцов, Н. Н. Символ в искусстве и жизни / Н. Н. Рубцов. — М. : Наука, 1991. — 176 с.*

Rubczov, N. N. Simvol v iskusstve i zhizni / N. N. Rubczov. — M. : Nauka, 1991. — 176 s.

28. *Семенов, И. Н. Выготский Лев Семенович / И. Н. Семенов // Филос. энцикл. словарь. — М., 1983. — С. 521.*

Semenov, I. N. Vy'gotskij Lev Semenovich / I. N. Semenov // Filos. e'ncikl. slovar'. — M., 1983. — S. 521.

29. *Семенов, И. Н. Психология творчества Ф. И. Тютчева в дерзаниях «золотого», «серебряного» и «железного» века русской поэзии / И. Н. Семенов // Ф. И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия. — Брянск, 2003. — С. 14—24.*

Semenov, I. N. Psixologiya tvorchestva F. I. Tyutcheva v derzaniyax «zolitogo», «serebryanogo» i «zhelezного» veka russkoi poe'zii / I. N. Semenov // F. I. Tyutchev i tyutchevedenie v nachale tret'ego t'yusacheletiya. — Bryansk, 2003. — S. 14—24.

30. *Семенов, И. Н. Психолого-акмеологические аспекты экзистенциальной рефлексии творческой индивидуальности писателя М. М. Зощенко / И. Н. Семенов // Акмеология. — 2009. — № 4. — С. 92—100.*

Semenov, I. N. Psixologo-akmeologicheskie aspekty' e'kzistentsial'noj refleksii tvorcheskoi individual'nosti pisatelya M. M. Zoshhenko / I. N. Semenov // Akmeologiya. — 2009. — № 4. — S. 92—100.

31. *Семенов, И. Н. Рефлексирующее сознание и интуитивно-творческий акт / И. Н. Семенов // Вопр. психологии. — 2011. — № 6. — С. 152—155.*

Semenov, I. N. Refleksiruyushhee soznanie i intuitivno-tvorcheskij akt / I. N. Semenov // Vopr. psixologii. — 2011. — № 6. — S. 152—155.

32. *Семенов, И. Н. Экзистенциально-культуральная рефлексия во взаимодействии художественного и научного творчества в Серебряном веке / И. Н. Семенов // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / отв. ред. Д. В. Ушаков. — М., 2011. — С. 606—624.*

Semenov, I. N. E'kzistencial'no-kul'tural'naya refleksiya vo vzaimodejstvii xudozhestvennogo i nauchnogo tvorchestva v Serebryanom veke / I. N. Semenov // Tvorchestvo: ot biologicheskix osnovanij k social'ny'm i kul'turny'm fenomenam / отв. red. D. V. Ushakov. — М., 2011. — С. 606—624.

33. *Семенов, И. Н. Теоретические основы изучения роли рефлексии в процессах самости в трансдисциплинарном человекознании / И. Н. Семенов // Мир психологии. — 2018. — № 3. — С. 7—24.*

Semenov, I. N. Teoreticheskie osnovy' izucheniya roli refleksii v processax samosti v transdisciplinarnom chelovekoznanii / I. N. Semenov // Mir psixologii. — 2018. — № 3. — С. 7—24.

34. *Семенов-Истрин, И. Эхо: Сонеты о поэзии и о поэтах / И. Семенов-Истрин. — Улан-Уде: Нова Принт, 2007. — 381 с.*

Semenov-Istrin, I. E'xo: Sonety' o poe'zii i o poe'tax / I. Semenov-Istrin. — Ulan-Ude: Nova Print, 2007. — 381 s.

35. *Смирнов, А. А. Шекспир / А. А. Смирнов. — Л.; М.: Искусство, 1963. — 192 с.*

Smirnov, A. A. Shekspir / A. A. Smirnov. — L.; M.: Iskustvo, 1963. — 192 s.

36. *Урнов, М. В. Шекспир: Его герой и его время / М. В. Урнов, Д. М. Урнов. — М.: Наука, 1964. — 206 с.*

Urnov, M. V. Shekspir: Ego geroy i ego vremya / M. V. Urnov, D. M. Urnov. — M.: Nauka, 1964. — 206 s.

37. *Урнов, М. В. Вехи традиции в английской литературе / М. В. Урнов. — М.: Худож. лит., 1986. — 382 с.*

Urnov, M. V. Vexi tradicii v anglijskoj literature / M. V. Urnov. — M.: Xudozh. lit., 1986. — 382 s.

38. *Шведов, Ю. Ф. Эволюция шекспировской трагедии / Ю. Ф. Шведов. — М.: Искусство, 1975. — 464 с.*

Shvedov, Yu. F. E'voluciya shekspirovskoj tragedii / Yu. F. Shvedov. — M.: Iskustvo, 1975. — 464 s.

39. *Шекспир, Уильям. Полное собрание сочинений: в 8 т. / Уильям Шекспир; под ред. А. Смирнова, А. Аникста. — М.: Искусство, 1958—1960. — Т. 1; Т. 8.*

Shekspir, Uil'jam. Polnoe sobranie sochinenij: v 8 t. / Uil'jam Shekspir; pod red. A. Smirnova, A. Aniksta. — M.: Iskustvo, 1958—1960. — T. 1; T. 8.

40. *Шноль, С. Э. Возможные биохимические основы творчества и восприятия ритмических характеристик художественных произведений / С. Э. Шноль, А. А. Замятин // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. — Л., 1974. — С. 289—297.*

Shnol', S. E'. Vozmozhny'e bioximicheskie osnovy' tvorchestva i vospriyatiya ritmicheskix charakteristik xudozhestvenny'x proizvedenij / S. E'. Shnol', A. A. Zamyatin // Ritm, prostranstvo i vremya v literature i iskusstve. — L., 1974. — S. 289—297.

41. *Шпет, Г. Г. Театр как искусство / Г. Г. Шпет // Философия и психология культуры. — М., 2007. — С. 274—365.*

Shpet, G. G. Teatr kak iskusstvo / G. G. Shpet // Filosofiya i psixologiya kul'tury'. — M., 2007. — S. 274—365.

42. *Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. — М.: Ренессанс, 1991. — 304 с.*

Yung, K. G. Arxetip i simvol / K. G. Yung. — M.: Renessans, 1991. — 304 s.

43. *Якобсон, П. М. Психология художественного творчества / П. М. Якобсон. — М., 1968.*

Yakobson, P. M. Psixologiya xudozhestvennogo tvorchestva / P. M. Yakobson. — M., 1968.

44. *Ярошевский, М. Г. Психология творчества и творчество в психологии / М. Г. Ярошевский // Искусствознание и психология художественного творчества / отв. ред. А. Я. Зись, М. Г. Ярошевский. — М., 1988. — С. 31—50.*

Yaroshevskij, M. G. Psixologiya tvorchestva i tvorchestvo v psixologii / M. G. Yaroshevskij // Iskustvoznaniye i psixologiya xudozhestvennogo tvorchestva / отв. red. A. Ya. Zis', M. G. Yaroshevskij. — M., 1988. — S. 31—50.

45. *Dudareva, V. Ju. Phenomenology of reflection and its investigation in modern foreign psychology / V. Ju. Dudareva, I. N. Semenov // Psychology. J. of the Higher School of Economics. — 2008. Vol. 5, № 1. — P. 101—120.*

46. *Knight, G. W. Shakespearian production / G. W. Knight. — London, 1964.*

47. *Leavis, F. Shakespeare's late plays. «Shakespeare's criticism, 1935—1960» / F. Leavis. — London, 1964.*

48. *Müller-Freienfels, R. Psychologie der Kunst / R. Müller-Freienfels. — Leipzig; Berlin, 1923.*

49. *Ristine, F. H. English tragicomedy: its origin and history / F. H. Ristine. — N. J., 1963.*

50. *Traversi, D. Shakespeare: The Last Phase / D. Traversi. — London, 1963.*

51. *Wilson, J. D. The essential Shakespeare / J. D. Wilson. — Camb., 1964.*

Научные и научно-практические исследования

В проблемном поле науки

К. А. Абульханова, А. Н. Славская

К проблеме методов среднего уровня в отечественной психологии

В статье ставится проблема выделения в психологическом познании методов среднего уровня, промежуточных между методологией, теорией и эмпирическими методами и методиками. На конкретных примерах подобных методов, существующих в психологии: естественного эксперимента, методов типологизации, доминанты, системообразующего фактора, целого и репрезентирующей его единицы, имплицитного и эксплицитного и др. — показано, что применение одного и того же метода имеет место в разных областях и концепциях психологии. Их эвристичность значима для теоретического и эмпирического уровней исследования. Этим открывается перспектива конструктивного применения этих методов в психосоциальных исследованиях.

Ключевые слова: методы среднего уровня, естественный эксперимент, часть, целое, принцип, подход.

Методологические принципы психологии, согласно С. Л. Рубинштейну, являются интерпретацией философских категорий, понятий и философских систем, раскрывающих *способ их применения* в психологическом познании. Они открывают подходы к сущности психических явлений во всем их многообразии, приоритетные направления и стратегии исследования.

Как известно, философская парадигма С. Л. Рубинштейна позволила применить к психологии *онтологический подход*, преодолевший дуализм материального и идеального, доказав *объективность психических явлений как субъективных*. Одновременно тем самым был реализован *принцип монизма как единства многообразия и многокачественности всех уровней бытия*.

Опираясь на историко-философскую и, более конкретно, Марксову концепцию *гуманизма*, С. Л. Рубинштейн раскрыл *человечность сущности Человека* и возможности ее реализации в отношениях людей. *Принцип гуманизма* в психологии представил оптимистический *идеал* развития личности, реализации справедливости, победы добра во взаимоотношениях людей.

Принцип развития, победивший в борьбе диалектики и метафизики, реализующийся и в естественных, и в гуманитарных науках, применяется в мировой психологии в разных интерпретациях. В психологии актуальна проблема определения характера развития как онтогенетического и личностного, проявляющегося в сложных процессах изменений, фиксирующих этапы его, и осуществляющегося через *противоречия*, в разном *времени* и т. д.

Принцип детерминизма в новой интерпретации С. Л. Рубинштейна быстро вошел в методологию психологической науки. Он в том числе объединил ранее разработанные им *принципы: единства сознания и деятельности* («Между сознанием

человека и его деятельностью есть единство, но нет тождества, — писал С. Л. Рубинштейн, — и внутри этого единства имеются значительные расхождения и противоречия» [30. С. 73]) и *принцип личности*. Благодаря этому последняя заняла подающее ей место в системе психологической науки. Этим были преодолены, с одной стороны, реальная тенденция к депривации при тоталитаризме, с другой — ее идеологическое определение как совокупности общественных отношений.

Последним (по времени его разработки в конце XX — начале XXI в.) является философско-методологический *принцип субъекта*. Его реализация в психологии имеет *проблемный характер*. Во-первых, она началась уже после смерти автора, во-вторых, он имеет разные интерпретации в школе С. Л. Рубинштейна и его единомышленников, в-третьих, в силу быстрого и широкого распространения во всей отечественной психологии понятия субъекта и как понятия, и как категории, и как принципа. Возникли различные его определения, которые имеют разные основания, контексты и объяснительные возможности. Предпосылкой этого принципа было преобразование гегелевской концепции субъекта сознания и дифференциального понятия субъекта Б. Г. Ананьева [4] для различения деятельности, общения, познания.

В мировой и отечественной психологии XX в. развивались принципы и подходы, определявшие роль культуры и общества в развитии психики и личности. Это получивший признание в Европе и США *культурно-исторический подход* Л. С. Выготского, развивающийся в настоящее время его школой, *социокультурный подход*, выявляющий (преимущественно в западных странах) *позитивную роль общества в развитии личности*. Социокультурный подход разрабатывается в психологии (Э. В. Сайко и др. [33]) и в более широком контексте (С. Аверинцев, М. Гаспаров и др.).

В *научоведческом* аспекте отечественными учеными разных направлений и профессиональных сфер в XX в. развивались три основных подхода — *системный, комплексный и синергетический*, раскрывающих структурные, функциональные способы организации знаний, концепций и наук. Широко известна дискуссия о взаимодействии наук и месте в нем психологии между Б. М. Кедровым и Ж. Пиаже и др. *Системный подход* в качестве методологического был применен в отечественной психологии Б. Ф. Ломовым [23], *комплексный* — Б. Г. Ананьевым [4].

Это перечисление общеизвестных принципов и подходов и их *дифференциация* (как всякая условная) на *методологические*, направляющие *процесс познания*, и *научоведческие*, организующие *систему знаний и наук*, предпринимается в целях актуализации разных методологических оснований предстоящего рассмотрения *методов среднего уровня* в психологии.

Понятие *теории среднего уровня* распространено в социологии, общей теории систем и других областях знания (И. Блауберг, В. Садовский, Э. Юдин и др.). Потребность в выделении методов среднего уровня возникает в психологии в связи с образовавшимся в ней известным *пробелом* между уровнем методологических и научоведческих принципов и подходов и конкретно-эмпирическим уровнем методов и методик исследования, на первый взгляд этого разрыва не существует, поскольку он «занят» теориями, которые возникают на основе методологии, с одной стороны, и эмпирическими исследованиями — с другой. Однако в истории и современной отечественной (и мировой)

психологии накоплен известный опыт, представленный в разнообразном виде исходных постулатов или методологических гипотез, которые составляют как бы очевидную основу теорий или своеобразную «технология» их образования, который может быть *обобщен* в качестве *методов среднего уровня*. Попытка такого обобщения и предпринимается в данной статье.

* * *

Какие же методы могут быть отнесены к методологии среднего уровня? Часть из них широко известна, другая нуждается в выявлении и определении.

К числу широко известных относится *принцип доминанты*, разработанный А. А. Ухтомским [38] как естественно-научный метод. К нему близок по существу, но отличается по происхождению *принцип системообразующего фактора*, который обозначает и доминирование, и интегративную функцию — понятие, использованное Б. Ф. Ломовым в разработанном им системном подходе. Также близок по существу, но является ведущим понятием другой концепции *принцип установки* Д. Н. Узнадзе.

Общими в смысле отсутствия точного определения авторства являются *естественный эксперимент* (А. Ф. Лазурский [21]), *лонгитюдинальный метод* исследования, а также *типологический подход*, первоначально в России также употребленный А. Ф. Лазурским.

Разноплановыми по способу использования, но поддающимися обобщению являются *методы общенаучного характера: соотношения целого и его части* (репрезентирующей целое) или частей, складывающихся в целое. Как известно, в случае гармоничного соединения в целое его частей образуется гештальт (понятие немецкой гештальтпсихологии). Это также *методы: единицы* («клеточки») деятельности [31], рассматриваемой в качестве единицы *поступка* [29], объясняющего развитие истории, или *поступка как реализации сущности личности* (М. М. Бахтин, С. Л. Рубинштейн), *направленности* как самовыражения личности (понятие отечественной психологии 40—50-х гг.). К этому же классу принадлежат употребляющиеся в мировой психологии понятия *ядра* и *периферии*.

К общенаучным относятся также *принципы выделения этапов* (развития в психологии), *периодизации* в широком смысле слова. На основе последнего подхода формируется *принцип сензитивности* (выявляющий соответствие в соотношении внешних и внутренних условий на определенном этапе (Б. Г. Ананьев и др.)). К этому же классу относится *принцип соотношения уровней* (более общего характера, например, природного и социального) в определении личности (С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов), в диалектике их смены (С. Л. Рубинштейн). Соотнесение этих принципов применительно к развитию личности привело к выделению этапа, на котором достигается *высший уровень* развития, воплощенный в понятии *акме* (как своеобразной *вершины* в самореализации личности на ее жизненном пути). Первоначально его сформулировал С. Л. Рубинштейн, а затем оно стало системообразующим в целой новой области знания — акмеологии (А. А. Деркач и др.).

Перечисление методов среднего уровня, подтверждающее гипотезу о правомерности их выделения, может быть продолжено. Однако есть смысл более подробного их рассмотрения в контексте конкретных исследований и соотносительно с авторскими концепциями в отечественной психологии и ее истории.

В общей парадигме С. Л. Рубинштейна существуют некоторые более конкретные методологические принципы, которые, имея характер стратегий познания, не входят в число более общих — фундаментальных. Это принцип «поворачивания объекта разными сторонами» для выявления («вычерпывания» — термин С. Л. Рубинштейна) его *разных качеств в разных системах связей и отношений*. Он позволяет раскрыть соотношение целостности и *многокачественности* психического.

Другой рубинштейновский принцип раскрывает соотношение *имплицитного* и «*эсплицитного*» в сущности объекта. В разных трудах и контекстах он имеет более познавательное или онтологическое значение, но, по существу, раскрывает их единство. В теории мышления С. Л. Рубинштейна *эсплицитными* обозначаются *уже познанные* его особенности, закономерности, которые направляют мысль на *еще не раскрытые, потенциальные* — *имплицитные*. В других контекстах соотношение эсплицитного и имплицитного обозначает, например, соотношение *выраженного в речи* (устной или письменной) и еще содержащегося в мысли, в концепции автора — как подразумеваемого смысла (иногда нарочито завуалированного) по отношению к смыслу эксплицированному.

Противоречие потенциального (имплицитного) и актуального (эсплицитного) имеет место при расхождении того, что реально думает человек, и говорит (или поступает). В силу конформизма, безвольности личности — самой разнообразной гаммы причин — возникает ее *лживость* или *двуличность* (см. о соотношении правды и лжи в исследованиях В. В. Знакова [17]).

В исследованиях школы С. Л. Рубинштейна на принципе имплицитного и эсплицитного строился метод *подсказок* (К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский [2]). А. В. Брушлинский [8], исходя из своей теории мышления как *процесса*, понимая, что часть его остается имплицитной, неэсплицитруемой в речи, использовал метод «подсказок» как своеобразный диагностический «зонд» для определения *продвинутой/непродвинутой* мышления (в последнем случае испытуемые *не использовали* подсказки), выявления *этапа* мыслительного процесса. Независимо и параллельно этот метод использовал Я. А. Пономарев (в школе А. Н. Леонтьева). Другой метод, *микросемантического анализа*, А. В. Брушлинский использовал *после* завершения решения задачи, анализируя *ход мысли уже «остановившегося»* заверченного мышления» (зафиксированного в протоколах). Как известно, в исследованиях мышления в мировой психологии (в теории К. Дункера, в частности) было использовано понятие *инсайта* как *внезапного озарения* в ходе решения — открытия *нового*. А. В. Брушлинский, исходя из определения мышления как *процесса*, имеющего свою внутреннюю *имплицитную* детерминацию, подошел к явлению инсайта как *не случайному, не внезапному* открытию, а имеющему *предпосылки в предшествующем* ходе мысли и потому добавил к классическому понятию инсайта эпитет «*не мгновенный*». Тем, кому это показалось субъективным усложнением или даже введением *противоречия* мгновенности и немгновенности, он эмпирически доказал, что существуют имплицитные предпосылки эсплицитного инсайта.

В исследованиях типологических особенностей личностной организации времени (как саморегуляции во времени и регуляции времени жизни) были

использованы близкие к математическим стратегии исследования (Т. Н. Березина [3]), а также *метод метафор* (Н. Ю. Григоровская [11]), который раскрывал *имплицитные* особенности личностного времени. Эти же *имплицитные особенности* времени у разных типов личностей, не выявляемые ни анкетами, ни опросами, т. е. на эксплицитном уровне, исследовались методом решения испытуемыми компьютерных задач в их деятельности *во времени* (О. Кузьмина).

На основе обобщения данных этого цикла исследований К. А. Абульхановой [1] был сформулирован применительно к жизненному пути личности *принцип своевременности* как соответствия деятельности, поступка и т. д. личности данному этапу жизни во времени: еще слишком рано или уже слишком поздно. Это понятие резонирует с высказыванием Рубинштейна о прошлом человеческой жизни — как содеянном и ... упущенном (в свое время) и одновременно с вышеупомянутым понятием *сензитивности* (разработанным Б. Г. Ананьевым и другими психологами в сфере развития ребенка) как своего рода *своевременности* воздействий, педагогических, событийных и т. д., в соотношении внешнего и внутреннего. *Адекватность* (своевременность) этого внешнего воздействия периоду, моменту, уровню онтогенетического развития является продуктивной либо для его оптимального дальнейшего *продвижения*, либо для *совершенствования* его уровня и характера.

Однако *потенциальным* может быть не только ход мысли или времени жизни, но и побуждение, *мотив*, еще не воплотившиеся в действие, поступок, по тем или иным причинам задержанные личностью. Этот нереализованный потенциал может быть обозначен в личностных терминах как *намерение*. Намерения могут в душе искренне переживаться личностью (*добрые намерения*), но тормозятся, не эксплицируются — не реализуются личностью в силу неуверенности, нерешительности или, согласно другой понятийной терминологии, *двойственности* личности. Соотношение имплицитного и эксплицитного в личности применительно к ее жизни выявляет яркие типы людей (прекрасно описанных в нашей художественной литературе), которые как будто многое обещали, но к концу жизни остались не реализовавшими свои порывы и *намерения*. Это по большому счету и приводит к проблеме *неподлинности* жизни личности. Жизнь осуществляется оптимально — в соответствии с сущностью и намерениями личности, если последняя имеет *потенциал* (*ресурсы*, как выявила в своем исследовании ответственности Л. И. Дементий [14]).

Противоречивое соотношение *потенциального* (*имплицитного*) и *актуального* (*эксплицитного*) имеет место в самых разных сферах, уровнях, способах общения. Выше показано, что оно имело место в соотношении мышления и речи одной личности, в расхождении ее намерений и их реализации в *ее поступках*. В *общении* имплицитным остается мнение и даже отношение, которое *личность не хочет* выразить, открыть собеседнику, партнеру. В другом случае она *говорит одно, но думает другое*. В общении речь иногда сознательно строится личностью как *двусмысленная*. Тогда имплицитным остается скрытое двусмысленностью содержание и сам мотив — нежелание быть понятым. В биографии А. Ф. Лосева, подвергавшегося социальной депривации, было множество текстов, исследовавшихся его единомышленниками, которые им *нарочно* усложнялись, чтобы *скрыть* их смысл.

Особенно, как показала Т. Н. Ушакова [39], исследовавшая общение и речь *политиков* в поворотные моменты судьбы России, двойственность и скрытый смысл всегда имели место в политике. При этом произносится речь (*эксплицитная*), мобилизующая массы, выражающая призывы к активным действиям (обнаруживается степень развития ораторского искусства). Речь дипломата, следующего протоколу вежливости, сознательно прикрывает, маскирует истинную позицию говорящего, критическую, возмущенную или насмешливую и т. д. Все эти исследования фактически раскрывают психологические особенности речи и языка, издавна называемые *эзоповским*.

***

*Следующим выбранным при обсуждении методов среднего уровня может быть назван общенаучный принцип выделения в исследовании (или теории) целого и его части, целого и единицы, которая его репрезентирует, и т. д. Метод выделения «единицы», репрезентирующей целое, был первоначально использован С. Л. Рубинштейном в «Основах общей психологии» [31] в попытке выделить «клеточку» деятельности, т. е. ее единицу. Больше никогда он не упоминал об этой попытке. Но много позднее, в труде «Человек и мир» [32], он критиковал теорию чувств Геффтинга, который фактически использовал этот метод, выделив одно главное, обобщающее чувство — *Gesammtgefühl* как презентующее множество других. С. Л. Рубинштейн показал, что все чувства никак не могут быть представлены в одном (подразумевается, что чувства носят противоречивый, амбивалентный характер). (Зная характер С. Л. Рубинштейна, удерживавшего какую-то идею, мысль на протяжении десятилетий жизни, можно предполагать, что это была и критика в свой адрес.)*

Однако на самом раннем этапе своего творчества еще в 20-х гг. М. М. Бахтин [6; 24] предложил в качестве метода познания человека *поступок*, в котором, согласно его мнению, аккумулируется сущность личности. Иными словами, поступок — репрезентативная единица сложного целого. Концепция поступка, несмотря на то что долгое время она оставалась в рукописном виде, получила широкий резонанс. В дореволюционных философско-психологических кругах «Бахтин видит личность как субъект, чьи волевые качества преобладают над иными его свойствами» [18. С. 193].

Из оценок этой философской концепции, данных уже только в XX в. отечественными философами, очевидно, что, с одной стороны, бахтинская концепция поступка самодостаточна, поскольку интегрирует в себе качества личности, субъекта и ответственности, реализуемые в поступке [13], перед собой и перед «своими другими» [18], чем намечается связь с его *диалогической концепцией*, поэтому она *не подходит* под вышеданное определение «клеточки» *целого*, с другой — слова самого Бахтина как будто подтверждают это: «...быть в жизни — значит поступать, быть не индифферентным к единственному *целому*» (курсив наш. — К. А., А. С.). Но это соотнесение поступка с личностью показывает, что понятие поступка является репрезентативной единицей концепции личности, *не являясь* при этом репрезентацией всей его многогранной философской концепции, включающей концепцию диалога (Я и Другой). К этому можно добавить, что именно последняя оценивается как

ведущая в наследии М. М. Бахтина, «затеняя» в известном смысле столь важную для психологии концепцию поступка.

Концепция поступка и поступания в историко-психологическом контексте независимо от М. М. Бахтина и — позднее — была разработана В. А. Роменцом [29]. Она является уникальным способом объяснения истории через единую «логику» поступания, а ее различные эпохи как детерминированные различием поступков. Если *допустить*, что различия исторических эпох определяются преимущественно властью, персонифицированной в лице ее правителя (а не только типом социально-экономических отношений, культурой и т. д., как это общепринято), то деятельность Петра Первого как личности действительно сыграла роль радикальной реорганизации предшествующего общества (в контексте соотношения Россия — Европа, Восток — Запад, но эти общепризнанные случаи роли личности в свою эпоху (Иван Грозный, Наполеон и т. д.) не относятся ко всем эпохам и деяниям их правителей. Тем не менее эта глобализация (или абсолютизация) поступка, поскольку она сопровождается глубочайшим историческим исследованием в многотомных трудах, вызывает уважение к эрудированности автора, его увлеченности своей идеей, в этом смысле последовательности его мышления и, помимо этого, повышает значимость, ценность поступка в философии, истории и различных историко-психологических исследованиях (в конце концов, в советской психологии также имела место глобализация категории и принципа деятельности).

Иной вариант использования *метода единицы* реализовала в своем исследовании представлений о нравственном идеале в российском менталитете М. И. Воловикова [10] в контексте школы А. В. Брушлинского, обратившегося к проблемам этического, нравственного в мышлении. Ее исследовательскую стратегию можно назвать стратегией исследования *репрезентативных точек*, единиц, «очерчивающих» комплексное *пространство* проблемы. В нем исследуются и общеисторический, и социально-психологический, и собственно личностный аспекты и уровни проблемы. На уровне сопоставления индивидуального и общественного сознания выявляется как сходство, так и различие инвариантов идеалов. Вскрываются роль в *преемственности* поколений традиций и праздников и одновременно противоречия в связи поколений, в наличии различий нравственно-ценностных приоритетов и т. д. Поэтому, в отличие от предыдущего *моноисследования* В. А. Роменца, который ограничился одной репрезентативной единицей, М. И. Воловикова [10] в комплексном исследовании обращается ко многим репрезентативным «точкам». Различие состоит также в том, что выявление роли поступка как основной (и единственной!) единицы В. А. Роменец осуществляет осознанно и целенаправленно, а М. И. Воловикова обнаруживает их реально *множественную* роль. И ею осуществляется *не сравнение* обычно изолированно исследуемых разнопорядковых и разнокачественных данных, каждое из которых в своей особенности представляет сущность исследуемой проблемы, и даже *не их интеграция*, обобщение, а *взаимодополнительность*.

Оригинальное исследование личности осуществила Н. Е. Харламенкова [40], выявившая самореализацию личности не через ее достижения (как это принято в общеизвестных концепциях личности), а через ее *дистанцирование* от неприемлемых для нее требований и влияний. Однако его своеобразной «единицей» явились не поступок и не представление, а *способность сказать «нет»*. Этот исследовательский антиконформизм позволил принципиально

в ином ракурсе определить сущность активного самовыражения личности, не *утверждение*, а своеобразное отчуждение своего «Я» через *отрицание*. Важно отметить, что причисление ее исследования к числу использующих метод единицы имеет методологический смысл, но не науковедческий.

Заключая обзор использования (сознательного или фактического) метода репрезентативной единицы, можно сослаться на исследования Лабораторией личности *социальных представлений* как *ключевого понятия*, объединяющего цикл исследований представлений личности об интеллекте, нравственности, времени, а также об отношениях людей по их представлениям друг о друге и правах Человека (в сотрудничестве с С. Московичи и В. Дуазом) и т. д. (Е. В. Гордиенко, В. И. Ковалев, О. П. Кузьмина, А. Н. Славская, Н. Л. Смирнова и др. [35; 36; 37]).

Отмечая, что в приведенных примерах применения этого метода присутствует скорее сходство, чем общность по существу, можно сказать, что и сходства достаточно для некоторого обобщения при его определенной интерпретации. Различие интерпретаций заключается в том, что одна является структурно-статической, другая — диалектическая, согласно концепции С. Л. Рубинштейна, структурно-динамической и, еще точнее, *структурно-функциональной*, выявляющей *движущие силы* процесса (мышления или жизни человека или даже истории). Раскрывая сущность функционального подхода, С. Л. Рубинштейн писал: «Необходимо учесть наличие *внутренних* межфункциональных связей, которые проявляются в том, что одна функция как бы включается в другую и работает внутри нее» [31. С. 152].

Этот функциональный подход позволяет перейти к следующему проявлению функционирования различных психических процессов и личностной организации.

***

С. Л. Рубинштейн привлек внимание к забытой в истории психологии и вытесненной павловским учением сеченовской *концепции регуляторной роли* психического. Он поставил задачу ее восстановления перед исследователями своей школы (Е. А. Будилова, М. Г. Ярошевский), поскольку она отвечала реализованному им подходу к *функциональной способности психического* и восстановлению прерванной преемственности в развитии истории психологии. Их исследования, в свою очередь, явились основой и доказательством *принципа единства сознания и деятельности*, раскрывающего *регуляторную роль сознания* в осуществлении деятельности, затем роль *личности в регуляции* деятельности, общения, жизни в целом.

Позднее, но независимо от С. Л. Рубинштейна (и его школы) принцип *саморегуляции* разработал в своей лаборатории в ПИ РАО О. А. Конопкин. Он дифференцировал побудительную самореализацию от исполнительской, формулируя метод саморегуляции. Именно *метод саморегуляции* позволил в методологии отечественной психологии преодолеть структурный подход в определении личности, представить ее как самоорганизующуюся систему. Этот конкретный эмпирически обоснованный метод явился имплицитной объективной предпосылкой определения личности в *качестве субъекта, самоорганизующегося* в своих функционально-динамических отношениях с другими личностями, обществом. Он, на наш взгляд, является основой раскрытия личности как *индивидуальности*, поскольку при *саморегуляции* личность произвольно/непроизвольно включает, использует в своей активности

свои *разные* способности, возможности, играющие (по ее воле) то ведущую, то второстепенную роль в комплексе ее природных, мотивационных, интеллектуальных данных и т. д. В континууме самореализации проявляются и ее темпераментальные, нервно-психические и, конечно, возможности/ограничения ее сознания. Этим методом, как представляется, проводится различие *данного личности* и того, как она распоряжается своими возможностями, купирует (компенсирует) ограничения, волевым усилием осуществляет остановку проявления активности одних (например, агрессивности, негативизма и т. д.), актуализируя другие, т. е. осуществляет *самоконтроль* или осознанное самовыражение *своей индивидуальности*. Самореализация в силу ее динамичности способствует использованию личностью тех или иных *ресурсов* в те или иные моменты самоосуществления. Она составляет основу объяснения личностного ресурса и потенциала (о чем упоминалось выше).

***

Общеизвестным является *метод естественного эксперимента*. Однако он не относится к общепринятому классу методик, хотя и используется наряду с ними на эмпирическом уровне исследования. Он не является эмпирическим, поскольку на основании гипотезы позволяет очерчивать «пространство» исследования, намечать его архитектуру («расстановку сил»), определять цель наблюдателя, т. е. фактически требует от исследователя *моделировать* естественную ситуацию, чтобы не упустить существенные связи и зависимости. Он выполняет *своего рода* методологическую функцию.

В ставших историей и потому не отрефлексированных с этих позиций исследованиях ленинградским коллективом С. Л. Рубинштейна (в 30-е гг.) *развития ребенка в деятельности*, происходящего «здесь и теперь», не была проанализирована роль, которую осуществлял экспериментатор. Наше обращение (возвращение) к «Основам общей психологии» [31] (по заданию В. А. Кольцовой для сравнения изданий 40-го и 46-го гг.) привлекло внимание к тем исследованиям, которые осуществлялись по типу *естественного эксперимента*. Ретроспективно или осуществляя *реконструкцию* происходившего (понятие В. А. Кольцовой [19; 20]) удалось восстановить *задачу*, которую *решал* экспериментатор. Она заключалась в том, *какую деятельность* надо предложить ребенку и как ее регулировать (по ходу осуществления) включенным наблюдателем, чтобы это не была произвольная, спонтанная деятельность ребенка, *а именно*, согласно гипотезе экспериментатора, *та*, в которой, по его предположению, могло бы произойти развитие речи, или мышления, или его памяти и т. д. Она должна была быть адекватна цели всего эксперимента — развитию той или иной способности, психической функции ребенка. Экспериментатор должен был предложить ребенку деятельность, адекватную задаче развития, т. е. ее первоначально *смоделировать*. Эта деятельность не должна быть стереотипной или спонтанно игровой, а должна вызывать интерес, любознательность ребенка, мобилизовать его активность и сообразительность.

Подобное теоретическое моделирование имело место в исследованиях К. А. Абульхановой, включенных в образовательный процесс — в семинарские занятия. Последние осуществлялись как естественный эксперимент¹.

¹ Результаты этих исследований не были опубликованы, но использовались в лекциях, прочитанных в МПГУ, Гуманитарном университете, Университете им. Нестеровой, Высшей школе и Институте психоанализа в течение 90-х — начала 2000-х гг.

Предварительно исследователь теоретически строил определенный *сценарий*, по которому определялись «расстановка сил» (С. Л. Рубинштейн) и те «точки» в ней, которые должны были быть *предметом «слежения»* наблюдателя (А. Славская участвовала в эксперименте в этой роли). На одном из подобных семинаров роль преподавателя предлагалась студенту (экспериментатор отсутствовал, чтобы не отвлекать на себя внимание и достичь естественной семинарской ситуации). Наблюдатель фиксировал *«авторитарный»* стиль поведения «руководителя» (поскольку он взаимодействовал со студентами как с объектами) или *«сотрудничающий»* (обращенный к группе как к субъекту), *«нормативный»* (подражающий усредненному в его сознании стилю поведения преподавателя) или *творческий* способ общения со студентами (*по принципу субъект-субъектных отношений*).

Поскольку этот эксперимент не мог быть повторен в той же группе — со сменой студента в роли преподавателя, он воспроизводился в других группах учащихся на разных курсах и в разных учебных заведениях для составления достаточной численности выборки.

Другая модель *естественного эксперимента*, требовавшего специального помещения и «снаряжения», *выявляла соотношение инициативы и ответственности* (преобладания у разных типов того или другого или их оптимального сочетания, что и служило показателем меры субъектности)¹.

Эта модель была заимствована в одном из телевизионных шоу, но в самом эксперименте ставилась другая задача, неизвестная участникам. Эти исследования проводились в течение 3—4 студенческих семестров для получения достоверной численности выборки. Участие студентов было добровольным и высокомотивированным. Результаты исследования были опубликованы К. А. Абульхановой только в теоретическом виде.

Было использовано много подобных моделей, поскольку они осуществлялись в течение десятилетий преподавательской деятельности К. А. Абульхановой. Они составили значительную часть *экспериментального обоснования* теоретических определений типологий активности личности, состоящей из инициативы, саморегуляции и ответственности, а также выделения критериев становления личности субъектом, что, в свою очередь, привело к обнаружению критериев методологического принципа субъекта.

Подобного рода исследования по типу *естественного эксперимента* проводились В. В. Селивановым [34], что позволило ему успешно применять их результаты в терапевтической практике.

***

Общенаучный характер имел широко применявшийся в школе С. Л. Рубинштейна *типологический метод* или подход, который по своему методологическому смыслу имел целью выявить *разнообразие способов существования* или сущностей способов самореализации (понятие 1-й части монографии С. Л. Рубинштейна «Человек и мир»). Сверхзадачей его применения было выявление и отдельных способностей (в широком смысле слова) личности — ее активно-

¹ Помещение и костюмированное «снаряжение» любезно предоставлялись С. В. Образцовым (директором известного театра, родственником К. А.) (примеч. мое. — А. С.).

сти, сознания (социального мышления как механизма сознания), способности к организации времени жизни, ее стратегий жизни (оптимальных для ее развития достижений и неоптимальных, проблемных или регрессивных).

Естественным экспериментом нового поколения (эпохи XXI в.) являются, на наш взгляд, недостаточно оцененные исследования В. Н. Носуленко [25], осуществленные на базе современного технического оборудования. Они связаны с *высочайшей степенью практической продуктивности, можно сказать, встроенности* в реально происходящие коммуникации, решающие современные технологические проблемы.

Поражают возможность активного участия психолога в самом *процессе обсуждения и принятия решения* некоторыми профессиональными объединениями и его как психолога способность *корректировать обсуждение в отдаленном от него пространстве*.

Еще не прошло и столетия с того периода, когда применение психологии на практике носило характер специального раздела задач ИП РАН, требовало заключения договоров и оформления текстов, направленных на практическое использование психологических рекомендаций (хотя известно, что Б. Ф. Ломову удалось создать Институт психологии, поскольку он сумел доказать ее значимость и для подводного флота, и для авиации, и для космонавтики, В. Н. Носуленко принял и поднял его эстафету на новый современный уровень).

Типологический подход наиболее *часто* применялся в Лаборатории личности ИП РАН. Он в качестве метода *имел иерархический характер*. Первоначальный уровень составлял *естественный эксперимент*, подобный описанному выше, и другого рода разнообразные методики (общепринятые в мировой психологии, например нарративный метод, анкетирование, опросники, студенческие эссе, биографические и автобиографические материалы и собственно личностные методики, кросс-культурное исследование и т. д.). На одном уровне использовались *авторские* методики (Т. Н. Березина, Е. В. Гордиенко, О. П. Кузьмина, Н. Л. Смирнова и др.). Примером последних являлось изучение С. В. Григорьевым [12] роли игр на жизненном пути личности, которое эмпирически осуществлялось путем сбора исследователем (на основе интервью) *игровых биографий* в экспедициях на местах жительства разных народов нашей страны. В исследовании Л. У. Арчевой [5] проблем воспитания личности в семье, лонгитюдально перераставших в проблемы семьи, также эмпирическим способом обоснования являлся сбор материалов о воспитании детей в рамках приобщения их к национальным традициям путем доверительного к ним включения в практическую реализацию этих традиций взрослыми.

Вторым уровнем реализации типологического подхода являлась систематизация и типологизация полученных на первом уровне данных. В основу выделения типов, кроме общепринятых, выбирались функциональные возможности *каждой составляющей* данного типа, *усиливающие* в целом его продуктивность, креативность, дееспособность и т. д. или *противоречащие* другой (другим составляющим, что снижало общий уровень эффективности самореализации личности на жизненном пути). В ансамбль составляющих данного типа выбирались не однопорядковые показатели.

Например, кроме самооценок по критерию Я-субъект, Я-объект (Г. Э. Белицкая и др. [7]), включались ценности недавнего прошлого, или современные, или их противоречивость в сознании личности, а также такой показатель, как оптимизм/пессимизм. Общей дифференцирующей типами считалась принадлежность к той или иной страте (по В. Н. Лапину) или профессии (преподаватели, рабочие, инженеры, пенсионеры составляли общую выборку). Стратегия исследования заключалась в вариации: или первоначально формировалась выборка, и в ней обнаруживались определенные типы, или типы получались на любых выборках, а затем исследовалось, присущи ли данной выборке по критерию страты, профессии (и в какой мере) вышеприведенные типы личностей. Вопрос о применении принципа субъекта в качестве метода среднего уровня является актуальным и одновременно дискуссионным. Представляется, что этот метод может быть применен для исследования субъективного как качества личности.

Столь подробное изложение в данной статье (кратко упомянутых в других публикациях) исследований осуществляется с целью освещения исследовательской практики рубинштейновской школы. Однако исторически ретроспективный анализ некоторых методов (особенно последнего) и упоминание кросс-культурного метода исследования позволяют подчеркнуть их роль не только в контексте данного исследования или даже определенной школы, но и как исследовательского основания, предпосылки нового методологического принципа отечественной психологии — *психосоциального подхода*. Он и возник в школах С. Л. Рубинштейна (К. А. Абульханова и др. [1]) и Б. Ф. Ломова (А. Л. Журавлев и др. [16]) в известной мере благодаря методам, не только обогащающим общенаучную отечественную психологию, но и выявляющим *психологию реальных личностей*, живших в недавнем прошлом нашего общества и живущих в современном. Он позволит и в дальнейшем выявлять меру разрыва в психологии людей на рубеже XX и XXI вв. и меру преемственности (через поколения) ценностного сознания. Он — в перспективе — позволит продолжить исследования российского менталитета, проявлявшегося в самые критические или поворотные периоды жизни нашего общества. И именно психосоциальный подход, по большому счету, сможет доказать, какую огромную роль играет психология нашего российского общества в оптимизации его современного социально-экономического состояния.

The article raises the problem of distinguishing in psychological cognition intermediate-level methods that are intermediate between methodology, theory and empirical methods and techniques. Using concrete examples of similar methods existing in psychology: a natural experiment, a typologization method, a dominant method, a system-forming factor, a whole and a representative unit, implicit and explicit, etc., it is shown that the use of one method takes place in different fields and concepts of psychology. Their heuristic is significant for theoretical and empirical levels of research. This opens up the prospect of a constructive application of these methods in psychosocial research.

Keywords: mid-level methods, natural experiment, part, whole, principle, an approach.

Литература

1. Абульханова, К. А. О путях построения типологии личности / К. А. Абульханова // Психол. журн. — 1983. — Т. 4, № 1. — С. 14—30.
Abul'xanova, K. A. O putyax postroeniya tipologii lichnosti / K. A. Abul'xanova // Psicol. zhurn. — 1983. — T. 4, № 1. — S. 14—30.
2. Абульханова, К. А. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна / К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский. — М., 1989.

- Abul'xanova, K. A.* Filosofsko-psixologicheskaya koncepciya S. L. Rubinshtejna / K. A. Abul'xanova, A. V. Brushlinskij. — М., 1989.
3. *Абульханова, К. А.* Время личности и время жизни Рубинштейна / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. — СПб.: Алетейя, 2001.
- Abul'xanova, K. A.* Vremya lichnosti i vremya zhizni Rubinshtejna / K. A. Abul'xanova, T. N. Berezina. — SPb.: Aletejya, 2001.
4. *Ананьев, Б. Г.* О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев. — М., 1997.
- Anan'ev, B. G.* O problemaх sovremenного chelovekoznanija / B. G. Anan'ev. — М., 1997.
5. *Арчегова, Л. У.* Региональная семейная политика в контексте социально-психологической теории : дис. ... канд. психол. наук / Л. У. Арчегова. — М., 2002.
- Archegova, L. U.* Regional'naya semejnaya politika v kontekste social'no-psixologicheskoy teorii : dis. ... kand. psixol. nauk / L. U. Archegova. — М., 2002.
6. *Бахтин, М. М.* К философии поступка, 1921—1922 / М. М. Бахтин // *Философия и социология науки и техники.* — М., 1986. — С. 82—138.
- Baxtin, M. M.* K filosofii postupka, 1921—1922 / M. M. Baxtin // *Filosofiya i sociologiya nauki i tehniki.* — М., 1986. — С. 82—138.
7. *Белицкая, Г. Э.* Типология проблемности социального мышления : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Г. Э. Белицкая. — М., 1991.
- Beliczka, G. E.* Tipologiya problemnosti social'nogo my'shleniya : avtoref. dis. ... kand. psixol. nauk / G. E. Beliczka. — М., 1991.
8. *Брушлинский, А. В.* Мышление как процесс и проблема деятельности / А. В. Брушлинский // *Вопр. психологии.* — 1982. — № 2. — С. 28—40.
- Brushlinskij, A. V.* My'shlenie kak process i problema deyatel'nosti / A. V. Brushlinskij // *Vopr. psixologii.* — 1982. — № 2. — С. 28—40.
9. *Вернадский, В. И.* Размышления натуралиста. Пространство и время в живой и неживой природе / В. И. Вернадский. — М., 1985.
- Vernadskij, V. I.* Razmy'shleniya naturalista. Prostranstvo i vremya v zhivoj i nezhivoj prirode / V. I. Vernadskij. — М., 1985.
10. *Воловикова, М. И.* Представления русских о нравственном идеале / М. И. Воловикова. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: ИП РАН, 2005.
- Volovikova, M. I.* Predstavleniya russkix o npravstvennom ideale / M. I. Volovikova. — Izd. 2-e, ispr. i dop. — М.: IP RAN, 2005.
11. *Григоровская, Н. Ю.* Особенности осознаваемого и неосознаваемого компонентов личностной организации времени : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н. Ю. Григоровская. — М., 1999.
- Grigorovskaya, N. Yu.* Osobennosti osoznaваемого i neosoznavaемого komponentov lichnostnoj organizacii vremeni : avtoref. dis. ... kand. psixol. nauk / N. Yu. Grigorovskaya. — М., 1999.
12. *Григорьев, С. В.* Игра и самосознание культуры / С. В. Григорьев. — М.: Московия, 2005.
- Grigor'ev, S. V.* Igra i samosoznanie kul'tury / S. V. Grigor'ev. — М.: Moskoviya, 2005.
13. *Гусейнов, А. А.* Философия — мысль и поступок : Статьи, доклады, лекции, интервью / А. А. Гусейнов. — СПб.: СПбГУ, 2012.
- Gusejnov, A. A.* Filosofiya — my'sl' i postupok : Stat'i, doklady, lekcii, interv'yu / A. A. Gusejnov. — SPb.: SPbGU, 2012.
14. *Дементий, Л. И.* Ответственность личности как свойство субъекта жизнедеятельности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Л. И. Дементий. — М., 2005.
- Dementij, L. I.* Otvetstvennost' lichnosti kak svojstvo sub`ekta zhiznedeyatel'nosti : avtoref. dis. ... d-ra psixol. nauk / L. I. Dementij. — М., 2005.
15. *Джидарьян, И. А.* Счастье и его типологические характеристики / И. А. Джидарьян // *Психология личности. Новые исследования.* — М., 1998. — С. 67—84.
- Dzhidar'yan, I. A.* Schast'e i ego tipologicheskije karakteristiki / I. A. Dzhidar'yan // *Psixologiya lichnosti. Novy'e issledovaniya.* — М., 1998. — С. 67—84.
16. *Журавлев, А. Л.* Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности / А. Л. Журавлев, В. П. Позняков // *Психол. журн.* — 1992. — Т. 13, № 4. — С. 24—32.
- Zhuravlev, A. L.* Dinamika mezhgruppyv`xotnošenijv uslovijax izmeneniya form sobstvennosti / A. L. Zhuravlev, V. P. Poznyakov // *Psixol. zhurn.* — 1992. — Т. 13, № 4. — С. 24—32.
17. *Знаков, В. В.* Культурные различия в понимании лжи / В. В. Знаков // *Российский менталитет. Психология личности. Сознание. Социальные представления.* — М., 1996. — С. 73—85.
- Znakov, V. V.* Kul'turny'e razlichiya v ponimanii lzhi / V. V. Znakov // *Rossijskij mentalitet. Psixologiya lichnosti. Soznanie. Social'ny'e predstavleniya.* — М., 1996. — С. 73—85.
18. *Колесниченко, Ю. В.* Личность в русской философии 1920—1930-х годов : Биография идеи / Ю. В. Колесниченко. — М., 2018.
- Kolesnichenko, Yu. V.* Lichnost' v russkoj filosofii 1920—1930-x godov : Biografiya idei / Yu. V. Kolesnichenko. — М., 2018.

19. Кольцова, В. А. Теоретико-методологические основы истории психологии / В. А. Кольцова. — М., 2004.
Kol'czova, V. A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy istorii psixologii / V. A. Kol'czova. — M., 2004.
20. Кольцова, В. А. История психологии: проблемы методологии / В. А. Кольцов. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2008.
Kol'czova, V. A. Istoriya psixologii: problemy metodologii / V. A. Kol'czov. — M.: Izd-vo In-ta psixologii RAN, 2008.
21. Лазурский, А. Ф. Классификация личностей / А. Ф. Лазурский. — Пг., 1921.
Lazurskij, A. F. Klassifikaciya lichnostej / A. F. Lazurskij. — P'g., 1921.
22. Логинова, Н. А. Становление комплексного подхода в психологических школах В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Н. А. Логинова. — Л., 1990.
Loginova, N. A. Stanovlenie kompleksnogo podhoda v psixologicheskix shkolax V. M. Bextereva i B. G. Anan'eva : avtoref. dis. ... d-ra psixol. nauk / N. A. Loginova. — L., 1990.
23. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. — М.: Наука, 1984.
Lomov, B. F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psixologii. — M.: Nauka, 1984.
24. Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В. Л. Махлина. — М.: Изд-во РОССПЭН, 2010.
Mixail Mixajlovich Baxtin / pod red. V. L. Maxlina. — M.: Izd-vo ROSSPE'N, 2010.
25. Носуленко, В. Н. О проблеме моделирования в психологическом эксперименте / В. Н. Носуленко // Математическая психология / под ред. А. Л. Журавлева [и др.]. — М., 2010. — С. 157—176.
Nosulenko, V. N. O probleme modelirovaniya v psixologicheskom e'ksperimente / V. N. Nosulenko // Matematicheskaya psixologiya / pod red. A. L. Zhuravleva [i dr.]. — M., 2010. — S. 157—176.
26. Няголова, М. Д. Структурно-генетический подход к изучению психики в трудах А. Валлона и С. Л. Рубинштейна (сопоставительный анализ) : автореф. дис. ... канд. психол. наук / М. Д. Няголова. — М., 1994.
Nyagolova, M. D. Strukturno-geneticheskij podhod k izucheniyu psixiki v trudax A. Vallona i S. L. Rubinshtejna (sopostavitel'nyj analiz) : avtoref. dis. ... kand. psixol. nauk / M. D. Nyagolova. — M., 1994.
27. Полани, М. Личностное знание / М. Полани. — М.: Прогресс, 1985.
Polani, M. Lichnostnoe znanie / M. Polani. — M.: Progress, 1985.
28. Поликарпов, В. А. Психотерапия с позиций теории психического как процесса С. Л. Рубинштейна / В. А. Поликарпов // Проблемы субъекта в психологической науке. — М., 2000. — С. 276—297.
Polikarpov, V. A. Psixoterapiya s pozicij teorii psixicheskogo kak processa S. L. Rubinshtejna / V. A. Polikarpov // Problemy sub`ekta v psixologicheskoy nauke. — M., 2000. — S. 276—297.
29. Роменец, В. А. Предмет и принципы историко-психологического исследования : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / В. А. Роменец. — Киев, 1989.
Romencz, V. A. Predmet i principy istoriko-psixologicheskogo issledovaniya : avtoref. dis. ... d-ra psixol. nauk / V. A. Romencz. — Kiev, 1989.
30. Рубинштейн, С. Л. Основы психологии / С. Л. Рубинштейн. — М., 1935.
Rubinshtejn, S. L. Osnovy psixologii / S. L. Rubinshtejn. — M., 1935.
31. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — М., 1940; 2-е изд. — М., 1946.
Rubinshtejn, S. L. Osnovy obshhej psixologii / S. L. Rubinshtejn. — M., 1940; 2-e izd. — M., 1946.
32. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. — М.: Наука, 1997.
Rubinshtejn, S. L. Chelovek i mir / S. L. Rubinshtejn. — M.: Nauka, 1997.
33. Сайко, Э. В. Субъект: создатель и носитель социального / Э. В. Сайко. — М.; Воронеж, 2006.
Sajko, E. V. Sub`ekt: sozidatel' i nositel' social'nogo / E. V. Sajko. — M.; Voronezh, 2006.
34. Селиванов, В. В. Психологические экспериментальные схемы изучения мышления и интеллекта / В. В. Селиванов // Современная экспериментальная психология : в 2 т. / под ред. В. А. Барабанщикова. — М., 2011. — Т. 1 — С. 299—321.
Selivanov, V. V. Psixologicheskie e'ksperimental'ny'e sxemy izucheniya my'shleniya i intellekta / V. V. Selivanov // Sovremennaya e'ksperimental'naya psixologiya : v 2 t. / pod red. V. A. Barabanshnikova. — M., 2011. — T. 1 — S. 299—321.
35. Славская, А. Н. Личность как субъект интерпретации / А. Н. Славская. — Дубна : Феникс+, 2002.
Slavskaya, A. N. Lichnost' kak sub`ekt interpretacii / A. N. Slavskaya. — Dubna : Feniks+, 2002.
36. Славская, А. Н. Основы психологии С. Л. Рубинштейна. Философское обоснование развития / А. Н. Славская. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2015.
Slavskaya, A. N. Osnovy psixologii S. L. Rubinshtejna. Filosofskoe obosnovanie razvitiya / A. N. Slavskaya. — M.: Izd-vo In-ta psixologii RAN, 2015.
37. Смирнова, Н. Л. Исследование имплицитных концепций интеллекта / Н. Л. Смирнова // Психология личности в условиях социальных изменений. — М., 1993. — С. 97—103.
Smirnova, N. L. Issledovanie implicitny'x koncepcij intellekta / N. L. Smirnova // Psixologiya lichnosti v usloviyax social'ny'x izmenenij. — M., 1993. — S. 97—103.

38. Ухтомский, А. А. Пути в неизвестное / А. А. Ухтомский. — М. : Сов. писатель, 1973. — Вып. 10. — С. 371–435.
Uxtomskij, A. A. Puti v neznaemoe / A. A. Uxtomskij. — M. : Sov. pisatel', 1973. — Vy'p. 10. — S. 371–435.
39. Ушакова, Т. Н. Речь человека в общении / Т. Н. Ушакова. — М. : Наука, 1989.
Ushakova, T. N. Rech' cheloveka v obshhenii / T. N. Ushakova. — M. : Nauka, 1989.
40. Харламенкова, Н. Е. Психология личности как открытой и развивающейся системы / Н. Е. Харламенкова, А. Л. Журавлев // Психол. журн. — 2009. — Т. 30, № 6. — С. 30–39.
Harlamenkova, N. E. Psixologiya lichnosti kak otkry'toj i razvivayushhejsya sistemy' / N. E. Harlamenkova, A. L. Zhuravlev // Psixol. zhurn. — 2009. — T. 30, № 6. — S. 30–39.
41. Штерн, В. Изучение свидетельских показаний / В. Штерн // Проблемы психологии: ложь и свидетельские показания. — М., 1905.
Shtern, V. Izuchenie svidetel'skix pokazanij / V. Shtern // Problemy' psixologii: lozh' i svidetel'skie pokazaniya. — M., 1905.
42. Lahlou, S. Numeriser le travail. Theories, methodes, experimentations / S. Lahlou, V. Nosulenko, E. Samoylenko. — Paris : Lavoisier, 2012.

В. М. Петров

Предстоящая «перезагрузка» гуманитарных наук: вызов времени (A la recherche du nouau perdu — В поисках за утраченным локусом)¹

В рамках системно-информационного подхода теоретически дедуцирована необходимость периодического обновления парадигм, являющихся ведущими в науках о человеке, и такую изменчивость удалось наблюдать (на материале гуманитарной науки XX столетия). Предстоящая парадигма должна иметь дело с весьма абстрактными категориями (типа энтропии), достаточно удаленными от непосредственно наблюдаемой эмпирической реальности. Благодаря будущей инновации появится возможность избежать катастрофических провалов в социальной и культурной сферах, равно как и в области международных отношений.

Ключевые слова: социум, научная жизнь, гуманитарное знание, система, парадигма, информация, энтропия, оптимальность, централизация, культурная политика, мировая война.

Поскольку речь пойдет о предстоящей «перефокусировке» всей сферы гуманитарно-социальных исследований, следует, прежде всего, выяснить, существует ли сама потребность в какой-то концентрации (фокусировке усилий исследователей). И вот уже на этом самом предварительном этапе анализа нам придется столкнуться с противостоянием по крайней мере двух взглядов.

Что представляется вполне естественным, ведь именно в подобной борьбе, как принято считать, чаще всего «рождается истина». Впрочем, с подобного анализа «полярных» подходов к самой сути поставленной проблемы полезно было бы всегда начинать ее рассмотрение!

Итак, концентрация исследований, или наличие локуса научной жизни, — из чего, откуда этот феномен теоретически следует? Ответам на эти вопросы мы посвятим два первых подраздела текста, а в третьем — конкретизируем анализ применительно к психологическим и культурным реалиям наших дней.

Исследование полагается провести в рамках системно-информационного подхода (подробнее о коем см., например, [2; 8]). Дело в том, что именно этот подход инвариантен относительно конкретной «материальной природы» любых научных областей (и потому позволяет интегрировать их совокупность в единую системную целостность, а как раз это нам скоро понадобится). Вкратце суть данного подхода заключается в его исходном постулате — так называемом «*принципе максимума информации*» — оптимизации взаимоотношений между рассматриваемой системой и

¹ Редколлегия приглашает к обсуждению, вопросов, поднятых автором статьи, В. М. Петровым.

окружающей ее средой (речь идет о стремлении к росту «взаимной информации» между средой и системой, к наибольшей согласованности их свойств).

1. «Недемократическая централизация» в научной жизни: острое неравенство участников

Паштет 50 %-й: один рябчик — один конь.
(Из наиболее ярких прибауток предвоенной эпохи, 1930-е гг.)

Для любой системы (и в том числе для совокупности парадигм в науках о человеке) должна быть характерна — при рассмотрении в рамках системно-информационного подхода — так называемая *«тенденция экспансии»*. Это первая из трех основных фундаментальных тенденций, которые дедуцируются непосредственно из «принципа максимума информации».

Суть данной тенденции состоит в стремлении любой системы постоянно увеличивать разнообразие (энтропию) состояний, в которых данная система может существовать. Применительно к парадигматике научной жизни это означает *рост разнообразия спектра парадигм, имеющихся в распоряжении исследователей*.

Однако данному стремлению противоречит необходимость «следовать заветам» *второй фундаментальной тенденции*, также непосредственно дедуцируемой из «принципа максимума информации».

Что же до третьей из дедуцированных тенденций (а именно экономии ресурса, имеющегося в распоряжении системы), то тенденция эта не участвует непосредственно в формировании интересующего нас «парадигмального мира», налагая лишь ограничения при его практической реализации. Эту третью тенденцию мы пока будем считать «лишней».

Нашу вторую фундаментальную тенденцию принято называть *«стремлением к идеализации»* — склонностью любой системы максимально *точно* («идеально») *реагировать* на изменения, происходящие в окружающей среде. В случае парадигмальной системы научной жизни ей следует максимально адекватно отвечать на изменения как в состоянии эмпирической базы данной научной области, так и, возможно, всего социума (или, по крайней мере, его социально-психологической сферы, *Zeitgeist' a*). Тут лучше всего можно достичь точности, *сужая круг парадигм*, например сразу отсекая приводящие к ложным результатам.

Как получить *сочетание* указанных противоречивых тенденций? Ведь в реальности — то им предстоит работать вместе! Можно показать, что наилучший путь здесь прибегнуть к помощи так называемого *феномена централизации* (см., например, [8. Р. X—XII]). Данный феномен проявляет себя в поведении самых разных систем:

- в эволюции телефонных сетей — через введение «центрального обменного пункта», посредством которого абоненты уже не связываются друг с другом напрямую (как это было на ранней стадии телефонизации); благодаря этому многократно экономится число связей в системе;
- в развитии товарно-денежных отношений: вместо непосредственного обмена одного товара на другой появляется некий «посредник» (центральный элемент, чаще всего золото), через который осуществляются все обмены;
- в эволюции основных мировых религий, каждая из которых прошла путь от политеизма (множественности божеств, ответственных за разные сферы жизни) к монотеизму; потом эта доминирующая версия претерпевает

эволюцию в направлении как своего «расщепления», так и взаимодействия с другими религиями;

- в созревании научных теорий (например, в оптике и электродинамике), каждая из которых обычно начинает свое развитие с некоего набора исходных постулатов, чтобы затем прийти к единому принципу, каковым чаще всего является тот или иной «принцип оптимальности»; *à propos*, к их числу относится и наш «принцип максимума информации».

Лирическое отступление «Охранная грамота» прогрессиста. Автору не хотелось бы, чтобы читатель трактовал дедуцированную и кратко описанную выше концепцию централизации как призыв ко всеобщей «обязаловке», тотальному внедрению «единомыслия» (по К. П. Пруткову). Оптимальное поведение любой системы зависит, разумеется, от ее «граничных условий» (к числу каковых относятся и упоминавшиеся ресурсные ограничения). Наш главный пафос — в желательности следовать тенденциям, близким к оптимальным, если у системы наличествует намерение достичь прогресса либо, на худой конец, избежать гибели. И если у концепции прогресса еще могут быть противники, то вряд ли много сторонников губительной траектории найдется, когда речь пойдет о глобальных процессах, а ведь именно к ним сейчас должно быть приковано внимание научной (и не только!) общественности. Таково, в частности, мнение руководства Римского клуба, прокламирующего переход к новому мировоззрению (см.: [15]), равно как и выводы нашего системно-информационного анализа.

Ну а что же происходит в системе, когда ее элементы надежно, оптимально связаны друг с другом? Какой будет деятельность этих связанных элементов? Применительно к любой *многоэлементной системе* оказывается справедливой закономерность, известная под именами законов Парето, Лотки, Ципфа, Виллиса, Мандельброта и др., сущность которой заключается в *оптимальности* («выгодности» для системы в целом) ПОСТРОЕНИЯ ОСТРОЙ ИЕРАРХИИ — *крайне неравномерного распределения интенсивности* деятельности, осуществляемой элементами данной системы. Речь идет об их чрезвычайном — и принципиальном — «неравенстве». В чем причины такого неравноправия? Чаще всего (см., например, [9]) оно является следствием *положительной обратной связи между опытом* деятельности, накопленным данным элементом (например, данным индивидом), и его *дальнейшим успешным функционированием*.

Это отвечает евангельскому «принципу Матфея»: «имущему да будет дано...»

Тогда, если упорядочить все элементы по интенсивности их деятельности, то интенсивность деятельности элемента, обладающего r -м рангом,

$$I_r = I_1 r^{-\alpha},$$

где I_1 — интенсивность деятельности первого элемента (имеющего ранг $r = 1$), а α — коэффициент, характеризующий крутизну упомянутой выше неравномерности распределения (см. также: [6; 14]). В такой системе представляется естественным, что роль «главного элемента» (имеющего ранг $r = 1$ и определяющего поведение всех остальных) будет играть именно он, первый элемент, на который обычно приходится *львиная доля* всей деятельности, осуществляемой системой.

Зачастую 50 % всей славы, приходящейся на национальную музыку либо живопись какой-то эпохи, достается ее «вершинному лидеру», в роли которого выступали такие гиганты, как Моцарт и Бетховен (см.: [10]), — и лишь оставшуюся половину делят между собой другие авторы.

А отсюда и чрезвычайно *высокая системная роль* указанной *верхушки* распределения, равно как и кажущееся «полное своеволие» узкой группы лидеров, способных «свободно детерминировать» направление будущего развития целой творческой области. В самом деле, всегда имеется небольшая группа *гениев* (либо просто очень влиятельных персонажей), чьи творческие *парамет-*

ры резко отличаются от современных им «рядовых талантов» (см. подробнее: [12]). Творчество гениев представляется абсолютно *непредсказуемым* (хотя в реальности им тоже руководят свои законы, см., например, [11]).

В применении к *парадигмальной* проблематике данный феномен должен заключаться, прежде всего, в доминирующей роли какой-то «*главной парадигмы*», от каковой все остальные, «*боковые*» (частные, побочные), парадигмы получают своего рода «общие поведенческие инструкции». В такой «раскладке» главная, *центральная, парадигма* обеспечивает принципиальную правильность (либо, наоборот, неправильность) «общего хода» всех рассуждений, тогда как некие частные парадигмы дают решения для множества конкретных моделей — ситуаций, складывающихся в каждой области.

И действительно, имеется большое число науковедческих (включая наукометрические) исследований, подтверждающих существование подобной *иерархии* как в научной жизни в целом, так и во многих научных областях, в том числе в науках о человеке.

В *эволюции парадигмальных взаимоотношений*, разумеется, главную роль играет именно *центральное учение*, определяющее основные черты поведения всех остальных «частных моделей». Так что «принципиальное парадигмальное неравенство» является коренным, «исконным» свойством научной жизни, ее «*иерархического строения*». И наибольшее внимание исследователей должна привлекать именно центральная парадигма: если она еще не найдена, данную область знания следует считать находящейся в *преднаучном состоянии*. Таким было, например, состояние химии до появления концепции химических элементов.

При нынешнем состоянии всей совокупности наук о человеке и обществе наблюдается нечто вроде *пирамиды*: имеются конкретные знания об огромном *множестве частных фактов* (например, относящихся к сфере творчества), известно *небольшое количество* более или менее достоверных *закономерностей* (скажем, относящихся к психофизике), но практически *нет единой* принятой научным сообществом *целостной концепции ментальной жизни человека*. И хотя многие выдающиеся умы пытались построить такую концепцию, задача эта до сих пор считается нерешенной, как недостижимой кажется линия горизонта, к коей мы стремимся, но достичь не в состоянии. Она *меняет свой облик*, порой кажется близкой, но потом снова отдаляется в бесконечность. Но почему и так ли это на самом деле?

2. Пульсирующий *Zeitgeist*: типичные ментальные проявления

Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.
А. Пушкин. Медный всадник

Переменчивость доминирующей парадигмы наблюдалась уже давно, притом применительно к самым разным *областям*, к широчайшему диапазону *темпоральных масштабов*, равно как и к самым различным *причинам* изменений. Так, получил широкое распространение совершенно справедливый взгляд на столь «всеохватывающий и переломный» момент в ментальной истории человечества, как «*коперниканская революция*» — переход от геоцентрической модели мира (вос-

ходящей к Птолемею) к современной гелиоцентрической модели. Но только недавно стало ясно, что переход этот произошел вовсе не по причине появления каких-то новых, более точных результатов касательно траекторий планет и иных сугубо астрономических измерений, которые теперь оказалось возможным описывать лучше. Нет, совсем наоборот: новая гелиоцентрическая модель одержала победу вовсе не из-за каких-то своих «измерительных достоинств»! На первых порах новая система позволяла описывать небесные траектории гораздо хуже, чем предыдущая прекрасно отлаженная геоцентрическая модель. Тем не менее *в целом* предыдущая система взглядов уже представлялась устаревшей: нужна была некая новая «*центральная модель*», дух коей заключался в том, что человек, равно как и земной шар, на котором он живет, являются вовсе не «центром мироздания», но лишь одним из многих его элементов. И победа новой астрономической системы полностью соответствовала такому *новому мировоззрению*, став его «кирпичиком».

Концепция общекультурной детерминации всех ветвей социально-психологической сферы (восходящая к классическим работам Макса Вебера) переживает в наши дни свое второе рождение благодаря социологическим исследованиям Лоренса Харрисона [7]. Последний даже пытался осуществить надлежащий социокультурный эксперимент в Пермском крае, но, увы, он был отменен.

Своеобразным «антиподом глобализма» (по масштабу парадигмальных перемен) можно считать «*мелкий тремор*» в эволюции *отдельного параметра*, например, такого, как рифма, ее изменчивость, имея в виду массовые процессы развития поэзии (любой национальной школы). Примером может стать исследование, выполненное на материале русской поэзии XVIII—XX вв. (см., например, [3]). В нем удалось зафиксировать так называемые «быстрые колебания» трех основных параметров, характеризующих рифму:

- «богатства», т. е. числа совпадающих фонем, формирующих созвучие;
- «глубины», т. е. расстояния центра созвучия от правого края строки;
- «отклонения от точности», т. е. количества различающихся фонем из состава рифменного созвучия.

Все три параметра обнаружили синхронные колебания (с периодом около 13 лет), развертывающиеся на фоне монотонного долговременного тренда. Предполагаемая причина колебаний — потребность реципиентов поэзии в новизне, в обновлении *поэтической парадигмы*.

Здесь мы следуем «локальным традициям» русской формальной школы. Им же следовал и К. Мартиндейл в своих исследованиях по эволюции поэтического языка [11] (см. также ниже).

Таким образом, и сами *области парадигмальных перемен*, и их *масштабы* и *причины* могут отличаться чрезвычайным разнообразием. Применительно к *гуманитарным парадигмам* изменчивость эта изучалась уже упоминавшимся К. Мартиндейлом [Там же. Р. 359—370], который исследовал проблематику *психологических и лингвистических журналов* за последние почти 100 лет. Так, оказалось, что публикации в журнале *Psychological Review* за 1895—1985 гг. обнаруживают периодическую *пульсацию «примордиального содержания»* (т. е. «первичной» компоненты, отвечающей чувственности мышления) на фоне *долговременного тренда*: эта компонента падает на протяжении бихевиористской эры, а затем растет при переходе к господству когнитивной парадигмы.

Впрочем, еще за несколько лет до Мартиндейла появилась вполне конструктивная модель отечественного мыслителя, выдающегося математика, культуроло-

га и диссидента С. Ю. Маслова [4], в которой были теоретически дедуцированы (на базе соображений вычислительного характера) и эмпирически подтверждены *периодические колебания* в стиле *социально-психологического «климата»* нескольких стран (в течение нескольких столетий). В этом исследовании были получены результаты измерений, выполненных на базе экспертных оценок: эволюции *социально-политической жизни* России и стилевой окраски русской *архитектуры*. Показано, что положительным значениям «индекса асимметрии» отвечает склонность к «анализизму», т. е. доминированию левополушарных процессов, тогда как отрицательные значения индекса соответствуют «синтетизму», т. е. правополушарному доминированию. Демонстрируются *синхронные периодические колебания* — циклы с периодом около 48—50 лет. Аналогичные эволюционные зависимости были получены (на базе более строгих измерительных процедур) для нескольких областей социально-психологической сферы (см., например, [5]).

Лирическое отступление мемуарного характера. Автору вспоминается его давнишний спор с Колином Мартиндейлом¹ в самом начале текущего столетия (длившийся несколько лет): как ни парадоксально, Колин придерживался классической точки зрения русской формальной школы, считавшей главной причиной изменчивости «автоматизацию» используемых приемов, исчерпание их воздействия на реципиентов. Естественно, скорость автоматизации может быть разной у приемов, используемых разными классами объектов (скажем, разными видами искусства и даже жанрами), так что едва ли можно надеяться на какой-либо синхронизм в их эволюции, и Колин такого синхронизма не наблюдал. Автору же этих строк, несмотря на очень дружеские с ним отношения, удалось подобную синхронность наблюдать — и тут он был солидарен с результатами С. Ю. Маслова (в частности, приводившимися выше); он исходил из единства социально-психологической сферы социума, так что определенный синхронизм в стилевых колебаниях объектов разных сфер просто неизбежен. (Надо лишь адекватно подобрать должные индикаторы для измерений.) Жаль, что при жизни Колина мы не успели завершить нашу с ним дискуссию, а ее финал, увы, состоялся позднее, на симпозиуме, посвященном его памяти.

Применительно к парадигмальной изменчивости научной жизни что может означать такая *периодичность* вкуче с *синхронизмом* стилевых колебаний различных ветвей социально-психологической жизни? По-видимому, должна иметь место *периодичность в характере* сменяющих друг друга *лидирующих научных парадигм*, в частности, тех, которые определяют стилевую окраску *гуманитарных исследований*. И действительно, в XX в. наблюдалась смена *четырёх лидеров*, причем характер каждого из них полностью соответствовал «духу эпохи», а крутые перемены происходили с *периодичностью около 50 лет*:

- а) 1910—1920-е гг. ознаменовались появлением русской формальной школы, которая оказала сильнейшее влияние на всю мировую гуманитарную науку;
- б) в 1930—1940-е гг. расцвел западно-европейский экзистенциализм;
- в) на 1950—1960-е гг. пришла пора структурализма;
- г) после 1970-х гг. наступила полоса так называемого «постструктурализма», хотя наименование этого направления явно неудачное, ибо в нем содержится «намеки» на его предшественника, с каковым, однако, у него нет ничего общего.

Совершенно очевидно, что два из названных лидеров (*а*, *в*) олицетворяют «анализизм», т. е. левополушарное доминирование, тогда как два других (*б*, *г*) воплощают «синтетичность», т. е. мышление правополушарное. Чередование

¹ Автор искренне признателен своим безвременно ушедшим из жизни друзьям — крупнейшим психологам современности Г. А. Голицыну и К. Мартиндейлу, без плодотворных бесед с которыми этот текст не мог бы состояться.

этих двух доминирующих стилевых типов обеспечивает благополучное, гармоничное развитие системы гуманитарного знания, равно как и должную его вписываемость в целостную социально-психологическую сферу.

Отдельно можно упомянуть о недавно появившейся эволюционной модели, основу которой составляет «сверхглобальная» гипотеза о межрелигиозных взаимодействиях. В рамках этой модели (правда, пока не прошедшей через квантитативную проверку на конкретном эмпирическом материале) возникновение ислама трактуется как «откатная волна» на траектории духовного развития человечества, идущая вслед за распространением христианства спустя шесть столетий. Видимо, то был «откат» в сторону большей апелляции к «телесному началу», каковым «слишком незаслуженно пренебрегало» христианство. Последующая эволюция религиозной жизни в рамках обеих названных конфессий, видимо, базируется на той же оппозиции «духовность — телесность», хотя, конечно, желательна ее детальная эмпирическая проверка.

Короче говоря, *«парадигматическая жизнь»* может отличаться чрезвычайно *разнообразием динамических процессов*, обусловленных различными причинами. (Так, если вернуться к нашим фундаментальным тенденциям, то окажется: наиболее «крупномасштабные» изменения, например серьезные новации в религиозной сфере, дедуцируются из «тенденции экспансии», тогда как феномены типа «мелкого тремора» вроде рифменных флуктуаций обычно следуют из «тенденции идеализации».) Словом, в нашем «парадигматическом мире» образуется буквально «каша» всевозможных взглядов, порожденных различными факторами, и трудно надеяться отыскать в такой каше *оптимальный путь*.

Казалось бы, тут уместна надежда — аналогия с процессом формирования иерархических структур переработки информации в «хаотическом супе» из нейронных элементов [1; 8]. Однако на нашем «продвинутом» этапе развития информационных структур, когда речь идет о научных парадигмах, просто уже нет такого большого запаса времени, нужного для случайного поиска. (А сейчас у цивилизации просто вовсе нет времени на риск, о чем речь пойдет ниже!) Посему требуется умение «умудряться» искать оптимальные пути! Надо руководствоваться какими-то «внешними» (по отношению к образовавшейся «каше») соображениями.

Стало быть, если поставить в качестве первого (самого предварительного) ориентира исследования *выбор оптимальной парадигмы*, сулящей получение сколь-либо конструктивных результатов, то следует сосредоточиться на ее *возможных очертаниях*. Из множества наличествующих концепций как разглядеть ту, которая способна оказаться *оптимальной*? А можно сформулировать вопрос иначе: как отличить *«текущие модные поветрия»* от надежной, долговременной тенденции, отвечающей *магистральной линии* научного развития?

3. Вызов времени: какие парадигмы выбирать?

Перед тем как приступить к рекомендациям по «перезагрузке» гуманитарной сферы, важно попытаться оценить *общее научное состояние* этой сферы. Вкратце его можно обозначить как *«аховое»* (если не пользоваться более сильными терминами, относящимися к экспрессивной лексике).

Во-первых, как уже отмечалось (применительно к психологии), в *теоретическом плане* большинство наук о человеке представляют собой *«хаотическую смесь»* разрозненных эмпирических наблюдений и отдельных, почти столь же разрозненных, в том числе серьезных, их обобщений. Это отнюдь *не стройная система*, возведенная путем логической дедукции и соответствующая вышеуказанным рекомендациям по централизации! А во-вторых, даже применительно к анализу *ны-*

нешней конкретной эмпирической реальности мы видим целую серию катастрофических провалов: ошибочные электоральные прогнозы, непредсказуемое поведение больших групп населения во многих странах, парадоксальные поведенческие акты лидеров культуры, легкую управляемость (манипулируемость) целых социальных групп, etc. Словом, единую модель гуманитарной сферы, включающую ее ядро — ментальные процессы, еще только предстоит построить! И именно в этом заключается ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ: без такой модели мы обречены на бесплодное блуждание в мире частностей и среди колоссальных опасностей кровавых (и притом абсолютно необъяснимых и бесполезных!) конфликтов, социальных и международных, вплоть до уничтожения всего живого в предвидимой новой мировой термоядерной войне!

Завершая краткое описание проблемности текущего состояния сферы гуманитарных исследований, хотя как раз именно с последней, конфликтной, тематики нам следовало бы начать анализ, необходимо выстроить проблемы в ИЕРАРХИЮ ПО СТЕПЕНИ ВАЖНОСТИ! Ведь большинство нынешних конфликтов, равно как и будущих, имеют своей причиной отнюдь не ресурсную мотивацию (как то было в минувшие эпохи), но сугубо ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ.

И лишь «широковещательное прикрытие» у них ресурсное, а суть-то, как правило, в чисто «архетипически-амбициозных» потребностях небольшой социальной верхушки либо (что гораздо хуже) в агрессивных установках широких слоев населения.

А проблематику эту следует анализировать, поднявшись на надлежащий уровень социально-психологического анализа — желательного глобального масштаба (как и большинство современных процессов, см. попытку построения модели гармоничных отношений в монополярном мире (V. M. Petrov): [14]).

Итак, нас может ждать весьма печальная перспектива — при отсутствии единой системной иерархически организованной модели гуманитарного знания!

А впрочем, всем ли нужна эта модель? К сожалению, огромное большинство гуманитариев вовсе не испытывают в ней нужды: они и без того прекрасно занимаются своими конкретными исследованиями, при этом возникает реальная ситуация, при которой отрицательно сказывается как отсутствие соответствующей общей теоретической базы (иерархически организованной модели гуманитарного знания), так и бесплодное теоретизирование, не дающее немедленных практических результатов! Но как предвидеть эти результаты? И только ли в них дело? Ведь не на любом фундаменте можно построить чаемый «единый храм гуманитарного знания»! Мы имеем в виду реализацию давнишнего проекта Леонарда Эйлера, который еще три столетия назад считал венцом познания логико-дедуктивную модель, опирающуюся на некий (единственный!) принцип оптимальности. Кстати, именно такая конструкция — применительно к системе ментального мира человека — была недавно реализована на базе «принципа максимума информации» [13]. По-видимому, возможны и иные версии, в рамках иных парадигм. Но как их распознать в безбрежном море концепций?

Ведь ежедневно во всем мире выходят в свет тысячи научных книг (не считая статей), проблематика коих близка к интересующей нас, но даже кратко ознакомиться с ними просто нет физической возможности.

Какие парадигмы тут способны оказаться перспективными?

Ответ очевиден, хотя может показаться парадоксальным для неподготовленного читателя (мало знакомого с системно-информационным подходом):

следует ориентироваться на *парадигмы максимально общего характера*, весьма удаленные от конкретного «рабочего материала» большинства научных гуманитарных областей, подлежащих моделированию. Только тогда есть надежда прибегнуть к помощи вышеописанного феномена централизации — связать друг с другом разных «абонентов» через некую надстроенную над ними всеми «обобщающую» («центральную») парадигму и реализовать проект Эйлера.

Последнее лирическое отступление исповедального характера. Ну вот, снова мне придется пятиться, наступая «на горло собственной песне». Вы думаете, это так легко — отказаться, в зрелом-то возрасте, от привычной, уютной атмосферы конкретного гуманитарного знания, скажем, в области поэтики (ведь у меня раньше было много статистических наработок по эволюции рифмы в русском стихосложении) либо в области психологии счастья (мне когда-то удалось разработать методику невербального измерения «степени неполноценности» мироощущения человека на основе масштабов его визуальных иллюзий)? То был в целом весьма комфортный мир конкретики, чувственной реальности, которую можно почти «пощупать пальцами!» А тут вместо теплого и привычного уютя предлагается перейти к каким-то голым, холодным абстракциям типа этой проклятой энтропии! Да и к тому же все подобные «абстрактные инновации» мало кому понятны, так что и поделиться-то, посудачить мало с кем возможно! Но, увы, другого выхода нет, ибо это просто необходимо: перейти к новому миру категорий, более абстрактных, но зато и более конструктивных! Такова неминуемая «плата за прогресс» — в одной из ее форм. Впрочем, как показывает опыт,обретенный «новый мир» постепенно «обихаживается» и со временем тоже становится уютным!

Однако и в этом «мире новых парадигм» (ядро которых составляют весьма абстрактные материи) тоже вовсе не просто ориентироваться, ведь и здесь может сосуществовать большое количество «абстрактных» теоретических построений, которые могут претендовать на внимание исследователя.

Скажем, даже в такой довольно узкой области психологии, как «рефлексия в креативных процессах», автору были лично знакомы по крайней мере несколько крупных отечественных исследователей (Я. А. Пономарев, В. А. Лефевр, Г. А. Голицын, Л. Я. Дорфман, Н. Г. Алексеев, И. Н. Семенов и др.), каждый со своим подходом, способным привести ко вполне конструктивным моделям.

Как ориентироваться в этом своеобразном «парадигмальном мире», пусть и не огромном, но все же внушительном?

Ситуация эта наводит на мысль об аналогичной задаче, часто возникающей в системе противовоздушной обороны (ПВО). Дело в том, что многие современные ракеты способны нести — каждая! — не один, а несколько объектов, и можно допустить, что только единственный из них представляет реальный интерес для ПВО (неся смертоносный заряд), а все остальные мишени — ложные «имитаторы», внешне неотличимые от истинной мишени. Тогда возникает вопрос: какую из мишеней надо поразить? И данную задачу можно усложнить, если сделать так, чтобы каждая потенциальная мишень стала источником новых потенциальных мишеней.

В задаче-анalogии предполагалось наличие у нападающей стороны некоего «злокозненного замысла», с коим борется ПВО стороны защищающейся. Возвращаясь от аналогии к нашей парадигмальной ситуации, тут мы не видим даже особой надобности в чьих-либо «злых кознях», ведь «имитирующие мишени» (т. е. ненужные, бесперспективные парадигмы) вполне могут *зародиться спонтанно* — в результате хаотичной, независимой деятельности многочисленных энтузиастов.

Впрочем, в «особом варианте» можно также предположить и наличие «злой воли», если имеются сведения о каких-то серьезных социальных силах (либо институтах), заинтересованных в создании препятствий для конструктивного развития социально-гуманитарного моделирования.

Так или иначе, надо решать задачу *ориентировки* в обширном *парадигматическом мире* (море), по-видимому руководствуясь какими-то общеметодоло-

гическими критериями (типа сформулированных выше). Задачу эту осложняет развившийся недавно феномен *мимикрии*: вследствие повсеместно *прокламируемой междисциплинарности* очень часто имеет место *умелая симуляция* таковой (например, с использованием терминов синергетики). Поэтому на практике зачастую приходится пользоваться неформальными, «косвенными критериями» касательно отбора перспективных парадигм (вплоть до учета биографии автора парадигмы, его социальной позиции, архетипа, наружности и т. п.). Подобного рода неформальные поиски продолжаются. Но один из *оптимальных вариантов* — к услугам читателя (т. е. исследователя); это — использованный нами (в том числе в данной работе) *системно-информационный подход*.

***

Назревший переход гуманитарного знания к новой парадигме (либо к новому набору парадигм) — это не просто вызов времени. Это скорее ДОЛГ СОВЕСТИ нашего нынешнего интеллекта перед породившим его эволюционным процессом, который на данном этапе оказался в «трудной жизненной ситуации» и **ОЧЕНЬ НУЖДАЕТСЯ** в нашей помощи. (Сейчас без нашей серьезной, сильной и осознанной отрефлексированной поддержки гуманитарная сфера современного общества может просесть.) Мы не должны оказаться предателями того **БЛАГОРОДНОГО ПРОЦЕССА ВОЗВЫШЕНИЯ**, плодами коего мы в настоящее время успешно пользуемся, — процесса, который назрел, который происходит и который требует новых усилий.

The need to periodically renovate the leading paradigm in human sciences, was theoretically deduced in the framework of the systemic-informational approach, and observed empirically (on the material of human sciences of the 20th century). The forthcoming paradigm should deal with rather abstract categories (e. g., like entropy) remote from concrete empirical reality. Due to future innovation, it would be capable of escaping catastrophic failures both in social and cultural spheres, as well as in the field of international relations.

Keywords: society, scientific life, humanities, system, paradigm, information, entropy, optimality, centralization, cultural politics, world war.

Литература

1. *Голицын, Г. А.* Гармония и алгебра живого : (В поисках биологических принципов оптимальности) / Г. А. Голицын, В. М. Петров. — М. : Знание, 1990.
Golicyn, G. A. Garmoniya i algebra zhivogo : (V poiskax biologicheskikh principov optimal'nosti) / G. A. Golicyn, V. M. Petrov. — M. : Znanie, 1990.
2. *Голицын, Г. А.* Социальная и культурная динамика: долговременные тенденции (информационный подход) / Г. А. Голицын, В. М. Петров. — М. : КомКнига, 2005.
Golicyn, G. A. Social'naya i kul'turnaya dinamika: dolgovremennyye tendencii (informacionny'j podhod) / G. A. Golicyn, V. M. Petrov. — M. : KomKniga, 2005.
3. *Копчик, В. А.* Этюды по теории искусства : Диалог естественных и гуманитарных наук / В. А. Копчик, В. П. Рыжов, В. М. Петров. — М. : ОГИ, 2004.
Kopcik, V. A. E'tyudy' po teorii iskusstva : Dialog estestvenny'x i gumanitarny'x nauk / V. A. Kopcik, V. P. Ry'zhov, V. M. Petrov. — M. : OGI, 2004.
4. *Маслов, С. Ю.* Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия / С. Ю. Маслов // Семиотика и информатика. — М., 1983. — Вып. 20. — С. 3—34.
Maslov, S. Yu. Asimmetriya poznavatel'ny'x mexanizmov i ee sledstviya / S. Yu. Maslov // Semiotika i informatika. — M., 1983. — Vy'p. 20. — S. 3—34.
5. *Петров, В. М.* Социальная и культурная динамика: быстротекущие процессы (информационный подход) / В. М. Петров. — СПб. : Алетейя, 2008.
Petrov, V. M. Social'naya i kul'turnaya dinamika: by'strotekushhie processy' (informacionny'j podhod) / V. M. Petrov. — SPb. : Aletejya, 2008.

6. *Петров, В. М.* Математика социального неравенства : Гиперболические распределения в изучении социокультурных процессов / В. М. Петров, А. И. Яблонский. — М. : Либроком, 2013.
- Petrov, V. M.* Matematika social'nogo neravenstva : Giperbolicheskie raspredeleniya v izuchenii sociokul'turny'x processov / V. M. Petrov, A. I. Yablonskij. — М. : Librokom, 2013.
7. *Харрисон, Л.* Кто процветает? : Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике / Л. Харрисон. — М. : Новое изд-во, 2008.
- Harrison, L.* Kto процветает? : Kak kul'turny'e cennosti sposobstvuyut uspehu v e'konomike i politike / L. Xarrison. — М. : Novoe izd-vo, 2008.
8. *Golitsyn, G. A.* Information and creation : Integrating the 'two cultures' / G. A. Golitsyn, V. M. Petrov. — Basel ; Boston ; Berlin : Birkhauser Verlag, 1995.
9. *Golitsyn, G. A.* The principle of the information maximum, Zipf's law, and measurement of individual cultural development / G. A. Golitsyn, V. M. Petrov // Emotion, creativity, and art : in 2 vol. / ed. by L. Dorfman [et al.]. — Perm : Perm State Institute of Arts and Culture, 1997. — Vol. 1. — P. 179—221.
10. *Kulichkin, P. A.* Evolutionary genius and the intensity of artistic life : Who makes musical history? / P. Kulichkin // Aesthetics and innovation / ed. by L. Dorfman, C. Martindale, V. Petrov. — Newcastle, 2007. — P. 363—396.
11. *Martindale, C.* The clockwork muse : The predictability of artistic change / C. Martindale. — N. Y. : Basic Books, 1990.
12. *Petrov, V. M.* Genius : A son of his time or a *Rara avis*? / V. M. Petrov, P. J. Locher // Empirical Studies of the Arts. — 2011. — Vol. 29, № 1. — P. 111—128.
13. *Petrov, V. M.* Modeling worlds of life, culture, and art : Primary 'bricks' to be used in deductive construing the Mental Universe / V. M. Petrov // Rivista di Psicologia dell'Arte. — 2017. — Vol. 28. — P. 7—42.
14. *Petrov, V. M.* Statistical distribution and distribution of power : In search for harmony in international relations / V. M. Petrov // Model Assisted Statistics and Applications. — 2018. — Vol. 13, № 3. — P. 271—278.
15. *Weizsaeker, E. von.* Come on! Capitalism, short-termism, population and the destruction of the planet / E. Weizsaeker, A. Vijkman. — Springer, 2018.

Внутренний мир человека

А. С. Мельничук, О. Ю. Никифорова

Переживание одиночества в контексте базисных убеждений

Одиночество рассматривается как проявление неудовлетворенности человека своими межличностными отношениями. В качестве значимого фактора возникновения и развития одиночества рассматриваются убеждения личности, в том числе обобщенные представления о мире и себе, отражаемые базисными убеждениями (по Р. Янофф-Бульман). На основе опроса 161 студента выявлено, что позитивность базисных убеждений обратно коррелирует с общим переживанием одиночества и аспектами восприятия себя как одинокого человека. Обсуждается обратная связь выраженности связанных с одиночеством негативных эмоций с убеждениями в удаче, контроле и позитивности своего «Я», а также прямая связь отрицательного отношения к одиночеству с убеждением в справедливости мира. Выявлено, что восприятие уединения как ресурса и источника позитивных переживаний прямо коррелирует с базисными убеждениями в удаче, контроле и позитивности своего «Я» и обратно — с убеждением в доброжелательности мира. Также показано влияние ряда базисных убеждений и аспектов переживания одиночества друг на друга.

Ключевые слова: одиночество, базисные убеждения, студенты.

Одиночество сегодня является объектом весьма интенсивного изучения в различных отраслях человекознания, а количество посвященных данному феномену публикаций представляется уже сопоставимым с числом работ по проблемам общения. При этом следует отметить парадоксальную ситуацию. Хотя исследователи сходятся в том, что понятие «одиночество» отражает определенную проблемность в системе социальных связей человека, его общепринятое определение отсутствует. Данным термином могут обозначаться столь различные виды «отделенности» человека от других людей, что некоторые авторы даже видят решение проблемы в отказе от того, чтобы дать рассматриваемому термину однозначно четкое определение [5].

Такое положение во многом обусловлено тем, что одиночество имеет *объективно-субъективную природу*. В силу этого «следует, как минимум, различать употребление термина “одиночество” в социальном... и психологическом смысле» [17. С. 22—23]. Явным признаком и источником одиночества считается внешне наблюдаемое отсутствие или ограниченность контактов человека (принципиальная невозможность общаться с другими людьми, вынужденная опосредованность контактов или же невозможность вступать в общение и определять его круг по своему желанию). Однако в психологическом аспекте одиночество «не отражает размер чьей-либо сети социальных отношений или количество связанных с ними людей» [22. Р. 814].

Поэтому ключевым фактором определения ситуации как «одиночества» выступает специфика ее восприятия. Именно на этом положении основан когнитивный подход к данному феномену. Он «акцентирует роль познания как фактора, опосредующего связь между недостатком социальности и чувством одиночества» [16. С. 160]. Поэтому собственно одиночество (в отличие от изоляции и уединения) следует рассматривать как проявление неудовлетворенности человека межличностными отношениями, в которые он включен. Так, по мнению американских авторов, «одиночество трактуется как сложный набор чувств, вытекающих из воспринимаемого личностного недостатка удовлетворяющих его социальных и близких отношений» [24. Р. 1087]. В свете этого положения можно говорить о двух феноменах. Во-первых, это переживание ситуации «как одиночества» (т. е. придания включенности в систему межличностных отношений определенного личностного смысла). Во-вторых, это переживания «в ситуации одиночества» (т. е. негативные эмоции и состояния, связанные с отмеченной неудовлетворенностью в контактах).

Отмеченная неудовлетворенность человека своими связями может затрагивать различные аспекты взаимодействия, «количественные» (число, длительность и интенсивность контактов) и «качественные» (степень искренности, взаимности, эмоциональности отношений). С учетом потенциального несовпадения оценок по указанным аспектам целесообразно выделить три типа субъективно-проблемных ситуаций, связанных с одиночеством:

- удовлетворен «качеством», но не «количеством» отношений;
- удовлетворен «количеством», но не «качеством» отношений;
- не удовлетворен «качеством» и «количеством» отношений.

Каждый из этих вариантов предполагает свою стратегию преодоления ситуации одиночества. В первом случае речь идет об активности, ориентированной на расширение круга общения и увеличение интенсивности контактов. Вторая ситуация способна разрешиться через взаимодополняющие друг друга стратегии. Прежде всего, человек может предпринять попытку «углубить» имеющиеся отношения (например, придав им больше доверительности). Если же качественное улучшение существующих отношений представляется маловероятным или субъективно «нерентабельным», то возможна ориентация на увеличение числа контактов с надеждой на то, что какие-либо из них смогут обеспечить желаемый уровень «качества». Третья ситуация, по сути, интегрирует две упомянутые.

Реализация указанных стратегий может быть сопряжена с рядом трудностей. Часть из них будет носить объективный характер (например, круг доступного об-

щения по не зависящим от человека причинам является весьма узким и изменить его крайне сложно). Другие трудности в большей степени обусловлены психологическими факторами. В современных психологических исследованиях (С. В. Бакалдин, С. Л. Вербицкая, О. Б. Долгинова, Е. Н. Заворотных, С. Г. Корчагина, Е. А. Манакова, И. М. Слободчиков, Г. Р. Шагивалеева и др.) значительное место уделяется изучению влияния личностных особенностей на вероятность возникновения и специфику переживания одиночества. Ряд таких особенностей (интровертированность, тревожность, сниженная самооценка, ригидность, недоверчивость) затрудняют установление и расширение контактов, в то время как другие черты (недостаток эмпатии, повышенные импульсивность и конфликтность) препятствуют продуктивному развитию и углублению отношений.

При этом роли собственно когнитивных факторов формирования и преодоления одиночества уделяется намного меньше внимания (что достаточно парадоксально в контексте влиятельности соответствующего подхода). Это в полной мере относится и к феномену убеждений личности. Обращение к ним значимо в силу нескольких причин.

Во-первых, одной из причин одиночества (выявленных, например, на студенческой выборке (см.: [8. С. 152])) является *непонимание человека окружающими*, а источником такого непонимания может выступать именно «непохожесть» его мировоззрения. Как справедливо отмечает О. В. Каштанова, «одиноким в обществе становится человек, чьи взгляды и поведение идут вразрез с общепринятыми убеждениями» [7. С. 70]. При этом осознанный выбор одиночества может быть обусловлен стремлением сохранить неизменным привычный образ мира (что, в частности, было выявлено при изучении одиночества пожилых людей) (см.: [20. С. 47]).

Во-вторых, значимые в контексте возникновения и развития одиночества личностные особенности тесно связаны с *убеждениями личности*. Так, типичный для человека уровень коммуникативной активности может быть обусловлен устойчивыми представлениями о том, как «следует» или «не следует» вести себя в процессе знакомства и общения, что следует ожидать от других людей, и т. д.

В-третьих, согласно ситуационному подходу поведение человека и его эмоциональные реакции определяются не столько объективными обстоятельствами его жизни (например, возможностью осуществлять контакты и действиями партнеров), сколько их *субъективной интерпретацией*. Основой последней часто являются те или иные устойчивые взгляды (например, какое общение является «нормальным», можно ли доверять окружающим и т. д.).

При рассмотрении одиночества речь может идти об убеждениях, отличающихся как по содержанию, так и по степени общности. Авторами статьи ранее были представлены результаты анализа иррациональных убеждений о межличностных отношениях как фактора возникновения и переживания одиночества [9; 10]. Однако не менее важна роль более «глобальных» представлений человека. Например, в зарубежных исследованиях изучалась связь одиночества и такого аспекта мировоззрения личности, как религиозная вера (во многом определяющая взгляд на людей и обстоятельства) [23].

Исходя из сказанного в контексте рассмотрения проблемы одиночества представляется значимым обратиться к *феномену картины мира*. С одной стороны, «вос-

приятие, интерпретация и оценка индивидом ситуации определяется целостной системой его представлений об окружающем мире» [2. С. 128]. С другой стороны, обобщенная репрезентация реальности создает основу для прогнозирования развития различных коммуникативных ситуаций, задает ориентировку в них и выбор вариантов поведения субъективно-адекватных поставленным задачам и условиям.

В современных исследованиях представлены различные подходы к выделению видов и компонентов картины мира. Последняя по своей сути является «пристрастной» (интегрирующей познание и эмоции), а ее аспекты и картина мира в целом могут осознаваться человеком в различной степени. Исходя из этого мы обратились к предложенному Р. Янофф-Бульман понятию «базисные убеждения», под которыми понимаются «когнитивно-эмоциональные имплицитные представления индивида, сквозь призму которых воспринимаются события окружающего мира и в соответствии с которыми формируется поведение» [14. С. 3].

Отметим, что выделенные Р. Янофф-Бульман базисные убеждения имеют непосредственное отношение ко многим детерминантам одиночества, например рассмотренным в весьма обстоятельной работе Г. Р. Шагивалеевой [19]. Одиночество часто вызывается страхом негативного отношения со стороны других людей, а также такими установками в межличностных отношениях, как недоверчивость и агрессивность. Эти черты могут быть непосредственно связаны с убежденностью во враждебности мира. Выраженность убеждений в своей удаче, справедливости мира и возможности контролировать события способна влиять на прогнозирование успешности общения в тех или иных ситуациях и готовность проявлять активность в межличностных отношениях. Характерная для одиноких людей сниженная самооценка может быть соотнесена с особенностью убеждений в ценности и значимости своего «Я». Так, при исследовании одиноких студентов было выявлено, что 33,3 % из них в качестве значимой причины такой ситуации указали ощущение своей неинтересности и непривлекательности для окружающих (см.: [8. С. 152]).

Соответственно можно предположить наличие достаточно явных взаимосвязей между спецификой проявления феномена одиночества и характером базисных убеждений. Однако такая связь до сих пор не стала предметом специального рассмотрения, а значимые в ее контексте вопросы лишь эпизодически затрагивались при изучении связи базисных убеждений со страхами студентов [21], застенчивостью [6] и враждебностью [4] (однако без обращения собственно к проблеме одиночества и без использования данного термина).

Исходя из указанной ситуации авторами статьи было проведено исследование, имевшее целью выявление *характера взаимосвязи между спецификой переживания одиночества и базисными убеждениями.*

Для сбора данных использовался «Дифференциальный опросник переживания одиночества» (ДОПО) [13] и «Шкала базисных убеждений» (Р. Янофф-Бульман) [15]. В опросе принял участие 161 студент вузов Москвы (58 мужчин и 103 женщины). Средний возраст респондентов составил 19,7 года (при минимуме в 16 лет и максимуме в 24 года, ст. откл. — 1,6 года). Значимые различия в возрасте между мужчинами и женщинами отсутствуют.

Согласно полученным данным, *переживание одиночества студентами и его параметры оказались обратно связанными со всеми видами базисных убеждений* (табл. 1). Такой результат является достаточно закономерным. Рассмотрим роль каждого из базисных убеждений.

Чем более человек считает мир враждебным, тем субъективно меньшим оказывается число людей, которым он доверяет и с которыми считает возможным вступать в достаточно глубокое взаимодействие. Показательно, что восприятие мира как небезопасного прямо связано со снижением зна-

чимости ценностей «наличие верных друзей» и «чуткость», отражающим «желание отгородиться... от внешнего враждебного мира» [11. С. 95]. При убежденности в недоброжелательности мира возрастает вероятность агрессивного «опережающего» ответа на предполагаемую враждебность, что также препятствует налаживанию отношений. В силу перечисленных тенденций у человека закономерно возрастает ощущение изоляции (отсутствия людей, с которыми возможен контакт в целом) и отчуждения (отсутствия значимых связей с людьми), что ведет к восприятию себя как одинокого человека.

Если же студент уверен в дружелюбном отношении окружающих, он меньше беспокоится об их реакции в отношении себя (о чем говорит, например, обратная связь рассматриваемого убеждения с выраженностью страха студентов оказаться в центре внимания (см.: [21. С. 38]) и прямая — со стремлением к принятию (см.: [6. С. 35])). В свою очередь, уменьшение напряженности способствует коммуникативной активности и делает общение более естественным и конструктивным (что объективно снижает риск одиночества).

Таблица 1

Взаимосвязь базисных убеждений с общим переживанием одиночества и его параметрами

Шкалы методики ДПО	Базисные убеждения				
	Доброжелательность мира	Контроль	Позитивность образа «Я»	Удача	Справедливость мира
ОБЩЕЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА	$r = -0,330$ $p = 0,00002$	$r = -0,402$ $p = 0,000001$	$r = -0,401$ $p = 0,00001$	$r = -0,358$ $p = 0,00001$	$r = -0,210$ $p = 0,008$
Изоляция	$r = -0,232$ $p = 0,003$	$r = -0,437$ $p = 0,0001$	$r = -0,364$ $p = 0,00001$	$r = -0,344$ $p = 0,0001$	$r = -0,248$ $p = 0,002$
Самоощущение одиночества	$r = -0,385$ $p = 0,000001$	$r = -0,317$ $p = 0,00004$	$r = -0,378$ $p = 0,000001$	$r = -0,338$ $p = 0,00001$	—
Отчуждение	$r = -0,257$ $p = 0,001$	$r = -0,336$ $p = 0,00001$	$r = -0,270$ $p = 0,0005$	$r = -0,271$ $p = 0,0005$	$r = -0,177$ $p = 0,025$

Убежденный в *доброжелательности* окружающих человек будет стремиться продолжать общение даже при определенных трудностях во взаимодействии (воспринимаемая их как временные и незначительные). Кроме того, восприятие мира как доброжелательного создает психологическую основу для аналогичного «ответа». В пользу этого говорят данные о прямой корреляции данного убеждения с предпочтением диалогической и альтруистической направленности в общении и обратной — с манипулятивной (см.: [11. С. 94]). Отметим, что именно для продуктивной реализации диалогического и альтруистического общения важной становится упоминавшаяся выше ценность «чуткость».

Снижение убежденности студента в способности *контролировать* происходящие с ним события субъективно снижает шансы успешно справиться с непредвиденными обстоятельствами в межличностных отношениях и повышает тревожность. Так, в выборке первокурсников выраженность убеждения в контроле оказалась обратно связанной с такими страхами, как «быть “белой вороной”», «подвергнуться критике» [21. С. 39]. Такая обеспокоенность может побуждать отказываться от общения или же ограничивать его круг «проверенными» людьми (даже если взаимодействие с ними не в полной мере удовлетворяет человека и создает ощущение одиночества).

Убежденность в своей *ценности* (и принятии на этой основе окружающими) минимизирует сомнения в желательном исходе взаимодействия и создает основу для активности в межличностных отношениях. При этом определенные «сбои» в общении не будут наносить существенного урона самооценке. Все это объективно расширяет сферу контактов, а на этой основе — шанс найти партнеров для более глубоких отношений (что резко снижает риск одиночества).

Верным будет и обратное. Сниженная самооценка и негативное самоотношение с большой вероятностью формируют ожидание негативного отношения других. Стремясь избежать неудачи и насмешек, студент может сокращать круг контактов, что объективно создает предпосылки для чувства изоляции и переживания одиночества, а также ведет к мысли о том, что для окружающих он «чужой». Выявленные нами взаимосвязи хорошо соотносятся с данными о прямой корреляции убеждений студентов в позитивности своего «Я» с уровнем общительности и социальной смелости и обратной — с уровнем тревожности (см.: [11. С. 96]).

Неуверенность в ценности своей личности также создает достаточно выраженную психотравмирующую ситуацию, актуализирующую потребность в «подкреплении» самооценки со стороны окружающих. В этом контексте весьма интересна обратная корреляция убеждения в ценности своего «Я» со значимостью ценностей «наличие верных друзей» и «счастье других» [3. С. 52]. В этом случае речь идет не только о важности наличия близких людей (готовых в силу своей «верности» быть рядом даже с человеком, сомневающимся в собственной привлекательности), но так-

же о более выраженной ориентации на приоритетное удовлетворение интересов окружающих как средство обеспечить нужное качество взаимодействия. Так, по данным С. В. Бакалдина, частота ощущения одиночества прямо связана с «полярными» особенностями человека: некритичным или чрезмерно критичным восприятием себя, а также со склонностью к самоизоляции от окружающих или к «слиянию» с позициями и интересами других (см.: [1. С. 16—17]).

Обратная связь переживания одиночества и убеждения студента в своей удаче (что жизненные ситуации будут в большинстве случаев иметь для него благоприятный исход) может быть объяснена двояко. Во-первых, даже оказавшись в межличностной изоляции, он будет уверен, что это только кратковременная ситуация, которая будет быстро преодолена (что снижает негативные эмоциональные реакции). Во-вторых, убеждение в своей удаче побуждает студента активно вступать в разнообразные контакты, не думая о возможных трудностях или вероятности «провала». В пользу этого говорит прямая связь убеждения в удаче с уровнем общительности и демонстративности студентов (см.: [11. С. 96]). В свете всех рассмотренных выше данных вполне логичными являются данные об обратной связи базисных убеждений российских студентов в контроле, удаче и ценности своего «Я» с уровнем застенчивости и со страхом отвержения (см.: [6. С. 35]).

Выявленную взаимосвязь переживания одиночества с убеждением в *справедливости мира* можно объяснить исходя из «*двунаправленности*» *корреляционной связи*. С одной стороны, попавший в ситуацию одиночества человек может воспринимать такое положение дел «незаслуженным», т. е. считает себя человеком, достойным внимания окружающих. С другой стороны, если человек убежден в несправедливости мира, т. е. что его усилия на установление и поддержание контактов не оправдываются в должной мере, он и не будет проявлять активность в сфере общения (что само по себе создает предпосылки для уменьшения количества контактов и все большего ощущения себя как отделенного от других людей).

В то же время вера в справедливость создает предпосылки для снижения риска одиночества. Во-первых, она обеспечивает субъективную «рентабельность» вложения сил в налаживание контактов с окружающими. Тем самым устраняются отмеченные выше препятствия в реализации коммуникативного потенциала человека. В пользу этого говорит обратная связь убеждения в справедливости с тревожностью и внутренней напряженностью (см.: [11. С. 95]).

Во-вторых, вера в справедливый мир дает субъективные основания для ориентации на достаточно отдаленные во времени цели и продолжение деятельности, несмотря на текущие неудачи, а также связана с более выраженным альтуизмом (см.: [18. С. 101]). Оба этих аспекта весьма важны в контексте одиночества. Так, полноценное вхождение человека в группу или выстраивание достаточно глубоких межличностных отношений могут потребовать достаточно длительного времени. Кроме того, на отечественной студенческой выборке выявлена прямая связь убеждения в справедливости мира с предпочтением диалогической и альтруистической направленности в общении (см.: [11. С. 95]) (которые благоприятствуют расширению и углублению контактов).

Исследование не выявило значимых взаимосвязей между базисными убеждениями и шкалой ДОПО «Потребность в общении», однако можно выделить несколько корреляций с ее субшкалами. Так, весьма любопытной стала прямая взаимосвязь базисного убеждения в справедливости окружающего мира с негативной оценкой одиночества как явления ($r = 0,152$; $p = 0,006$). Эта тенденция может объясняться тем, что человек способен удовлетворить свои значимые потребности только в общении, а убеждение в справедливости дает основу для уверенности в том, что поставленные цели будут успешно достигнуты за счет коммуникативной активности (т. е. пребывание в одиночестве не имеет большого смысла).

Параметр «дисфория одиночества» оказался обратно коррелирующим с убеждениями в удаче ($r = -0,284$; $p = 0,0003$), контроле ($r = -0,229$; $p = 0,003$) и позитивности своего «Я» ($r = -0,183$; $p = 0,020$). Неверие в возможность контролировать события обуславливает субъективную трудность самостоятельного преодоления сложных жизненных ситуаций как таковых (в том числе одиночества). При этом человек со слабо выраженным убеждением в контроле в большей степени нуждается в поддержке и присутствии рядом близких людей, в силу чего ситуация одиночества будет восприниматься им как явно дискомфортная. Все это будет провоцировать усиление негативных эмоций. Противоположную тенденцию презентует корреляция с убеждением в удаче. Уверенность в том, что при любом развитии событий исход будет благоприятным, дает основание не рассматривать недостаток значимых взаимосвязей как критическое событие и соответственно уменьшает связанные с одиночеством переживания.

Выраженный дискомфорт в ситуации одиночества у человека, сомневающегося в ценности своего «Я», может быть связан со спецификой внутреннего диалога, который с высокой вероятностью будет связан с размышлениями по поводу своих недостатков и «самобичеванием». Так, для современного чело-

века «нередко избегание встречи с собственным одиночеством становится... избеганием встречи с самим собой», «им скучно или страшно наедине с собой, поэтому они стремятся избежать ситуаций одиночества» [13. С. 57—58]. При этом уверенный в значимости своей личности человек, наоборот, может испытывать от пребывания в одиночестве удовольствие.

Последняя тенденция была подтверждена прямой связью между положительным отношением к одиночеству как уединению и убеждениями о себе (табл. 2). Прямая связь убеждения в ценности своего «Я» с представлением об уединении как о полезном явлении может быть проинтерпретирована двумя способами. С одной стороны, человек, имеющий позитивный образ «Я», является «самодостаточным» и не испытывает необходимости в подтверждении своей значимости со стороны окружающих его людей. С другой стороны, уединение может использоваться человеком для самопознания и самосовершенствования, что позволяет ему сформировать более адекватное представление о своей ценности и достоинствах.

Таблица 2

Взаимосвязь базисных убеждений с позитивным одиночеством и его параметрами

Шкалы методики ДПО	Базисные убеждения				
	Доброжелательность мира	Контроль	Позитивность образа «Я»	Удача	Справедливость мира
ПОЗИТИВНОЕ ОДИНОЧЕСТВО	r = -0,203 p = 0,010	r = 0,369 p = 0,00001	r = 0,166 p = 0,035	r = 0,176 p = 0,026	—
Радость уединения	r = -0,232 p = 0,003	r = 0,284 p = 0,0003	—	—	—
Ресурс уединения	r = -0,189 p = 0,016	r = 0,329 p = 0,00002	r = 0,211 p = 0,007	r = 0,156 p = 0,048	—

Для эффективного использования уединения необходима уверенность в способности оперативно «переключаться» на внешненаправленную деятельность и реагировать на изменения ситуации. Этим могут объясняться прямые корреляции убеждения в возможности *контролировать* события с отношением к уединению как к ресурсу и способностью получать от него удовольствие.

Студент, убежденный в своей *удачливости*, уверен, что уменьшение количества контактов в любом случае принесет ему некоторую пользу или приведет к желаемому результату (что позволяет трактовать одиночество как значимый ресурс).

Неожиданной стала обратная связь базисного убеждения в доброжелательности мира с позитивным одиночеством и его составляющими. Можно предположить, что уверенность в безопасности мира и в возможности доверять окружающим людям ведет к большему стремлению человека к общению и установлению новых межличностных контактов. Вследствие этого вероятность возникновения ситуации уединения и его значимость для человека снижаются.

Отметим, что анализ взаимосвязей базисных убеждений и переживания одиночества в гендерных группах выявил две тенденции. Во-первых, характер выявленных корреляций совпадает с вышерассмотренными корреляциями по всей выборке по знаку (при наличии единичных связей, отсутствующих в общей выборке), что позволяет их не интерпретировать отдельно. Во-вторых, у студенток число значимых взаимосвязей переживания одиночества с базисными убеждениями гораздо больше, чем у студентов. Выявление причин такой ситуации требует более детального специального исследования на более обширных выборках.

Статистический анализ показал, что на общее переживание одиночества значимо влияют три из пяти базисных убеждений (причем обратно) — в контроле ($b^* = -0,339$), позитивности образа «Я» ($b^* = -0,287$) и доброжелательности мира ($b^* = -0,269$), в сумме объясняя 43,3 % дисперсии. Позитивность оценки одиночества значимо прямо зависит от выраженности убеждений в контроле ($b^* = 0,375$) и обратно — в доброжелательности мира ($b^* = -0,343$). Значимого влияния базисных убеждений на шкалу «Зависимость от общения» и ее параметры выявлено не было.

Также было выявлено наличие трех факторов, в совокупности объясняющих 64,9 % разброса значений переменных. Наиболее «мощный» фактор

(33,2 %) является двухполюсным. Один полюс образован базисными убеждениями в контроле (0,781), удаче (0,717), позитивности образа «Я» (0,698) и шкалой ДОПО «Позитивное одиночество» (0,456), а противоположный — шкалой «Общее переживание одиночества» (−0,780). Представляется, что данный фактор отражает два рассмотренных в статье феномена. С одной стороны, восприятие себя как самоценного и удачливого субъекта создает основу для придания одиночеству позитивного смысла. С другой стороны, такие представления о себе в сочетании с трактовкой одиночества как значимого аспекта жизни препятствуют ощущению себя как в том или ином плане «оторванного» от людей.

Второй фактор (19,1 %) также является биполярным. В него вошли базисное убеждение в доброжелательности мира (0,863) и шкала ДОПО «Позитивное одиночество» (−0,685). Исходя из приведенных выше корреляций можно сказать, что фактор отражает две противоположные поведенческие стратегии — активную «интеграцию» в безопасный социум в противоположность к «уходу» от враждебного мира в более комфортное и продуктивное уединение.

Третий фактор (12,6 %) включил в себя шкалу ДОПО «Зависимость от общения» (0,817) и базисное убеждение в справедливости мира (0,660). Это может отражать восприятие одиночества как «несправедливого» по отношению к человеку явления или же надежду на то, что усилия по установлению контактов и вхождению в группу окажутся адекватно «вознаграждены» возникновением удовлетворяющих человека отношений.

В рамках статьи мы рассматривали преимущественно влияние картины мира на переживание одиночества. Вместе с тем нельзя отрицать и возможность обратного воздействия (особенно при достаточно длительном одиночестве и неудачных попытках изменить ситуацию). На это обращает внимание Ж. В. Пузанова, по мнению которой, одиночество «определяет соответствующее “видение мира”» [17. С. 5]. Е. В. Неумоева в своей диссертации не использует понятие «базисные убеждения». Однако она практически буквально говорит о них, отмечая, что одиночество ведет к обесцениванию человеком своей личности и «снижает оценку способности контролировать события своей жизни» [12. С. 17].

Статистический анализ подтвердил такое обратное влияние. В наибольшей мере параметры переживания одиночества детерминируют убеждение в контроле событий (31 % дисперсии). При этом прямое влияние оказывает восприятие уединения как ресурса ($b^* = 0,171$), а обратное — ощущение изолированности ($b^* = -0,221$). Позитивность представлений о доброжелательности мира значимо зависит от самоощущения одиночества ($b^* = -0,312$), склонности получать от уединения радость ($b^* = -0,239$) и воспринимать уединение как ресурс ($b^* = -0,201$) (в совокупности объясняется 26,6 % дисперсии); 24 % дисперсии показателей убежденности в позитивности образа «Я» определяется одновременным разнонаправленным влиянием самоощущения одиночества ($b^* = -0,355$) и восприятия одиночества как проблемы ($b^* = 0,167$). Обратное воздействие на представление о своей удачливости (18,5 %) оказывают самоощущение одиночества ($b^* = -0,270$) и выраженность связанных с ним негативных переживаний ($b^* = -0,216$). Менее всего (7,4 % дисперсии) специфика переживания одиночества влияет на убеждение в справедливости мира. Такое обратное влияние связано только с ощущением изолированности ($b^* = -0,235$).

Подводя итог сказанному в статье, можно сделать следующие **выводы**. Проведенное исследование подтвердило гипотезу о наличии многочисленных взаимосвязей между уровнем и аспектами переживания одиночества и базисными убеждениями. Прежде всего, речь идет об обратной корреляции выраженности всех видов убеждений с общим ощущением одиночества и остротой его переживаний. При этом значимое влияние оказывают представления о способности контролировать события, доброжелательности мира и ценности своего «Я». Положительное отношение к одиночеству как продуктивному уединению также имеет связи (как положительные, так и отрицательные) с большинством базисных убеждений (кроме убеждения в справедливости мира). При этом убеждение в контролируемости мира прямо детерминирует уровень ценности уединения, в то время как убеждение в доброжелательности мира, наоборот, значимо воздействует на неприятие студентом уединения как позитивного явления и ресурса. Также было эмпирически подтверждено влияние переживания одиночества на представления человека о мире и себе. Все это позволяет рассматривать *специфику картины мира человека как достаточно значимый ресурс профилактики одиночества и снижения его выраженности*.

Выявленные взаимосвязи оказались достаточно хорошо интерпретируемыми и согласующимися с результатами исследований других авторов. Это можно рассматривать как показатель достоверности полученных данных и сделанных выводов. Полученные данные позволяют более многомерно увидеть *детерминанты формирования одиночества*, в том числе те, которые *являются глубинными и при этом латентными*. Их учет важен как при объяснении причин одиночества у конкретного человека, так и при выборе путей его профилактики и преодоления. При этом принимаем во внимание, что рассмотренные в статье тенденции были выявлены на специфической по возрасту и социальному положению выборке (студентов-гуманитариев). Соответственно, необходимыми являются проведение дальнейших исследований по затронутой проблеме и проверка наличия и специфики проявления выявленных взаимосвязей как на иных молодежных выборках, так и на взрослом контингенте.

Loneliness is seen as a manifestation of a person's dissatisfaction with his interpersonal relationships. The beliefs of an individual are considered as a significant factor in the emergence and development of loneliness, including generalized ideas about the world and oneself, represented by basic beliefs (by R. Janoff-Bulman). On the base of a survey of 161 students (it is revealed that the positivity of basic beliefs is inversely correlated with the general experience of loneliness and aspects of perceiving oneself as a lonely person. The inverse interrelation of negative emotions associated with loneliness with beliefs about luck, control and self is discussed, as well as the direct interrelation of negative attitudes towards loneliness with the belief in the just world. It is revealed that the perception of solitude as a resource and source of positive experiences directly correlates with basic beliefs in luck, control and one's «I» and vice versa — with belief in the goodwill of the world. Also the influence of some basic beliefs and aspects of experiencing loneliness at each other is shown.

Keywords: loneliness, basic beliefs, students.

Литература

1. Бакалдин, С. В. Одиночество и его связь с функциями «Я»: автореф. дис. ... канд. психол. наук / С. В. Бакалдин. — Краснодар, 2008. — 25 с.
Bakaldin, S. V. Odnochestvo i ego svyaz' s funkciyami «Ya»: avtoref. dis. ... kand. psixol. nauk / S. V. Bakaldin. — Krasnodar, 2008. — 25 s.
2. Гришина, Н. В. Психология социальных ситуаций / Н. В. Гришина // *Вопр. психологии*. — 1997. — № 1. — С. 121—132.

Grishina, N. V. Psixologiya social'ny'x situacij / N. V. Grishina // Vopr. psixologii. — 1997. — № 1. — S. 121—132.

3. Денисова, Е. Г. Исследование показателей ценностно-смысловой сферы студентов в связи с дисфункциональными убеждениями [Электронный ресурс] / Е. Г. Денисова, С. С. Мирошниченко // Современные исследования социальных проблем. — 2015. — № 1. — С. 48—61. — Режим жоступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pokazateley-tsennostno-smyslovoy-sfery-studentov-v-svyazi-s-disfunktsionalnymi-ubezhdeniyami>

Denisova, E. G. Issledovanie pokazatelej cennostno-smys'lovoj sfery` studentov v svyazi s disfunkcional'ny`mi ubezhdeniyami [E'lektronny`j resurs] / E. G. Denisova, S. S. Miroshnichenko // Sovremenny`e issledovaniya social'ny`x problem. — 2015. — № 1. — S. 48—61. — Rezhim zhostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pokazateley-tsennostno-smyslovoy-sfery-studentov-v-svyazi-s-disfunktsionalnymi-ubezhdeniyami>

4. Ениколопов, С. Н. Предубежденность в контексте свойств личности / С. Н. Ениколопов, Н. В. Мешков // Психол. журн. — 2010. — Т. 31, № 4. — С. 35—46.

Enikolopov, S. N. Predubezhdennost' v kontekste svojstv lichnosti / S. N. Enikolopov, N. V. Meshkov // Psixol. zhurn. — 2010. — Т. 31, № 4. — S. 35—46.

5. Интчама, Л. В. Одиночество как социальная проблема / Л. В. Интчама // Вестн. Костром. гос. ун-та. — 2013. — Т. 19, № 6. — С. 141—144.

Intchama, L. V. Oдиночество как social'naya problema / L. V. Intchama // Vestn. Kostrom. gos. un-ta. — 2013. — Т. 19, № 6. — S. 141—144.

6. Каменева, Г. Н. Культура и гендер как модераторы застенчивости / Г. Н. Каменева, М. Радоев // Психология образования в поликультурном пространстве. — 2017. — № 2. — С. 29—38.

Kameneva, G. N. Kul'tura i gender kak moderatory` zastenchivosti / G. N. Kameneva, M. Radoev // Psixologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve. — 2017. — № 2. — S. 29—38.

7. Каштанова, О. В. Терминологический анализ слова «одиночество» / О. В. Каштанова // Вестн. Томск. гос. ун-та. — 2014. — № 389. — С. 68—72.

Kashanova, O. V. Terminologicheskij analiz slova «odиночество» / O. V. Kashtanova // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. — 2014. — № 389. — S. 68—72.

8. Любякин, А. А. Исследование одиночества у студентов / А. А. Любякин, Л. В. Оконежникова // Пед. образование в России. — 2016. — № 2. — С. 149—156.

Lyubyakin, A. A. Issledovanie odиночества u studentov / A. A. Lyubyakin, L. V. Okonechnikova // Ped. obrazovanie v Rossii. — 2016. — № 2. — S. 149—156.

9. Мельничук, А. С. Взаимосвязь переживания одиночества и иррациональных убеждений о межличностных отношениях у студентов / А. С. Мельничук, С. Н. Козловская, О. Ю. Никифорова // Акмеология. — 2018. — № 4. — С. 13—18.

Mel'nichuk, A. S. Vzaimosvyaz' perezhivaniya odиночества i irracional'ny`x ubezhdenij o mezhlichnostny`x otnosheniyax u studentov / A. S. Mel'nichuk, S. N. Kozlovskaya, O. Yu. Nikiforova // Akmeologiya. — 2018. — № 4. — S. 13—18.

10. Мельничук, А. С. Иррациональные убеждения о межличностных отношениях как фактор одиночества у студентов / А. С. Мельничук // Акмеология. — 2018. — № 3. — С. 34—38.

Mel'nichuk, A. S. Irracional'ny`e ubezhdeniya o mezhlichnostny`x otnosheniyax kak faktor odиночества u studentov / A. S. Mel'nichuk // Akmeologiya. — 2018. — № 3. — S. 34—38.

11. Мирошниченко, С. С. Исследование характерологических коррелятов дисфункциональных убеждений учащихся вузов / С. С. Мирошниченко // Учен. зап. Ун-та им. П. Ф. Лесгафта. — 2014. — № 4. — С. 93—97.

Miroshnichenko, S. S. Issledovanie karakterologicheskix korrelyatov disfunkcional'ny`x ubezhdenij uchashixsya vuzov / S. S. Miroshnichenko // Uchen. zap. Un-ta im. P. F. Lesgaf. — 2014. — № 4. — S. 93—97.

12. Неумоева, Е. В. Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е. В. Неумоева. — Тюмень, 2005. — 23 с.

Neumoeva, E. V. Oдиночество как psixicheskij fenomen i resurs razvitiya lichnosti v yunosheskom vozraste : avtoref. dis. ... kand. psixol. nauk / E. V. Neumoeva. — Tyumen', 2005. — 23 s.

13. Осин, Е. Н. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства / Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев // Психология : журн. Высш. шк. экономики. — 2013. — Т. 10, № 1. — С. 55—81.

Osin, E. N. Differencial'ny`j oprosnik perezhivaniya odиночества: struktura i svojstva / E. N. Osin, D. A. Leont'ev // Psixologiya : zhurn. Vy'ssh. shk. e'konomiki. — 2013. — Т. 10, № 1. — S. 55—81.

14. Падун, М. А. Особенности базисных убеждений у лиц, переживших травматический стресс : автореф. дис. ... канд. психол. наук / М. А. Падун. — М., 2003. — 25 с.

Padun, M. A. Osobennosti bazisny`x ubezhdenij u licz, perezhivshix travmaticheskij stress : avtoref. dis. ... kand. psixol. nauk / M. A. Padun. — M., 2003. — 25 s.

15. Падун, М. А. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман / М. А. Падун, А. В. Котельникова // Психол. журн. — 2008. — Т. 29, № 4. — С. 98—106.

Padun, M. A. Modifikaciya metodiki issledovaniya bazisny'x ubezhdenij lichnosti R. Yanoff-Bul'man / M. A. Padun, A. V. Kotel'nikova // Psicol. zhurn. — 2008. — T. 29, № 4. — S. 98—106.

16. *Перлман, Д. Теоретические подходы к одиночеству / Д. Перлман, Л. Э. Пепло // Лабиринты одиночества : пер. с англ. ; сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. — М., 1989. — С. 152—168.*

Perlman, D. Teoreticheskie podhody k odinochestvu / D. Perlman, L. E'. Peplo // Labirinty odinochestva : per. s angl. ; sost., obshh. red. i predisl. N. E. Pokrovskogo. — M., 1989. — S. 152—168.

17. *Пузанова, Ж. В. Социологическое измерение одиночества : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Ж. В. Пузанова. — М., 2009. — 41 с.*

Puzanova, Zh. V. Sociologicheskoe izmerenie odinochestva : avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk / Zh. V. Puzanova. — M., 2009. — 41 s.

18. *Улыбина, Е. В. Ловушка справедливости: способы снятия неопределенности в картине мира личности / Е. В. Улыбина // Мир психологии. — 2017. — № 2. — С. 100—108.*

Uly'bina, E. V. Lovushka spravedlivosti: sposoby' snyatiya neopredelennosti v kartine mira lichnosti / E. V. Uly'bina // Mir psixologii. — 2017. — № 2. — S. 100—108.

19. *Шагивалеева, Г. Р. Одиночество и особенности его переживания студентами : монография / Г. Р. Шагивалеева. — Елабуга : Алмедиа, 2007. — 157 с.*

Shagivaleeva, G. R. Odinochestvo i osobennosti ego perezhivaniya studentami : monografiya / G. R. Shagivaleeva. — Elabuga : Almedia, 2007. — 157 s.

20. *Шаповаленко, И. В. Специфика возникновения и переживания одиночества / И. В. Шаповаленко // Учен. зап. Рос. гос. социал. ун-та. — 2009. — № 11. — С. 47—50.*

Shapovalenko, I. V. Specifika vzniknoveniya i perezhivaniya odinochestva / I. V. Shapovalenko // Uchen. zap. Ros. gos. social. un-ta. — 2009. — № 11. — S. 47—50.

21. *Шаповалова, В. С. Роль базисных убеждений в интенсивности проявления студенческих страхов [Электронный ресурс] / В. С. Шаповалова // Научный результат. Серия «Педагогика и психология образования». — 2015. — № 2. — С. 35—41. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-bazisnyh-ubezhdeniy-v-intensivnosti-proyavleniya-studencheskih-strahov>*

Shapovalova, V. S. Rol' bazisny'x ubezhdenij v intensivnosti proyavleniya studencheskix strahov [E'lektronny'j resurs] / V. S. Shapovalova // Nauchny'j rezul'tat. Seriya «Pedagogika i psixologiya obrazovaniya». — 2015. — № 2. — S. 35—41. — Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-bazisnyh-ubezhdeniy-v-intensivnosti-proyavleniya-studencheskix-strahov>

22. *An investigation of loneliness and perfectionism in university Students / C. Arslan [et al.] // Procedia : Social and Behavioral Sciences. — 2010. — № 2. — P. 814—818.*

23. *Baumeister, E. A. L. Correlations of religious beliefs with loneliness for an undergraduate sample / A. L. Baumeister, E. A. Storch // Psychological Reports. — 2004. — Vol. 94. — P. 859—862.*

24. *The Relation Between Trust Beliefs and Loneliness During Early Childhood, Middle Childhood, and Adulthood / K. J. Rotenberg [et al.] // Personality and Social Psychology Bulletin. — 2010. — Vol. 36, № 8. — P. 1086—1100.*

А. А. Реан, Ю. А. Евграфова

Гендерные особенности адаптации к семейной жизни молодых супругов

Статья посвящена проблеме адаптации молодых супругов к семейной жизни. Данная проблематика заслуживает особого внимания в связи с тем, что причиной большого процента разводов молодых людей являются трудности в их адаптации. В статье рассмотрено понятие адаптации к семейной жизни, описаны основные компоненты процесса адаптации, а также представлены результаты исследования показателей адаптации к семейной жизни молодых супругов. В качестве которых рассматриваются параметры взаимодействия в супружеской паре, а именно общение между супругами, реализация супругами семейных ролей, конфликтные сферы семейной жизни, а также уровень нарушений социально-психологической и сексуально-поведенческой адаптации.

Ключевые слова: адаптация к семейной жизни, показатели адаптации, виды адаптации, молодые супруги.

Проблема адаптации в системе разного рода отношений не только актуальная в наши дни, но и достаточно сложная. Многие авторы рассматривают адаптацию как процесс и результат активного приспособления индивида к определенным социальным условиям и совершенствования при изменении данных условий [5; 10; 14; 16].

Так, С. И. Голод определяет адаптацию как «целостную систему активных и направленных действий индивида, способствующих не только поддержанию динамического равновесия в конкретных социальных условиях, но и обеспечивающих возможность эволюции при их изменении» [4. С. 121].

Особый характер и смысл процесс адаптации приобретает в организации семейной жизни, и прежде всего в период ее формирования. Адаптация к семейной жизни, по мнению И. В. Гребенникова, — это «приспособление супругов друг к другу и к той обстановке, в которой находится семья» [5. С. 137].

Адаптация к семейной жизни представляет собой «постепенный процесс приспособления супругов друг к другу и к семейной жизни, результатом которого должно быть формирование устойчивого семейного уклада, распределение ролей, выработка приемлемого стиля общения друг с другом, выработка приемов разрешения и профилактики конфликтов и разногласий, определение взаимоотношений с микроокружением по типу открытой или закрытой группы» [20. С. 337]. Такое определение достаточно полно охватывает содержательный аспект семейной адаптации как целостного многоаспектного процесса.

При этом в исследованиях семейной адаптации активизируются разные ее аспекты. Так, В. А. Сысенко делает акцент на эмоциональном компоненте семейной адаптации. При этом он отмечает, что это «постепенный процесс взаимного приспособления супругов, которое основано прежде всего на положительных привязанностях и положительных чувствах (симпатия, влюбленность, дружба, любовь)» [18. С. 550]. «Брачная адаптация включает: 1) адаптацию к новым семейным ролям и отработку ролевого поведения; 2) адаптацию к потребностям, интересам, ценностям, установкам и образу жизни супруга; 3) адаптацию к индивидуально-типологическим особенностям партнера, его характеру и личностным качествам; 4) адаптацию физиологическую, в том числе и сексуальную; 5) адаптацию к профессиональной деятельности партнера» [7. С. 28].

Адаптация молодых супругов также предусматривает их привыкание к новому статусу, согласование образцов внесемейного поведения, сформировавшихся до брака, а также обязательное включение каждого супруга в круг взаимных родственных связей.

По мнению Л. Б. Шнейдер, адаптация к семье запускается как процесс ознакомления с семейной жизнью, поэтапного погружения в нее. «Этот период является особенно трудным, так как включает не только перестройку общения и деятельности, но и изменения личности молодых супругов, перестройку потребностно-мотивационной сферы, формирования нового уровня самосознания, новых связей с социальным окружением» [21. С. 290].

А. Н. Волкова и Е. И. Трапезникова [3; 19] считают, что до появления детей у молодой супружеской пары чаще возникают трудности, связанные с формированием семейного уклада, с выявлением недостатков в идеализированном образе партнера, а также проявляются конфликты, затрагивающие сферу распределения функций, материальные и экономические сложности, проблемы во взаимоотношениях с родственниками. Это определяет трудности протекания процесса адаптации, т. к. он затрагивает все сферы жизни семьи. Указанные авторы предлагают рассматривать состояние адаптированности супругов к семейной жизни как результат построения взаимоотношений в континууме «благоприятный — неблаго-

приятный». По их мнению, оптимальный уровень адаптированности возникает при условии стабильности эмоциональных отношений, стойкого удовлетворения потребностей супругов во всех сферах супружеского взаимодействия, создания возможностей для благополучия и личностного развития.

Таким образом, в познании и определении адаптации авторы выделяют несколько процессов, а именно личностные изменения супругов (предполагающие подстройку личностных особенностей, потребностей, ценностей, установок супругов), изменение функциональной реализации и сферы общения в новых условиях (освоение новых ролей и обязанностей, изменение способов взаимодействия друг с другом, а также с родственниками и друзьями) [1; 2; 4; 5].

Адаптация молодых супругов включает также согласование их представлений о семейной жизни. Так, Е. С. Калмыкова [6] отмечает, что для успешного осуществления взаимной адаптации молодых супругов необходима совместимость их представлений по трем параметрам: структуре семьи (способу обеспечения единства ее членов), распределению ролей, семейным ценностям.

С. В. Ковалев видит психологическую сущность взаимной адаптации «во взаимоулучшении супругов и во взаимном согласовании мыслей, чувств и поведения» [9. С. 181]. По его мнению, можно выделить несколько видов адаптации. Во-первых, материально-бытовую адаптацию, которая предполагает формирование модели планирования и распределения семейного бюджета, удовлетворяющей обоих супругов, а также выработку согласованности прав и обязанностей супругов в выполнении домашних дел. А во-вторых, нравственно-психологическую адаптацию, включающую согласование интересов, идеалов, мировоззрений, установок и ценностных ориентаций, а также личностных особенностей супругов.

Л. Б. Шнейдер [20] и другие авторы выделяют такие виды адаптации, как ролевая, межличностная. При этом «ролевая адаптация — это согласование и изменение представлений в зависимости от взаимных ролевых ожиданий» [Там же. С. 333]. Именно распределение ролей в семье, согласованность ожиданий являются значимыми для успешной адаптации и стабильности супружеских отношений.

При этом ролевые ожидания супругов глубоко индивидуальны, они формируются в опыте каждого конкретного человека, поэтому они часто отличны по своей сути [23]. Супруги нередко ожидают разного от семейной жизни, и их представления часто не совпадают. Подобные расхождения снижают стабильность супружеских отношений [22]. Следовательно, каждый супруг при реализации ролевого поведения может считать его единственно верным. Любые другие варианты, напротив, неверными.

В настоящее время, по замечанию И. С. Клециной, «изменения в семейно-брачных отношениях свидетельствуют об отходе от той традиционной семьи, которая многие десятилетия являлась нормативной или эталонной для большинства мужчин и женщин» [8. С. 114]. «Новые тенденции в сфере семейно-брачных отношений характеризуют превращение брака в свободное партнерство, основу которого составляют равноправные отношения представителей разного пола» [Там же. С. 115]. Большинство молодых людей в своих представлениях о семейной жизни тяготеют именно к партнерству, но в реальной действительности оказывается, что равноправие предполагает высокую

ответственность супругов и взаимозаменяемость семейных ролей [8]. Однако в большинстве случаев молодые супруги оказываются неготовыми к этому.

По мнению В. П. Левкович и О. Э. Зуськовой [11], в молодых супружеских парах для супругов характерны завышенные ожидания, сложившиеся еще в добрачный период. При этом их несовпадение с реальной действительностью может привести к возникновению конфликтов. Именно согласование ожиданий и семейных представлений, ликвидация возможного их конфликта и происходят в процессе ролевой адаптации (см.: [17. С. 142]).

Функционально-ролевые конфликты чаще всего проявляются в трех сферах семейной жизни. Первая из них — проведение досуга: не совпадают представления супругов о том, как, где, с кем и сколько времени следует его проводить. Вторая — хозяйственно-экономические взаимоотношения. Третья сфера возможной несовместимости ролевых ожиданий касается интимных отношений. У каждого человека имеется сексуальный сценарий — представление о сексуальной направленности, типе сексуального объекта, сексуальном поведении и т. д. Серьезные расхождения этих сексуальных сценариев у супругов порождают дисгармоничность в интимных отношениях.

Значительное воздействие на ролевое поведение супругов, как полагает А. Г. Лидерс [12], оказывает фактор влияния родительской семьи. Влияние родительских семей, оказываемое на процесс принятия и исполнения ролей молодыми супругами, можно дифференцировать:

- на повторение (воспроизведение) в новой семье характера распределения семейных ролей и реализацию ролей, отработанных в родительской семье;
- непринятие существующего уклада в родительской семье.

О значительном усложнении адаптационного процесса, обусловленном опытом, полученным в родительской семье каждым супругом, пишет В. П. Меньшутин [13]. Таким образом, молодые супруги пытаются согласовать две модели взаимоотношений: модель, перенесенную мужем из родительской семьи, и модель, перенесенную женой из своей родительской семьи.

Ролевая адаптация взаимосвязана с межличностной адаптацией, т. е. в зависимости от того, каким образом будут реализовываться семейные роли и насколько расходятся ожидания партнеров, будут складываться межличностные отношения и отдельные их аспекты.

По мнению Л. Б. Шнейдер, «межличностная адаптация представляет собой совокупность психологической, духовной и сексуальной адаптации» [20. С. 333].

Психологическая адаптация характеризуется познанием внутреннего «Я» партнера, его характерологических особенностей, привычек. *Духовная адаптация* включает согласование личностных особенностей супругов, их ценностей и установок. Причем духовное единство наиболее значимо для женщины. Для мужчин духовность на начальных этапах супружества тесно связана с интимностью, активностью жены в сексуальной сфере, в эмоциональном принятии. С данным видом адаптации тесно переплетается сексуальная адаптация, основывающаяся на сексуальной совместимости и детерминирующая удовлетворенность браком. *Сексуальная адаптация* очень важна для мужчин. Для женщин она менее значима. Таким образом, залогом гармоничных сексуальных отношений являются положительное эмоциональное отношение супругов

друг к другу, их психологическая совместимость, а также совместимость ролевых ожиданий в сфере интимных отношений.

В. В. Кришталь, С. Т. Агарков в феномене супружеской адаптации выделяют два аспекта — психологический и сексуальный (см.: [16. С. 9]). Ряд исследователей семьи убеждены, что супружеская дезадаптация и разрыв отношений супругов обусловлены психологической и сексологической неграмотностью супругов, которая мешает правильно разрешить возникающие конфликты и приспособиться друг к другу, а также препятствует взаимопониманию.

Благополучная межличностная адаптация характеризуется высокой степенью взаимопонимания и согласованным взаимодействием, эмоциональной близостью супругов.

Необходимо также отметить, что одной из самых острых проблем, влияющих на адаптацию в первые годы супружеской жизни в семье, является проблема лидерства. Большинство молодых супружеских пар неадекватно разрешают проблему главенства, что фактически означает отсутствие стабильной структуры семьи. Существуют несколько типов лидерства: когда лидером является один из супругов, а другой этого лидерства не признает; когда лидером стремятся стать оба супруга; когда один из супругов стремится к равноправию, а второй проявляет авторитаризм; когда лидер находится вне семьи (это могут быть родители одного из супругов, чаще женщины).

В настоящее время проблема лидерства стала особо острой в связи с социально-экономическими изменениями, произошедшими в обществе. В молодой паре нет согласованной позиции лидера, т. к., во-первых, существует ориентация на традиционную модель семьи, которая преобладала в России на протяжении многих веков, где лидер — мужчина, во-вторых, в последнее время в связи с демократизацией общества и провозглашением равноправия акцент сместился на эгалитарные отношения, а в-третьих, мужчины утратили социальные и экономические возможности обеспечивать семью и практически полностью исключаются при принятии важных семейных решений, значит, акцент лидерской позиции смещается в сторону доминирования жены, а в некоторых случаях, как уже отмечалось ранее, в сторону родителей одного из супругов. Данная проблема часто способствует возникновению борьбы за власть, напряженности и конфликтного взаимодействия.

В качестве признака адаптированности супругов можно назвать *гармоничность отношений*. При этом под гармоничностью понимается низкий уровень напряженности и конфликтности супругов, высокая ролевая эффективность, высокий уровень самораскрытия, принятия и взаимопонимания супругов, сходство семейных установок, сексуальная совместимость.

Дисгармоничность семейных отношений приводит к повышению конфликтности личности, а следовательно, и к негативным последствиям в других жизненных сферах.

В целом значимыми для успешной адаптации, стабильности супружеских отношений являются распределение ролей в семье, согласованность ожиданий. А. И. Милославова отмечает, что супруги «неизбежно проходят период взаимного приспособления, во время которого они сталкиваются со специфическим комплексом новых обстоятельств, “входят” в новые социальные

роли, сталкиваются с новыми и весьма сложными для них материальными и психологическими проблемами. В ходе этого процесса происходит в какой-то мере “уравновешивание”, сближение их вкусов, привычек, интересов, ориентаций, формирование общего стиля жизни» [14. С. 111]. Из этого следует, что в результате успешной адаптации происходят противостояние негативным тенденциям, выработка каждой супружеской парой своего неповторимого стиля общения и взаимоотношений, компенсация нередко самых нежелательных характеристик супругов.

Представленные выше положения дают возможность для изучения параметров взаимодействия супругов в качестве показателей их адаптации к семейной жизни.

С целью изучения показателей адаптации к семейной жизни молодых супругов было проведено исследование. *Гипотеза нашего эмпирического исследования* состояла в том, что у мужчин в молодых супружеских парах проявляется меньше проблем адаптации и нарушений ее динамики, по сравнению с женщинами.

Выборку исследования составили молодые супруги в количестве 300 человек, 150 молодых супружеских пар. Возраст супругов — 20—30 лет. Стаж совместной жизни до пяти лет.

Методики исследования: опросник «Общение в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская) [12]; опросник «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская) [12]; опросник «Характер взаимодействия супругов в конфликтной ситуации» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская) [12]; опросник для исследования уровня социально-психологической и сексуально-поведенческой адаптации супружеской пары (В. В. Кристаль, Д. Л. Буртянский) [16].

*В качестве показателей адаптации в исследовании рассматривались параметры взаимодействия супругов друг с другом (общение между супругами, реализация супругами семейных ролей, конфликтные сферы семейной жизни), а также уровень нарушений социально-психологической и сексуально-поведенческой адаптации супругов. При статистической оценке значимости различий полученных эмпирических данных использовался *t*-критерий Стьюдента.*

В результате изучения показателей общения супругов в молодых супружеских парах было установлено, что мужчины выше, по сравнению с женщинами, оценивают степень самораскрытия в общении с партнером ($t_{\text{эмп.}} = 2,02$ при $p \leq 0,05$), стремление партнера к взаимопониманию ($t_{\text{эмп.}} = 1,98$ при $p \leq 0,05$), а также подчеркивают значимость психотерапевтической функции общения в супружеских отношениях ($t_{\text{эмп.}} = 2,05$ при $p \leq 0,05$). В отличие от мужчин, женщины в общении выделяют сходство во взглядах с партнером ($t_{\text{эмп.}} = 2,03$ при $p \leq 0,05$).

Анализ эмпирических данных о распределении семейных ролей в супружеской паре показал наличие тенденции к реализации женщинами наибольшего количества семейных функций, по сравнению с мужчинами. Полученные достоверные различия между мужчинами и женщинами позволили определить ориентацию на поддержание супругой эмоционального климата семьи ($t_{\text{эмп.}} = 4,42$ при $p \leq 0,01$), на выполнение роли «хозяйки» ($t_{\text{эмп.}} = 3,21$ при $p \leq 0,01$), на реализацию женой воспитательной функции в семье ($t_{\text{эмп.}} = 2,67$ при $p \leq 0,01$).

По результатам изучения характера взаимодействия супругов в конфликтной ситуации было установлено, что причинами конфликтов у молодых супругов чаще становятся нарушение ролевых ожиданий ($t_{\text{эмп.}} = 2,03$ при $p \leq 0,05$), отношения с родственниками и друзьями ($t_{\text{эмп.}} = 2,01$ при $p \leq 0,05$), доминирование одного из супругов ($t_{\text{эмп.}} = 1,98$ при $p \leq 0,05$). При этом для женщин проблема доминирования и вопрос об отношениях с родственниками и друзьями носит более острый характер, они чаще проявляют выраженную негативную позицию в конфликтах относительно указанных вопросов. У мужчин

причинами конфликтов становятся нарушения ролевых ожиданий. Полученные данные можно объяснить тем, что супруги находятся на стадии первичной адаптации к семейной жизни, у них еще не решен вопрос лидерства, не установлены четкие границы и принципы внутрисемейных отношений, а также не произошло согласование ожиданий в соответствии с реальной ситуацией распределения конкретных семейных ролей. Кроме того, проблема лидерства становится конфликтной у женщин в силу притязаний на равноправные, партнерские отношения, эгалитарную модель семьи и неготовности значительной части мужчин к принятию этой модели. Полученные эмпирические данные о негативной реакции мужчин в конфликтных ситуациях, связанных с вопросами нарушения ролевых ожиданий, а также анализ распределения семейных ролей у супругов показал, что молодые люди имеют рассогласованные представления об ответственности супругов за реализацию семейных функций.

Результаты изучения социально-психологической и сексуально-поведенческой адаптации позволили установить статистически достоверные различия между мужчинами и женщинами по данным показателям ($t_{\text{эмп.}} = 1,84$ при $p \leq 0,05$ и $t_{\text{эмп.}} = 1,79$ при $p \leq 0,05$ соответственно). Следовательно, мужчины в молодых супружеских парах проявляют меньше нарушений социально-психологической и сексуально-поведенческой адаптации, в отличие от женщин.

Таким образом, по результатам исследования показателей адаптации к семейной жизни молодых супругов были определены различия по таким параметрам адаптации, как степень самораскрытия в общении с партнером, стремление партнера к взаимопониманию, значимость психотерапевтической функции общения в супружеских отношениях, сходство во взглядах с партнером, ориентация на поддержание эмоционального климата семьи, на выполнение роли «хозяйки», на реализацию воспитательной функции в семье, нарушение ролевых ожиданий, отношений с родственниками и друзьями, доминирование одного супруга. Также на уровне тенденции были установлены различия между супругами по степени выраженности нарушений социально-психологической и сексуально-поведенческой адаптации.

В целом полученные данные свидетельствуют о том, что молодые мужчины более адаптированы к семейной жизни, они ценят стремление партнера к самораскрытию и взаимопониманию, в общении с партнером для них важна психотерапевтическая функция. Они ориентированы на выполнение малого количества бытовых обязанностей, по сравнению с женщинами. При этом их ожидания не соответствуют требованиям женщин, стремящихся к равноправному выполнению обязанностей, в связи с чем в супружеской паре возникают конфликты, связанные с нарушением ролевых ожиданий.

В отличие от мужчин, у женщин проявляется больше проблем в адаптации к семейной жизни, что связано с неравномерным распределением домашней нагрузки между супругами, с рассогласованием ролевых ожиданий, с отсутствием четких границ и принципов внутрисемейных отношений, а также с борьбой за позицию лидера, о чем свидетельствуют конфликты, причинами которых являются отношения с родственниками и друзьями, а также доминирование одного из супругов. Отметим, что женщины проявляют больше нарушений социально-психологической адаптации и сексуально-поведенческой адаптации, по сравнению с мужчинами.

Гипотеза исследования, состоящая в том, что у мужчин в молодых супружеских парах проявляется меньше проблем адаптации и нарушений ее динамики, по сравнению с женщинами, подтвердилась.

В целом изучаемые показатели дают возможность рассматривать адаптацию к семейной жизни как многоплановый процесс, включающий не только приспособление супругов к личностным особенностям друг друга, но и согласование ролевых ожиданий, сексуально-поведенческих сценариев, выработку уникального стиля общения и взаимодействия, в том числе и в конфликтных ситуациях, как между собой, так и с ближайшим социальным окружением, что полагает соответствующее отношение к семейной жизни и формирование *определенной культуры отношений*, во-первых, и фиксирует важность понимания сложности и одновременно значимости смысла содержания и процесса адаптации, во-вторых.

The article is devoted to the problem of adaptation of young spouses to family life. This problem deserves special attention due to the fact that the reason for a large percentage of divorces of young people are difficulties in their adaptation. The article discusses the concept of adaptation to family life, describes the main components of the adaptation process, and also presents the results of a study of indicators of adaptation to family life of young spouses. Which are considered the parameters of interaction in the couple, namely, communication between spouses, the implementation of family roles by the spouses, conflict areas of family life, as well as the level of social-psychological and sexual-behavioral adaptation disorders.

Keywords: adaptation to family life, indicators of adaptation, types of adaptation, young spouses.

Литература

1. Андреева, Т. В. Психология семьи / Т. В. Андреева. — СПб.: Речь, 2010.
Andreeva, T. V. Psixologiya sem'i / T. V. Andreeva. — SPb.: Rech', 2010.
2. Бодалев, А. А. О взаимосвязи общения и отношения / А. А. Бодалев // *Вопр. психологии.* — 1994. — № 1. — С. 122—127.
Bodalev, A. A. O vzaimosvyazi obshheniya i otnosheniya / A. A. Bodalev // Vopr. psixologii. — 1994. — № 1. — S. 122—127.
3. Волкова, А. Н. Социально-психологические факторы супружеской совместимости: дис. ... канд. психол. наук / А. Н. Волкова. — Л., 1979.
Volkova, A. N. Social'no-psixologicheskie faktory' supruzheskoj sovместимости : dis. ... kand. psixol. nauk / A. N. Volkova. — L., 1979.
4. Голод, С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ / С. И. Голод. — СПб.: Петрополис, 1998.
Golod, S. I. Sem'ya i brak: istoriko-sociologicheskij analiz / S. I. Golod. — SPb.: Petropolis, 1998.
5. Гребенников, И. В. Основы семейной жизни: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / И. В. Гребенников. — М.: Просвещение, 1991.
Grebennikov, I. V. Osnovy' semejnoy zhizni : ucheb. posobie dlya stud. ped. in-tov / I. V. Grebennikov. — M.: Prosveshhenie, 1991.
6. Калмыкова, Е. С. Психологические проблемы первых лет супружеской жизни / Е. С. Калмыкова // *Вопр. психологии.* — 1983. — № 3. — С. 83—89.
Kalmykova, E. S. Psixologicheskie problemy' pervy'x let supruzheskoj zhizni / E. S. Kalmykova // Vopr. psixologii. — 1983. — № 3. — S. 83—89.
7. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений / О. А. Карабанова. — М.: Гардарики, 2007.
Karabanova, O. A. Psixologiya semejny'x otnoshenij / O. A. Karabanova. — M.: Gardariki, 2007.
8. Клецина, И. С. Гендерный подход в психологических исследованиях современных семейных отношений / И. С. Клецина // *Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина.* — 2011. — Т. 5, № 4. — С. 107—119.
Klecina, I. S. Genderny'j podxod v psixologicheskix issledovaniyax sovremenny'x semejny'x otnoshenij / I. S. Klecina // Vestn. Leningrad. gos. un-ta im. A. S. Pushkina. — 2011. — T. 5, № 4. — S. 107—119.
9. Ковалев, С. В. Психология современной семьи / С. В. Ковалев. — М.: Просвещение, 1988.
Kovalev, S. V. Psixologiya sovremennoj sem'i / S. V. Kovalev. — M.: Prosveshhenie, 1988.
10. Коростылева, Л. А. Психология самореализации личности: брачно-семейные отношения / Л. А. Коростылева. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000.

- Korosty'leva, L. A.* Psixologiya samorealizacii lichnosti: brachno-semejny'e otnosheniya / L. A. Korosty'leva. — SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2000.
11. *Левкович, В. П.* Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов / В. П. Левкович, О. Э. Зуськова // Психол. журн. — 1985. — № 3, Т. 6. — С. 126—137.
  - Levkovich, V. P.* Social'no-psixologicheskij podxod k izucheniyu supruzheskix konfliktov / V. P. Levkovich, O. E. Zus'kova // Psixol. zhurn. — 1985. — № 3, Т. 6. — С. 126—137.
  12. *Лидерс, А. Г.* Психологическое обследование семьи / А. Г. Лидерс. — М. : Академия, 2007.
  - Liders, A. G.* Psixologicheskoe obsledovanie sem'i / A. G. Liders. — М. : Akademiya, 2007.
  13. *Меньшутин, В. П.* Помощь молодой семье / В. П. Меньшутин. — М. : Мысль, 1987.
  - Men'shutin, V. P.* Pomoshh' molodoj sem'e / V. P. Men'shutin. — М. : My'sl', 1987.
  14. *Милославова, А. И.* Структура социальной адаптации / А. И. Милославова // Герценовские чтения. Философия и социальная психология : сб. науч. докл. — Л., 1976. — С. 109—114.
  - Miloslavova, A. I.* Struktura social'noj adaptacii / A. I. Miloslavova // Gercenovskie chteniya. Filosofiya i social'naya psixologiya : sb. nauch. dokl. — L., 1976. — С. 109—114.
  15. *Реан, А. А.* Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. — СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006.
  - Rean, A. A.* Psixologiya adaptacii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika / A. A. Rean, A. R. Kudashev, A. A. Baranov. — Spb. : PRAJM-EVROZNAK, 2006.
  16. *Ришук, Н. Н.* Семейно-сексуальные дисгармонии / Н. Н. Ришук. — СПб. : Медпресса, 2011.
  - Rishhuk, N. N.* Semejno-seksual'ny'e disgarmonii / N. N. Rishhuk. — SPb. : Medpressa, 2011.
  17. Семья: психология, педагогика, социальная работа / под ред. А. А. Реана. — М. : АСТ, 2010.
  - Sem'ya: psixologiya, pedagogika, social'naya rabota / pod red. A. A. Reana. — М. : AST, 2010.*
  18. *Сысенко, В. А.* Бранчо-семейная адаптация, ее характер и содержание / В. А. Сысенко // Психология семьи / под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара, 2007. — С. 547—575.
  - Sysenko, V. A.* Brachno-semeinaia adaptatsiia, ee kharakter i sodержanie / V. A. Sysenko // Psixologiya sem'i / pod red. D. Ya. Rajgorodskogo. — Samara, 2007. — S. 547—575.
  19. *Трапезникова, Т. М.* Психологические аспекты семейных отношений / Т. М. Трапезникова // Вестн. СПбГУ. Серия 16. — 1992. — № 13. — С. 106—111.
  - Trapeznikova, T. M.* Psikhologicheskie aspekty semeinykh otnoshenii / T. M. Trapeznikova // Vestn. SPbGU. Seriya 16. — 1992. — № 13. — S. 106—111.
  20. *Шнейдер, Л. Б.* Основы семейной психологии / Л. Б. Шнейдер. — М. : Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2005.
  - Shnejder, L. B.* Osnovy' semejnoj psixologii / L. B. Shnejder. — М. : Izd-vo Mosk. psixol.-social. in-ta ; Voronezh : MODE'K, 2005.
  21. *Шнейдер, Л. Б.* Семейная психология / Л. Б. Шнейдер. — М. : Акад. проект ; Киров : Константа, 2011.
  - Shnejder, L. B.* Semejnaya psixologiya / L. B. Shnejder. — М. : Akad. proekt ; Kirov : Konstanta, 2011.
  22. *Antonovsky, A.* Family Sense of Coherence and Family Adaptation / A. Antonovsky, T. Sourani // J. of Marriage and Family. — 1988. — Vol. 50, № 1. — P. 79—92.
  23. *Peterson, G. W.* Handbook of Marriage and the Family / G. W. Peterson, K. R. Bush. — N. Y. : Springer, 2013.

А. Н. Моспан

Импликативная дилемма:

подход к исследованию противоречий внутреннего мира человека

Работа посвящена возможностям применения теории личностных конструктов для анализа мировоззренческих паттернов личности. Рассматривается метод репертуарных решеток, в частности количественный и качественный анализ импликативных дилемм. Представлены результаты эмпирического исследования на выборке (N = 57) клиентов с симптомами депрессивного и тревожного спектра. После терапии респонденты демонстрируют более низкий уровень депрессивной симптоматики и стресса, чем до терапии, также обнаружена тенденция к уменьшению количества импликативных дилемм. Статистически значимой взаимосвязи между наличием/количеством импликативных дилемм и клиническими симптомами не обнаружено. Однако результаты контент-анализа импликативных дилемм свидетельствуют о содержательных изменениях в мировоззренческих конструктах человека. Обсуждаются возможности использования количественного и качественного анализа импликативных дилемм для психодиагностической и психокоррекционной работы.

Ключевые слова: импликативная дилемма, метод репертуарных решеток, психология личностных конструктов, мировоззрение.

Теория личностных конструктов

Одним из ключевых вопросов психологии является многообразие исследовательских подходов к изучению личности. Эта проблема, в частности, включает в себя вопрос *соотношения идиографического и номотетического методов*, которые представляют собой полярные аспекты методологического знания. Каждый исследователь будто встает перед выбором: как изучать личность и индивидуальность — качественно или количественно? На какую теоретическую и методологическую базу опереться? В данной статье будет рассмотрен метод психодиагностики, основным преимуществом которого является попытка *интеграции естественно-научного и гуманитарного подходов в исследовании*.

Этот подход основан на *теории личностных конструктов*, которая была разработана американским психологом Джорджем Келли [21] в XX в. Она представляет собой не просто теоретический свод правил, а полноценную философскую парадигму, которая определяет психологическую теорию и последующее применение этой теории в научной, методологической и психопрактической сфере. Впервые свои идеи Келли изложил в двухтомной книге, которая положила начало системе новой психологии.

Данная парадигма рассматривает личность как человека-ученого, который исследует мир, используя набор определенных шаблонов — личностных конструктов. *Личностные конструкты* в теории Келли [21] описывают идеи и мысли в вербальной форме, которые индивид использует для осознания и объяснения своего опыта, а также для предсказания дальнейших событий. Примером личностного конструкта является характеристика, которую человек использует для описания другого человека или объекта: «высокомерный — скромный»; «сноб — свой человек» и т. д.

Восприятие и истолкование окружающего мира и событий определяются набором этих индивидуальных графаретов, что объясняет огромное количество альтернативных интерпретаций, которые человек конструирует. Сам Келли [21] обозначил свою философскую позицию как «*конструктивный альтернативизм*». Важным аспектом теории Келли является активность человека, т. е. не автоматическое отражение существующей реальности, а конструирование *личностной модели мира*. Конструкты отражают как вербальные (если они, например, сформулированы в словах), так и бессознательные процессы (невербальные проявления личности). Но концепция личностных конструктов не является исключительно когнитивной, она также занимает эмоциональную и поведенческую сферы человеческой жизни со всем своим многообразием. Согласно Келли [21], конструкты занимают промежуточное место между сознательным и бессознательным человека и обеспечивают не просто его представления о реальности, они играют предсказательную роль в жизни индивида.

Несмотря на то что конструкты проходят проверку на прочность и адекватность соответствия окружающему миру, они субъективны по своей природе и их структура динамична. Мир находится в постоянном изменении, как и сам человек, что делает невозможным точное предсказание дальнейших событий. Чтобы быть эффективными, конструкты требуют пересмотра и зачастую изменений и/или дополнений. Однако эти изменения даются человеку нелег-

ко. Личность стремится к сохранению собственной картины мира, что может привести к негативным последствиям, начиная от психологических защит и заканчивая клинической невротизацией. Сопротивление к изменениям может также повлиять на субъективное восприятие человеком объективной реальности и на бессознательное стремление изменить эту реальность. Примером этому является феномен самоисполняющегося пророчества, когда установка личности прямо или косвенно влияет на реальность, подтверждая саму установку.

Метод репертуарных решеток

Центральным методом психодиагностики в теории личностных конструктов является *метод репертуарных решеток* [21]. Он представляет собой структурированное интервью, цель которого — выявить личностные конструкты человека, используемые для понимания и предсказания собственного опыта. Преимуществом данного метода является возможность выявить индивидуальные и по своей сути уникальные результаты, которые описывают внутренний мир человека в его субъективных терминах.

Репертуарная решетка — это матрица, состоящая из элементов и конструктов. Элементами могут выступать как конкретные персонажи, так и группы людей, события и другие аспекты внешнего и внутреннего мира, отношение к которым исследует специалист. Конструкты описывают отношение человека к конкретному элементу и представлены в виде двух дихотомических переменных (например, «плохой — хороший», «мало весит — много весит», «дорогой — дешевый», «экстраверт — интроверт» и т. д.). Количество элементов и конструктов может варьироваться в зависимости от глубины исследования и времени процедуры [11]. Для формирования элементов решетки экспериментатор задает ролевые позиции, например мать, отец, любимый человек, лучший друг, «Идеальное Я» и др. Далее респондент персонализирует эти роли, т. е. дает им имена конкретных людей, которые занимают соответствующие места в его жизни. Если человека на предложенную роль в настоящее время нет, например лучшего друга, то можно указать человека, который раньше занимал эту роль, или представить идеального лучшего друга.

Существует несколько способов выявления конструктов: техника лестничного спуска Хинкла, метод диад, метод триад [15]. Наиболее частым в использовании является последний — *метод триад*. Интервьюер предлагает респонденту тройку элементов и задает следующую инструкцию: «Найдите, пожалуйста, качество или такую особенность отношения к людям, которое отличает первого персонажа (первый элемент) от двух других» [1. С. 27]. В каждой последующей триаде один из элементов заменяется новым. Процедура продолжается до тех пор, пока не будут представлены все элементы. В завершение экспериментатор составляет таблицу (репертуарную решетку). Далее респонденту предлагается оценить каждый элемент (персонажа) по всем выделенным конструктам по шкале от 1 до 7, где 1 — это конструкт, расположенный на левом полюсе (например, «плохой»), а 7 — это конструкт противоположный, расположенный на правом полюсе (например, «хороший»).

На сегодняшний день существует несколько программ математической и статистической обработки для анализа репертуарной решетки: Idiogrid ver. 2.4 [16], GridStat [8], OpenRepGrid R package [17] и др. На основании результатов можно сделать выводы о системе конструкторов конкретного индивида: какие конструкторы индивид использует чаще для описания различных элементов, какие конструкторы образуют подсистемы за счет релевантности друг другу, насколько в целом система конструкторов подвержена изменениям, какие элементы являются более значимыми для человека, какие конструкторы входят в определенный конфликт между собой. Исследователи также заинтересованы в разработке все более сложных методов анализа, которые описывают различные связи, структуры и процессы в рамках репертуарной решетки [3]. Например, показатель интенсивности позволяет сделать вывод о «жесткости» или «рыхлости» (слабые коэффициенты корреляции) системы конструкторов. Показатель когнитивной сложности описывает способность человека действовать на основании многочисленных параметров, т. е. характеризует высокую дифференцированность системы личности. Особый интерес для исследования представляет тенденция индивида использовать экстремальные оценки, которые могут, с одной стороны, свидетельствовать о высокой значимости определенного параметра (шкалы), а с другой — указывать на патологию и дезадаптацию.

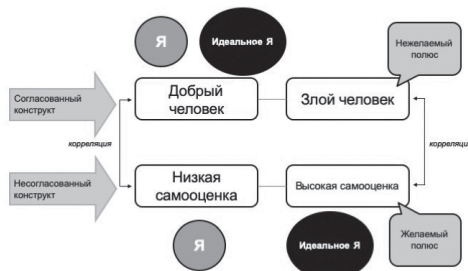
Конструктор как часть целостной системы мировоззрения личности содержит в себе вербальное выражение, сенсорный, моторный, идеаторный и эмоциональный компоненты [1]. Система конструкторов, выраженная в жизненной позиции, может быть противоречивой и содержать внутриличностные конфликты, которые влияют на успешность психической адаптации и жизнь человека в целом. Поэтому *метод репертуарных решеток успешно используется в сфере психопрактики для диагностики кризисных состояний*. Метод является эффективным инструментом для психолога-практика, т. к. имеет формальный алгоритм проведения процедуры, а также опосредует контакт клиента со специалистом, что особенно полезно при работе с психологическими защитами и феноменом сопротивления. Более того, метод репертуарных решеток обладает свойствами проективного теста и позволяет получить как количественные, так и качественные показатели для анализа. К сферам практического применения метода можно отнести различные виды консультирования и терапии (индивидуальная, семейная, профориентационная работа), диагностику групповой работы, в частности в трудовой деятельности, и другие психологические исследования личности.

Имплицативная дилемма

Личностные конструкторы не являются изолированными и находятся в определенном взаимодействии между собой — они могут быть согласованными или, наоборот, противоречить друг другу. Одним из вариантов когнитивного конфликта является *имплицативная дилемма (ИД)*. Она отражает такое взаимодействие конструкторов, при котором достижение желаемого полюса одного конструктора приводит к нежелательному для него изменению в другом конструкторе из-за определенной взаимосвязи внутри системы [18]. Другими словами, некоторые конструкторы могут имплицировать, т. е. предполагать, другие конструкторы.

Изначально выявление импликаций осуществлялось через построение *имплективной решетки*, которая позволяет оценить, как изменение оценок по одному конструкту может повлиять на оценку по другим конструктам [14]. Респонденту предлагали представить себе ситуацию естественного изменения конструкта (например, «Вы просыпаетесь с утра и понимаете, что правый полюс Конструкта 1 сегодня описывает вас лучше, чем левый полюс этого же конструкта»). Далее испытуемого просили посмотреть на оставшиеся конструкты и предположить, изменятся ли остальные конструкты по причине изменения Конструкта 1. На основе его ответов исследователь строил имплективную решетку, которая отражала, как изменение Конструкта 1 влечет за собой изменения других конструктов. Также по таблице можно было определить суперординатные конструкты, которые представляют подсистемы конструктов высокого уровня общности, и субординатные — подчиненные конструкты, обобщаемые другими конструктами. Суперординатные конструкты имеют большее количество импликаций (влияния) и меньше поддаются изменениям по сравнению с субординатными конструктами. Еще одним методом выявления импликаций является *решетка сопротивления изменениям* [14]. Она отличается от имплективной решетки инструкцией, которую экспериментатор задает испытуемому. Респонденту предъявляют две пары конструктов, чтобы он выбрал желаемый полюс по каждому, и просят ответить, по какому из этих конструктов он хочет измениться. Те конструкты, которые имеют наибольшее количество импликаций, сильнее всего сопротивляются изменениям [6].

В настоящее время ИД определяются при помощи статистического анализа репертуарной решетки. На рисунке изображен пример ИД — две дихотомические пары конструктов («Добрый человек — Злой человек» и «Низкая самооценка — Высокая самооценка»). Конструкт является согласованным, если «Идеальное Я» находится на одном полюсе дихотомии, а несогласованным — если на разных. В данном примере респондент оценивает себя как доброго человека с низкой самооценкой (его Я находится на левых полюсах конструктов), но желает измениться и повысить свою самооценку (его «Идеальное Я» находится на правом полюсе конструкта «Низкая самооценка — Высокая самооценка»). При помощи корреляционного анализа оценок, которые респондент дает другим людям (элементам) по выделенным конструктам, можно сделать вывод, что в его картине мира человек с высокой самооценкой будет с большой вероятностью плохим человеком [19]. Это представляет ИД для человека — повышение самооценки приведет к тому, что он станет плохим. Таким образом, высокая самооценка имеет как положительные, так и отрицательные характеристики.

Пример имплективной дилеммы

Еще одним вариантом анализа ИД является *контент-анализ*. Система классификации личностных конструктов позволяет определить тематику сфер и категорий выявленных конструктов [12]. Система включает в себя 45 категорий, которые объединены в восемь сфер: моральную, эмоциональную, личностную, интеллектуальную (операциональную), экзистенциальную, сферу отношений, сферу конкретных описаний, сферу ценностей и интересов. Эксперты проходят предварительное обучение методике и анализируют содержание тестового набора конструктов, обсуждают полученные результаты в фокус-группе. Для получения валидных результатов вычисляется степень согласованности оценок. Контент-анализ играет большую роль в исследовании ИД человека, т. к. даже при сохранении их количества содержание конфликта может измениться.

Импликативная дилемма как инструмент для измерения личностных изменений до и после психотерапии

Метод репертуарных решеток широко используется в различных сферах психопрактики, в частности в клинической психотерапии. Особый интерес получила работа с клиентами, у которых были обнаружены депрессивные симптомы. Исследования показали, что клиенты с симптомами депрессивного спектра, которые обращаются за психотерапией, чаще демонстрируют наличие одной и более ИД по сравнению с контрольной группой [7; 9; 13]. Однако полученные данные являются неоднозначными, т. к. наличие ИД характерно и для людей без ярко выраженных клинических симптомов. Более того, взаимосвязь ИД и выраженности симптомов не является линейной, а следовательно, наличие ИД не может однозначно свидетельствовать о тяжести состояния клиента [7].

Импликативная дилемма может выступать в качестве определенного поля работы с клиентом. Например, результаты дилемма-ориентированной терапии показали, что почти 70 % клиентов разрешили свои когнитивные конфликты по итогам психологической работы [23].

Как показали исследования, для того чтобы повлиять на изменения ИД конкретного человека, не обязательно фокусировать психотерапевтическую работу только на содержании когнитивных конфликтов. Результаты исследования в рамках экзистенциальной терапии также показали определенные изменения не только в количестве ИД, но и в их содержательном аспекте [20]. Экзистенциальный анализ предполагает феноменологическую работу с содержаниями, которые клиент выбирает самостоятельно, т. е. в рамках терапевтических сессий не проводится специальная работа по устранению когнитивных конфликтов. Поддержка со стороны специалиста и помощь в осознании и изменении позиции по отношению к миру и самому себе оказывают влияние на мировоззрение человека, что приводит к трансформации системы личностных конструктов, а следовательно, влияет на количество и содержание ИД. Одно из исследований рассматривало связь изменения ИД со снижением симптомов депрессии на примере экзистенциальной психотерапии [20]. Респонденты (N = 57) проходили курс краткосрочной терапии экзистенциального анализа. В начале и в конце курса терапевтических сессий клиентам было предложено пройти метод репертуарных решеток (совместно со специалистом, который не занимался психокоррекционной работой). Для работы

был выбран формат 10 элементов и 9 конструкторов, который не снижает статистическую значимость результатов, а также позволяет сохранить психотерапевтический сеттинг одного часа. В качестве элементов были выбраны следующие роли: Я в настоящий момент; Я в будущем (через 1 год); «Идеальное Я»; мать; отец; партнер; человек, который мне не нравится; человек, который мне нравится; терапевт; другой значимый родственник. Для выявления конструкторов был использован метод триад. После прохождения методики респондентам было предложено заполнить опросник «Шкала оценки здоровья пациента» (PHQ-9) [22] и опросник для диагностирования генерализованных тревожных расстройств (GAD-7) [5].

Согласно полученным результатам клиенты показали более низкий уровень депрессивной симптоматики и стресса после терапии, также прослеживалась тенденция к уменьшению количества ИД. Статистически значимых корреляций между наличием/количеством ИД и показателями клинических симптомов не обнаружено. Это подтверждает идею о нелинейной связи между количеством ИД и уровнем симптоматики до терапии. Более того, клиенты, у которых не обнаружены симптомы депрессивного или тревожного расстройства, могут иметь одну и более ИД [10].

Однако для полноценного исследования изменений в мировоззренческих конструктах личности важны не только количественные показатели, но и содержательные аспекты рассматриваемых параметров. Результаты сравнительного контент-анализа ИД показали, что до терапии наибольшее количество несогласованных конструкторов относилось к эмоциональной и личностной сферам, а после терапии — к личностной сфере и сфере отношений. Полученные результаты свидетельствуют о том, что психотерапевтическая работа в рамках экзистенциального анализа влияет на количество и содержание ИД без непосредственной работы специалиста и клиента над когнитивными конфликтами.

Несмотря на то что количественный анализ ИД не показал статистически значимых результатов, были обнаружены некоторые содержательные изменения мировоззренческих характеристик человека, которые требуют дальнейшего исследования и интерпретационной работы. В частности, необходима работа с расширенной выборкой, а также использование метода репертуарных решеток с расширенным форматом конструкторов и элементов, это позволит выявить большее количество ИД, а следовательно, получить большее количество материала для анализа и дальнейших прогнозов.

Заключение

Метод репертуарных решеток, в частности анализ ИД, представляет собой эффективный, хотя и малоизученный метод психодиагностики. При сравнении со стандартным методом опросника техника репертуарных решеток демонстрирует ряд преимуществ [4]: во-первых, решетка предлагает респонденту работу с материалом, который был им же сформулирован; во-вторых, у человека есть возможность оценить не только себя, но и других людей из своего окружения; в-третьих, анализ репертуарной решетки позволяет получить много показателей для дальнейшей интерпретации. При этом данные теста не являются нормативными по своей сути, т. к. отражают картину мира кон-

кретного человека. Таким образом, основным достоинством методики является *возможность количественного и качественного анализа внутреннего мира человека в его индивидуальном тезаурусе*.

Результаты исследований могут быть использованы для сравнения и сопоставления с другими личностными параметрами, а также для непосредственной психокоррекционной работы. Как показывают исследования в области психотерапии, связь клинических показателей депрессивных симптомов, стресса и ИД неоднозначна. Для того чтобы рассмотреть динамику изменений когнитивных конфликтов, необходимо изучить содержание конструктов, включенных в ИД. Исследование связи и соотношения ИД с другими психологическими характеристиками личности является актуальной задачей для дальнейшей работы.

The paper discusses the possibility of using personal construct theory for the analysis of personal worldview constructs. The repertory grid technique is reviewed, in particular, quantitative and qualitative analysis of implicative dilemmas. The results of an empirical research on a sample of clients (N = 57) with depression and anxiety disorder symptoms are presented. The clients present lower level of depressive symptomatology and anxiety disorder after therapy than before therapy. The number of implicative dilemmas also shows a tendency to reduce. There is no statistically significant relationship between presence/number of implicative dilemmas and clinical symptoms found. Although the results of content analysis of implicative dilemmas reveal the change in qualitative aspects of personal worldview constructs. The scope of using the quantitative and qualitative analysis of implicative dilemmas in psychodiagnostics and psychocorrections is discussed.

Keywords: implicative dilemmas, repertory grid technique, personal construct psychology, worldview.

Литература

1. *Воробьев, В. П.* Ко-терапевтическая компьютерная система «КЕЛЛИ-98»: метод. рук-во / В. П. Воробьев, Н. Л. Коновалова. — 4-е изд. — СПб.: ИМАТОН, 2003.
Vorob'ev, V. P. Ko-terapevticheskaya komp'yuternaya sistema «KELLI-98»: metod. ruk-vo / V. P. Vorob'ev, N. L. Konovalova. — 4-e izd. — SPb.: IMATON, 2003.
2. *Леонтьев, Д. А.* Непонятый классик: (к 100-летию со дня рождения Джорджа Келли (1905—1967)) / Д. А. Леонтьев // Психол. журн. — 2005. — Т. 26, № 6. — С. 111—117.
Leont'ev, D. A. Neponyatyj klassik: (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Dzhordzha Kelli (1905—1967)) / D. A. Leont'ev // Psichol. zhurn. — 2005. — T. 26, № 6. — S. 111—117.
3. *Франселла, Ф.* Новый метод исследования личности: рук-во по репертуарным личностным методикам: пер. с англ. / Ф. Франселла, Д. Баннистер. — М.: Прогресс, 1987.
Fransella, F. Novyj metod issledovaniya lichnosti: ruk-vo po repertuar'ny'm lichnostny'm metodikam: per. s angl. / F. Fransella, D. Bannister. — M.: Progress, 1987.
4. *Шкуратова, И. П.* Тест Келли как синтез идиографического и номотетического подходов к личности / И. П. Шкуратова // Ананьевские чтения — 2009. — СПб., 2009. — С. 368—370.
Shkuratova, I. P. Test Kelli kak sintez idiograficheskogo i nomoteticheskogo podhoda k lichnosti / I. P. Shkuratova // Anan'evskie chteniya — 2009. — SPb., 2009. — S. 368—370.
5. A brief measure for assessing generalized anxiety disorder: The GAD-7 / R. L. Spitzer [et al.] // Archives of Internal Medicine. — 2006. — Vol. 166. — P. 1092—1097.
6. *Adams-Webber, J. R.* Personal construct theory: Concepts and applications / J. R. Adams-Webber. — Chichester: Wiley, 1979.
7. A review of cognitive conflicts research: A meta-analytic study of prevalence and relation to symptoms / A. Montesano [et al.] // Neuropsychiatric Disease and Treatment. — 2015. — Vol. 11. — P. 2997—3006.
8. *Bell, R. C.* GRIDSTAT: A program for analysing the data of a repertory grid [computer software] / R. C. Bell. — Melbourne, Australia: Author, 2009.
9. Cognitive conflicts in major depression: Between desired change and personal coherence // British J. of Clinical Psychology. — 2014. — Vol. 53, № 4. — P. 369—385.
10. *Dorough, S.* Implicative dilemmas and general psychological well-being / S. Dorough, J. Grice, J. Parker // Personal Construct Theory and Practice. — 2007. — № 4. — P. 83—101.
11. *Faccio, E.* Extracting information from repertory grid data: New perspectives on clinical and assessment practice / E. Faccio, M. Castiglioni, R. C. Bell // TPM: Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology. — 2012. — Vol. 19, № 3. — P. 177—196.

12. *Feixas, G.* Content analysis of personal constructs / G. Feixas, H. Geldschläger, R. A. Neimeyer // *J. of Constructivist Psychology*. — 2002. — Vol. 15, № 1. — P. 1—19.
13. *Feixas, G.* Viewing cognitive conflicts as dilemmas : Implications for mental health / G. Feixas, L. A. Saul, A. Avila-Espada // *J. of Constructivist Psychology*. — 2009. — Vol. 22, № 2. — P. 141—169.
14. *Fransella, F.* A manual for repertory grid technique / F. Fransella, D. Bannister. — London : Academic Press, 1977.
15. *Fransella, F.* A manual for repertory grid technique // F. Fransella, R. Bell, D. Bannister. — N. J. : John Wiley and Sons, 2004.
16. *Grice, J. W.* Idiogrid (version 2.4) [computer software] / J. W. Grice. — Stillwater, Oklahoma : Idiogrid Software, 2007.
17. *Heckmann, M.* OpenRepGrid : An R package for the analysis of repertory grids. R package version 0.1.10 [Electronic resource] / M. Heckmann. — Mode of access: <https://cran.r-project.org/package=OpenRepGrid>
18. *Hinkle, D. N.* The change of personal constructs from the viewpoint of a theory of construct implications / D. N. Hinkle // *Personal Construct Theory and Practice*. — 2010. — № 7. — P. 1—61.
19. *Implicative Dilemmas and Symptom Severity in Depression : A Preliminary and Content Analysis Study* / G. Feixas [et al.] // *J. of Constructivist Psychology*. — 2014. — Vol. 27, № 1. — P. 31—40.
20. *Implicative Dilemmas and Symptomatology Measures : A Practice-Based Evidence Study of Existential Therapy* / D. Vitali [et al.] // *J. of Constructivist Psychology*. — 2019. — P. 1—16.
21. *Kelly, G.* The Psychology of Personal Constructs / G. Kelly. — N. Y. : W. W. Norton and Company, 1955. — Vol. 1 : A theory of personality.
22. *Kroenke, K.* The PHQ-9 : Validity of a brief depression severity measure / K. Kroenke, R. L. Spitzer, J. B. Williams // *J. of General Internal Medicine*. — 2001. — Vol. 16, № 9. — P. 606—613.
23. *Montesano, A.* Self-narrative reconstruction after dilemma-focused therapy for depression : A comparison of good and poor outcome cases / A. Montesano, M. M. Goncalves, G. Feixas // *Psychotherapy Research*. — 2017. — Vol. 27, № 1. — P. 112—126.

В пространстве самоотношения и развития личности

Е. В. Галкина, А. Б. Орлов

Ценностный процесс и ценностная система как ориентиры самоисследования

В рамках холистической традиции в психологии (от Я. Х. Смэтса до К. Р. Роджерса) рассматривается проблема ценностей человека. Анализируются организмические психологические концепции. Особое внимание уделяется ключевым понятиям теоретической концепции К. Р. Роджерса — ценностной системе и ценностному процессу. Обсуждаются особенности ситуаций, активизирующих либо ценностную систему, либо организмический ценностный процесс человека в качестве различных ориентиров процесса самоисследования.

Ключевые слова: самоактуализация, организмический ценностный процесс, ценности, ценностный выбор, ценностная система, Я-концепция, самоисследование.

Введение

Проблема ценностей человека занимает одну из ключевых позиций в философской и психологической мысли. Философы всех времен размышляли об универсальных ценностях человека. И тем не менее, несмотря на все накопленные в течение многих веков знания по проблематике ценностей, до сих пор нет сколько-нибудь однозначного понимания и феномена ценности, и процесса формирования ценностной сферы человека [19].

Разработка *проблемы ценностей в психологии* всегда обладала высокой степенью актуальности, поскольку ценности человека формируют его деятельность, личность, общение, определяют его психологическое благополучие.

В современном мире информационной свободы, доминирование глобальных ценностных конструктов представляет собой редкое явление. В процессе своего развития современный человек сталкивается с целым набором ценностных систем (ЦС)¹: в родительской семье, образовательных институтах, профессиональных сообществах, в культуре в целом. Расцвет культуры индивидуализма лишь усиливает это разнообразие, стимулируя личностное развитие и свободу человека выбирать собственные личностные ценности. Зачастую, используя эту свободу, человек не становится свободнее, а, наоборот, чувствует себя марионеткой и все более отчуждается от своего аутентичного Я. Слова К. Роджерса, произнесенные несколько десятков лет назад, актуальны и сейчас: люди «испытывают глубокую неуверенность относительно своей ценностной ориентации» [12. С. 380]. К. Роджерс [12] предложил свое видение основы аутентичного выбора, в качестве которой выступает организмический ценностный процесс (ОЦП)², присущий каждому человеку от рождения.

Понятие «организм»³ в организмических психологических теориях

Среди существующих воззрений на природу человека стоит выделить антиномичную пару концепций: элементаризм — холизм. Исходное положение *элементаризма* состоит в том, что каждый аспект человека необходимо изучать изолированно. Таким образом, согласно идеям элементаризма человека следует рассматривать как совокупность отдельных элементов. Исходное положение *холизма*, напротив, гласит, что человека следует изучать как целостного, неделимого индивида.

Сам термин «холизм» ввел в научный оборот южно-африканский государственный деятель, философ Ян Христиан Смэтс (1870—1950) [50]. «Холизм (от греч. *ὅλος* — целый, весь) — в широком смысле позиция в философии и науке по проблеме соотношения части и целого, исходящая из качественного своеобразия целого по отношению к его частям» [8. С. 299].

Стоит отметить, что прежде чем Я. Х. Смэтс сформулировал и опубликовал основные положения философии холизма, в течение многих веков в философии создавались концепции о целостности мира и человека. Предпосылки философии холизма можно обнаружить в трудах Аристотеля и Гиппократов, Бруно и Спинозы, Канта и Лейбница, Уайтхеда и Вернадского [2; 4 и др.]. Господство философии позитивизма в XIX в. во многом девальвировало философские идеи целостности. Однако уже в первой четверти XX в. Я. Х. Смэтс [50] восстанавливает в своих работах идеи холизма и инициирует новую волну развития холистических идей в различных научных областях. Я. Х. Смэтс предлагает «...пересмотр взглядов относительно следующих категорий: пространство и время, материя, живая клетка и организм, эволюция (дарвинизм и холизм), душа (субстрат специфичной целостности), личность (как сущность, обладающая целостностью), психические и духовные сущности (идеалы), со-

¹ ЦС — это совокупность известных, интроецированных ценностей, служащая основой ценностного выбора такого поведения, результатом которого становится укрепление Я-концепции человека.

² ОЦП — это врожденный и непрекращающийся внутренний процесс ценностного выбора такого поведения, результатом которого становится укрепление организма человека.

³ Организм человека — это локус, средоточие его сенсорного, висцерального и эмоционального опыта, организованное целое, имеющее тенденцию к целенаправленному движению в направлении наиболее полной самоактуализации.

ставляющие личность, Вселенная как целое сущностей, обладающих целостностью (холистическая Вселенная)» (цит. по: [16]).

Идеи холизма нашли свое продолжение и развитие в различных науках о человеке: в медицине [24], экономической теории [35], психобиологии [39], психофизиологии [21], психологии [20; 40; 53]. Согласно онтологическому принципу холизма целое всегда является чем-то большим по сравнению с суммой его частей. И это целое, согласно генетическому принципу холизма, всегда изменяется (инволюционирует или эволюционирует). Отдельные положения и принципы холизма стимулировали развитие ряда научных концепций. В результате к настоящему времени в психологии, медицине, экономике, архитектуре, образовании сложились научные направления, которые принято называть холистическими, однако при этом все они базируются лишь на частных положениях философии холизма.

В психологической литературе термин «организмический» зачастую трактуется как синоним «холистического». Но стоит отметить, что понятие «организмичность» является лишь одним из понятий философии холизма. В науке существуют несколько уровней понимания «организма» человека. Один из них — элементаристский, который трактует организм как совокупность индивидуальных биохимических процессов, наделенных уникальными генами и физиологическими особенностями. Подобное видение организма разделяло не только поведенческое направление в психологии, но и отечественная (советская) психология¹. Так, по Б. Г. Ананьеву [1], «организм» является лишь «телесным фактором индивидуальности» и биохимическим признаком человека как живого существа. Холистической философии свойственно определять организм как неаддитивное целое (см.: [15. С. 523]).

У истоков *организмического движения в психологии* стояла гештальтпсихология, созданная М. Вертгеймером, В. Келером, К. Коффкой (см.: [18]). Развивая идеи о саморегуляции организма, приверженцы гештальтпсихологии опирались на понятия «организм-среда», «фигура-фон», «поле». Учитывая то, что гештальтпсихология оказала значительное влияние на развитие организмических взглядов, ее, строго говоря, нельзя назвать организмической теорией. И тем не менее важно отметить, что организмическая теория использовала принципы гештальтпсихологии, расширив их на целостный организм.

Одним из пионеров в организмическом направлении в психологии был немецкий нейрофизиолог и психолог Курт Гольдштейн (1878—1965). Его работа в сфере психических нарушений при поражении мозга стала основой для подтверждения идей холизма о целостности организма и его функций. Стоит отметить, что впервые термин «самоактуализация» был использован именно К. Гольдштейном и лишь впоследствии развит А. Маслоу. К. Гольдштейн рассматривал *организм человека как носителя тенденции к самоактуализации*. В своей классической публикации он утверждал, что развитие любого орга-

¹ Пожалуй, наиболее холистическим и организмическим советским психологом был Л. С. Выготский с его идеями не только культурного, но и естественного (натурального) психического (личностного) развития и, следовательно, включенности организма в это развитие. Напротив, согласно А. Н. Леонтьеву, «личностью не рождаются». Возможно, данные теоретико-методологические расхождения внесли свою лепту в тот схизис, следствием которого стало не только размежевание позиций ученика и учителя [11], но и отход советской психологии от холистической (организмической) традиции в целом.

низма является однонаправленным: «Организм стремится как можно полнее актуализировать в мире свои способности, свою “природу”» (см.: [29. Р. 196]). Важный аспект его теории — это идея о едином и универсальном мотиве человеческого организма — самоактуализации, или самоосуществлении. Возражая полярным данной идее мнениям о множественности мотивов, К. Гольдштейн [29] писал, что в конкретных условиях тенденция к актуализации какой-то одной потребности может доминировать настолько, что организм будет двигать именно она. К. Гольдштейн продолжал традицию гештальтпсихологии, полагая, что первичная организация функционирования организма — это фигура и фон. Динамика фона и фигуры в организме зависит от актуальной потребности организма. К. Гольдштейн выделял естественные фигуры, «функционально укорененные в организме», и неестественные — изолированные от организма (см.: [18. С. 201]). Эти изолированные от организма фигуры являются продуктом пережитых травматических ситуаций или ситуаций научения, не содержащих для человека смысла. Отличить один тип фигуры от другого можно по связанному с фигурой поведению. В случае естественной фигуры это гибкое поведение, соответствующее актуальной ситуации, в случае неестественной фигуры это ригидное, механистичное поведение¹.

При описании динамики организма К. Гольдштейн [29] выделял три основных аспекта: 1) процесс центрирования организма; 2) самоактуализацию; 3) стремление к согласию со средой. Он утверждал идею о постоянном запасе организмической энергии, имеющей свойство равномерного распределения. Другими словами, любое напряжение в организме стремится к распределению, выравниванию (или центрированию). Выровнять напряжение, а не снять его — вот цель здорового человека. *Состояние центрированности соответствует наиболее эффективному развитию человека*, взаимодействию его с миром в соответствии с его природой, соответствует его *самоактуализации*. Что касается самоактуализации, то К. Гольдштейн называл ее основным мотивом человека. А все остальные потребности (голод, секс, любопытство и др.) — это лишь различные пути актуализации организма. Среда рассматривалась К. Гольдштейном, во-первых, как источник нарушений в организме и, во-вторых, как естественная преграда, в совладании с которой организм может самоактуализироваться. Среда может действовать разрушительно на организм, при этом «согласие со средой» ведет к самоактуализации организма.

Еще одним теоретиком организмической теории принято считать Андраша Ангяла (1902—1960), американского психиатра венгерского происхождения. Продолжая традицию развития холистических идей, А. Ангял был сторонником создания единой науки, изучающей все аспекты человека: биологические, психологические, социальные. Особенностью теории А. Ангяла (в отличие от теории К. Гольдштейна) стало постулирование принципа изучения организма в его тесной связи со средой. Таким образом, основой теории А. Ангяла стал холистический концепт *целостности организма и среды*. При этом организм и среда рассматривались «...не как взаимодействующие части, не как составляющие, обладающие независимым существованием, но как аспекты единой реальности, ко-

¹ Несколько забегая вперед, отметим, что эту идею мы встретим в работах К. Роджерса [12; 14; 46], в которых он соотносит ОЦП и ЦС.

торые можно разделить лишь абстрактно» (цит. по.: [18. С. 212]). Такой холистический концепт был назван биосферой [20]. Вместо того чтобы изучать организм и среду по отдельности, А. Ангял [20] изучал динамику и структуру биосферы, аспектами которой являлись и организм, и среда. Структура биосферы делится на системы, самые крупные системы — это соответственно организм и среда. Развитие системы происходит путем дифференциации и интеграции ее частей, при этом утверждается, что основная черта системы — это консервативность в отношении дифференциации¹. Важное место в теории А. Ангяла занимают понятия автономии и гетерономии. А. Ангял считает среду и организм разнонаправленными сторонами континуума, несмотря на связь и взаимодействие, эти полюса имеют тенденцию к разнонаправленному движению. Автономия — это попытки организма подчинить себе среду, а гетерономия — это стремление среды подчинить себе организм, разрушить его. Базовый мотив автономии — самодетерминация. Позитивная динамика биосферы состоит в том, что человек инкорпорирует элементы среды и развивает среду благодаря собственным вкладам.

Крупнейшим теоретиком организмической теории считается Абрахам Гарольд Маслоу (1908—1970), который был коллегой А. Ангяла и К. Гольдштейна в Университете Брандейса. Идеи А. Маслоу относительно организма он сам называл холистико-динамическими. Признавая ограниченность механистического и атомистического подхода в психологии и рассуждая о холистическом целом или холистической единице, А. Маслоу [7] говорил об акте адаптации или совладания с проблемой, поскольку в подобный акт адаптации включен и сам организм, ситуация или контекст и конечная цель. При этом он ставил под сомнение данный концепт, писал о его ограниченности, указывая на возможные более крупные единицы целостности. Разрабатывая холистическую методологию в психологии, А. Маслоу утверждал необходимость изучения личности как части целого, развивая идею К. Гольдштейна о самоактуализации. Для А. Маслоу данная тенденция присуща каждому человеческому организму, а его «...полностью здоровое, нормальное и желательное развитие состоит... в движении к зрелости по тем тропам, на которые указывает эта сокровенная, смутно видимая человеческая природа, скорее внутренняя, чем оформляющаяся под влиянием внешних сил» [Там же. С. 340]. Из приведенной цитаты ясно, что любую психопатологию и разного рода личностные отклонения он трактовал как результат фрустрации стремления организма к самоактуализации. Причины фрустрации данной тенденции кроются в среде, окружающей организм. Согласно А. Маслоу, тенденцию к самоактуализации сложно сравнить, например, с инстинктами животных, поскольку организмическая тенденция «...слаба, хрупка, тонка, легко одолевается привычкой, давлением культуры, неправильным к ней отношением» (см.: [38. Р. 4]).

А. Маслоу [7] продолжил традицию разработчиков организмической теории, утверждая, что организм — активный участник событий. Организм явля-

¹ Интересно, что в своей теории А. Ангял предлагает концепт «символическое Я» и описывает его в некотором роде сходно с идеей К. Роджерса о Я-концепции. Символическое Я — это идеи человека о самом себе, при этом это не всегда истинные представления. «Относительная сегрегация символического Я внутри организма — быть может, наиболее уязвимый момент организации человеческой личности», т. е. поведение человека в соответствии с его символическим Я может стать причиной неосознанной изоляции человека от истинных организмических потребностей (см.: [18. С. 214]). Эту же мысль мы встречаем у К. Роджерса [13], когда он говорит о возможных конфликтах потребностей Я-концепции и организма.

ется объектом влияния различных причин и раздражителей и при этом вступает в сложные взаимоотношения с ними и влияет на них.

Обобщая основные положения организмических теорий, мы обнаруживаем, что *самоактуализация — это базовый мотив организма человека*. Самоактуализация придает единство всем проявлениям человека как организма. Организмические теории изучают отдельные аспекты организма только в составе целого. Организм рассматривается как открытая система, существующая во взаимодействии со средой. *Основной акцент ставится на присущей организму внутренней тенденции развиваться в направлении самоосуществления.*

Понятие «организм» в теории К. Роджерса

Выше мы рассмотрели основные предпосылки зарождения холистической (организмической) психологии, а также центральные идеи и разработки ее теоретиков — К. Гольдштейна, А. Ангяла, А. Маслоу. Психологическая теория К. Роджерса, образующая фундамент человекоцентрированного подхода, является одной из наиболее влиятельных в организмическом семействе психологических теорий (см.: [18. С. 229]). Основными понятиями данной теории являются концепты ОЦП и ЦС человека.

К. Роджерс [13] развивает идею А. Ангяла о том, что сознание человека представляет собой результат и процесс символизации опыта. Сознание представляется и как процесс символизации, и как часть символизированных переживаний одновременно. В сознание попадает лишь часть опыта организма, подвергнутая символизации, и эта часть формирует Я-концепцию человека. А другая часть опыта остается на до-символическом уровне: вытесненная по причине опасности для Я-концепции человека или необработанная по причине неактуальности в конкретный момент жизни. Всю совокупность переживаний и опыта человека, как символизированную, так и несимволизированную, К. Роджерс [13] описывает, используя понятия «эмпирическая сфера», «феноменальная область» или «опыт» организма. Опыт организма соответственно рождается из висцеральных и сенсорных ощущений, а также из первичных переживаний организма [6], т. е. из всего того, что испытывает человек на организмическом уровне.

К. Роджерс [13] определял организм как центр или локус всего опыта переживаний, сенсорных и висцеральных [13]. «Внутреннее ядро личности человека составляет организм как таковой...» [45. Р. 92]. Таким образом, организм — это не просто биохимический «дом» для личности. *Организм по сути является содержанием, внутренним ядром личности*. В этой идее проявляется отчетливое отличие концепции К. Роджерса от преобладавших на тот момент редуccionистских психологических теорий и концепций. Идея нерасторжимой взаимосвязи организма и личности в концепции К. Роджерса продолжает тем самым холистическую традицию, представленную в организмических теориях его предшественников.

Организм в теории К. Роджерса представляется как организованное целое, имеющее тенденцию к целенаправленной активности. Данная активность определяется как тенденция «...организма продвигаться в направлении к зрелости, какой она предопределена для каждого вида» [13]. Вслед за К. Гольдштейном К. Роджерс рассматривал эту тенденцию в качестве основного мотива организ-

ма. «Организм имеет одну основную тенденцию и стремление — актуализировать (задействовать), сохранять и укреплять организм как средоточие опыта» [13]. Следуя К. Гольдштейну, К. Роджерс называл другие потребности организма (стремление к самозащите, употреблению пищи, контактам с другими людьми и т. д.) не просто периферийными по отношению к основному мотиву, но призванными в конечном счете осуществлять его актуализацию. *Содержание феномена актуализации можно описать как перевод потенций организма в действительность, как развертывание его способностей.* К. Роджерс соглашался с тем, что тенденция к актуализации организма в широком понимании — это не что иное, как механизм эволюции. Если обратиться к концепции среда-организм, то можно выделить два аспекта самоактуализации организма. В биологическом смысле самоактуализация — это стремление организма к зрелости через дифференциацию его органов и функций. В психологическом же понимании самоактуализация — это стремление организма к большей самодостаточности, ответственности, самодетерминации и автономии. Тем самым К. Роджерс развивает идею А. Ангяла о том, что самоактуализация организма — это его движение от гетерономной обусловленности ко все большей автономии (см.: [20. Р. 32—50]).

Так же, как и А. Маслоу, Роджерс считал, что внутренняя природа человека (и соответствующая ей тенденция к самоактуализации) «слаба, хрупка, тонка, легко одолевается привычкой, давлением культуры, неправильным к ней отношением... Даже отвергаясь, она продолжает подпольное существование, вечно стремясь к актуализации» [38. Р. 4]. К. Роджерс полагал, что данная тенденция неуничтожима, поскольку неотделима от самой жизни организма. Более того, она всегда обнаруживает себя в ситуации любого выбора, хотя человек не всегда может распознать ее присутствие и последовать ее «зову». Иначе говоря, в ситуации несоответствия потребностей «Я» («оболочки» личности) и потребностей организма («ядра» личности) может происходить удовлетворение потребностей «Я» вопреки нуждам организма. А это означает отстранение и отчуждение организма от своей внутренней природы, от процесса самоактуализации. Согласно К. Роджерсу, «Я» — это «организованная, подвижная, но последовательная концептуальная модель восприятия “своих” характеристик и взаимоотношений и вместе с тем система ценностей, применяемых к этому понятию» [13].

Итак, согласно К. Роджерсу:

1. *Организм* — это не просто сумма биохимических процессов, обеспечивающих существование личности, но, напротив, *основа и ядро личности*.
2. *Тенденция к самоактуализации* — *главный мотив жизнедеятельности организма*.
3. Между потребностями *организма* («ядра» личности) и «Я» («оболочки» личности) *существует противоречие*, разрешение которого может либо способствовать, либо препятствовать тенденции к самоактуализации.

Организмический ценностный процесс и ценностная система в концепции К. Роджерса

К. Роджерс определял ценности как свойственные живым существам способности «демонстрировать своими действиями предпочтение одного объекта (цели) другому» (см.: [14. С. 181]). Опираясь на свой психотерапевтический

опыт, К. Роджерс [14; 46] предложил свою концепцию ценностей человека или концепцию ОЦП. В рамках этой концепции К. Роджерс описал способность человека распознавать, что полезно для него, что является основой для более полноценной жизни. К. Роджерс определял ОЦП как «...непрекращающийся процесс, в котором ценности не неизменны и не ригидны, а опыт точно символизируется и непрерывно снова и снова оценивается через призму удовлетворения организмического опыта» [6. С. 32]. Следствием удовлетворения организмического опыта является сохранение и усиление самого организма «как в текущем моменте, так и в долгосрочной перспективе» [Там же]. Из этого определения мы можем выделить следующие основные черты ОЦП:

- 1) процесс постоянный, непрекращающийся;
- 2) ценности подвижны;
- 3) происходит точная символизация опыта;
- 4) происходит постоянный процесс ценения;
- 5) основа ценения — удовлетворение организмического опыта;
- 6) в результате происходит усиление организма.

К. Роджерс [14; 46] исходил из предположения, что ОЦП врожден и свойствен каждому человеку. Описывая присущий младенцу ОЦП, К. Роджерс писал о том, что ребенок обладает способностью различать объекты или впечатления либо как ценные для поддержания своей жизнедеятельности, либо как не ценные: «Изучая его (младенца. — Е. Г., А. О.) поведение, мы можем прийти к выводу, что он предпочитает те элементы своего опыта, которые поддерживают, усиливают или актуализируют его организм, и отвергает те, которые не служат этой цели» [14. С. 182]. Взаимодействии младенца с реальностью происходит исходя из его основного мотива — самоактуализации. Как свидетельствуют результаты современных исследований, младенцы действительно ценят те объекты и проявляют желание в отношении тех объектов, в которых испытывает потребность их организм [41]. Таким образом, изначально в младенчестве организм способен *ценить* те элементы среды, которые способствуют его актуализации, и *позитивно относиться* к ним, и наоборот, он не ценит те элементы среды, которые не способствуют данной тенденции, и негативно относится к ним. В этом контексте важно отметить, что ОЦП отличается тем, что локус ценения находится всегда в самом организме человека. Младенец — это автономный центр процесса ценения, и изначально он закрыт от ЦС значимых Других [10].

Таким образом, ОЦП — это врожденная внутренняя система мотивации, позволяющая организму распознавать в своем опыте, что будет способствовать его актуализации, а что нет.

Организмический ценностный процесс К. Роджерс противопоставлял ЦС. Ценностная система — это ригидная система ценностей, которую ребенок усваивает извне при взаимодействии со значимыми Другими. Усваивая ЦС, ребенок теряет связь с ОЦП, природной мудростью организма. Как же происходит эта утрата?

Маленький ребенок нуждается в любви и заботе со стороны значимого Другого (родителя), этот факт является аксиомой в большинстве психологических теорий (Дж. Боулби, К. Хорни, Э. Эриксон и др.). При этом:

- *ребенок понимает, что действия, которые приносят ему приятные ощущения и переживания, могут вызывать негативную реакцию родителя, в результате чего он утрачивает доступ к его любви;*
- *подобные эпизоды могут повторяться в связи с определенными действиями ребенка;*
- *в результате возникает конфликт между собственными приятными ощущениями и переживаниями ребенка (основанными на внутреннем локусе ценения) и любовью и заботой со стороны*

- родителей (представленных внешним локусом оценивания); получая любовь родителей, ребенок утрачивает доверие к сигналам своего организма;*
- *ребенок «интроецирует ценностное суждение другого, постепенно принимая его в качестве своего собственного» [14. С. 183].*

Таким образом, стремясь к сохранению любви и одобрения взрослого, ребенок приобретает внешний локус оценивания¹. При этом он теряет способность доверять своему опыту «как руководящему принципу поведения» [Там же. С. 184]. Так как усвоенные ребенком знаемые ценности не проверены опытом и не основаны на его ОЦП, они формируются в устойчивые, ригидные ЦС [10]. Так, согласно К. Роджерсу, у ребенка развивается инконгруэнтность своему собственному опыту. Таким образом, вместо подвижного, основанного на организмическом опыте ОЦП ребенок обретает фиксированные ЦС (см.: [14. С. 184]). Обобщая, можно сказать, что ослабление контакта с ОЦП — это способ потери человеком своей врожденной аутентичности: «Глубинное расхождение между нашими понятиями и тем, что мы действительно ощущаем, между интеллектуальной структурой наших ценностей и ценностным процессом, неосознанно протекающим в нас, — часть фундаментального отчуждения современного человека от самого себя» [Там же. С. 185]. Организм не просто «знает», что ему нужно для более полноценного функционирования, но и «активен» в движении к этому, однако эта активность может частично блокироваться ригидными ЦС [30], мешающими человеку услышать свой внутренний аутентичный голос в какофонии звучащих извне оценочных голосов.

Важно отметить, что в концепции К. Роджерса ОЦП реализует не только эгоистический, индивидуалистический интерес, не только самоактуализацию конкретного организма, но одновременно и интересы других людей и общества в целом [48; 49]. Р. Байярд и Дж. Байярд, описывая последствия действий «внутреннего сигнальщика», являющегося, по сути, эквивалентом ОЦП, также отмечают его конструктивную природу: «Мы убеждены: изначально, в своей основе, людей делают счастливыми любовь, сотрудничество, предоставление свободы другим и ощущение их счастья. И если вы на самом деле дадите полную свободу вашему сигнальщику, он приведет вас ко всему этому. Не следует бояться, что он толкнет вас к эгоистичным и деструктивным поступкам» [3. С. 38]. В этом контексте можно сказать, что ОЦП является не только частной и индивидуальной, но и универсальной и видовой системой адаптации [9; 14; 26; 37].

Тенденция к актуализации организма — это критерий ОЦП [6]. В свою очередь, ОЦП — это психологический механизм самоактуализации. Если посредством ОЦП происходит самоактуализация организма человека, то ЦС выступает в качестве препятствия этому процессу.

Современный взгляд на организмический ценностный процесс

В современной психологии прослеживается тенденция к сближению концепции ОЦП К. Роджерса и теории самодетерминации (ТСД), созданной двумя американскими психологами из Рочестерского университета — Э. Л. Деси и

¹ В данной связи интересно высказывание Д. Винникотта, представителя психоаналитического направления, о внутреннем интуитивном знании матерей, действительно заботящихся о ребенке: «Наше цивилизованное просвещенное общество предлагает много ценных знаний — только бы вы усваивали их не за счет потерь заложенного в вас природой» [5. С. 65]. На наш взгляд, здесь имплицитно содержится идея ОЦП как источника интуитивного знания, способствующего полноценному развитию ребенка.

Р. М. Райаном [22] (см. также: [30; 31; 32; 42; 49]). Основой для такого сближения являются следующие обстоятельства: ТСД, так же как и концепция ОЦП, строится на допущении об организмической тенденции к самоактуализации; в ТСД, так же как и в концепции ОЦП, подчеркивается центральная роль внутренних ресурсов человека для развития индивидуальности и поведенческой саморегуляции [22]; обе теории основаны на биологической модели и на эмпирически проверенном утверждении, что любая живая система «знает», что для нее хорошо [30]; более поздняя ТСД основана, как и концепция ОЦП, на существовании таких трех психологических потребностей, как потребности в безопасности, принадлежности и самоактуализации [30].

В пользу данного сближения говорит также тот факт, что для психологического роста и благополучия важно удовлетворение как биологических потребностей, так и потребностей в компетентности, автономии и принадлежности [22].

Согласно концепции ОЦП внутренняя тенденция организма, устремленная к самоактуализации и движению к более полному функционированию, связана с ценением и выбором человеком тех целей (валентностей), которые ведут к удовлетворению актуальных потребностей организма, и с отказом от тех целей (валентностей), которые не ведут к полноценному функционированию. Аналогичным образом в ТСД выделяются два вида целей: внутренние (intrinsic) и внешние (extrinsic). Выбор внутренних целей обеспечивает достижение физического здоровья, развитие чувства самопринятия, реализацию бережных и осмысленных социальных отношений. Выбор внешних целей реализуется в богатом и материалистичном стиле жизни, культивировании человеком своей внешности, достижении высокого уровня популярности или соответствия другим [30]. Иначе говоря, ОЦП соотносим с внутренними целями, тогда как ЦС — с целями внешними. В данной связи примечательно, что в большинстве исследований, в которых участникам необходимо было соотнести свои цели с внешними и внутренними целями, в категорию внутренних целей попадали личностный рост, благополучие, самоактуализация [Там же. Р. 50].

Следует также отметить, что ОЦП связан с благополучием (well-being) человека, поскольку связь между приоритетом человека в отношении стремления к осуществлению внутренних целей и благополучием имеет надежное эмпирическое подтверждение [23; 34]. Предметом одного из эмпирических исследований стало существование ОЦП как такового [49]. Данное исследование строилось на основе следующих положений: люди в конечном счете отвергают те цели и мотивы, которые не идут им на пользу; люди в конечном счете сохраняют те мотивации, которые полезны для них; люди могут постепенно изменять свой жизненный курс в более организмическом и конгруэнтном направлении [48]. В самом исследовании была сделана попытка задокументировать существование ОЦП. Изучалось изменение точки зрения испытуемых на преследуемые ими ценности. Исследователи связали конструкт ОЦП с понятием «субъективное благополучие» («subjective well-being» — SWB), поскольку то, что полезно, связано с SWB. Результаты показали, что у людей есть незначительная тенденция к движению в течение долгого времени к целям, связанным с SWB, и в отдалении от целей, потенциально проблематичных для SWB [49].

В современной психологической литературе есть исследования не только ОЦП как такового, но и условий его активизации, восстановления связи или контакта человека с собственным ОЦП. Фасилитацией ОЦП может быть движение к собственному благополучию, достижение внутренних целей [49]. Еще одно условие активизации ОЦП — это «пробуждающий вызов» (wake-up call) [30]. «Пробуждающий вызов» — это внешнее событие, которое активирует ОЦП. Таким вызовом может оказаться психологическая травма, потеря, любое значимое изменение в жизни, которое приводит человека к пересмотру своих представлений о том, что действительно важно в жизни, к активизации процессов смыслообразования. Наиболее обобщенная типология «пробуждающих вызовов» может быть представлена следующим образом: негативные травматические события; позитивные значимые события; события, усиливающие связь человека с природой [30].

Результаты ряда эмпирических исследований свидетельствуют о том, что посттравматический рост активизирует ОЦП [28; 31; 44]. Существуют различные свидетельства, подтверждающие эту гипотезу. Так, в одном из исследований было показано, что психологическими последствиями радиотерапии могут стать: переориентация пациентов с внешних целей на цели внутренние; посттравматический рост; активизация ОЦП [44]. В другом исследовании испытуемыми были люди, выжившие во время землетрясения в Нортридже в 1994 г.; те из них, которым удалось справиться с травматическим опытом, показали переориентацию в сторону внутренних (intrinsic) целей. Показательно при этом, что данное изменение целей было более значимым для тех испытуемых, которые испытали большой страх за свою жизнь в момент землетрясения [28].

«Пробуждающим вызовом» для ОЦП организма могут быть не только негативные события и травмы, но и позитивные значимые события в жизни человека. Например, рождение ребенка может стать чем-то вроде такого «организмического звонка», напоминающего не только будущей матери, но и будущему отцу о важности организмических потребностей. Так, существуют эмпирические свидетельства изменений целей от внешних к внутренним у беременных женщин и будущих отцов [27; 43]. Особенно значимы эти изменения для женщин, ожидающих первого ребенка [27].

Гипотеза активации ОЦП благодаря приближению человека к природе основывается на теории биофилии. Термин «биофилия» впервые использовал Э. Фромм (см.: [30]) для описания психологической ориентации человека на все живое и витальное¹. Э. Фромм разработал два конструкта: биофилию — «синдром, усиливающий жизнь, который относится к любви к жизни, ко всему, что служит жизни, и который выражается через самоотверженность, воспитание и творческую работу»; и некрофилию — «разрушающий жизнь синдром, который относится к похотливому влечению ко всему разрушительному, механическому или мертвому» (цит. по.: [36, Р. 419]). В целом концепты биофилии и некрофилии имеют определенное сходство с концепцией стремления к жизни и стремления к смерти у З. Фрейда [17], в которой человек рассматривается как постоянно пребывающий в борьбе между прогрессивными и регрессивными устремлениями. Однако если у З. Фрейда стремления к жизни и смерти являются биологически

¹ Однако данную идею можно встретить в трудах философов эпохи Античности. Например, у Аристотеля эта идея составляет основу концепции любви к жизни [47].

детерминированными и в равной степени имеющими ценность для человека, то биофилия/некрофилия у Э. Фромма образуют полюса аксиологического континуума, где биофильная ориентация рассматривается как норма, а некрофилия — как психопатология, результат нарушения биофильной ориентации [36].

Впоследствии концепция биофилии была развита в работах Э. Вилсона [53] и П. Кана [33]. Эти авторы рассматривают биофилию как генетически детерминированную внутреннюю тенденцию или внутреннюю ценность, характерную для человеческого вида и определяющую приверженность человека всем формам витальности, неизбежное стремление человека к любым формам жизни и природе в целом вне зависимости от расовых, этнических, культурных и прочих различий.

В настоящее время существуют эмпирические исследования, показывающие связь между активацией биофильной ориентации у испытуемых и усилением их внутренних ценностей (и, следовательно, их ОЦП). Так, в исследовании, в котором зависимой переменной была выраженность у испытуемых внешних и внутренних ценностей, первой подгруппе испытуемых демонстрировался видеоряд сначала с природными, а потом с городскими пейзажами. Второй подгруппе испытуемых, наоборот, демонстрировался видеоряд сначала с городскими, а потом с природными пейзажами. Было показано, что усиление внутренних целей наблюдалось только у испытуемых второй подгруппы [51] (см. также: [30. Р. 54]).

***

На основе результатов проведенного теоретического анализа мы построили *теоретическую модель ситуаций актуализации ЦС или ОЦП как различных ориентиров самоисследования человека*. Данная модель может быть представлена в виде следующих положений:

1. В жизненных ситуациях человек постоянно сталкивается с необходимостью принятия решения или совершения выбора.
2. Любая ситуация включает в себя как гетерономные (не зависящие от человека), так и автономные (предполагающие активность самого человека) аспекты.
3. ЦС и ОЦП являются полюсами континуума мотивации, принятия решения или совершения выбора.
4. Любую ситуацию можно охарактеризовать как ситуацию, где выбор осуществляется либо на основе ЦС, либо на основе ОЦП.
5. Ситуации актуализации ЦС — это ситуации гетерономии, обусловленности, дезорганизации и стагнации, они воспринимаются на уровне сознания и характеризуются ощущением преграды, фрустрации, фиксации, внешним локусом оценивания, преимущественным присутствием среды (окружение, другие), доминированием внешних целей, интеллектуальной активности, ощущениями моральности и некрофильной ориентацией в целом.
6. Ситуации актуализации ОЦП — это ситуации автономии, самодетерминации, организации и самоактуализации, они ощущаются на организмическом уровне и отличаются ощущением свободы, совладания, развития, внутренним локусом ценения, преимущественным присутствием Я, доминированием внутренних целей, сильными эмоциональными переживаниями, ощущениями витальности и биофильной ориентацией в целом.

Вместо заключения

Здесь мы приводим дневниковые записи, сделанные одним из авторов данной статьи несколько лет назад в бытность студенткой магистратуры НИУ ВШЭ, в которых описывается ситуация выбора специализации (трека) в рамках конкретной магистерской программы. Эти дневниковые записи являются, на наш взгляд, замечательной иллюстрацией смены ситуации актуализации ЦС ситуацией актуализации ОЦП.

«<...> Я пережила совершенно уникальный и новый для меня опыт. Это случилось на первом курсе магистратуры, в тот момент, когда студенты мечутся между треками, чтобы выбрать свой единственный. Это, конечно же, самая актуальная задача на тот момент, выбор, так сказать, на всю жизнь. Это сейчас вызывает улыбку, а тогда этот выбор казался просто “жизнеопределяющим”. Ситуация выбора в моем случае растянулась где-то на месяц. С учетом того что я не имела базового психологического образования (бакалавриата) и соответственно была не очень хорошо знакома с теориями К. Роджерса и Э. Берна, пыталась впитывать происходящее и мысленно примерять на себя оба направления. Я наблюдала за руководителями треков, двумя мэтрами, которые олицетворяли собой идеологию обоих подходов. Внутренне примерялась к обоим. Постепенно подходил срок финального самоопределения, накал переживаний нарастал. А я по-прежнему не могла определиться с выбором. Первое высшее образование развило во мне смелость, находчивость, стремление использовать любые шансы, чтобы продвинуться к цели. Я помню, как останавливала в коридорах университета студентов второго года, спрашивая их о сделанном выборе. Советовалась с преподавателями. Я спрашивала мнения тех студентов, которые уже определились, в надежде услышать аргументы, которые мне тоже показались бы решающими. Говорила с теми, кто еще не определился. Тогда я использовала все возможности получить информацию от других людей, а ответа, который родился бы внутри меня, не находила. Сбор внешней информации и анализ плюсов и минусов казался мне самой приемлемой и привычной стратегией принятия решения. Так я делала всегда. Понизить ценность выбора тоже не удалось, он казался мне действительно важным. Я помню это чувство пресыщения информацией и чужими мнениями и осознания, что ни одно из них мне не подходит на 100 %.

Все решилось в метро, когда я ехала из университета домой поздно вечером. Я чувствовала себя такой уставшей, истощенной от этой мысленной работы, связанной с выбором. Я вспоминала о том, как N (преподаватель трека “Человекоцентрированный подход”) говорил про одно из понятий теории К. Роджерса, а именно про “организмическое доверие”. Мне почему-то очень понравилось тогда это понятие. Это казалось невероятным — довериться тотальности своего опыта, да и что это такое “тотальность”?! Вот размышления — это понятно, анализ тоже понятно. Но возможность довериться этой загадочной тотальности меня будоражила. Итак, я ехала в метро, оставшая, в вагоне было очень шумно, его раскачивало. Я стояла, опершись о поручень, с закрытыми глазами. Мысленно я обратилась к себе с вопросом: “А куда я хочу пойти завтра?! В аудиторию 103 на занятие по человекоцентрированному подходу или в аудиторию 104 на занятие по транзактному анализу? Где сейчас я хочу БЫТЬ?” Именно БЫТЬ, без плюсов и минусов, возможных выгод или прочего другого. Внутренний ответ как будто даже не успел символизироваться, он еще не успел превратиться в мысли, а я уже подхватила его на до-символическом уровне. Это не было как удар, скорее что-то слабое, но теплое и обволакивающее. Это было необыкновенное ощущение, которое я испытала впервые в жизни. Я поняла, что хочу быть сейчас в кругу студентов и преподавателей трека “Человекоцентрированный подход”, и мысли о будущем не так важны.

Теперь, спустя два года, я понимаю, что это был выбор, основанный на организмическом доверии, сделанный на основе организмического ценностного процесса. Мне кажется, это со мной произошло не впервые, но так четко и остро я осознала это только в той ситуации.

«<...> Возвращаясь мысленно к пройденным двум годам обучения, я понимаю, что тот выбор был направлен на мою актуализацию. <...> То, что я получила на треке “Человекоцентрированный подход”, именно это и нужно было мне для развития и того качественного изменения, которое со мной произошло. Я, выражаясь метафорически, оказалась на следующие два года в правильной теплице, именно с теми условиями: влажностью, температурой, почвой, которые нужны были для моего роста и цветения. Мой организм знал это еще до того, как это понял мой разум. И это удивительно! Мне нужна была эта атмосфера безопасности, царившая на занятиях по человекоцентрированному подходу, эти необыкновенные отношения с одноклассниками и преподавателями. Мне это нужно было, чтобы окрепнуть себя. <...>»

Within the framework of the holistic tradition in psychology (from J. H. Smuts to C.R. Rogers) the problem of human values is considered. The article analyzes the organismic psychological conceptions.

Particular attention is paid to the key concepts of the theoretical conception of C. R. Rogers — value system and valuing process. Discuss the characteristics of situations, activating the value system or the organismic valuing process as various landmarks of the process of self-investigation.

Keywords: self-actualization, organismic valuing process, values, value choice, value system, Self-concept, self-investigation.

Литература

1. *Ананьев, Б. Г.* Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. — СПб. : Питер, 2001. — 288 с. *Anan'ev, B. G.* Chelovek kak predmet poznaniya / B. G. Anan'ev. — SPb. : Piter, 2001. — 288 с.
2. *Асмус, В. Ф.* Метафизика Аристотеля / В. Ф. Асмус // Сочинения : в 4 т. — М., 1976. — Т. 1. — С. 4—62. *Asmus, V. F.* Metafizika Aristotelya / V. F. Asmus // Sochineniya : v 4 t. — M., 1976. — T. 1. — S. 4—62.
3. *Байярд, Р.* Ваш беспокойный подросток / Р. Байярд, Дж. Байярд ; пер. А. Б. Орлов. — М. : Просвещение, 1991. — 208 с. *Bajyard, R.* Vash bespokojnyj podrostok / R. Bajyard, Dzh. Bajyard ; per. A. B. Orlov. — M. : Prosveshhenie, 1991. — 208 s.
4. *Верещагин, В. Л.* К вопросу об истории холизма [Электронный ресурс] / В. Л. Верещагин // Холизм и здоровье. — Режим доступа: <http://journal.celenie.ru/index.php/vereshchagin> *Vereshhagin, V. L.* K voprosu ob istorii xolizma [E'lektronnyj resurs] / V. L. Vereshhagin // Holizm i zdorov'e. — Rezhim dostupa: <http://journal.celenie.ru/index.php/vereshchagin>
5. *Винникотт, Д. В.* Маленькие дети и их матери / Д. В. Винникотт. — М. : Класс, 1998. — 80 с. *Vinnikott, D. V.* Malen'kie deti i ix materi / D. V. Vinnikott. — M. : Klass, 1998. — 80 s.
6. Ежегодник по клиентоцентрированной психотерапии и человекоцентрированному подходу — 2019 / науч. ред. А. Б. Орлов, В. В. Колпачников, В. Ю. Меновщиков. — М. : Ин-т консультативной психологии и консалтинга (ФПК-Институт), 2019. *Ezhegodnik po klientocentrirovannoj psixoterapii i chelovekocentrirovannomu podходу — 2019 / nauch. red. A. B. Orlov, V. V. Kolpachnikov, V. Yu. Menovshhikov. — M. : In-t konsul'tativnoj psixologii i konsaltinga (FPK-Institut), 2019.*
7. *Маслоу, А. Г.* Мотивация и личность : [пер. с англ.] / А. Г. Маслоу. — СПб. : Питер, 2009. — 352 с. *Maslou, A. G.* Motivaciya i lichnost' : [per. s angl.] / A. G. Maslou. — SPb. : Piter, 2009. — 352 s.
8. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Нац. общ.-науч. фонд ; Науч.-ред. совет. — М. : Мысль, 2010. — Т. 4. — 736 с. *Novaya filosofskaya e'nciklopediya : v 4 t. / In-t filosofii RAN ; Nacz. obshh.-nauch. fond ; Nauch.-red. sovet. — M. : My'sl', 2010. — T. 4. — 736 s.*
9. *Орлов, А. Б.* Эволюция межличностных отношений в семье: основные подходы, ориентация и тенденции / А. Б. Орлов // Магистр. — 1996. — № 1. — С. 52—64. *Orlov, A. B.* E'voluciya mezlichnostny'x otноshenij v sem'e: osnovny'e podhody, orientaciya i tendencii / A. B. Orlov // Magistr. — 1996. — № 1. — S. 52—64.
10. *Орлов, А. Б.* Человекоцентрированный подход в психологии, психотерапии, образовании и политике : (к 100-летию со дня рождения К. Роджерса) / А. Б. Орлов // Вопр. психологии. — 2002. — № 2. — С. 64—84. *Orlov, A. B.* Chelovekocentrirovannyj podhod v psixologii, psixoterapii, obrazovanii i politike : (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya K. Rodzhersa) / A. B. Orlov // Vopr. psixologii. — 2002. — № 2. — S. 64—84.
11. *Орлов, А. Б.* А. Н. Леонтьев — Л. С. Выготский : очерк развития схизиса / А. Б. Орлов // Вопр. психологии. — 2003. — № 2. — С. 70—85. *Orlov, A. B.* A. N. Leont'ev — L. S. Vy'gotskij : ocherk razvitiya sxizisa / A. B. Orlov // Vopr. psixologii. — 2003. — № 2. — S. 70—85.
12. *Роджерс, К. Р.* Свобода учиться / К. Роджерс, Дж. Фрейберг. — М. : Смысл, 2002. — 528 с. *Rodzhers, K. R.* Svoboda uchit'sya / K. Rodzhers, Dzh. Frejberg. — M. : Smy'sl, 2002. — 528 s.
13. *Роджерс, К. Р.* Теория личности [Электронный ресурс] / К. Роджерс. — Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/roger02/txt00.htm> *Rodzhers, K. R.* Teoriya lichnosti [E'lektronnyj resurs] / K. Rodzhers. — Rezhim dostupa: <http://psylib.org.ua/books/roger02/txt00.htm>
14. *Роджерс, К. Р.* Современный подход к ценностному процессу / К. Р. Роджерс // Ежегодник по консультативной психологии, коучингу и консалтингу / науч. ред. В. Ю. Меновщиков, А. Б. Орлов. — М., 2014. — Вып. 1. — С. 180—195. *Rodzhers, K. R.* Sovremennyj podhod k cennostnomu processu / K. R. Rodzhers // Ezhegodnik po konsul'tativnoj psixologii, kouchingu i konsaltingu / nauch. red. V. Yu. Menovshhikov, A. B. Orlov. — M., 2014. — Vy'p. 1. — S. 180—195.

15. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / сост. В. В. Виноградов [и др.] ; под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Рус. словари, 1994. — Т. 2.
Tolkovyj slovar' russkogo yazy'ka : v 4 t. / sost. V. V. Vinogradov [i dr.] ; pod red. D. N. Ushakova. — M. : Rus. slovari, 1994. — T. 2.
16. Трифонов, Е. В. Психофизиология человека [Электронный ресурс] / Е. В. Трифонов // Русско-англо-русская энциклопедия. — Режим доступа: <http://www.tryphonov.ru/tryphonov6/terms6/hlm.htm>
Trifonov, E. V. Psixofiziologiya cheloveka [E'lektronny'j resurs] / E. V. Trifonov // Russko-anglorusskaya e'nciklopediya. — Rezhim dostupa: <http://www.tryphonov.ru/tryphonov6/terms6/hlm.htm>
17. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд; пер. с нем. А. М. Боковой. — М. : Просвещение, 2006. — 335 с.
Frejd, Z. Psixologiya bessoznatel'nogo / Z. Frejd ; per. s nem. A. M. Bokovikova. — M. : Prosveshhenie, 2006. — 335 s.
18. Холл, К. С. Теории личности : пер. с англ. / К. С. Холл, Г. Линдсей. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. — 592 с.
Holl, K. S. Teorii lichnosti : per. s angl. / K. S. Holl, G. Lindsej. — M. : E'KSMO-Press, 2000. — 592 s.
19. Эфа, С. Г. Проблема ценностей и ценностных ориентаций в философской и психологической литературе / С. Г. Эфа // Вестн. Сибир. гос. аэрокосм. ун-та им. акад. М. Ф. Решетнева. — 2006. — № 2. — С. 166—169.
E'fa, S. G. Problema cennostej i cennostny'x orientacij v filosofskoj i psixologicheskoj literature / S. G. E'fa // Vestn. Sibir. gos. ae'rokosm. un-ta im. akad. M. F. Reshetneva. — 2006. — № 2. — S. 166—169.
20. Ангвал, А. Foundations for a Science of Personality / A. Angyal. — N. Y. : Commonwealth Fund, 1941. — 398 p.
E'fa, S. G. Problema cennostej i cennostny'x orientacij v filosofskoj i psixologicheskoj literature / S. G. E'fa // Vestn. Sibir. gos. ae'rokosm. un-ta im. akad. M. F. Reshetneva. — 2006. — № 2. — S. 166—169.
21. Coghill, G. E. The early development of behavior in amblystoma and in man / G. E. Coghill // Archives of Neurology and Psychiatry. — 1929. — Vol. 21. — P. 989—1009.
22. Deci, E. L. The «what» and «why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior / E. L. Deci, R. M. Ryan // Psychological inquiry. — 2000. — Vol. 11. — P. 227—268.
23. Deci, E. L. Self-determination theory / E. L. Deci, R. M. Ryan // Handbook of the theories of social psychology / ed. by P. A. M. Van Lange [et al.]. — Thousand Oaks, CA, 2012. — Vol. 1. — P. 416—436.
24. Dunbar, F. Emotions and bodily changes: a survey of literature on psychosomatic interrelationships, 1910—1953 / F. Dunbar. — N. Y. : Columbia University Press, 1954. — 1192 p.
25. Fromm, E. The heart of man / E. Fromm. — N. Y. : Harper and Row Publishers, 1964. — 156 p.
26. Geary, D. C. Male, female: The evolution of human sex differences / D. C. Geary. — Washington, DC : American Psychological Association, 1998. — 397 p.
27. Goal reconstruction and depressive symptoms during the transition to motherhood: evidence from two cross-lagged longitudinal studies / K. Salmela-Aro [et al.] // J. of personality and social psychology. — 2001. — Vol. 81. — P. 1144—1159.
28. Goal shifts following reminders of mortality : Reconciling posttraumatic growth and terror management theory / E. L. Lykins [et al.] // Personality and Social Psychology Bulletin. — 2007. — Vol. 33. — P. 1088—1099.
29. Goldstein, K. The Organism : A Holistic Approach to Biology Derived from Pathological Data in Man / K. Goldstein. — Salt Lake City : American Book Publishing, 1939. — 539 p.
30. Grouzet, F. M. Self-regulation and autonomy : The dialectic between organismic and sociocognitive valuing processes / F. M. Grouzet // Self-regulation and autonomy : Social and developmental dimensions of human conduct / ed. by B. W. Sokol [et al.]. — N. Y., 2013. — P. 47—77.
31. Joseph, S. Positive adjustment to threatening events : An organismic valuing theory of growth through adversity / S. Joseph, P. A. Linley // Review of General Psychology. — 2005. — Vol. 9. — P. 262—280.
32. Joseph, S., D. Person-centered approach, positive psychology, and relational helping building bridges / S. Joseph, D. Murphy // J. of Humanistic Psychology. — 2013. — Vol. 53. — P. 26—51.
33. Kahn, P. Developmental psychology and the biophilia hypothesis : Children's affiliation with nature / P. Kahn // Developmental Review. — 1997. — Vol. 17. — P. 1—61.
34. Kasser, T. The high price of materialism / T. Kasser. — Cambridge : MIT-Press, 2003. — 165 p.
35. Keynes, J. M. The general theory of employment / J. M. Keynes // The quarterly journal of economics. — 1937. — Vol. 51 — P. 209—223.
36. Landis, B. Fromm's theory of biophilia-necrophilia / B. Landis // Contemporary Psychoanalysis. — 1975. — Vol. 11. — P. 418—434.
37. MacDonald, K. Evolution, the five-factor model, and levels of personality / K. MacDonald // J. of Personality. — 1995. — Vol. 63. — P. 525—567.
38. Maslow, A. H. Toward a psychology of being / A. H. Maslow. — 2-nd. Ed. — Princeton : Van Nostrand, 1968. — 240 p.
39. Meyer, A. The commonsense psychiatry of Dr. Adolf Meyer : Fifty-two selected papers / A. Meyer, A. E. Lief. — N. Y. : McGraw-Hill Book Company, 1948. — 677 p.
40. Murphy, G. Personality : A biosocial approach to origins and structure / G. Murphy. — N. Y. : Harpers and Brothers, 1947. — 1020 p.

41. *Narvaez, D.* Development and socialization within an evolutionary context : Growing up to become «A good and useful human being» / D. Narvaez // *War, peace, and human nature : The convergence of evolutionary and cultural views* / ed. by D. Fry. — N. Y., 2013. — P. 643—672.
42. *Patterson, T. G.* Person-centered personality theory: support from self-determination theory and positive psychology / T. G. Patterson, S. Joseph // *J. of Humanistic Psychology*. — 2007. — Vol. 47. — P. 117—139.
43. *Plagnol, A. C.* What matters for well-being : Individual perceptions of quality of life before and after important life events / A. S. Plagnol, J. Scott // *Applied Research in Quality of Life*. — 2011. — Vol. 6. — P. 115—137.
44. *Ransom, S.* Actual change and inaccurate recall contribute to posttraumatic growth following radiotherapy / S. Ransom, K. M. Sheldon, P. B. Jacobsen // *J. of consulting and clinical psychology*. — 2008. — Vol. 76. — P. 811—819.
45. *Rogers, C. R.* On becoming a person / C. R. Rogers. — Boston : Houghton Mifflin, 1961. — 420 p.
46. *Rogers, C. R.* Toward a modern approach to values : The valuing process in the mature person / C. R. Rogers // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. — 1964. — Vol. 68. — P. 160—167.
47. *Santas, A.* Aristotelian ethics and biophilia / A. Santas // *Ethics and The Environment*. — 2014. — Vol. 19. — P. 95—121.
48. *Sheldon, K. M.* Coherence and congruence : Two aspects of personality integration / K. M. Sheldon, T. Kasser // *J. of Personality and Social Psychology*. — 1995. — Vol. 68. — P. 531—543.
49. *Sheldon, K. M.* In search of the organismic valuing process : The human tendency to move towards beneficial goal choices / K. M. Sheldon, J. Arndt, L. Houser-Marko // *J. of Personality*. — 2003. — Vol. 71. — P. 835—869.
50. *Smuts, J. C.* Holism and evolution / J. C. Smuts. — London : Macmillan, 1926. — 358 p.
51. *Weinstein, N.* Can nature make us more caring? Effects of immersion in nature on intrinsic aspirations and generosity / N. Weinstein, A. K. Przybylski, R. M. Ryan // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 2009. — Vol. 35. — P. 1315—1329.
52. *Werner, H.* Comparative psychology of mental development / H. Werner. — Chicago : Follet, 1948. — 564 p.
53. *Wilson, E. O.* Biophilia / E. O. Wilson. — Cambridge : Harvard University Press, 1986. — 176 p.

Н. В. Соловьева, А. В. Гагарин

Экологическое развитие личности в цифровом образовании: психолого-дидактические предпосылки проектирования¹

В статье актуализируется ряд психолого-дидактических предпосылок проектирования экологического развития личности в контексте «цифровизации» образования. Как результат данного развития рассматривается «эколого ориентированная личность».

На основе систематизации ряда фундаментальных и прикладных направлений показано, что исследования, связанные с рассматриваемой проблематикой на современном этапе, отражают содержательно-процессуальные, сущностные, структурные и типологические аспекты эколого ориентированной личности. В этой связи выделены ключевые направления теоретико-методологических и прикладных исследований экологического развития личности, в которых так или иначе представлены понятия «экологическое развитие личности», «эколого ориентированная личность». В попытке ответить на вопрос о психолого-дидактических возможностях проектирования экологического развития личности в цифровом образовании авторы обращаются к анализу вопросов социокультурного развития и амплификации развития личности.

Ключевые слова: экологическое развитие личности, эколого ориентированная личность, цифровая образовательная среда, психодидактика, социокультурное развитие личности, амплификация развития личности.

Об исследованиях в сфере экологического развития (ecological development) в контексте комплексного познания человека (вводные замечания)

В контексте комплексного познания человека исследования в сфере экологического развития (ecological development) актуализируют сегодня междисциплинарное изучение *средовых взаимодействий человека*, которые

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00322 А («Поликультурное проектирование экологического развития личности в цифровом образовании»).

раскрываются в следующих на первый взгляд далеко отстоящих друг от друга аспектах:

- эволюционно-историческом развитии человека;
- межвидовых (экологических, социальных, информационных) взаимодействиях в процессе филогенеза и онтогенеза человека);
- поведении человека в сложных (экстремальных, стрессовых) и/или «комфортных» условиях;
- управлении природными, антропогенными, социальными, личностными, профессиональными, организационными, информационными системами и ресурсами среды;
- взаимосвязи разума с физическим телом, которое, в свою очередь, взаимодействует с окружающей средой или окружением (environment) и представляет собой не что иное, как часть когнитивной системы, а собственно процесс познания происходит в его единстве с экологической ситуацией;
- поведении человека в информационной (Интернет) среде и роли последнего в развитии и/или деградации личности.

Последние три из перечисленных групп исследований так или иначе связаны с процессуальной стороной экологического развития личности, которое происходит не иначе как в непосредственных (развивающих) взаимодействиях человека с объектами окружающей среды. В центре таких исследований лежат различные случаи *взаимодействий человека с окружающей средой — экологической (средой обитания), природной, социальной, цифровой.*

Объединяет данные исследования то, что понятие окружающей среды здесь трактуется и достаточно широко, но и с необходимой долей конкретизации в том или ином случае взаимодействия с ней человека. Это может быть и среда обитания (экологическая среда), и конкретные природные объекты (живые и неживые), и социальные образования, и антропогенные материальные объекты, и информационное пространство в целом, и, наконец, онлайн-среда Интернета, который в нашем случае может выступать как среда цифровая образовательная, но при условии ее специальной организации.

Систематизация ряда фундаментальных и научно-прикладных исследований в данной сфере позволила выделить *ведущие направления* в разработке указанных выше трех аспектов, в основе разделения которых лежат:

- а) специфика задач исследования;
- б) особенности рассмотрения сущности и функций эколога ориентированной личности как результата экологического развития;
- в) акцентирование отдельных компонентов эколога ориентированной личности и особенностей их развития на разном уровне взаимодействия человека с окружающей его средой;
- г) своеобразии интегративной функции экологического развития в процессе непрерывного образования и становления личности.

1. Современные направления в изучении идеи экологического развития личности (феноменологическая составляющая)

Первое направление включает в себя масштабные философско-методологические разработки (из классики: В. И. Вернадский, Н. Н. Моисеев, П. Тейяр де Шар-

ден [4; 16; 24]; из современных трудов: Т. Г. Гарбузова, В. А. Зебзеева, Л. В. Моисеева, Т. А. Молодиченко, Е. Е. Морозова, О. А. Полянская, О. А. Рагимова, С. А. Степанов, А. Н. Фомичев [8; 17; 20; 23; 25]), для которых характерно изучение проблем сущности антропоцентризма и экоцентризма, конфликта между экологическими ценностями и идеей технического прогресса, взаимовлияния экологических ценностей и социальной жизни. При этом специфическими чертами являются:

- выделение онтологической функции экологического развития личности;
- определение его роли в разрешении духовно-цивилизационного кризиса;
- усиление аксиологической и этической составляющих экологического развития личности.

Для психологического и психолого-педагогического направления (из теоретико-методологических исследований: А. В. Гагарин, А. В. Иващенко, В. И. Панов [10; 19; 26]; из научно-прикладных исследований: Г. В. Миронова, С. А. Мудрак [15; 18]) свойственно изучение экологического сознания, экологического мировоззрения, экологической мотивации различных видов деятельности в феноменологии развития эколого ориентированной личности, а также личностных коррелятов уровней экологического развития, взаимовлияния и взаимосвязи перечисленных феноменов. Акцентируются мотивационно-ценностный, эмоционально-волевой, рефлексивный, когнитивный компоненты (в контексте познавательной мотивации) эколого ориентированной личности. Интегративная функция экологического развития личности при этом состоит во взаимосвязанном развитии определенных личностных структур, экологически значимых качеств личности.

Педагогическое (в том числе его дидактическая составляющая) направление (С. Н. Глазачев, Ю. М. Гришаева [5; 7]; из научно-прикладных: Э. А. Абдулхакова, Ю. Д. Бойчук, Е. В. Гончарова, Н. Н. Иванова, Е. А. Иванцов, А. Н. Крамаренко, А. А. Матвеева, И. Н. Щербак [1; 2; 6; 9; 12; 14]) отражает изучение «эффективности» экологического развития в процессе формирования личности на разных возрастных этапах и в условиях разных социальных институтов; определение уровней ее сформированности, их педагогических критериев и показателей (основываясь на когнитивном, деятельностно-поведенческом, мотивационно-ценностном компонентах личности); рассматривает собственно технологии экологического развития личности в учебно-воспитательном процессе, непосредственную роль окружающего природного мира и специально организованной эколого ориентированной среды (формирующее воздействие и оценка) в учебно-воспитательном процессе.

Анализ перечисленных направлений привел нас к конкретизации определения понятия «*эколого ориентированная личность*».

2. Эколого ориентированная личность как результат экологического развития (аксиологическая составляющая)

И в данном случае речь идет о личности, обладающей:

- широким кругом экологических, естественно-научных, правовых знаний и пониманием глубинной взаимосвязи окружающего живого и неживого мира;
- экологически значимыми качествами (гуманность, ответственность, эмпатийность, бережливость и др.);

- готовностью и умением действовать с позиций экологической целесообразности в разных сферах жизнедеятельности на основе эколого ориентированной мотивационно-ценностной сферы.

Мотивационно-ценностная (аксиологическая) составляющая в структуре эколого ориентированной личности имеет этически-смысловую нагрузку:

- представления личности о природе как о важнейшей ценности;
- элементы прогностичности (задействована длительная временная перспектива);
- влияние на характеристики субъектности (расширяет пространственную и временную составляющие);
- изначальную конфликтогенность (внутренняя борьба, преодоление антропоцентризма по отношению к природе).

Феноменологическая сторона экологического развития личности проработана в отечественных исследованиях как на различных уровнях, так и в сущностном, содержательно-процессуальном, структурно-типологическом аспектах.

Современные условия обучения востребуют разработку и применение цифровых технологий для проектирования и реализации экологического развития личности (интенсивная «цифровизация» охватывает все стороны жизнедеятельности человека, включая и сферу образования). С каждым годом все шире педагогическое взаимодействие осуществляется в онлайн-режиме [3]. Очевидно, что и сфера экологического развития личности включается в происходящие процессы, связанные с внедрением цифровых образовательных технологий, разработкой различных аспектов цифровой образовательной среды, «цифрового» педагогического (дидактического) инструментария. Тем не менее до настоящего времени теоретическое осмысление феномена экологического развития личности практически не затрагивало вопросы «цифровизации» данного процесса.

Все сказанное обуславливает необходимость как обоснования категориального аппарата, так и поиска *теоретико-дидактических предпосылок (оснований) проектирования экологического развития личности с использованием онлайн-технологий.*

3. «Как обучать экологии в онлайн-среде?» (цифровое образование как образование средствами онлайн-технологий)

Дидактический запрос «Как обучать экологии в онлайн-среде?» предопределяет вопросы:

- каковы технологии и «инструменты» такого рода обучения в условиях цифрового образования?
- Каковы специфика и «наполнение» (структура и содержание, типы) специальной «цифровой» образовательной среды?
- Как спроектировать и реализовать развивающий потенциал цифровой образовательной среды определенного типа?
- Каковы специфика и содержание (контент) цифрового учебного (образовательного) процесса?

— Как реализовать данный контент в «цифровом» педагогическом взаимодействии и какова роль собственно педагога в данном процессе (наставник, разработчик контента или его модератор)?

Развитие российской дидактики связано с ее «адаптацией» к международным «стандартам» и представлениям. Отражено это, прежде всего, в процессах интеграции традиционных для России педагогических идей, взглядов и практики с зарубежными. Насколько такая «адаптация» эффективна и в целом возможна, насколько «разумно» такое сочетание (на данном переходном этапе и в будущем) для российского образования — можно в определенной мере понять, обратившись к анализу отдельных дидактических идей.

Проведенный анализ вносит значительный вклад в исследование процесса конструирования обучения, поскольку помогает представить ясную картину их взаимосвязи и функционирования в ходе создания «сценария» учебного процесса (в нашем случае в рамках проектирования экологического развития личности в онлайн-среде). Остановимся на некоторых идеях, связанных с предшествующим опытом отечественной теории и дидактики. На наш взгляд, они перспективны не только в «цифровой технологизации» экологического развития, но и как способствующие разрешению ряда актуальных затруднений, которые возникли на стыке «традиционное — цифровое образование» и свойственны «переходу» от традиционного «очного» к цифровому «онлайн»-формату образования:

- 1) *объем учебной информации и возможности для ее освоения* — традиционно образование понимается прежде всего как процесс обучения «кем-то кого-то и чему-то» с целью подготовки к профессиональной деятельности (однако сегодня любой вид деятельности требует гораздо более обширных знаний, объем которых при этом неуклонно растет, но возможностей для их освоения в традиционном формате явно недостаточно);
- 2) *мотивация учения и эффективность образования* — традиционно образование как процесс обучения «кем-то кого-то и чему-то с определенной социальной целью» выступает в качестве своего рода «социального лифта», что, по сути, и было единственной у обучающихся мотивацией учения (однако сегодня такая мотивация учения лишь только один из вариантов — для «избранных интеллектуалов», поскольку в данном случае эффективность образования зависит исключительно от того, влияет ли оно на этот самый статус);
- 3) *содержание и результат образования* — традиционно образование содержательно опиралось на «устоявшиеся» («утвержденные») модели, результат освоения данного содержания в процессе обучения — фактические знания и умения (однако сегодня такой формат явно недостаточен, «поведение мира» меняется по нарастающей, в том числе и в связи с беспрецедентной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности человека, когда возникает актуальная потребность не просто освоить «модель», а построить собственную из многих альтернативных, и тогда результатом образования становится не что иное, как «умение учиться» — мышление; и тогда учебный контент в цифровом образовании («предметы» в традиционном образовании) начинает играть кардинально иную роль средства развития личности, а не выработки определенных знаний и умений);

- 4) *позиция обучающегося и педагога* — традиционно образование определяло позицию педагога, который приходит на занятия с заранее готовой «схемой» с целью передать ее обучающемуся, когда «главным результатом» ее освоения становится успешная «сдача экзамена» (однако сегодня жизнеспособность такой схемы все более и более снижается, активно формируется новая позиция обучающегося, которая выражается в изменении отношения к учебной деятельности, когда он реально заинтересован в достижении определенных показателей личного и профессионального роста с целью быть конкурентоспособным не только в будущей профессии, но и в каждой сфере своей жизнедеятельности; и тогда педагог должен быть готов непрерывно совершенствоваться и изменять заранее подготовленную «схему», выстраивать (модерировать) педагогическое взаимодействие в соответствии с актуальной ситуацией (и технологически, и содержательно) и потребностью обучающихся).

Тем самым следует обозначить следующие противоречия на современном переходном этапе от традиционного образования к цифровому:

- между лавинообразно увеличивающейся информацией, которая должна стать знаниями, и нехваткой современных психолого-дидактических разработок в сфере цифрового образования;
  - между мотивацией образования как эффективного «социального лифта» и недоступностью качественного в этом плане образования на разных уровнях для разных слоев населения страны;
  - между обоснованно устаревшим содержанием образования и востребованным качественно иным результатом образования;
  - между устоявшейся позицией педагога и новой позицией обучающегося.
- Данные противоречия отражают в своей совокупности актуальную необходимость:

- а) теоретического обоснования и психолого-дидактической разработки инновационных технологий цифрового образования;
- б) расширения (в технологическом и содержательном отношении) возможностей доступа к качественному контенту непрерывного образования для разных групп обучающихся;
- в) соответствующего времени обновления содержания образования на всех его этапах и уровнях;
- г) формирования новой позиции педагога в педагогическом взаимодействии, соответствующей актуальной ситуации и потребностям обучающихся.

В связи со сказанным нам представляется значимым принять к дальнейшей разработке, с одной стороны, *идеи об организации социальной среды в контексте амплификации развития личности в совместном решении продуктивных задач; с другой — идеи свободного социокультурного развития личности обучающихся, деятельность которых строится на основе добровольного выбора предметного контента (содержания образования), построения учебной деятельности, учитывающей социокультурный контекст.*

Анализ данных идей может стать одним из институционально-социальных контекстов цифровой образовательной среды, который обеспечивает эффективность личностного и профессионального развития человека.

4. Некоторые идеи для обоснования «цифровой технологизации» экологического развития личности (психолого-дидактические предпосылки проектирования)

1. *Особым образом организованная социальная среда цифрового образования как система социально-педагогических связей, которые должны пронизывать среду с целью формирования личностных новообразований* (по Л. С. Выготскому [21]).
2. *Сочетание факторов социальной ситуации: целей, правил, ролей, действий, знаний-концептов, физической среды, реквизита, модификаторов развития, пространства, языка и речи, трудностей и навыков* (по М. Аргайлу [22]).
3. *Введение метода амплификации смыслов учения в контексте социальной ситуации развития в совместной продуктивной деятельности при ведущей роли продуктивных задач, опережающих решение репродуктивных задач* (по В. Я. Ляудис [13]).

Применение данных идей для решения сформулированной выше проблемы будет способствовать институционально-социальному обоснованию цифрового образования. *В центре такого образования — специально организованная цифровая образовательная среда как комплекс условий и возможностей для амплификации непрерывного образования человека.*

Вместе с тем задача сопоставления стратегий традиционного и инновационного образования требует для своего решения опоры на иную единицу анализа законов управления учебно-воспитательным процессом. Эксперименты, основывающиеся только на локальном анализе обновления содержания образования, действий обучающихся или действий педагогов, не вскроют законов взаимодействия и нивелируют динамику развития личности в ходе обучения. Адекватной единицей педагогического исследования «социальной ситуации развития личности» в условиях цифрового образования становится *социально-педагогическая ситуация как целостная система взаимосвязанных элементов.*

Идея свободного социокультурного развития может стать важной «отправной точкой» для психолого-дидактической и технологической разработки рассматриваемой проблемы с учетом перечисленных противоречий. Одним из основополагающих положений в этой связи выступает *феномен амплификации развития личности*, а процесс образования — необходимым условием ее разностороннего развития.

Амплификация развития личности в приложении к разработке нашей проблемы — это условие свободного развития, поиска и нахождения себя в учебной деятельности, потенциал возможностей, раскрывающихся в процессе совершенствования мышления. Построение целостной социально-педагогической ситуации в условиях цифровой образовательной среды можно рассматривать как процесс актуализации и развития личностных смыслов деятельности и взаимодействий между ее субъектами (обучающиеся, педагоги, родители, будущие работодатели).

Богатство возможностей (амплификации) в условиях информационно-образовательной (цифровой) среды можно использовать для гармоничного сочетания направлений в проектировании цифрового учебного процесса.

Такая технология в приложении к проектированию экологического развития личности в цифровом образовании предполагает усиление, амплификацию смыслов учения посредством сотворчества и сотрудничества в цифровом (онлайн) педагогическом взаимодействии, обогащение мотивов учения и познания посредством расширенных возможностей цифрового учебного контента. Как следствие, расширение мотивационной сферы личности, появление мотивов творческой деятельности, самоактуализация.

Синергетический эффект такой смысловой амплификации позволяет качественно перестроить позицию личности, изменить направленность личности в образовании: путь образования заключается в создании условий для себя и для других, содействующих полному раскрытию возможностей субъекта (педагога и обучающегося) в процессе усвоения учебного содержания, соучастию в творческом акте, в создании ценностно-смысловых установок.

Так, в лицейской серии экспериментов, доказавших свою жизнеспособность и необходимость внедрения указанного метода в педагогическую практику, нами были отработаны такие возможности, как:

- гармонизация взаимосвязи между естественно-научным и гуманитарным компонентами обучения, оптимизация сочетания естественно-научного и гуманитарного знания на основе синергетического подхода;
- гуманитарное усвоение целостной картины мира средствами иностранного языка и билингвистического развития как части гармонично развитой личности;
- историко-культурное и художественно-эстетическое воспитание средствами изобразительного искусства и др. [11].

Амплификация как условие свободного социокультурного развития личности способствует изменению и сопряжению компонентов цифровой образовательной среды (учебное содержание, формы его освоения, характер и содержание педагогического взаимодействия), которая создает актуальную социальную учебную ситуацию, обеспечивающую синергию (гармоничное разрешение противоречий) на индивидуальном и социальном уровне.

Об экологическом подходе к проектированию экологического развития личности в цифровом образовании (итоговая рефлексия)

В заключение отметим, что в предлагаемой статье, *во-первых*, обозначены постановочные идеи для разработки психолого-дидактических и практических вопросов экологического развития личности в цифровом образовании. В связи с этим авторам предстоит дальнейший анализ возможностей для определения и решения конкретных задач и их реализация.

Во-вторых, предлагаемая проблематика разрабатывается в рамках активного формирования одного из векторов развития собственно экологического подхода в прикладных междисциплинарных исследованиях, проходящих становление на стыке естественных и гуманитарных дисциплин.

Опираясь на данный подход, и в частности на идею анализа взаимодействий человека в той или иной «средовой ситуации», мы говорим о взаимосвязанной разработке ключевых направлений проблемы экологического развития

личности как результата различного рода средовых взаимодействий (педагогических, информационных, коммуникационных и др.) человека в цифровой образовательной среде, о выявлении их дидактических закономерностей.

В-третьих, использование широких возможностей прогнозирования, проектирования и трансформации экологического развития личности в условиях онлайн-среды позволяет рассматривать цифровое образование как новое, обладающее широкими дидактическими возможностями средство стимуляции экологически-целесообразного, природосохранительного, социально-приемлемого и, наконец, «самосохранительного» поведения человека.

Цифровое образование (онлайн-среда) дает огромные возможности:

- а) для расширения спектра, объединения и активного использования как классических, так и актуальных электронных образовательных ресурсов по экологической тематике, накопленных в стране и в мире;
- б) освещения и обсуждения результатов социально значимой эколого ориентированной деятельности на всех возможных уровнях образования: индивидуальном, групповом (класс, школа, творческое объединение, учреждение дополнительного образования, образовательный комплекс, район, город, регион, страна, мир);
- в) активного вовлечения педагогов и исследователей из разных научных школ, образовательных и научных учреждений России и других стран мира в деятельность по созданию, накоплению, совершенствованию и использованию междисциплинарной базы электронных ресурсов, связанных с проблематикой экологического развития.

In the article raises the problem of the environmental development of the personality in modern science. Seen the end result of this development — «ecological oriented personality». Organized a number of fundamental and applied directions. Showing research directions related to design ecological development: meaningful procedure, quintessence, structural and typological aspects. In this regard, highlighted key areas of research: philosophic-methodological plan, as well as psychological, psycho-pedagogical and teaching (the theoretical-methodological and scientific-applied levels). In these directions are presented concepts: «ecological development of personality», «ecological oriented personality». Authors try to answer the question about the possibilities of designing ecological human development in digital education. Turning to the issue of socio-cultural development of students. Examines the context of digitalization of educational process and amplification of personality development.

Keywords: ecological personality development, ecological oriented personality, digital learning environment, psychodidactics, social and cultural development of personality, amplification of personality development.

Литература

1. *Абдулхакова, Э. А.* Модель обучения, способствующая формированию на уроках информатики экологоориентированной личности / Э. А. Абдулхакова // Информатика и образование. — 2011. — № 10. — С. 60—61.

Abdulhakova, E. A. Model' obucheniya, sposobstvuyushhaya formirovaniyu na urokax informatiki e'kologoorientirovannoy lichnosti / E'. A. Abdulhakova // Informatika i obrazovanie. — 2011. — № 10. — С. 60—61.

2. *Бойчук, Ю. Д.* Экологоориентированная образовательная среда: характеристика и функции / Ю. Д. Бойчук, И. Н. Щербак // Вестн. Междунар. акад. наук (Русская секция). — 2012. — № 5. — С. 17—20.

Boychuk, Yu. D. E'kologoorientirovannaya obrazovatel'naya sreda: kharakteristika i funktsii / Yu. D. Boychuk, I. N. Shherbak // Vestn. Mezhdunar. akad. nauk (Russkaya sekciya). — 2012. — № 5. — С. 17—20.

3. *Вайндорф-Сысоева, М. Е.* «Цифровое образование» как системообразующая категория: подходы к определению / М. Е. Вайндорф-Сысоева, М. Л. Субочева // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Педагогика. — 2018. — № 3. — С. 25—36.

Vajndorf-Sy'soeva, M. E. «Cifrovое obrazovanie» kak sistemoobrazuyushhaya kategoriya: podhody k opredeleniyu / M. E. Vaïndorf-Sy'soeva, M. L. Subocheva // Vestn. Mosk. gos. obl. un-ta. Seriya: Pedagogika. — 2018. — № 3. — S. 25—36.

4. *Вернадский, В. И.* Живое вещество и биосфера / В. И. Вернадский ; отв. ред. А. Л. Яншин. — М. : Наука, 1994. — 669 с.

Vernadskij, V. I. Zhivoe veshhestvo i biosfera / V. I. Vernadskij ; отв. red. A. L. Yanshin. — M. : Nauka, 1994. — 669 s.

5. *Глазачев, С. Н.* Экологическая культурология. Педагогическая адаптация / С. Н. Глазачев, В. А. Игнатова, С. Б. Игнатов. — М., 2005.

Glazachev, S. N. E'kologicheskaya kul'turologiya. Pedagogicheskaya adaptaciya / S. N. Glazachev, V. A. Ignatova, S. B. Ignatov. — M., 2005.

6. *Гончарова, Е. В.* Социально-экологическое развитие ребенка в культурологической парадигме экологического образования / Е. В. Гончарова // Вестн. Нижегород. гос. гуманит. ун-та. — 2009. — № 3. — С. 11—17.

Goncharova, E. V. Social'no-e'kologicheskoe razvitie rebenka v kul'turologicheskoy paradigme e'kologicheskogo obrazovaniya / E. V. Goncharova // Vestn. Nizhnevert. gos. gumanit. un-ta. — 2009. — № 3. — S. 11—17.

7. *Гришаева, Ю. М.* Эколого-профессиональная компетентность личности: педагогическая адаптация / Ю. М. Гришаева. — М., 2013.

Grishaeva, Yu. M. E'kologo-professional'naya kompetentnost' lichnosti: pedagogicheskaya adaptaciya / Yu. M. Grishaeva. — M., 2013.

8. *Зебзева, В. А.* Экологическое развитие личности в гуманистической парадигме образования / В. А. Зебзева, Л. В. Моисеева // Современные наукоемкие технологии. — 2009. — № 5. — С. 21—22.

Zebzeva, V. A. E'kologicheskoe razvitie lichnosti v gumanisticheskoy paradigme obrazovaniya / V. A. Zebzeva, L. V. Moiseeva // Sovremennyye naukoemkie tehnologii. — 2009. — № 5. — S. 21—22.

9. *Иванова, Н. Н.* Технология социально-экологического развития личности педагога ДОО / Н. Н. Иванова // Конференциум АСОУ. — 2015. — № 4. — С. 770—775.

Ivanova, N. N. Tehnologiya social'no-e'kologicheskogo razvitiya lichnosti pedagoga DOO / N. N. Ivanova // Konferencium ASOU. — 2015. — № 4. — S. 770—775.

10. *Ивашенко, А. В.* Эколого-ориентированная деятельность педагога и учащихся в экологическом образовании: сущностные особенности, содержательно-функциональный и аксиологический аспекты / А. В. Ивашенко, А. В. Гагарин // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Социология. — 2007. — № 1. — С. 80.

Ivashhenko, A. V. E'kologo-orientirovannaya deyatelnost' pedagoga i uchashhixsya v e'kologicheskom obrazovanii: sushhnostny'e osobennosti, soderzhatel'no-funkcional'ny'ji aksiologicheskij aspekt'y / A. V. Ivashhenko, A. V. Gagarin // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya. — 2007. — № 1. — S. 80.

11. *Канин, Л. И.* Амплификация образовательного процесса лица как условие свободного социокультурного развития личности : дис. ... канд. пед. наук / Л. И. Канин. — Воронеж, 2001. — 209 с.

Kanin, L. I. Amplifikaciya obrazovatel'nogo processa liceya kak uslovie svobodnogo sociokul'turnogo razvitiya lichnosti : dis. ... kand. ped. nauk / L. I. Kanin. — Voronezh, 2001. — 209 s.

12. *Крамаренко, А. Н.* Проблема формирования экологоориентированной личности будущего учителя начальной школы в условиях глобального экологического кризиса современности / А. Н. Крамаренко // Актуальные вопросы современной науки. — 2013. — № 26. — С. 88—97.

Kramarenko, A. N. Problema formirovaniya e'kologoorientirovannoj lichnosti budushhego uchitelya nachal'noj shkoly v usloviyax global'nogo e'kologicheskogo krizisa sovremennosti / A. N. Kramarenko // Aktual'ny'e voprosy sovremennoj nauki. — 2013. — № 26. — S. 88—97.

13. *Ляудис, В. Я.* Инновационное обучение и наука : науч.-аналит. обзор / В. Я. Ляудис. — М. : ИНИОН, 1992. — 51 с.

Lyaudis, V. Ya. Innovacionnoe obuchenie i nauka : nauch.-analit. obzor / V. Ya. Lyaudis. — M. : INION, 1992. — 51 s.

14. *Матвеева, А. А.* Применение интерактивных технологий в контексте формирования экологоориентированной личности будущих специалистов / А. А. Матвеева, Е. А. Иванцов // Вестн. Нижегород. гос. ун-та. — 2018. — № 2. — С. 68—74.

Matveeva, A. A. Primenenie interaktivny'x tehnologij v kontekste formirovaniya e'kologoorientirovannoj lichnosti budushhix specialistov / A. A. Matveeva, E. A. Ivanczov // Vestn. Nizhnevert. gos. un-ta. — 2018. — № 2. — S. 68—74.

15. *Миронова, Г. В.* Экологоориентированная личность и ее развитие в период ранней профессионализации человека / Г. В. Миронова // Развитие профессионализма. — 2017. — № 2. — С. 33—35.

Mironova, G. V. E'kologoorientirovannaya lichnost' i ee razvitie v period rannej professionalizacii cheloveka / G. V. Mironova // Razvitie professionalizma. — 2017. — № 2. — S. 33—35.

16. *Моисеев, Н. Н.* О необходимых чертах цивилизации будущего : (Философские заметки) / Н. Н. Моисеев // Экология, охрана природы, экологическая безопасность / под общ. ред. А. Т. Никитина [и др.]. — М., 2000. — С. 6—16.

Moiseev, N. N. O neobxodimy'x chertax civilizacii budushhego : (Filosofskie zametki) / N. N. Moiseev // E'kologiya, ohrana prirody', e'kologicheskaya bezopasnost' / pod obshh. red. A. T. Nikitina [i dr.]. — М., 2000. — С. 6—16.

17. *Морозова, Е. Е.* Ноосферная культура как показатель нравственно-экологического развития личности и общества / Е. Е. Морозова, Т. А. Молодиченко, О. А. Рагимова // Научное обозрение: гуманитарные исследования. — 2016. — № 1. — С. 34—39.

Morozova, E. E. Noosfernaya kul'tura kak pokazatel' npravstvenno-e'kologicheskogo razvitiya lichnosti i obshhestva / E. E. Morozova, T. A. Molodichenko, O. A. Ragimova // Nauchnoe obozrenie: gumanitarny'e issledovaniya. — 2016. — № 1. — С. 34—39.

18. *Мудрак, С. А. В* «Год экологии» : Становление экологоориентированной личности на этапе обучения в высшей школе / С. А. Мудрак, А. В. Гагарин // Акмеология. — 2017. — № 3. — С. 7—16.

Mudrak, S. A. V «God e'kologii» : Stanovlenie e'kologoorientirovannoj lichnosti na e'tape obucheniya v vy'sshej shkole / S. A. Mudrak, A. V. Gagarin // Akmeologiya. — 2017. — № 3. — С. 7—16.

19. *Панов, В. И.* Парадигмальное отличие экopsихологического подхода к развитию психики от экологического подхода к восприятию Дж. Гибсона / В. И. Панов // 7-я Рос. конф. по экол. психологии. — М., 2015. — С. 345—348.

Panov, V. I. Paradigmat'noe otlichie e'kopsixologicheskogo podhoda k razvitiyu psixiki ot e'kologicheskogo podhoda k vospriyatiju Dzh. Gibsona / V. I. Panov // 7-ya Ros. konf. po e'kol. psixologii. — М., 2015. — С. 345—348.

20. *Полянская, О. А.* Европейский подход к повышению экологической грамотности подрастающего поколения как основа устойчивого развития общества / О. А. Полянская, Т. Г. Гарбузова // Проблемы современной науки и образования. — 2018. — № 3. — С. 61—63.

Polyanskaya, O. A. Evropejskij podhod k povыsheniyu e'kologicheskoy gramotnosti podrastayushhego pokoleniya kak osnova ustojchivogo razvitiya obshhestva / O. A. Polyanskaya, T. G. Garbuzova // Problemy' sovremennoj nauki i obrazovaniya. — 2018. — № 3. — С. 61—63.

21. Проблема специфики психического развития человека (Л. С. Выготский и его школа) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.psyhodic.ru/arc.php?page=376>

Problema specifiki psixicheskogo razvitiya cheloveka (L. S. Vy'gotskij i ego shkola) [E'lektronny'j resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.psyhodic.ru/arc.php?page=376>

22. Ситуационные факторы межличностной коммуникации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/6155702/page:2/>

Situacionny'e faktory' mezhlichnostnoj kommunikacii [E'lektronny'j resurs]. — Rezhim dostupa: <https://studfiles.net/preview/6155702/page:2/>

23. *Степанов, С. А.* Образовательный вклад в экологическое развитие России / С. А. Степанов // Гуманитарные науки и образование в Сибири. — 2014. — № 6. — С. 254—261.

Stepanov, S. A. Obrazovatel'ny'j vklad v e'kologicheskoe razvitie Rossii / S. A. Stepanov // Gumanitarny'e nauki i obrazovanie v Sibiri. — 2014. — № 6. — С. 254—261.

24. *Тейяр де Шарден, П.* Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. — М. : Наука, 1987.

Tejyar de Sharden, P. Fenomen cheloveka / P. Tejyar de Sharden. — М. : Nauka, 1987.

25. *Фомичев, А. Н.* О научных обоснованиях концепций экологического развития / А. Н. Фомичев // Общественные науки и современность. — 2008. — № 3. — С. 142—150.

Fomichev, A. N. O nauchny'x obosnovaniyah koncepcij e'kologicheskogo razvitiya / A. N. Fomichev // Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'. — 2008. — № 3. — С. 142—150.

26. *Гагарин, А. В.* Essence, gender and intercultural aspects, especially the development of ecological competence of the person / А. В. Гагарин, V. A. Ivashchenko // Psychology. — 2013. — № 2. — P. 73.

Рецензии

А. В. Карпов, Т. А. Воронова

Неокогнитивная психология, или Мысль — зеркало миров.

Рецензия на монографию В. Д. Шадрикова

«Неокогнитивная психология»

(М.: Университетская книга, 2017. 368 с.)

Новая монография В. Д. Шадрикова [5] посвящена целому спектру фундаментальных проблем психологии и фактически предвосхищает новый этап в развитии когнитивной психологии — неокогнитивизм. Современные достижения нейропсихологии, кибернетики, данные последних исследований в области физиологии головного мозга, и в частности дифференциации его особого свойства — нейропластичности, а также экспериментальное обоснование феномена психопластичности ставят перед психологической наукой новые задачи для системного исследования.

В этом отношении монографическая работа В. Д. Шадрикова является и своевременной, и современной, она решает важнейшие в теоретическом отношении вопросы, которые давно назрели в психологии. Книга содержит ответы на новые вызовы времени и может пониматься как попытка трансценденции в область исследования базовых психологических структур, составляющих основу функционирования психики, на новых методологических основаниях.

На современном этапе развития науки очевидна неполная релевантность традиционного понимания психики как предмета науки реальному положению в области феноменологии психической жизни. Назрела необходимость пересмотра предмета науки на основе холистических позиций; по отношению к психике оказалось возможным реализовать содержательный и этимологический потенциал, которым обладает понятие «мир», что было сделано автором в концепции внутреннего мира жизни человека [4]. *Концепция внутреннего мира является крупным общепсихологическим достижением*, выступая одновременно и важным средством разработки неокогнитивной психологии. Таким образом, рецензируемая работа является преемственной по отношению к другим работам автора, неотделимой от идей, которые разрабатывал автор на протяжении длительного времени.

В своей новой работе он дает конструктивное решение одной из дискуссионных проблем психологии — *«единицы анализа» психического, в качестве которой предлагается и обосновывается «мысль»*; предлагается новый взгляд на сущность когнитивных процессов, конкретизируется роль когнитивных про-

цессов в мире внутренней жизни человека. В совокупности с ранее сформулированной концепцией *внутреннего мира* представленная монография значительно расширяет объем новых научных материалов, раскрывая существование человека в объективном мире с необходимой продуктивностью. Кроме того, материалы монографии глубоко историчны, они органично «монтируют» в единую непротиворечивую систему представления о сущности психической жизни человека воззрения мыслителей от Античности до наших дней.

Обсуждению методологических аспектов в работе уделяется особое внимание. Автор реализует один из основных методологических императивов — выход за пределы познаваемой системы для ее полного познания. Это требование с успехом исполняется в осмыслении понятия «жизнь» как исходного понятия для психологии в целом и неокогнитивной психологии в частности. Справедливо отмечается, что данное понятие, наряду с понятием «поведение», остается в стороне от осмысления и исследовательского интереса. В работе лаконично постулируется важнейшее положение: «Человек должен, прежде всего, быть. Быть — значит существовать, существовать в этом мире» [5. С. 39]. С рисушей автору точностью и ясностью формулируется определение жизни и поведения человека. «Жизнь человека — это существование его во внешнем мире от рождения до смерти благодаря активному взаимодействию с внешним миром, причины которого лежат в самом человеке. Поведение есть конкретное выражение способа существования человека и действий, обеспечивающих это существование» [Там же. С. 43].

Основательная методологическая проработка проблемы, определение рабочих понятий позволяют автору «провести» читателя с четкой ориентацией по всем основным теоретическим вопросам психологии (личность, сознание, субъектность, деятельность и т. д.), при этом каждый раз по-новому высвечивая ранее не раскрытые аспекты каждого из них, и в итоге этого пути подойти к объемному и системному осмыслению категории «мысль».

Неотъемлемая от категории «жизнь», по-новому представлена в монографии категория «время». Автор пишет: «В реальном мире он (человек) существует в настоящем, но в своем психическом мире он живет в прошлом, настоящем и будущем одновременно» [Там же. С. 42]. Таким образом, автором раскрывается специфика темпоральности внутреннего мира человека, заключающегося в его сущностной многомерности, единстве прошлого, настоящего и будущего, *пластичности* времени во внутреннем мире жизни человека. Такая пластика становится возможной благодаря мысли, которая способна раскрыть многомерный внутренний мир человека и получить возможность доступа в любой временной отрезок его жизни.

Понятие «мысль» является центральным конструктом — базовой категорией, способной реализовать намеченную в монографии стратегию. В отношении «мысли» в психологии сложилась парадоксальная ситуация, состоящая в том, что ежесекундно присутствующий в психической жизни человека феномен, составляющий основу поведения и деятельности, длительное время оставался за рамками научного анализа. Такая ситуация автором объясняется цитатой М. А. Холодной: «В силу максимальной свернутости психических структур возникает иллюзия их отсутствия как психологического факта и,

следовательно, объекта исследования» [3. С. 51], что автору успешно удалось преодолеть в монографии, раскрывая структуру мысли, ее природу, место в когнитивном развитии человека.

Максимально конкретно обоснована дифференциация понятий «**мысль**» и «**информация**». «Своей связью с потребностями и переживаниями живая мысль и отличается от информации, которая характеризуется только содержанием» [5. С. 88]. Развивая положение, автор дает следующую характеристику мысли. Мысль определяется как «потребностно-эмоционально-содержательная субстанция». Такое понимание фиксирует в мысли связь между различными уровнями психического, выступая интегратором свойств предмета внешнего мира, переживания субъекта, его потребности. Она выступает в качестве устойчивого образования, пребывающего в определенном дискретном временном отрезке, закрепляя связь между субъектом и внешним миром, в которой, как в зеркале, высвечиваются части внутреннего и внешнего мира. Раскрытые в монографии сущность, структура и природа мысли позволяют рассматривать ее как интегративное психическое образование в нескольких планах: вертикальном (различные уровни психического: сознательный, предсознательный и бессознательный), горизонтальном (различные психические процессы) и межсистемном (мир внутренней жизни и внешний мир). Таким образом, *мысль анализируется как интегративное, межсистемное, полипроцессуальное психологическое образование.*

На основе экспериментального материала показано место **интеллекта** во внутреннем мире человека. Он выступает как способность порождать мысли и устанавливать отношения внутри потока сознания. Для лиц с высоким уровнем интеллектуального развития характерны увеличение количества воспроизведенных признаков, длительность временного периода продуцирования мыслей. Данные согласуются с результатами наших исследований [1; 2], в которых было показано, что *интеллект является регулятором отношений между внешним и внутренним миром.* Он увеличивает пропускную способность системы внутреннего мира получать информацию из внешнего мира, тем самым увеличивая информационную емкость внутреннего мира.

Сквозь призму полученных в монографии результатов высвечиваются новые проблемы, которые требуют своего решения. Автором предложена новая классификация познавательных психических процессов на основе функционального подхода. Все познавательные процессы предлагается разделить на два вида: обеспечивающие психическую деятельность содержанием и выступающие механизмом работы с этим содержанием. К первой группе процессов отнесены: восприятие, представление, воображение и сознание, ко второй — внимание и мышление. Такая классификация снимает многолетние дискуссии в области самостоятельности внимания как психического процесса и справедливо относит его к группе особых психических процессов, обеспечивающих энергетическую сторону познания, а мышлению по праву дает возможность получить VIP-статус как процессу, своими механизмами охватывающему содержательные, мотивационные и эмоциональные компоненты мысли.

Кроме того, работа создает фундаментальную основу для методологической интеграции психологической теории и практики в области пси-

хологической помощи, в частности психологического консультирования и психотерапии. Включение в структуру мысли переживания и потребностно-мотивационного компонента, имеющих разный уровень осознанности, фиксирует в мысли человека связь сознательного и бессознательного уровней функционирования психики. Развивая данный тезис, можно допустить: в психотерапии на этой основе имеет место обратный процесс, когда переструктурирование и переформулирование мысли приводит к трансформации других уровней психики, вносящих вклад в структуру мысли, актуализируя новые сети нейронных связей, запуская процесс нейропластичности и психопластичности.

Чрезвычайно продуктивным и перспективным является тезис о том, что любая мысль является отражением личности человека; существует «личностная мысль», в которой проявляются нравственность и мораль, а также индивидуальность человека. В этом ключе автор вносит значительный вклад в область представлений о первичности мысли и чувств. Основываясь на эволюции чувственного и когнитивного опыта, автор приходит к выводу о первичности чувств, переживаний и желаний в оформлении и формулировке мысли, что изменяет классическое понимание данной эволюции в классическом когнитивном подходе и добавляет основания для постулирования неокогнитивной парадигмы в психологии.

Большое значение монография может иметь для интенсивно развивающейся науки — психолингвистики. Так, «субстанцию мыслей, выраженную словом, можно рассматривать как индивидуальное понятие (предпонятие)» [5. С. 173]. Следовательно, за интерпретацией мысли стоит понимание, а каждое суждение несет в себе индивидуальную мысль.

Следует особо подчеркнуть, что сформулированный автором подход позволил получить ряд новых научных результатов. *Во-первых*, создана надежная *методологическая платформа для исследования базовых психологических структур*, составляющих основу функционирования психики.

Во-вторых, дано авторское понимание *структуры мысли*, она включает в себя три компонента: содержание, потребность (мотив) и переживание, на этой основе предложена новая классификация познавательных психических процессов.

В-третьих, раскрыты роль и значение мысли в когнитивном развитии человека, на этой основе конкретизирован процесс функционирования внутреннего мира человека.

Своеобразие представленной монографии состоит в авторском новаторском и опережающем время подходе к решению поставленных в работе задач, которые связаны с диалектикой развития представлений о предмете и единице анализа в психологии.

В ней совершен провыв в область максимально свернутого психического феномена мысли, которая в силу слабой доступности для изучения долгое время отсутствовала в психологии. Тем самым мысль со времен С. Л. Рубинштейна не просто «восстановлена в правах», она представлена как единица анализа в психологии и составляет значительный потенциал развития неокогнитивизма в психологии.

Символично, что новая книга вышла в преддверии юбилейной даты для автора. Это щедрый подарок не только психологической общественности, но и, прежде всего, новому поколению исследователей. Пользуясь возможностью, хочется искренне пожелать автору творческих успехов, новых научных достижений и инновационных работ, способных, подобно этой книге, изменить вектор развития психологической науки, продвигая ее предмет к максимальной экологии и валидности.

Литература

1. *Карпов, А. В.* Внутренний мир интеллектуально одаренного человека: метасистемный подход : монография / А. В. Карпов, Т. А. Климонтова. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. — 402 с.
Карпов, А. В. Vnutrennij mir intellektual'no odarennogo cheloveka: metasistemny'j podxod : monografiya / A. V. Karпов, T. A. Klimontova. — Irkutsk : Izd-vo BGUEP, 2012. — 402 s.
2. *Катков, А. Л.* Феномен психопластичности в психотерапии (по результатам системного исследования) / А. Л. Катков // Психотерапия. — 2018. — № 1. — С. 2—23.
Katkov, A. L. Fenomen psixoplastichnosti v psixoterapii (po rezul'tatam sistemnogo issledovaniya) / A. L. Katkov // Psixoterapiya. — 2018. — № 1. — S. 2—23.
3. *Холодная, М. А.* Психология понятийного мышления. От концептуальных структур к понятийным способностям / М. А. Холодная. — М. : ИП РАН, 2012. — 288 с.
Xolodnaya, M. A. Psixologiya ponyatijnogo my'shleniya. Ot konceptual'ny'x struktur k ponyatijny'm sposobnostyam / M. A. Xolodnaya. — M. : IP RAN, 2012. — 288 s.
4. *Шадриков, В. Д.* Мир внутренней жизни человека / В. Д. Шадриков. — М. : Логос, 2006. — 392 с.
Shadrikov, V. D. Mir vnutrennej zhizni cheloveka / V. D. Shadrikov. — M. : Logos, 2006. — 392 s.
5. *Шадриков, В. Д.* Неокогнитивная психология : монография / В. Д. Шадриков. — М. : Университетская книга, 2017. — 368 с.
Shadrikov, V. D. Neokognitivnaya psixologiya : monografiya / V. D. Shadrikov. — M. : Universitetskayakniga, 2017. — 368 s.

Наши юбиляры

Владимир Дмитриевич Шадриков

Выдающемуся отечественному психологу, доктору психологических наук, профессору, научному руководителю научно-учебной лаборатории психологии способностей департамента психологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ, действительному члену Российской академии образования, заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации Владимиру Дмитриевичу Шадрикову исполнилось 80 лет.

Шадриков родился в Рыбинске, в семье служащих. Родители — отец, Дмитрий Иванович Шадриков, и мать, Ирина Анатольевна Шадрикова, — всю свою трудовую жизнь посвятили одному из крупнейших промышленных предприятий Ярославской области — Рыбинскому авиационному заводу и в значительной степени повлияли на формирование определяющих качеств личности Владимира Дмитриевича.

Окончив с медалью рыбинскую среднюю школу № 1, В. Д. Шадриков поступил на физико-математический факультет Ярославского государственного педагогического института им. К. Д. Ушинского. В институте он являлся безусловным лидером студенчества, активно занимаясь спортом и общественной работой, был председателем студсовета института. По окончании вуза в 1962 г. Владимир Дмитриевич поехал работать учителем в среднюю школу поселка Эвенск Магаданской области. Затем он трудился директором вечерней (сменной) школы рабочей молодежи в том же поселке, инспектором районного отдела народного образования.

В 1965 г. В. Д. Шадриков поступил в аспирантуру ЯГПИ, которую успешно окончил с защитой кандидатской диссертации на тему «Сигнальное программирование и оптимизация подачи информации оператору». В это время, а

также несколько позже он устанавливает прочные творческие и товарищеские связи с выдающимися советскими психологами Д. А. Ошаниным, Б. Ф. Ломовым, В. Ф. Рубахиным и многими другими. По окончании аспирантуры начинает свою преподавательскую деятельность на кафедре психологии ЯГПИ. В то время на этой кафедре складывается коллектив единомышленников, который впоследствии составил костяк Ярославской психологической школы, одним из несомненных лидеров которой являлся Владимир Дмитриевич. Он принимает активное участие во многих новаторских начинаниях, завязывает тесные контакты с промышленными предприятиями, является одним из основателей Лаборатории промышленной психологии.

В 1970 г. Владимир Дмитриевич получил приглашение на работу во вновь создаваемый Ярославский государственный университет. Он выступает инициатором и создателем факультета психологии, а затем последовательно занимает должности доцента, профессора, заведующего кафедрой, декана этого факультета и, наконец, проректора университета. Под его руководством в короткие сроки факультет вошел в тройку ведущих в стране (наряду с факультетами психологии МГУ и ЛГУ). В. Д. Шадриков внес также существенный вклад в организацию учебной работы университета, определив его развитие в этом направлении на много лет вперед.

Свою продуктивную преподавательскую работу Владимир Дмитриевич успешно сочетает с научной деятельностью. За период работы в университете им была подготовлена и защищена в Ленинградском госуниверситете докторская диссертация на тему «Системный подход в психологии производственного обучения» (1977). Основу диссертационного исследования составила теоретическая концепция системогенеза деятельности, которая в дальнейшем вошла в «золотой фонд» отечественной психологической науки, стала одним из решающих факторов формирования Ярославской психологической школы. За работы, выполненные в этот период, В. Д. Шадриков был избран членом-корреспондентом АПН СССР (1982).

В 1982 г. Владимир Дмитриевич Шадриков назначается ректором Ярославского государственного педагогического института им. К. Д. Ушинского. На этом посту он внес существенный вклад в развитие вуза, совершенствование всех сторон его деятельности. В короткий срок институт стал призерам Всесоюзного конкурса высших учебных заведений. Ему дважды присуждалось переходящее знамя ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Был внесен значительный вклад в развитие материальной базы ЯГПИ, построен новый учебный корпус.

В 1985 г. В. Д. Шадриков получает приглашение в Москву на должность заместителя министра просвещения СССР. В дальнейшем он занимал должности первого заместителя председателя Госкомитета СССР по образованию — министра СССР (1988—1991), заместителя министра образования РФ (1991—2001). На этих постах Владимиром Дмитриевичем внесен огромный и во многом определяющий вклад в развитие образования и науки в нашей стране. Представляется неправдоподобным, почти невероятным, что в период своей государственной деятельности В. Д. Шадриков не только не снизил, но и, напротив, интенсифицировал собственно научную деятельность, опубликовав целый ряд фундаментальных монографий и воспитав большую плеяду учеников.

В. Д. Шадриков использовал свой административный опыт и научные знания для организации факультета психологии в Государственном университете — Высшей школе экономики. Сейчас он работает профессором-исследователем, научным руководителем научно-учебной лаборатории психологии способностей НИУ ВШЭ. Под руководством Владимира Дмитриевича выполнен ряд важных государственных проектов, связанных с разработкой государственных образовательных стандартов, совершенствованием системы лицензирования и аккредитации, модернизацией педагогического образования. Новый импульс и еще больший масштаб обрела научная деятельность В. Д. Шадрикова, основной целью которой сейчас является изучение глубинных, определяющих проблем психологии и всего современного гуманитарного знания в целом. Это проблемы, связанные с пониманием сущности человека, природы его внутреннего мира, его духовных способностей и уникальности самого «феномена человека» — его неповторимой индивидуальности.

В. Д. Шадриков — личность не только крупная, но и многогранная, синтезирующая в себе множество различных граней активной деятельности, каждая из которых, разумеется, достойна специального внимания. Три из них являются, однако, главными и определяющими: научная деятельность, государственная работа и деятельность по созданию собственной научной школы.

Тот вклад, который внесли труды В. Д. Шадрикова в развитие отечественной психологии, велик и многогранен. Им создан целый ряд научных теорий и концепций, оказавших во многом определяющее влияние на развитие важных областей психологического знания. Во-первых, это *концепция системогенеза* профессиональной и учебной деятельности. В ней сформулированы основы, по существу, *новой парадигмы* развития всей психологии деятельности, являющейся, как известно, ключевой для отечественной психологии. Впервые не на словах, а на деле был реализован концептуальный синтез теории деятельности и методологии системного подхода, что позволило раскрыть латентную структуру — *психологическую архитектуру деятельности* посредством ставшего уже классическим понятия «психологическая система деятельности».

Во-вторых, это, конечно, и та теория, которая, быть может, является наиболее значимой, «вершинной» во всем научном творчестве Владимира Дмитриевича, — его фундаментальная *теория общих и профессиональных способностей*, разработанная на основе принципиально новой — функционально-генетической парадигмы и являющаяся базой для решения многих практических задач. В ней психология способностей переходит на качественно новый уровень своего развития и претерпевает именно парадигмальные трансформации, поскольку они, способности, раскрываются уже не только в их гносеологическом «измерении», но и в их *реальной онтологии*. Такой «прорыв в сущность» способностей закономерным образом позволил установить и интимные механизмы генезиса способностей, решающую роль в котором играют механизмы оперативности.

Теория способностей В. Д. Шадрикова, равно, впрочем, как и все иные его труды, характеризуется не только концептуальной фундаментальностью, но и ярко и явно выраженным прикладным потенциалом. В этом проявляется одна из отличительнейших черт его личности — синтетичность, нерасторжи-

мое единство теоретической и практической ее составляющих. Именно она позволяет быть ему и блестящим теоретиком, и выдающимся организатором одновременно. Какими бы вопросами ни занимался Владимир Дмитриевич, какие бы научные проблемы ни разрабатывал, он стремится довести это до степени практической реализации (один из вопросов, который он нередко задает автору какого-либо теоретического результата: «Ну и что?», то есть что это дает практике?). Более того, приоритеты его научной тематики и общий стиль его научной деятельности обычно таковы, что он не столько «пытается внедрить то, что им разработано», сколько, наоборот, «разрабатывает то, что в первую очередь достойно практической реализации». Он любит выражение Аристотеля: «Мы изучаем не для того, чтобы знать, а для того, чтобы делать».

В-третьих, в последнее время им создана *концепция внутреннего мира человека*. Она, будучи посвящена предельно интимному и, казалось бы, столь же предельно «теоретичному» предмету исследования — внутреннему миру человека, в действительности глубоко практична. Ее пафос заключается в том, что человек лишь тогда может быть Человеком — не только мыслящим, чувствующим, переживающим, но и *действующим*, когда он обладает и овладевает своим внутренним миром и, благодаря этому, становится не только индивидом, но и индивидуальностью. Эта концепция — крупный шаг в развитии представлений о предмете психологии, в ней «реабилитированы в правах» многие исконно человеческие качества; намечена и реализована стратегия перехода от глобально-аналитического этапа развития психологии к иному этапу — этапу синтетическому, системному, на котором осознание сложности и целостности психики должно рассматриваться не столько как главная трудность ее познания, сколько как исходный пункт этого познания, а в определенной мере и как его принцип. Обоснование и раскрытие автором категории мира внутренней жизни человека как раз и есть та «конкретизирующая абстракция» очень высокого уровня обобщенности, тот теоретический конструкт, который может содействовать этому.

В-четвертых, это и разработанная В. Д. Шадриковым *концепция индивидуальности*, основы которой представлены в его фундаментальной монографии «От индивида к индивидуальности». Она, в свою очередь, явилась логическим развитием тех идей, которые были сформулированы в двух других его основополагающих книгах: «Мир внутренней жизни человека» и «Становление человечности». Своеобразной «сверхзадачей» этой концепции является беспрецедентно сложная проблема психологического познания — проблема объяснения индивидуальной психики (а на основе этого и предсказания поведения), т. е. проблема «восхождения» от абстрактного знания к знанию конкретному (индивидуальному).

Свою масштабную научную деятельность В. Д. Шадриков постоянно сочетает с не менее масштабной и значимой административной, а лучше сказать, государственной работой. Так, в частности, в 1991—2001 гг. под его руководством впервые была создана отечественная система государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования, служба лицензирования, аттестации и аккредитации высших учебных заведений, разработан классификатор специальностей и направлений подготовки, внесены

существенные изменения в правовое и экономическое положение вузов. Владимир Дмитриевич участвовал в разработке законов «Об образовании» (1992) и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (1996), Национальной доктрины развития образования (1999). Под его руководством проведены реформы гуманитарного образования в России. Владимир Дмитриевич участвовал в подготовке Первого съезда работников образования СССР, его решения легли в основу демократизации системы образования в стране. При участии В. Д. Шадрикова был проведен первый общесоюзный конкурс «Учитель года». В этот же период он активно занимался вопросами организации педагогической науки. В должности исполняющего обязанности Президента АПН СССР (1989—1990) под его руководством была проведена значительная работа по реорганизации деятельности академии.

В. Д. Шадриков — основатель и глава одной из ведущих научных психологических школ страны, широко известной в стране и за рубежом. Его стиль руководства научной школой в такой же степени результативен и продуктивен, в какой и гуманистичен. Он основывается на умении распознавать особенности индивидуальности учеников и наилучшим образом (и в то же время с предельной уважительностью) их реализовывать. Причем все это сочетается в его стиле с высочайшей требовательностью к ученикам; с тем, чтобы их работа была не только целенаправленной, но и целедостигающей. Синергия теоретической и практической сторон личности и деятельности Владимира Дмитриевича, будучи определяющей особенностью, проявляется, конечно, не только в его научной работе, но и во многих иных сферах и аспектах, в том числе и в педагогической деятельности, да и просто в житейских вопросах и межличностных отношениях. Здесь на первый план для Владимира Дмитриевича выходит то личностное качество, подробный психологический анализ которого он впервые сам же и дал в своих исследованиях и которому неутомительно старается следовать в своих практических делах, — *добродетель*. Наиболее важное качество, императив для Владимира Дмитриевича — быть не столько деятелем, сколько *добродетелем*. Для огромного числа его коллег и учеников он именно таков.

В. Д. Шадриков пользуется непререкаемым авторитетом своих коллег и огромным уважением общественности. Его мнение — это аналог «гамбургского счета» в решении многих научных и организационных вопросов. Он автор свыше 250 научных работ, в том числе 20 монографий, а также целого ряда учебников. Им подготовлено 11 докторов и 53 кандидата наук. Он почетный профессор ЯрГУ им. П. Г. Демидова, ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова, заслуженный профессор НИУ ВШЭ. Он является активным организатором и участником деятельности многих научных объединений и сообществ, в частности, он член Президиума Российского психологического общества, член Президиума УМО по психологии классических университетов России, научный консультант в системе Министерства образования и науки РФ и мн. др.

Заслуги В. Д. Шадрикова высоко и по достоинству многократно отмечены на самых различных уровнях. Он удостоен звания «Заслуженный работник высшей школы РФ». Является лауреатом премий Президента РФ (1999)

и Правительства РФ (2005), премии им. С. Л. Рубинштейна Президиума РАН (1996). Награжден орденами Почета (2002), «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2012), Св. благоверного князя Даниила Московского, медалями им. Н. К. Крупской (1989), им. К. Д. Ушинского (1989), им. А. С. Макаренки (1990), золотой медалью «За достижения в науке» Российской академией образования (2007), знаком «Почетный работник науки и техники РФ» (2007), имеет другие знаки отличия.

В облике Владимира Дмитриевича гармонично сочетаются черты ученого и организатора психологической науки и педагогической практики, умеющего сплотить вокруг себя единомышленников и учеников, увлечь их своей неиссякаемой творческой энергией, смелыми замыслами и идеями.

*Декан факультета психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова,
доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент РАО,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный работник высшей школы РФ
А. В. Карпов*

Владимиру Дмитриевичу Шадрикову 80 лет

Крупный российский ученый, доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования, известный организатор научной и управленческой деятельности Владимир Дмитриевич Шадриков отмечает свое восьмидесятилетие на новом энергетическом творческом подъеме, создавая новые монографические психологические и психолого-педагогические труды и действенные структуры в образовательной сфере, опираясь на свой огромный и успешный опыт организационной и научной деятельности. Он внес огромный вклад в развитие образования и психолого-педагогические науки в качестве заместителя министра просвещения СССР, первого заместителя председателя Госкомитета СССР по образованию (министра СССР), исполняющего обязанности президента АПН, на посту которого обеспечил реорганизацию АПН в РАО, уделяя огромное внимание научно-исследовательской деятельности институтов РАО. Важное значение приобретает его организующая роль в создании в новых современных условиях научно-исследовательских образовательных структур, в частности организации департамента психологии в вузе нового типа — Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики». Его творческое начало проявило свое организационно-стартовое выражение также в создании им четырех научных школ: одной в Ярославле (в ЯрГПУ и ЯрГУ) по системогенезу способностей и профессиональной деятельности, а трех других в Москве: по психологии и педагогике развития младшего школьника (в МГПУ), по дифференциальной психологии способностей и одаренности (в ИП РАН), по общей психологии индивидуальности и педагогике профессионального образования (в НИУ ВШЭ). В этих научных школах, как и в руководимых им докторских/кандидатских диссертациях и периодических научных конференциях (по системогенезу способностей

и психологии индивидуальности), нашли свое организационное выражение те теоретические изыскания, экспериментальные исследования и прикладные разработки, которые почти полвека систематически ведутся как самим В. Д. Шадриковым, так и его многочисленными учениками. Среди них известные ученые — профессора: бывший заместитель директора ИП РАН В. Н. Дружинин и декан факультета психологии НИУ ВШЭ А. К. Болотова, а также завкафедрой организации города НИУ ВШЭ Н. Л. Иванова, декан факультета психологии ЯрГУ А. В. Карпов, руководитель международной лаборатории НИУ ВШЭ Н. М. Лебедева, завкафедрой общей психологии ЯрГПУ В. А. Мазиллов, завкафедрой психологии личности НИУ ВШЭ Е. Б. Старовойтенко и др. Научно-психологическая и организационно-педагогическая мысль В. Д. Шадрикова продуктивна в различных жанрах — от концептуальных монографий и эвристических статей по фундаментальным проблемам через экспериментальную и эмпирическую верификацию их теоретических и методических решений до прикладных исследований и практико-ориентированных разработок, вплоть до построения нормативных стандартов и организационных рекомендаций по оптимизации социальной практики в сфере образования и управления. Поражает научная продуктивность В. Д. Шадрикова — автора десятков монографий и учебников по актуальным проблемам психологии и педагогики, а также множества статей в научно-методических журналах.

В своих научных работах В. Д. Шадриков не только обрисовал и обосновал смысл и значение многих психологических и психолого-педагогических проблем, но и предложил решение многих из них при высоком потенциале их научной разработки, которые стали важным вкладом в науку. Так, чрезвычайно значимым вкладом его в психологическую науку стали исследования системогенеза деятельности как на теоретическом уровне, так и в сфере экспериментальных исследований. В этом плане особое место заняла его работа «Психология деятельности» (2013), в которой представлены целостное видение психологической сущности деятельности, ее смысловая нагрузка в развитии и организации процесса жизнедеятельности человека, взаимосвязь деятельности и субъекта деятельности, рассматриваются структурно-содержательные и смысловые характеристики профессиональной деятельности и т. п.

Представляется чрезвычайно важной вышедшая в 2017 г. его монография «Неокогнитивная психология», в которой дается «представление о фундаментальных положениях, раскрывающих основы функционирования психики». В центре внимания — *мысль* как основная категория когнитивной психологии. В монографии подняты важнейшие проблемы осмысления, определения мысли, мыследеятельности, глубоко анализируется эволюция предметной мысли и развитие процесса мышления в их соотношении. Определяется функциональная нагрузка мысли в осуществлении и развитии психических процессов, соотносятся мысль и мышление и др. Важное и особое место занимает в работе проблема генезиса «человеческого мышления» как важнейшего условия познания феномена мышления, связи слова и мысли. Работа открывает огромный пласт чрезвычайно значимых проблем.

К своему юбилею Владимир Дмитриевич подготовил и издал новую фундаментальную монографию в рамках особого рабочего поля его исследо-

ваний — в сфере работ, посвященных проблемам способностей человека, — «Способности и одаренность человека» (2019). В новой монографии раскрываются сущность способностей, пути развития способностей и формирования интеллекта и т. д. В. Д. Шадриков не только дает анализ исследований в этой сфере, но и высказывает ряд чрезвычайно важных методологических позиций, фиксирующих глубину понимания и разработки им исследуемой проблемы. Практически речь может и должна идти о формировании теории способностей.

Владимир Дмитриевич полон творческой энергии и замыслов и в этом плане выступает примером для своих многочисленных учеников и коллег.

Мы горячо поздравляем Владимира Дмитриевича со славным юбилеем. Желаем ему такого же творческого напряжения, новых побед на научном фронте, здоровья, благополучия и удачи в выполнении всех его замыслов.

*Заместитель главного редактора журнала «Мир психологии»,
доктор психологических наук,
кандидат педагогических наук, профессор,
президент ОАНО ВО «Московский
психолого-социальный университет»,
академик Российской академии образования,
вице-президент Академии педагогических и социальных наук
С. К. Бондырева*

*Доктор исторических наук, профессор психологии,
главный редактор журнала «Мир психологии»,
член-корреспондент Российской академии образования,
действительный член Академии педагогических и социальных наук
Э. В. Сайко*

*Доктор психологических наук, профессор,
директор Института рефлексивной психологии
творчества и гуманизации образования,
главный редактор журнала «Психология.
Историко-критические обзоры и современные исследования»,
действительный член Академии педагогических и социальных наук
И. Н. Семенов*

Наши авторы

Абульханова Ксения Александровна — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук», действительный член Российской академии образования. E-mail: kurg_serгей@mail.ru (для К. А. Абульхановой)

Анисимов Олег Сергеевич — доктор психологических наук, профессор, член исполкома Ассоциации «Аналитика». E-mail: human12@mail.ru

Бондырева Светлана Константиновна — доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, президент ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет», академик Российской академии образования, вице-президент Академии педагогических и социальных наук. E-mail: publish@col.ru

Быстрицкая Елена Витальевна — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теоретических основ физической культуры ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Мининский университет), действительный член Российской академии естествознания. E-mail: oldlady@mail.ru

Воронова Татьяна Анатольевна — доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии и гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный медицинский университет». E-mail: klim75@bk.ru

Гагарин Александр Валерьевич — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности факультета психологии Института общественных наук ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». E-mail: alexandervgagarin@gmail.com

Галкина Екатерина Валерьевна — аспирантка департамента психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: katya.v.galkina@gmail.com

Гринченко Сергей Николаевич — доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук. E-mail: sgrinchenko@ipiran.ru

Дмитриев Станислав Владимирович — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теоретических основ физической культуры ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Мининский университет), действительный член Международной академии акмеологических наук (Москва) и Международной академии гуманизации образования (Магдебург), заслуженный работник физической культуры РФ. E-mail: stas@mts-nn.ru

Евграфова Юлия Александровна — эксперт-аналитик ООО «Эксперт». E-mail: laigil@mail.ru

Ермолаева Марина Валерьевна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры педагогической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет». E-mail: mar-erm@mail.ru

Казakov Юрий Николаевич — доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры прикладной психологии ГБОУ ВО Московской области «Технологический университет». E-mail: kazakov-sm47@mail.ru

Карпов Анатолий Викторович — доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова», член-корреспондент Российской академии образования. E-mail: anvikar56@yandex.ru

Колесов Владимир Иванович — доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, профессор, профессор межфакультетской кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин ГАОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина», заслуженный работник высшей школы РФ. E-mail: vi_kolesov@mail.ru

Кузнецова Светлана Валерьевна — преподаватель МБУ ДО «Детская школа искусств 9 им. А. Д. Улыбышева» (Нижний Новгород), аспирантка кафедры теории и методики профессионального образования ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Мининский университет). E-mail: svetlana.kyz88@mail.ru

Лубовский Дмитрий Владимирович — кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет». E-mail: lubovsky@yandex.ru

Марков Василий Николаевич — доктор психологических наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». E-mail: v_n_markov@mail.ru

Мельничук Андрей Степанович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности факультета психологии Института общественных наук ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». E-mail: melnichuk-as@ranepa.ru

Микайлова Ирина Геннадиевна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского гуманитарного центра просвещения, член Ассоциации историков искусства и художественных критиков. E-mail: imikailoff@inbox.lv

Моспан Анастасия Никитична — сотрудник Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: amospan@hse.ru

Неверкович Сергей Дмитриевич — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма», академик Российской академии образования. E-mail: neverkovich@mail.ru

Никифорова Ольга Юрьевна — студентка магистратуры факультета психологии Института общественных наук ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». E-mail: olga.nikiforova.97@mail.ru

Орлов Александр Борисович — доктор психологических наук, профессор, профессор Центра фундаментальной и консультативной персонологии, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: aorlov@hse.ru

Петренко Виктор Федорович — доктор психологических наук, профессор, заведующий Лабораторией психологии общения и психосемантики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» и Лабораторией когнитивных исследований Института системного анализа ФГУ «Федеральный исследовательский центр “Информатика и управление” Российской академии наук», член-корреспондент Российской академии наук. E-mail: viktor-petrenko@mail.ru

Петров Владимир Михайлович — доктор философских наук, профессор, кандидат физико-математических наук, профессор кафедры теории и прагматики культуры, философии и истории ОЧУ ВО «Гуманитарно-социальный институт» (г. Красково Московской области). E-mail: vladmpetrov@yandex.ru

Прыгунова Татьяна Александровна — магистр филологии, магистр педагогики, преподаватель английского языка ГБП ОУ Ростовской области «Ростовский-на-Дону колледж связи и информатики». E-mail: prygunovat@mail.ru

Реан Артур Александрович — доктор психологических наук, профессор, руководитель Лаборатории профилактики асоциального поведения, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», председатель Научно-координационного совета Российской академии образования по вопросам семьи и детства, академик Российской академии образования. E-mail: arean@hse.ru

Реут Дмитрий Васильевич — доктор экономических наук, кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры социальной педагогики и психологии факультета педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», профессор кафедры экономики и организации производства факультета инженерного бизнеса и менеджмента ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», профессор кафедры стратегического планирования и методологии управления ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет “МИФИ”». E-mail: dmreut@gmail.com

Розин Вадим Маркович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт философии Российской академии наук». E-mail: rozinvm@gmail.com

Сайко Эди Викторовна — доктор исторических наук, профессор психологии по специальности «Психология развития, акмеология», главный редактор

журнала «Мир психологии», член-корреспондент Российской академии образования, действительный член Академии педагогических и социальных наук. E-mail: saiko2003@mtu-net.ru

Селезнева Елена Владимировна — доктор психологических наук, профессор, заведующая научно-исследовательским сектором научно-исследовательской лаборатории «Диагностика и оценка руководителей» факультета оценки и развития управленческих кадров Института «Высшая школа государственного управления» ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». E-mail: selezneva-ev@ranepa.ru

Семенов Игорь Никитович — доктор психологических наук, профессор, профессор департамента психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», директор Института рефлексивной психологии творчества и гуманизации образования, главный редактор журнала «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования», действительный член Академии педагогических и социальных наук (Москва), Международной академии акмеологических наук (С.-Петербург), Международной академии психологических наук (Ярославль), Международной академии гуманизации образования (Магдебург-Сочи), лауреат премии Президента РФ в области образования. E-mail: i_samenov@mail.ru

Славская Александра Николаевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук». E-mail: slavskaya@ipras

Соловьева Наталья Викторовна — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности факультета психологии Института общественных наук ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». E-mail: alexandervgagarin@gmail.com

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа ФГБНИИ «Государственный институт искусствознания» Министерства культуры РФ. E-mail: nihrenov@mail.ru

Щапова Юлия Леонидовна — доктор исторических наук, профессор

Our authors

Abul'hanova, Kseniya Alexandrovna — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Chief Scientific Associate at the Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Education. E-mail: kurg_sergey@mail.ru (for K. A. Abul'khanova)

Anisimov, Oleg Sergeevich — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Member of the Executive Committee of the Association «Analytics». E-mail: humani12@mail.ru

Bondyreva, Svetlana Konstantinovna — Dr. Sci. (Psychology), Ph. D. (Pedagogy), Professor, President of Moscow Psychological and Social University, Full Member of the Russian Academy of Education, Vice-President of the Academy of Pedagogical and Social Sciences. E-mail: publish@col.ru

Bysritskaya, Elena Vitalyevna — Dr. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Professor at the Department for Theoretical Fundamentals of Physical Culture, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Mininsky University), Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences. E-mail: oldlady@mail.ru

Dmitriev, Stanislav Vladimirovich — Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Professor at the Department for Theoretical Fundamentals of Physical Culture, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Mininsky University), Full Member of the International Academy of Acmeological Sciences (Moscow) and International Academy for Humanization of Education (Magdeburg), Honored Worker Sports Representative of the Russian Federation. E-mail: stas@mts-nn.ru

Ermolaeva, Marina Valeryevna — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Professor at the Department for Educational Psychology, Moscow State Psychological and Pedagogical University. E-mail: mar-erm@mail.ru

Evgrafova, Yuliya Alexandrovna — Expert-analyst of the Society with limited Liability «Expert». E-mail: laigil@mail.ru

Gagarin, Alexander Valeryevich — Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Professor at the Department for Acmeology and Psychology of Professional Activity, Faculty of Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: alexandervgagarin@gmail.com

Galkina, Ekaterina Valerievna — Post-graduate at the Psychological Department, Faculty for Social Sciences, National Research University Higher School of Economics. E-mail: katya.v.galkina@gmail.com

Grinchenko, Sergey Nikolaevich — Dr. Sci. (Engineering), Professor, Chief Scientific Associate at the Institute of Informatics Problems, Federal Research Center of Computer Science and Management, Russian Academy of Sciences. E-mail: sgrinchenko@ipiran.ru

Karpov, Anatoly Viktorovich — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Head at the Department for Labor Psychology and

Organizational Psychology, Demidov Yaroslavl State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education. E-mail: anvikar56@yandex.ru

Kazakov, Yury Nikolaevich — Dr. Sci. (Medicine), Professor, Professor at the Department for Applied Psychology, Moscow Region Technological University. E-mail: kazakov-sm47@mail.ru

Khrenov, Nikolay Andreevich — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Chief Scientific Associate at the Sector of Artistic Problems of Mass media, State Institute of Art studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. E-mail: nihrenov@mail.ru

Kolesov, Vladimir Ivanovich — Dr. Sci. (Pedagogics), Ph. D. (Economic), Professor, Professor at the Interfaculty Department of the Humanity and Natural Sciences, Leningrad State University named after A. S. Pushkin, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation. E-mail: vi_kolesov@mail.ru

Kuznetsova, Svetlana Valeryevna — Teacher at the Children's Art School No. 9 named after A. D. Ulybyshev (Nizhny Novgorod), Post-graduate at the Department for Theory and Methods of Professional Education, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Mininsky University). E-mail: svetlana.kyz88@mail.ru

Lubovsky, Dmitry Vladimirovich — Ph. D. (Psychology), Associate Professor, Professor at the Department for Educational Psychology, Moscow State Psychological and Pedagogical University. E-mail: lubovsky@yandex.ru

Markov, Vasily Nikolaevich — Dr. Sci. (Psychology), Ph. D. (Sociology), Associate Professor, Professor at the Department for Acmeology and Psychology of Professional Activity, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: v_n_markov@mail.ru

Melnichuk, Andrey Stepanovich — Ph. D. (Psychology), Associate Professor, Associate Professor at the Department for Acmeology and Psychology of Professional Activity, Psychological Faculty, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: melnichuk-as@ranepa.ru

Mikaylova, Irina Gennadijevna — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor at the Department for Philosophy of Science and Technology, St. Petersburg Humanitarian Centre of Enlightenment, Member of the Association of Art Historians and Art Critics (AIC). E-mail: imikailoff@inbox.lv

Mospan, Anastasia Nikitichna — Employee at the International Laboratory for Positive Psychology of Personality and Motivation, National Research University Higher School of Economics. E-mail: amospan@hse.ru

Neverkovich, Sergey Dmitrievich — Dr. Sci. (Pedagogics), Professor, Head at the Pedagogical Department, Russian State University for Sports, Youth and Tourism, Full Member of the Russian Academy of Education. E-mail: neverkovich@mail.ru

Nikiforova, Olga Yurjevna — Master Program Student, Psychological Faculty, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: olga.nikiforova.97@mail.ru

Orlov, Alexander Borisovich — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Professor at the Center of Fundamental and Counselling Personology, Psychological Department, Faculty for Social Sciences, National Research University Higher School of Economics. E-mail: aorlov@hse.ru

Petrenko, Victor Fedorovich — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head at the Laboratory for Psychology of Communication and Psychosemantics, Lomonosov Moscow State University, Head at the Laboratory for Cognitive Studies, Institute for System Analysis, Informatics and Management Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. E-mail: viktor-petrenko@mail.ru

Petrov, Vladimir Mikhaylovich — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Ph. D. (Phys.-Math.), Professor at the Department for Theory and Pragmatics of Culture, Philosophy and History, Humanitarian and Social Institute (Kraskovo, Moscow Region). E-mail: vladmpetrov@yandex.ru

Prygunova, Tatyana Alexandrovna — Master of Philology, Master of Pedagogics, Teacher of English, Rostov-on-Don College of Telecommunication and Computer Science. E-mail: prygunovat@mail.ru

Rean, Artur Alexandrovich — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head at the Laboratory for Prevention of Antisocial Behavior, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Chairman of Scientific council of the Russian Academy of Education Concerning Family and the Childhood, Full Member of the Russian Academy of Education. E-mail: arean@hse.ru

Reut, Dmitry Vasilyevich — Dr. Sci. (Economics), Ph. D. (Engineering), Associate Professor, Professor at the Department for Social Pedagogy and Psychology, Faculty of Pedagogy and Psychology, Moscow Pedagogical State University, Professor at the Department for Economy and Organization of Production, Faculty of Engineering Business and Management, Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Professor at the Department for Strategic Planning and Methodology of Management, MEPhI National Research Nuclear University. E-mail: dmreut@gmail.com

Rozin, Vadim Markovich — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Chief Scientific Associate at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. E-mail: rozinvm@gmail.com

Sayko, Edi Victorovna — Dr. Sci. (History), Professor of Psychology, Specialty «Developmental Psychology, Acmeology», Editor-in-chief of the World of Psychology Journal, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Full Member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences. E-mail: saiko2003@mtu-net.ru

Selezneva, Elena Vladimirovna — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Research and Development Sector of the Scientific Laboratory for Diagnostics and Assessment of Managers, High School of Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: selezneva-ev@ranepa.ru

Semenov, Igor Nikitovich — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Professor at the Psychological Department, Faculty for Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Director of the Institute for Reflexive Psychology of Creativity and Humanization of Education, Editor-in-chief of the Journal Psychology. Historical and Critical Reviews and Current Research, Full Member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences (Moscow), International Academy of Acmeological Sciences (St. Petersburg), International Academy of Psychological Sciences (Yaroslavl), International Academy of Education Humanization (Magdeburg-

Sochi), Laureate of the President of the Russian Federation in the Field of Education.
E-mail: i_samenov@mail.ru

Shchapova Julia Leonidovna — Dr. Sci. (History), Professor

Slavskaya, Alexandra Nikolaevna — Ph. D. (Psychology), Senior Scientific Associate at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: slavskaya@ipras

Solovyeva, Natalia Vitorovna — Dr. Sci. (Pedagogics), Professor, Professor at the Department for Acmeology and Psychology of Professional Activity, Psychological Faculty, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: alexandervgagarin@gmail.com

Voronova, Tatyana Anatolyevna — Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor, Head at the Department for Social Psychology and Humanities, Irkutsk State Medical University. E-mail: klim75@bk.ru

Содержание

От редколлегии. Культура как неорганическая система, создаваемая человеком, и как механизм воспроизводства системной целостности — *Человек* 3

Культура как условие и содержание социальной эволюции и механизм воспроизводства человека и общества

Понятие и понимание культуры

Гринченко С. Н., Шапова Ю. Л. Культура как вторая природа: кибернетический аспект 13

Розин В. М. От традиционного понятия «культура» к различению понятий «культура модерна», «культура европейской цивилизации», «посткультура», «креативные культуры», «фьючекультура» 23

Микайлова И. Г. Культура и цивилизация: историко-философские и психологические аспекты. 36

Марков В. Н. От культуры фейков к культурному резонансу 56

Реут Д. В. О культурных единицах и совокупностях, создаваемых ими и самовоспроизводящихся 70

Анисимов О. С. Проблемы трансляции культуры мышления и развития теоретической психологии 80

Бондырева С. К. Культура этноса и проблемы культуры межэтнических отношений в современном мире 93

Хренов Н. А. Русский символизм и идея альтернативной культуры: философские и культурологические аспекты 99

Колесов В. И. Сущность массовой культуры и субкультуры в современном социуме: специфика соотношения 111

Селезнева Е. В. Культура как высший уровень социального управления: возможности и проблемы 122

Культура в действии и действенность культуры

Педагогические аспекты

- Дмитриев С. В., Неверкович С. Д.* Эстетотерапия, арт-пластика, методы здоровьесотворчества, психолингвистики и межличностного взаимодействия в сфере физической культуры и адаптивной педагогики: ситуационный анализ проблемы. 135
- Кузнецова С. В., Быстрицкая Е. В.* Художественно-эстетическая культура учителя в координатах педагогического знания 150
- Казаков Ю. Н.* Концептуальные аспекты историко-логических тенденций исследования развития физической культуры личности 159

Культурно-исторические аспекты

- Ермолаева М. В., Лубовский Д. В.* Историческая эволюция катарсиса как феномена культуры 172
- Петренко В. Ф.* Благая весть о дхарме 182
- Прыгунова Т. А., Семенов И. Н.* Рефлексия герменевтико-психологических аспектов позднего художественного творчества У. Шекспира и его персоналогии на закате культуры Возрождения 191

Научные и научно-практические исследования

В проблемном поле науки

- Абульханова К. А., Славская А. Н.* К проблеме методов среднего уровня в отечественной психологии. 206
- Петров В. М.* Предстоящая «перезагрузка» гуманитарных наук: вызов времени
(A la recherche du pouau perdu —
В поисках за утраченным локусом) 220

Внутренний мир человека

- Мельничук А. С., Никифорова О. Ю.* Переживание одиночества в контексте базисных убеждений 230
- Реан А. А., Евграфова Ю. А.* Гендерные особенности адаптации к семейной жизни молодых супругов 240
- Моспан А. Н.* Импликативная дилемма: подход к исследованию противоречий внутреннего мира человека 248

В пространстве самоотношения и развития личности

- Галкина Е. В., Орлов А. Б.* Ценностный процесс и ценностная система
как ориентиры самоисследования 256
- Соловьева Н. В., Гагарин А. В.* Экологическое развитие личности
в цифровом образовании: психолого-дидактические
предпосылки проектирования 271

Рецензии

- Карпов А. В., Воронова Т. А.* Неокогнитивная психология,
или Мысль — зеркало миров.
Рецензия на монографию В. Д. Шадрикова
«Неокогнитивная психология»
(М.: Университетская книга, 2017. 368 с.) 282

Наши юбиляры

- Владимир Дмитриевич Шадриков 287
- Владимиру Дмитриевичу Шадрикову 80 лет 292
- Наши авторы** 295

Table of contents

Editorial Note. Culture as an inorganic system
created by man and as a mechanism for reproducing
systemic integrity — *Man*. 3

Culture as a condition and content of social evolution and the mechanism of reproduction human and society

The concept and understanding of culture

Grinchenko S. N., Shchapova Yu. L. Culture as a Second Nature:
the Cybernetic Aspect 13

Rozin V. M. From the traditional concept of «culture»
to the distinction of concepts «Modern culture»,
«culture of European civilization», «post-culture»,
«creative cultures», «futures culture». 23

Mikaylova I. G. Culture and Civilization:
Historical, Philosophical, and Psychological Aspect 36

Markov V. N. From fake culture to cultural resonance 56

Reut D. V. About cultural units and «aggregate fruits»
being produced and reproduced by them 70

Anisimov O. S. Problems of the transmission of thinking culture
and the development of theoretical psychology. 80

Bondyreva S. K. Ethnic culture and problems of the culture
of interethnic relation in the modern world 93

Khrenov N. A. Russian symbolism and the idea of alternative culture:
philosophical and cultural aspects. 99

Kolesov V. I. The essence of mass culture and subculture
in modern society: the specifics of the interrelation. 111

Selezneva E. V. Culture as regulator of life activity of society:
opportunities and problems 122

Culture in action and the effectiveness of culture

Pedagogical aspects

- Dmitriev S. V., Neverkovich S. D.* Estheotherapy, artplastics, methods of healthcreation, psycholinguistics and interpersonal interaction in the sphere of adaptive physical culture 135
- Kuznetsova S. V., Bystritskaya E. V.* The artistic and aesthetic culture of the teacher in the coordinates of pedagogical knowledge 150
- Kazakov Yu. N.* *Conceptual aspects of historical and logical trends* in the study of the development of physical personality cult 159

Cultural and historical aspects

- Ermolaeva M. V., Lubovsky D. V.* *Historical evolution of catharsis* as a cultural phenomenon 172
- Petrenko V. F.* Good news about dharma 182
- Prygunova T. A., Semenov I. N.* *Reflection of philological and psychological* aspects of the artistic creation of the late William Shakespeare 191

Scientific and practical research

In the problem field of science

- Abul'hanova K. A., Slavskaya A. N.* *To the problem of mid-level* methods in Russian psychology 206
- Petrov V. M.* *Towards changing the foundations of human sciences:* the challenge of Time (A la recherche du noyau perdu) 220

Human inner world

- Melnichuk A. S., Nikiforova O. Yu.* *The experience of loneliness* in the context of basic beliefs 230
- Rean A. A., Evgrafova Yu. A.* *Indicators of adaptation* to family life of young spouses 240
- Mospan A. N.* *Implicative dilemma: an approach* to the research of inner world contradictions of personality 248

In the space of self-relationship and personality development

- Galkina E. V., Orlov A. B.* Valuing process and value system as landmarks for self-investigation 256

<i>Solovyeva N. V., Gagarin A. V.</i> Ecological development of personality in digital education: psychological and didactic prerequisites	271
--	-----

Reviews

<i>Karpov A. V., Voronova T. A.</i> Neo-cognitive psychology, or Thought is a mirror of worlds. Review of the monograph by V. D. Shadrikov «Neo-cognitive psychology» (Moscow: University Book, 2017. 368 p.)	282
--	-----

Our anniversaries

Vladimir Dmitrievich Shadrikov.	287
Vladimir Dmitrievich Shadrikov 80 years	292

Our authors.	299
-------------------------------	-----

В последующих номерах журнала «Мир психологии» будут обсуждаться психологические и социокультурные аспекты следующих проблем:

1. На дистанции взросления.
2. Смысл, слово, мысль, значение, действие в организации жизни и развитии человека.
3. Знание, понимание, информация в решении трудных проблем современного образования.
4. Активность, поведение, действие, деятельность в культурно-историческом развитии человека.

Кроме того, будут постоянно рассматриваться проблемы сознания, мышления, самости, субъекта и субъективности, деятельности, восприятия, проблемы психологии этнических отношений, экологии, проблемы образования и воспитания растущих людей и др.

Одновременно мы ждем ваши статьи, раскрывающие, обобщающие результаты исследований по другим психолого-педагогическим вопросам.

Приглашаем вас к участию в работе нашего журнала.

Правила оформления статей:

- объем до 1 п. л. с четкой нумерацией страниц (шрифт Times New Roman, 14; интервал 1,5);
- библиографический перечень приводится в конце текста в алфавитном порядке (в тексте в квадратных скобках дается порядковый номер и, при необходимости, страницы цитирования); при ссылке на электронный ресурс необходимо прилагать режим доступа и дату обращения;
- рисунки к статьям предоставляются отдельными файлами при размере 1:1 — разрешение 300, формат dpi tiff или jpg без сжатия;
- обязательно приводится аннотация объемом 9—12 строк и ключевые слова на русском и английском языках;
- статья принимается в двух экземплярах (распечатка и электронный вариант);
- в конце статьи обязательны подпись и подробные сведения об авторе (ученая степень и звание, место работы и должность, адрес, контактный телефон, электронный адрес);
- к статье прилагается рецензия специалиста;
- редколлегия подвергает рукописи экспертной оценке;
- принимаются только те статьи, которые направлены по нижеприведенному адресу редакции;
- плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается;
- в случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Редколлегия рукописи не возвращает.

Издательство Московского психолого-социального университета

Московский психолого-социальный университет издает и распространяет по подписке журналы, которые входят в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. С содержанием журналов вы можете ознакомиться на сайте <http://www.mpsu.ru/pubhouse>

Оформить подписку можно через общероссийский каталог «Роспечать», объединенный каталог «Пресса России», а также через каталог «Газеты и журналы», выпускаемый группой компаний «Урал-Пресс» (<http://www.ural-press.ru/catalog/rules>).

«Актуальные проблемы психологического знания: теоретические и практические проблемы психологии». Главный редактор — Лидия Бернгардовна Шнейдер, доктор психологических наук, профессор. Подписные индексы: «Роспечать» — 36648, «Пресса России» — 91835.

«Известия Российской академии образования». Главный редактор — Михаил Абрамович Лукацкий, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий лабораторией теоретической педагогики и философии образования ФГБНУ «Институт стратегии и развития образования РАО». Подписные индексы: «Роспечать» — 71933, «Пресса России» — 91836.

«Мир образования — образование в мире»: научно-методический журнал. Главный редактор — Игорь Алексеевич Алехин, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, академик АПСН. Подписные индексы: «Роспечать» — 80531, «Пресса России» — 91837.

«Мир психологии»: научно-методический журнал. Главный редактор — Эди Викторовна Сайко, доктор исторических наук, профессор психологии по специальности «Психология развития, акмеология», член-корреспондент РАО. Подписные индексы: «Роспечать» — 47110, «Пресса России» — 91838.

«Новое в психолого-педагогических исследованиях: теоретические и практические проблемы психологии и педагогики». Главный редактор — Любовь Алексеевна Григорович, доктор психологических наук, профессор. Подписные индексы: «Роспечать» — 36640, «Пресса России» — 91840.

«Публичное и частное право». Главный редактор — Виктор Александрович Михайлов, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик АПСН. Подписные индексы: «Роспечать» — 37027, «Пресса России» — 91841.

Справки о наличии книг, отправке заказов, о приеме заказов и заключении договоров на поставку литературы по тел.: (495) 796-92-62, доб. 1301, или (495) 234-43-15, а также по электронной почте publish@mpsru.ru

Библиотеки образовательных учреждений комплектуются на льготных условиях.

**Подписной индекс
в общероссийском каталоге
«Роспечать»: 47110**

Адрес редакции:

115191, Москва, 4-й Рощинский пр-д, 9а.

Тел.: (495) 796-92-62, доб. 1301.

E-mail: esaiko@mpsu.ru

Мир психологии

2019, № 3 (99)

Подписано в печать 22.09.2019. Формат 70x100/16.

Усл. печ. л. 19,5. Тираж 1 000 экз. Заказ № 0000

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в Акционерном обществе

«Т8 Издательские Технологии»

г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5.

Тел.: (499) 322-38-30

www.t8print.ru